

ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Людмила Гарбуль

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛОНИЗМЫ В РУССКОМ ПРИКАЗНОМ ЯЗЫКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Докторская диссертация
Гуманитарные науки, филология (04 Н)

Вильнюс, 2009

Диссертация выполнена в 1982-2009 годах в Вильнюсском университете

Диссертация защищается экстерном

Научный консультант:

проф. габил. д-р Сергеюс ТЕМЧИНАС (Институт литовского языка,
гуманитарные науки, филология – 04 Н)

VILNIAUS UNIVERSITETAS

Liudmila Garbul

XVII AMŽIAUS I PUSĖS KANCELIARINĖS (PRIKAZŲ) RUSŲ KALBOS
SEMANTINIAI POLONIZMAI

Daktaro disertacija
Humanitariniai mokslai, filologija (04 H)

Vilnius, 2009

Disertacija rengta 1982-2009 metais Vilniaus universitete

Disertacija ginama eksternu

Mokslinis konsultantas:

prof. habil. dr. Sergejus TEMČINAS (Lietuvių kalbos institutas, humanitariniai mokslai, filologija – 04 H)

Содержание

I. ВВЕДЕНИЕ

8

I.1. Исторические и культурные предпосылки польского влияния на русский язык во второй половине XVI – первой половине XVII в.	8
I.1.1. Связь истории языковых заимствований с историей народа в его взаимоотношениях с другими народами	8
I.1.2. Посольский приказ: его место в системе государственного управления Московской Руси и роль в осуществлении внешних сношений с иностранными державами; состав персонала.....	9
I.1.3. Основные направления внешнеполитической деятельности Московского государства во второй половине XVI – первой половине XVII в.	13
I.1.4. Факторы, обусловившие польское культурное влияние в Московской Руси второй половины XVI –XVII вв.	17
I. 1. 4. 1. Польское влияние на различные сферы духовной жизни Московской Руси	18
I. 2. Условия формирования русского литературного языка нового типа и факторы, способствовавшие этому процессу	19
I. 2. 1. Языковая ситуация в Московской Руси в XVI-XVII вв., причины и время ее изменения	20
I. 2. 2. «Простая мова»: определение понятия и его соотношение с понятием «простой» язык; источник «простой мовы» и обстоятельства ее возникновения.....	24
I. 2. 3. Деловая письменность в Московской Руси XVI-XVII вв., приказный язык и его роль в становлении русского литературного языка нового типа.....	28
I. 3. Характер польско-русских языковых контактов в XVI-XVII вв., определение основных понятий, связанных с процессом заимствования	33
I. 3. 1. Условия польско-русских языковых контактов в XVI-XVII вв. и их характер.....	34
I. 3. 2. Критерии установления факта заимствования при контактировании генетически родственных языков	35
I. 3. 3. Явление семантического заимствования (семантического калькирования) как источник появления новых смысловых единиц в семантической структуре слова.....	38
I. 3. 4. Определение понятия «полонизм»	44
I.4. История изучения польско-восточнославянских и польско-русских языковых контактов XV-XVIII вв. на лексико-семантическом уровне	46
I. 4. 1. Освещение проблематики польского влияния на восточнославянские языки в XV-XVIII вв. в русском языкознании.....	47
I. 4. 2. Исследование польского влияния на восточнославянские языки в XV-XVIII вв. в западной славистике	53
I. 5. Общая характеристика работы	64
I. 5.1. Объект исследования и актуальность работы	64
I. 5.2. Цель и задачи исследования.....	66
I. 5. 3. Источники исследования.....	67
I. 5. 4. Методология исследования	70
I. 5. 5. Научная новизна и практическая ценность работы	72
I. 5. 6. Положения, выносимые на защиту.....	72
I. 5. 7. Структура работы.....	73
I. 5. 8. Апробация работы.....	74

II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛОНИЗМЫ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ВПЕРВЫЕ

76

II.1. Семантические полонизмы с уточнением (удревнением) хронологии анализируемого значения	76
II.1.1. Имя существительное	76
II. 1. 2. Местоимение	124
II. 1. 3. Имя прилагательное	126
II.1.4. Глагол.....	142
II.1.5. Наречие	225
II.1.6. Предлоги.....	228
II.1.7. Частицы	234
II. 1.8. Обобщение результатов	237

II. 2. Семантические полонизмы, установление факта заимствования которых не сопровождалось уточнением (удревнением) хронологии.	238
II. 2. 1. Имя существительное.....	238
II.2.2. Имя прилагательное	260
II.2.3. Глагол.....	270
II.2.4. Наречие	313
II.2.5. Предлоги.....	317
II.2.6. Обобщение результатов	322

II.3. Семантические заимствования из польского, до сих пор не регистрировавшиеся в русской письменности.....	323
II.3.1. Имя существительное.....	323
II.3.2. Местоимение	344
II.3.3. Имя прилагательное	345
II.3.4. Глагол.....	349
II.3.5. Наречие	384
II.3.6. Предлоги.....	392
II.3.7. Обобщение результатов	395

III. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛОНИЗМЫ, РЕГИСТРИРОВАВШИЕСЯ В ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛЬКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ XV-XVIII ВВ. 396

III.1. Гипотетические семантические полонизмы, требующие верификации и уточнения нижней хронологической границы анализируемого значения	396
III.1.1. Имя существительное	396
III.1.2. Имя прилагательное	410
III.1.3. Глагол	414
III. 1.4. Обобщение результатов	365

III.2. Гипотетические семантические полонизмы, требующие верификации самого факта заимствования или уточнения его характера.....	427
III.2.1. Имя существительное	427
III.2.2. Имя прилагательное	447
III.2.3. Глагол	459
III. 2. 4. Союзы	465
III. 2. 5. Обобщение результатов	468

III.3. Семантические полонизмы с уточнением нижней хронологической границы заимствованного значения.....	473
III.3.1. Имя существительное	473
III. 3. 2. Имя прилагательное	487
III. 3. 3. Глагол	490
III. 3. 4. Обобщение результатов	498

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ 499

V. СЛОВНИК	511
ИСТОЧНИКИ	544
СЛОВАРИ	546
ЛИТЕРАТУРА	551
СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ	589

I. ВВЕДЕНИЕ

I.1. Исторические и культурные предпосылки польского влияния на русский язык во второй половине XVI – первой половине XVII в.

I.1.1. Связь истории языковых заимствований с историей народа в его взаимоотношениях с другими народами

Как отмечает Д.Н. Шмелев (1973, 19): «Непосредственное воздействие на лексику внеязыковой действительности обуславливает то, что она должна представлять собой открытую систему». Особенность же таких систем состоит в том, что они взаимодействуют с внешней средой и характер этого взаимодействия предопределяет их собственную сущность (см. Сорокин 1961, 23; Крысин 1968, 21-22; Биржакова и др. 1978, 8).

История же заимствований более чем какая-либо иная сфера лексики обуславливается контактом с внешней средой, ибо связана с историей народа в его отношениях с другими народами. События внешней истории, факты социальных контактов наряду с данными самого языка, представленными совокупностью текстов, являются непосредственным и важнейшим источником суждения о механизме и результатах процесса заимствования. Только совокупность данных внешней истории и языковых материалов, взаимно дополняющих друг друга, по мнению авторов коллективной монографии по истории языковых контактов русского языка (Биржакова и др. 1972, 23), может дать ответ на такие существенные вопросы истории заимствований, как: «когда, откуда, куда (хронология заимствования, источник заимствования, сфера словаря, наиболее проницаемая для заимствований)».

Учитывая это, считаем необходимым хотя бы в общих чертах обрисовать международное положение Московской Руси во второй половине XVI – первой половине XVII в., ее дипломатию и работу дипломатических учреждений как условие для осуществления контактов с другими странами.

I.1.2. Посольский приказ: его место в системе государственного управления Московской Руси и роль в осуществлении внешних сношений с иностранными державами; состав персонала

Уже в конце XV в., при Иване III, перед русской дипломатией встали настолько важные и сложные задачи, что для их решения потребовалось создание особого дипломатического ведомства. Сначала вопросы внешней политики входили в компетенцию самого Великого князя и Боярской думы. На первых порах в качестве послов преимущественно направлялись состоявшие на московской службе иностранцы, однако уже при Василии III их заменили русские¹.

В феврале 1549 г. Иван Грозный передал в ведение одного из наиболее образованных людей того времени подьячего Ивана Михайловича Висковатого, впоследствии думного дьяка, все «посольское дело», положив тем самым начало Посольскому приказу как особому учреждению, занимавшемуся внешнеполитическими вопросами. С его созданием дипломатическая служба была выделена в специальную отрасль государственного управления и получила особый статус (подробнее об этом см. Бахрушин и др. 1959, 298-299; БСЭ 20, 414; СИЭ 11, 466-467). По замечанию российского историка Д.В. Лисейцева (2003б, 3), в XVI-XVII вв. Посольский приказ был одним из основных звеньев в административной системе Московской Руси и играл важную роль в определении тактики и стратегии проведения внешнеполитического курса государства, а руководители этого ведомства были влиятельными фигурами при дворе, другой же персонал данного учреждения составлял особую группу служилого сословия.

Руководство Посольским приказом в конце XVI – первой половине XVII в. осуществляли приказные судьи, имевшие чин думных дьяков. Так, первого главу внешнеполитического ведомства И.М. Висковатого, который привел в

¹ Так, иностранные источники с уважением говорят о великокняжеском дьяке Дмитрие Герасимове, который неоднократно ездил с дипломатическими поручениями в Рим, к цесарю, в Данию, в Пруссию. Будучи широко образованным для своего времени и владея латинским и немецким языками, он участвовал в работе Максима Грека по переводу священных книг (Бахрушин и др. 1959, 299).

порядок посольские документы (при нем появились описи архивных материалов, начали вести учет используемых документов), разобрал и систематизировал царский архив, сменили братья А.Я. и В.Я. Щелкаловы, а на протяжении первой половины XVII в. во главе Посольского приказа стояли А.И. Власьев (1601-1605 гг.), И.Т. Грамотин (1605-1606 гг., 1610-1612 гг., 1618-1626 гг., 1634-1635 гг.), В.Г. Телепнев (1606-1611 гг.), П.А. Третьяков (1608-1610 гг., 1613-1618 гг.), Ф.Ф. Лихачев (1630-1631 гг., 1635-1643 гг.), И.К. Грязев (1632-1634 гг.), Г.В. Львов (1643-1646 гг.), Н.И. Чистой (1647-1648 гг.), М.Ю. Волошенков (1648-1653 гг.), А.И. Иванов (1653-1667 гг.), (см. Рогожин 2003, 72-76; Лисейцев 2006, 5-6). Как отмечает Н.М. Рогожин (2003, 81), рубеж XVI-XVII столетий стал временем, когда руководящие кадры Посольского приказа подготавливались непосредственно в самом этом ведомстве, и ни один посольский судья эпохи Смуты не был случайной фигурой в сфере внешней политики. Это были опытные дипломаты, отличавшиеся широкой образованностью и социальной активностью, а многие из них к тому же были одаренными людьми и яркими неординарными личностями.

Особо из числа думных дьяков, возглавлявших Посольский приказ в интересующий нас период, можно выделить Афанасия Ивановича Власьева, профессионального дипломата, участвовавшего в пяти посольствах (в трех – в качестве главы миссии), пользовавшегося доверием как царя Бориса, так и его противника и преемника Лжедмитрия, ценивших его образованность (предположительно владел латынью и немецким языком) и опыт (подробнее см. Лисейцев 2003б, 56-57). Достаточно одаренным и не лишенным дипломатического таланта бы и Василий Григорьевич Телепнев, руководивший внешнеполитическим ведомством в чрезвычайно сложных условиях внутреннего и внешнеполитического кризиса Московского государства (далее МГ), которого на его посту сменил Иван Тарасьевич Грамотин – один из ярчайших представителей московского дьячества начала XVII столетия, бывший послом при Римском императоре, ездивший в Чехию, Дрезден, Гамбург, Любек, Нюрнберг и другие города, выдвинувшийся на высокие государственные посты во время польской и шведской интервенции и удостоившийся следующего отзыва голландца Масса: «... похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился ... у поляков и

пруссаков», усвоил немецкое обличье и польский язык (Платонов 1926, 71). Примечательно, что, помимо профессиональной деятельности, Иван Грамотин занимался и литературной работой – его перу принадлежит одна из редакций (шестая) *Сказания о битве новгородцев с суздальцами* (Лисейцев 2003б, 83, 106). В середине XVII в. Посольский приказ возглавил Алмаз Иванович Иванов, о котором знаменитый путешественник и серьезный исследователь Адам Олеарий, посетивший Московию в 30-е гг. XVII в. в качестве секретаря и переводчика голштинского посольства, писал в своем капитальном труде *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно*, что это тонкий человек, одаренный ясным умом и твердой памятью, в совершенстве владеющий несколькими иностранными языками (Россия глазами иностранцев (XV-XVII вв.) 1986, 405). На А.И. Иванова, который неоднократно по посольским делам выезжал за границу (в 1649 г. – в Стокгольм, в 1651-1653 гг. – в Варшаву и Краков, в 1653 г. – в Литву), обратил внимание и посланник римского императора барон Август Майердорф (Кессельбреннер 1996, 21-22, 25). Под руководством Алмаза Иванова была разработана новая таможенная уставная грамота, а в отсутствие царя Алексея Михайловича, возглавлявшего военные походы на Польшу, ему было доверено участвовать в управлении государственными делами (там же, 26-27).

Наряду с думными дьяками, осуществлявшими общее руководство внешнеполитическими делами и деятельностью Посольского приказа в целом, в штат этого учреждения входили также дьяки, подьячие, переводчики, толмачи и золотописцы, причем на протяжении XVII в. численный состав персонала значительно расширился в связи с тем, что вопросы, подлежащие компетенции этого ведомства, становились все сложнее и разнообразнее (см. Павлов-Сильванский 1909, 162; Веселовский 1975, 3-4). Так, если в XVI в. в сферу деятельности Посольского приказа входила отправка русских посольств за границу и прием иностранных посольств, ведение переговоров, подготовка текстов «наказов» русским послам и соглашений, то в XVII в. это учреждение занималось также выкупом и обменом русских пленных, выдачей политических преступников, ведало иностранными купцами во время их пребывания в Московской Руси и ограждало интересы своих купцов, заключало займы и осуществляло наем военных сил, покупку боевых припасов и т.д. Кроме того, в

XVII в. русская дипломатия начинает активно интересоваться и внутренними делами иностранных держав, к этому же времени относится и начало борьбы с зарубежной прессой с целью прекращения печатной пропаганды против Русского государства (Бахрушин и др. 1959, 316).

Как видим, сфера деятельности Посольского приказа, всегда занимавшего очень важное место в системе государственного управления, в XVII в. значительно расширяется, а в начале столетия работа этого ведомства приобретает для страны особое значение, поскольку МГ вступило в полосу глубокого кризиса – Смутное время. Решение столь широкого круга разнообразных и часто весьма сложных задач требовало не только компетентного руководства, но и высококвалифицированного персонала, поэтому здесь были собраны наиболее образованные и начитанные люди того времени, владевшие несколькими языками², чьи разносторонние способности высоко оценивались их современниками, как соотечественниками, так и иностранцами³. В библиотеке Посольского приказа, создание которой относится к середине XVI в., было сосредоточено большое собрание книг и рукописей, в основном иностранных, и значительную их часть составляли книги на латинском и польском языках.

² По мнению С. Гардинера, переводчики Посольского приказа могли рекрутироваться и из жителей Немецкой слободы (Gardiner 1963, 110). А если говорить о более раннем времени, то А.Золтан, опираясь на данные Я.С. Лурье (1963, 263) и собственные материалы (Zoltán 1987, 27), отмечает, что поскольку уже в московской посольской документации последней четверти XV в. «... засвидетельствовано довольно много польских и западнорусских по происхождению слов, и этот пласт лексики характеризует не только памятники сношений Московского государства с Польско-Литовским (ПДП I), но также и с другими европейскими государствами, в частности, с Германией (ПДС I ...», то, по его мнению, видимо, не лишено оснований утверждение А.Л. Хорошкевич (1980, 233), что посольским делом в Москве в этот период могли ведать либо поляки, либо белорусы.

³ По свидетельству уже упоминавшегося голландца Масса, знаменитый дьяк Василий Щелкалов был столь сведущ и всемогущ, что «во всех областях и городах ничего не делалось без его ведома и желания» (Лихачев 1888, 195). Следует также отметить, что дьяки, подьячие, переводчики и толмачи Посольского приказа были не только хорошо образованы, но и отличались литературной одаренностью: подьячий Василий Садовулин написал политический трактат *Описание вин и причин*, подьячий Г.К. Котошихин, кстати, владевший польским языком (Сабенина 1971а, 19), – автор сочинения *О России в царствование Алексея Михайловича*; кроме того, в этом ведомстве создавалась первая русская рукописная газета *Вести-Куранты* (Кортава 1998, 12-13). В 1637 г. толмачи Богдан Лыков и Иван Дорн перевели *Космографию* Меркатора, также служащие Посольского приказа занимались составлением книг по русской истории, а некоторые его подьячие, имевшие репутацию лучших учителей, создавали учебные и «потешные» книги для цесаревичей (там же, 13).

I.1.3. Основные направления внешнеполитической деятельности Московского государства во второй половине XVI – первой половине XVII

В.

Заметим, что содержание подготовки кадров Посольского приказа в интересующий нас период не могло не определяться основными направлениями внешней политики, осуществлявшейся Иваном IV, Борисом Годуновым, Василием Шуйским, Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем.

Так, уже при Иване IV основным направлением внешней политики становится не Восток, а главные усилия в этой сфере были направлены на Запад. Сильное централизованное государство, каким стало МГ к середине XVII в., не могло расти и развиваться без непосредственного общения с культурными странами Запада. Экономические и военные интересы государства требовали усиления связей с Западом и привлечения специалистов. Иван Грозный устанавливает прямые сношения с Англией через Белое море, старается поддерживать дружеские отношения с Данией, пытается заключить союз с Турцией. В 1582 г. в Запольском Яме при участии представителя папы было заключено перемирие с Речью Посполитой⁴ на десять лет, а со Швецией в том же году – на три года (подробнее см. Платонов 1924а, 73, 75; Бахрушин и др. 1959, 265-267). Однако, несмотря на искусство русской дипломатии, в условиях крайне неблагоприятной международной обстановки Иван IV не смог осуществить поставленные им на Западе задачи: длительная война с Литвой и Швецией за Балтийское побережье завершилась полной неудачей, противникам было уступлено все, что было завоевано в первый, более удачный период войны, пришлось поступиться даже некоторыми собственными землями (подробнее см. Козляков 2007, 12-13). Со смертью бездетного царя Федора Ивановича (1598 г.) в МГ началась Смута, предметом которой на первых порах стал московский престол. За обладание им боролись сначала Романовы с Годуновым, потом Годуновы с самозванным царевичем Дмитрием Ивановичем,

⁴ 1 июля 1569 г. был заключен договор об унии между королевством Польским и Великим княжеством Литовским (далее ВКЛ). Акт Люблинской унии гласил, что королевство Польское и ВКЛ «отныне являются единым неделимым телом и составляют единое общее благо», при этом, однако, государственность Литвы была сохранена; она осталась политическим субъектом, но на ее развитие и судьбу решающее влияние стала оказывать Польша (см. Гудавичюс 2005, 657, 658).

а, убив самозванца, престолом овладевает Василий Иванович Шуйский (подробнее см. Платонов 1924б, 64-65; 1995, 364-365).

В начальный период Смуты внешнюю политику Бориса Годунова следует признать довольно успешной (см. Козляков 2007, 100, 101). Воспользовавшись слабостью нового монарха Речи Посполитой и внутренними раздорами Швеции, он оружием вернул уступленные Иваном Грозным земли и провел ряд мер на северном побережье, которые позволили улучшить организацию товарообмена, лишив исключительных льгот английскую торговую компанию, получившую их при Иване Грозном (Платонов 1924а, 120). В правление Бориса Годунова литовско-польская дипломатия для достижения своих целей в 1600 г. выдвинула проект унии между Московией и Речью Посполитой, но московское правительство его отклонило. В дальнейшем Речь Посполитая прибегла к другому методу осуществления своих планов – к использованию так называемых самозванцев.

В дела МГ начинают вмешиваться всякого рода иноземцы в своих частных интересах или же для пользы своих государств – Швеции и Речи Посполитой, что приводит к переходу Новгородской и Смоленской окраин государства под власть шведов и поляков, а в Москве после свержения царя Василия водворяется польский гарнизон. Во время Смуты, на протяжении первых пятнадцати лет XVII в., осуществлялись частые переговоры МГ с Речью Посполитой. Кстати, до сих пор принято было считать, что этот период в истории Московской Руси завершается восшествием на престол царя Михаила Федоровича (сына Филарета Романова), то есть в начале 1613 г. Однако в свете новейших исторических данных нижняя хронологическая граница Смуты отодвигается к 1619 г. (Лисейцев 2003а, 318-328; 2006, 14).

По замечанию видного историка С.Ф. Платонова, Смута, помимо новшеств социальных и политических⁵, внесла в московскую жизнь и новшества культурные (Платонов 1924б, 241). Если, по его словам, до Смуты лишь царский двор и отдельные лица вступали в контакт с иностранцами

⁵ В последнее время в российской исторической науке развивается дискуссия по вопросу о польском влиянии на состояние государственной системы Московской Руси в эпоху Смуты. И если такие исследователи, как Д.В. Лисейцев категорически отвергают саму возможность такого влияния (см. Лисейцев 2006, 12-13), то другие авторы отмечают, если не факт наличия этого влияния, то, по меньшей мере, потенциальную его возможность (см. Лаврентьев 2001, 155-159, 165; Рыбалко 2001, 353, 416; Флоря 2005, 124, 370).

(например, русские послы и «гости» (торговые агенты), которые по служебным делам попадали за границу) или видели их в Москве, то в Смутное время соприкосновение с иностранцами стало постоянным: «За первым самозванцем в Москву явились сотни, даже тысячи поляков, «литвы» и всякого рода «немцев» – военных, торговых и промышленных», а пострадав в погроме 1606 г., иностранцы снова появились в Тушине и оттуда разбрелись по всей стране в тушинских отрядах (там же, 241-242). Общение с этими разноплеменными пришельцами стало для русских неизбежным. И как бы не старалась новая московская власть (правительство царя Михаила Федоровича) вернуться к старому порядку, «как при прежних государях бывало», но Смута уже навсегда опрокинула этот прежний порядок, и жизнь государства должна была строиться на сочетании старых основ с новыми элементами. Одним из следствий Смуты было широкое заимствование с Запада военной и всякой другой «науки», кроме того, московскому спросу отвечали товары английских и голландских купцов, в большом количестве появившиеся на Северной Двине после успокоения МГ. В экономику Московской Руси в гораздо большем размере и с более значительным влиянием, чем до этого, вошел иностранный капитал. И если все эти деловые контакты совершались из государственного интереса, то в другой области, в сфере культуры, заимствование было делом личного почину и вкуса: в московскую жизнь проникают не только европейский костюм, предметы домашней обстановки, музыка, но вместе с латинской и польской книгой – религиозное вольнодумство и новые политические идеи. Как пишет С.Ф. Платонов: « В XVII веке в Москве идет умственное брожение, несущее с собою зачатки той европеизации Руси, которая так широко шагнула при Петре Великом (там же, 243).

Завершая перечень последствий Смуты для различных сфер жизни МГ, заметим, что они наложили отпечаток на формирование внешней политики государства на протяжении всего XVII в. Из этого периода Московская Русь вышла ослабленной с утратой своих западных земель, и правительству Михаила Федоровича пришлось начинать свою деятельность в очень сложной международной обстановке. По вступлении на престол (1613 г.) он немедленно обратился ко всем европейским державам с «обвещением» своего избрания и просьбами о займе и о союзе против Польши и Швеции, однако отсутствие

уверенности в устойчивости новой власти отразилось на результатах переговоров с этими державами.

Римская империя признала нового царя только в 1616 г. Заключение мира со Швецией и возвращение Новгорода состоялось в феврале 1617 г. в Столбове при посредничестве Англии и Голландии, которые были заинтересованы в восстановлении правильной торговли с Московской Русью. При этом Англия, Голландия и Франция в обмен на признание Михаила требовали предоставления им транзита через МГ в Персию, но Москва проявила твердость и неуступчивость в этом вопросе. Владислав признал царский титул за Михаилом Романовым только в 1634 г. по Поляновскому договору, отказавшись от своих притязаний на титул московского государя. Заключив Столбовский мир со Швецией, а также изгнав интервентов и заключив Деулинское перемирие с Польшей (1618 г.) русское правительство прилагало все усилия, чтобы создать благоприятные условия для борьбы с Речью Посполитой за захваченные русские земли. С этой целью русская дипломатия стремилась упрочить отношения со Швецией, и в 20-30-е гг. XVII в. последней были предоставлены хлебные субсидии. Кроме того, оставался нерешенным вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель, находившихся под властью Речи Посполитой. Очень существенным был и вопрос о выходе к Балтийскому морю. Все эти проблемы переплетались между собой, осложняя разрешение каждой из них в отдельности. Так, в борьбе в Польшей естественными союзниками МГ были Швеция, Турция Крым, но они же являлись и соперниками Московской Руси в отношении литовско-польского наследства. Таковы вкратце были основные задачи и направления внешней политики Москвы в первой половине XVII в.⁶

Как вытекает из приведенной выше информации, конец XVI – первая половина XVII в. в силу тех или иных причин протекали под знаком постоянных межгосударственных контактов МГ с Речью Посполитой⁷, будь то войны или попытки уладить дипломатическими средствами взаимные претензии и другие вопросы.

⁶ Подробнее о внешней политике МГ в первой половине XVII в. см. (Бахрушин и др. 1959, 291-295).

⁷ Как, впрочем, и все это столетие, так как только в 1686 г. МГ достигло с Речью Посполитой «вечного мира» вместо срочных перемирий.

I.1.4. Факторы, обусловившие польское культурное влияние в Московской Руси второй половины XVI –XVII вв.

Еще в первой половине прошлого столетия видный историк С.Ф. Платонов указывал на то, что «русская историческая наука располагает большим количеством материала для изучения культурных заимствований Москвы в XVII в. и уже давно сдала в архив старое представление о «неподвижности» и «окаменелости» русской жизни до Петра Великого» (Платонов 1926, 61).

Из Смуты МГ вышло материально разоренным, испытав духовное потрясение. Но, тем не менее, одним из положительных последствий этого периода в русской истории, на наш взгляд, следует считать распространение в самой Москве и в торговых русских городах иностранцев, представителей европейской общественности, с их техникой, капиталом и культурой. Находясь в близком деловом и житейском общении с русскими, иностранцы не могли не оказывать на них своего влияния. Иноземцы нередко не только знали и умели больше москвичей, но «немцы» (лютеране и кальвинисты: немцы, англичане, голландцы), «ляхи» и «литва» жили веселее и свободнее. И эти формы эпикурейской жизни, неведомые дотеле русским людям, влекли к себе. Пленившись «немецкой» культурой, русские неизбежно соприкасались с протестантским мировоззрением, освобождавшим от внутреннего рабства. Это рождало у православных страх уклонения в ереси, в борьбе с которыми «... они не могли обойтись своими силами, а искали помощи у православных ... из Речи Посполитой. Эти же последние являлись в Москву не только представителями ученого правоверия, но и носителями столь же чуждой Москве польской культуры, стало быть, проводниками особого стороннего культурного влияния» (там же).

В 30-е гг. XVII в. в Москву последовал новый наплыв большого числа иноземцев «нового выезда», который состоял в основном из представителей протестантских толков. Католиков в Московской Руси видеть не хотели, они здесь в это время были немногочисленны, главным образом, то были те, кто остался после Смуты в качестве пленных или прижился в новом отечестве с тех

пор. С таким же недоверием смотрели тогда в Москве и на выходцев из восточных и южных областей Речи Посполитой (ВКЛ). Однако борьба с католичеством, столь непримиримая в годы самозванщины и польской интервенции, при царе Михаиле Федоровиче постепенно затухает, уступая место заботе о мерах по охране православия от протестантских ересей. И с 20-х гг. XVII в. в Москве постепенно начинает увеличиваться число выходцев из Юго-Западной Руси (ВКЛ), к которым в это время относились еще с подозрением и допытывались: «русским ли крещением крещены», «в три ли погружения», или только «из кувшинца обливали»; и на первых порах «перекрещивали» уже крещеных людей (там же, 69). Но с течением времени в Московской Руси оценили ученость киевской духовной братии, и с 1648 г. московское правительство приглашает ряд ученых монахов из Юго-Западной Руси и признает их авторитет в вопросах догматов веры и церковного устройства. Уже к середине XVII в. в различных монастырях в Москве и под Москвой возникли целые гнезда «учительных» монахов с указанных выше территорий, которые становятся главным источником югозападнорусского культурного влияния в русском обществе, служившего, в свою очередь, проводником польского культурного влияния. По оценке Н.Н. Запольской: «Юго-Западная Русь, входившая в XVI – XVII вв. в состав Речи Посполитой, являла собой своеобразное «духовное пограничье», в котором реализовывались традиции и новации культурно-языковых пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* (Запольская 2003, 213).

I. 1. 4. 1. Польское влияние на различные сферы духовной жизни Московской Руси

По мнению известного польского слависта А.Брюкнера, самым значительным фактором в истории русской культуры XVII в. является ее пронизанность польским влиянием, которое не остановили ни различия в вере, ни причиненные Польшей бедствия (см. Brückner 1958, 647-655). Это влияние проявилось в появлении на Руси беллетристики, трактатов по различным отраслям знания, грамматик и словарей, знакомстве с всеобщей историей, а

также в организации школьного и типографского дела. Причем многие из этих новшеств воплощались в жизнь выходцами из Юго-Западной Руси (ВКЛ)⁸.

Такое положение вещей подтверждается и в русской славистике: «Среди русского дворянства XVII в. в период польской интервенции растет интерес к польскому языку и польской культуре, искусству» (см. Шляпкин 1891, 58-92). По словам академика В.В. Виноградова: «В придворном и аристократическом быту развивается "политес с манеру польского"» (Виноградов 1982, 39). А в русский литературный язык, «в разные его стили решительно вторгаются польские слова и обороты», причем получив широкое распространение, особенно в дворянской среде, полонизмы становятся составным элементом не только литературного, но и бытового словаря высшего общества (там же, 40). В этот период появляются многочисленные переводы с польского языка на русский, насыщенные полонизмами (Соболевский 1899; 1903, 50)⁹.

Такова в общих чертах картина культурно-исторических условий, которые способствовали осуществлению польско-русских языковых контактов и в которых начинает разворачиваться очень важный процесс в истории русского языка – формирование русского литературного языка нового типа. Исследования же по исторической лексикологии русского языка не могут быть успешными без учета особенностей этого процесса.

I. 2. Условия формирования русского литературного языка нового типа и факторы, способствовавшие этому процессу

В истории русского языка семнадцатое столетие представляет собой важную веху. Это переломный момент, время начала коренных революционных перемен, которые в восемнадцатом столетии приведут к образованию нового русского литературного языка, в той или иной степени ориентированного на разговорную речь.

⁸ Эта точка зрения поддерживается и в современной польской славистике: см. Witkowski 1991, 134; Odrobińska 2002, 65.

⁹ На эти явления в истории русской культуры также указывается в работах таких исследователей, как С.М. Глускина (1954, 187), Р.М. Вайнтрауб (1964, 301-306, 312, 323-324), Е.А. Целунова (1985а, 82; 1987, 14).

I. 2. 1. Языковая ситуация в Московской Руси в XVI-XVII вв., причины и время ее изменения

Б. Унбегаун в 70-е гг. прошлого века отмечал, что не вызывает разногласий то, что период с середины XVII до середины XVIII в. был решающим для современного русского литературного языка, так как этот язык сформировался именно в указанное время (Унбегаун 1971, 331). Вопрос же о том, как протекал сам процесс образования единого литературного языка, до сих пор остается дискуссионным. Главной же и единственно серьезной проблемой русского литературного языка в его прошлом и настоящем, по мнению того же автора, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий (там же, 329). Однако все попытки исторически объяснить эту проблематику, специфическую именно для русского литературного языка, на протяжении всего прошлого столетия вызывали споры¹⁰.

Автор данного исследования принадлежит к сторонникам точки зрения Б.А. Успенского¹¹, которая преемственно связана с концепцией русского литературного языка академиков А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. Труды

¹⁰ Эти споры сводились к двум основным взаимоисключающим концепциям: современный русский литературный язык является церковнославянским по происхождению, подвергшимся русификации на протяжении веков (см.: Соболевский 1888; 1894, 215; 1911; 1980; Шахматов 1910-1912; 1915; 1916а; 1925; 1941; Щерба 1957, 125; 1974; Unbegaun 1950; 1957/1969, 176-184; 1964; 1965; 1968; 1969; 1973; Унбегаун 1965/1969; 1970; 1971; Хютль-Ворт 1963; 1968; 1972; 1973; Хютль-Фольтер 1978; Hüttl-Worth 1972; 1978; Толстой 1961; 1974, 319-329; 1988, 110, 113; Живов 1988; и др), и противоположная ей: русский литературный язык в генетической своей основе является исконно русским образованием, испытавшим воздействие церковнославянского языка (см. Обнорский 1946; 1960; Петерсон 1941; Филин 1977, 3-20; и др.). Высказывалась и компромиссная точка зрения, в какой-то мере объединяющая концепции А.А. Шахматова и С.П. Обнорского (см. Виноградов 1958, 37, 60, 66-67, 111; 1963а; 1967а; 1969, 4-5, 9, 10; 1978а; 1982). Обзор концепций происхождения русского литературного языка в период до появления фундаментальных работ Б.А. Успенского по этой проблематике см. (Zarowska 1981, 403-408).

¹¹ Эта точка зрения находит поддержку либо живой отклик также у таких исследователей, как А.А. Дерюгин (Derjugin 1987, 412-418), В.В. Иванов (1988, 116-139), В.М. Живов (1984, 18-20; 1988, 49-98), А.С. Мельничук (1984, 122-123), Е.А. Целунова (1985а, 83), Г. Шевелев (Shevelov 1987, 163-178), Д.С. Лихачев (1987, 475-476) А. Золтан (Zoltán 1987, 9), Е. Одробињска (Odrobińska 2002, 64-65), А. Бранднер (2002, 121), А.А. Зализняк (2006), А. Лавриненко (2006, 210) и др. Справедливости ради отметим, что имеет она и противников (см. Горшков 1984, 60 и сл.; 1987, 7 и сл., 28; Алексеев 1986, 3-11; Колесов 1986, 22-41; Клименко 1986, 11-22; Русинов 1986, 42-55; Устюгова 1987, 91; Шапир 1989, 54-63; Дж. Броджи Беркофф (Brogi Bercoff 1999, 11-21). Заметим, что при корректном ведении научной дискуссии такая ситуация только стимулирует поиск решения сложных вопросов истории русского литературного языка.

этого ученого на протяжении вот уже четверти века оказывают весьма существенное влияние на изучение вопросов, связанных с историей русского литературного языка от его истоков до начала XIX в. Согласно его мнению, проблемы истории русского литературного языка самым непосредственным образом связаны с рассмотрением языковой ситуации Древней Руси, что определяет специфику русского литературного языка и отличает ее от истории других литературных языков, где рассмотрение языковой ситуации не предопределяется самим предметом исследования (см. Успенский 1983, 3; 1994, 3). Б.А. Успенский является убежденным сторонником концепции диглоссии по отношению к истории русского литературного языка.

Итак, согласно Б.А. Успенскому, языковая ситуация Московской Руси XVI – начала XVII в. представляла собой церковнославянско-русскую диглоссию, когда в качестве единственного литературного языка выступает церковнославянский язык, все же другие языковые формы расцениваются как более или менее допустимые отклонения от книжной нормы. В частности, памятники юридической, деловой, бытовой письменности находятся вне сферы литературного языка, так как они не обработаны с точки зрения соответствия языковой норме (Успенский 1983, 33). Язык этих памятников, связанных с живой разговорной традицией, был открыт для разного рода внешних влияний, тогда как влиянию такого рода на церковнославянский язык препятствовал консерватизм книжной нормы.

Однако уже в первой половине XVII в. ситуация начинает меняться, так как именно в это время намечаются зачатки перестройки отношений между русским и церковнославянским языком, а на протяжении второй половины этого столетия происходит преобразование церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие, но поскольку последнее представляет собой нестабильную языковую ситуацию, то русский язык постепенно присваивает себе права и функции литературного языка, церковнославянский же язык начинает выступать лишь в роли культового языка. Таким образом, в первой половине XVII в. в результате второго южнославянского влияния создаются предпосылки для возникновения литературного языка нового типа, в той или иной мере ориентированного на разговорную речь. Во второй половине XVII в. закладываются основы этого

языка, а первые шаги по его кодификации наблюдаются с начала XVIII в., и эти преобразования на великорусской территории следует связывать непосредственно с третьим южнославянским влиянием, в процессе которого «имеет место наслоение (перенесение) югозападнорусской языковой ситуации (два книжных языка: "словенский" и "простой" или "русский") на великорусскую (один книжный язык: "словенский", он же и "русский")» (Успенский 2002, 472).

Что касается языковой ситуации в самой Юго-Западной Руси (ВКЛ) в XVI-XVII вв., то можно констатировать перенесение сюда «польской языковой ситуации, которая и приводит к становлению церковнославянско-русского двуязычия по модели латинско-польского двуязычия: церковнославянский язык непосредственно коррелирует с латынью, а «проста мова»¹² – с польским литературным языком (там же, 394). В отличие от языковой ситуации в ВКЛ, на великорусской почве, как отмечает Б.А. Успенский, «заимствуется именно языковая ситуация – заимствуется само понятие "простого языка", который понимается в югозападнорусском смысле, т.е. как литературный язык, противопоставленный церковнославянскому и с ним конкурирующий» (там же, 490). При этом, если церковнославянский язык югозападнорусской редакции непосредственно влиял на великорусский церковнославянский язык, то непосредственное влияние «простой мовы», согласно тому же автору, исключалось из-за отсутствия парного эквивалентного явления в великорусских условиях¹³ (там же). Но уже со второй половины XVII в. она явно соотносится с русским «простым диалектом» Московской Руси, и со второй половины XVII – начала XVIII в. на великорусской территории появляются произведения, которые, по утверждению их авторов, написаны на «простом языке» (там же, 490-494). Примечательно, что язык некоторых из этих текстов, а многие из них представляют собой переводы, в той или иной степени насыщен полонизмами. Так, в 1683 г. Авраамий Фирсов переводит Псалтырь, причем, как убедительно доказала Е.А. Целунова, в процессе своей работы он активно пользовался польскими текстами Псалтыри (Целунова 2006, 8). Б.А. Успенский отмечает,

¹² Определение этого понятия, а также характеристику самого языка см. ниже, в разделе I. 2. 2. данной работы.

¹³ Однако, будучи сама создана на основе активного канцелярского языка ВКЛ, «простая мова» в XVI-XVII в., по нашему мнению, могла оказывать влияние на приказный язык МГ. Попытка показать это и является одной из задач предпринятого исследования.

что язык Авраамия Фирсова выступает в той же функции, что и «простая мова», хотя и существенно отличается от нее по своему характеру (Успенский 1994, 95), поскольку, по словам Е.А. Целуновой: «Если для "простой мовы" полонизация была одним из способов **окнижения** лежащего в его основе канцелярского языка, то для Фирсова обращение к польским текстам было одним из способов **упрощения** церковнославянского языка» (Целунова 1985б, 24). И вообще, в это время, в 80-е гг. XVII в., раздаются голоса, призывающие к «простоте слова», к тому, чтобы писать на языке, доступном простым людям; в начале же XVIII в. произведения, написанные на «простом» языке, уже не представляют собой единичного явления (Успенский, там же). В 1718 г. появляется *География генеральная* Б. Варения, переведенная с латыни Ф. Поликарповым и насыщенная лексическими и семантическими полонизмами (см. Лукичева 1974, 294; Успенский 1983, 98; Живов 1986, 259), в 1720 г. выходит первым изданием букварь Феофана Прокоповича (*Перкое учение отрокомъ*). При этом между текстами разных авторов на «простом» языке мало сходства, поскольку каждый, кто пишет на нем, пытается индивидуально решить проблему создания нового литературного языка, а не следует какой-то сложившейся традиции. И уже сам факт функционирования «простого» языка, то есть признание возможности отступления от церковнославянской языковой нормы имеет очень важное значение для последующего развития русского литературного языка, обуславливая в конечном итоге возможность влияния живой разговорной речи на литературный язык. Именно в этом значение «простого» языка, так как «он ценен не сам по себе, поскольку это явление более или менее индивидуальное и преходящее; он свидетельствует о превращении церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие» (Успенский 1994, 98).

Помимо этого, следствием третьего южнославянского влияния явилось изменение значения понятия «русский язык» в великорусском языковом сознании, когда под воздействием языковой ситуации Юго-Западной Руси (ВКЛ) «русский язык» начинает противопоставляться церковнославянскому (там же).

1. 2. 2. «Простая мова»: определение понятия и его соотношение с понятием «простой» язык; источник «простой мовы» и обстоятельства ее возникновения

Как указывалось выше, появление в Московской Руси во второй половине XVII – начале XVIII в. произведений, написанных на «простом» языке, не представляет собой оригинальное великорусское явление. Еще раньше – в XVI в. – в Юго-Западной Руси (ВКЛ) в функции литературного языка наряду с церковнославянским языком югозападнорусской редакции использовалась и так называемая «простая мова»¹⁴. Таким образом, если в Московской Руси после второго южнославянского влияния сохранялась ситуация диглоссии, то в Юго-Западной Руси (ВКЛ) возникает церковнославянско-русское двуязычие, когда сосуществуют два литературных языка: церковнославянский югозападнорусской редакции и «простая мова»¹⁵. По определению М. Мозера (2002, 221, 223), «простая мова», выступавшая в XVI-XVII вв. в функции одного из письменных языков украинцев и белорусов, «представляет собой литературно обработанную, надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшую на основе общего "русского" (= украинско-белорусского) делового языка», которая тем не менее, по сути дела, не является не исключительно староукраинским, ни исключительно старобелорусским достоянием, хотя обнаруживает некоторые черты народного украинского и белорусского языков,

¹⁴ Заметим, что по мнению австрийского исследователя М. Мозера (2002, 227), только название «простая мова» в применении к украинскому и белорусскому языкам служило термином, обозначающим литературный язык XVI-XVII вв. Другое же название «руска мова» или «русский язык», которое, по его словам, использовали сами «простомовные» авторы, охватывает гораздо больше разновидностей украинского и белорусского языков среднего периода (там же; см. здесь также и его полемику по этому вопросу с В. Мякишевым (2000, 165-172).

¹⁵ Интересно, что в Московской Руси «простую мову» иногда называют «литовским» или «белорусским» языком, но не называют этот язык ни «простым», ни «русским», так как, по замечанию Б.А. Успенского: здесь «эпитет "русский" при обозначении литературного языка относился к церковнославянскому языку, т.е. "русский" и "словенский" были синонимами; напротив, в Юго-Западной Руси этот эпитет обозначал язык, противостоящий церковнославянскому, т.е. "рус(с)кий" и "словенский" выступали как антонимы, а слово "русский" здесь было синонимично слову "простой"» (Успенский 1994, 95).

то есть речь идет все-таки об общем «староукраинском и старобелорусском литературном языке»¹⁶.

Источником «простой мовы», по мнению целого ряда исследователей, был «русский» деловой язык (см. Соболевский 1980, 71; Stang 1935; 1939; Плющ 1961, 224; Белодед и др. 1962, 83-84; Вайнтрауб 1964, 307; Милейковская 1984, 21-23; Zoltán 1987, 15-22; Успенский 1994, 68-69; Мозер 2002, 228-231), представлявший собой переделку древнего актового канцелярского языка юго-запада восточнославянских территорий, которыми после распада Киевской Руси и перенесения центра ослабленной восточнославянской государственности сначала на север – в Новгород и Суздальскую Русь, а затем в Москву, завладело ВКЛ, за исключением Галицкой (Червонной) Руси, отошедшей к Польше. Во второй половине XIV в., после брака князя Ягайло с королевой Ядвигой в 1386 г., ВКЛ в результате персональной унии становится сюзереном Польского королевства (Гудавичюс 2005, 165-166), что способствовало активному распространению польского языка на этих территориях (Лавриненко 2006, 209). Однако традиции восточнославянской деловой письменности и в этой новой политической ситуации не прерывались, напротив, поскольку литовский язык в то время не вошел еще в письменное употребление, в качестве делового языка ВКЛ использовался «русский язык», в том числе и в дипломатических сношениях со славянскими соседями (Zoltán 1987, 17, 18; Мозер 2002, 228). Указанный язык выступал в этой функции до 1696 г. и только в Галицкой (Червонной) Руси в результате окончательного ее подчинения польскому праву в 1433 г. официальным языком стала латынь.

Итак, согласно М. Мозеру, «русский» деловой язык представлял собой переработку языка восточных славян с опорой на белорусский и украинский народные языки по моделям западной дипломатики, однако уже с самого начала он отличался определенной степенью надрегиональности и не совпадал ни с «белорусским», ни с «украинским» языками, а также ни с одним из их диалектов (там же; см. также Shevelov 1979, 397). В XIV-XV вв. «русский» язык, по сути дела, видимо, еще не был литературным языком, вплоть до конца

¹⁶ Хотя Б.А. Успенский вслед за А.И. Соболевским (1980, 65) и Н.И. Толстым (1963, 253-254) считает, что «могут быть выделены два варианта "простой мовы" – украинский и белорусский: украинский вариант более славянизирован, белорусский в большей степени полонизирован (Успенский 1987, 262; 1994, 68). С чем не согласен М. Мозер (2002, 248), приводящий достаточно убедительные доводы.

XV в. этот язык обслуживал почти без исключения деловую письменность, хотя нельзя не признать, что как письменный язык, он уже в этот период обнаруживал признаки «определенной сознательной обработки»¹⁷, но еще не был до такой степени нормирован, как об этом можно говорить относительно середины XVI в.¹⁸ (Мозер 2002, 229). Особо следует подчеркнуть, что все без исключения исследователи, занимавшиеся изучением «русского» языка, отмечают, что с течением времени он все больше и активнее воспринимал элементы польского языка (см. Белодед и др. 1962, 85; Лесюв 1978, 174; Мозер 2002, 228). А. Лавриненко (2006, 211) даже пишет, что польское воздействие «было очень *значительным*, если не сказать *огромным*. Происходило слияние, конвергенция "русской" (южно-западнославянской) языковой стихии и польской».

Зачатки «простой мовы», то есть нового украинского и белорусского литературного языка среднего периода следует связывать с проникновением идей Реформации в Польшу и ВКЛ и с именем и деятельностью Франциска Скорина (с изданием в Праге в 1517-1519 гг. его *Библии Руской*). Однако только спустя полстолетия, то есть уже во второй половине XVI в., выходят первые тексты, сознательно написанные на разных вариантах «простой мовы»; это были переводы религиозных книг, соотносившиеся с программой европейской Реформации и опиравшиеся на польские оригиналы, кроме того, широко были распространены тексты по прикладной теологии на «простой мове» (см. Мозер 2002, 232, 234-235). Но этот язык использовался не только в культовой сфере: на нем писались произведения силлабической поэзии, он употреблялся в историографии. «Простая мова» также играла определенную роль в процессе обучения в братских школах, хотя ей не учились и не общались на ней, она использовалась как средство разъяснения того, о чем шла речь¹⁹. Существуют свидетельства и об официальном устном употреблении «простой мовы» в светской сфере. Все это позволяет говорить о том, что данный язык отвечает одному из основных требований к литературному языку –

¹⁷ См. Жураўскі (1967, 59).

¹⁸ Хотя венгерский исследователь А. Золтан (Zoltán 1987, 21) говорит о нормированности западнорусского делового языка, распространившегося в украинских областях за исключением Галицкой Руси, уже относительно конца XIV-XV вв.

¹⁹ Б.А. Успенский (1987, 267-268) приводит данные, свидетельствующие о том, что в некоторых братских школах, возможно, было какое-то преподавание «простой мовы».

полифункциональности (см. Мозер 2002, 233-240). Помимо этого, «простая мова» обладает и таким признаком литературного языка, как определенная искусственность, на что некоторые исследователи указывали уже в конце XIX – начале XX в (см. Карский 1962, 258), а в настоящее время это подчеркивается Б.А. Успенским (1983, 66-70), Е.А. Целуновой (1988, 21), М. Мозером (2002, 240). Другой важной чертой, отличающей этот язык от народных вариантов белорусского и украинского языков, является его надрегиональность, унаследованная еще от древнего делового («русского») языка, о чем говорили уже П. Житецкий (1905, 6-7) и И. Огиенко (1930, 227). Из этого вытекает такая важная проблема, как нормированность «простой мовы», на сложность которой в свое время обратили внимание Е.Ф. Карский (1962, 331) и Н.И. Толстой (1963, 252, 253-254). На то, что со второй половины XVI в. можно говорить о нормированности этого языка в 50-60-е гг. прошлого столетия указывали специалисты по истории белорусского (см. Жураўскі 1967, 95) и украинского (Білодід 1958, 68-138) языков. И в современной славистике этот вопрос решается скорее положительно (см. Целунова 1988, 21-31; Мозер 2002, 240-248): по замечанию М. Мозера почти все исследователи признают некоторую степень нормированности «простой мовы». Что же касается кодифицированности этого языка, то здесь дело обстоит еще сложнее. Так, М. Мозер (2002, 248-250), вопреки Б.А. Успенскому (1987, 263, 268; 1994, 69) и Дж. Броджи Беркофф (Brogi Bercoff 1999, 15), полагает, что настоящая кодификация «простой мовы» никогда не была осуществлена, а ее нормированность основывается не на кодификации, а на узусе. Итак, можно считать, что «простая мова» обладала всеми признаками литературного языка, что, кстати, уже в 60-е гг. XX в. отмечал польский славист В. Витковский (1969, 14).

Следует обратить внимание еще на одну особенность «простой мовы», актуальную в связи с темой нашей работы. Все без исключения исследователи, непосредственно изучавшие ее или попутно затрагивавшие вопросы, связанные с ней, подчеркивают, что в Юго-Западной Руси (ВКЛ) было исключительно сильным западное, в особенности польское, культурное влияние, которое распространялось на самые разные области культуры, отражаясь в частности на языке, причем воздействие польского языка на «простую мову» в XVI-XVII вв.

(особенно после Люблинской унии 1569 г.) приобретает характер подлинной экспансии (см. Соболевский 1980, 65; Карский 1962, 331; Трубецкой 1990, 133; Худаш 1960; Плющ 1961, 229; Белодед и др. 1962, 85-86; Гумецкая 1962; 1963; 1969; Рогаль 1968; Witkowski 1969; 13; ГЛБМ 91, 95; Булыка 1972; 1980; Романова 1972, 48-50; Rytter 1973, 44; Brogi Bercoff 1999, 15, 20; Успенский 2002, 387; Мозер 2002, 246; Лавриненко 2006, 211 и др.). Объясняется это теми культурно-историческими предпосылками, о которых речь уже шла выше в настоящем разделе.

Наиболее открытой для проникновения полонизмов была естественно лексика «простой мовы». Вследствие широко распространенного на этих территориях билингвизма польская лексика была настолько усвоена представителями белорусских и украинских элит (деятели культуры Юго-Западной Руси (ВКЛ) обычно владели польским языком как родным), что некоторые тексты отличаются от реальных или потенциальных польских «подлинников»²⁰ только на уровне фонологии и морфологии.

1. 2. 3. Деловая письменность в Московской Руси XVI-XVII вв., приказный язык и его роль в становлении русского литературного языка нового типа

По замечанию Б.А. Успенского (1994, 86), поддерживаемому в новейших исследованиях по этой проблематике (см. Мозер 2002, 227): значение «простой мовы» для истории русского литературного языка, как это ни парадоксально, было не меньшим, если не большим, чем значение этого феномена для истории украинского или белорусского языков. Действительно, ни в хронологическом, ни в структурном отношении «простая мова» не стала связующим звеном между церковнославянскими традициями и новыми белорусским и украинским языками. Тогда как на историю русского литературного языка она оказала очень существенное влияние. Так, следуя именно югозападнорусской языковой ситуации XVI-XVII вв., мы выделяем сегодня «русский» как антитезу «церковнославянскому» языку. Выше уже отмечалось, что если

²⁰ Как указывает М. Мозер (2002, 246), «простомовные» авторы не только ориентировались на польские оригиналы, «но и опирались на польский языковой образец, нередко даже независимо от того, находился ли перед их глазами конкретный польский подлинник или нет».

церковнославянский язык югозападнорусской редакции непосредственно влиял на русский церковнославянский язык, то непосредственное влияние «простой мовы» исключалось из-за отсутствия парного эквивалентного явления в Московской Руси²¹. Однако, будучи сама создана на основе актового канцелярского языка ВКЛ, «простая мова» оказывала влияние на приказный язык МГ, который, по утверждению Б.А. Успенского (1994, 69), в интересующий нас период «не конкурирует с церковнославянским и воспринимается как допустимое отклонение от книжного церковнославянского языка; это различие в языковой ситуации на этих территориях: в Московской Руси деловой язык вписывается в ситуацию диглоссии, а в Юго-Западной Руси – в ситуацию двуязычия». Далее Б.А. Успенский (там же, 103-104) отмечает, что первые признаки намечающегося разрушения диглоссии относятся к первой половине XVII в.: указание на это есть уже в грамоте патриарха Филарата архиепископу Киприану от 11 февраля 1622 г., к этому же времени относятся и первые свидетельства о возможности пародийного использования церковнославянского языка. Однако, по мнению Г.А. Хабургаева (1991, 118), не просто предпосылки, а само оформление новой языковой ситуации относится к рубежу XV-XVI вв., но при этом он не приводит результатов анализа памятников, фактически подтверждающих это утверждение. Единственная конкретная ссылка в системе его доказательств – это извлечение из риторики в списке 1620 г., где приказный язык характеризуется как язык «писем, грамот и глаголов Кикероновых» (там же, 119). Из этого, на наш взгляд, следует, что по данному вопросу, казалось бы, и нет серьезного повода для разногласий, так как конкретные фактические свидетельства, приводимые как Б.А. Успенским, так и Г.А. Хабургаевым сходятся на первой четверти XVII в. По нашему же мнению, процесс разрушения диглоссии, вероятнее всего, уже в первой половине XVII в. шел активнее, чем это предполагает Б.А. Успенский (1994,

²¹ Следует, однако, указать, что по этому поводу существует и иное мнение, принадлежащее Г.А. Хабургаеву (1991, 119), который считает, что «гибридный» книжный язык (в терминологии Н.И. Толстого (1988, 54-55), сыгравший позднее заметную роль в формировании русского литературного языка в XVI-XVII вв., «по сфере функционирования представлял собой известный аналог "простой русской мовы"». Здесь же Г.А. Хабургаев замечает, что Б.А. Успенский признает это только по отношению к языку *Псалтыри* А. Фирсова (1683 г). Но сам он не приводит при этом никаких конкретных текстов на этом языке, ссылаясь на Н.И. Толстого.

105), но в это же время он, очевидно, еще не осуществился на рубеже XV-XVI вв., как считает Г.А. Хабургаев.

И если мы не можем судить, действительно ли книжный гибридный язык, согласно Г.А. Хабургаеву (см. сноску 21), был аналогом юго-западной «простой мовы», то склонны полагать и попытаемся это показать в своем исследовании, что «простая мова» в конце XVI – первой половине XVII в. оказывала непосредственное влияние на приказный язык МГ, в частности на язык документов Посольского приказа, а кроме того, она выступала в роли активного проводника западноевропейского, в особенности польского, языкового влияния на русский язык, что отмечали уже В. Кипарский (Kiparsky 1975) и А. Исаченко (Issatschenko 1980-1983).

Изучению деловой письменности в различных аспектах²² в последнее время большое внимание уделяет целый ряд исследователей, считая ее одним из неотъемлемых компонентов языковой культуры и важнейшим элементом утилитарной традиции (см. Ремнева 1995, 315; 2001, 17-18; Кортава 1998; Никитин 1999; 2004; 2005а; 2005б; Трофимович 2003). Особый же интерес в истории деловой письменности представляет собой конец XVI-XVII вв., поскольку этот период можно охарактеризовать, как эпоху исторического перелома, время сложения русской нации и начала длительного и сложного процесса формирования нового русского литературного языка, в котором роль деловой традиции была очень велика, на что указывали уже А.И. Соболевский (1980, 106-107), А.А. Шахматов (1941, 62), В.В. Виноградов (1978а, 29, 36; 1978б, 202; 1982, 49 и сл.), Г.О. Винокур (1959, 68), Б. Унбегаун (1965/1969, 314), Н.Н. Дурново (1969), Н.И. Тарабасова (1969, 157, 165; 1986), А.М. Сабенина (1971б, 81), Л.Н. Шердакова (1972), В.Я. Дерягин (1973, 142; 1985), Д. Ворт (Worth 1973, 1983), а в последнее время – А.Е. Пеннингтон (Pennington 1980), Б.А. Успенский и В.М. Живов (1983, 149-180), В.В. Колесов (1986, 39), Г.А. Хабургаев (1991) и др. Кроме того, XVI-XVII вв. это время расцвета приказной системы и культуры в МГ (см. Кортава 1998, 23; Никитин 2004, 11),

²² Учитывая то, что в Древней Руси сложилась ситуация, когда было возможно сосуществование двух языковых «изводов» делового языка: русского и церковнославянского, причем последний и во времена расцвета приказной культуры (XV-XVII вв.) еще оказывал определенное влияние на систему стилистических средств языка делового памятника (см. Унбегаун 1965/1969, 314; Никитин 2004, 1, 38), следует оговориться, что далее мы будем иметь в виду только первый из них.

когда значительно возрастает численность и жанровое разнообразие письменных источников деловой сферы, а отразившийся в них язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию (Живов 2000, 574).

Под «приказным языком» в составе деловой письменности, согласно Т.В. Кортаве (1998, 14), следует понимать язык документов, составленных профессиональными писцами, дьяками и подьячими московских приказов. Уже по отношению к середине XVI в. можно говорить о признаках нормализации приказного языка, а к концу XVI – началу XVII в. окончательно определились единые нормы и структура этого языка, и он получил широкое распространение в МГ, а его нормы закрепляются в печатном *Уложении* 1649 г. и становятся обязательными при составлении различного рода документов (подробнее см. Черных 1958, 140; Дурново 1969, 34; Хабургаев 1979, 84; 1991, 118; Кортава 1998, 19, 85). При этом по поводу его кодифицированности высказываются противоположные мнения. Так, Т.В. Кортава полагает: «Язык деловой письменности (для XVI-XVII вв. – "приказный") "не знал" кодификации» (Кортава 1998, 81). Тогда как М.Л. Ремнева считает, что оба существовавших в XI-XVII вв. письменных языка (книжно-славянский и деловой) были нормированными и кодифицированными (Ремнева 2001, 17).

Проведенные в последнее время исследования текстовой структуры и лексического фонда письменных источников, функционировавших в системе приказного языка, свидетельствуют о том, что деловая письменность была одним из главных претендентов в борьбе за историко-культурное главенство с другими видами письменности в эпоху формирования национальных основ литературно-языковой традиции (см. Никитин 2004, 38). Этот язык, претендовавший на особое место в социолингвистической ситуации Московской Руси XVII в., по мысли Д. Ворта (1975), поддержанной В.В. Колесовым (1986, 39), был одним из компонентов, формировавших «нейтральное ядро», в состав которого также входил гибридный церковнославянский язык, и это «нейтральное ядро» затем явилось основой для литературного стандарта, становление которого происходило, в том числе и при опоре на русский языковой узус и нормы. Таким образом, становится очевидным, что формирование норм нового русского литературного языка

произошло не в результате фиксации набора признаков, противопоставляющих два письменных языка, а осуществилось, вероятнее всего, с помощью устранения этих противопоставлений путем компромисса с целью достижения гармонии (см. Кортава 1998, 96).

И если ранее тексты на приказном языке, по мнению Т.В. Кортавы (1998, 82), изучались в основном «как источник гипотез о развитии народно-разговорного языка или как материал для контрастивного противопоставления церковнославянским текстам», то в последнее время утверждается новый подход к исследованию приказного языка, как очень важного объекта, занимающего определенное место в процессе формирования нового русского литературного стандарта (см. Колесов 1986, 39; Хабургаев 1991, 119; Ремнева 1995, 315, 355; Кортава, там же).

А учитывая, что в составе приказной письменности именно дипломатическая переписка в XVI-XVII вв. была практически единственным возможным видом фиксации различных отклонений от норм книжного (церковнославянского) языка, то, вероятно, не что иное как употребление иноязычных элементов, в частности полонизмов, проникавших различными путями (через переводы, устным путем, благодаря расширению связей с другими странами и распространению иностранных языков в разных сферах общения) в документы Посольского приказа, создавало предпосылки и для влияния польского языка на другие сферы языковой деятельности, а именно на книжный язык Московской Руси²³.

Итак, связь приказного языка с живой русской речью и открытость в силу объективных причин для всякого рода внешних воздействий (последнее особенно касается дипломатической корреспонденции по сравнению с любым другим видом деловой письменности) позволяет говорить о его стратегическом влиянии на языковую ситуацию в Московской Руси в период позднего средневековья (XVI-XVII вв.) и большой значимости в процессе формирования современного русского литературного языка²⁴. А это, в свою очередь,

²³ Так, В.М. Живов (1986, 259) в связи с анализом языка перевода *Географии генеральной* Бернарда Варения отмечает, что полонизмы характеризуют не «простой» язык, а церковнославянский язык первой редакции и что они «указывают на важный и малоисследованный процесс полонизации церковнославянского языка».

²⁴ На это указывают не только данные научных исследований второй половины XX – начала XXI в. (см. Унбегаун 1965/1969, 312-318; Кортава 1998; Трофимович 2003, 5; Никитин 2004, 3,

определяет важность исследования как первого, так и второго факторов, влиявших на формирование приказного языка. Наше внимание привлек последний, действие которого реализовывалось через различные иноязычно-русские контакты, в том числе и через польско-русские.

I. 3. Характер польско-русских языковых контактов в XVI-XVII вв., определение основных понятий, связанных с процессом заимствования

Ныне общепризнано, что межъязыковые контакты являются одним из факторов, стимулирующих развитие контактирующих языков. Это касается всех языков, в том числе и славянских, ведь наблюдаемое в наше время и в более ранние периоды большое сходство славянских языков лишь отчасти обусловлено их генетическим родством, в значительной же мере общность лексического состава этих языков является следствием их активного культурного взаимодействия, не прервавшегося после распада праславянского единства и прослеживаемого в разных направлениях и с разной интенсивностью на протяжении всей их письменной истории. Так, чешский литературный язык играл весьма важную роль в становлении польского литературного языка в XV-XVII вв., а польский, начиная с XVII в., в значительной степени влиял на формирование русского литературного языка нового типа. Таким образом, роль контактов с иными языками в судьбе русского языка на каждом историческом этапе его развития самоочевидна²⁵, поэтому проблема языковых контактов в последнее время (со второй половины

4, 11, 15, 19; 2005а, 81-88), о значимой роли приказного языка в этом процессе в XVI-XVII вв. и в более позднее время свидетельствует и такой факт, как история перевода с латыни упомянутой выше (см. ссылку 23) *Географии генеральной*, выполненного Ф. Поликарповым в 1718 г. Первый вариант перевода был забракован Петром I, а переводчик получил указание начальника Монастырского приказа И.А. Мусина-Пушкина: «... .. высоких словъ словенскихъ класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова» (РА 1868, 1054).

²⁵ Примечательно, что на фоне церковнославянско-русского двуязычия сначала, в XVI-XVII вв., усваивается польско-русское (см. Kochman 1975а; Gajdamovicz-Mazurek 1984, 357), а затем, в XVII-XVIII вв., и другое иностранно-русское двуязычие, в частности немецко-русское, голландско-русское, французско-русское (см. Успенский 2002, 511).

XX в.) привлекает особенно пристальное внимание языковедов, она включается и в тематику международных съездов славистов.

I. 3. 1. Условия польско-русских языковых контактов в XVI-XVII вв. и их характер

Исследования, касающиеся польско-русских языковых контактов, показывают, что весьма сильное польское влияние на русский язык приходится на период со второй половины XVI в. и до конца XVII в., а начало этих контактов следует отнести к XV и даже XIV в., причем они затрагивали как письменный язык, так и живую речь (см. Rytter 1969, 105). Такое положение дел объясняется международной и культурно-исторической обстановкой, в которой развивалось МГ в интересующее нас время, но непосредственной причиной этого следует считать то, что польский язык в XVI-XVII вв. влиял на русский язык не только через письменность, а и через слуховые контакты, так как он в это время в Московской Руси был в практическом употреблении. В данном случае двуязычие складывается в результате культурных контактов народов, которые лишены прямой географической смежности. Знание второго языка в такой ситуации является лишь вспомогательным средством общения у отдельных лиц или общественных групп, однако степень влияния иного языка на данный национальный язык, особенно литературный, и в условиях такого двуязычия может быть очень существенной. По словам О. Есперсена (Jespersen 1925, 192): «Наиболее глубокие языковые смешения объясняются не столько смешением народов, сколько регулярными контактами в области культуры». И объяснить наличие такого большого числа заимствований из польского в интересующий нас период можно, опираясь именно на теорию билингвизма²⁶, поскольку билингвы²⁷ совершают непосредственные заимствования.

Что касается характера польско-русских языковых контактов в XVI-XVII вв., то они были как простыми или прямыми (непосредственными) так и

²⁶ См.: Naugen 1950a; Щерба 1958, 52; Пауль 1960, 460; Emeneau 1962; Вайнрайх 1979; Sulan 1963, 14; Биржакова и др. 1972, 6; Rytter 1973, 107.

²⁷ Кстати, среди служащих Посольского приказа были не только билингвы, но и полилингвы (см. сноску 1, а также с. 11-12 данной работы), кроме того, русско-польский билингвизм был распространен и в высших слоях русского общества (там же, с. 11-12, 17).

сложными (посредственными), каузальными (хотя для конца XVI – первой четверти XVII в., на наш взгляд, можно говорить и о перманентных (постоянных) контактах) и внешними. Говоря о сложных польско-русских языковых контактах в указанный период, мы, прежде всего, имеем в виду польско-восточнославянские контакты, когда в роли посредника между польским и русским языком выступала «простая мова», у которой связи с польским языком были простыми и прямыми (непосредственными), перманентными, во многих случаях внутренними (см. Лесюв 1978, 173 и сл.). Кроме того, польско-восточно-славянские контакты представляют собой взаимодействие родственных славянских языков.

I. 3. 2. Критерии установления факта заимствования при контактировании генетически родственных языков

Проблематика языковых контактов весьма сложна и многостороння, с вопросом заимствований, составляющих круг этой проблематики, в свою очередь, связан целый ряд теоретических проблем. Так, при анализе заимствования необходимо выявить его источник и его иноязычный прототип, а также установить критерии, с помощью которых можно с той или иной степенью достоверности определить, что то или иное слово либо отдельное его значение заимствовано именно из этого языка. Как справедливо замечает Л.П. Крысин (1968, 53), это касается идентификации преимущественно такой лексики, соответствия которой есть в нескольких языках, в частности такая ситуация складывается при контактировании родственных языков. В нашем случае, когда речь идет о межславянских заимствованиях, необходима весьма сложная доказательная процедура, так как приходится считаться как с возможностью преемства из праязыка (праславянского языка), так и с возможностью параллельного образования слова из тех же морфем и с тем же значением в нескольких языках. В связи с этим при исследовании межславянской миграции слов и лексических значений применение формальных (строго лингвистических) критериев, как правило, мало пригодно. На специфическую трудность изучения межславянских заимствований указывал еще Л.А. Булаховский (1951, 37), отмечая малую выразительность

признаков заимствования из одного языка в близкородственный же язык. Справиться с этой проблемой можно лишь путем привлечения свидетельств культурно-исторического плана.

В настоящее время общепризнанными считаются следующие критерии, на основании которых устанавливаются такого рода заимствования. Во-первых, в плане диахронического рассмотрения заимствования теоретически очень важным является определение крайних точек этого процесса: время заимствования и время освоения заимствованного (см. Биржакова и др. 1972, 10; Сорокин 1961, 24). Как видим, это определение учитывает не только хронологическую характеристику, но предполагает и качественную квалификацию двух состояний в истории заимствования на почве принимающего языка. Вопрос же о начальной точке отсчета в истории заимствования, то есть первая фиксация или наиболее ранняя хронология не решается однозначно, хотя подавляющее большинство исследователей (см. Виноградов 1955, 104; Пауль 1960, 471; Hüttl-Worth 1963, 20-23; Флекенштейн 1966, 149, 159, 171; Basaj 1966; Sławski 1956, 70; Kochman 1967, 8, 34; 1976b, 71; Хауген 1972, 344-382; Веселитский 1972, 17; Leeming 1976, 7, 11; Милейковская 1984, 34, 88; Zoltán 1987, 8; 1988, 103; Witkowski 1999, VII; 2006, VII; Целунова 2006, 161), и мы в их числе (Гарбуль 1994, 48-49, 58-59; 2004а, 28; 2008, 181-182), придают этому критерию очень важное значение. Мы не преувеличиваем значения первой фиксации в памятниках письменности, поскольку не для всех слов в силу объективных причин существует лексикографическая документация (не завершено издание ни одного из исторических словарей русского языка, а представленная в них информация не всегда полна и надежна), а, кроме того, в дальнейшем любая «первая фиксация» может оказаться вовсе не самой ранней. И тем не менее придание хронологическому критерию (первой фиксации) большого значения в исторической лексикологии вполне оправданно, особенно при работе с заимствованиями, где он достаточно надежно применим и играет решающую роль при установлении направления влияния. Эта характеристика отражает вхождение заимствования, по меньшей мере, в письменный узус, что позволяет говорить уже хотя бы о возможной его «предыстории» в данном языке (см. Бабаева и др. 1997, 35; Kochman 2003, 26-27).

Положение о «предыстории» слова в данном языке выдвигается как контраргумент мнению, что единичность текста (а следовательно, единичность речевого акта или индивидуального речевого поведения, особенно, если речь идет о билингве) не является свидетельством начала подлинной истории слова в принимающем языке (см. Райст 1966). «Предыстория» слова предполагает возможность единичных, окказиональных вкраплений иноязычных элементов, которые обусловлены специфическими условиями речевого акта (например, перевод, текст, соотносящийся с текстом на другом языке, и т.п.), возможность нового (вторичного) заимствования того же иноязычного материала (нередко из иного источника) и в другое время (см. Биржакова и др. 1972, 11-12; Zoltán 1987, 103; Золтан 1988, 103).

С хронологическим критерием тесно связан текстовый или тексто-филологический критерий, когда учитывается характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации анализируемого лексического материала. В случае, если слово или отдельное его значение на первых порах отмечается исключительно в переводах с другого языка (в нашем случае с польского), в письменности которого оно имеет бóльшую традицию употребления, или в текстах, написанных авторами, хорошо знакомыми с Польшей и ВКЛ, либо контекстах, содержание которых связано с реалиями этих территорий, то, вполне вероятно, что мы имеем дело с заимствованием. Необходимость учета этого критерия при выявлении межславянских заимствований подчеркивается такими исследователями, как В.В. Виноградов (1955, 104), К. Флекенштейн (1966, 171), Ю. Речек (Reczek J. 1968, 15), Г. Лиминг (Leeming 1976, 7), А. Золтан (Zoltán 1987, 8), Л. Гарбуль (2004а, 28; 2004б, 54), М. Мозер (Moser 2007, 299, 307).

В работах польских славистов для анализа межславянских языковых контактов с успехом применяется и так называемый сравнительный критерий, включающий следующие индикаторы: распространенность данной лексической единицы в заимствующем языке, а также других славянских языках; история лексемы или отдельного ее значения в контактирующих языках (см. Sławski 1956, 70; Basaj 1966, 24; 1979, 9; Reczek J. 1968, 16; Kochman 1975а, 11).

С этим критерием объединяется также историко-культурный или общекультурный, опирающийся на данные других областей знаний, особенно

социально-исторических: политической истории, истории государства, истории культуры, этнографии и т.п. (см. Виноградов 1955, 104; Пауль 1960, 471; Флекенштейн 1966, 159, 171; Reczek J. 1968, 15; Kochman 1975a, 12; 2005, 59; Leeming 1976, 7; Лесюв 1978, 177; Бородина и др. 1979, 34 и сл.; Грановская 1981, 300; Милейковская 1984, 32; Zoltán 1987, 8-9; Witkowski 1999, VII; 2006, VII; Крысин 2002, 31). Применение этого критерия помогает установить вероятное направление влияния, а также лексические и семантические заимствования из тех сфер, которые в принимающем языке в определенный исторический момент обнаруживали более низкий уровень развития, чем в передающем языке (см. Basaj 1966, 25).

При исследовании межславянских языковых связей на лексико-семантическом уровне возможно также использование вероятностного критерия, поскольку историческая семантика, в терминах Н.И. Толстого (1997, 21), имеет «вероятностную основу» (см. также Будагов 1963, 3; Бабаева 1998, 103). Этот критерий применим тогда, когда анализируемое заимствование проникает в принимающий язык вместе с целой группой лексики какого-либо тематического круга, составляющий определенное семантическое поле. Кроме того, он помогает из двух или более равновероятных источников заимствования с больше долей достоверности установить один из них. Достаточно высокая степень надежности этого критерия обосновывается в работах К. Флекенштейн (1966, 171), Л.П. Крысина (1968, 55), С. Кохмана (Kochman 1975a, 12). Последний, кстати, показывает, что с этим критерием тесно связана необходимость историко-контрастных исследований в сфере лексико-семантических систем контактирующих славянских языков на фоне лексико-семантических систем других славянских языков. Так, обращение к польско-чешским языковым отношениям при анализе польско-восточнославянских связей, по опыту С. Кохмана, дает очень хорошие результаты (там же).

1. 3. 3. Явление семантического заимствования (семантического калькирования) как источник появления новых смысловых единиц в семантической структуре слова

Как уже отмечалось выше (см. с. 9 данной работы), наиболее открытой и проницаемой для всякого рода внешних влияний по своей сути является лексическая система языка, и соответственно наиболее подвижно и способно к свободным миграциям слово, что связано с самой его природой, направленностью на действительность и соотнесенностью с предметом и понятием. В связи с этим факты материальных и культурных контактов, то есть факты внеязыковые, играют очень важную роль в осуществлении заимствования на лексическом уровне. При условии же активно протекающих контактов существенное воздействие испытывает не только состав словаря, но и семантический строй языка, а семантические кальки вместе с заимствованными словами пополняют лексический запас языка, тем самым расширяя круг его лексико-семантических возможностей.

Проблема калькирования еще в 60-70-е гг. XX в. относилась к малоисследованным и недостаточно разработанным вопросам языкознания (см. Григорьева 1962, 141; Флекенштейн 1963, 298-299; 1966, 148)²⁸. И причина этого была не только в том, что изучение данной проблематики имело на тот момент относительно недавнюю традицию, но и в том, что кальки обычно рассматривались не самостоятельно, а лишь как часть более широкой проблемы – заимствования²⁹. Все это, в свою очередь, породило самые противоречивые мнения и высказывания по поводу определения самого процесса

²⁸ Обзор литературы по этой проблематике до 60-70-х гг. XX в. см. у К. Флекенштейн (1966, 148-159) и О.Е. Ольшанского (1976, 116).

²⁹ Интересно, что если общепринятой точкой зрения, поддерживаемой большинством исследователей, является трактовка калькирования как формы заимствования (см. Richter 1919, 86; Naugen 1950b, 26; Шатков 1952; Булаховский 1953, 124-125; Пизани 1956, 67; Жирмунский 1956, 360; Derooy 1956; Будагов 1958, 111; Пауль 1960, 461; Реформатский 1960, 112; Григорьева 1962, 148-149; Вайнтрауб 1964, 315; Kochman 1967, 6; 2003, 25; Крысин 1968, 59; Witkowski 1992, 263; Арапова 2000a, 3; Зализняк 2007), то существует и другое мнение, что эти два явления нельзя рассматривать одиноково (см. Шанский 1955; 1975; Ефремов 1960, 16-26; 1961, 117-124; Флекенштейн 1966, 159, 166). Так, Л.П. Ефремов (1960, 16), отмечая, что хоть калькирование вызывается теми же причинами, что и заимствование, и, так же, как и последнее, свидетельствует об иноязычном влиянии в области лексики, все же считает их разными лингвистическими явлениями, требующими четкого разграничения. При этом приводятся следующие аргументы: возможности калькирования уже, чем заимствования; невозможно калькировать непроеизводные слова в прямых значениях, слова местного и исторического колорита (там же). Кальки, в представлении этого автора, занимают промежуточное положение между исконной и заимствованной лексикой (там же, 25). Не разделяя в целом этой позиции, мы, однако, поддерживаем Л.П. Ефремова в том, что калькирование само по себе представляет исключительный интерес для языкознания и заслуживает специального, а не попутного изучения (см. Ефремов 1961, 119).

калькирования³⁰, природы калек и их классификации, а также критериев их установления.

И в настоящее время, по замечанию Л.П. Крысина: «При изучении иноязычного влияния на русский язык теме "кальки" и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям» (Крысин 2002, 30). Такое положение дел он объясняет, во-первых, тем, что калек в языке несравнимо меньше, чем заимствований (и не только в современном, но и в предшествующие периоды), а во-вторых, кальки трудно выявить, так как неясны критерии, по которым то или иное слово либо отдельное его значение можно признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом внутренних процессов, происходивших и происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития (там же; см. также Зализняк 2006, 414, 415). Однако, несмотря на эти сложности, в последнее время произошло заметное оживление интереса к этой проблематике (см. Шанский 2000а, 45; 2000б, 36; 2001а, 99; 2001б, 86; 2002а, 101; 2002б, 128; 2004а, 39, 45; 2004б, 48; Арапова 2000а; 2000б, 84; 2007, 38; Зализняк 2001, 21-22; 2006; Крысин 2002, 27-34; 2004а; Kochman 2003, 25-36; 2005b, 35-43; 2006, 145-150; 2007, 165-168; Damborský 2005, 119-126; Moser 2007, 302-306).

Многочисленные определения, которые даются калькам в лингвистической литературе, отличаясь друг от друга лишь отдельными положениями и некоторыми деталями формулировки, в основном сводятся к тому, что калька³¹ – это единица, созданная путем заимствования (буквального перевода) структуры соответствующего элемента чужого языка с заменой его материального воплощения средствами родного языка; процесс создания кальки называется калькированием (см. Булич 1886, 360; Поржезинский 1916, 189; Ушаков 1929, 137; Булаховский 1952, 93; Будагов 1953, 89; Пизани 1956, 67, 69; Григорьева 1962, 141; Хегай 1964, 300; Kochman 1967, 7; Виноградов 1982, 168-169; Witkowski 1992, 263; Арапова 2000а, 3; ЛЭС 2002, 211; Зализняк 2007). В лингвистической литературе по традиции, идущей от Б. Унбегауна,

³⁰ С. Кохман (2005а, 57, 58) вообще предлагает вместо термина калькирование, который, по его мнению, искусственно разграничивает так называемые семантические словообразовательные и фразеологические кальки, использовать термин семантическая деривация.

³¹ Термин *калька* в лингвистическом смысле впервые введен научный оборот Ш. Балли (1961, 69).

принято выделять словообразовательные и семантические кальки³² (Unbegaun 1932, 19-23; Шанский 1955, 29-30; 1975, 44-45; Ефремов 1960, 21; Флекенштейн 1963, 299; 1966, 158; Kochman 1967, 7; Ольшанский 1976, 117; Виноградов 1982, 166-169; ЛЭС 2002, 211). Эта классификация отражается и в новейших исследованиях по данной проблематике (Арапова 2000а, 15; Крысин 2002, 31-32; Damborský 2005, 124). Как отмечает А.А. Зализняк (2006, 413), поскольку калькирование является заимствованием внутренней формы³³, то «типы калькирования естественно различать на основании соотношения внутренней формы оригинала и копии». Так, если оригинал имеет внутреннюю форму словообразовательного типа, то копия будет представлять собой словообразовательную кальку, а если оригинал имеет внутреннюю форму эпидигматического типа, то – семантическую кальку. Таким образом, словообразовательное калькирование – это воспроизведение морфологической структуры слова, а семантическое – это возникновение у слова отсутствовавшего у него ранее переносного значения – по образцу слова другого языка с тем же исходным значением.

Остановимся подробнее на семантических заимствованиях или семантических кальках. В результате семантического калькирования заимствуется только лексическое значение чужой модели, что приводит к расширению объема значений слова в принимающем языке; при этом не создается нового звукового комплекса, а используется уже существующее слово, которое может быть как исконным, так и иноязычным, однако хорошо освоенным языком-реципиентом (см. Ольшанский 1976, 124; Арапова 2000а, 25, 34). Таким образом, существуют два основных пути усвоения новых значений русской семантической системой. Один из них заключается в приспособлении исконно русских слов к передаче новых понятий, причем, как правило, таких слов, которые семантически хотя бы частично совпадают со

³² Следует указать, что некоторые исследователи предпочитают вместо термина *семантическая калька*, по их мнению, лишь частично покрывающему это явление, термин *семантическая индукция*, определяя им изменение или появление нового значения, то есть семантическое видоизменение уже существующих в языке слов под воздействием иноязычного источника (см. Сорокин 1965, 165-166; 1966, 27; Веселитский 1972, 144-167; Ходакова 1981, 120). К собственно же калькам эти авторы относят лишь словообразовательные или лексические. Еще ранее для обозначения семантического калькирования Б.А. Серебренниковым (1955, 14) был предложен термин *семантическая инклинация*, который принимается и М.А. Хегай (1964, 298-299).

³³ В этом определении она опирается на существующую традицию (см. Пауль 1960, 470-471), продолжающуюся также и в других современных исследованиях (Damborský 2005, 124).

словами-носителями заимствуемого значения в чужом языке (см. Биржакова и др. 1972, 258-259). Как показывают наши наблюдения, при контактировании родственных языков именно этот способ получает особенно широкое распространение, так как в данном случае частично совпадает и материальная оболочка слов. второй путь – так называемое вторичное заимствование, когда иностранное слово, уже освоенное русским языком, принимает на себя новое значение, при этом новое значение может прийти из того же языка, из которого ранее была заимствована сама лексема, однако источником его может быть и другой язык (см. там же, 259-260; Крысин 2004б; Маринова 2007). Таких заимствований в наших материалах значительно меньше (относительно немного) по сравнению с указанными ранее.

Как отмечалось выше, а также, по мнению В. Витковского (1992, 264), при контактировании генетически родственных языков создаются особенно благоприятные условия для семантического калькирования, потому что процессу заимствования содействует, облегчая его, формальное сходство или даже совпадение соответствующих слов. И именно это обстоятельство весьма затрудняет распознавание таких калек.

Общепризнано, что выявление семантических калек сопряжено с большими трудностями, поскольку природа таких заимствований проявляется не в языковой форме, а исключительно в содержании. Еще М.И. Стеблин-Каменский (1953, 281) писал, что «... семантические заимствования гораздо менее доступны для исследования, чем простые заимствования» и указывал, что «в сущности, вообще нет критериев, при помощи которых можно бы было установить, что значение данного слова – результат семантического заимствования, а не результат самостоятельного развития первоначального значения данного слова в связи с возникновением нового понятия». Современные исследователи также подчеркивают, что факт семантического калькирования «... часто бывает невозможно или очень трудно установить» или что «... окончательно установить факт семантического калькирования удастся довольно редко» (Зализняк 2001, 20-21; 2006, 414; см. также Крысин 2002, 31). И тем не менее они полагают, что семантические калки все же поддаются идентификации с помощью применения историко-филологических методов (см. Зализняк 2001, 20; Крысин 2002, 30). Для этого в каждом конкретном случае

необходимо определить время и обстоятельства появления данного переносного значения, то есть прибегнуть к обращению к фактам внеязыковой действительности. На принцип историзма, требующий, «чтобы лингвист доказал относительно каждого заимствованного элемента, что первоначально он существовал в языке А и лишь после того, как А и В впервые вступили в контакт, он появился в языке В», а затем доказал, что этот заимствованный элемент не мог возникнуть в принимающем языке в ходе его самостоятельного развития, восходящий к работам Э. Хаугена (1972, 345), В. Бланара (1962, 27-28; *Blanár* 1958, 159-169) и В. Дорошевского (*Doroszewski* 1962, 133-135), опирается при изучении процесса семантического калькирования польский славист С. Кохман (*Kochman* 2005a, 58-59). При этом в системе его доказательств при работе с семантическими заимствованиями используются и такие лингвистические критерии, как предсказуемость типа контакта и его последствий на всех уровнях и временных срезах, а также учет структурных различий контактирующих языков (там же). На еще один – и очень важный – признак семантической кальки такой, как резкое, скачкообразное изменение значения, не мотивированное предшествующим развитием языка обращает внимание Н.С. Арапова (2000a, 25). При этом она, как, впрочем, и другие лингвисты, занимающиеся этой проблематикой, замечает, что очень часто для установления факта семантического калькирования недостаточно учитывать только этот или даже совокупность нескольких только собственно лингвистических показателей, поскольку в целом ряде случаев весьма сложно установить, в результате какого процесса у слова возникло переносное значение: было ли это следствием семантического заимствования или оно органически развилось в самом языке; поэтому, чтобы обнаружить калькированный характер некоторых лексических единиц, необходимо проследить всю историю анализируемого слова начиная с момента появления его в языке (там же, 27; см. также Зализняк 2001, 20-21; 2006, 414). Кроме того, как отмечалось выше, при изучении межславянских заимствований любого рода, а семантических в особенности, очень важно обращение к узуальным и экстралингвистическим факторам, что признается всеми без исключения исследователями языковых контактов (см., например, Вайнрайх 1979, 26; *Leeming* 1976, 11; Крысин 2002, 31; 2004б; *Kochman* 2005a, 59), поэтому в своей

работе мы также опираемся на набор критериев из этой области, о которых речь шла в разделе I. 3. 2. данной работы.

Помимо понятия “семантическое заимствование (семантическая калька)”, мы также используем понятие “сдвиг значения” (в терминологии Ю.С. Сорокина (1965, 164) – семантическое сближение) под влиянием иноязычного слова для определения такого явления, когда исконное слово развивает новое значение под влиянием абсолютного синонима в языке-доноре, поскольку внешне однозначный результат взаимодействия семантических структур разноязычных слов (усложнение семантической структуры своего слова) достигается в ходе разных по характеру протекания процессов (см. Kochman 1967, 7; Грановская 1981, 293).

I. 3. 4. Определение понятия «полонизм»

Поскольку объектом нашего внимания является польское влияние на одну из разновидностей деловой письменности МГ, а именно на дипломатическую корреспонденцию первой половины XVII в., на лексико-семантическом уровне в целом, а в данной работе – в семантической сфере в частности, считаем необходимым оговорить, что мы относим к числу полонизмов.

В понятие “ полонизм ” мы включаем три вида языковых единиц, обнаруженных в лексико-семантической системе анализируемых письменных источников: исконно польские по происхождению лексико-семантические единицы, элементы польского происхождения, проникшие в русскую дипломатику благодаря посредничеству «простой мовы», и элементы третьих языков (латынь, чешский, немецкий, итальянский, французский), вошедшие в русский письменный язык через посредство польского, при этом в последнем случае часто в роли еще одного посредствующего звена выступала «простая мова».

Заметим, что полонизмы второй и третьей групп требуют некоторых дополнительных комментариев. Так, в литературе по польско-восточнославянским языковым контактам существует мнение, что «... на протяжении XV-XVI вв. русским языком в преобладающем большинстве

случаев были заимствованы только те полонизмы, которые до появления их великорусских памятниках были уже прочно усвоены западнорусским, что наряду с полонизмами в тот же самый период вошли в русский язык также собственно западнорусские (украинские и/или белорусские) слова» (Золтан 1983, 342-343). И «... хотя большинство лексических элементов, вошедших в русский язык в рассматриваемую эпоху из западнорусского, и является по происхождению полонизмами, ... представляется целесообразным поставить ... исследование в план языкового взаимодействия в самом восточнославянском ареале» (Zoltán 1987, 6). Мы абсолютно согласны с последним утверждением цитируемого автора о том, что необходимо уделять самое серьезное внимание роли староукраинского и старобелорусского языков, а затем и «простой мовы» в польско-русских языковых контактах XV-XVII вв., однако склонны рассматривать последние все-таки в основном как языки-посредники в этих отношениях. Обосновываем мы это следующими аргументами: во-первых, в приведенных работах А.Золтана представлен не настолько обширный языковой материал, который бы позволял делать однозначные выводы обобщающего характера, во-вторых, судьба анализируемых лексем прослеживается на не столь продолжительном (по историческим меркам) отрезке времени, чтобы судить о прочности их усвоения языком. Что касается третьей группы, то здесь, особенно в случае лексического заимствования, важным доказательством может быть то, что русским языком эти слова часто усваивались в польском фонетическом и морфологическом оформлении, а в случае с семантическими кальками для установления факта участия польского языка в процессе заимствования приходится в основном опираться на критерии, о которых шла речь в разделе I. 3. 2. данной работы.

И еще один момент: С. Кохман в одной из своих монографий (1967, 7) отмечает, что он не разграничивает заимствований по степени усвоения, поскольку даже не ставит перед собой такой задачи. Г. Милейковская (1984, 129) не склонна причислять к полонизмам окказиональные польские элементы, обнаруживаемые в отдельных памятниках. Тогда как Е.А. Целунова (2006, 129) регистрирует и учитывает все лексические и семантические полонизмы, употребляемые А. Фирсовым в его переводе Псалтыри, с целью выяснить, являются ли регулярно используемые им полонизмы принадлежностью

великорусского делового языка? Мы полностью поддерживаем эту установку. Ведь до тех пор, пока останется неисследованным в лингвистическом плане в отношении польского влияния большое количество памятников деловой письменности XV-XVII вв., необходимо скрупулезнейшим образом регистрировать все, в том числе и окказиональные элементы лексико-семантической системы, так как то, что нашло единичное отражение в одном или группе однородных памятников определенного периода, может затем обнаружиться в текстах другого жанра или в другое время. Так, потенция, не ставшая реальностью в одну историческую эпоху, может реализоваться на другом историческом этапе, поэтому в своей работе мы учитываем все польские элементы, засвидетельствованные в лексико-семантической системе анализируемых текстов, а затем по материалам лексикографических источников и данным других исследований прослеживаем их дальнейшую судьбу в контактировавших языках.

I.4. История изучения польско-восточнославянских и польско-русских языковых контактов XV-XVIII вв. на лексико-семантическом уровне

История исследования польско-восточнославянских языковых связей в XV-XVIII вв. вообще, и польско-русских в частности, насчитывает уже более ста тридцати лет. Польские заимствования в этих языках уже неоднократно становились предметом внимания русских и зарубежных исследователей. Работы, освещающие эту проблематику достаточно многочисленны и разнообразны. По своему характеру они могут быть подразделены на несколько групп. К первой группе относятся исследования, посвященные собственно полонизмам, проникшим в восточнославянские письменные языки указанного периода. В них основной акцент делается на этимолого-хронологическом анализе заимствований (установление источника и времени заимствования, иногда – условий). Со второй половины XX в. в работах этого плана уделяется также внимание вопросам, связанным с реакцией принимающего языка и

проблемам освоения заимствований. К исследованиям второго типа, где так или иначе рассматриваются полонизмы, можно причислить историко-лексикологические публикации, посвященные различным группам словаря, анализируемого времени, функциональным или стилистическим. И еще одно направление в изучении польских заимствований – характеристика в этом отношении памятников отдельных жанров.

I. 4. 1. Освещение проблематики польского влияния на восточнославянские языки в XV-XVIII вв. в русском языкознании

Если бы зашла речь об установлении предтечи той отрасли науки о языке, которую в настоящее время называют языковыми контактами вообще и которая включает, в том числе, и польско-восточнославянские связи, то в русском языкознании эта роль по праву принадлежит М.В. Ломоносову. К сожалению, М.В. Ломоносов не оставил ни одного трактата об иноязычной лексике в русском языке, хотя известно, что намеревался написать об этом. В материалах к *Российской грамматике* он отмечал, что «... иностранные слова пришли къ намъ ... 5) Чрезъ сообщество и частыя войны съ поляками. 6) Отъ введенія наукъ въ Россійское государство чрезъ ... Петра Великого» (Ломоносов 1952, 607).

Первая работа о полонизмах в русском языке вышла в 1873 г., ее автором был Я.К. Грот (1873). В разделе «Материалы для русскаго словаря» он приводит около 100 слов, считавшихся полонизмами в русском языке второй половины XIX в. В этом перечне нашли отражение «общеизвестные» в то время слова польского происхождения и лексика, заимствованная из других языков через польское посредничество. При этом были исключены диалектные и устаревшие слова. В настоящее время этот научный труд скорее представляет собой своего рода исторический документ об изучении в прошлом польского влияния на русский язык. И хотя автору не удалось избежать неточностей и ошибок, а список приведенных им полонизмов далеко не исчерпывает всего богатства этой лексики, вошедшей в русский язык, тем не менее результаты его изысканий были актуальны и значимы на протяжении всей первой половины XX в. Достаточно сказать, что эти материалы учитывали при составлении своих

этимологических словарей М. Фасмер и А.Г. Преображенский. Кроме того, Я.К. Грот поставил два очень важных вопроса в области изучения польско-русских языковых контактов: вопрос о посредничестве украинской культуры и языка в передаче русскому языку польской лексики и вопрос об интенсивности воздействия польского языка на русский в XVIII в.

В начале XX в. было опубликовано более крупное исследование, посвященное лексике польского происхождения в русском языке: монография Н.А. Смирнова *Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху* (1910), в которой полонизмы составляют одну четвертую часть всех заимствований и занимают среди них первое место. Из названия самой работы следует, что основное внимание автор уделяет изучению памятников XVIII в., а начало польско-русских языковых контактов относит к концу XVII – началу XVIII в., отсюда и целый ряд ошибок в установлении хронологии заимствований, что не может не вызвать недоумения, поскольку Н.А. Смирнов не мог не знать заслуживающих доверия фактов, наводящих на мысль о более ранних польско-русских языковых контактах, так как уже тогда были опубликованы работы А.И. Соболевского, затрагивавшие эту проблематику, *Русские заимствованные слова* (1891), *Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII вв.* (1899), *Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв.* (1903) и *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии* (1910), под руководством которого Н.А. Смирнов написал свое сочинение. Помимо этого, последний опирается на ограниченный языковой материал и в основном лишь регистрирует иноязычную лексику, не доказывая причин отнесения того или иного слова к группе полонизмов. Однако следует отметить, что этот автор делает попытку определить формальные показатели польского посредничества при заимствовании латинских слов.

В 1911 г. появляется рецензия И.И. Огиенко на исследование Н.А. Смирнова, который в ней, а также в работе 1915 г. предпринял попытку теоретического рассмотрения проблемы языковых контактов, представив явление языковой интерференции с точки зрения потребностей данного языка для исправного выполнения им коммуникативной функции (см. 1911, 353). Анализируя же конкретные заимствования, он безапелляционно утверждает, что польский язык почти не оказывал прямого влияния на русский язык, а это

воздействие осуществлялось через югозападнорусское посредство (см. там же, 355). С этим связано отнесение им к сомнительным полонизмам таких слов, как *будовать*, *вербовать*, *звычайный*, *упартый* и целого ряда других. Однако несомненной заслугой И.И. Огиенко, наряду с теоретическими замечаниями по поводу проблематики языковых контактов, было указание на важную роль староукраинского языка в польско-русских языковых контактах, а также передвижение нижней границы хронологии польских заимствований с XVIII на XVII и даже XVI в.

Можно сказать, что перечень полонизмов Н.А. Смирнова и публикации И.И. Огиенко завершают определенный этап изучения польского влияния на русский язык в истории русского языкознания, не умаляя при этом значения вклада в исследование этого вопроса в конце XIX – начале XX в. других ученых, таких как уже упоминавшийся А.И. Соболевский, А.Ф. Потебня (1881), С.К. Булич (1886), Ф.Е. Корш (1907), А.А. Шахматов (1916б, 62-63). Однако их работы представляли собой заметки об отдельных польских словах, попутные размышления по этой проблематике или описывали иноязычное влияние на русский язык только в синхронном аспекте.

Возобновление интереса к польско-восточнославянским языковым связям относится к 30-м гг. XX в., уже в советский период. И внимание к этой проблематике постепенно возрастает на протяжении 50-90-х гг. этого столетия. В 1935 г. выходит исследование А.С. Орлова о *Тилемахиде* В. Тредиаковского, где он приводит список из более чем 130 полонизмов и обращает внимание на усиление польского влияния на русский язык в 30-60-е гг. XVIII в., а также на роль украинского и белорусского языков как возможных посредников в этом процессе (см. Орлов 1935, 51-55). В конце 30-х гг. XX в. появляется монография В.В. Виноградова *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.* (1938), в которой он не только приводит значительный перечень полонизмов, но и высказывает ряд важных соображений о природе и условиях польского воздействия на русский язык на рубеже XVII-XVIII вв., указывая, что в это время оно приобретает более глубокий характер (см. Виноградов 1938, 30-54 или Виноградов 1982, 25-40, 59-60, 66, 73-74). Он также обращает внимание исследователей на роль языков соседних восточнославянских народов в русско-иноязычных контактах этого периода: «Юго-западное влияние несло с собой в

русскую литературную речь поток заимствований» (Виноградов 1982, 37). В более поздних работах 40-60-х гг. этот автор, помимо анализа общей проблематики польско-восточнославянских культурных и языковых контактов, много внимания уделяет истории целого ряда полонизмов в русском языке, в том числе и отдельных семантических заимствований, показывая блестящие образцы такого рода изысканий (см. Виноградов 1947, 712; 1953; 1955; 1963б; 1967б; 1968; 1969; 1999). В целом труды В.В. Виноградова послужили существенным стимулом оживления интереса к вопросам польского влияния на русский язык в XV-XVIII вв. в языкознании советского периода 50-90-х гг. прошлого столетия.

Так, в 50-е гг. эта проблематика затрагивается в исследованиях П.Я. Черных (1956), А.А. Булаховского (1953). В конце 50-х гг. появляются две статьи Н.М. Шанского, где рассматриваются некоторые отдельные явления в области польско-русских языковых отношений, в частности роль польской лексики с суффиксами *-изна* (Шанский 1958) и *-ость* (Шанский 1959) в русском языке. Несколько раньше была опубликована статья С.М. Глускиной, анализирующей общественную терминологию в *Космографии* 1637 г., которая заложила определенные негативные оценки роли польского влияния на русский язык XVI-XVII вв. Проанализировав указанную терминологическую группу лексики, автор делает несколько странный и противоречивый вывод: «Второе место (после русской – Л.Г.) в социальной терминологии занимает западнорусская и польская лексика, которая для словаря *Космографии* в целом совсем не характерна»³⁴ (Глускина 1954, 232-233).

В 50-60-е гг. в советском языкознании появляются первые работы, посвященные исключительно польско-русским языковым связям XVI-XVII вв. Это были диссертация и публикации В.М. Тамань (1953, 1960, 1961), которая сосредоточив свое внимание на языке таких авторов, как Иван Грозный, А. Курбский, И. Пересветов (XVI в.) и А. Палицын, И. Катырев-Ростовский (XVII в.), обнаружила в языке некоторых из них значительное количество полонизмов (например, в письмах Ивана Грозного было отмечено около 70 полонизмов). Тем не менее она категорично отрицает какое-либо польское влияние на формирование литературного языка Московской Руси и роль польской лексики

³⁴ В данном случае не совсем понятно, на каком основании делается это заключение, поскольку другие пласты лексики вообще не изучались.

в пополнении словарного состава русского языка, объясняя наличие большого числа полонизмов в языке Ивана Грозного, как специальный литературный прием намеренной стилизации речи, как индивидуальные заимствования (Тамань 1953, 15; 1960, 124). Выводы В.М. Тамань противоречат не только собранным ею самой фактам, но и в целом тем данным, которые были получены в результате исследований, проводившихся в этой области до и после нее. Отчасти это можно объяснить тем, что она опиралась на довольно ограниченный материал, к тому же стилистически неоднородный (И. Пересветов верен церковнославянской традиции, отсюда и столь малое количество полонизмов в его сочинениях – всего 4, в то время как письма Ивана Грозного написаны разговорным языком). Этой же точки зрения вслед за В.М. Тамань придерживается и Р.М. Вайнтрауб (1964, 303), а также А.М. Сабенина³⁵, занимавшаяся лексикой сферы дипломатических отношений XVII в. и обнаружившая там только одно польское слово *канцелярист*, которое, по ее словам, было мало употребительным и встречалось исключительно в актах по истории Юго-Западной Руси (Сабенина 1971а, 19-20).

Более взвешенную позицию представляет Е.М. Иссерлин в монографии *Лексика русского литературного языка XVII в.* (1961), где на базе шести совершенно самостоятельных и независимых друг от друга переводов с польского второй половины XVII в. книги С. Стравольского *Двор турецкого султана* рассматриваются различные терминологические и тематические группы лексики польского происхождения. При этом автор в связи с традицией отношения к польскому влиянию на русский язык в XVI-XVII вв., идущей от С.М. Глускиной и В.М. Тамань, замечает, что «... необходимы еще и дополнительные разыскания в этой области, бóльшая строгость и осторожность при определении каждого отдельного факта заимствования, а также бóльшая научная объективность, позволяющая решать этот вопрос вне влияния на него общего отношения к самому процессу заимствования» (там же, 40).

Возможно, представленное выше отношение к роли польско-русских языковых контактов в XVI-XVII вв. в истории русского литературного языка привело к тому, что, несмотря на труды В.В. Виноградова, далее на протяжении

³⁵ Кстати, это мнение, но только относительно преувеличения польского влияния на украинский язык XVI-XVII вв. было поддержано Н.П. Романовой (1972, 50).

60-90-х гг. не было предпринято ни одного разыскания, посвященного специально и исключительно этой проблематике.

Тем не менее попутно этот вопрос затрагивался в ряде исследований второй половины прошедшего столетия. В 60-е гг. отдельные полонизмы, и среди них и семантические, рассматриваются в монографии М.А. Брицына (1965, 135-137), посвященной истории восточнославянской лексики, в частности, анализу юридической номенклатуры, а также в публикациях С.С. Волкова (1962), И.С. Хаустовой (1963), изучавшей социальную лексику *Ведомостей* 1703 г., и Е.И. Мельникова (1967), анализировавшего чешские лексические элементы в русском языке, заимствованные через польское посредничество в XIV-XIX вв. Лексическим полонизмам уделяется внимание и в работах А.В. Волосковой (1967, 11, 14), исследовавшей дипломатическую терминологию начала XVIII в. В это же время общих вопросов польско-русских языковых контактов и посреднической роли других восточнославянских языков в них касается Ю.С. Сорокин (1966, 22, 26, 28).

В 70-е гг. польско-русские языковые отношения обсуждаются в коллективных монографиях (Биржакова и др. 1972; Мальцева и др. 1975) и работах Ф.П. Сорокалетова (1970), В.В. Веселитского (1972) и И.С. Козырева (1974), где анализируется и несколько десятков лексических и семантических заимствований из польского. В 70-80-е гг. появляется серия публикаций Ф.П. Сергеева (1971, 1972, 1973, 1978, 1984), посвященных русской дипломатической терминологии, где рассматриваются и дипломатические термины польского происхождения, в числе которых есть и словообразовательные и семантические кальки. В 80-е гг. проблематика польских лексических заимствований, среди которых встречаются и семантические кальки, затрагивалась также в работах Е.А. Целуновой (1985а, 1987; см. также 2006) на материале *Псалтыри* А.Фирсова 1683 г., В.Н. Роговой (1987), исследовавшей публицистические произведения XVI в.

В 90-е гг. выходит монография К.П. Смолиной (1990), посвященная лексике имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв., публикации В.О. Петрунина (1990) и В.Г. Демьянова (1990, 1991), изучавших деловую письменность XVI – начала XVIII в., а также статья В. Калугина (1994) о местных традициях в языке русской литературы XVI-XVII вв. Во всех этих

исследованиях, помимо прочего, анализируются и польские лексические элементы в русском языке, причем В.Г. Демьянов и В.О. Петрунин выявляют и единичные семантические кальки. В последнее время вопрос о лексических полонизмах в русском и других восточнославянских языках, заимствованных в XVI-XVII вв., затрагивается в публикации В.Е. Моисеенко (2003). Проблематике польского влияния на русскую разговорную речь XVII в. на лексико-семантическом уровне также уделяет внимание О.Г. Щитова (2006а; 2006б).

Завершая обзор изучения польско-русских языковых связей XV-XVIII вв. на лексико-семантическом уровне в русском языкознании, укажем, что в ряде работ, начиная с Я.К. Грота, а затем у И.И. Огиенко, А.С. Орлова, В.В. Виноградова, а также П.П. Плюща (1961) и В.Г. Демьянова (1991) очень серьезное внимание обращается на роль «простой мовы» в этих контактах. Причем В.Г. Демьянов (1991, 100) особо подчеркивает, что изучение польского влияния на каждый из восточнославянских языков должно учитывать данные всех этих языков, то есть быть комплексным, а не отдельным, как это часто бывало до последнего времени.

1. 4. 2. Исследование польского влияния на восточнославянские языки в XV-XVIII вв. в западной славистике

Проблема польско-русских и – шире – польско-восточнославянских связей вообще с начала прошедшего столетия привлекала внимание и западных славистов. Так, в 1906 г. в Берлине была опубликована докторская диссертация В. Христиани (Christiani 1906) *Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts*, в которой приводится около 140 полонизмов и дается их предметно-смысловая классификация. Начало польского влияния автор относит к XVI в., и описание именно этого языкового влияния составляет основную часть исследования. Однако XVII в. рассматривается им очень поверхностно, зато довольно хорошо представлены результаты анализа письменных памятников XVIII в., причем эти источники имеют разнородный характер (с одной стороны, это такие авторы, как Ф. Куракин и Петр I, с другой – И. Посошков, А. Кантемир и В. Тредиаковский). И

хотя эта работа не была целиком посвящена польско-русским языковым взаимоотношениям и опиралась на ограниченный материал, а регистрируемые заимствования причислялись к полонизмам без какой-либо аргументации, тем не менее она была первой попыткой представления польского влияния на русский язык XVII в. в славистике вообще. На нее опирался М. Фасмер при написании своего этимологического словаря.

20-40-е гг. XX в. не были отмечены сколь-нибудь значительными исследованиями специально в области польско-русских языковых связей. В этот период проблематика польско-восточнославянских языковых контактов XVI-XVIII вв. затрагивается в работах таких ученых, как Т. Лер-Сплавиньский, который приводит отдельные случаи польских заимствований в русском языке (Lehr-Spławiński 1929, 167; 1938), и Х. Станг, посвятивший польским заимствованиям в канцелярском языке города Полоцка XVI в. небольшой раздел в своей монографии (Stang 1939, 130-136). Относительно более полную картину польского влияния на русский язык дает А. Брюкнер, приводящий в своем этимологическом словаре (Brückner, 1927) 128 заимствований из польского, однако отсутствие хронологических данных снижает ценность этой информации, которую он черпал в основном из публикаций Я.К. Грота, В. Христиани, Н.А. Смирнова.

В 50-е гг. можно выделить лишь три работы, в которых отражена интересующая нас тематика. Прежде всего, это выход в свет этимологического словаря М. Фасмера (Vasmer 1953-1958). Появление его, несомненно, было одной из причин оживления изысканий как в области языковых контактов вообще, так и межславянских связей в частности. Этот фундаментальный труд содержит указания на громадное количество заимствований в русский как непосредственно из польского, так и через его посредничество из других западноевропейских языков. Правда, он не лишен недочетов и неточностей в области хронологии, а также сведений о польском посредничестве в передаче немецких заимствований. Первое во многом объясняется тем, что автор вынужден был пользоваться исследованиями В. Христиани (1906) и Н.А. Смирнова (1910), которые содержали эти неточности. Тем не менее это не умаляет несомненных достоинств работы М. Фасмера, которая послужила

стимулом к более доскональному изучению заимствованной лексики в русском языке (см. Sławski 1954; 1956; 1958).

Скромную библиографию этого времени следует дополнить научным сочинением М. Фогараша (Fogarasi 1958) *Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488-1699)*, ценность которого состоит в передвижении нижней границы хронологии западноевропейского влияния, в том числе и польского, на русский язык с XVII в. на конец XV – начало XVI в. Именно на эту публикацию опирался О.Н. Трубачев, вводя уточнения хронологии ряда заимствований в *Этимологический словарь русского языка* М. Фасмера (1964-1973) при его переводе. Еще следует отметить книгу Г. Хютль-Ворт *Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert* (Hüttl-Worth 1956), посвященную проблемам калькирования. Кстати, это одно из первых таких исследований, касающихся славянских литературных языков, не считая работы Б. Унбегауна (Unbegaun 1932).

В 60-80-е гг происходит подлинный взрыв интереса к польско-восточнославянским языковым связям. В 60-е гг. появляются работы Ю. Речек (Reczek 1961), Г. Лиминга (Leeming 1963), Г. Хютль-Ворт (Hüttl-Worth 1963), А. Рейцак (Reitsak 1963), С. Гардинера (Gardiner 1965), М.-Е. Собик (Sobik 1969), Г. Рыттер (Rytter 1969). С этого же времени начинает публиковаться и польский славист С. Кохман, который до сих пор активно и плодотворно продолжает заниматься проблематикой польско-русских языковых контактов и чьи труды занимают особое место в этой области и требуют отдельного обзора (на них мы остановимся ниже).

Что же касается других исследований 60-х гг., то Ю. Речек (Reczek 1961) останавливается на анализе изысканий В.М. Тамань, приветствуя ее вклад в копилку работ по польско-русским языковым контактам XVI-XVII вв., но критически оценивая выводы автора. А. Рейцак (Reitsak 1963) и С. Гардинер (Gardiner 1965), занимавшиеся изучением немецкого влияния на русский язык в интересующий нас период, попутно обнаруживают довольно большое количество таких слов, заимствование которых осуществлялось через польское посредничество. Г. Лиминг (Leeming 1963) приводит перечень медицинских терминов, проникших в русский язык из польского и латыни благодаря польскому посредничеству в допетровскую эпоху. Г. Хютль-Ворт (Hüttl-Worth

1963) уточняет этимологию и хронологию целого ряда заимствований из польского, особо подчеркивая значение хронологического критерия в изучении межславянских языковых контактов, а также посредническую роль «простой мовы» в русско-польских языковых связях. В монографии М.-Е. Собик (Sobik 1969), посвященной польско-русским языковым контактам XVII – первой половины XVIII в., отмечается, что если до XVII в. в русском письменном языке бытовало около 150 лексических полонизмов, то на протяжении XVII – первой половины XVIII в. к ним добавилось еще 700, однако часть из них регистрируется автором только в текстах на «простой мове», поэтому должна быть исключена из составленного ею словника полонизмов в русском языке (если не будет засвидетельствована в нем в последующих исследованиях), в котором всего помещено 850 слов. Для нас особый интерес представляет то, что в перечне полонизмов М.-Е. Собик фиксируются и отдельные семантические заимствования. Г. Рыттер (Rytter 1969; 1973) в своих статьях подчеркивает, что самым сильным польское влияние на русский язык, начавшееся в XV, и даже в XIV в, было со второй половины XVI и до конца XVII столетия. Она также уделяет внимание характеристике типа польско-русских языковых контактов, оценивая их как сложные, когда польский язык выступает как посредник при передаче западноевропейских заимствований или когда в роли посредника выступает «простая мова», и указывает, что установление посредничества последней вызывает трудности ввиду отсутствия, как правило, формальных показателей, свидетельствующих об этом. Кроме того, Г. Рыттер дополняет список польских заимствований в русском языке XVI-XVII вв. несколькими десятками лексем.

Исследования И. Ауэрбах (Auerbach 1973) начала 70-х гг., анализировавшей источники XVI в., и Р. Берга (Berg 1973), изучавшего *Письма и бумаги* Петра Великого, также пополняют список лексических полонизмов в русском языке. В середине 70-х гг. выходит монография Г. Лиминга (Leeming 1976), в которой показывается посредническая роль польского языка в передаче русскому языку допетровской эпохи лексики латинского и романского происхождения и где помещен словарь из 720 заглавных и 190 ссылочных слов (дериватов от заглавных слов). При этом для почти 350 заглавных слов установлена более ранняя хронология. Анализируемый автором материал был

почерпнут из широкого круга источников делового характера. Практически в это же время перечень полонизмов довольно значительно увеличивает В. Кипарский (Kiparsky 1975), а во второй половине 70-х гг. Ч. Ляхур (Lachur 1976) и М. Пшитулецка (Przytulecka 1978), а также Д. Томас (Thomas 1978), рассматривавший немецкое влияние на русский язык, в котором польский играл роль посредника. Кроме того, тогда же публикуется статья Г. Милейковской (1978) о методах исследования польских элементов в русском языке различных периодов и статья М. Басая (Basaj 1979), содержащая анализ состояния исследований польско-русских языковых контактов на конец 70-х гг. XX в. и намечающая перспективы изысканий в этой области. В публикациях М. Лесюва (Łesiów 1976; Лесюв 1978) этого периода много внимания уделяется «простой мове» как посреднику в польско-русских языковых контактах в XVI-XVII вв. и обзору исследований польского влияния на нее.

Начало 80-х гг. ознаменовалось выходом в свет труда А. Пеннингтон (Pennington 1980), в котором уделяется внимание и анализу польского влияния на русский письменный язык XVII в. В середине 80-х гг. издается монография Г. Милейковской (1984), где автор, помимо методологии изучения межславянских языковых контактов, пытается представить широкую панораму польского влияния на русский язык XV-XVIII вв. на различных языковых уровнях, привлекая очень обширный круг памятников разнородной языковой традиции. Возможно, столь большая широта охвата материала и его разнообразие привели к отсутствию четкости изложения и неупорядоченности подачи информации. Кроме того, в работе, как правило, отсутствует какая-либо аргументация в отнесении того или иного языкового факта к разряду полонизмов или исключении его из этой категории. И тем не менее и эта публикация пополнила список полонизмов в русском языке, обогатив его и несколькими семантическими заимствованиями.

В 80-е гг. появляются также исследования венгерского слависта А. Золтана (1983а; 1983б; Zoltán 1987; Золтан 1988), в которых, помимо анализа лексики польского происхождения в русском языке, выдвигается положение о том, что с первой половины XV в. в качестве языка московской дипломатии как церковной, так и государственной использовался западнорусский язык: «... в качестве *lingua franca* в общении между Польско-Литовским и Московским

государствами выступал именно западнорусский язык» (Золтан 1983а, 342). Это утверждение автор аргументирует материалами XV-XVI вв. По этому поводу ряд исследователей замечает, что продолжительное влияние западнорусского делового языка на деловой язык Московской Руси привело к тому, что к XVII в. значительная часть слов польского происхождения настолько вошла в лексический состав великорусского делового языка, в особенности языка Посольского приказа, что воспринималась как его характерная особенность (см. Pennington 1980, 385; Успенский 1983, 98; Живов, Успенский 1983, 157, 159).

И, наконец, в последнее время, в конце XX – начале XXI в., библиография работ по польско-восточнославянским языковым контактам пополняется исследованиями В.Витковского (Witkowski 1991; 1992; 1999; 2006), М. Мозера (2002; Moser 2007), А. Лавриненко (2006). В публикации 1991 г. польский славист В. Витковский останавливается на лексических заимствованиях из польского в русский в первой половине XVIII в., статья же 1992 г. посвящена исключительно семантическим полонизмам в русском языке XIV-XIX вв., где приводится перечень из 123 семантических калек, большая часть которых была заимствована в XVI-XVIII вв. Заметим, что вообще это одна из весьма немногочисленных работ такого рода в славистике (ниже речь пойдет об изысканиях в этой области С. Кохмана). Но отдавая должное автору, который одним из первых решился поднять эту «целину» в сфере исследования польско-русских языковых контактов в прошлом, тем не менее приходится констатировать, что в данном случае мы имеем дело лишь со списком семантических полонизмов, не сопровождаемым какой-либо аргументацией, кроме того, не все приводимое в этом перечне может быть отнесено в семантическим калкам. На наш взгляд, кое-что следует отнести к лексическим заимствованиям, по поводу же некоторых семантических калек следует говорить о более ранней их хронологии в русском языке (на всех этих моментах мы останавливаемся в третьей части данного исследования). В 1999 г. В. Витковский выпускает *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, содержащий 6000 полонизмов, регистрировавшихся в русском письменном языке XIV-XX вв., а в 2006 г. – *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, дополненный еще приблизительно 1000 заглавных слов. Следует особо подчеркнуть, что невозможно переоценить значение этих двух

публикаций, так как они сводят воедино практически все лексико-семантические полонизмы, выявленные на протяжении почти 140 лет исследований в области польско-русских языковых отношений. Помимо этого, здесь представлена и наиболее полная библиография работ не только по польско-восточнославянским языковым контактам, но и по контактам восточнославянских языков с другими западноевропейскими языками, где польский язык выступал в роли посредника. Вполне понятно, что в таких обобщающих научных сочинениях уже в силу объективных причин трудно избежать некоторых недочетов, а порой и ошибок. Так, по нашему мнению, нуждается в верификации материал, извлеченный самим автором из письменных памятников и лексикографических источников и без каких-либо доказательств относимый к лексико-семантическим заимствованиям из польского³⁶. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет о внутриславянских дериватах или о посредничестве польского при заимствованиях из других западноевропейских языков³⁷. Есть неточности в хронологической информации, когда дается ссылка на уже устаревшие сведения. Однако все это может корректироваться по мере накопления новой информации в направлении, с одной стороны, сокращения или уточнения каких-либо материалов, а с другой – увеличения числа полонизмов.

Что касается исследований начала текущего столетия, то особо следует выделить обширную и, на наш взгляд, хорошо аргументированную публикацию австрийского слависта М. Мозера (2002) об истоках, природе и особенностях функционирования «простой мовы»³⁸. Его же статью (Moser 2007) о методике выявления межславянских заимствований, в том числе и семантических калек.

Обратимся к обзору работ С. Кохмана по проблематике польско-восточнославянских языковых контактов в XV-XIX вв. Так, из почти 100 его научных публикаций (появление первых из них приходится на 60-е гг. XX в.) 52 посвящены интересующим нас вопросам (4 монографии и 48 статей) и в общей сложности в них представлен анализ около 900 полонизмов.

³⁶ Справедливости ради заметим, что большая часть зарегистрированных в словнике полонизмов документирована данными специальных изысканий, содержащих достаточно убедительную доказательную базу.

³⁷ См. рецензию Я. Карзарновича (Karzarnowicz 2002, 290-293) на первое издание *Słownika* В. Витковского (Witkowski 1999).

³⁸ Следует также упомянуть публикацию польской славистки А. Лавриненко (2006) на эту же тему.

Труды этого автора стали новым шагом в разработке польско-восточнославянских языковых связей, поскольку учитывали новейшие достижения того времени в области общей теории языковых контактов (работы А. Мартине, У. Вайнрайха, Э. Хаугена и др.). Основываясь на структурных принципах этой теории, С. Кохман развивает некоторые теоретические положения, касающиеся проблематики межславянских языковых отношений: он одним из первых обращает внимание на проблему заимствования из польского внутриславянских дериватов, а также на вопросы семантической деривации (калькирования) при изучении взаимодействия родственных языков. В отличие от многих своих предшественников, ограничивавшихся в основном сопоставлением словников полонизмов, С. Кохман в большей части своих исследований проводит скрупулезнейший историко-этимологический анализ материала, дает предметно-семантическую классификацию заимствований, рассматривает процесс их фонетико-морфологической адаптации.

В своих научных сочинениях он опирается на очень богатые и представительные фактические данные, охватывающие более трех столетий (в основном это XVI-XVIII вв., однако затрагивается и вторая половина XV., а также XIX в.). Анализируются памятники разной языковой традиции: это, с одной стороны, дипломатическая корреспонденция, своды законов и актов, а также письма и бумаги Петра I и князя А. Куракина, с другой стороны – переводная и оригинальная литература XVI-XVII вв. самого различного содержания и назначения (паломническая, различного рода трактаты и др.), а также первые русские театральные пьесы и произведения таких авторов, как В.К. Тредиаковский (Kochman 1972b; 1973a), А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов и др. Большое внимание С. Кохман уделяет памятникам лексикографического характера (Kochman 1963; 1971; 1973b; 1975c), отмечая такую важную особенность этих источников: в словарях XVII в. довольно часто сам составитель иноязычные слова сопровождает пометами, указывающими на их происхождение.

Попытаемся тематически сгруппировать публикации С. Кохмана. Самую большую группу составляют исследования, посвященные анализу истории отдельных лексем, являющихся наименованиями понятий из различных сфер жизнедеятельности и культуры, при этом много внимания уделяется пласту

абстрактной лексики (Kochman 1972a; 1972c; 1974a; 1976b; 1977b; 1977c; 1977d; 1978b; 1978c; 1978d; 1979a; 1979b; 1980a; 1984a; 1984b; 1988a; 1989; 1993; 1994a). Еще одна группа – это работы, в которых представлен разбор различных терминологических систем: судебной (Kochman 1965; 1977a), дипломатической (KD (I) 1971; KD (II) 1972; KD (III) 1973; KD (IV) 1974; Kochman 1978a; 1980b; 1991a), литературоведческой (Kochman 1975d; 1976a), философской (Kochman 1991b). В ряде статей рассматриваются сложные межславянские и межславянско-западноевропейские контакты: чешско-польско-русские (Kochman 1970; 1974a; 1974b), романо-польско-русские (Kochman 1973c; 1975b), а также посредническая роль белорусского и украинского языков в польско-русских языковых связях (Kochman 1988b). Кроме того несколько публикаций посвящено общим проблемам и методологии изучения межславянских и славяно-западноевропейских языковых контактов (Kochman 1964; 1969; 1976c; 1978e; 1994b; 2003).

Отдельно остановимся на монографиях С. Кохмана. Первая из них (Kochman 1967) появилась, по словам самого автора, как реакция на противоречия, замеченные им в работах В.М. Тамань (Kochman 1975a, 9). Это одно из немногих изысканий (и первая из монографий), анализирующих польское влияние на русский язык именно в XVII в. Здесь представлен перечень из 580 полонизмов, основное же внимание сосредоточено на уточнении хронологии довольно большого числа заимствований, регистрировавшихся в предшествующих исследованиях, а около 200 лексем из этого списка С. Кохманом впервые квалифицируются как полонизмы. Однако из-за отсутствия более глубокого анализа и достаточной аргументации некоторые случаи, трактуемые им как заимствования из польского, впоследствии вызвали сомнения у ряда исследователей (см. Basaj 1979, 5; Милейковская 1984, 34). Да и сам автор позднее критически оценивал отнесение к полонизмам ряда слов из своего перечня и отмечал, что уже даже в силу объективных причин (ограниченность базы источников и неразработанность исторической лексикологии славянских языков) эта монография не могла дать полной картины польского влияния на русский письменный язык XVII в. и не избежала некоторых неточностей и ошибок (Kochman 1975a, 9).

Следующая монография (Kochman 1975c) – это публикация словарных статей, включающих польские по происхождению лексемы, из четырех рукописных словников XVII в. с обширным историко-этимологическим комментарием. Остается лишь сожалеть, что этот комментарий дается только к отдельным словам из *Алфавита иностранных речей* и касается в основном слов, которые составители словников ошибочно принимали за полонизмы, а также искаженных, редких и устаревших слов. Работа эта весьма значима в том плане, что показывает, сколь велика была доля полонизмов в словниках семнадцатого столетия, это, в свою очередь, может свидетельствовать о степени распространенности такого рода лексики в русском языке вообще.

В другой монографии, относящейся к тому же времени (Kochman 1975a), центр тяжести, в отличие от работы 1967 г., перенесен на вопросы этимологические и функциональные, а среди анализируемой лексики много внутриславянских дериватов, что потребовало разработки теоретической базы и инструментария для установления самого факта заимствования. Исследование проводилось на основе обширного материала, охватывающего три столетия (XVI-XVIII вв.), что давало возможность не только установить сам факт заимствования отдельных слов из польского языка в русский, но и определить степень устойчивости, функциональную валентность этой лексики, ее большая жизнеспособность в качестве словообразовательного материала для исконно русских слов. В этом научном сочинении представлено много оригинальных славянских этимологий (например, *награда*, *роскошь* и многие другие), которые отличаются глубиной анализа, логичностью выводов и внушают доверие. В этом исследовании С. Кохман также доказывает, что польское влияние на русский язык отнюдь не затухает, начиная с первой половины 20-х гг. XVIII в., вопреки мнению В.В. Виноградова (1982, 96), а также Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой и Л.Л. Кутиной (1972, 175), а продолжает сохранять свою интенсивность на протяжении всей первой половины этого столетия. Много внимания автор здесь уделяет и разработке такого вопроса, как роль сложных межславянских языковых контактов в процессе заимствования: чешско-польско-русских, польско-украинско-белорусско-русских.

Монография, вышедшая в 2005 г. (Kochman 2005a), включает в себя наиболее ценные и интересные исследования С. Кохмана, опубликованные в

различных периодических изданиях на протяжении последних тридцати лет и не утратившие своего значения до сих пор.

Завершая обзор научных сочинений С. Кохмана, выделим те из них, которые были целиком посвящены проблемам калькирования и калькам или попутно затрагивали эту проблематику. Всего таких работ 28: Kochman 1967; 1972a; 1972c; 1973c; 1975a; 1975b; 1975d; 1976a; 1976b; 1977a; 1978a; 1978b; 1978c; 1978d; 1979b; 1980a; 1980b; 1984a; 1984b; 1988a; 1989; 1991a; 1993; 1994a; 2003; 2005b; 2006; 2007). Семантические кальки из польского или заимствованные благодаря польскому посредничеству из латыни и западноевропейских языков анализируются в следующих публикациях: Kochman 1967; 1972a; 1972b; 1973c; 1975a; 1975b; 1975d; 1977a; 1978a; 1978b; 1980a; 1984b; 1988a; 1991a.

Итак, даже достаточно беглое обозрение научных трудов С. Кохмана позволяет говорить об их основополагающем значении в сфере изучения межславянских языковых контактов. Именно поэтому они получили широкий резонанс в славистических кругах, побуждая интерес к изучению этой проблематики, и нашли живой отклик в работах таких авторитетов мировой славистики, как А. Исаченко, О.Н. Трубачев, Б. Унбегаун, Б.А. Успенский и др.

Заключая рассмотрение истории исследования польско-восточнославянских языковых отношений в русском и зарубежном (западном) языкознании, заметим, что если сопоставить библиографию работ в этой области, то как в количественном, так и в качественном плане соотношение будет явно не в пользу первого. Несмотря на авторитет и научные усилия В.В. Виноградова, на положение дел в этой сфере, видимо, повлияло сложившееся в 60-70-е гг. прошлого столетия мнение о том, что польский язык в XVI-XVII вв. не оказывал сколь-нибудь заметного влияния на русский язык. Во всяком случае, в русском языкознании до сих пор не появились более масштабные работы, позволяющие оценить степень проявления польского влияния на русский язык XVI-XVIII вв. не только в количественном отношении, что также очень важно, но и в качественном – более глубинном – плане и тем самым установить его роль в процессе формирования русского литературного языка нового типа. Некоторому возрождению интереса к этой проблематике в русском языкознании в 80-е гг. XX в. способствовал Б.А. Успенский в связи с

необходимостью обоснования конкретными языковыми фактами своей концепции формирования русского литературного языка. И в это время указанная тематика находит отражение в нескольких работах его учеников Т.А. Исаченко-Лисовой (1984), Е.А. Целуновой (1985а; 1985б; 1987), а также автора данного исследования (1985)³⁹, где специально ставилась цель выявления польского влияния на процессы, протекавшие в русском письменном языке XVIII в. В других же работах, относимых к разделу русской библиографии, начиная с 70-х гг. прошедшего века, как мы указывали ранее, эта проблематика представлена весьма фрагментарно, либо рассматривается попутно наряду с решением других задач.

I. 5. Общая характеристика работы

I. 5.1. Объект исследования и актуальность работы

В.В. Виноградов (1969, 16) еще в конце 60-х гг. XX в. отмечал, «... что историческая семантика новообразований в русском литературном языке XVII-XIX вв. очень мало исследована». К концу того же столетия список работ, освещавших с разных сторон заимствованную лексику, в том числе и польскую, как мы показали выше, заметно пополнился. Однако, как справедливо отмечает В.Г. Демьянов (1990, 4), наблюдается неравномерность в изучении иноязычной лексики по разным периодам. При этом явное предпочтение отдается петровскому и послепетровскому времени: калькам, в том числе и семантическим, в русском языке XVIII-XIX вв. посвящены фундаментальные работы Ю.С. Сорокина (1965) и Н.С. Араповой (2000а). Исследованию же в этом плане периода, непосредственно предшествовавшего петровскому, по замечанию того же автора, и представленному нами обзору литературы по анализируемой проблематике, уделялось значительно меньше внимания. Тогда как и в XVII столетии, также по-своему знаменательном в истории русского

³⁹ Первые публикации двух последних авторов следует отнести к разделу русской библиографии по интересующему нас вопросу.

литературного языка, осуществлялись интенсивные контакты с западноевропейскими языками, в особенности с польским, что не могло не отразиться на лексико-семантической системе русского языка XVII в.

И если выявлению лексических полонизмов в деловой письменности XVII в. вообще, и в документах Посольского приказа в частности (об особой роли этой разновидности делового языка в формировании русского литературного языка нового типа говорилось в разделе I. 2. 3., с. 28 данной работы) уделялось определенное внимание, то семантическим заимствованиям из польского в этих источниках посвящено лишь несколько работ. Так, детальный анализ исключительно семантических полонизмов в источниках XVI-XIX вв. проводился в пяти публикациях польского слависта С. Кохмана (Kochman 1978a; 1980a; 1984b; 1988a; 1991a). Еще в двух статьях этого автора (Kochman 1972b; 1977a) семантические кальки рассматриваются наряду с лексическими полонизмами. Всего в этих работах представлено девять случаев семантического калькирования: пять из них относятся к концу XV-XVI вв., три – к XVII в., один – к XIX в. Шесть из девяти семантических заимствований из польского зарегистрированы им в дипломатических актах (Kochman 1977a; 1978a; 1984b; 1991a). В остальных же его публикациях, анализирующих проблематику калькирования вообще или конкретно затрагивающих отдельные случаи калькирования (см. с. 63 данной работы), рассматриваются в основном словообразовательные и семантические кальки с латыни, романских и немецкого языков, вместе с тем фиксируются и единичные семантические полонизмы, а также говорится о возможном польском посредничестве при семантическом калькировании с этих языков. Во всех других работах о польском влиянии на русский язык в XVI-XVII вв., о которых шла речь в разделах I. 4. 1. (см. с. 47 и I. 4. 2. (см. с. 53 данной работы), попутно с лексическими полонизмами регистрируются и единичные семантические кальки без обстоятельного их анализа либо приводится более обширный перечень семантических полонизмов без какой-либо аргументации отнесения их к данному разряду (см. Witkowski 1992). Как видим, ни в русском, ни в зарубежном (западном) языкознании приказная письменность XVII в. не подвергалась систематическому изучению на предмет выявления в ней семантических заимствований из польского.

Специально семантическим полонизмам в деловой письменности, в том числе и в дипломатической корреспонденции, по нашим сведениям, посвящено всего около десяти публикаций⁴⁰. Таким образом, актуальность рассматриваемой в настоящей работе проблематики определяется как слабой ее представленностью в лингвистической литературе, а следовательно, и явно недостаточной изученностью, так и важностью объекта исследования – дипломатической документации Московской Руси, которая, начиная со второй половины XV в. и на протяжении XVI-XVII вв., была одним из основных каналов полонизации русского письменного языка (причем не только делового, но и книжного), что подтверждается как данными исследований, рассматривавшихся в разделах I. 4. 1. и I. 4. 2., так и нашими изысканиями⁴¹. Итак, выбор объекта изучения был вызван тем, что в анализируемый период именно источники этого рода наиболее оперативно и отчетливо отражали многие инновационные языковые процессы и явления; поскольку это был практически единственный вид письменности, где могли фиксироваться отклонения от книжной нормы, а кроме того, он как никакой другой был открыт для всякого рода внешних влияний, в XVII же столетии особенно для польского. А сама эта эпоха в истории русского языка была временем начала кардинальных преобразований, в результате которых под влиянием совокупности внутренних факторов и, очевидно, не без внешних воздействий, в том числе, видимо, и польского, сформировался русский литературный язык нового типа.

I. 5.2. Цель и задачи исследования

Цель работы – по возможности наиболее полно выявить семантические полонизмы в дипломатической корреспонденции МГ по сношениям с западноевропейскими державами в первой половине XVII в., показать пути их проникновения в русскую письменность и дальнейшую судьбу в контактирующих языках, определить их историко-культурное и

⁴⁰ Помимо упомянутых выше работ С. Кохмана, см. также публикации автора данной работы: Гарбуль 2002; 2003; 2004б; 2004г; 2005в.

⁴¹ См.: Гарбуль 1985; 1994; 2002; 2003; 2004а; 2004б; 2004в; 2004г; 2005а; 2005б; 2008.

лингвистическое значение для воссоздания картины языкового развития, а также установить роль заимствований этого рода в процессе формирования русского литературного языка и их вклад в обогащение его лексико-семантической системы.

Заявленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) доказать, что анализируемые во второй части данной работы лексико-семантические единицы являются семантическими полонизмами в русском письменном языке XVII в.;
- 2) верифицировать материал, рассматриваемый в третьей части исследования;
- 3) определить характер контактов, в результате которых представленные в работе семантические кальки проникли в русский приказный язык изучаемого периода;
- 4) установить значение и роль «простой мовы» в польско-русских языковых контактах XVI-XVII вв.;
- 5) показать степень усвоения анализируемых семантических калек лексико-семантической системой русского и других восточнославянских языков и вклад таких заимствований в пополнение словаря этих языков;
- 6) оценить роль польского влияния на лексико-семантическом уровне в эволюционных процессах истории русского языка.

I. 5. 3. Источники исследования

Материалом для исследования послужила дипломатическая документация МГ конца XVI – первой половины XVII в.⁴², отражающая отношения с западноевропейскими державами: Англией, Голландией, Данией, Италией, Молдавским княжеством и Валахией, Речью Посполитой (Польшей и ВКЛ), Священной Римской империей, Францией, Швецией, а также Турцией. В работе были использованы опубликованные посольские книги и их

⁴² В рамках исторических событий внутренней жизни Московской Руси это период от начала Смуты (1598 г.) до середины XVII в., включая воссоединение Украины с Россией в 1654 г.

фрагменты⁴³. Кстати, как отмечает историк Д.В. Лисейцев (2003б, 3; 2006, 5), архивы Посольского приказа, по сравнению с документацией других ведомств, отличаются наилучшей сохранностью и представляют собой один из крупнейших комплексов источников по истории России XVI-XVII вв. По данным другого исследователя истории России В.С. Смирнова (1999, 8), до наших дней дошло около $\frac{3}{4}$ дел этого учреждения, относящихся к XVII в., при этом значительная их часть опубликована.

Отличительной особенностью посольских книг является многосторонность заключенных в них сведений по самым разным вопросам как внешней политики, так и внутренней жизни⁴⁴. Эти памятники уникальны, и вместе с тем их информация пересекается с другими источниками: летописями, хронографами, разрядными и записными книгами, а также путевыми и иного содержания заметками иностранцев. Посольские книги включают в себя (как правило, в копиях) разнообразные документы: договоры и трактаты; грамоты «верющие» (верительные), «ответные», договорные русских и иностранных государей; переписку приказа с послами, посланниками и гонцами; указы (часто очень детальные) посольствам; «вести» от русских представителей за рубежом и статейные списки – подробные отчеты русских дипломатических представителей о пути следования в страну назначения (путевой дневник), встречах и переговорах с иностранными представителями и их уполномоченными. Кроме того, они содержат информацию о различных событиях, фактах и личные наблюдения, то есть включают сведения обо всем увиденном и услышанном, «про что проведено и про что не проведено» (подробнее см.: Буганов 1979, 3; Рогожин 1979, 14)⁴⁵.

Грамоты «верющие» – содержат представление посла, посланника или гонца и различные просьбы, пожелания или претензии главы одной державы к главе другой.

⁴³ О публикациях дипломатической документации МГ см. у А.М. Сабениной (1971б, 68-77).

⁴⁴ Кроме того, в делопроизводстве Посольского приказа в начале XVII столетия использовался ряд передовых приемов, что делает рассмотрение документации этого ведомства весьма перспективным в источниковедческом плане (Лисейцев 2003б, 3).

⁴⁵ В структуру посольских книг также входят записи их составителей, которые часто носят информативный характер и служат связками между различными документами. В них сообщается о приездах и отправлении послов и гонцов, о решениях царя и Боярской думы, приводятся перечни присутствовавших на дипломатических приемах лиц, росписи подарков. По замечанию Н.М. Рогожина (1981, 187), эти записи, не являясь собственно дипломатической документацией, все же непосредственно связаны с посольскими книгами.

Грамоты «ответные» – практически дословно повторяют содержание полученной грамоты, а в конце излагается ответ.

Наказ – инструкция с детальным перечислением возложенных на посла поручений и его обязанностей, с изложением всего посольского церемониала и предписанием норм поведения в чужой стране. В нем излагались возможные речи и ответы на вопросы иностранцев. Это было обстоятельнейшее указание не только на задачи посольства, но и на то, как их выполнять (подробнее см. Сергеев 1973, 24, 26).

Статейный список свое наименование получил в связи с особенностью изложения отчета о посольстве по «статьям». Послы были обязаны в письменной форме отвечать на «статьи» даваемых им наказов. Собственно статейные списки дошли до нас с первой четверти XVI в., однако более полными и обширными они становятся с середины XVI в., приобретая форму дневника, а окончательно этот жанр деловой письменности складывается к середине XVII в. (подробнее см. у Я.С. Лурье (1954, 326) и А.М. Сабениной (1971б, 59)). Составляли статейные списки либо сами послы, либо приданные им дьяки и подьячие. В последнем случае посол обязательно проверял текст и при необходимости вносил в него исправления. Обычно статейные списки назывались по имени посла. Этот документ всегда датирован, иногда в нем формулируется цель поездки. Далее следует описание дороги к месту назначения с указанием населенных пунктов по пути к месту следования и средств передвижения, перечисляются трудности и лишения, выпавшие на долю посольства. Почти дословно воспроизводятся беседы с лицами, сопровождавшими послов или случайными встречными. Очень тщательно, с учетом мельчайших подробностей, описывается каждый день пребывания в чужой стране, начиная с момента встречи посольства. Много внимания уделяется передаче всех тонкостей дипломатического церемониала: поведение посла во время аудиенции и ответные действия принимающей стороны с почти дословной передачей посольских и ответных речей. В статейные списки, особенно XVII в., включалось много сведений о быте и нравах за границей, о внутреннем строе и порядках в зарубежных странах, их истории, этнографии, географии и природных богатствах. Изложение этой информации в живой форме нередко вносит в язык этих документов элемент непринужденности и

даже художественности (см. Лихачев 1954, 319-346). Завершаются статейные списки подробным описанием обратного пути и сообщением даты возвращения.

Часто к основному статейному списку примыкают «вести» – сведения по определенным вопросам, собранные послом в соответствии с данным ему поручением. Иногда они вставлялись в основной текст списка, но чаще приводились в конце в виде приложения.

Изложенное выше позволяет говорить о том, что такая составная часть посольской документации, как статейные списки, особенно XVII – первой четверти XVIII в., представляет особый интерес для изучения взаимодействия различных языковых стихий в период становления русского литературного языка нового типа, поскольку эти памятники, принадлежащие к деловой письменности, не были скованы условностями определенных языковых норм «высокой литературы», но в то же время они шире и разнообразнее по тематике, чем узкоделовая письменность, и поэтому более открыты для различного рода внешних влияний.

I. 5. 4. Методология исследования

Еще в 60-70-е гг. прошлого столетия отмечалось, что сравнительно-историческая семасиология родственных языков, как и семасиология сравнительно-сопоставительная, находились в самой начальной стадии научной разработки, так как исследователей в основном интересовало число слов и их распределение по различным тематическим группам, что свидетельствовало о явно одностороннем подходе к анализу лексики, который порождался трудностями методологического и методического характера (см. Иссерлин 1961, 7, 8; Будагов 1971, 109, 129; Шмелев 1973, 9, 12, 13, 14, 15, 22, 26). Исходя же из того, что слова любого естественного языка чаще всего многозначны, следует учитывать не только количественный, но и качественный аспект самой лексики. В связи с этим возникает важная и сложная проблема притяжения и отталкивания лексем разных языков не только на уровне собственно слов, но и на уровне отдельных значений сопоставляемых слов. Таким образом, при изучении лексического состава определенной эпохи представляется весьма

существенным установить не только количественный состав лексики, но выявить и определить сущность тех явлений, которые раскрывают его качественную специфику и отличие от словарного состава других эпох.

В последующие десятилетия XX в. и в начале текущего столетия были сделаны определенные шаги как в направлении разработки методологии такого рода изысканий (Трубачев 1976; Basaj 1978; Бородина и др. 1979; Богатова 1984; Топоров 1986; Клычков 1989, 93-189; Толстой 1997; Зализняк 2001; Kochman 2005а, 60; Степанов 2005, 13-14), так и в применении их на практике (Смолина 1990; Арапова 2000а; Крысин 2001; 2002; Зализняк 2001; 2006 и др.).

В настоящее время в публикациях по семасиологии говорится о «... назревшей необходимости последовательного сближения синхронных и диахронных семасиологических исследований» (Бабаева 1998, 94; см. также Odrobińska-Dudek 2001, 431; Степанов 2005, 303), на это, кстати, уже в 60-70-е гг. указывали Э. Косериу (1963, 342), М.И. Стеблин-Каменский (1966, 68) и В.Н. Ярцева (1979, 8-9). В своей работе мы старались сочетать оба этих аспекта, так как при синхронном рассмотрении заимствования могут быть представлены как набор лексико-семантических единиц, характерный для данной исторической эпохи (в нашем случае – для второй половины XVI-XVII вв.), а при диахронном рассмотрении речь идет об освоении и степени усвоения заимствования принимающим языком.

Вообще же изучение семантической истории слова и идентификация семантических калек должны проводится как по лингвистическим, так и по экстралингвистическим основаниям (см. Крысин 2002, 30). Причем, по словам А.А. Зализняк, установление факта калькирования вообще – совершенно отдельная процедура, требующая применения более широких историко-филологических методов анализа, а констатация факта семантического калькирования в каждом конкретном случае требует уяснения времени и обстоятельств появления данного переносного значения (Зализняк 2001, 21; 2006, 414). Блестящим образцом таких изысканий является работа В.В. Виноградова *История слов* (1999).

Что касается собственно лингвистических методов, то в своем исследовании мы опираемся на традиционный сравнительно-исторический метод. Кроме того, сравнительный анализ отдельных семантических систем или

их фрагментов как в синхронном, так и в диахроническом плане требует типологического подхода, то есть сопоставительного анализа, сочетаемого с необходимым историзмом. Наряду с этими основными методами используются также элементы компонентного анализа, количественная оценка материала (количественно-статистический метод). Применяются также методы смежных областей знаний – истории, этнографии, культурологии.

I. 5. 5. Научная новизна и практическая ценность работы

Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые в исторической славистике предприняты семасиологические изыскания столь объемного как в содержательном, так и в хронологическом аспекте материала. Это дало возможность выявить довольно многочисленную группу лексем, которые в анализируемых значениях, по мнению автора, являются полонизмами в русском письменном языке XVII в., при этом в большом количестве случаев была удревнена хронология этих заимствований и установлены либо уточнены пути их проникновения в русский язык. Другая группа лексико-семантических единиц, рассматриваемых в работе и квалифицируемых как семантические полонизмы, до сих пор вообще не регистрировалась в памятниках письменности и не отражена в лексикографических источниках русского языка. Кроме того, в целом ряде случаев были верифицированы результаты предшествующих исследований в области изучения семантических полонизмов, проникших в русский письменный язык в XVI-XVII вв.

Представленный во второй и третьей частях данной работы материал может быть использован для уточнения и дополнения информации этимологических и исторических словарей русского языка, а также в исследованиях обобщающего характера по исторической лексикологии и истории русского литературного языка.

I. 5. 6. Положения, выносимые на защиту:

1. Польское влияние на русский письменный язык в первой половине XVII в. отличалось не только интенсивностью в количественном плане, но и

глубиной воздействия на лексико-семантическую систему в качественном аспекте.

2. Лексемы, представленные во второй части работы, в анализируемых значениях являются не самостоятельными образованиями в русском языке, а семантическими кальками с польского, при этом часть из них проникла в русскую письменность раньше, чем предполагалось до сих пор.

3. Материал, рассматриваемый в третьей части работы, нуждается в верификации.

4. В роли активного посредника в польско-русских языковых контактах второй половины XVI-XVII вв. выступала «простая мова».

5. Документация Посольского приказа, испытавшая сильное польское влияние не только на лексическом, но и на семантическом уровне, в XVII в. могла выступать в качестве проводника этого влияния и на великорусский книжный язык, что стало возможным в результате так называемого «третьего южнославянского влияния».

I. 5. 7. Структура работы

Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, двух аналитических частей, заключения, словника, списка источников, словарей и литературы, а также словоуказателя.

Во введении рассматриваются исторические и культурные предпосылки польского влияния на русский язык во второй половине XVI – первой половине XVII в.; условия формирования русского литературного языка нового типа и факторы, способствовавшие этому процессу, в частности польское влияние на русский язык как один из таких факторов; характер польско-русских языковых контактов в XV-XVIII вв. и определение основных понятий, связанных с процессом заимствования; история изучения польско-восточнославянских и польско-русских языковых контактов XVI-XVII вв. на лексико-семантическом уровне; дается общая характеристика работы.

Каждая из двух аналитических частей состоит из трех разделов, в которых исследуемый языковой материал расположен в порядке следования

частей речи в академической грамматике русского языка. Каждый раздел завершается обобщением результатов.

В заключении формулируются общие выводы, в которые включается и материал, представленный только в словнике, поэтому последний входит в состав исследования.

В словнике в алфавитном порядке помещены все семантические полонизмы, обнаруженные нами в дипломатической корреспонденции МГ первой половины XVII в., как те, что рассматривались в аналитических частях работы, так и те, которые аргументированно относятся к этой категории в работах других исследователей и поэтому специально не анализируются нами. Причем для последних, помимо значения и количественной характеристики (число употреблений, засвидетельствованное нами в письменных источниках с их указанием), дается ссылка на посвященные им публикации.

I. 5. 8. Апробация работы

По проблематике польско-русских языковых контактов автором опубликовано одиннадцать статей (см. список литературы), восемь из них непосредственно связаны с темой диссертации:

1. К вопросу об изучении польского влияния на русский язык XVI-XVIII вв. // *Kalbotyra* XXXVI (2). Vilnius, 1985, 16-26.
2. О хронологии некоторых заимствований в русском языке XVII в. // *Kalbotyra* 44 (2). Vilnius, 1994(1995), 48-60.
3. К проблеме семантических полонизмов в русском приказном языке первой половины XVII в. // *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra* 51 (2)). 2002, 49-62.
4. Семантические полонизмы в документах Посольского приказа первой половины XVII в. // *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra* 52 (2)). 2003, 187-192.
5. К истории некоторых полонизмов в русском языке // *Respectus Philologicus*. 2004. № 6(11), 45-55.
6. Из истории лексем *свято*, *склад*, *склонить*, *склониться* в русском языке // *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra* 53 (2)). 2004 (2005), 167-177.
7. Польский язык как источник семантических калек в русском приказном языке XVII в., // *Ogród nauk filologicznych*. Opole, 2005, 189-201.

8. История лексем *затруднить, налгать, пограничье, родовитый* в русском и других восточнославянских языках // *Respectus Philologicus*. 2008. № 13(18), 180-191.

По теме диссертации прочитаны доклады:

1. К вопросу об изучении польского влияния на русский язык XVI-XVIII вв., Филологические чтения, посвященные 110-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д.И. Абрамовича. Вильнюсский университет, 4-5 апреля 1983 г.

2. «Простая мова» как проводник польского влияния на русский приказный язык второй половины XVI – первой половины XVII в., *Tarptautinė mokslinė konferencija, skirta prof. Valerijui Čekmonui (1936-2004) atminti: Lietuviai ir slavai: kalbų ir kultūrų sąveika Lietuvos istorijoje ir dabartyje*, Vilnius, 2008 m. lapkričio 27-29 d.

II. Семантические полонизмы, установленные впервые

В этой части работы на материале дипломатической корреспонденции МГ конца XVI – первой половины XVII века прослеживается история 173 лексических единиц (строго говоря, это 168 лексем, но 5 из них в различных значениях разбираются дважды в разных разделах), 130 из которых в исследуемых значениях регистрировались в русской лексикографии, а 43 из них в анализируемых значениях зафиксированы нами в русском письменном языке впервые.

До сих пор в историко-этимологических изысканиях русского языка не ставился вопрос о генезисе интересующих нас значений рассматриваемых лексем. По всей вероятности, это связано с тем, что поскольку большая часть этих лексем, за исключением лишь нескольких, известных только в восточно- и западнославянских языках, имеет общеславянское распространение и древнейший праславянский корнеслов, а также другие словообразовательные или формообразующие аффиксы, то видимо, априори считалось, что изучаемые нами значения исконны, то есть развились в самом русском языке. Однако у нас есть определенные основания полагать, что в данном случае мы имеем дело с семантическими заимствованиями из польского языка, что ниже и попытаемся доказать.

II.1. Семантические полонизмы с уточнением (удревнением) хронологии анализируемого значения

II.1.1. Имя существительное

БЪГЪ (1)⁴⁶ м. Вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел: *Въдомо намъ Великому Государю учинилось, что ты гораздо научень и навыченъ Астроломіи, и Географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрїю*

⁴⁶ Здесь и далее цифрой в скобках указано число употреблений анализируемой лексемы в наших материалах, при этом максимальное количество иллюстраций в тексте данной работы – не более четырех. Усечение начала цитаты не отмечается.

и инымъ многимъ надобнымъ мастертвамъ и мудростямъ (СГГД 3, 373(110), 1639 г.).

Это существительное, восходящее к праслав. *bĕgъ, является вторичным, чисто славянским образованием, отглагольным именем, производным от *bĕgt'i, *bĕgati, 1 л. ед.ч. *bĕgajŕ 'бегать, убегать', < и.-е. основа *bhĕg-: *bhegg-: *bheg^u- 'убегать, спастись бегством' (Berneker I, 54-55; Brückner 1974, 25; Преображенский I, 59; Фасмер I, 141-143; Fraenkel I, 38; Шанский I (2)67, ЭССЯ 2, 58-60, 61-62).

По данным исторических словарей, др.-рус. *бѣгъ* в значении 'бегство' отмечается со второй половины XI в. (СлДРЯ I,355; СлРЯ XI-XVII вв. 1, 84), а в исследуемом нами значении – с середины 70-х гг. XVII в. в *Житии Протопопа Аввакума*, документах Петра I и в переводных с польского текстах (СлРЯ XI-XVII вв., там же; СОРЯ 1, 94), причем примечательно, что все иллюстрации в этих источниках демонстрируют его только в составе фразеологизма с мотивированным значением (*бѣги (беги) небесные*), как и в случае, засвидетельствованном нами. В интересующем нас значении оно фигурирует и в словаре, отражающем русский язык XVIII в., при этом только здесь лексема впервые (1729 г.) представлена в свободном употреблении, не в составе фразеологического сочетания, а такая последовательность появления значений может свидетельствовать об их неисконности (СлРЯ XVIII в. 1, 154). В русской лексикографии *бѣгъ* 'fuga, cursus' впервые фиксируется с начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 36), но по такой подаче сложно установить конкретное значение слова. В словарях русского языка XIX-XX вв. это существительное в значении 'вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел' не регистрируется (Даль I, 150; ССРЛЯ (2) I, 380-382). Столь непродолжительное бытование слова в интересующем нас значении в русском языке, по нашему мнению, можно объяснить тем, что уже в ученых сочинениях XVIII в. для обозначения кругового движения небесных светил наряду с ним использовался целый ряд наименований: *движение, обращение, путь, течение* и т.д. (см. Веселитский 1972, 72). А это создавало избыточную синонимию, неприемлемую в сфере научной терминологии, поэтому в результате устранения данного явления в современном русском языке для выражения

указанного выше понятия закрепились только лексемы *вращение* (ССРЛЯ (2) II, 547) и *движение* (ССРЛЯ 3, 582; БТС 1998, 241).

Обнаруженный нами случай употребления *бѣзь* ‘вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Римской империей позволяет почти на четыре десятилетия уточнить время появления упомянутого значения в русском письменном языке. Текст исследуемого документа изобилует лексическими полонизмами, и это дает основания предполагать, что и анализируемое значение слова *бѣзь* также может быть полонизмом.

Действительно, в польском письменном языке *bieg* ‘ruch, obieg ciała niebieskich’ известно с середины XV в., в том числе и в словосочетании *bieg(i) niebieski(e)* (XV-XVII вв.), что и зафиксировано в словарях, отражающих польский язык XV-XIX вв. (SłStp I(2), 86; SłP XVI, II, 121; Linde I, 102; Karłowicz I, 149). В значении ‘szybki ruch, obrót przedmiotów’, в том числе и по отношению к небесным телам, это слово фиксируется и в словаре современного польского языка (SłJP I, 500).

С конца XV в. *бегъ* ‘абарачэнне і рух планет сонечнай сістэмы і іншых нябесных цел’ встречается в старобелорусском языке, причем и первый памятник, в котором оно отмечено, и подавляющее большинство старобелорусских и староукраинских текстов XVI-XVII вв. представляют собой переводы с польского, язык которых сильно полонизирован (ГСБМ 1, 215; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 3, 141). Однако далее XVII в. судьба этого слова в исследуемом значении для белорусского и украинского языков не прослеживается.

Приведенная выше информация позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что слово *бѣзь* в значении ‘вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел’ является бесспорным семантическим заимствованием в тексте цитируемого документа. По нашему мнению, словосочетание *бѣзь(u) небесный(e)* представляет собой либо кальку с немецкого *Himmelslauff*, либо кальку с польского *bieg(i) niebieski(e)*, которые, очевидно, являются кальками латинского сочетания *cursus celestis*, ср. классич. лат. *cursus solis, lunae, siderum* ‘движение, бег солнца, луны, созвездий’ (Дворецкий 1976, 281). Из польского это значение проникает в

старобелорусские памятники, а в русский оно могло попасть как из польского – возможно, благодаря посредничеству «простой мовы», так и непосредственно из немецкого. Не исключено, что процесс заимствования шел параллельно из обоих источников, однако польский язык был, вероятнее всего, основным, и это подтверждается материалами С. Кохмана, который обнаружил *бегъ*, объясняемое словом *обход* ‘круговое движение’, в рукописном *Алфавите иностранных речей* второй четверти XVII в. с пометой «пол.» (Kochman 1975с, 37).

ВОНЬ, ВОНЯ (2) *ж.* Дурной запах, вонь: *А то недоброе дѣло, что нас, як вязней замкнувши, в гноях і в вони великой держат* (Сб.РИО 137, 640, 1607-1608 гг.). *Дмитрей, што зоветца царикомъ, хочетъ ... стать на новомъ мѣсцу, потому што по веснѣ смрадъ и воня войско подушитъ* (АИ 2, 201(173), 1609 г.).

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, восходит к праслав. **vonja, *vonjati* (корень **on-* с протетическим *v*) ‘запах’, ‘пахнуть’ < и.-е. корень **ǵn-* ‘дыхание’, ‘дышать’, ‘дохнуть’ (Brückner 1974, 630-631; ИЭССРЯ I, 165; Преображенский I, 95-96; Фасмер I, 349; Шанский I(3), 158-159; ЭСБМ 2, 192). Переход *воня* – *вонь* обычен для славянских языков.

В древнерусском языке *воня* в значении ‘запах’ встречается с XI в. (Срезневский I, 300; СлДРЯ I, 474). В историческом словаре *воня* ‘дурной запах, вонь’ трактуется как оттенок значения ‘запах’ и иллюстрируется единственным примером (СлРЯ XI-XVII вв., 3, 21), совпадающим со вторым из приведенных нами. При этом следует обратить внимание на употребление слова в памятнике: «... смрадъ и *воня* войско подушитъ». Оно примечательно, если учесть, что *смрадъ* уже в XI в. известно в значении ‘зловоние’ (Срезневский III, 446). Лексема *вонь* и только в значении ‘дурной запах, вонь’, по данным того же исторического словаря, представлена в памятниках письменности с 60-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В словарях, отражающих русский язык XVIII в., находим *воня* ‘запах’ с пометой «славянизм», а также *вонь* ‘дурной запах’ и как оттенок этого значения ‘запах вообще’ с пометой «выпавшее из употребления» (СлРЯ XVIII в., 4, 59; САР I, 660, 661).

В русских лексикографических источниках *вонь* ‘дурной запах, вонь’ впервые регистрируется с начала XVIII в., а *воня* ‘запах’ – с конца 60-х гг. XVIII в. (Поликарпов 1704, 57). Вл. Даль (I, 240) дает *вонь* ‘отвратительный, противный запах’ и *воня* ‘запахъ, уханіе вообще’ с пометой «црк.». В словаре современного русского языка фиксируется только *вонь* ‘дурной, неприятный запах; зловоние’, сопровождаемое пометой «разг.» (ССРЛЯ (2) II, 444).

Нами исследуемое существительное оба раза обнаружено в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей в начале XVII в. Поскольку первый случай представляет собой форму местного (предложного) падежа, по которой сложно однозначно установить именительный падеж (*воня* или *вонь*), в качестве исходной формы мы приводим обе лексемы. Кстати, то же можно сказать и о первом точно датированном случае регистрации *вонь* в историческом словаре русского языка, так как это слово представлено в форме родительного падежа (СлРЯ XI-XVII вв., там же).

Учитывая характер памятников, где впервые встречалось *вонь*, *воня* в анализируемом значении, а также то, что на первых порах *воня* ‘дурной запах, вонь’ отмечается в тексте в одном ряду с синонимичным ему *смрадъ*, что может свидетельствовать о непривычности, нераспространенности этого значения⁴⁷ в то время, мы решили проследить историю существительного в польском языке.

В памятниках старопольской письменности *wonia* ‘zapach, zwykle przyjemny’ известно с конца XIV в. (SłStp X(4), 298; Reczek 1968; 563). А со второй половины XVI в. *wonia*, *woń* засвидетельствованы и в значении ‘smród, fetor, odór’, которое в словарях, отражающих польский язык XVI-XIX вв., дается как оттенок к ‘zapach’ (Linde VI, 387; Karłowicz VII, 696, 697). В словаре современного польского языка и *wonia*, и *woń* фиксируются в значении ‘zapach, zwykle przyjemny’, но *wonia* снабжено пометой «daw.» (SłJP IX, 1242, 1243).

В старобелорусском языке *воня* встречается с конца XV в. и лишь в значении ‘пах, духмянасць’ (ГСБМ 4, 181) и, по мнению исследователей истории белорусского языка, является заимствованием из польского (Булыка 1972, 68; ГЛБМ, 92). А *вонь* исключительно в значении ‘смурод’ появляется в

⁴⁷ Примечательно, что и глагол *воняти*, *воньти* ‘издавать дурной, неприятный запах’ в русской письменности появляется достаточно поздно, так как в приводимую в историческом словаре наиболее раннюю иллюстрацию этого значения под 1430 г. можно трактовать двояко: и как ‘пахнуть’, и как ‘издавать дурной, неприятный запах’ (СлРЯ XI-XVII вв., там же).

этом языке с начала XVII в. (ГСБМ, там же). Тогда как в украинской письменности XVI-XVII вв. употреблялось только *воня* как в значении '(приемный запах) аромат' с начала XVI в., так и в значении '(неприятный запах) сморід' с конца XVI в. (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 4, 227). Следует заметить, что и *воня*, и *вонь* в «простой мове» XVI-XVII вв. в интересующем нас значении отмечаются в текстах, в значительной степени насыщенных полонизмами. Однако далее XVII в. история этих лексем ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается. В анализируемом значении в белорусском языке употребляется *смурбод*, а в украинском – *сморід* (ГСБМ 5(1), 223; СУМ IX, 416).

Сопоставление истории существительного *воня* в исследуемом значении в польском и восточнославянских языках дает, на наш взгляд, определенные основания для того, чтобы рассматривать его как семантический полонизм в последних. Что касается лексемы *вонь*, и, возможно, именно ее демонстрирует наш пример, извлеченный из дипломатических документов по связям МГ с Польшей в 1607-1608 гг., то являясь на данный момент наиболее ранней фиксацией, он может быть существенным свидетельством в пользу заимствования из польского. Причем в русском языке, и в «простой мове» это, вероятнее всего, лексическое заимствование, хотя не исключено, что переход *воня* → *вонь* мог произойти и в самих восточнославянских языках, но и в этом случае, по нашему мнению, следует говорить о польском влиянии на семантику существительного. Подводя итог заметим еще, что в русский письменный язык начала XVII в. *вонь*, *воня* 'дурной запах, вонь' проникли, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы».

ВЫПИСЬ (2) *ж.* Выписка, извлечение из какого-л. документа; копия документа: *А по выписи изъ бошого дворца в томъ сель ... и в починкахъ и в пустошахъ написано пашни и перелогу три ста шестьнаццать четви в поле ...* (СГГД 2, 567(267), 1611 г.). *И изъ трибунальныхъ книгъ выпись той своей протостацыи приставъ взяль за моршалковыми и за депутатскими руками ...* (АЮЗР 3, 386 1649 г.).

Рассматриваемая лексема является безафиксным производным от префиксального глагола, восходящего к праслав. **pisati* (**pъsati*), 1 л. ед.ч.

**pišq* (< *pisjq*) по-видимому, с первоначальным значением ‘изображать что-л. путем вырезывания или с помощью красок’, имеющему общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках (о его происхождении см. ниже, с. [179](#) данной работы).

В русских письменных источниках это существительное в значениях ‘письменное изложение чего-л.’ и ‘запись показаний (при допросе, на судебном процессе)’ появляется со второй половины XVI в., а в анализируемом значении, по данным исторического словаря, - с 80-90-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 234). Однако нам *выпись* в этом употреблении оба раза встретилось в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, причем первый документ относится к 1611 г., что позволяет существенно удревнить хронологию значения в русском языке. В интересующем нас и других значениях существительное бытовало в русском языке XVIII-XIX вв., а в словаре русского современного языка оно регистрируется только в первом значении и сопровождается пометой «устар.» (СлРЯ XVIII в. 4, 256; САР I, 916; Даль I, 306; ССРЛЯ (2) II, 808).

Учитывая характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *выпись* ‘выписка, извлечение из какого –л. документа; копия документа’, а также то, что глагол *выписати* в мотивирующем значении ‘сделать извлечение из части текста, выписать’, по имеющейся на данный момент информации, выявляется в русской письменности более чем на четверть века позднее, нежели существительное (СлРЯ IX-XVII вв. 3, 233), можно предположить семантическое заимствование из польского языка. И действительно, в старопольских текстах *wypis* известно с начала XV в. и именно в значении ‘wierny odpis z księgi sądowej, kopia’ (SłStp X(7), 519). *Wypis* ‘odpis dokumentu, kopia oryginału; wyciąg z jakiegoś dokumentu’ активно употреблялось в польском языке и в XVI-XIX вв., в словаре же современного польского языка это значение снабжено пометой «daw.», хотя в значении ‘fragmenty, wyciątki wypisane s jakiegoś tekstu’, которое, несомненно, тесно связано с упомянутым выше, существительное до сих входит в активный лексический запас (Linde VI, 456; Karłowicz VII, 969; SłJP X, 150).

С конца XV - начала XVI в. *выпись* ‘выписка з дакумента, копія’ засвидетельствовано в письменности ВКЛ, а с конца 70-х гг. XVI в. в том же

значении в «простой мове» отмечается и *выпись*, для которого это значение не было единственным (ГСБМ 6,13; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 242). Следует заметить, что *выпись* первоначально наблюдалось в текстах, насыщенных полонизмами, то же можно сказать и о *выпись*, история которого для белорусского и украинского языков ограничивается XVII в. Далее в исследуемом значении в белорусском языке XVIII-XIX вв. находим только *выпись*, а в украинском языке того же периода – только *віпис* (Носовичь 1870, 89; Грінченко I, 217). В словаре современного белорусского языка *выпис* фигурирует в значении ‘тое, што выпісана адкуль-н., выпіска; вытрымка, цытата’ с пометой «разг.», а в словаре современного украинского языка *віпис* – в значении ‘те, що виписане з тексту’ (ГСБМ1, 562; СУМ I, 451).

Проанализировав историю существительного *выпись*, *выпись* в восточнославянских и польском языках, мы пришли к следующим выводам: в русском письменном языке XVII в. *выпись* в анализируемом значении, вероятнее всего, семантический полонизм. Несколько сложнее обстоит дело с «простой мовой». Здесь *выпись*, подобно *запись* (см. Сергеев 1978, 204), являющееся, по нашему мнению, польским по происхождению этимологическим лексемы *выпись*, очевидно, лексический полонизм, так как впервые это слово фиксируется именно в изучаемом значении. Существительное же *выпись* либо было образовано в самой «простой мове» не без польского влияния на его значение, либо лексема была заимствована из русского в конце XVI – начале XVII в. В любом случае, «простая мова» могла способствовать проникновению интересующего нас значения в русский письменный язык XVII в.

ЗАБЪГЪ (1) м. Набег, нападение (?): *Какъ деи мужа ее нѣмецкіе люди замучили ..., взяли ее в забѣгъ подѣ Осташковомъ, на острову, изъ Новагорода загонные нѣмецкіе люди ...* (Якубов 1897, 66, 1618 г.).

Это существительное, известное в западно- и восточнославянских языках, представляет собой безаффиксное производное от префиксального глагола, восходящего к праслав. **bĕgt'i*, **bĕgati*, 1 л. ед. ч. **bĕgajŕ* ‘бегать, убегать’ (Шанский II (6), 5-6; о происхождении глагола см. также с. 76 данной работы).

В памятниках русской письменности *зabьгъ* впервые отмечается во второй половине XV в., и среди составителей исторических словарей не существует единого мнения в отношении определения значения первой фиксации: один и тот же случай трактуется как ‘убежище’ и как ‘боевая операция при полевой войне’, но, на наш взгляд, верным следует считать определение ‘тот, кто прячется, скрывается’ (Срезневский I, 899; Кочин 1937, 117; СлРЯ XI-XVII вв. 5, 132). Обнаруженное нами употребление этой лексемы в дипломатическом документе по сношениям МГ со Швецией, в котором затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей, также допускает двойное толкование значения: ‘набег, нападение’ или ‘убежище; место, где скрываются’, но мы все-таки склоняемся к первому.

По данным исторического словаря, значение ‘убежище; место, где скрываются’ засвидетельствовано по памятникам с 1627 г., а значение ‘набег, нападение’ – с 1679 г., и оба они иллюстрируются единственными примерами (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В словаре, регистрирующем русский язык XVIII в., находим *зabьгъ* только в одном из указанных выше значений ‘воен. набег, вылазка’ в сопровождении пометы «выпавшее из употребления» (СлРЯ XVIII в. 7, 158). И далее конца XVII – начала XVIII в. история этого существительного в обоих представленных выше значениях для русского языка не прослеживается, хотя в других значениях оно продолжает употребляться и в современном русском языке (ССРЛЯ (2) V-VI, 185).

Учитывая ареал распространения *зabегъ* в славянских языках, обстоятельства его появления и непродолжительность бытования в анализируемом значении в русском языке, попытаемся проследить историю этого слова в польском языке. Здесь *zabieg* в значениях ‘schronisko, schronienie, miejsce bezpieczne wobec pogoni, przytułek’ и ‘zagon, napad’ фиксируется в памятниках письменности уже в первой половине XVI в. (Reczek 1968, 602; Linde VI, 597). В первом значении существительное употреблялось до XVIII в., а во втором регистрируется еще в словаре, отражающем польский язык XIX в., однако в словаре современного польского языка ни одно из интересующих нас значений уже не представлено (SłPaska II, 689; Karłowicz VIII, 19; SłJP X, 411).

С середины XVI в. *зabегъ* в значении ‘напад’ впервые встречается в старобелорусских, а со второй половины того же столетия в значении ‘(місце, в

якому можна сховатися від погоні) криївка, притулок' – в староукраїнських пам'ятниках (ГСБМ 10, 77; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 9, 196). Примечательно при этом, что в «простой мове» на первых порах лексема в этих значениях отмечается в сильно полонизированных текстах, а в историческом словаре украинского языка она снабжена отсылкой «стп. *zabieg*» (СУМ XVI – I пол. XVII ст., там же). Для белорусского языка история исследуемого значения далее XVII в. не прослеживается, тогда как в украинском языке XVIII-XIX вв. *zabieg* бытовало в значениях 'набѣгъ' и 'убѣжище, пристанище' (Гринченко I, 541). В словаре современного украинского языка фиксируется только второе значение в сопровождении пометы «заст.» (СУМ III, 22).

Итак, судя по приведенной выше информации, анализируемые значения существительного *zabiegъ*, вероятнее всего, были заимствованы русским письменным языком первой половины XVII в. из польского, причем более уверенно это можно утверждать в отношении значения 'набег, нападение', так как в польском языке глагол *zabiegać* в мотивирующих значениях 'wybiegać na spotkanie, wychodzić naprzeciw' и 'stawać komuś na drodze, zastępować komuś drogę' известен со второй половины XV в. (SłStp XI(1), 46), тогда как в русском языке *zabьгати* 'начать скрываться' – только с середины XVII в., а *zabьгати* 'выступать вперед' – с XVII – XVIII вв. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Добавим, что в русскую письменность рассматриваемые значения попали, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы», где *zabiegъ*, видимо, является лексическим полонизмом.

ЗАВЕСА, ж., ЗАВЕСЬ (1) м. Дверная или оконная петля в виде шарнира: *А у послов в окнех учинены были завесы и окончины* (ПА, 229 (205), 1613-1614 гг.).

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, образовано безаффиксным способом или с помощью темы *-a* от глагола **zavěsiti*, префиксального деривата от праслав. **věsiti*, каузатива к **visěti* 'висеть', представляющему в этимологическом отношении трудное слово, восходящее, возможно, к и.-е. корню **ueip-* 'качаться', 'быть подвешенным' (Brückner 1974, 645; ИЭССРЯ I, 154; Преображенский I, 85; Фасмер I, 319-320; Шанский II(6), 15).

В древнерусском языке *завѣса* ‘завеса; занавес, занавеска’ известно с XII в., а *завѣсь* в том же значении в русской письменности - с XVI в. (Срезневский I, 904; СлДРЯ III, 290; СлРЯ XI-XVII вв. 5, 145). В историческом словаре появление *завѣса* в интересующем нас значении датируется 1668 г., а *завѣсь* в том же значении – 1673 г., причем и то и другое сопровождается единственной иллюстрацией (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Однако мы обнаружили это существительное в указанном значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Англией, где затрагиваются также отношения МГ с Польшей, более чем на полстолетия раньше. В анализируемом значении история этого слова в русском языке ограничивается XVII в., так как ни одним лексикографическим источником XVIII-XIX вв. оно не регистрируется.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *zawias*, *zawiasa*, *zawies*, *zawiesa* (последние две формы встречаются только до XVIII в.) ‘rodzaj metalowego (dwuczęściowego) okucia na odrzwiach lub ramie okiennej, służącego do obrotu skrzydła drzwi lub okna’ известно с конца XIV в. и употреблялось на протяжении XV-XIX вв. (SłStp XI (3), 230; Linde VI, 809; Karłowicz VIII, 337). И в словаре современного польского языка находим *zawiasa*, *zawias* ‘przegub metalowy do zawieszania drzwi, okien i różnego rodzaju pokryw’ (SłJP X, 858).

Со второй половины XVI в. *завеса*, *завесь* ‘завеса, пристасаванне для адкрывання дзвярэй, акон⁴⁸’ фиксируется в старобелорусской письменности, с того же времени в староукраинских памятниках представлено *завѣса*, *завеса*, *зависа* ‘(шарнір для навішування дверей, вікон та ін.) завіса’, в обоих случаях в текстах, в той или иной степени насыщенных полонизмами (ГСБМ 10, 114, 117; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 242). Далее мы обнаруживаем *завіса* ‘дверная петля’ в словаре, отражающем украинский язык XIX в. (Грінченко I, 555). В исследуемом значении существительное представлено и в словарях современного белорусского (*завеса*) и украинского (*завіса*) языков (ГСБМ 2, 287; СУМ III, 52).

⁴⁸ Приводимый в историческом словаре белорусского языка наиболее ранний пример, демонстрирующий это значение, из текста Ф. Скорины, по нашему мнению, скорее иллюстрирует значение ‘заслона’: «... о дошкахъ и о подставкахъ и о *завесахъ* храмовыхъ...» (ГСБМ 10, 114). Во всяком случае этот контекст допускает возможность неоднозначного толкования, а у указанного автора *завеса* именно в этом значении встречается неоднократно (см. СМС 1, 190; ГСБМ 10, 113-114).

Сопоставление приведенных выше данных дает, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы считать *завьса, завеса, завьсь, завесь* ‘дверная или оконная петля в виде шарнира’ семантическим полонизмом в русском письменном языке XVII в. Что касается «простой мовы», то здесь это также, по видимому, семантический полонизм, поскольку в староукраинском языке *завьса, завеса* в других значениях: ‘(заслона з тканини) *завіса*’ и ‘(захист, оборона) *заслона*’ засвидетельствовано раньше конца XV в., а в старобелорусском это существительное в тех же значениях – с конца XV – начала XVI в. (СУМ XVI – I пол. ст.9, 242, 244; ГСБМ 10, 113, 114). В таком случае «простая мова» могла способствовать осуществлению заимствования интересующего нас значения русским языком.

ЛЕКАРСТВО (3) *с.* Средство, применяемое для лечения или предупреждения болезни; медикамент (2). *Перен.* Средство, помогающее, спасающее от чего-л. (1): *Он проведаль в городе у ведомого человека – в огороде растет заморский свороборильник. А к лекарством де он и для садового украшенья годен и надобен* (РБС, 167(145), 1639 г.). *Онъ въ болъзни своей того дни приімаль лекарство ...* (АЮЗР 3, 272, 1649 г.). *И хотя прежде утвержденья миру невозможно приязни расторгнути с татары, однако чтоб вельми бережен был его милость пан гетман, понеже лекарство, которое вредит сердце человеческое никакже есть полезно человеку. Для того вспомяни ему ваша государская милость, чтоб хотел помиритись ...* (ВУР 3, 265(153), 1653 г.).

Это существительное образовано путем суффиксации (суф.-*ьство*) от прасл.**lękar’ь* (от **lęka*: **lęкъ* ‘лечебное средство’, связанного, видимо, с и.-е. корнем **leg’* – ‘собирать, подбирать’); однако праслав. **lęk-* нельзя непосредственно возвести к и.-е. **leg’* – по фонетическим соображениям, и большинство исследователей считает основополагающее слово (вероятнее всего, – **lęкъ*⁴⁹) заимствованием из германских языков, в частности готского: *lękeis* ‘врач’, *lękinōn* ‘лечить, исцелять’ (Berneker I, 710; Brückner 1974, 293; ИЭССРЯ I, 478-479; Фасмер II, 477-478). Составители *Этимологического словаря славянских языков* (14, 196-197) высказывают предположение, что

⁴⁹ Число заимствованных форм спорно.

русское *лекарство*, судя по ударению, могло быть заимствовано из польского. Однако, на наш взгляд, учитывая очень раннее появление этого слова в русском языке, нет оснований говорить о лексическом заимствовании.

Так, в древнерусских памятниках *лъкаръство* в значении 'излечение' отмечается с середины X в. (Срезневский II, 71; СлРЯ XI-XVII вв. 8, 201). В исследуемом нами прямом значении эта лексема засвидетельствована в русской письменности с 30-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 8, 202). При этом важно подчеркнуть, что и обе иллюстрации, приводимые в историческом словаре, и обнаруженные нами употребления 30-40-х гг. XVII в. в прямом значении приходятся на дипломатическую корреспонденцию (в нашем случае это документы по сношениям МГ и Польшей, а также ВКЛ). До сих пор считалось, что в переносном употреблении это существительное регистрируется в русском языке с начала XVIII в., причем в переводном с польского тексте (СлРЯ XVIII в. 11,147). Последний из исследуемых нами примеров, извлеченный из дипломатической переписки между МГ, Польшей и ВКЛ в середине XVII в., мы склонны рассматривать как один из первых случаев именно такого словоупотребления в русском письменном языке.

В русских лексикографических источниках *лекáрство* в прямом значении представлено с начала XVIII в., а в переносном – с XX в., причем с пометой «разг.» (САР III, 636; Даль II, 246; ССРЛЯ 6, 145). Заметим, что только с XIX в. *лéкарство* и *лекáрство* в лексикографических источниках приводятся как омонимы (САР, там же; ССРЛЯ, там же), исторический же словарь русского языка дает это существительное как многозначное слово (СлРЯ XI-XVII вв. 8, 201-202).

Наше внимание эта лексема в анализируемом значении привлекла по двум причинам, во-первых, достаточно поздним появлением в русском языке, что можно объяснить отсутствием крайней необходимости в ней, так как с XI в. в том же значении употреблялось слово *лъкование* (Срезневский II, 71; СлРЯ XI-XVII вв. 8, 202), а с XV-XVI вв. – *лъкъ*, *лъка* (*лека*) (СлРЯ XI-XVII вв. 8, 200-201). Во-вторых, характером памятников, на которые приходится наиболее ранние его фиксации. Особенно последнее обстоятельство побуждает нас обратиться к истории существительного в польском языке.

В старопольских памятниках *lekarstwo* ‘środek leczniczy (też kosmetyczny), lek’ известно с конца XIV в., а с начала XVI в. – и в переносном значении ‘sposób na coś, na zaradzenie czemuś; środek zaradczy; pomoc, ratunek, obrona’, и оба этих употребления сохраняются до настоящего времени (SłStp IV(1), 15; SłP XVI, XII, 110, 112; Reczek 1968, 181; Linde II, 1246; Karłowicz II, 708; SłJP IV, 73). Согласно польскому исследователю А.Баньковскому (2, 16), старопольское *lekarstwo* калькирует латинское *mēdicīna*, в каждом из его значений: ‘sztuka lekarska’, ‘leczenie’, ‘lek’, *przen.* ‘środek leczniczy’.

С конца XV в. *лекарство, лекарьство, ликарьство* в значении ‘лякарства, препарат для лячэння хваробы’ впервые фиксируется в старобелорусском языке (ГСБМ 16, 339). Правда, этот случай представляет собой единичное употребление для XV в. Более распространенным это существительное становится со второй половины XVI в., причем в этот период оно в указанном значении встречается в основном в сильно полонизированных текстах. Переносное значение ‘сродак, які памагае вызваліцца ад чаго-н. непрыемнаго, перажыць якое-н. няшчасце’ впервые регистрируется в письменности ВКЛ в начале XVI в. как единичное употребление и только со второй половины XVI в. *лекарство* в этом значении начинает встречаться чаще (ГСБМ, там же). Далее *лікарство* в прямом значении находим в лексикографическом источнике, отражающем украинский язык XIX в. (Грінченко I, 904)⁵⁰. В прямом и переносном значениях и только эта лексема представлена в словарях современного белорусского (*лякарства*) и украинского (*лікарство*) языков, но в последнем уже в сопровождении помет «розм., рідко» (ГСБМ 3, 72; СУМ IV, 513).

Таким образом, если сопоставить данные по истории слова *лікарство* в интересующих нас прямом и переносном значениях в польском и восточнославянских языках, то, на наш взгляд, есть достаточное основания, чтобы квалифицировать его как заимствование из польского в последних. При этом в русском письменном языке XVII в. – это полонизм семантический⁵¹, а в

⁵⁰ В украинской лексикографии этого времени *лікарство* и *лікарство* приводятся как омонимы, тогда как в историческом словаре белорусского языка *лекарство* выступает как многозначное слово (ГСБМ, там же).

⁵¹ Как предположение это мнение (и только по поводу прямого значения) высказывает Ф. Славский (IV, 126), не приводя, однако, никаких аргументов, а ссылаясь лишь на акцентуацию лексем.

старобелорусском – возможно, лексический⁵², так как именно в значении ‘лякарства, прэпарат для лячэння’ лексема засвидетельствована впервые в переводном с польского тексте. Проникновению как прямого, так и переносного значений в русский язык в XVII в. могла способствовать и «простая мова».

МОЧЬ (3) *ж.* Право чего-л., на что-л. (возможность действовать, поступать каким-л. образом); правомочие, полномочие: *А нынѣ увидя его Царскую жаловальную грамоту, обрадовалися, и его Царскому Величеству ради служить во всемъ, сколько наша мочь сяжетъ* (ПДС 2, 671, 1599 г.). ДРВ(2) 12, 242, 1599 г. *Онаших делех радеть ... сколько его мочи будет* (ИСНСР 2, 112(31), 1643 г.).

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, восходит к праслав. **mogt'ь* > **mokt'ь* ‘мощь, сила’ и образованно путем суффиксации от **mogti* (*gt > *kt > *č), 1 л. ед.ч. *mogŕ* ‘мочь; быть в силах, в состоянии делать что-л.’ < и.-е. база, **mǎgh-* ‘быть в состоянии, в силах’, ‘помогать’ (Verneker II, 70; Brückner 1974, 342; ИЭССРЯ I, 546; Pokorný I, 635; Преображенский I, 563-564; Фасмер II, 667; ЭСБМ 7, 76; ЭССЯ 19, 111-113).

В древнерусской письменности *мочь* в значении ‘физическая сила, возможность действовать’ отмечается с первой половины XIII в. (Срезневский II, 180; СлДРЯ V, 28; СлРЯ XI-XVII вв. 9, 284). В интересующем нас значении, по данным исторического словаря, это существительное впервые появляется в памятниках в составе устойчивого сочетания *полная мочь* ‘неограниченные полномочия’ в 1613 г., что иллюстрируется единственным примером из дипломатического источника (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В историческом словаре, регистрирующем русский язык XVIII в. *мочь* ‘полномочие, право на что-л.’ представлено и в свободном употреблении в дипломатических или близких к ним по жанру памятниках конца XVII – первой четверти XVIII в., но уже с пометой «выходящее из употребления» (СлРЯ XVIII в. 13, 51-52). И далее XVIII в. судьба этого существительного в анализируемом значении для русского

⁵² Вопреки А. Баньковскому (2, 16), который, вообще без каких-либо доказательств относит *лекáрство* во всех восточнославянских языках к семантическим заимствованиям.

языка уже не прослеживается, так как ни одним толковым словарем XIX-XX вв. в этом значении оно не регистрировалось.

В двух первых из трех рассматриваемых нами случаев *мочь* встретилось в дипломатических источниках по сношениям с Римской империей, а в последнем – в документах, отражающих контакты МГ с Молдавским княжеством, в которых также затрагивались и межгосударственные отношения первого субъекта с Польшей и ВКЛ. Заметим также, что пять раз (Сб.РИО 142, 278, 1611-1612 гг.; Лыжин 1857, 144(11), 1617 г.; Якубов 1897, 51, 1618 г.; ЭСРШ, 77(45), 1639 г.; ВУР 3, 28(16), 1651 г.) это существительное было зафиксировано в составе сочетания *полная мочь*, которое согласно материалам Ф.П. Сергеева (1973, 28, 29; 1984, 54), в польско-русских делах в значении ‘полная власть, право, предоставленное верховной властью дипломатическим представителям на ведение переговоров’ отмечается уже с 70-х гг. XVI в., а в русско-шведских и русско-датских документах – с 80-х гг. того же столетия, а с 10-х гг. XVII в. – и в значении ‘документ, свидетельствующий о полномочии дипломатических представителей вести переговоры’, причем первоначально также в актах по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В связи с этим указанный автор склонен считать составное наименование *полная мочь* фразеологической калькой с польского языка (см. Сергеев 1984, 57), вопреки мнению М.Фасмера, трактовавшего его как кальку французского *plein pouvoir* (Фасмер III, 311), а также И.С. Хаустовой, называвшей в качестве возможных источников как немецкие и голландские, так и французские оригиналы (см. Хаустова 1963, 174). На наш взгляд, более убедительна версия Ф.П. Сергеева, учитывая хронологию и характер памятников, где впервые было выявлено терминологическое сочетание *полная мочь*. Кстати, и нами оно первоначально засвидетельствовано именно в дипломатическом акте по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ (Сб.РИО 142, 278, 1611-1612 гг.).

Учитывая приведенные выше сведения о происхождении фразеологизма *полная мочь*, а также информацию об истории *мочь* ‘право чего-л., на что-л.; правомочие, полномочие’, вполне резонно предположить, что для русского языка неисконно и исследуемое значение существительного, несмотря на то, что в *Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.)* и приводится одно раннее употребление (1388 г.): «А мы именовемъ и *мочавиши(х)* землянь ѿго повелѣнїемъ

него и слюбуемы за него за него дѣти (V, 28), квалифицируемое как реализация значения ‘полномочия’, но, на наш взгляд, цитируемый источник следует отнести к документам ВКЛ⁵³.

В старопольских же текстах *moc* ‘prawo na czegoś, uprawnienie, pozwolenie; prawomocność’ известно с конца XIV – начала XV в. и в этом значении бытовало на протяжении XV-XIX вв. (SiStp IV(4), 308-309; SiP XVI, XIV, 427-429; Linde III, 128; Karłowicz II, 1020). И в словаре современного польского языка находим *moc* в значении ‘uprawnienie, prawo do czegoś (dawniej też: pełnomocnictwo); prawomocność, ważność’ (SiJP IV, 781).

С конца XIV в. засвидетельствован единичный случай употребления *мочь* в значении ‘правомочне повноваження’ в письменности ВКЛ, в документе, отражающем связи с Польшей (ССМ XIV-XV ст. 1, 617). Однако уже в «простой мове» XVI-XVII вв. *мочь*, *мочь* встречается только в значении ‘магутнасць; моц, сіла’ (ГСБМ 18, 193). Объяснить это можно тем, что уже с XV в. в памятниках ВКЛ в значении ‘паўнамоцтва, правамоцнасць’ начинает употребляться существительное *моць*, заимствованное из польского (ССМ XIV-XV ст. 1, 615; Булыка 1972, 208; ГСБМ 18, 187; ЭСБМ 7, 75). Для белорусского языка история лексемы *мочь* далее XVII в. не прослеживается. В украинском же языке *міч*, *мóчі* в значении ‘сила, крѣпость, мощь’ бытовало еще в XIX в., а в словаре современного украинского языка лексема в этом значении сопровождается пометой «заст.» (Грінченко I, 970; СУМ IV, 759). И заимствованное из польского существительное в интересующем нас значении уже в XIX в. не употреблялось ни в белорусском (*моць*), ни в украинском (*міць*, *мóчі*) языках (Носовичь 1870, 292; Грінченко, там же).

Все изложенное выше, как нам представляется, дает достаточные основания для заключения, что не только словосочетание *полная мочь* своим происхождением обязано польскому языку, но и входившее в его состав существительное *мочь* в исследуемом значении в русском письменном языке

⁵³ Та же поручная грамота южнорусских князей и бояр за северского князя Дмитрия Корибуга, адресованная польскому королю Ягайле, цитируется в качестве иллюстрации этого значения существительного *мочь* в историческом словаре украинского языка: «А мы именемъ и моча вши(х) земланъ его повѣлениемъ ѿ него ислюбуемы за него и за его дѣти иже со всею землею и с города вѣре(н) буде (т) королеви» (ССМ XIV-XV ст. 1, 617).

XVII в., вероятнее всего, является семантическим полонизмом. Заимствованию этого значения могла способствовать «простая мова».

ОБУХЪ (4) *м.* Вид холодного боевого оружия (топорик на длинном топориче), а также церемониальное оружие как символ военачалия: *То онъ дѣлаетъ дуростью своею, на купца порывається до сабли и до обуха...* (АЮЗР 3, 258, 1649 г.; там же, 384, 1649 г.). *И изъ города изъ королевскіе Браны вышли порутчики и гайдуки съ обухами ... и спросили, будто не въдая, кто и куды ѣдетъ...* (там же, 388, 1649 г.). *Хто де зашибъ обухомъ околничего ... сыскать не могли* (Якубов 1897, 339, 1650 г.).

Это существительное, распространенное в западно- и восточнославянских языках не имеет бесспорной этимологии. Одни исследователи считают, что оно восходит к праслав. **obuchъ* (сложение **ob* и корня **ucho* в значении ‘проем, в который вставляется топориче’) ‘молоток, обушок’, ‘тупая сторона топора; орудие для удара (обычно кусок железа или дерева с рукояткой)’ (Grückner 1974, 373; ИЭССРЯ I, 589; Преображенский I, 632; ЭССЯ 30, 239-240); другие возводят его к **o-buchъ* и сближают с **buchati* ‘ударять, колотить’ (см. о нем Verneker I, 97; Фасмер I, 255; ЭССЯ 3, 80), глаголом на *-ati* звукоподражательного характера (Фасмер III, 110); и наконец третьи выводят его из **ob-u-chъ* (от **ob-uti* ‘надевать’) ‘то, что надевается на топориче’ (ЭСБМ 1, 61). В последнее время появилась еще одна версия происхождения этой лексемы, выдвигаемая польским ученым А. Баньковским (2, 355), который предполагает возможность заимствования из какого-либо источника, в частности из ср.-в.-нем. Однако он не приводит примеров, доказывающих наличие слова в этом языке, а кроме того указывает, что в старопольский *obuch*, возможно, проникло из старочешского, но обнаружить существительное в словаре, отражающем старочешский язык, нам не удалось. Подводя итог обзору гипотез о происхождении лексемы *обухъ*, заметим, что наиболее вероятной и убедительной нам представляется первая из них.

Что касается истории этого слова в русском языке, то в памятниках письменности оно впервые засвидетельствовано в начале XV в. в значении ‘тупая, противоположная лезвию сторона острого орудия (топора, бердыша и пр.), образующая проушину’ (СлРЯ XI-XVII вв. 12, 181). В интересующем нас

значении *обухъ*, по данным исторического словаря, отмечается с середины 80-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Имеющаяся же у нас информация позволяет более чем на три десятилетия уточнить хронологию этого значения. При этом три из четырех рассматриваемых нами употреблений *обухъ* в анализируемом значении приходятся на дипломатическую корреспонденцию МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. По нашим сведениям, история существительного в этом значении для русского языка ограничивается XVIII в. Так, в лексикографическом источнике, отражающем язык этого столетия, *обух* 'боевльй топор на длинном древке' иллюстрируется единственным примером из *Лексикона триязычного* Ф.Поликарпова (СлРЯ XVIII в. 16, 103).

Учитывая ареал распространения этой лексемы, а также характер памятников, в которых она в значении 'вид холодного боевого оружия (топорик на длинном топорище), а также церемониальное оружие как символ военачалия' впервые отмечалась, и непродолжительность бытования этого значения в русском языке, мы склоняемся к предположению о семантическом калькировании. Тем более, что и А. Баньковский (там же) замечает, что в русском эта лексема, возможно, из польского, впрочем, ничем не аргументируя эту версию.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *obuch* 'rodzaj broni, siekiera na długim toporzysku' известно с начала XV в. и употреблялось в этом значении в XV – XVIII вв. (SłStp V(5), 389; SłPaska II, 20; Linde III, 393). В словарях, регистрирующих польский язык XIX-XX вв., существительное в этом значении подается уже как историзм (Karłowicz III, 527; SłJP V, 547). И только с середины XVI в. *obuch* фиксируется в польской письменности в значении 'szerza, tępa część siekiery lub topora służąca do wbijania, tłuczenia', в котором оно бытует до сих пор (SłP XVI, XIX, 459; Linde, там же; Karłowicz, там же; SłJP V, 573).

С конца 30-х гг. XVI в. *обухъ* 'від халоднай ударнай зброі' появляется в письменности ВКЛ, причем в «простой мове» XVI-XVII вв. это существительное в основном встречалось в документах, язык которых насыщен полонизмами (ГСБМ 21, 295). Для белорусского языка судьба его в этом значении далее XVII в. не прослеживается, здесь в XIX (*обухъ*) и XX вв. (*абух*) представлено лишь в значении 'тухая патоўшчаная частка вострай прылады

(звычайна сякеры), процілеглая лязу’ (Носовичъ 1870, 354; ТСБМ 1, 83-84). Только в этом значении находим *обух* и в украинском языке XIX в. (Грінченко II, 34). А в словаре современного украинского языка *обух*, наряду с этим значением, фиксируется и в значении ‘різновид зброї у вигляді насажденного на держак металевого бруска’ (СУМ V, 598).

Итак, сопоставление хронологических данных дает все основания трактовать *обухъ* в интересующем нас значении как семантический, а не лексический, как предполагает А. Баньковский, полонизм в русском письменном языке XVII в. При этом роль посредника в заимствовании значения могла играть «простая мова», где *обухъ* ‘від халоднай ударнай зброї’, вероятнее всего, лексическое заимствование, так как именно в этом значении лексема появляется здесь впервые. Что касается акцентуации этого существительного в белорусском и украинском языках XIX-XX вв., то ее, видимо, можно объяснить влиянием русского языка, где в XVIII-XIX вв. - *обухъ*, а в словаре современного русского языка – *обух* и *обух* (САР IV, 139; Даль II, 629; ССРЛЯ 8, 486, 487), откуда этими языками могло быть заимствовано и значение ‘утолщенная тупая часть острого орудия, обычно топора’.

ОБУШЕКЪ, ОБУШОКЪ (2) м. Уменьш. к *обухъ* ‘вид холодного боевого оружия (топорик на длинном топориче), а также церемониальное оружие как символ военачалия’: *И приходии с ружьемъ, осадили его в съъзжей избѣ и в окна по немъ изъ пицалей примѣривались ..., и ... ударилъ ево обушкомъ в голову ...* (Якубов 1897, 327-328, 1650 г.). *И собрались с ружьемъ и с пицалми ... и с копы и с рогатины и его били, а сперва ударилъ его плитою стрѣлецъ Сенка Жегара, а другой ударилъ обушкомъ ...* (там же, 367, 1650 г.).

Это существительное восходит к **обишькъ* ‘палка, дубина’, ‘обух’ и является суффиксальным (суф. *-ькъ*) производным от **obichъ* (о его происхождении см. выше, с. 93 данной работы, а также ЭССЯ 30, 244).

В памятниках русской письменности оно впервые отмечается с конца 80-х гг. XVI в. как уменьшительное к *обухъ* в значении ‘тупая, противоположная лезвию сторона острого орудия (топора, бердыша и пр.), образующая проушину’, а в исследуемом значении, по данным исторических словарей, в форме *обушокъ* – с начала 70-х гг. XVII в., а в форме *обушикъ* – со второй

половины 70-х гг. того же столетия (СлРЯ XI-XVII вв. 12, 183; Срезневский II, 561). Обнаруженные нами употребления *обушекъ*, *обушокъ* в дипломатических документах середины XVII в. по связям МГ со Швецией, где много внимания уделяется и отношениям первого субъекта с Польшей, позволяют на несколько десятилетий удревнить время появления анализируемого значения в русском языке. Однако далее конца XVII – начала XVIII в. судьба существительного в этом значении для русского языка не прослеживается, причем примечательно, что в XVIII столетии оно встречается преимущественно в переводных текстах (СлРЯ XVIII в. 16, 103).

Учитывая вероятностный фактор, мы, как и в случае с *обухъ*, склонны допустить, что и здесь речь может идти о семантическом заимствовании из польского, где *obuszek* ‘broń obuchowo-sieczna z osadzoną na trzonku stalową głowicą, z jednej strony tępa, z drugiej wydłużona w ostry kolec’ было известно со второй половины XVI в. и бытовало в XVI-XVIII вв. (SłP XVI, XIX, 464; SłPaska II, 21; Linde III, 393). Для польского языка XIX-XX вв. это существительное в интересующем нас значении уже историзм (Karłowicz III, 529; SłJP V, 579).

Со второй половины XVI в. *обушокъ* ‘памянш. ад *обухъ* ‘від халоднай ударнай зброі’ засвидетельствовано в текстах на «простой мове», причем большая часть фиксаций XVI – начала XVIII в. приходится на документы, насыщенные полонизмами (ГСБМ 21, 295). Однако уже в белорусском языке второй половины XVIII-XIX вв. *обушукъ* регистрировалось только в значении ‘тупая, противоположная лезвию сторона острого орудия’, а в современном белорусском языке *абушók* – это ‘ручны інструмент для адкалвання пластоў ломкіх горных парод’ (Носовичъ 1870, 354; ТСБМ 1, 84). В украинском же языке XIX в. *обушок*, наряду с другими употреблениями, фиксировалось и в значении ‘чекан’, то есть в интересующем нас (Грінченко II, 34). И в словаре современного украинского языка находим *обушók* ‘від холодної зброї’, но уже в сопровождении пометы «заст.» (СУМ V, 598).

Сопоставление приведенных выше данных (хронология, характер памятников, акцентуация лексемы⁵⁴ в белорусском и украинском языках XVIII-

⁵⁴ Кстати, и в русском языке это существительное, регистрируемое в лексикографических источниках с начала XVIII в., испытывало колебания в ударении: начало XVIII в. – *обушекъ* ‘утолщенная тупая часть острого орудия, обычно топора’, *обушókъ* ‘то же’ – конец XVIII в., *обушók* ‘то же’ – XX в. (ССРЛЯ 8, 489). Для нас показательна акцентуация лексемы в словаре начала XVIII в., совпадающая с ударением в белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв., а

XIX вв. и в современном украинском языке), на наш взгляд, подтверждает предположение о том, что в восточнославянских языках мы имеем дело с полонизмом: в русском письменном языке XVII в. – с семантическим, а в «простой мове» XVI в., очевидно, – с лексическим, так как *обушекъ* впервые появляется здесь именно в исследуемом нами значении. Заимствованию этого значения русским языком могла способствовать «простая мова».

ПОДВОДА (1) *ж.* Повозка, телега вместе с лошадей; подвода: *Мочно де имь, для своего покоя возки и кареты въ походьхъ держать и свои, а только де будутъ надобны невеликия подводы ... для раненыхъ и больныхъ...* (СГГД 3, 315(82), 1631 г.).

Это существительное, известное в польском и восточнославянских языках, образованно с помощью темы *-a* (бессуффиксальное производное) от префиксального глагола **podъ-voditi* ‘подводить; провожать’, восходящего к имеющему общеславянское распространение и соответствия в балтийских языках праслав. **voditi*, 1 л. ед.ч. **vodjō*, являющемуся итеративом к **vesti* 1 л. ед.ч. **vedō* < и.-е. корень **ued(h)-* ‘вести’ (Brückner 1974, 619, 628-629; ЕСУМ 4, 389; ИЭССРЯ I, 146; Pokorny I, 1115-1116; Преображенский I, 79; Фасмер I, 284, 330-331; Шанский I(3), 74, 124).

Слово *podъвода* в значении ‘повинность, состоявшая в предоставлении лошадей для езды и перевозки грузов, а также заменявшая ее денежная плата (чаще в форме мн.ч.)’ встречается в древнерусском языке со второй половины XIII в. (Срезневский II, 1052; СлДРЯ VI, 546).

Польский исследователь А. Баньковский (2, 671) считает, что, «z pol. *też ukr. pidvóda*, ros. *podvóda*», однако не приводит никаких доказательств этого. Мы, не разделяя точку зрения о лексическом заимствовании, поскольку это существительное в польском и в древнерусском появляется практически одновременно⁵⁵, все-таки предполагаем возможность семантического заимствования, что и попытаемся доказать.

также в польском языке. Что касается акцента в современном белорусском и украинском языках на последнем слоге, то, возможно, его перемещение произошло под влиянием русского языка.

⁵⁵ В старопольском *podwoda* в значении ‘*powinność dostarczania środków transportu panującego i jego urzędnikom*’ получает распространение также с XIII в. (SłStp VI(4), 281-282).

По данным исторического словаря, подвода в исследуемом значении впервые засвидетельствовано в памятниках русской письменности с середины XVII в. (1653 г.) в *Проскинитарии* Арсения Суханова (СлРЯ XI-XVII вв. 15, 236). В этом значении существительное продолжало бытовать в XVIII-XIX вв. (САР IV, 1242; Даль III, 165). И в словаре современного русского языка оно представлено в значении 'повозка, телега, преимущественно грузовая,двигающаяся конной тягой' (ССРЛЯ 10, 281).

Имеющаяся у нас информация позволяет более чем на два десятилетия уточнить хронологию анализируемого значения в русском языке. Мы обнаружили *подвода* 'повозка, телега вместе с лошадей; подвода' в документе, регистрирующем дипломатические контакты МГ с Римской империей, в котором затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей.

В памятниках польской письменности *podwoda* 'wóz, furmanka z zaprzęgiem' фиксируется с 60-х гг. XVI в. и в этом значении употреблялось и в XVII-XIX вв. (SłP XVI, XXVI, 103-104; Linde IV, 256; Karłowicz IV, 438). В словаре современного польского языка также находим *podwoda* 'wóz, furmanka z zaprzęgiem zwykle dawana władzom (dawniej też dworowi) do podwiezienia kogo lub czego' (SłJP VI, 755).

Со второй половины XVI в. *подвода* 'воз, падвода, фурманка'⁵⁶ выявляется в «простой мове», причем первоначально в источниках, в значительной степени насыщенных полонизмами, и в этом значении наблюдалось здесь на протяжении всего XVII в. (ГСБМ 25, 179-180; Тимченко 2, 131). В упомянутом значении существительное фигурирует и в лексикографических источниках, регистрирующих белорусский (*падвóда*) и украинский (*пiдвóда*) языки XVIII-XX вв. (Носовичь 1870, 439; ТСБМ 3, 518; Гринченко II, 165; СУМ VI, 407).

На наш взгляд, изложенные выше факты из истории существительного *подвода* в польском и восточнославянских языках дают определенные основания для вывода о том, что в последних оно в анализируемом значении может быть семантическим полонизмом, проникновению которого в русский

⁵⁶ Со второй половины XV в. лексема *подвода* отмечается в староукраинском и старобелорусском языках в том же значении, которое было характерно для нее в древнерусском языке второй половины XIII в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 163; ГСБМ 25; 178).

письменный язык первой половины XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

ПОЛНОСТЬ (1) *ж.* Многочисленность, множество; обилие: *И в пригородъхъ нынѣ многіе крестьяне вновь селятца ..., и в людехъ ... полность бошая ...* (Якубов 1897, 362, 1650 г.).

Анализируемая лексема является суффиксальным дериватом от имеющего общеславянское распространение прилагательного, восходящего к праслав. **рълнь(jь)* ‘полный’ (о его происхождении см. ниже, с.293 данной работы).

В древнерусской письменности *пѣлность, плѣность* в прямом значении ‘полнота, наполненность’ засвидетельствовано с XI в. (Срезневский II, 1750). В значении ‘обилие’ *полность* в историческом словаре русского языка представлено единственной иллюстрацией из делового акта 1671 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 227). Далее в русской лексикографии мы находим его лишь у Вл. Даля, где оно выступало как синоним к *полнота* ‘состоянье полного’ без каких-либо примеров его употребления (Даль III, 263). Нами это существительное выявлено в дипломатическом документе по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются также и контакты первого субъекта с Польшей. На данный момент этот случай следует считать наиболее ранней фиксацией исследуемого значения в русском письменном языке.

Характер памятника, в котором мы обнаружили *полность* ‘многочисленность, множество; обилие’, а также то, что в другом значении ‘полнота; целое, целостность, совокупность’ это существительное считается заимствованием из польского во второй половине XVII в. (Witkowski 1999, 139; 2006, 157), побуждает предполагать, что и в рассматриваемом значении оно является семантическим полонизмом.

В старопольских источниках *pełność* ‘obfitość, mnogość’ наблюдалось уже с середины XV в. и бытовало в этом значении до середины XVII в. (SłStp VI(1), 64; SłP XVI, XVIII, 372; Linde IV, 661). В словарях, регистрирующих лексический состав польского языка XVIII-XX вв., это значение не фигурирует.

Со второй половины XV в. *полность* в значении ‘(вищий ступінь выявучого) повнота’ встречается в староукраинских памятниках (ССМ XIV-XV ст. 2,

182), а в старобелорусском языке конца того же столетия это существительное впервые отмечается в значении ‘мноства, багацце’ в переводном с польского тексте *Пакуты Хрыста*, язык которого сильно полонизирован, и только с первой четверти XVI в. оно регистрируется здесь в первичном значении ‘паўната, на поўненаць’, в котром употреблялось на протяжении всего XVI в. (ГСБМ 26, 165; ГЛБМ 92; СМС 2, 60). История слова *полносьць* в старобелорусском языке свидетельствует о том, что здесь оно, вероятнее всего, является лексическим полонизмом, таково же, видимо, его происхождение и в староукраинском языке. Затем *повносць, полносьць* в значении ‘полнота’ в словосочетании *повносць, полносьць лица* представлено в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 427, 462). В словаре современного белорусского языка этой лексемы вообще нет, как, впрочем, и в словарях, включающих лексический запас украинского языка XIX-XX вв. Таким образом, в отличие от русского языка, для других восточнославянских языков *полносьць* в интересующем нас значении пока не фиксировалось.

Приведенные выше сведения по истории существительное *полносьць* ‘многочисленность, множество; обилие’ в русском и польском языках, по нашему мнению, дают достаточные основания для вывода о том, что в русском письменном языке XVII в. это семантическая калька польского *pełność* ‘obfitość, mnogość’, причем это было семантическое заимствование, очевидно, непосредственно из польского, так как в старобелорусском языке бытование интересующего нас значения пока ограничивается XV в.

ПОСЯГЪ (2) *м.* Приданое: *Владиславъ король взялъ ее за себя передъ смертью своею незадолго, а въ посягъ де за нею привезень изъ Французъ скарбъ многой, и тотъ де посягъ Владиславъ король ... роздалъ войску...* (АЮЗР 3, 265, 1649 г.).

Праславянское **rosagъ*, вероятнее всего, представляет собой префиксальное производное от **seǵъ* (русск. *сяг* ‘удаление, расстояние в пределах досягания рукой’, а также чеш. *sáh* ‘сажень’, словц. *siaha* – то же), связанного с имеющим общеславянское распространение **seǵti*, **seǵati* ‘вытягивать руку, тянуться за чем-л.’, ‘дотягиваться’, ‘достигать’, ‘доставать, хватать’ и восходящего к и.-е. корню **sōǵ-*: **sog-*: **seg-*: **seng-* ‘присоединять,

прикреплять', 'пристегивать', 'прибавлять', 'привешивать' (Bańkowski 2, 709; Brückner 1974, 432; ЕСУМ 4, 534; Machek 1968. 473; Pokorný I, 887; Преображенский II, 115; Фасмер III, 338, 825; ЭСБМ 8, 175).

В памятниках древнерусской письменности *посягъ* 'бракосочетание, свадьба' отмечается со второй половины XII в., а с XII-XIII вв. в том же значении известно и *посагъ*, в историческом словаре цитируемое по списку XV в., кроме того, *посагъ* с XIII-XIV вв. засвидетельствовано также в значении 'замужество, брак', а *посягъ* с XIII в. – еще и в значении 'половые отношения', которое иллюстрируется по рукописи в списке XV в. (Срезневский II, 1227, 1285; СлДРЯ VII, 237; СлРЯ XI-XVII вв. 17, 149, 276).

В русской лексикографии в исследуемом значении *пбсягъ*, по нашим сведениям, впервые регистрируется в источнике, отражающем русский язык XVIII – первой четверти XIX в., но уже как однозначное слово, сопровождаемое пометой «стар.» (САР V, 71). У Вл. Даля (III, 328, 352) находим: *посягъ* «стар.», *посагъ* или *посага* «запд.» 'брак, свадьба; женитьба или замужество' и «запд.» 'приданое'. В словарях современного русского языка эта лексема вообще не представлена. Учитывая эту информацию, обнаруженные нами случаи употребления *посягъ* 'приданое' в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. на данный момент следует считать наиболее ранними его фиксациями в русской письменности.

Памятник, в котором встретилось существительное в анализируемом значении, непродолжительность бытования этого значения в русском языке, а также помета, которой его снабжает Вл. Даль – все это наводит на мысль о возможном семантическом заимствования, и скорее всего, из польского.

Так, в старопольском языке *posag* 'część spadkowa córek, najczęściej w pieniądzach, przekazywana im przy zamążpójściu przez ojca (lub jego spadkobierców)' известно с 70-х гг. XIV в. и в этом значении бытует в польском языке на протяжении более шести столетий, вплоть до настоящего времени (SłStp VI(6), 418; SłP XVI, XXVII, 445; SłPaska II, 181; Linde IV, 936; Karłowicz IV, 732; SłJP VI, 1093).

С конца XVI в *посагъ*, *посакгъ*, *посягъ* 'маёмасць, якую давалі бацькі або родзічы дзяўчыне, калі тая выходзіла замуж ці ішла ў манастыр; пасаг' впервые, причем именно в этом значении, встречается в старобелорусских текстах и

далее наблюдалось в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв., в памятниках, язык которых насыщен полонизмами или переводных с польского языка (ГСБМ 27, 61-62; Новицкий 1871, 20; Тимченко 2, 179). В указанном значении *posąg*, *posága* продолжало употребляться в белорусском языке XVIII-XIX вв., в этом значении *posága* фигурирует и в словаре современного белорусского языка (Носовичь 1870, 476; ТСБМ 4, 67).

В украинском языке XIX в. *посаг* было известно в значениях 'приданое' и 'мѣсто, гдѣ сажають жениха и невьсту во время свадьбы', в этих значениях существительное фиксируется и в словаре современного украинского языка в сопровождении пометы «заст.», а последнее значение имеет еще и помету «етн.» (Грінченко II, 360; СУМ VII, 305).

Итак, как исторические данные (хронология, характер памятника, где *посягъ* 'приданое' обнаружено впервые), так и формальные показатели (акцентуация лексемы в русском языке XVIII – первой четверти XIX в. и украинском языке XIX-XX вв.) позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что в восточнославянских языках *посагъ*, *посягъ* в интересующем нас значении, очевидно, является полонизмом: в русском письменном языке XVII в. – семантическим, а в других восточнославянских языках, возможно, – лексическим. Проникновению этой семантической кальки в русскую письменность XVII в., по-видимому, способствовала «простая мова»⁵⁷.

РАЗШИРЕНИЕ, РАЗШЫРЕНИЕ, РАСШИРЕНИЕ (6), с. *Перен*. О росте влияния, богатства: *Своему имени повышенье, а Государствамъ своимъ прибавленье и разширенье чинять* (ПДС 2, 692-693, 1599 г.). *И ты-бъ, великий господарь Жикгимонтъ король, велел с посланникомъ нашимъ ... говорити о всякихъ добрыхъ делехъ, которые дѣла пристоятъ намъ, великимъ государемъ христьянскимъ, и нашимъ господарствамъ к разшыренью и прибавленью и всему христьянству к покою* (Сб.РИО 137, 41, 1599 г.). Сб.РИО 38, 285, 1600 г.; РИБ 16, 340(78), 1601 г.; Сб.РИО 142, 523, 1615 г. *И устроилъ бы Господь Богъ царствіе наше мирно ..., и послалъ бы на насъ свыше милость свою и царству*

⁵⁷ Не исключено, что здесь мы можем иметь дело и с лексическим заимствованием, так как, по имеющимся у нас данным, в письменности ВКЛ существительное представлено только в этом значении.

нашему распространіе и *расширеніе*, и высьть и благоденствіе ... (АИ 3, 454(284), 1617 г.).

Эта лексема образована суффиксальным способом от префиксального глагола, производного от **širiti* ‘расширять, распространять, делать шире’, восходящего к неясному в этимологическом плане прилагательному **šir-okъ(jъ)*, ‘имеющий большую протяженность в поперечнике; широкий’ (от **širъ* ‘открытый (ничем не ограниченный); просторный; обширный; широкий’) имеющему общеславянское распространение; наиболее убедительным происхождением праслав. корня **šir-* нам представляется возведение его к и.-е. корню **skel-* с расширителем *-r-* ‘чистый’, ‘прозрачный’, ‘ясный’, ‘отчетливый’, ‘сияющий’ (Boryś 2005, 602; Brückner 1974, 547; ИЭССРЯ II, 413; Pokorný I, 921; Фасмер IV, 442).

По материалам исторического словаря, в прямом значении ‘распространение вширь, увеличение в размерах, в числе; расширение’ исследуемое существительное впервые появляется во второй половине XVI в. в переводном с польского памятнике *Назиратель*, а в интересующем нас переносном значении оно в этом же источнике иллюстрируется единственным примером из дипломатического акта 1669 г. с отсылкой к глаголу *расширити* в значении ‘возвысить, обогатить’, также сопровождаемому единственной цитатой из переводного с немецкого *Артаксерсова действия* 1672 г., в котором отмечаются полонизмы, и с комментарием «ср. польск. *rozszerzyć*» (СлРЯ XI-XVII вв. 22, 111-112). Следует заметить, что нам удалось существенно удревнить хронологию лексемы в анализируемом значении в русском письменном языке, поскольку нам она встретилась в дипломатической корреспонденции конца XVI – первой четверти XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, Римской империей, Англией, Данией и Норвегией (два случая (1599 г., 1615 г.) – это контакты непосредственно с Польшей и ВКЛ, однако и в документах по связям с другими державами затрагиваются также и отношения МГ с Польшей). Все это наводит нас на мысль о возможном польском источнике значения в русском языке, но еще более сильным является формальный аргумент: значительно более ранняя фиксация существительного по сравнению с глаголом в мотивирующем значении.

Если обратиться к польскому языку, то здесь уже в старопольских текстах первой половины XV в. *rozszerzenie rozszerzenie* засвидетельствовано в прямом значении ‘rozprzestrzenienie, powiększenie zasięgu’, что побуждает предполагать возможность заимствования в XVI в. в русский язык самой лексемы *разширение, расширение*. Со второй половины XVI в. в памятниках польской письменности отмечается глагол *rozszerzyć* в переносном значении ‘rozmnożyć, powyższyć, spanoszyć’, с этого же времени наблюдается и мотивированное им *zozszerzenie*, которые употреблялись в этом значении еще и в первой половине XVIII в. (Linde V, 122; Karłowicz V, 706, 707). В словаре современного польского языка и глагол, и существительное фигурируют только в прямом значении (SłJP VII, 1291, 1292).

С первой четверти XVI в. *разширение, розширение* регистрируется в письменности ВКЛ в прямом значении (СМС 2, 163, 165). Сведениями о бытовании его в «простой мове» в анализируемом переносном значении мы в настоящее время не располагаем⁵⁸, хотя, судя по характеру некоторых документов, где существительное обнаружено нами, оно могло быть во второй половине XVI-XVII вв. и в памятниках ВКЛ. В словарях, отражающих белорусский и украинский язык XVIII-XIX вв., эта лексема вообще отсутствует, а в лексикографических источниках современных белорусского (*расшырэньне*) и украинского (*розширення*) языков она фиксируется только в прямом значении (ТСБМ 4, 701; СУМ VIII, 866). То же можно сказать и о русском языке, где история существительного в интересующем нас переносном значении ограничивается пока XVII в., а в словарях XVIII-XX вв. мы находим его лишь в прямом значении (САР V, 929; Даль IV, 84; ССРЛЯ 12, 1007).

Подведем итог. Анализ истории лексемы *разширение, расширение* позволяет, на наш взгляд, сформулировать следующие выводы: вполне вероятно, что это существительное в прямом значении в русском письменном языке XVI в. – лексический полонизм, а в исследуемом нами значении – уже семантическое заимствование из польского.

⁵⁸ Здесь *розширене, розширенье* ‘распространение (о расширении круга действия, проявления чего-л., охвата чего-л. чем-л.)’ в конце XVI – первой четверти XVII в. выявляется в памятниках, язык которых насыщен полонизмами, при этом глагол мотивирующий существительное в указанном значении в историческом словаре украинского языка иллюстрируется примерами второй половины XVII в. (Тимченко 2, 289).

РЫСЬ (3) м. и ж. Шкура рыси, мех рыси: *В Сибирское государство даютъ, что у нихъ в которой земл ведетца: соболи дорогие и лисицы и рыси и барсы и иные многіе узорочья ...* (Якубов 1897, 47, 1618 г.). *Арцыбискупъ въ бѣломъ платьѣ ..., а наверху платно сукна чорного на **рысяхъ** съ отворотомъ ...* (АЮЗР 3, 265, 1649 г.). *И о томъ нынѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ вездѣ посмѣхъ большой, что ляхи кроются подѣ возы ..., а биться не хотятъ: и **рыси** и соболи свои мѣняютъ на сермяги, а притомъ и шляхетство на холопство* (там же, 394).

Эта лексема, имеющая общеславянское распространение, восходит к праслав. **ryсь* 'lynx', в отношении которого допускают происхождение из **lyсь* с вторичным *r* под влиянием **ryсь* 'рыжий'; что касается ранней праслав. формы **lyсь*, то она от и.-е. корня **leuk'*-: **louk'*-: **lūk'*- 'светить(ся)', 'гореть', 'сверкать', также 'видеть', таким образом, *рысь*, видимо, была названа по своим кошачьим глазам, светящимся в темноте (Boryś 2005, 530; Brückner 1974, 473; ЕСУМ 5, 82; ИЭССРЯ II, 131; Pokorný I, 687, 690; Преображенский II, 231; Фасмер III, 530-531; ЭСБМ 11, 243)

В памятниках древнерусской письменности *рысь* в значении 'крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих (*Felix lynx*, *Lynx vulgaris*)' встречается со второй половины XI в., а в интересующем нас значении это слово, по данным исторического словаря, засвидетельствовано со второй половины 20-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 22, 277), что подтверждается и материалами М.Н. Полинской (1991, 140), специально занимавшейся исследованием истории названий мехов в русском языке. Далее XVII в. судьба значения 'шкура рыси, мех рыси' для анализируемого существительного в русском языке пока не прослеживается. В связи с этим, на наш взгляд, важно заметить, что, например, *соболь* 'шкурка соболя' появляется в древнерусских памятниках раньше (XI-XII вв.), чем название животного (XV-XVI вв.) (Срезневский III, 455; СлРЯ XI-XVII 26, 27-28). То же касается лексем *бобръ*: 'шкурка бобра, мех бобра' - с XIII в., а название самого животного - с XIV в. (СлДРЯ I, 248; СлРЯ XI-XVII 1, 253). В случае же с *куна*, наоборот - 'куница, животное из семейства кошачьих' - с XI в., а 'мех куницы' - с XII в., у лексем *лисица* оба значения выявляются практически одновременно: как название животного - с XIII-XIV вв., а значение 'лисица шкура' - с XII-XIII вв. (СлДРЯ IV,

330, 404; СлРЯ XI-XVII 8, 120, 238). Но независимо от того, в какой последовательности формировались значения у рассмотренных существительных ни в одном из этих случаев не наблюдается такого большого временного разрыва, как между указанными значениями лексемы *рысь*. Кстати, только *лисица* и *соболь* (в значении 'мех, шкурка этого животного' – в форме мн.ч.) в обоих этих значениях продолжают употребляться в русском языке до сих пор (ССРЛЯ 6, 251; там же 14, 37).

Мы обнаружили *рысь* 'шкура рыси, мех рыси' в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией в 1618 г. (это позволяет почти на десятилетие передвинуть нижнюю границу хронологии), где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей, а также в дипломатических актах, отражающих отношения МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ в середине XVII в.

Характер памятника, в котором впервые отмечается существительное в исследуемом значении, и очень значительная отдаленность во времени между прямым и переносным употреблением, хотя, судя по таким примерам, как *бобръ*, *куна*, *лисица*, *соболь*, метонимия в этой лексико-семантической группе слов была издавна характерна для древнерусского языка и обычно эти значения не разделял столь большой временной промежуток, могут свидетельствовать о том, что значение возникло не в самом русском языке, а было заимствовано.

Так, в польских письменных источниках *ryś* 'skóra z rysia, skóry z rysia, futro rysie' как в форме единственного, так и множественного числа было известно с 70-х гг. XVI в. и бытовало на протяжении XVII-XIX вв. (Linde V, 157; Kałowicz V, 798). В современном польском языке в значении 'wyrpowiona skóra, futro z rysia' употребляется только форма множественного числа (SłJP VII, 1445).

Информацией о наличии *рысь* в анализируемом значении в памятниках ВКЛ мы в настоящее время не располагаем, однако в словаре, регистрирующем белорусский язык XVIII-XIX вв., находим *рыся* именно в этом значении (Носовичь 1870, 570) поэтому, а также учитывая характер второго из исследуемых нами документов, можно допустить, что лексема в этом употреблении наблюдалась и в «простой мове». В словаре современного

белорусского языка, а также в украинской лексикографии, фиксирующей язык XIX-XX вв., интересующее нас значение не представлено.

Итак, опираясь на анализ приведенного выше материала (характер памятников, хронология, степень распространенности значения в восточнославянских и польском языках), вполне возможно допущение, что в восточнославянских языках это семантическое заимствование из польского. Дополнительным аргументом в пользу этой версии может служить, на наш взгляд, то, что, по мнению таких исследователей, как Г.Н. Лукина (1975, 63) и М.Н. Полинская (1991, 137), в древнерусском языке образование названий мехов осуществлялось в большинстве случаев путем семантической трансформации названия пушного зверя (например, *бобръ, бѣла, бѣлъка, вѣлкъ, куна, куница, лисица, пьсьць*), тогда как в польском языке для создания наименований мехов чаще использовалась другая модель – образование формы множественного числа от названия пушного зверя. Во всех же выявленных нами употреблениях анализируемого существительного, в значении ‘шкура рыси, мех рыси’ оно встретилось именно в форме множественного числа, в том числе и в наиболее ранней фиксации 1618 г.

СТОРОНА (1) *ж. Съ одной стороны ..., съ другой стороны.* В составе конструкции, употребляемой при противопоставлении двух аспектов, фактов, обстоятельств какого-л. вопроса, проблемы или при перечислении двух свойств, признаков какого-л. предмета: *Съ одной стороны приступают к добруму дѣлу правдою, а з другой отговариваютъ непристойными рѣчьми ...* (Якубов 1897, 198, 1649 г.).

Существительное *сторона*, входящее в указанную выше конструкцию, имеет общеславянское распространение и восходит к праслав. **storna* ‘пространство; одна из двух поверхностей чего-л., сторона’, от глагольного деривату с суф. *-na* от праслав. **sterti*, 1 л. ед.ч. **stьrǫ* (с изменением корневого гласного *e > o*) ‘распростирать, растягивать; раскладывать, размещать’ < и.-е. корень **ster-* ‘распростереть, раскинуть, развернуть’ (Boryś 2005, 581; Brückner 1974, 519-520; ИЭССРЯ II, 206; Фасмер III, 768).

В древнерусской письменности эта лексема в различных значениях наблюдается с XI-XII вв., наиболее же близкое к тому, которым она могла быть

мотивирована в составе изучаемой нами конструкции – ‘часть’ («Прокроивъ манатью по краинѣи *сторонь*..., раздѣливъ на двоѣ десную и левоюю *сторону* манатьи») отмечается с конца XIII в. (Срезневский III, 524-525; СлРЯ XI-XVII вв. 28, 99-100, 102). Сама же исследуемая конструкция в лексикографических источниках регистрируется только с XX в. и подается следующим образом: «В значении вводного словосочетания. Употребляется при перечислении или противопоставлении двух фактов, обстоятельств и т.п.», с этого же времени фиксируется и *сторона* в значении ‘составная часть, элемент чего-л.; отличительная черта, качество, особенность, характеризующая кого-л., что-л. в том или ином отношении’ (ССРЛЯ 14, 961, 963), которым, по нашему мнению, это существительное мотивировано в исследуемом сочетании.

Нам конструкция *съ одной стороны ... , съ другой стороны* встретилась в дипломатическом документе середины XVII в. по сношениям МГ со Швецией, в котором достаточно много места отводится и контактам первого субъекта с Польшей. Учитывая последнее обстоятельство, а также позднюю фиксацию как слова *сторона* в упомянутом ранее значении, так и рассматриваемого словосочетания в русской лексикографии, можно предположить, что мы имеем дело с заимствованием, и вероятнее всего, из польского.

Обратимся к польскому языку. Уже в старопольской письменности середины XV в. *strona* засвидетельствовано в значении ‘część czegoś’, а с конца XV в. это существительное известно и в составе сочетания *z jednej strony...*, *z drugiej strony* ‘i..., i..., zarówno ... jak’, связанного с указанным выше значением *strona* (SłStp VIII(6), 472). И далее, в польской лексикографии, отражающей язык XVI-XIX вв., находим *strona* ‘przen. względ, stanowisko, punkt zapatrywania’ и интересующую нас конструкцию, в которой реализуется это значение (Linde V, 437-438; Karłowicz VI, 458-459). В словаре современного польского языка *z jednej strony...*, *z drugiej strony* ‘konstrukcja używana przy przeciwstawianiu dwu aspektów jakiegoś zagadnienia, lub przy wyliczaniu dwóch cech jakiejś rzeczy’ помещено под следующим значением лексемы *strona* ‘określona cecha (lub zespół cech) dająca się wyróżnić w czym, jedna z postaci, jeden z aspektów czego’ (SłJP VIII, 820).

Что касается истории данной конструкции и существительного *сторона* в интересующем нас значении в других восточнославянских языках, то

сведениями о наличии их в «простой мове», мы пока не располагаем, не фигурирует это словосочетание и в словарях белорусского и украинского языков XIX-XXвв. В составе аналогичной конструкции в этих языках, по информации современных лексикографических источников, выступает другое существительное: в белорусском – *бок*, в украинском – *бік*, хотя в современном украинском языке *сторонá* продолжает употребляться в значениях 'складова частина, елемент чого-небудь' и 'погляд, точка зору, розуміння', на базе которых и развилось значение анализируемого сочетания *съ одной стороны...*, *съ другой стороны* (ТСБМ 1, 394; там же, 5(1), 308; СУМ I, 180; там же, IX, 736, 737), тогда как в современном белорусском языке *старанá* не имеет этого значения.

Как нам представляется, приведенные выше факты могут служить достаточным подтверждением того, что и исследуемая конструкция, и лексема *сторона* в мотивирующем переносном значении в русском языке являются полонизмами. При этом существительное – очевидно, семантическим, а построенное на его базе словосочетание, возможно, заимствовано целиком как конструктивная единица.

УЛОЖЕНЬЕ (15) *с.* Договор, соглашение; решение, постановление; положение, правило, закон; свод законов, постановлений: *А пошлинь съ ихъ имати по нашему уложенью* (Сб.РИО 116, СССХVIII (5), 1600 г.). Сб.РИО 137, 280; 1606-1607 гг.; там же 661, 1607-1608 гг.; ААЭ 3, 42-43 (23), 1614 г.; Сб.РИО 142, 661, 1615 г.; Якубов 1897, 10, 1617 г. *А мера во всех ... городех и землях ... по уложенью учинена одна* (ЭСРШ, 40(18), 1629 г.). ПСЗ 1, 211 (19), 1647 г.; Якубов 1897, 175, 1649 г.; АЮЗР 3, 399, 1649 г.; ВУР 2, 159(60), 1649 г.; Якубов 1897, 330, 1650 г. *Думнымъ людемъ объявити: какъ вамъ отъ королевскаго величества о соединении на того християнскаго общаго неприятеля по соймовому уложенью говорити и становити наказано ...* (ВУР 3, 29(16), 1651 г.). *И о томъ, по Королевскимъ грамотамъ и по соймовому уложенью и по конституціи и по польскимъ договорамъ, Царское Величество ожидаль исправленья ...* (СГГД 3, 509(168), 1654 г.); там же, 527(176).

Анализируемое существительное является суффиксальным производным от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское

распространение праслав. **ložiti* (< **logiti*), 1 л. ед.ч. **ložo* (<**logjo*) ‘класть; накладывать, складывать’, ‘падать’, представляющему, в свою очередь, глагольный дериват от именного корня на $-\bar{i}$: $-e\bar{i}$ с корневым $-o$ -вокализмом: праслав. **logъ* < и.-е. корень **logh-*: **legh* ‘класть’, ‘лежать’, ‘лечь, ложиться’ (Berneker I, 738; Brückner 1974, 313; Фасмер II, 511; ЭССЯ 16, 127, 128).

В древнерусских памятниках эта лексема в значении ‘положение’: «Не зракомъ, нъ уложенисмь мѣтѣщисѧ» отмечается с XI в. (Срезневский III (доп.), 265). В интересующем нас употреблении она начинает фиксироваться в лексикографии с начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 30, 141), хотя в русской письменности, судя по *Уложению 1649 года*⁵⁹, была известна, по меньшей мере, с середины XVII в. В русском языке XIX в. *уложение* наряду со значением ‘дѣйствиe по гл. *уложить*’, регистрировалось и в значениях ‘узаконение, установление чего законами’ и ‘уставъ, сборникъ или сводъ правилъ, законовъ’ (САР VI, 953; Даль IV, 489). В последнем значении существительное представлено и в словаре современного русского языка, но уже как историзм (СРЛЯ 16, 550-551).

Мы обнаружили *уложенье* в исследуемом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Голландией (первый случай), Польшей и ВКЛ (9 раз), Швецией (5 раз) в первой половине XVII в. Учитывая, что наиболее ранняя известная на данный момент конкретно датированная фиксация существительного в анализируемом значении, приходящаяся на акт по связям с Голландией, насыщена полонизмами, а также то, что большая часть употреблений в первой половине XVII в. приходится на документы, отражающие контакты с Польшей, мы решили проследить историю существительного в польском языке. Здесь *ułożenie* ‘umowa, postanowienie, ustalenie’ и ‘przepis, ustawa’ засвидетельствовано в старопольских источниках уже первой четверти XV в. и бытовало в этих значениях до начала XVII в. (SłStp IX(5), 378; Linde VI, 50). В словаре, включающем словарный запас польского языка XIX – начала XX в., *ułożenie* ‘statut, kodeks’ уже снабжено пометой «staropolski», а в словаре современного польского языка значение

⁵⁹ Примечательно, что одним из главных источников этого памятника был *Литовский статут* (Черных 1953, 32).

‘statut, kodeks; umowa, ugoda, układ’ сопровождается пометой «daw.» (Karłowicz VII, 287; SJP IX, 560).

В первой четверти XVI в. *уложение* встречается в текстах на старобелорусском языке, но только в значении ‘пакаранне, спагнанне’ (СМС 2, 309). Позднее, в первой половине XVII в., сама лексема *вложене, уложене* наблюдается и в «простой мове», однако не в интересующем нас значении, наиболее же близкое к нему ‘офіційне зверення, подання’, выявленное в сильно полонизированном памятнике (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 4, 107). В лексикографических источниках, регистрирующих белорусский и украинский язык XVIII-XIX вв., эта лексема вообще не фигурирует. В современной белорусской (*улажэнне* ‘звод, збор законаў, пастаноў’) и украинской (*уло́ження* ‘збірник законів, положень про щось’) лексикографии это существительное в приведенном значении подается как устаревшее, историзм (ТСБМ 5(2), 10; СУМ X, 431).

Сопоставление изложенной выше информации по истории лексемы *уложение* в исследуемом значении в русском и польском языках, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что в первом мы, вероятнее всего, имеем дело с семантическим полонизмом. Вопрос же о происхождении этого значения в других восточнославянских языках из-за недостатка данных пока остается открытым.

УТЕКАНЬЕ (1) с. Бегство; побег: *Меня ... неприятели наши выдали было въ вязни невинно злымъ своимъ утеканьемъ ... биться съ неприятели ... не хотѣли* (АЮЗР 3, 398, 1649 г.).

Это существительное образовано суффиксальным способом от приставочного глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **tĕk-ati*, итеративу к **tekti*, 1 л. ед.ч. **tekq* ‘течь’, ‘двигаться’, ‘убегать, бежать’, < и.-е. корень **teku* - ‘течь’, ‘бежать’ (Bańkowski 1, 178, 179; Boryś 2005, 78; Brückner 1974, 61; ИЭССРЯ II, 243; Pokorny I, 1059-1060; Sławski I(1), 99; Фасмер IV, 37; Fraenkel II, 1074-1075).

В древнерусской письменности *утѣканіе, утеканіе* в значении ‘ристаніє, бѣгъ’ по мнению И.И. Срезневского, связанное с *утакатися*

‘состязаться на бѣгахъ’ (с XI-XII вв.), засвидетельствовано с XI в. (Срезневский III, 1302, 1323). В интересующем же нас значении это слово в русской лексикографии начинает регистрироваться с XVIII в. (САР VI, 1052-1053). И в XIX в. оно продолжало употребляться для обозначения действия по значению глагола *утѣкать* ‘убѣгать, бѣжать, уходить бѣгомъ, спастись бѣгствомъ, скрываться’, которое Вл. Даль сопровождает пометами «юж., зап.» (Даль IV, 519). В словаре современного русского языка эта лексема уже не представлена, а глагол в мотивирующем ее значении снабжен пометой «простореч.» (ССРЛЯ 16, 1030).

Нам *утеканье* ‘бегство; побег’ встретилось в дипломатическом документе середины XVII в., отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ. Заметим, что язык этого акта сильно полонизирован. Характер памятника, а также приведенные выше сведения по истории существительного в русском языке, которыми мы располагаем на данный момент, дают достаточные основания для предположения о возможном семантическом заимствовании из польского.

В старопольских письменных источниках *uciekanie* ‘szybkie oddalania się przed niebezpieczeństwem, ucieczka’ отмечается с середины XV в. и активно употреблялось в этом значении и в XVI-XVII вв. (SłStp IX(4), 287; SłPaska II, 527). В интересующем нас значении *uciekanie* бытовало и в XVIII – первой половине XX в. (Kałowicz VII, 217; SłJP IX, 448). В польской же толковой лексикографии последней четверти XX в. это существительное фигурирует лишь в объяснительной части словарной статьи лексемы *ucieczka*⁶⁰, которым оно постепенно вытесняется из активного словарного запаса, а в двуязычных переводных словарях второй половины XX в. приводится только последнее (SłJP III, 576; БРПС 1, 48; там же 2, 851).

С первой четверти XVI в. *утекание* в анализируемом значении выявляется в старобелорусских памятниках, в XVII в. *втеканье, утеканье, утѣкане, утѣканье* ‘бегство’ наблюдалось и в текстах на «простой мове», в той или иной степени испытавших польское влияние (СМС 2, 324; ГСБМ 5, 44; Тимченко 2, 446). *Уцеканне* ‘бѣгство, побѣгъ’ фиксировалось и в белорусском

⁶⁰ В старопольском *ucieczka* ‘szybkie oddalenie się przed niebezpieczeństwem’ – с первой половины XV в. (SłStp IX(4), 285).

языке XVIII-XIX вв., в этом значении находим *уцякánне* и в словаре современного белорусского языка (Носовичъ 1870, 670; ТСБМ 5(2), 91). В украинском языке XIX в. также употреблялось *утікánня* ‘бѣгство, убѣганіе’, известное в этом значении до настоящего времени (Грінченко II, 874; СУМ X, 512).

Анализ изложенных выше фактов позволяет, по нашему мнению, сделать заключение, что в русский письменный язык XVII в., *утеканье* в значении ‘бегство; побег’ было заимствовано из польского. Возможно, из того же источника это значение или сама лексема⁶¹ попали в XVI в. и в письменность ВКЛ. В таком случае «простая мова» могла способствовать проникновению исследуемого значения в русский письменный язык XVII в.

УТЬСНЕНИЕ, УТЬСНЕНЬЕ, УТЕСНЕНЬЕ (19), с.: Стеснение чьей-л. свободы; притеснение: *Отъ того Хрестьянству отъ Бесерменскихъ Государей утьсненье и разоренье ...* (ДРВ (2) 12, 269, 1599 г.); ДРВ (2) 4, 16, 1601 г.; Сб.РИО 137, 302, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 322, 1613 г.; РИБ 16, 443(99), 1613 г.; там же, 511(104), 1617 г.; Якубов 1897, 47, 1618 г. *Тъмъ рускимъ людемъ, которые ... в отдаточныхъ городѣхъ, чернецомъ и попомъ и мірскимъ людемъ ... утьсненье* (там же, 247-275, 1624 г.). СГГД 3, 410 (118), 1644 г.; ЭСРШ 93 (54), 1647 г.; АЮЗР 3, 278, 1649 г.; Якубов 1897, 136, 404, 1649 г.; там же, 363, 1650 г.; там же, 381, 1650 г. *Имъ отъ Поляковъ учнетъ какое быти утьсненіе ...* (ПСЗ 1, 256(76), 1652 г.). СГГД 3, 473(148), 1652 г.; ИСНСР 2, 261(85), 1654 г. *Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ братія наша православные Христіане Греки бѣду терпятъ и въ какомъ суть отъ безбожныхъ утьсненіи ...* (СГГД 3, 495(160), 1654 г.

Данная лексема представляет собой суффиксальный дериват от префиксального глагола, восходящего к праслав. **tiskati*: **tisknŋti* ‘давить, жать; раздавливать’, ‘сжимать, стискивать’, ‘придавливать; прижимать’, связанному с праслав. **těsknъ(jь)* > **těsnъ(jь)* (абляут **tisk-*) ‘тесный, узкий’, дальнейшие связи которого по корню не ясны, возможно, и.-е. базой является **tā(i)s-*: **tā(i)s-*: **tis-*, а корнем - **tā(i)-* ‘плавить’, ‘топить (на огне)’, ‘таять’, ‘исчезать’

⁶¹ В письменности ВКЛ *утеканье* пока обнаружено только в исследуемом значении.

(Brückner 1974, 60; ИЭССРЯ II, 240, 245; Sławski I(1), 103, 104; Фасмер IV, 51, 62).

В русской лексикографии анализируемое существительное для обозначения действия по значению глагола *тѣсно* ‘urgeo, angusto’ регистрируется с начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 146 об.). Примечательно, что в другом словаре, отражающем русский язык XVIII в., оно фиксируется только в переносном значении ‘угнѣтеніе, причиненіе насилія’ (САР VI, 1068). Однако в словарях XIX-XX вв. эта лексема фиксируется уже как в прямом, так и в переносном значениях, причем в словаре современного русского языка во всех значениях она сопровождается пометами «устар. и простореч.» (Даль IV, 523; ССРЛЯ 16, 1032-1033).

Судя по имеющейся у нас в настоящее время информации, употребления *утѣснение*, *утѣсненье*, *утесненье*, обнаруженные в дипломатической корреспонденции конца XVI – начала XVII в., пока следует считать наиболее ранними фиксациями в русской письменности. Считаем важным обратить внимание на то, что из девятнадцати известных нам случаев восемь приходится на документы по сношениям непосредственно с Польшей и ВКЛ, а из одиннадцати других – пять актов (связи с Римской империей (1599 г.), Данией (1617 г.), Швецией (1617 г.), Молдавским княжеством и Валахией (1618 г. и 1649 г.) также затрагивают контакты МГ с Польшей и ВКЛ. Кроме того, представляется существенным и то, что, по нашим сведениям, в исследуемом значении анализируемая лексема появляется в русской письменности несколько раньше, чем в значении ‘стесненность, теснота’: А сына боярского ... к Москве не пустил и держал его в вязенью во всякой нуже и во *утеснѣнье* ... (Сб.РИО 137, 281, 1606-1607 гг.). Последнему факту мы придаем особое значение, поскольку предполагаем, что *утѣснение*, *утѣсненье*, *утесненье* ‘стеснение чьей-л. свободы; притеснение’ является полонизмом. А в связи с тем, что в польском языке *uciśnienie* пока не выявлено в значении ‘стесненность, теснота’, то, если в русском языке не будут установлены более ранние употребления существительного в прямом значении, по сравнению с переносным, его придется трактовать как лексическое заимствование из польского, учитывая характер памятников, в которых оно обнаруживалось в конце XVI – начале XVII в. Если же окажется, что в прямом значении оно наблюдалось раньше, чем

в интересующем нас, то в этом случае мы склонны считать его полонизмом, но уже семантическим, так как в старопольских источниках *uciśnienie* ‘stosowanie przymusu, ciężarów, ciemiężenie, też cierpienie, udřenka; stłumienie, zduszenie; znieważenie, urąganie’ засвидетельствовано с середины XV в. (SłStp IX(4), 294)⁶². В этом значении существительное бытовало и в XVI-XVII вв. (Reczek 1968, 519; Linde VI, 16). Лексема *uciśnienie* отмечается и в словаре, отражающем польский язык XIX в., однако, судя по характеру иллюстраций, она в указанном значении в XVIII-XIX вв. уже вытеснялась из употребления, постепенно уступая место существительному *ucisk*⁶³ в том же значении (Karłowicz VII, 219, 220). В словарях современного польского языка *uciśnienie* либо не приводится вообще, либо снабжено пометой «daw.» (SłJP IX, 455).

Со второй половины XV в. *утиснение* ‘утиск, гнобления’ встречается в староукраинских памятниках, причем в историческом словаре в свободном употреблении оно цитируется единственной выдержкой из *Статута Казимира Великого*, а в составе устойчивого сочетания *утиснение имати* ‘терпіти утиск, гнобления’ – так же одним примером из документа, язык которого испытал польское влияние (ССМ XIV-XV ст. 2, 491). Кстати, в XV в. здесь выявляется и *втискъ, утискъ* ‘гоніння, утиск’ (там же 1, 204; там же, 2, 491). *Утиснение* в анализируемом значении находим и в старобелорусской письменности первой половины XVI в. (СМС 2, 325). Согласно отсылочной информации исторических словарей белорусского (*втисненье* гл. *утисненье*) и украинского (*втиснене* див. *утиснене*) языков, это существительное, а также лексема *втискъ, утискъ* регистрировались и в «простой мове» (ГСБМ 5, 45; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 67). Однако более конкретной информацией о них мы пока не располагаем. В белорусском языке в XVIII-XIX вв. и в настоящее время в интересующем нас значении употребляется только однокоренное существительное *уціск* (Носовичъ 1870, 671⁶⁴; ТСБМ 5(2), 89). И в украинском языке XIX-XX вв. в значении ‘насилне, несправедливе обмежування чийх-н. прав та дій’ обнаруживается *утиск*, а в современном украинском языке – и

⁶² Вообще же эта лексема в значении ‘obawa, pierokój’ здесь известна с первой четверти XV в. (там же).

⁶³ В старопольском *ucisk* в значении: ‘stosowanie przymusu, narzucanie przykrych, obowiązków, ciężarów itp., uciemężenie, utragienie, cierpienie, udřenka’ – со второй половины XV в. (там же, 293).

⁶⁴ В форме *уціскъ*.

утискáння «дія за знач. *утискати* 'піддавати утиску'» (Грінченко II, 873; СУМ X, 510).

Итак, сведения по истории *утиснение* в староукраинском и старобелорусском письменных языках XV-XVI вв. дают, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы считать его в них лексическим полонизмом, так как лексема зафиксирована здесь впервые именно в изучаемом значении. Что касается русского языка, то здесь, исходя из материалов, имеющихся у нас на данный момент, это, скорее, также лексическое заимствование из польского, хотя при хронологической близости прямого и переносного значений в русском письменном языке начала XVII в. и вполне вероятному появлению в будущем новых фактов по истории этого существительного нельзя исключать и семантического калькирования. Вполне возможно, что в процессе заимствования русским языком либо самой лексемы, либо исследуемого ее значения в роли посредника могла выступать «простая мова».

ЦѢЛОСТЬ (2) *ж.* Полнота; целое, совокупность; целостность: *Мы вам ... и ныне тожь говоримъ, что мы и прежнего перемирья ... не портимъ, ни подкрепляемъ, в **цѣлости** откладаемъ вперед на судьи: ... судьи на съѣзде, с обе стороны съхався, о том договор учинят* (Сб.РИО 137, 658, 1607-1608 гг.). *Тотъ договоръ ... будетъ не нарушенъ и сдержанъ въ **цѣлости** безо всякіе убавки* (СГГД 3, 323(84), 1631 г.).

Это существительное, известное во всех славянских языках (праслав. **cělostь* 'состояние, качество целого', 'целость, целостность; полнота', 'здоровье'), образованно суффиксальным способом (суф. *-ostь*) от прилагательного, имеющего общеславянское распространение и соответствия в балтийских и германских языках и восходящего к праслав. **cělъ(jь)* 'здоровый; невредимый', 'целый, непочатый', 'цельный', 'весь', < и.-е. основа **koǵ-lo-*: **koǵ-lu* 'здоровый', 'целый, целостный', 'цельный' (Boryś 2005, 51; Berneker I, 123; Brückner 1974, 55; ИЭССРЯ II, 364-365; Преображенский II, 45-46 (1185-1186); Sławski I(1), 54; Фасмер IV, 197; ЭССЯ 3, 179-180).

В древнерусской письменности *цѣлость* отмечается с XII в.; И.И. Срезневский, цитирующий этот случай, испытывал затруднения в определении значения лексемы, хотя, судя по приводимой им иллюстрации и греческому

эквиваленту, она, вероятнее всего, употреблена в значении 'нетронутость, невредимость; перен. чистота, целомудренность' (Срезневский III, 1455). В восточнославянской лексикографии впервые это слово регистрирует П. Берында (1627, 298), причем он выделяет лексические омонимы: *цѣлость* телесе и *цѣлость* 'зуполность, щирость'. Очевидно, что 'зуполность' совпадает с интересующим нас значением. Тем не менее в словарях, отражающих русский язык XVIII-XIX вв. это значение еще не представлено (САР VI, 1224; Даль IV, 577). В словаре же современного русского языка *целость*, наряду с другими значениями, фигурирует и в значении 'единство, связанность всех частей чего-н.; цельность, целостность' (ССРЛЯ 17, 605).

Мы дважды обнаружили *цѣлость* в исследуемом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ (1607-1608 гг.) и Римской империей (1631 г.). Учитывая характер первого документа и достаточно позднюю фиксацию существительного в анализируемом значении в русской лексикографии, мы решили проследить его историю в польском языке. Здесь *całość* в значении 'nienaruszoność, intęgrātis' засвидетельствовано в старопольских текстах с середины XV в. (SłStp I(4), 212). А с первой половины XVI в. круг значений этой лексемы расширяется и она фиксируется и в значении 'zupełność, kompletność, wszystko, ogół, całość', а кроме того – и в предложно-падежном сочетании *w całości* 'jako całość; bez dzielenia na części' (SłP XVI, III, 118). В таком употреблении существительное бытовало и в польском языке XVII-XIX вв. (Linde I, 215; Karłowicz I, 254). И в словаре современного польского находим как *całość* 'wszystkie części wzięte razem, połączone ze sobą w jakąś samodzielną jednostkę; wszystko; ogół części, fragmentów; komplet', так и сочетание *w całości*, связанное с этим значением (SłJP I, 779).

В историческом словаре украинского языка дана единственная цитата, демонстрирующая использование лексемы *цѣлость* в «простой мове»: «Усѣхъ жолнѣровъ съ Кодаку спроводили въ *цѣлости* до Чигирина» (Тимченко 2, 473)⁶⁵. В интересующем нас значении *цїлість* выявляется в словарях, включающих словарный состав украинского языка XIX-XX вв., и в словаре

⁶⁵ Кроме того, о характере употребления этого существительного в «простой мове» могут свидетельствовать и данные П. Берынды (см. выше).

современного белорусского языка *цэласць* наблюдается в том же значении (Гринченко II, 942; СУМ XI, 232; ТСБМ 5(2), 265).

Опираясь на исторические факторы (хронология, характер памятников, на которые приходится наиболее ранние, известные в настоящее время, фиксации) мы склонны трактовать *цѣлность* ‘полнота; целое, совокупность; целостность’ как семантический полонизм в восточнославянских языках, при этом проникновению значения в русский письменный язык XVII в. могла способствовать «простая мова».

ЧЛЕНЪ (1) м. Лицо, входящее в состав какой-н. группы, объединения: *О прочихъ подробностяхъ Преподобный Отець Андрей Ловичъ, общества Иисусова членъ, верно и обстоятельно доложитъ вашему Святейшеству, которго мы нарочно отравили ...* (ДРВ (2), 12, 462-463, 1605 г.).

Анализируемая лексема является заимствованием из старославянского языка и восходит к праслав. **čelнь* (< **kelнь*) ‘часть тела, человека или животного, член тела; сустав’, ‘сочленение (узел) на стебле растения; сук’, производному с суф. *-нь* от древней глагольной и.-е. основы **kel-*: **k^hel-* с празначением ‘колотить, бить’, ‘поднимать(ся), возвышаться’, ‘расти’ (Berneker I, 139; ИЭССРЯ II, 392; Pokorný I, 639; Sławski I(2), 123; Фасмер IV, 369-370; Fraenkel I, 237; ЭССЯ 4, 44-45).

В древнерусских памятниках *чльнь*, *члень* ‘часть тела’ засвидетельствовано с XI в., а с XII в. в том же значении встречается и *чelonь* (Срезневский III, 1536; ИЭССРЯ, там же). В интересующем нас значении это слово регистрируется в русской лексикографии, возможно, уже в начале XVIII в. Так, у Ф. Поликарпова (1704, 162) находим *члень* ‘удъ, artīcūlus, membrum’, но поскольку он не приводит примеров, то можно лишь предполагать, что *удъ* подразумевается во всем спектре значений, в том числе и в значении ‘члень, принадлежащій къ одному и тому же обществу’, известном с XI в. (Срезневский III, 1156). Уверенно же об отражении этого значения лексемы *члень* в словарях русского языка можно говорить лишь относительно первой четверти XIX в. (САР VI, 1307; см. также Веселитский 1972, 138, 254, 283). В исследуемом значении существительное активно употреблялось в XIX-XX вв., вплоть до настоящего времени (Даль IV, 609; ССРЛЯ 17, 1095).

Мы обнаружили *членъ* ‘лицо, входящее в состав какой-н. группы, объединения’ в письме начала XVII в., адресованном Папе Римскому. Заметим, что текст этого документа испытал польское влияние. И еще Н. Смирнов (1910, 325), изучавший западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, указывал, что *членъ* – «русское слово, которому придано было въ XVIII ст. новое значение, почему и внесено въ число иностранныхъ речений, приложенныхъ при *Генеральном Регламенте* (1720 г.). Члены – *судейскія товарищи*». Однако он не установил точный источник этого значения, по нашему же мнению, им мог быть польский язык. Кроме того, наши материалы позволяют значительно передвинуть нижнюю временную границу появления значения в русском письменном языке.

В польских источниках с первой четверти XVI в. встречается существительное *członek*⁶⁶ в переносном значении ‘*człowiek (też grupa ludzi, stan, kraina) przynależny do pewnego organizmu społecznego, w szczególności kościoła lub państwa*’, в котором оно бытовало и в XVII-XIX вв. (SJP XVI, IV, 197; Linde I, 370; Karłowicz I, 393). В том же значении *członek* фигурирует и в словаре современного польского языка (SJP I, 1144). По мнению А. Баньковского (1, 232), переносные значения у этой лексемы возникли в результате иноязычного влияния: в старопольском – латинского (*artīcūlus, membrum*), позже - немецкого (*Glied*) и французского (*membre*). При этом он считает, что русское *членъ* в исследуемом переносном значении появляется в XIX в. и представляет собой кальку с французского *membre* (там же). Однако, по нашим данным, калькирование произошло значительно раньше, и, вероятнее всего, с немецкого, очевидно через польское посредничество.

Что касается других восточнославянских языков, то и в белорусском, и в украинском языках *член* в анализируемом нами и других значениях, по имеющейся у нас пока информации, фиксируется только в современной лексикографии (ТСБМ 5(2), 313; СУМ XI, 344). В письменности же ВКЛ с XV в. выявляется *члонъ* ‘член, канечнасць’, ‘стаття, параграф, пункт’ и *члонокъ* ‘(частина тіла) кінцівка’, ‘стаття, параграф, пункт’, ‘подія, випадок’, последнее в первом значении и в употреблении «члонокъ грамматичный» наблюдалось и в «простой мове» XVII в., и еще в белорусском языке XVIII-XIX вв. *члѡнки*

⁶⁶ В польском языке с XVIII в. известна и лексема *człon*, обратное образование от *członek*, которая в интересующем нас значении никогда не употреблялась (Boryś 2005, 99).

использовалось в значении ‘внутренности тела’, в украинском языке этого периода *челенко, челенок* ‘въ пальцѣ: кость, суставъ’ (Булыка 1980, 186; ССМ XIV-XV ст. 2, 545; Тимченко 2, 482; Носовичъ 1870, 699; Грінченко II, 959). *Члонъ* и *члонокъ* в исследованиях по истории белорусского и украинского языков, как, впрочем, и в работах по польско-русским языковым контактам⁶⁷, квалифицируются как полонизмы во всех трех языках (Булыка 1972, 357; Булыка 1980, там же; ССМ XIV-XV ст. там же; Тимченко, там же; Witkowski 1999, 208; 2006, 234). Таким образом, в современных белорусском и украинском языках *член* в изучаемом значении, исходя из тех материалов, которыми мы располагаем сейчас, скорее всего, калька уже с русского, хотя не исключено заимствование и самой лексемы, так как наличие ее в письменных памятниках ВКЛ, а также белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв. пока не установлено.

ШЕЯ (1) *ж. Перен.* Жизнь, голова, здоровье. В составе фразеологизма: *на свою шею (брать) взять* ‘на свою ответственность, совесть, на свой риск; себе во вред’: *И мы уже то взяли мимо королевского наказу на свои шеи, чтобъ государь вашъ поволит нам ныне людей своих к ним послати* (Сб.РЮО 137, 505, 1607-1608 гг.).

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, восходит к праслав. **šija* (суф. *-j-*), первоначальным значением которого могло быть ‘пришитая часть одежды, облегающая затылок и шею’ > ‘затылочная часть шеи’ > ‘шея вообще’; слово с неясной этимологией, возможно, относящееся к группе праслав. **šiti*, 1 л. ед.ч. **šijō* ‘шить’ < и.-е. корень **sjū-*: **sjūc-* ‘шить’, ‘сновасть’, менее вероятным представляется сближение с и.-е. корнем *(*k*)*sej-* ‘гнуть, сгибать’ (Boryś 2005, 610; ИЭССРЯ II, 411, 413; Фасмер IV, 434-435, 443-444; Fraenkel II, 789-790).

В древнерусской письменности *шия, шея*⁶⁸ в значениях ‘шея’ и ‘плечи, спина’ выявляется с XI в. (Срезневский III, 1592, 1596). По данным лексикографических источников, эта лексема в XVI-XVIII вв. употреблялась

⁶⁷ В русском письменном языке *члонокъ* с конца XV в. – в значениях, аналогичных первым двум, характерным для него в письменности ВКЛ.

⁶⁸ Др.-русс. *шия* > *шея* после падения редуцированных в результате прояснения сильного (под ударением) редуцированного *и* в *е*.

лишь в первом из указанных значений (Кочин 1937, 397; САР VI, 1357). Только в этом прямом значении она фиксируется и в словарях, отражающих русский язык XIX-XX вв., где уже представлен и анализируемый фразеологизм в значении ‘на свою ответственность, заботу; себе во вред’, в словаре современного русского языка сопровождаемый пометой «простореч.» (Даль IV, 631; ССРЛЯ 17, 1384). При этом ни одним лексикографическим источником русского языка до сих пор не регистрировалось интересующее нас переносное значение существительного *шея*, на базе которого, по нашему мнению, и сформировался исследуемый фразеологизм.

Мы обнаружили *шея* в изучаемом значении в составе фразеологизма *wziąć na swoją шею* в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. Примечательно, что в польской письменности с середины XVI в. и до середины XVIII в. *szuja* отмечалось в переносном значении ‘życie, głowa, zdrowie’, причем с XVII в. одним из переносных значений *głowa*, в котором оно использовалось еще и в XIX в., было ‘piecza, odpowiedzialność’ и в нем это слово входило в состав фразеологизма *na swoją głowę czego brać(wziąć)*⁶⁹ (Linde V, 583; SłPaska II, 452; Karłowicz VI, 700; там же I, 846; SłFJP II, 243). С первой половины XVII в. в польских памятниках был известен и фразеологизм *brać co na swoją szuję* ‘na swoją odpowiedzialność, na swoje ryzyko’, бытовавший до середины XVIII в. и в словарях помещаемый под упомянутым выше переносным значением лексемы *szuja* (Linde V, 584; Karłowicz VI, 700). В польском языке XIX в. ни существительное *szuja* в исследуемом переносном значении, ни связанный с ним фразеологизм уже не встречались. А во фразеологическом словаре польского языка *brać co na swoją szuję* ‘na swoją odpowiedzialność’ снабжено пометой «przestarz.» (SłFJP II, 292).

Попытка проследить историю слова *шея* в интересующем нас значении и фразеологизма, включающего его в свой состав, дает следующие результаты: в староукраинских текстах с конца 30-х гг. XV в. оно засвидетельствовано только в значении ‘відповідальність життям’⁷⁰, в котором *шия*, *шия* наблюдалось и в

⁶⁹ В восточнославянской лексикографии пока только у Вл. Даля находим *wziąć что на свою голову*, синонимичного *сдѣлать что въ свою голову* ‘самовольно или на свой отвѣтъ’, значение которого лишь отчасти совпадает со значением аналогичного польского фразеологизма (Даль IV, 367).

⁷⁰ В старопольских текстах *szuja* в значении ‘utrata życia, kara śmierci’ – с первой половины XV в. (SłStp VIII(7), 590).

«простой мове» XVI-XVII вв., кроме того, в этот период *шыя* представлено здесь и в прямом значении (ССМ XIV-XV стст. 2, 558; Тимченко 2, 495, 504). Пока также не удалось обнаружить ни существительное в анализируемом переносном значении, ни фразеологизм и в белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв. Однако в словаре современного украинского языка фигурирует фразеологизм *(узяти) собі на шею, (узяти) на свою шею* ‘на чіюсь відповідальність, обтяжуючи когось’ (СУМ XI, 467). Вероятнее всего, последнее является заимствованием в украинском языке, но до тех пор, пока не будет более надежных сведений по «простой мове», трудно однозначно установить источник: русский или польский язык. Судя же по характеру анализируемого нами памятника, как существительное *шея* ‘жизнь, голова, здоровье’, так и фразеологизм *на свою шею (брать) взять* вполне мог быть и в «простой мове». Что же касается русского языка, то здесь и *шея* в исследуемом значении и включающий его фразеологизм, на наш взгляд, – полонизмы. При этом первое, очевидно, – семантический, а фразеологизм мог быть заимствован как цельная лексическая единица.

ШУМЪ (4) *м.* Громкое выражение недовольства, претензий; скандал; волнения, беспорядки: *Били челомъ ... многіе люди съ болишемъ шумомъ: какъ де отецъ еъ ... взялъ подъ свѣйскую коруну Лифлянскую землю, и онъ де ихъ посадилъ на прежніе ихъ маетности и обѣщался имъ ... ото всѣсторонъ ихъ оберегать ...* (Якубов 1897, 192, 1649 г.). *Многіе люди пришли с болишимъ шумомъ к архієпископу Макарью ... вошли в келью ... И тотъ весь день и ночь всю учили ходить шлемъ и талпами с ружьемъ* (там же, 308, 1650 г.); там же, 312. *И говорили ему з болишимъ шумомъ и с урозы ...* (там же, 368).

Рассматриваемое существительное, имеющее общеславянское распространение, в этимологическом отношении является неясным словом. Одни исследователи исходным считают звукоподражательное **ѣи-* с суф. –*т-ъ* (Boryś 2005, 609; Brückner 1974, 557; Преображенский II, 111(1251); Фасмер IV, 468, также см. у него обзор иных, менее вероятных, точек зрения), другие полагают, что этот корень, возможно, восходит к и.-е. **se^h-* ‘приводить в движение’, ‘поворачивать’, ‘сгибать’, учитывая, что первичным значением

могло быть не ‘шум’, а ‘то, что его вызывает, производит, его причина’ (ИЭССРЯ II, 428; Fraenkel II, 780).

Шумь в различных значениях засвидетельствовало в древнерусских памятниках с XI-XIII вв.: ‘буря, волнение’ – с XI в., ‘грохотъ, шумь’, ‘крикъ, гомонь’ – с XIII в. (Срезневский III, 1599-1600). По имеющимся в настоящее время сведениям, в интересующем нас значении эта лексема впервые представлена в лексикографическом источнике, регистрирующем русский язык второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: *шумь* ‘споръ, распря съ крикомъ соединенная’ (САР VI, 1382). У Вл. Даля это значение специально не выделяется (Даль IV, 648). А в словаре современного русского языка данное существительное в значении ‘брань, крик, скандал; громкое выражение недовольства’ сопровождается пометой «разг.» (ССРЛЯ 17, 1605).

Мы обнаружили *шумь* в анализируемом значении в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где отражаются и контакты первого субъекта с Польшей, а текст многих документов насыщен полонизмами. Судя по нашим материалам, исследуемое значение не было достаточно широко распространено в русском письменном языке XVII в. Тогда как в польском языке XVII в. *szum* в переносном значении ‘szmer niezadowolonia, pomruk; dąsy; zamieszki’ употреблялось уже достаточно активно, судя по наличию его в словаре первой половины XVIII в, бытовало оно и во второй половине XVIII-XIX вв. (Linde V, 575; Karłowicz VI, 685). И в словаре современного польского языка находим *szum* ‘zamieszanie, zamęt; zamieszki’ (SJP VIII, 1199-1200).

В текстах XVII в. на «простой мове» *шумь* удалось выявить пока только в значении ‘шум; первая зелень на деревьях’ (Тимченко 2, 504). Не фигурирует это существительное в изучаемом значении и в лексикографических источниках, включающих словарный состав белорусского языка XVIII-XIX вв. и украинского языка XIX-XX вв. Тогда как в словаре современного белорусского языка *шум* фиксируется в значении ‘сварка, крыкі, лаянка; гучнае выражэнне незадавальнення’ (ТСБМ 5 (2), 410).

Резюмируя результаты анализа истории лексемы *шумь* в значении ‘громкое выражение недовольства, претензий; скандал; волнения, беспорядки’ в восточнославянских и польском языках, мы склонны предполагать, что в

русском письменном XVII в. это семантический полонизм, а в белорусский язык XX в. значение могло попасть уже из русского. Во всяком случае это наиболее вероятное на данный момент объяснение его происхождения в белорусском языке, скорректировать которое может только появление соответствующей информации о наличии этого значения еще в «простой мове».

II. 1. 2. Местоимение

ТО (4) *указательное в знач. сущ., нескл. с.* Обозначает указание на что-л. высказанное ранее, на сообщенные только что факты, обстоятельства, ситуацию и т.д. и употребляется в роли подлежащего; это: *Ты бѣ ему вѣрила, то есть наши рѣчи* (Сб.РИО 38, 278, 1600 г.). *А что вы писали про Дмитрея царя и называете его воромъ, будто он непрямой, ино то есть помазанникъ Божей, такъ ево вамъ корить не пригоже* (Сб.РИО 137, 310, 1606-1607 гг.). *И вы бѣ, братъ нашъ любителной, имъ вѣрилъ, то есть наши рѣчи* (РИБ 16, 557(111), 1621 г.). *И тому, отче Арсение, верь, то есть истина ...* (ВУР 2, 189(76), 1649 г.).

Эта лексема восходит к праславянскому указательному местоимению **тъ, *ta, *to* ‘тот’, ‘этот’, ‘это’ < и.-е. местоименная основа **to-* м. и *ср.р.*, **ta-ж.р.* ‘тот’, ‘этот’, ‘это’ (Boryś 2005, 630; Brückner 1974, 568; ИЭССРЯ II, 253-254; Rejzek 2001, 655; Фасмер IV, 66, 88-89; Fraenkel II, 1064-1065).

В интересующем нас употреблении *то* удалось обнаружить лишь в современной русской лексикографии, где оно включено в словарную статью указательного местоимения *тот, та, то* (ССРЛЯ 15, 711, 714). В значении изменяемого существительного среднего рода, указывающего на что-либо высказанное ранее, на сообщенные только что факты, обстоятельства, ситуацию и т.д., то есть в значении ‘это’ оно до сих пор входит в активный лексический запас русского языка; а как несклоняемое существительное, указывающее на явление, предмет, названные в предыдущем предложении, эта лексема, употребляющаяся в роли подлежащего в значении ‘это’ в словаре современного русского языка уже сопровождается пометами «устар.» и «в поэтической речи» (там же, 714). Как следует из изложенного выше

анализируемое нами употребление *to* является уже устаревшим. Вообще же *to* как союз и указательная частица известно в древнерусской письменности с XI-XII вв., а указательное местоимение *тѣтъ*, *тотъ* ‘тотъ’, ‘этотъ’ – с первой четверти XII в. (Срезневский III, 966-968, 1058).

Нам в исследуемом значении это слово встретилось в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с иностранными державами. Наиболее ранняя фиксация, относящаяся к началу XVII в., приходится на документ по сношениям МГ с Англией, в котором много внимания уделяется и контактам первого субъекта с Польшей и ВКЛ; еще два случая (1606-1607 гг. и 1649 г.) – на акты, отражающие связи МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ, и один – с Данией (1621 г.).

История *to* в интересующем нас значении дает определенные основания для предположения о том, что в русском языке оно может быть семантическим полонизмом. Так, в старопольских памятниках *ten* ‘*zaimiek rzeczowny (w neutr.sg.)* odsyła do faktu, dziania się z reguły zaistniałego w przeszłości, wyrażonego w zwykłe poprzedniej wypowiedzi’ засвидетельствовано со второй половины XIV в., в XIV-XV вв. в указанной функции бытовавшее как изменяемое слово и с того же времени оно наблюдается и в несклоняемой форме *to* в значении ‘(n. sg. neutr.) jako podmiot, któremu przepisuje się orzeczenie imienne, odsyła zwykle do kontekstu’ (SłStp IX(3), 141, 143). И в XVI-XVII вв. это местоимение в приведенном выше значении отмечалось как несклоняемое слово в значении существительного, такое употребление было для него характерно также в XVIII-XIX вв. (Linde V, 616, 651; Karłowicz VII, 44). В словарях современного польского языка *to* в анализируемом значении представлено отдельной словарной статьей как неизменяемое слово: «Wyraz odnoszący orzeczenie zdania do sytuacji lub kontekstu, o których była mowa, występujący w funkcji podmiotu: a) łączący się z orzeczeniem wyrażonym czasownikiem osobowym, b) łączący się z orzeczeniem złożonym zawierającym słowo posiłkowe *być* lub nie zawierającym go (SłJP X, 166; SłJP 1983, III, 508).

В письменных источниках на староукраинском языке с XIV в. выявляется местоимение *тотъ* в значении ‘(анафоричний, у знач. іменника с.) то, це’, но только в склоняемой форме, а в текстах на старобелорусском языке XIV в. *то*, *тое* в том же значении – с первой четверти XVI в. (ССМ XIV-XV ст.

2, 440; СМС 2, 281). В белорусской и украинской лексикографии, регистрирующей язык XVIII-XIX вв., это местоимение в исследуемом значении не фигурирует. В словаре современного белорусского языка находим только склоняемое *той* в значении существительного ‘паказвае на якія-н. акалічнасці, падзеі, дзеянні і пад., пра якія ўжо ішла размова’ и несклоняемое *тое* ‘выкарыстоўваецца як указальнае слова на мяжы двух сказаў, з якіх другі з’яўляецца тлумачэннем першага’ (ТСБМ 5(1), 493, 494). То есть в интересующем нас употреблении местоимение не фиксируется. То же относится и к подаче *той* в словаре современного украинского языка: «У знач. ім. те, того, с.» (СУМ Х, 174). Однако в современном белорусском языке наблюдается частица *то* в значении ‘ужываецца ў пачатку сказаў, якія абагульняюць, рэзюміруюць ці тлумачаць тое, аб чым гаварылася раней; у значэнні ўказальнага займенніка *гэта*’ (ТСБМ 5(1), 493), и в современном украинском языке в той же функции выступает также частица *то* в значении близком к ‘це’ (СУМ Х, 158), что, по сути дела, соответствует интересующему нас случаю.

Итак, имеющиеся у нас факты позволяют констатировать, что в польском языке *to* в анализируемом значении бытует уже более шести столетий (со второй половины XIV в.), тогда как в русском письменном языке, по нашим данным, оно фиксируется с XVII в., а в лексикографии – лишь с XX в. Сведениями же о наличии его в «простой мове» и белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв. мы пока не располагаем. Все это позволяет, на наш взгляд, думать, что, по меньшей мере, в русском языке мы имеем дело с семантическим полонизмом.

II. 1. 3. Имя прилагательное

ЖИВОТНЫЙ (1) Относящийся к животу, брюшной: *А поругаючися намъ... подръзали все **брюхо** и закрывъ очи пересъкли грудь надвои и **животное** все наругаючись волочили, какъ и звѣрь не дѣлаеть* (Якубов 1897, 382, 1650 г.).

По происхождению лексема *животный* является суффиксальным производным от праслав.**životъ*, первоначально имевшего значение ‘жизнь’: корень **ži(v)-*, тот же, что в **žiti*, 1 л. ед.ч. **živŏ* ‘жить’, **živъ* ‘живой’ < * и.-е. корень **g^hei-*: **g^ht-*: часто с расширителем -*ц*- – ‘жить’, ‘жизнь’ (Brückner 1974, 670; ИЭССРЯ I, 302, 304; Pokorný I, 467-469; Преображенский I, 233-234; Фасмер II, 52; Fraenkel I, 155).

В различных значениях это слово было известно уже в древнерусском языке XI-XII вв. (Срезневский I, 869-870; СлДРЯ III, 258-259). В значении ‘относящийся к животу, брюшной’ *животный*, по данным исторических словарей русского языка, появляется в памятниках письменности лишь с начала XVIII в. и употреблялось в этом значении на протяжении XVIII-XIX вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 106; СлРЯ XVIII в. 7, 130; САР II, 444; Даль I, 540). В словарях современного русского языка оно в исследуемом значении уже не регистрируется.

Нами это прилагательное зафиксировано в дипломатическом документе XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и межгосударственные контакты Москвы с Польшей. Эта информация позволяет существенно уточнить время появления *животный* в значении ‘относящийся к животу, брюшной’ в русском письменном языке. Показательно, что это слово соотносится в цитируемом контексте с лексемой *брюхо*: *подръзали все брюхо – животное волочили*. Такая подача позволяет правильно понять значение прилагательного, которое в это время, видимо, было малоизвестно. И причиной этого может быть его неисконность для русского языка, а потенциальным источником значения мог выступать польский язык.

Как возможный полонизм данное слово привлекло к себе внимание не только из-за характера памятника, в котором оно было обнаружено, но и потому, что мотивирующее его существительное *животъ* ‘живот’ впервые было зарегистрировано в русском языке в XVI в. в тексте, переведенном с польского (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 104). А это дает основание полагать, что значение ‘живот’ у существительного *животъ* возникло, вероятнее всего, не лексико-семантическим путем и не в самом русском языке, как считает Н.М. Шанский (Шанский I(5), 290), а было заимствовано из польского, где *żywot* ‘brzuch, brzucho, łono’ наблюдалось уже в первой половине XV в. (Reczek 1968,

677; SlStr XI(8), 628). То же, на наш взгляд, можно утверждать и в отношении «простой мовы», так как в старобелорусской письменности ВКЛ *животъ*, *жывотъ* ‘частка цела ў чалавека і жывёл’ отмечается только с конца XV – начала XVI в., а в староукраинской в том же значении – с XVI в. в текстах, в той или иной степени насыщенных полонизмами (ГСБМ 10, 23ж СУМ XVI - I пол. XVII ст. 9, 157).

Со второй половины XVI в. в текстах на «простой мове», язык которых насыщен полонизмами выявляется и прилагательное *животный*, *жывотный* ‘які адносіцца да жывата’ (ГСБМ 10, 20). Однако далее XVII в. судьба этого прилагательного в данном значении ни в белорусском, ни в украинском языках не прослеживается; учитывая единичность случаев его употребления в «простой мове» в этом значении, можно предположить, что и здесь мы имеем дело с семантическим полонизмом.

Таким образом, судя по историческим данным (хронология, характер памятников), обоснованным кажется предположение о заимствовании слова *животный* в значении ‘относящийся к животу, брюшной’ в восточнославянскую письменность из польскоо, где *żywotny* в значении ‘brzuszny, maciczny’ известно с середины XVI в. и отмечалось в памятниках письменности XVI-XVII вв. (Linde VI, 1074). В словаре польского языка XIX в. *żywotny* в анализируемом значении уже снабжено пометой «staropolski» (Karłowicz VIII, 742), а в словаре современного польского языка оно в этом значении не представлено вообще. В русский письменный язык этот семантический полонизм попал, возможно, благодаря посредничеству «простой мовы».

ЗАБАВНЫЙ (1) Занятый чем-л., каким-л. делом. *А государь ... забавен был великими земскими дѣлы...* (Сб.РИО 137, 311, 1606-1607 гг.).

Это прилагательное является, вероятнее всего, отглагольным (от **zabaviti* о его происхождении см. ниже, с. [150](#) данной работы), учитывая его значение, суффиксальным производным.

По данным исторического словаря, лексема *забавный* ‘забытый, брошенный, отдаленный’ встречается в памятниках письменности с XIII в., а в анализируемом значении – с конца XVII в. (Срезневский I, 894-495; СлРЯ XI-

XVII вв. 5,131). Далее XVII в. судьба последнего значения для русского языка не прослеживается.

Имеющаяся у нас информация позволяет очень существенно, почти на столетие, уточнить время появления *забавный* ‘занятый чем-л., каким-л. делом’ в русском языке, поскольку нами это прилагательное было отмечено в дипломатическом документе начала XVII в., отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ. Учитывая характер памятника, на который приходится наиболее ранняя фиксация, а также то, что глаголы *забавити* и *забавитися* не были пока обнаружены в русской письменности XVII в. в значении, мотивирующем прилагательное, а *забавляти* и *забавлятися* в соответствующих значениях представлены единичными примерами и только середины – второй половины XVII в. и начала XVIII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 130, 131), вполне логично предположить неисконность *забавный* ‘занятый чем-л., каким-л. делом’ для русского языка.

Обратимся к польскому языку. Здесь *zabawny* ‘zajęty, zatrudniony czym’ известно с середины – второй половины XVI в., а мотивирующий его глагол – с середины 30-х гг. XVI в. (Brückner 1974, 18; Reczek 1968, 601). В интересующем нас значении прилагательное употреблялось до XIX в. (ŚlPaska II, 687; Linde VI, 593). В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., оно уже снабжено пометой «staropolski», а в словаре современного польского языка – пометой «daw.» (Karłowicz VIII, 17; SJP X, 405).

С конца XVI – начала XVII в. лексема *забавный* появляется в старобелорусской письменности (почти одновременно с глаголами *забавитися* ‘заняцца (справами)’ и *забавлятися* ‘займацца (справай)’ и впервые – именно в значении ‘заняты’, а с середины XVII в. *забавный* ‘зайнятий’ отмечается и в староукраинских текстах (ГСБМ 10, 71, 73, 74; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 9, 195). Причем язык памятников, на которые приходятся наиболее ранние фиксации, в той или иной степени полонизирован, а в одном из исторических словарей украинского языка это прилагательное во всем объеме его значений, включая и ‘занятый, озабоченный’, сопровождается комментарием «пл. *zabawny*» (Тимченко 1, 256). Однако далее XVII в. судьба прилагательного в исследуемом значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

Сопоставление приведенных выше данных, на наш взгляд, позволяет считать *забавный* ‘занятый чем-л., каким-л. делом’ несомненным полонизмом в русском языке XVII в., однако решение вопроса о характере заимствования представляет определенные трудности: если учитывать подачу этого прилагательного в историческом словаре⁷¹, то его следует считать семантическим заимствованием. В «простой мове» это слово, скорее всего, является все-таки лексическим полонизмом. В таком случае в русский язык сама лексема или только исследуемое значение могли попасть благодаря посредничеству «простой мовы».

МИЛОСТИВОЙ, МИЛОСТИВЫЙ (9) В значении почтительного эпитета в вежливой форме официального обращения и в дипломатике по отношению к особам, занимающим высокое социальное положение, царствующим особам: *Выслушалъ ихъ ..., и вразумьль подлинно брата своего ... преславнаго и милостиваго Государя Царя ...*(ДРВ (2)12, 277, 1599 г.) *Святѣйшій и Всеблаженнѣйшій о Христе Отець Милостивой Государь!* (там же, 460, 1605 г.). АИ 2, 185(159), 1609 г.; Сб.РИО142, 669, 1615 г.; Якубов 1897, 65, 1618 г.; Сташевский 1913, XXVI (2, XIV) 1629 г.; РШЭО, 114(78), 1640 г. *Милосердый государь, царь ... пожалуй для милостивейшей моей королевы ...вели ...по прежнему двор устроить* (ЭСРШ, 86(51), 1644 г.). ИСНСР 2, 146(40), 1645 г.

Данное прилагательное (праслав. **milostivъ(jь)*) является суффиксальным (суф. -*ivъ*) производным от **milostъ* ‘милость’, ‘любовь’, ‘жалость’, суффиксального деривата (суф. -*ostъ*) от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках праслав. **milъ* ‘жалкий’, ‘милый, любимый, дорогой’ < и.-е. корень **mēj̥-*(: **mōj̥-*): **mī-* (суф. -*l-*) ‘милый’, ‘любовь’, ‘любить’, ‘миловать, ласкать’ (Berneker II, 58; Brückner 1974, 337; Pokorný I, 712; Фасмер II, 662; Fraenkel I, 449; ЭССЯ 19, 38, 39, 40).

⁷¹ Дело в том, что в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* (5, 131) оно трактуется как многозначное слово, но представленные в словарной статье значения настолько различны (в данном случае, может быть, только в результате этимологического анализа возможно установить какие-то общие элементы значения), что, по нашему мнению, их следует подавать как отдельные, самостоятельные лексемы, т.е. омонимы. Но тогда *забавный* в интересующем нас значении следовало бы считать лексическим заимствованием. Однозначно же установить истину можно будет, видимо, лишь с появлением какой-либо новой, дополнительной информации.

Милостивый в значении ‘милосердный, сострадательный’ отмечается в древнерусской письменности со второй половины XI в. (Срезневский II, 135-136; СлДРЯ IV, 528; СлРЯ XI-XVII вв. 9, 153). До сих пор считалось, что в значении ‘формула учтвого обращения в речи, в письме’ прилагательное стало известно в русском языке с первой трети XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 12, 185). В этом значении оно регистрировалось и в словарях, отражающих русский язык XIX в., в словаре современного русского языка прилагательное во всех своих употреблениях сопровождается пометой «устар.» (САР III, 771; Даль II, 326; ССРЛЯ (2) VI, 993).

Обнаруженные нами употребления *милостивой*, *милостивый* в качестве почтительного эпитета, относящиеся к концу XVI – первой половине XVII в., на данный момент следует считать наиболее ранними его фиксациями в этом значении в русском письменном языке. Все они приходятся на дипломатические документы: первый и второй случаи – на корреспонденцию по сношениям с Римской империей и папой римским, третий – на документ по связям со Швецией (при этом в первом и третьем случаях много внимания уделяется также взаимоотношениям МГ с Польшей), четвертый – на корреспонденцию по сношениям МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ. Еще четыре раза (1618 г., 1629 г., 1640 г., 1644 г.) *милостивый* засвидетельствовано в переводных текстах, отражающих контакты МГ со Швецией. Следует подчеркнуть, что в основном это почтительное обращение используется по отношению к лицам, представляющим иностранные державы (папа римский, шведский король и королева, польский король). И только в первом случае эпитет *милостивый* употреблен по отношению к русскому царю в документе, исходящем от цесаря римского.

Изложенные выше обстоятельства могут указывать на неисконность анализируемого значения для прилагательного в русском языке. Тем более, что и существительное *милость* в аналогичном значении квалифицируется как семантический полонизм (Sobik 1969, 271; Милейковская 1984, 67). Поэтому обратимся к польскому языку. В старопольских памятниках *miłościwy* ‘jako konwencjonalny epitet w tytułach grzecznościowych i dyplomatycznych w odniesieniu do osób lub między osobami wyższego stanu wyrażający cześć, szacunek; w odniesieniu do pamejacego’ известно с середины XIV в. и бытовало в

XV-XIX вв. (SłStp IV(4), 260-261; SłPXVI, XIV, 195; Linde III, 100; SłPaska I, 423; Karłowicz II, 984-985). В словаре современного польского языка представлены терминологические сочетания *miłościwy król*, *miłościwy książę*, *miłościwy pan* и т.д., которые подаются уже как историзмы ‘dawne zwroty grzecznościowe wyrażające cześć, szacunek w stosunku do osób stojących wysoko w hierarchii społecznej’ (SłJP IV, 706).

С первой половины XV в. *милостивый* ‘(шанобливый эпитет) милостивый’ регистрируется в письменности ВКЛ, причем вначале только в документах по связям с Польшей, а само прилагательное выступает в составе обращения к польскому королю (ССМ XIV-XV ст. 1, 592). Такое употребление было характерно для прилагательного и в «простой мове» XVI-XVII вв. (ГСБМ 18, 46). Далее мы находим его в функции почтительного эпитета, в словаре, фиксирующем украинский язык XIX в. (Грінченко I, 960). В словаре современного украинского языка *мілостивий* ‘уживалося як ввічливе звертання’ имеет помету «заст.» (СУМ IV, 706). Для белорусского языка его судьба в этом значении далее XVII в. пока не прослеживается.

Итак, результаты анализа истории прилагательного *милостивый* в интересующем нас значении в восточнославянских и польском языках дают, по нашему мнению, достаточные основания, чтобы рассматривать его как семантический полонизм в первых. При этом проникновению значения в русский письменный язык конца XVI – начала XVII в. могла способствовать «простая мова».

ОБОЗНЫЙ (3) *в знач.сущ. м.* Должностное лицо в Польше и ВКЛ, в обязанности которого входило устройство военного обоза на месте, назначенном предводителем войска: *Писали естя к намъ в двух грамотах с послы нашими с уроженнымъ Адамомъ Миколаевичемъ Желковскимъ, обознымъ нашим корунным ...* (Сб. РИО142, 276, 1611-1612 гг.) *А король ... велѣл мнѣ с паном гетманом корунным ... и с паном **обозным** корунным, чтоб я шел до Феларета митрополита ...* (там же, 416, 1613 г.). *Самойло Осинской, **обозный** великого княжества Литовского ...*(АЮЗР 3, 283, 1649 г.).

Обозный в исследуемом нами значении возникло в результате субстантивации прилагательного, образованного путем суффиксации (суф. –

ьль) от **obozь* < **ob-vozь* 'обоз, вереница повозок' (о его происхождении см. ниже с. [255](#) данной работы, а также Brückner 1974, 371; ЭССЯ 31, 110).

Наиболее ранние фиксации *обозный*, прилагательного к *обозь* в значении 'оборонительное и осадное укрепление', относятся, по данным исторического словаря, к Смутному времени, то есть к концу XVI – началу XVII вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 12, 117). А субстантив в интересующем нас значении, согласно тому же источнику, появляется в русской письменности с 70-ых гг. XVII в. (там же). По нашим сведениям, почерпнутым из дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, эта лексема в анализируемом значении встречается более чем на полстолетия раньше и отмечалась еще в русском письменном языке первой четверти XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 16, 33). В словарях, отражающих русский язык второй половины XVIII- XX вв., субстантив *обозный* в этом значении уже не представлен.

И само значение слова, и характер памятников, в которых оно засвидетельствовано в XVII в., указывают на то, что мы бесспорно имеем дело с семантическим полонизмом. Так, в польском языке *oboźny* 'urzędnik odpowiadający za założenie obozu' известно с середины - второй половины XVI в. и продолжало употребляться в XVII-XVIII вв. (Bańkowski 2, 348; SłP XVI, XIX, 314; SłPaska II, 16; Linde III, 379). В словарях, регистрирующих польский язык XIX- XX вв., субстантив в этом значении полагается уже как историзм (Karłowicz III, 497; SłJP V, 513).

С конца XVI – первой половины XVII в. *обозный* «высшее должностное лицо, котораго обязанностію было устройство военного обоза на мѣстѣ, назначенномъ предводителемъ войска. Главныхъ обозныхъ было два: *obozny wielki koronny*, *obozny wielki litewski*» наблюдается в письменности ВКЛ, причем первоначально именно в этом значении и в составе документов, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами (Горбачевский 1874, 236; ГСБМ 21, 225; Тимченко 2, 15). В словарях, фиксирующих белорусский язык XVIII- XX вв., эта лексема в указанном значении уже не представлена. А в украинской лексикографии, отражающей язык XIX- XX вв., находим *обозний* в значении 'виборна, службова особа, що обіймала одну з найвищих адміністративно-військових посад на Україні в XVII-XVIII стст.', трактуемое как историзм (Грінченко II, 25; СУМ V, 549).

Приведенная выше информация, по нашему мнению, позволяет с достаточной долей уверенности квалифицировать *обозный* в анализируемом значении как полонизм в восточнославянских языках: в русском письменном языке XVII в., он, вероятнее всего, является семантическим заимствованием, а в «простой мове» конца XVI-XVII вв., очевидно, - лексическим. Последняя, скорее всего, выступала в роли посредника при осуществлении заимствования русским языком.

ПОРОЖЖИЙ, ПОРОЗЖИЙ, ПОРОЖИЙ, ПОРОЖНИЙ (4) *Перен.* Напрасный, тщетный; пустой, бесполезный, бесплодный; несущественный, неважный; беспочвенный, необоснованный: *Чего ... не повелось, что крестное цѣлование рушитъ ... и говорить порожжіе слова* (ДРВ (2) 4, 81, 1602 г.). *Такихъ вашихъ порожжихъ словъ впредь мы и слушать не хотимъ ...* (там же, 93). *А о Свейскомъ титуль порожжіе слова что вамъ и говорить?* (там же, 91). *Такіе порожніе слова мимо перемирныхъ грамотъ говоритъ ...* (там же, 95).

Это прилагательное, по мнению М.Фасмера (III, 330), для восточнославянских и польского языков восходит к праслав. **porzdniō-*, а для других славянских языков – к **porzdъnъ* ‘незанятый, свободный от чего-л.; пустой’, связанным, вероятнее всего, с и.-е. **pors-do-* < **por-*: **per-* ‘бежать’, ‘удалять’ (см. также Wańkowski 2, 803; Brückner 1974, 439; ЕСУМ 4, 524; Преображенский II, 107, 102-122; ЭСБМ 8, 166).

В памятниках письменности *порожнии, порожънъ, (породънии) порозънии* в значении ‘незанятый, свободный от каких-л. дел, обязанностей, праздный; свободный, имеющий свободу действий’ отмечается с XII-XIII вв., а в значении ‘свободный, незанятый, пустой’ – с конца XIV-XV вв. (Срезневский II, 1210, 1211, 1212; СлДРЯ VII, 220; СлРЯ IX- XVII вв. 17, 122, 124). В интересующем нас переносном значении, которое могло бы развиваться на основе значения ‘пустой, ничем не заполненный’⁷², прилагательное, по имеющимся у нас на данный момент сведениям, в русской лексикографии представлено с XIX в.: *порожній разговоръ* ‘пустой, ничтожный’ (Даль III, 319). В современном

⁷² Единичные случаи его употребления регистрируются в русских письменных источниках с последней четверти XVI в., а более широкое распространение оно получает лишь в первой половине XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 122, 123, 124), тогда как в старопольском *próżny, próżni* – ‘pusty, orgózniony’ – уже конца XIV – начала XV в. (SłStp VII (1), 77), то есть значительно раньше.

русском языке это значение реализуется только в составе фразеологизмов: *переливать, переливание из пустого в порожнее* ‘проводить время в праздных разговорах, пустой болтовне’ (ССРЛЯ 10, 1385; ФСРЯ, 316). Однако, судя по нашим материалам, исследуемое переносное значение появляется у прилагательного значительно раньше, чем оно начинает фиксироваться в словарях, о чем свидетельствуют четыре случая, обнаруженные нами в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей в начале XVII в.

В связи с этим обратимся к польскому языку. В старопольских текстах *próżny, próżni* (эти формы до XVI в.) в значении ‘*marny, daremny, czczy, także nieprawy; nieważny*’ известны со второй половины XIV – первой половины XV в. (SłStp VII (1), 77, 78) и, как считает Баньковский (2, 803), являются переводом латинских *cavūs, inānis, vācius, vānus* в том же значении. *Próżny* в значении ‘*wyraża negatywną ocenę sensowności i celowości: niepotrzebny, nieistotny, nieważny, zbędny; daremny, bezskuteczny; bezpodstawowy (próżne (-a) słowo, mova, rozmowa itc.*’ продолжало бытовать и в польском языке XVI-XIX вв. (SłP XVI, XXX, 500-501; Reczek 1968, 370; Linde IV, 1055; Karłowicz V, 7). И в словаре современного польского языка находим *próżny, próżni* ‘*nie dający pożądaných wyników, efektów; niepotrzebny, bezużyteczny, bezcelowy, czczy, daremny*’, тогда как в прямом значении ‘*nie zawierający nic, niczym nie wypełniony; pusty*’ это слово уже снабжено пометой “*wychodzące z użycia*” (SłJP VII, 99).

В письменности ВКЛ *порожний* в прямом значении ‘порожній, пустий’ встречается со второй половины XV в. и продолжало употребляться в ней и в XVI-XVII вв. (ССМ XIV-XV ст.2, 197, 198; СМС 2, 72; Тимченко 2, 176). В переносном же значении ‘пустой, напрасный; несущественный, неважный; беспочвенный, необоснованный’ в сочетании с существительными *бесьда, слова, надія, праца* это прилагательное получает распространение только в «простой мове» конца XVI – начала XVII в. (хотя единичный случай такого употребления засвидетельствован в старобелорусском памятнике начала XVI в., причеи часто наблюдается в текстах, язык которых отражает польское влияние (ГСБМ 27, 12-13; Тимченко, там же). В этом значении оно регистрируется и в украинской лексикографии XIX-XX в. (Грінченко II, 349; СУМ VII, 268). Что

касается белорусского языка, то в словарях, отражающих язык XIX-XX вв., *парожні* фигурирует только в прямом значении ‘пусты, нічым не запоўнены’, и только в составе фразеологизма *пераліваць з пустога ў парожняе* эта лексема имеет интересующее нас значение (ТСБМ 4, 56).

Заключая обзор истории прилагательного *порожжий*, *порожзий*, *порожий*, *порожний* в анализируемом значении в восточнославянских и польском языках, мы склоняемся к выводу о том, что в первых – это семантический полонизм, так как в русском прямое и переносное значение засвидетельствованы практически одновременно и значительно позже, чем в польском языке, а в «простой мове» разница между ними во времени составляет более столетия. Таким образом, и хронологические данные, и характер памятников, где исследуемое значение наблюдалось впервые, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу высказанного выше предположения. При этом проникновению значения в русский письменный язык XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

СОСЕДНОЙ (1) Находящийся в соседстве, соседний; сопредельный: *А к нашей особой годности и к доброму пребыванью надобно то, когда мы видим, что наш соседной двор горит и нам надобно воду носить, и помогати, и гасити, чтоб нам свое соблюсти, а пожар уже тот превелик ..., и землю изъдаает, а дым идет через реки и море ..., что ... от вашего царского величества границ мочно видети, так вашему царскому величеству помыслить, чем соседом помогать и своего оберегати ...* (ЭСРШ, 36 (16), 1629 г.).

Данное прилагательное представляет собой суффиксальное производное от имеющего общеславянское распространение существительного, восходящего к праслав. **sqsědъ* ‘тот, кто сидит вместе, рядом с кем-л.; сосед’, отглагольному деривату от префиксального образования **sq-sěděti* ‘сидеть рядом’, ‘жить вместе’ < и.-е. **som-* ‘с, со’, ‘вместе’ + **sěd-* ‘сидеть’ (Boryś 2005, 539-540, 544; Brückner 1974, 482; ИЭССРЯ II, 161-162, 215; Преображенский II, 361; Фасмер III, 618, 726, 791).

В древнерусской письменности со второй половины XIII в. отмечается форма *сусѣднии* в значении ‘сосѣдніи, принадлежащій сосѣду’ (Срезневский III, 629; Кочин 1937, 335, 354). В интересующем нас значении в другом

историческом словаре уже фиксируется форма *сосѣдний*, извлеченная из дипломатического документа, отражающего контакты МГ со Швецией в 1649 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 26, 189). Заметим, что язык этого акта содержит полонизмы. Мы обнаружили *соседной* 'находящийся в соседстве, соседний; сопредельный' также в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией, причем в переводном тексте ⁷³, язык которого в значительной степени насыщен полонизмами. При этом наш памятник позволяет на два десятилетия удревнить время появления исследуемого значения в русском письменном языке. Что касается дальнейшей судьбы этого слова в анализируемом значении, то в словаре, регистрирующем русский язык XVIII в., оно дается как синоним к *сосѣдскій*, то есть 'принадлежащий сосѣду' (САР VI, 404). В лексикографических источниках XIX-XX вв. находим его уже и в значении 'расположенный, находящийся рядом, поблизости, по соседству с чем-л.' (Даль IV, 282; ССРЛЯ 14, 347).

Обстоятельства появления указанного значения у прилагательного *сосѣдний*, *соседной*, а также то, что еще и в XVIII в. это значение прочно не закрепилось в русском языке или не было еще достаточно широко распространено в нем, наводит на мысль о возможном семантическом заимствовании, наиболее вероятным источником которого был, видимо, польский язык. В старопольской письменности *sąsiedni*, *sąmsiadny* (эта форма встречается в XVI-XVII вв.) уже с середины XV в. известно именно в значении 'znajdujący się obok, blisko, sąsiadujący, proxiimus, vicius' и с тех пор вплоть до настоящего времени активно употребляется в нем в польском языке (SłStp VIII (2), 140; Reczek 1968, 440; Linde V, 197; Karłowicz VI, 40; SłJP VIII, 83).

Сведениями о наличии прилагательного в интересующем нас значении в «простой мове» мы пока не располагаем. В белорусском языке XVIII- XIX вв. *сусѣдній* бытовало в значениях 'сусѣдскій' и 'пріятельскій' (Носовичъ 1870, 624). Тогда как в украинском языке XIX в. *сусідній* наблюдалось в исследуемом значении (Грінченко II, 741). И в словарях современного белорусского (*сусѣдні*)

⁷³ Интересно, что текст документа отличается сильной образностью языка. Так, словосочетание *соседной двор*, на наш взгляд, здесь следует понимать как 'сопредельное государство', а следующее далее слово *соседь* в форме мн.ч. – как 'население, занимающее соседнюю территорию, местность', это значение было характерно для существительного в русском письменном языке XVI-XVII вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 26, 187).

и украинского (*сусідний*) языков прилагательное фигурирует в этом значении (ТСБМ 5 (1), 391; СУМ IX, 856).

Сопоставление приведенной выше информации дает, по нашему мнению, достаточные основания, чтобы считать *сосѣдний, соседной* ‘находящийся в соседстве, соседний; сопредельный’ семантическим полонизмом в русском письменном языке XVII в. В других восточнославянских языках эта лексема в упомянутом выше значении, возможно, также является семантической калькой из польского, но до тех пор, пока не будет надежных данных по «простой мове», однозначно установить источник калькирования (польский или русский язык) не представляется возможным.

ТЯНУТЫЙ (1) Изготовленный путемковки, вытягивания, волочения: *Учали было ... на Москвь дѣлать тянутое и волоченное золото и серебро, и канитель и друнцаль ..., и то дѣло учало ставиться дорого ...*(СГГД 3, 337 (94), 1633 г.).

Эта лексема возникла на базе страдательного причастия прошедшего времени, которое является суффиксальным производным от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав.: **tegnoti*, 1 л. ед.ч. **tegnō* ‘тянуть; тащить’, образованного, в свою очередь, суффиксальным способом от праслав. **tegti*, 1 л. ед.ч. **tego* ‘тянуть; тащить’ < и.-е. база **ten-gh-*, (: **ton-gh-*) ‘тянуть’, ‘натягивать; растягивать’ (Boryś 2005, 78; Brückner 1974, 60-61; ИЭССРЯ II, 278; Pokorny I, 1067; Преображенский II, 32-34 (1172-1174); Фасмер IV, 139-140; Fraenkel II, 1097-1098).

В древнерусских памятниках глагол *тягнути* в значении ‘быть въ состояніи’ засвидетельствован с XII в., а в значении ‘нести повинности’ – с XIII в. (Срезневский III, 1098). С XIV в. в значениях ‘тянуть, тащить’, ‘быть въ зависимости, въ подчиненіи’, ‘относиться къ чему’ фиксируется и *тянути*, а также производные от него причастия (там же, 1106). По имеющимся у нас на данный момент сведениям, до начала XVII в. ни *тягнути*, ни *тянути* не отмечались в русском письменном языке в значении, которым могло быть мотивировано прилагательное *тянутый* ‘изготовленный путемковки, вытягивания, волочения’. В этом значении указанное прилагательное

регистрируется в русской лексикографии с конца XVIII в. – начала XIX в. и употребляется до сих пор (САР VI, 843; Даль IV, 452; ССРЛЯ 15, 1267).

Нами исследуемое прилагательное выявлено в дипломатическом акте первой половины XVII в. по сношениям МГ с Римской империей, текст которого в значительной степени насыщен полонизмами. Учитывая этот момент, а также изложенное выше: отсутствие в русском языке до XVII в. мотивирующего значения у *тягнути*, *тянути*, мы склонны предполагать семантическое заимствование.

Так, если обратиться к польскому языку, то здесь с середины XVI в. известно *ciągnąć* ‘wydłużać, rozciągać, nadawać cienki podłużny kształt (substancji luźnej)’ и ‘określa piewien proces techniczny: ciągnąć miedz = kuć na cienkie blaszki lub wyciągać w druciki’ (SłP XVI, III, 426, 428). С этого же времени в письменных источниках представлено и причастие *ciągnion* ‘przyciągany, wyciągany, wlecony, wydobywany’, которое наблюдалось и в функции прилагательного в значении ‘wyciągany w cienkie nitki: srebro ciągniote, ciąnione złoto’ (там же, 433). В XVII-XVIII вв. в этом значении выступала не только форма *ciągniony*, но и *ciągnęty* (Linde I, 283). В XIX в. в анализируемом значении бытовала уже только форма *ciągnęty* (Karłowicz I, 320). В словаре современного польского языка в исследуемом значении находим *ciągnęty* и *ciągniony* с пометой «przestarz.» (SłJP I, 958, 960).

В старобелорусских и староукраинских текстах с XV-XVI вв. обнаруживается глагол *тягнути* в значениях ‘тянуть; вести’ и ‘склонять, держаться кого’, а с первой половины XVI в. *тягненыи* ‘выкаваны’ (СМС 2, 292; Тимченко 2, 408). При этом глагол в мотивирующем значении в XVI-XVII вв. пока не был зарегистрирован. В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., а также современный украинский язык, ни глагол, ни причастие, ни прилагательное в интересующем нас значении не фигурируют. Хотя глагол *цягнуць* в значении ‘падаўжаць або пашыраць выцягваннем; апрацоўваць, выцягваючы для атрымання дроту, ніцей’ (ТСБМ 5(2), 275) в словарный состав современного белорусского языка входит.

Анализ приведенных выше материалов, на наш взгляд, дает определенные основания для заключения о том, что в восточнославянские языки *тягнений*, *тянутый* ‘изготовленный путемковки, вытягивания,

волочения' проникло из польского. При этом роль посредника в процессе заимствования русским письменным языком XVII в. могла играть «простая мова». Следует заметить, что в данном случае возникают определенные трудности с установлением характера заимствования. Мы склоняемся к мнению, что это семантический полонизм, однако нельзя исключать и вероятности лексического заимствования (в особенности для «простой мовы»), так как в настоящее время информация о *тягненыи* в письменности ВКЛ и *тянутый* в русском письменном языке для XVI-XVII вв. ограничивается пока единичными употреблениями, рассмотренными выше.

ХОТНЫЙ (1) Готовый, склонный к чему-л., согласный на что-л., желающий что-л. сделать: *А кого из Руских или из Литовских людей прикормят, и тому дати денег или мяхкие рухляди, что пригоже, чѣм бы его хотна учинити; да и обнадежити: как онъ то писмо до государя довезет, и ему за то будет от государя великое жалованье* (Сб.РИО 142, 510, 1614-1615 гг.).

Анализируемое прилагательное (праслав. **chotъnъ(jь)* 'охотный, добровольный', 'жадный, алчный', 'похотливый', 'приятный', 'милый', 'красивый') является суффиксальным дериватом (суф. *-ъnъ*) от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **chotěti*, 1 л. ед.ч. **chotjъ* (и новообразование **chъtěti*, 1 л. ед.ч. **chъtjъ*), первоначальным значением которого, видимо, было 'требовать; домогаться'; в этимологическом плане **chotěti*, подобно другим незаимствованным словам с начальным *ch*, трудное слово, но наиболее вероятной кажется его связь с праслав. **chvatati*, **chvatiti* и далее – с **chyiti* 'хватать', 'похищать', однако существуют сложности с и.-е. праформой, возможно, и.-е. база здесь **sčō-t-* 'гость', 'чужак', 'чужой', 'принадлежащий' (Bańkowski 1, 126, 130; Berneker I, 399; Boryś 2005, 57-58; Brückner 1974, 177, 178; ИЭССРЯ II, 335-336; 353; Sławski I (1), 62, 64; Фасмер IV, 270, 271; Fraenkel I, 247; ЭССЯ 8, 83-84, 85-86⁷⁴). В русской письменности *хотъныи* впервые выявляется в значении 'желанный, милый' в *Толковании на книгу пророка Иезекииля* по списку XV в., скопированному с

⁷⁴ По информации этого лексикографического источника **chotъnъ(jь)* – суффиксальное производное от существительного *chotъ* 'желание, охота', однако в интересующем нас значении это, по-видимому, все-таки отглагольное образование, подтверждение чему есть и в исследованиях польских этимологов (Bańkowski 1, 130).

рукописи Упыря Лихого 1047 г. (Срезневский III, 1389). В русской лексикографии это прилагательное в интересующем нас значении ‘охочій, доброхотный, желатель’ регистрируется только Вл. Далем (IV, 563). Правда, у Ф.Поликарпова (1704, 151) находим однокоренное наречие *хотно* ‘libentĕr, rgōpensĕ, perlĭbentĕr, sĭpĭdĕ (охотно, с удовольствием; страстно, ревностно, горячо)’.

Мы обнаружили *хотный* ‘готовый, склонный к чему-л., согласный на что-л., желающий сделать что-л.’ в дипломатической переписке первой четверти XVII в. между МГ и Польшей, а также ВКЛ. И этот случай на данный момент следует считать наиболее ранней фиксацией лексемы в указанном значении в русском языке. История прилагательного в исследуемом значении и характер памятника, в котором оно встретилось нам, могут свидетельствовать о том, что мы имеем дело с семантическим заимствованием, и очевидно, из польского.

В старопольских текстах с первой половины XV в. отмечается *chętny* ‘miły, przyjemny’, объем значений которого со второй половины XVI в. расширяется до ‘skłonny do czegoś, mający chęć do czegoś; pilny, gorliwy, ochoczy, pełen chęci; gotowy, skłonny, skory’ (SłStp I (4), 233; SłPXVI, III, 222; Reczek 1968, 40). В этом значении прилагательное бытовало в польском языке и в XVII-XIX вв. (Linde I, 237; Karłowicz I, 276). И в словаре современного польского языка оно представлено в значении ‘mający chęć, pełen dobrych chęci.; skory, skłonny do czegoś, życzliwy; ochoczy, chciwy, ochotny’ (SłJP I, 850).

Достоверными сведениями о наличии *хотный* в старобелорусской и староукраинской письменности мы пока не располагаем, однако, учитывая характер рассматриваемого нами памятника, нельзя исключать того, что оно могло наблюдаться и в «простой мове». В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., это прилагательное, по имеющейся у нас информации, не фигурирует.

Сопоставительный анализ истории *хотный* в изучаемом значении в восточнославянских и польском языках, по нашему мнению, подтверждает высказанное ранее предположение о том, что в русском письменном языке XVII в. это, вероятнее всего, семантический полонизм.

II.1.4. Глагол

ВВЕСТИ (2) *сов.* Включить, внести; вписать: *И тое бы де статью ввести в грамоту и подтвердить вамъ, царского величества посомъ, ее имянно* (Якубов 1897, 60, 1618 г.). *И тое бы статью ввести в грамоту и подтвердить ... ее ...*(ЭСРШ, 22 (5), 1618 г.).

Этот глагол является префиксальным образованием от имеющего общеславянское распространение праслав. *vesti, 1 л. ед.ч. *vedo 'вести' < и.-е. основа **ved(h)-no-* от корня **ved(h)-* 'вести', 'заведовать, руководить', а также 'жениться' (Brückner 1974, 619; ИЭССРЯ I, 146; Pokorný I, 1115-1116; Преображенский I, 79; Фасмер I, 284; Fraenkel II, 1231-1232; Шанский I (3), 74-75).

В древнерусском языке *вести* в значении 'привести внутрь, в пределы чего-л.' известно с XI в. (Срезневский I, 326; СлДРЯ I, 506). В интересующем нас значении эта лексема, по данным исторического словаря, в памятниках письменности впервые отмечается в конце 60-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 29). Однако в словарях, регистрирующих русский язык XVIII-XIX вв., в исследуемом значении она не представлена. В словаре современного русского языка наиболее близким к анализируемому нами значению глагола *вести* является 'присоединить, включить в состав, в число кого-, чего-л.; включить в качестве элемента, составной части' (ССРЛЯ II (2), 53).

Мы обнаружили *вести* 'включить, внести; вписать' в дипломатической корреспонденции, отражающей межгосударственные контакты МГ со Швецией в конце 10-х г. XVII в., что позволяет существенно уточнить хронологию указанного значения в русском письменном языке. Для нас в данном случае существенно и то, что в исследуемых документах затрагиваются также отношения МГ с третьей стороной, Польско-Литовским государством.

Анализ истории глагола и обстоятельства его появления в рассматриваемом значении в русской письменности дают определенные основания для предположения о том, что мы можем иметь дело с семантическим заимствованием из польского. Так, в старопольских памятниках *wwieść* (w księgi) 'wpisać, wciągnąć do ksiąg sądowych' засвидетельствовано уже со второй половины 30-х г. XV в. (SłStp X (7), 423). В значении 'wprowadzić,

wpisać, zapisać, wciągnąć' этот глагол бытовал на протяжении XVI-XIX вв., в словаре современного польского языка это значение уже не фиксируется (Linde VI, 350; Karłowicz VII, 790).

С конца XV - начала XVI в. *вести, увести* 'уписаць' встречается в письменности ВКЛ, причем в текстах, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами (ГСБМ 3, 22). Однако для белорусского языка судьба лексемы в указанном значении далее XVII в. не прослеживается. В словарях же современных белорусского (*увесці*) и украинского языков (*вести, увести*) глагол представлен в том же значении, что и в словаре современного русского языка (ГСБМ 5 (1), 603; СУМ I, 305).

На наш взгляд, приведенные выше факты позволяют выдвинуть версию о заимствовании значения 'включить, внести; вписать' восточнославянскими языками из польского. При этом в русский письменный язык первой половины XVII в. оно, вероятнее всего, проникло благодаря посредничеству «простой мовы», где отмечалось с более раннего времени.

ВЫВЪДАТИ, ВЫВЕДАТИ (2), *сов.* Узнать, получить сведения, известия о чем-л.; разузнать тайное, выведать: *И будетъ выше царское величество произволить ..., чтобъ мнѣ мочно про ево дѣло о всемъ подлинно вывѣдать и вашему царьскому величеству напередъ вѣдомо учинить ...*(Сб.РИО 116, СССXXXV (12)б 1625 г.). *И что вперед выведол ...ведомо чинити ...* (ИСНСР 2, 69 (20), 1642 г.).

Вывѣдати образовано префиксальным способом от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **věděti*, **vědati* 'знать', итератива к **věsti* (< **větti* < **vědti*) < и.-е. корень **ueid-*: **uoid-* 'видеть', 'замечать', 'знать' (Brückner 1974, 615; ИЭССРЯ I, 137; Преображенский I, 106-107; Фасмер I, 283).

В русской письменности это слово в значении 'отдать в ведение, в подчинение' встречается с конца XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 184). До сих пор считалось, что в интересующем нас значении оно засвидетельствовано в памятниках середины – второй половины XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же), наши же данные позволяют удревнить его хронологию.

Нам этот глагол дважды встретился в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Голландией и Молдавским княжеством в первой половине XVII в., причем в обоих случаях затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей, а язык документов насыщен полонизмами. Вообще следует отметить, что в анализируемом значении *wywydaty* на протяжении всего XVII в. регистрировалось в основном в текстах, близких по жанру к дипломатическим документам. В русской лексикографии форма несовершенного вида глагола в рассматриваемом значении фиксируется с 60-х гг., а форма совершенного вида – с 70-х гг. XVIII в., в этом значении он продолжал употребляться также в XIX в. (СлРЯ XVIII в. 4, 194-195; САР I, 815; Даль I, 282). И в словаре современного русского языка находим его в значении ‘допытываться о чем-л., разузнавать что-л.; стараться узнать что-л. тайное, скрываемое от других’ (ССРЛЯ II (2), 667, 668).

В конце XV в. отмечается единичное употребление *wywedaty* ‘выведаць, атрымаць звесткі аб чым-н.’ в старобелорусской и *wywydaty, wywedaty* ‘(що) розвідати, вивідати;(чого, о чім) розслідувати, вияснити (що)’ в староукраинской письменности, однако более широкое распространение этот глагол получает лишь в первой половине XVI в., употребляясь в это время преимущественно в документах, отражающих связи с Польшей, язык которых в значительной степени полонизирован (ГСБМ 5, 107; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 129). Далее эта лексема в интересующем нас значении представлена в словарях, отражающих белорусский (*wywydaць*) и украинский (*wiwidaty*) языки XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 79; Гринченко I, 191), бытует она и в современном белорусском (*wywedacь*) и украинском (*wiwidaty*) языках (ГСБМ 1, 523; СУМ I, 364). В связи с историей этого слова, на наш взгляд, примечательно, что однокоренной глагол *wywydawatisia* ‘распытваць’ считается в старобелорусском языке заимствованием из польского (Булыка 1972, 73).

В самом же польском языке *wywiadzieć* ‘zdobyć o kimś, czymś wiedzę, dowiedzieć się czegoś’ известно с начала 60-х гг. XV в. (SłStp X (8), 581) и употреблялось до XVII в. В словарях, регистрирующих польский язык XVII-XVIII вв., в значении ‘zebrać wiadomości o kim, o czym; dowiedzieć się czego (często potajemnie, skrycie); wypytać się, dopytać się o co’ находим уже только возвратную форму, а в словаре, представляющем язык XIX в., *wywiadzieć*

сопровождается пометой «staropolski», тогда как *wywieźć się* в указанном выше значении употребляется до сих пор (SiPaska II, 670; Linde VI, 534; Karłowicz VII, 1099; SJP X, 315-316).

Опираясь на приведенный выше фактический материал, мы склоняемся к мнению, что *wywieźć*, *wywieść* в анализируемом значении в конце XV – начале XVI в., вероятнее всего, было заимствовано старобелорусским и староукраинскими языками из польского, затем через посредничество «простой мовы» в русскую письменность первой половины XVII в. проникает исследуемое значение, то есть в русском языке мы имеем дело уже с семантическим полонизмом. Что касается формальной стороны: различий в акцентуации глагола в польском по сравнению с белорусским и украинским языками, то это можно объяснить перемещением ударения в последних в результате адаптации (в этих языках префикс *wy-* в глаголах совершенного вида всегда ударен).

ВЫНОСИТИ (2) *несов.* Распространять (чьи-л. высказывания), оглашать, разглашать что-л.: *А впередь толко писати о болишихъ дѣлахъ, ино также будутъ выносити; и то непригожъ, что дѣлается в комнате у тебя, і то все выносятъ* (СГГД 2, 262 (121), 1606 г.).

Это слово является префиксальным производным от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках глагола, восходящего к праслав. **nesti*, **nositi* ‘нести’ < и.-е. корень **nek’-* (: **nok’-*): **en(e)k’-* (: **onk’-*): **nk’-* ‘нести’, ‘получать’, ‘приобретать’, ‘достигать’, ‘доставать’, ‘быть достаточным’ (Brückner 1974, 361; ИЭССРЯ I, 570; Преображенский I, 601-602; Фасмер III, 67).

В памятниках русской письменности *wyносити* в форме несовершенного вида в значении ‘выносить, приносить откуда-л.’, по данным исторического словаря, встречается со второй половины XVI в., а в анализируемом нами значении эта лексема, по информации того же источника, отмечается с конца 80-х г. XVII в., что иллюстрируется единственным примером (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 230). В русской лексикографии *wyносíти* регистрируется с начала XVIII в., и в словарях, регистрирующих язык этого и последующих столетий, данный глагол в значении ‘разглашать, выдавать (что-л. тайное), доносить о чем-л.’

сопровождается пометой «прост.» (СлРЯ XVIII в. 4, 247; САР I, 903). В современном русском языке исследуемое значение реализуется, пожалуй, только в составе фразеологизма *выносить сор из избы*, а кроме того, в словаре современного русского языка этот глагол представлен еще и в употреблении: ‘передавать какие-л. сведения, слухи’, являющемся оттенком значения ‘предлагать, представлять для обсуждения, рассмотрения, осуществления’, в сопровождении пометы «устар., прост.» (ССРЛЯ II (2), 789, 790; ФСРЯ, 95).

Мы обнаружили *выносити* ‘распространять (чьи-л. высказывания), оглашать, разглашать что-л.’ в дипломатическом документе, отражающем межгосударственные отношения МГ с Польшей в начале XVII в., что позволяет весьма существенно уточнить время появления указанного выше значения в русском языке.

С конца XVI в. *выносити* ‘(що) (розголошувати) выно́сити’ появляется в «простой мове», причем все его употребления второй половины XVI – первой половины XVII в. приходятся на сильно полонизированные тексты (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 231). Для белорусского языка история этой лексемы в рассматриваемом значении далее XVII в. не прослеживается, а в современном украинском языке оно, как и в русском, реализуется в составе фразеологизма *выно́сити на люди* ‘робити відомим, усім або багатьом; розголошувати’ (СУМ I, 442).

Все изложенное выше наводит на мысль, что для восточнославянских языков источником интересующего нас значения может быть польский язык. И действительно, в старопольских памятниках *wynosić* ‘wyjawiać sekrety, rozpowiadać nieurważnionym’ известно уже с конца XIV в. (SłStp X (4), 512). В значении ‘rozgłaszać, rozpowiadać co’ этот глагол продолжал употребляться и в XVI-XIX вв. (Linde VI, 439; Karłowicz VII, 948). В современном польском языке *wynosić* в интересующем нас значении бытует в составе фразеологических оборотов *wynosić wiadomości* ‘rozgłaszać, rozpowiadać na zewnątrz co się gdzie dzieje’ и *wynosić tajemnicę* ‘rozgłaszać, rozgadywać, rozpowiadać wszystkim’ (SłJP X, 120; SłFJP II, 670).

Итак, сопоставление представленных фактов из истории *выносити* ‘распространять (чьи-л. высказывания), оглашать, разглашать что-л.’ в восточнославянских и польском языках дает, на наш взгляд, достаточные

основания квалифицировать его как семантический полонизм в последних, проникновению которого в русский письменный язык начала XVII в., вероятнее всего, способствовала «простая мова».

ВЫТИСНУТИ⁷⁵ (1) *сов.* Сделать посредством тиснения (надпись, узор и т.п.); отпечатать, напечатать: *Место печати, на котором вокруг вытиснено польским языком: Иеремей Михаил Корибут, гетман Висневецке* (ВУР 1, 175 (103), 1636 г.).

Эта лексема представляет собой префиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **tis(k)noti*: **tʲs(k)nɔtʲi* с первоначальным значением ‘жать; давить’, ‘сжимать’, ‘вытеснять’, который, в свою очередь, является суффиксальным производным от праслав. **tiskati*: **tiščati* ‘жать; давить’, ‘прижимать’, ‘стеснять’ без точных соответствий в других индоевропейских языках с возможной и.-е. базой **tā(i)s-*: **tə(i)s-*: **tis-* ‘плавить, топить (на огне)’, ‘таять’, ‘исчезать’ (Bańkowski 1, 193; Brückner 1974, 60, 64; ИЭССРЯ II, 240; Sławski I (1) 104; Фасмер IV, 51).

Наиболее ранняя фиксация *вытиснути* в значении ‘выжать, выдавить’ в русской письменности относится к 1483 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 266). В указанном значении это слово употреблялось и на протяжении XVI-XVIII вв. (СлРЯ XVIII в. 5, 55). С начала XVIII в. (1713-1714 гг.) оно, по данным исторического словаря, отмечается и в значении ‘сделать посредством тиснения (надпись, узор и т.п.); отпечатать, напечатать’, в котором бытовало в XVIII-XIX вв. (СлРЯ XVIII в., там же; Даль I, 320). В словаре современного русского языка *вытиснуть* представлено следующим образом: то же, что *вытеснить* ‘произвести тиснением, выдавить на чем-л. рисунок, узор’ (ССРЯ II (2), 907).

Сопоставление приведенной выше информации с нашими данными, согласно которым появление *вытиснути* в анализируемом значении в русском письменном языке относится ко второй половине 30-х гг. XVII в., позволяет существенно уточнить хронологию. Кроме того, важным представляется и то

⁷⁵ Мы предлагаем эту форму инфинитива по той причине, что в тексте в исследуемом значении засвидетельствовано страдательное причастие прошедшего времени, которое могло образовываться от основы глагола как с сохранением суффикса *-ну-*, так и без него. Маловероятно, что рассматриваемая форма образована от инфинитива *вытиснити* ‘сделать посредством тиснения; отпечатать, напечатать’, которая в русском письменном языке регистрируется только с конца XVIII – начала XIX в. (СлРЯ XVIII в. 5,55).

обстоятельство, что мы обнаружили *wytisnuty* ‘сделать посредством тиснения (надпись, узор и т.п.); отпечатать, напечатать’ в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В связи с этим попытаемся проследить историю этого глагола в интересующем нас значении в польском языке и в «простой мове».

Так, в старопольских памятниках *wycisnąć* и причастная форма *wycisniony*⁷⁶ ‘przez silny nacisk wytłoczyć jakiś znak’ известны с середины XV в. (SłStp X (6), 446). В XVI-XIX вв. эта лексема регистрировалась уже в более широком значении ‘wyrazić za pomocą ciśnienia, odcisnąć, wybić, odbić, wygnieść, wytłoczyć; wydrukować, wyprasować’ (Linde VI, 371; SłPaska II, 639; Karłowicz, там же). И в словаре современного польского языка находим *wycisnąć* ‘odcisnąć, odbić (wzór, rysunek, pieczęć) na czym, zoztawić wklęsły znak, ślad na czymś miękkim; dawniej również: nadrukować, wydrukować’ (SłJP IX, 1443).

В письменности ВКЛ *wytisnuty* ‘прыкласці пячатку, адбіць’ и ‘натискуючи, робити знакі на чомусь, візерунки’ засвидетельствовано только с 70-90-х гг. XVI в.⁷⁷, а производное от него причастие *wytisnennyi* в том же значении – уже с начала XVI в. (ГСБМ 6, 157; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 6, 77). С начала XVII в. этот глагол наблюдается здесь и в значении ‘(що) (про книги) надрукувати, видрукувати’ (СУМ XVI - I пол. XVII ст., там же). Заметим, что как глагол, так и причастие в обоих значениях в XVI – первой половине XVII в. отмечались в текстах, язык которых в значительной степени насцщен полонизмами. В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., исследуемый глагол в интересующем нас значении не фиксируется, тогда как в словаре современного белорусского языка регистрируется *wyціснуць* ‘зрабіць што-н. пры дапамозе ціснення’, а в словаре современного украинского языка – *wytisnuty* ‘натискуючи, надушуючи чим-небудь робити на чомусь заглиблення певної форми (знаки, візерунки і т. ін.)’ (ГСБМ 1, 591; СУМ I, 510).

⁷⁶ Примечательно, что еще и в польском языке XIX в. употреблялись две формы причастия от *wycisnąć*: *wycisnięty* и *wycisniony* (Karłowicz VII, 828).

⁷⁷ Тогда как сама лексема впервые отмечается здесь уже в первой половине XVI в. в значении ‘выгнаць, сагнаць, выселіць’ (ГСБМ 6, 157).

На наш взгляд, приведенные выше факты из истории лексемы *вытиснути* в исследуемом значении в восточнославянских и польском языках достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в первых мы имеем дело с семантическим заимствованием из последнего. При этом заимствование в русский письменный язык первой половины XVII в. осуществлялось, очевидно, через посредничество «простой мовы».

ДОСТАВИТИ (1) *сов.* Препроводить к месту назначения; привезти, принести: *И яъ обещался, что с стѣхъ мѣсть мѣсяцъ спустя доставитъ мнѣ ...королевскому воеводе ... на сесь договоръ утвержденная грамота* (СГГД 2, 382 (192), 1609 г.).

Этот глагол представляет собой префиксальное производное от имеющего общеславянское распространение праслав. **staviti* каузатива к **stati* ‘стать; произойти’, ‘начать’, ‘встать’, ‘стоять’ < и.-е. корень **stā-*: **stǝ-* ‘стать’, ‘стоять’, ‘встать’, ‘явиться’, ‘вступить’ (Brückner 1974, 512; ИЭССРЯ II, 206; Преображенский II, 374-377; Фасмер III, 745-746; Шанский I (5), 173).

В памятниках русской письменности *доставити* в значении ‘доставить кого-л. до чего-л., ввести в какое-л. состояние (указанное сущ. в род.пад.)’ впервые отмечается со второй половины 60-х г. XVI в. (СлРЯ XI- XVII вв. 4, 333). В русских лексикографических источниках это слово регистрируется с начала XVIII в. (ССРЛЯ IV (2), 419). В историческом словаре русского языка XVIII в. первая фиксация глагола *доставити* в интересующем нас значении датируется серединой 10-х г. XVIII в., при этом значение сопровождается пометой «новое слово (вариант, форма)» (СлРЯ XVIII в. 6, 228-229). Как видим, приведенный выше контекст из дипломатической корреспонденции по связям МГ со Швецией позволяет удревить хронологию слова *доставити* в значении ‘препроводить к месту назначения; привезти, принести’ в русском языке на целое столетие. Кстати, в этом документе большое место отводится анализу взаимоотношений Москвы с Польшей, что кажется немаловажным для истории данного слова в исследуемом значении. В указанном значении глагол употреблялся и в XIX-XX вв. (САР II, 203; Даль I, 479) и до сих пор входит в активный запас русской лексики (ССРЛЯ, там же);

Обстоятельства появления анализируемого значения у лексемы *доставити* в русском языке побуждают нас обратиться к польскому языку. В старопольских источниках *dostawić* в значении ‘przyprorowadzić, przedstawić’ известно с начала XV в. и в этом значении бытует до настоящего времени (SłStp II (2), 149; SłP XVI, V, 450; Linde I, 498; Karłowicz I, 527; SłJP II, 301-302).

В старобелорусской письменности ВКЛ *доставити* встречается со второй половины XVII в. и в этом столетии наблюдается только в значении ‘дазволіць, даць’ (ГСБМ 9, 21). В словаре украинского языка XIX в. в интересующем нас значении находим лишь форму несовершенного вида *доставляти*, а в словаре современного украинского языка в этом значении представлена уже и форма совершенного вида *доставити* (Грінченко I, 473; СУМ II, 387). В словаре современного белорусского языка также фигурирует *даста́віць* в значении ‘прывесці, прывезці, даслаць куды-н.’ (ТСБМ 2, 145; СУМ II, 387).

Итак, судя по имеющейся у нас информации, глагол *доставити* в исследуемом значении в русском языке является, вроятнее всего, семантической калькой польского *dostawić* в том же значении. Что касается других восточнославянских языков, то в них анализируемое значение, учитывая хронологические данные, попало, возможно, уже из русского языка.

ЗАБАВЛЯТИСЯ (1) *несов.* Заниматься чем-л., каким-л. делом: *И королева ... королю писала без пристани ..., чтобъ к ней ꙗхаль въ Варшаву, не забавляясь никакими дѣлы ...* (АЮЗР 3, 266, 1649 г.).

Данная лексема образована постфиксальным способом от глагола, восходящего к праслав. итеративу **zabavjati*, возникшему путем имперфективации префиксально-суффиксального **zabaviti* с первоначальным значением ‘замедлить, задержать’, ‘препятствовать, затруднить’, имеющему общеславянское распространение и образованному, в свою очередь, от **baviti* ‘пребывать, находиться’, ‘оставаться’, ‘задерживать; занимать чем-л.’ каузативу к **byti* ‘быть, существовать; жить’, ‘быть в наличии’, ‘стать, случиться, совершиться’ < и.-е. база **bheu(ə)* - (:bhū-: bhōū-) ‘быть’, ‘возникать’, ‘расти’, хотя не исключено и образование **baviti* от имени **bava* с первоначальным значением ‘довольство, достаток, обилие’, продолжающего и.-е. **bhōūā*

‘становление, бытие’, ‘строение’, ‘(пчелиный) сот с медом’ (Berneker I, 47; Boryś 2005, 23, 724; Brückner 1974, 642-643; ИЭССРЯ I, 129, 311; Pokorný I, 146-147; Фасмер I, 311; Fraenkel I, 68; Шанский II (6), 4-5; ЭССЯ 1, 168-169; там же 3, 155).

В русской письменности *забавлятися* в значении ‘затрудняться, иметь препятствие’ известно с конца XV – начала XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 131). В историческом словаре русского языка в анализируемом нами значении это слово представлено единственной иллюстрацией начала XVIII в. из документа, отражающего межгосударственные отношения МГ с Польшей, а форма совершенного вида в том же значении – тоже одним примером конца XVII в. из *Писем и бумаг Петра I* (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В *Словаре русского языка XVIII века* *забавитися, забавляться* (чаще несов.в.) в этом значении также иллюстрируется одним примером конца XVII в. и сопровождается пометами «выпавшее из употребления» и «Слав. пол. *zabawić się*» (СлРЯ XVIII в. 7, 156). Мы обнаружили *забавлятися* ‘заниматься чем-л., каким-л. делом’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ середины XVII в., что позволяет зачительно уточнить хронологию этого значения в русском языке. В лексикографических источниках, регистрирующих русский язык XIX-XX вв., в интересующем нас значении глагол уже не фиксируется.

Приведенные выше обстоятельства появления и бытования исследуемого значения наводят на мысль о возможной неисконности его в русском языке. В связи с этим обратимся к польскому языку. Здесь *zabawiać się* ‘*zajmować się, trudnić się, pracować nad czym, chodzić około czego, żyć z czego*’ в памятниках засвидетельствовано с середины 30-х г. XVI в. И в этом значении употреблялось на протяжении XVI-XIX вв. (Reczek 1968, 601; Linde VI, 593; Karłowicz VIII, 17). В словаре современного польского языка это значение представлено следующим образом: ‘*zajmować się, zatrudniać się czym, być zajęтым czym (dziś z odcieniem żartobliwym o czynności nie traktowanej poważnie)*’ (SłJP X, 404).

С середины 50-х г. XVI в. *забавлятися* ‘займацца (справай)’ отмечается в памятниках старобелорусской письменности, тогда как *забавитися* ‘заяцца (справами, забавами)’ – только с середины 60-х г. XVI в., причем первоначально

оба слова встречаются в полонизированных или переводных с польского текстах (ГСБМ 10, 71, 73; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 9, 194). В этом значении мы находим *забавляцьця* и в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 158). В словаре современного белорусского языка данный глагол в исследуемом значении уже не фигурирует, не фиксируется он в этом значении и в лексикографических источниках, регистрирующих украинский язык XIX-XX вв.

По нашему мнению, представленная выше информация позволяет рассматривать *забавлятися* в значении 'заниматься чем-л., каким-л. делом' как семантический полонизм в русском языке второй половины XVII – первой половины XVIII в. При этом проникновению его в русский письменный язык, по-видимому, способствовала «простая мова», где глагол в указанном значении, очевидно, также семантический полонизм, поскольку сама лексема наблюдается здесь уже с начала 40-х гг. XVI в. в значении 'затримуватися' (СУМ XVI – I пол. XVII ст., там же). Кстати, как полонизм этот глагол в значениях 'развлекаться, тешиться чем-л., доставлять себе удовольствие' трактует польский славист В.Витковский (1999, 49; 2006, 53).

ЗАБИВАТИ (2) *несов.* Убивать, умерщвлять: *А велено де всяких людей забивать с ляхами посполито, чтоб за порогами черкас побить и вывести всех* (ВУР 2, 211 (125), 1638 г.). *И стародубской де державец всяких чинов людей при них в осаду забивал ...* (там же, 43 (17), 1648 г.).

Эта лексема представляет собой суффиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **biti*, 1 л. ед.ч. **bijō* 'бить', 'ударять', 'колотить', 'убивать' < и.-е. **bhejǵ-* (с суффиксальным расширителем в других и.-е. языках) 'бить', 'резать', 'ствол дерева', 'бревно, колода', 'кол; дубина, палка', 'топор' (Berneker I, 117; Brückner 1974, 25; ИЭССРЯ I, 91; Преображенский I, 26-27; Sławski I (1), 31; Фасмер I, 169; ЭССЯ 2, 99-100).

Забивати 'наглухо закрывать, запирать' впервые засвидетельствовано в памятниках письменности в конце XIV в., а в интересующем нас значении этот глагол, по данным исторического словаря, отмечается с конца XVII в. в переводном с польского тексте *О основании Царяграда и зданиях его*

изряднейших (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 133). Мы дважды обнаружили *забивати* в последнем значении в дипломатических документах первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, что позволяет существенно уточнить время его появления в русском письменном языке.

В лексикографических источниках *забивати* фиксируется со второй половины XVIII в., однако и в XVIII, ни в XIX столетиях интресующее нас значение в словарях не было представлено, но регистрировалось значение 'частыми побоями застрашать, привести кого въ робость', 'жестоким обращением, непосильными тяготами довести до изнеможения', 'замучить побоями, притупить умственные способности' (Росс. Целлариус 1771, 33; СлРЯ XVIII в. 7, 159; САР II, 480; Даль I, 551). Заметим, что это значение было известно в русском письменном языке с 70-х гг. XVII в., но в это время оно имело более широкое толкование 'побоями замучить, довести до смерти' и в нем употреблялся только глагол совершенного вида *забити* (СлРЯ XI-XVII вв. 5,134). А в словаре современного русского языка находим и *забивать* 'ударами, побоями лишать жизни или доводить до крайне тяжелого физического состояния', а кроме того здесь представлено и значение 'убивать (на охоте, на бойне и т.п.) животное, птицу' в сопровождении пометы «в проф. речи» (ССРЛЯ V-VI (2), 189).

Со второй половины XVI в. *забивати* 'забіваць, пазбаўляць жыцця' встречается в старобелорусской и староукраинской (*забивати* '(кого) убивати') письменности (сама же лексема в других значениях 'учыняць, уладживаць' и '(всаджувати в що) забивати' – с первой половины XV в.), причем в этом столетии только в переводных с польского или сильно полонизированных текстах (ГСБМ 10, 80; ССМ XIV-XV ст. 1, 371). В указанном значении глагол продолжал бытовать и в «простой мове» XVI-XVII вв. (ГСБМ, там же; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 9, 169). В это же время (в 80-е г. XVI в.) в «простую мову» из польского языка заимствуется *забияти, забиять, забиати* в том же значении (Булыка 1972, 115; ГСБМ 10, 86; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 9, 200). В белорусском языке XVIII-XIX вв. *забиваць* употреблялось только в значении 'колотить, бить', а *забіаць* – в значении 'колотить, бить до полусмерти' (Носовичь 1870, 159). В словаре же современного белорусского языка *забіваць* представлено в значении 'пазбаўляць жыцця, знішчаць; прыбіваць, замучваць

пабоямі; рэзаць, калоць' (ТСБМ 2, 277). В украинском же языке XIX-XX вв. фиксировался только глагол *збивати* в значении 'позбавляти життя, убивати кого-небудь' (Грінченко I, 540; СУМ III, 19).

Приведенная выше информация по истории глагола *збивати* в исследуемом значении в восточнославянских языках дает основания предполагать, что в них мы имеем дело с семантическим полонизмом⁷⁸, поэтому обратимся к польском языку. В старопольской письменности *zabijać* 'zadawać śmierć, odbierać życie, mordować' известно с конца XIV в. и в этом значении активно употребляется до настоящего времени (SłStp XI (1), 47; Linde VI, 595; SłPaska II, 689; Karłowicz VIII, 19; SłJP X, 416).

Итак, история глагола в указанном значении в польском языке подтверждает наше предположение. Кроме того, эта точка зрения подкрепляется еще и тем, что в историческом словаре русского языка в единственном примере, демонстрирующем значение 'убивать, умерщвлять', *збиваеть* сопровождается словом *zabija* из польского оригинала, что может свидетельствовать о новизне или непривычности данного значения для глагола в русском языке, поэтому переводчик отсылает читателя к оригиналу (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 133). В заключение добавим, что в русский письменный язык первой половины XVII в. анализируемое значение проникло, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

ЗАДАВАТИ (1) *несов.* Представлять; предъявлять, приводить, излагать (доводы, доказательства); указывать (?) Представлять, изображать (в ложном свете); выдумывать, измышлять, сочинять (?): *И он де, Хмельницкой, ... учал мыслить всякими мерами, как бы ему от королевского величества ис подданства высвободитца, и учал бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто они черкасы учили стоять за веру* (ВУР 3, 39 (16), 1651 г.)

Это слово образовано суффиксальным способом от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках праслав. **dati*, 1 л. ед.ч. *datъ*

⁷⁸ Кстати, семантическим полонизмом в русском языке начала XVII в. является, по мнению С.Кохмана (1967, 152) и В.Витковского (1992, 265; 1999, 49; 2006, 53), форма совершенного вида этого глагола (*збити*, 'убить, умертвить'), что подтверждается и нашими материалами (см.с. 491 данной работы).

(соотносительная с ним форма несов. вида **davati: *dajati*, 1 л. ед.ч. **daję*) ‘вручить что-л. кому-л., предоставить’, ‘позволить, допустить’ < и.-е. корень **dō-: *dǝ- (*dō-ǫ-: *dǝ-ǫ-)* ‘дать, давать’ (Berneker I, 178-179; Brückner 1974, 84; Fraenkel I, 111-112; Pokorný I, 223-224; Преображенский I, 174; Фасмер I, 480, 484, 485; ИЭССРЯ I, 232; ЭССЯ 4, 194-195, 197-198).

В русской письменности эта лексема в значении ‘класть, добавлять во что-л.’ впервые засвидетельствована в XVI в. (СлРЯ XI- XVII вв. 5, 178). В наиболее близком к интересующему нас значению, а именно ‘указывать; назначать, определять’, *задавати* регистрируется в *Словаре русского языка XVIII века* (7, 207), где самый ранний пример датируется 1729 г. Под этим значением помещено также несвободное устойчивое сочетание *задавати причину*, иллюстрируемое цитатами из переводной с польского *Апофегматы* (1716 г.) и переведенной в 1718 г. Б.Варением с латыни *Географии генеральной* и снабженное пометой «слово (вариант, форма), выпавшее из употребления» (там же). В этом значении глагол продолжал употребляться и в XIX в. (САР II, 546; Даль I, 572). В словаре современного русского языка находим *задавать* ‘назначать, указывать, определять’ (ССРЛЯ V-VI (2), 297).

То, что *задавати* в указанном значении в составе устойчивого сочетания появилось раньше, чем в свободном употреблении, да еще в переводных текстах, дает основания для поисков источника этого значения вне русского языка. Тем более, что и мы обнаружили этот глагол в дипломатическом документе середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. И этот случай позволяет существенно уточнить время появления сочетания *задавати причину* в русском письменном языке.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *zadawać* ‘przedstawiać, przedkładać, proponere, afferre’ известно со второй половины XV в., а со второй половины XVI – начала XVII в. отмечается и в значении ‘zmyślać’, которое, по нашему мнению, развилось на базе приведенного ранее (SlStp XI (1) 64; Linde VI, 623). В последнем значении *zadawać* продолжало бытовать еще в XVII в., однако уже в словаре, отражающем польский язык XIX в., оно имеет помету «staropolski» (Karłowicz XVII, 60).

Сведениями о наличии *задавати* ни в одном из интересующих нас употреблений в письменности ВКЛ мы пока не располагаем, хотя, судя по

характеру памятника, в котором глагол встретился нам, он мог быть и в «простой мове». Тем более, что здесь с начала XVII в. в значении ‘вызначаць, прызначаць’ зарегистрирована форма совершенного вида *задати*, причем в памятниках, язык которых в значительной степени полонизирован (ГСБМ 10, 186). В лексикографических источниках, фиксирующих белорусский и украинский языки XVI-XIX вв. эта лексема в анализируемых значениях не представлена. Однако в словарях современного белорусского языка находим *задава́ць, зада́ць* ‘(што) вызначыць, указаць’, а в словаре современного украинского - *задава́ти, зада́ти* ‘скеровувати у певному напрямку, указувати, визначати спосіб виконання’ (ТСБМ 2, 307; СУМ III, 101).

Анализ представленных выше данных, на наш взгляд, позволяет предполагать, что в обоих декларированных нами значениях *задавати* в русском языке является семантическим полонизмом, при этом в исследуемом нами случае реализуется, вероятнее всего, значение ‘представлять, изображать (в ложном свете); выдумывать, измышлять, сочинять’.

ЗАКУПИТИ (2) *сов.* Склонить кого-л. в свою пользу взятками, подарками; подкупить: *В нынешней время безкоролевствоване ... промышляють Владиславовымъ избранемъ, потому что онъ ихъ закупил денгами* (Сташевский 1913, 3 (18), 1632 г.). *Онъ себѣ также закупил нѣкоторой полкъ казаков запорожских* (там же).

Этот глагол образован префиксальным способом от имеющего общеславянское распространение **kupiti* (< **kou̯piti*) ‘купить’, которое большинством этимологов рассматривается как очень раннее заимствование из германских диалектов, возможно, из готского; ср. гот. *kaupōn* ‘вести торговлю, торговать’, др.-в.-нем. *kouffen* ‘покупать’, восходящее, в свою очередь, к лат. *saurō, -onis* ‘трактирщик’ (Berneker I, 647; ИЭССРЯ I, 455; Sławski III, 379; Фасмер II, 420; ЭССЯ 13, 109-110).

В памятниках русской письменности *закупити* в значении ‘купить что-л. в большом количестве, закупить’ встречается с XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 228). До сих пор считалось, что в интересующем нас значении это слово впервые отмечается с конца 30-х г. XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 7, 261). В этом значении оно употреблялось на протяжении XVIII-XIX вв. (САР II, 626; Даль I,

593). В словаре современного русского языка данный глагол в анализируемом значении уже снабжен пометой «устар.» (ССРЛЯ V-VI (2), 416).

Обнаруженные нами случаи употребления *закупити* в переводном дипломатическом документе, исходящем из Швеции и содержащем информацию о ситуации в Польше, позволяет более чем на столетие уточнить время появления исследуемого значения в русском языке.

Учитывая характер памятника, на который приходится наиболее ранние на данный момент фиксации *закупити* в значении ‘склонить кого-л. в свою пользу взятками, подарками; подкупить’, мы решили проследить историю этого слова в польском языке. Здесь *zakupić* ‘podkupić, przekupić, przedarować kogo’ известно со второй половины XVI в. и продолжало употребляться в XVII-XVIII вв. (Reczek 1968, 612; SłPaska II, 700; Linde VI, 676). Но уже в словаре, отражающем польский язык XIX в., глагол в этом значении сопровождается пометой «mało używany», а в словаре современного польского языка - пометой «daw.» (Karłowicz VIII, 142; SłJP X, 580).

В памятниках письменности на «простой мове» эта лексема в исследуемом значении отмечена не была, однако в первой четверти XVII в. в сильно полонизированном тексте было засвидетельствовано *закуповати* ‘(кого) (схиляти кого-небудь до послуг у своїх інтересах хабарами, подарунками) підкупововати, підкупати, підкупляти’ (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 10, 77). А уже в словаре, регистрирующем украинский язык XIX в., представлено и *закупіти* ‘подкупить’ (Грінченко I, 592). В лексикографических же источниках современного белорусского (*закупіць*) и украинского (*закупіти*) языков в глагол анализируемого значения имеет помету «устаревшее» (ТСБМ 2, 332; СУМ III, 174).

Если сопоставить приведенную выше информацию, то можно сделать следующий вывод: в русском языке *закупити* ‘склонить кого-л. в свою пользу взятками, подарками; подкупить’, вероятнее всего, - семантический полонизм, а в другие восточнославянские языки это значение, судя по хронологическим данным, могло проникнуть уже из русского языка, хотя, учитывая наличие в «простой мове» формы несовершенного вида в указанном значении, возможно, что и в этих языках мы имеем дело также с семантическим заимствованием из польского.

ЗАСЪДАТИ, ЗАСЕДАТИ (5) *несов.* 1. Быть членом какого-л. совещательного, исполнительного органа и т.п.; занимать какой-л. пост, должность (3): *А арцыбискупу бѣ одному въ то время сидѣть, потому что онъ подѣ королемъ первой панѣ и межѣ королевствѣ засѣдалъ на королевскомъ маестатѣ ...* (АЮЗР 3, 262, 1649 г.). *Митрополиту Кіевскому при король въ сентѣ засѣдать съ паны рады и таемные рады завѣдати ...*(там же, 289). *Кіевскому митрополиту ... засѣдать в Сенатѣ и о всякихъ принадлежностяхъ радить* (там же, 396). 2. Проводя заседание, коллективно обсуждать, решать какие-л. вопросы; участвовать в заседании (2): *А потом к вам бояре сами не придут, и дѣла никакого не скажут, и вас ... о том не доносят, что мы с ними заседаючи говорили ...* (Сб.РИО 137, 638-639, 1607-1608 г.). *Спросите де князя Григорья Волконского да Ондрѣя Иванова, как де они у государя нашего были, с паны-радою заседали, и что де имъ об нас говорили* (там же, 469).

Этот глагол представляет собой форму несовершенного вида к *засѣсти*, *засести* (о нем см. ниже, с. [354](#) данной работы), образованную путем суффиксации.

В памятниках письменности *засѣдати* впервые засвидетельствовано в середине XVI в. в значении ‘устроить, учредить’ (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 294). По информации исторического словаря, в первом из анализируемых значений эта лексема отмечается с 1710 г. и дается в сопровождении пометы «слово, расширившее употребление», а во втором – с 1741 г. и снабжено пометой «новое слово (вариант, форма)» (СлРЯ XVIII в. 8, 87). Наши же данные показывают, что *засѣдати*, *заседати* в значении ‘быть членом какого-л. совещательного, исполнительного органа и т.п.; занимать какой-л. пост, должность’ появилось в русской письменности с середины XVII в., а в значении ‘проводя заседание, коллективно обсуждать, решать какие-л. вопросы; участвовать в заседании’ – с начала того же столетия⁷⁹. При этом все обнаруженные нами случаи употребления глагола приходятся на дипломатические документы по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в первой

⁷⁹ В связи с этим пометы, которыми сопровождаются данные значения в *Словаре русского языка XVIII века* становятся неактуальными или следует сохранить только ту, что дается к первому значению.

половине XVII в. И именно с этого времени *засъдати*, *заседати* в обоих значениях входит в лексический состав русского языка и продолжало бытовать на протяжении XVIII-XIX вв., а в словаре современного русского языка данный глагол фиксируется в значениях ‘участвовать в заседании’ и ‘проводя заседание, заседания, решать какие-л. вопросы’ (САР II, 759; Даль I, 632; ССРЛЯ V-VI (2), 601).

Обстоятельства появления *засъдати*, *заседати* в исследуемых значениях, на наш взгляд, ставят под сомнение версию, высказанную составителями *Этимологического словаря русского языка* под редакцией Н.М.Шанского, о том, что это, вероятно, восточнославянское образование, которое возникло лексико-семантическим способом от *засъдати* ‘сидеть’, префиксального производного от *съдати* ‘сидеть’ (Шанский II (6), 61). О том, каким способом образована сама лексема, мы говорили выше, а что касается анализируемых значений, то их источником мог быть польский язык, где *zasiadać* в значениях ‘obejmować stanowisko sędziego, radcy, senatora, być sędzią, radcą, senatorem’ и ‘odbywać posiedzenia, obradować’ известно, по меньшей мере, с середины XVI в. и употреблялось до середины XIX в. (Linde VI, 767; SłPaska II, 713; Karłowicz VIII, 265). В словаре же современного польского языка указывается, что первое значение продолжает бытовать во фразеологических и терминологических сочетаниях: *zasiadać w radzie, w sejmie*, на jakimś stanowisku ‘być członkiem rady, posłem na sejm, zajmować jakieś stanowisko; piastować, godność’ и *zasiadać na tronie, na krześle senatorskim, na ławie poselskiej itp.* (dawniej *zasiadać tron, krzesło senatorskie, ławę poselską*) ‘być królem, senatorem, posłem na sejm itp.’, а значение ‘brać udział w posiedzeniu, w obradach; o zgromadzeniu: obradować’ снабжено пометой «przestarz.» (SłJP X, 764-765).

С конца 60-х гг. XVI в. *заседати*, *заседать* ‘займаць месца, пасаду’, а с конца 80-х гг. того же столетия также и в значении ‘засядаць, абмяркоўваць калектыўна якія-н. пытанні’ этот глагол встречается в старобелорусских памятниках (ГСБМ 11, 143). С конца 90-х гг. XVI в. *засъдати*, *заседати*, *заседать* ‘(вести, проводжувати засідання; зібравшись, обговорювати, вирішувати які-небудь питання) засідати; (бути членом якоїсь інституції) засідати’ фиксируется и в староукраинской письменности (СУМ XVI – I пол.

XVII ст. 10, 235). Следует заметить, что все случаи употребления *zasъдати*, *zasедати* в интересующих нас значениях в «простой мове» в XVI в. отмечаются в сильно полонизированных текстах. Далее мы находим *zasіdати* ‘засѣдать, присутствовать’ в словаре, отражающем украинский язык XIX в. (Грінченко I, 631). В словаре современного украинского языка этот глагол регистрируется в значении ‘вести, продовжувати засідання; зібравшись, обговорювати, вирішувати які-небудь питання; брати участь у засіданні’, и в словаре современного белорусского языка *zasядáць* представлено в значении ‘сабраўшыся, рашаць якія-н. пытанні; правадзіць пасяджэнне; удзельнічаць у пасяджэнні’ (СУМ III, 308-309; ТСБМ 2, 395).

Приведенные выше факты, на наш взгляд, подтверждают высказанное ранее предположение о том, что в русском и в других восточнославянских языках *zasъдати*, *zasедати* в исследуемых значениях является семантическим заимствованием из польского. При этом в русский письменный язык первой половины XVII в. эти значения попали, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы».

ЗГОДИТСЯ (1) *сов.* Оказаться (при)годным, подходящим, полезным для чего-л.; *безл. с инф.* оказаться возможным или удобным (делать что-л.): *А тому мы дивимся, що мотчаєт за теми статтями ..., ныне такому великому делу мотчать не згодилося, а довело было королевскому величеству делати и совершати о соединенье на того вопчего недруга* (ЭСРШ 25 (6), 1618 г.).

Это слово является постфиксальным производным от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **goditi*, 1 л. ед.ч. **godjǫ* с первоначальным значением ‘делать что-л. в добрый час, разумно, впопад’, ‘попадать’, являющемуся деноминативом от **god* ‘удобное, благоприятное время’ < и.-е. корень **ghedh-*: *ghadh-*: *ghodh-* ‘объединять’, ‘подходить, нравиться’, ‘радовать’ (Berneker I, 316-318; Brückner 1974, 147-148; ИЭССРЯ I, 198-199; Sławski I (3), 307-308; Фасмер I, 426; ЭССЯ 6, 189-190, 191-192).

В памятниках русской письменности *згодитися*, *сгодитися* в значении ‘договориться, уговориться, согласиться на что-л.’ встречается со второй половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 359) и считается заимствованием из

польского⁸⁰ (Kochman 1967, 154; Рогова 1987, 33; Witkowski 1992, 266; 1999, 55; 2006, 60). В исследуемом значении первые фиксации *згодитися*, *сгодитися* до сих пор относили к 30-м гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 235). Нам же удалось обнаружить этот глагол в дипломатическом документе 1618 г., отражающем межгосударственные контакты МГ со Швецией, в котором много внимания уделяется и отношениям обеих держав с Польшей. С этого времени он в анализируемом значении вошел в лексический состав русского языка и бытует в нем до настоящего времени, но в словаре современного русского языка *сгодиться* ‘оказаться годным, полезным для чего-л.; пригодиться’ уже снабжено пометой «простореч.», что свидетельствует о сужении сферы его употребления (САР VI, 102; Даль IV, 164; ССРЛЯ 13, 492).

С 40-50-х гг. XVI в. *згодитися*, *сгодитися* ‘стаць пригодным, прыдатным, патрэбным’ отмечается в старобелорусской письменности и с того же времени и в том же значении также – в староукраинских памятниках, причем первоначально в текстах, в значительной степени насыщенных полонизмами или переводных с польского языка (ГСБМ 12, 142; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 11, 158; Тимченко 1, 312). Далее в этом значении мы находим глагол в словарях, отражающих белорусский (*згодзіцьца*) и украинский (*згодітисся*) язык XVIII- XIX вв. (Носовичь 1870, 202; Грінченко I, 675). И в словаре современного белорусского языка фиксируется *згадзіцца* ‘аказацца карысным, прыгодным для чаго-н.; спатрэбіцца’ (ТСБМ 2, 449), тогда как в словаре современного украинского языка это значение уже не представлено.

Учитывая обстоятельства появления *згодитися*, *сгодитися* в восточнославянских языках, обратимся к польскому языку. В памятниках польской письменности *zgodzić się* ‘nadać się, przydać się; być użytecznym’ известно по меньшей мере с 40-60-х гг. XVI в., а мотивирующий его глагол *zgodzić* ‘dogodzić, schlebić’ – с XV в. (Reczek 1968, 644), тогда как в русском языке XV-XVIII вв. последняя лексема пока не была засвидетельствована вообще, а в «простой мове» *згодити*, *згодить* регистрируется только с последней четверти XVI – начала XVII вв. и не встречается в значении, которым моло быть мотивировано *згодитися*, *сгодитися* в интересующем нас значении

⁸⁰ И, по нашему мнению, заимствованием все-таки лексическим (вопреки В.Витковскому (1992, 266) и В.Г.Демянову (1991, 105), которые относят его к семантическим полонизмам), так как именно в этом значении лексема впервые засвидетельствована в русской письменности.

(ГСБМ 12, 141; СУМ XV-I пол. XVII ст. 11, 156-157). В исследуемом значении *zgodzić się* продолжало употребляться в польском языке XVII – первой половины XVIII в., в словарях же, отражающих лексический состав XIX-XX вв., это значение маркируется как устаревшее и диалектное (Linde VI, 912; Karłowicz VIII, 478; SłJP X, 1064).

Анализ истории *zgodzится, сгодится* ‘оказаться (при)годным, подходящим, полезным для чего-л.; *безл. с инф.* оказаться возможным или удобным (делать что-л.)’ в польском и восточнославянских дает, на наш взгляд, определенные основания для вывода о том, что в последних мы имеем дело с семантическим полонизмом. Дополнительным аргументом в пользу этого может служить и то, что полонизмом в русском языке является и однокоренное прилагательное *згодный* в значении ‘удобный’ (Смирнов 1910, 116). В заключение отметим, что анализируемое значение в русский письменный язык первой половины XVII в., вероятнее всего, попало благодаря посредничеству «простой мовы». Об этом свидетельствует и то, что однокоренное прилагательное *згодный* ‘подходящий, соответствующий’ в историческом словаре русского языка сопровождается пометой «юго-зап.» (СлРЯ XVIII в. 8, 156).

ИМЕТИ (4) *несов. В прои.вр. с инф.* Как вспомогательный глагол для образования прошедшего времени (с оттенком модальности): быть должным (обязанным) делать что-л.: *Ведомо тебе учинилось, что великий государь наш его царское величество будто **имел** разумети о неприязни вашей, о которой вы не мыслили и ныне не мыслите ...*(ВУР 2, 383 (169), 1650 г.; там же, 428 (181)б 1650 г.). *В том и крест целовал, что ... поляки некоторыми меры за рубеж не **имели** входить и вольностей нарушать не **имели*** (ВУР 3, 132 (61), 1651 г.).

Это слово, имеющее общеславянское распространение, восходит к праслав. **jьmĕti*, 1 л. ед.ч. *jьtati* ‘иметь, владеть’ (< и.-е. корень **et-*: **et-* (: **m-*) ‘брат; иметь’) и обычно характеризуется как глагол состояния на **-ĕti* (Verneker I, 425; Brückner 1974, 331, 332; ИЭССРЯ I, 344; Pokorny I, 310-311; Преображенский I, 269-270; Фасмер II, 128, 129; ЭССЯ 8, 226-227).

Вообще глагол *имѣти* в различных значениях отмечается в древнерусском языке с X-XI вв. (Срезневский I, 1096-1097; СлДРЯ IV, 150-152;

СлРЯ XI-XVII вв. 6, 229). В интересующем нас значении он впервые представлен в историческом словаре, отражающем русский язык XVIII в., с пометой «выходящее из употребления» и иллюстрируется двумя примерами конца 10-х гг. XVIII в. из переводных с польского и немецкого текстов (СлРЯ XVIII в. 9, 84). Далее XVIII в. судьба лексемы в анализируемом значении по лексикографическим источникам не прослеживается.

Мы обнаружили *имети* ‘быть должным (обязанным) делать что-л.’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Обращение к польскому языку позволяет установить, что здесь *imieć, jmieć* в сочетании с инфинитивом в значении ‘musieć, mieć obowiązek’ и ‘jako słowo posiłkowe w opisowym futurum (wyraża czynność przewidywaną, odnoszącą się z punktu widzenia relacji do przeszłości’ известно с конца XIII – первой половины XIV в. (SłStr III (1), 21; Reczek 1968, 130; Karłowicz II, 81). Параллельно с этими формами в том же значении с конца XIV в. употреблялась и форма *mieć*, которая со второй половины XVI в. начинает постепенно вытеснять первые две формы (SłStr IV (3), 214-215; SłP XVI, XIII, 526-534). *Mieć* в исследуемом значении бытовало и в XVII-XIX вв. (Linde III, 71; SłPaska I, 413; Karłowicz II, 951). И в словаре современного польского языка этот глагол в сочетании с инфинитивом регистрируется в значениях ‘być powinnym, obowiązany’, ‘używane dla wyrażenia, przyszłości w czasie przeszłym’ (SłJP III, 630).

Со второй половины XV – начала XIV в. *имръти, имети, иметь* в форме прошедшего времени с инф. в значении ‘(бути зобов’язаним, мусити) мати (зробити що)’ появляется в староукраинской и старобелорусской письменности, причем первоначально – в документах, в значительной степени насыщенных полонизмами, и наблюдается здесь до середины XVII в. (ССМ XIV-XV ст. 1, 439; ГСБМ 14, 102; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 119). Наряду с этой лексемой с конца XV в. в анализируемом значении засвидетельствованы единичные употребления глагола *мръти, мети*, причем в сильно полонизированных документах, более широко он, а также *мати* начинают употребляться с конца XVI – начала XVII в., – постепенно вытесняя *имръти, имети, иметь* (ССМ XIV-XV ст. 1, 439, 587, 630; ГСБМ 17, 284; там же, 18, 13). И уже в украинском языке XVIII-XX вв. в указанном выше значении употребляется только *мати*

(Грінченко I, 946; СУМ IV, 649). А в словаре современного белорусского языка в этом значении находим *мець* (ТСБМ 3, 147).

Завершая обзор истории глагола *имѣти*, *имети* в изучаемом значении в восточнославянских и польском языках, справедливости ради, необходимо указать, что в таком употреблении он уже привлекал внимание исследователей. Так, Е.А. Целунова, анализирувавшая язык *Псалтыри* А.Фирсова (1683 г.), выявила 29 случаев использования в этом памятнике конструкции, состоящей из инфинитива и вспомогательного глагола *имѣти* в форме настоящего (будущего) или прошедшего времени, которую она трактует как синтаксический полонизм и при этом вскользь замечает, что это не только синтаксическая, но и семантическая калька с аналогичной польской конструкции, поскольку спрягаемая форма глагола *имѣти* вносит в нее оттенок долженствования (см. Целунова 1985а, 86). Однако последний тезис у этого автора не получает дальнейшего развития и ничем не обосновывается, поэтому нами был предпринят сопоставительный анализ фактов из истории глагола в интересующем нас употреблении в польском и восточнославянских языках, результаты которого дают, на наш взгляд, достаточные основания для вывода о том, что в последних мы действительно имеем дело с семантическим полонизмом, проникшим в русский письменный язык середины XVII в., вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

КРИЧАТИ (4) *несов.* Громко бранить, ругать кого-л.; отчитывать, делать замечания; предостерегать, предупреждать: *А на приставовѣ ... подвоеводѣ кричалъ и ихъ бранилъ ...* (АЮЗР 3, 258-259, 1649 г.). *Учалъ тотъ стражникъ говорить приставу Василью Авруцкому и кричать, что де подвоеводѣ такъ дѣлаетъ мимо вѣчного докончанья ...* (там же, 259, 1649 г.). *Мірскіе люди, которые поневоль с ними тутъ же были, на тѣхъ шлевщиковъ кричали, а говорили что они то учинили не дѣлом, и гилевцики ихъ ляли ...* (Якубов 1897, 338, 1650 г.). *И на сеймикахъ де римляне все на нихъ, белорусцовъ, кричатъ завсегда, чтобъ с ними конецъ учинить и всехъ ихъ извести ...* (ВУР 3, 23 (12), 1651 г.).

Это слово, имеющее общеславянское распространение и соответствия в балтийских языках, восходит к праслав. **kričati* (< **krikĕti*) ‘кричать, издавать

крик’, ‘издавать резкие звуки’ и соотносительно с **krikъ*, **krikati*; вероятнее всего, что все гнездо в целом – звукоподражательного происхождения (Berneker I, 616; Sławski III, 238-239; Фасмер II, 376-377; ЭССЯ 12, 149).

В древнерусской письменности эта лексема впервые отмечается в XII в. в значении ‘кричать, издавать резкие звуки (о выкриках, воплях; стрекоте насекомых; скрипе и т.п.)’ (Срезневский I, 1325; СлДРЯ IV, 299). В исследуемом значении в историческом словаре она иллюстрируется единственным примером 1673 г., но уже в памятниках письменности XVIII в. *кричать* в этом значении представлен более широко (СлРЯ XI-XVII вв. 8, 60; СлРЯ XVIII в. 11, 22). В лексикографических источниках XIX в. находим *крича́ть* ‘на кого: бранить, или воспрещать что дѣлать кому крикомъ’, и в словаре современного русского языка этот глагол регистрируется в значении ‘возвышать голос на кого-л., бранить’ (САР III, 416; Даль II, 195; ССРЛЯ 5, 1671).

Мы обнаружили *кричати* в анализируемом значении в дипломатических документах середины XVII в., фиксирующих отношения МГ с Польшей и ВКЛ, а также Швецией. В последнем случае затрагиваются и контакты МГ с Польшей. На данный момент наши материалы представляют наиболее ранние регистрации глагола в значении ‘громко бранить, ругать кого-л.; отчитывать, делать замечания; предостерегать, предупреждать’ в русском письменном языке. А характер памятников наводит на мысль о возможной неисконности значения для русского языка.

Так, если обратиться к польскому языку, то здесь *krzyczeć* в значении ‘strofować, łajać; upominać, przestrzegać kogo; potępiać kogo’ известно с 60-х г. XVI в. и употреблялось на протяжении XVII-XIX вв. (SłP XVI, XI, 327; Linde II, 1157; Karłowicz II, 596). И в словаре современного польского языка представлено *krzyczeć na kogoś* ‘strofować, łajać kogoś’ (SłJP III, 1215).

Нам не удалось обнаружить *кричати* в интересующем значении в исторических словарях белорусского и украинского языков, в этом значении глагол отсутствует и в словарях, отражающих язык XVIII-XIX вв. Это нам кажется странным, тем более что три из четырех анализируемых нами случая приходится на дипломатическую корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, поэтому есть определенные основания для предположения о

бытовании *кричати* в анализируемом значении в «простой мове» XVII в. Примечательно и то, что в современном белорусском (*крычаць на каго*) и в современном украинском (*кричати на кого*) языках это слово употребляется в исследуемом значении (ТСБМ 2, 744; СУМ IV, 354).

Итак, судя по приведенной выше информации, вполне допустимо, что *кричати* ‘громко бранить, ругать кого-л.; отчитывать, делать замечания; предостерегать, предупреждать’ в русском письменном языке XVII в. является семантическим заимствованием из польского. Вопрос же о происхождении этого значения в белорусском и украинском языках остается открытым. На наш взгляд, это значение могло проникнуть в эти языки из русского в XIX-XX вв., хотя нельзя исключать, что источником его мог быть и польский и в более раннее время, в XVIII в.

ЛОМАТИ (2) *несов. Перен.* Уничтожать, разрушать (что-л. укоренившееся, устоявшееся); нарушать, попира́ть что-л.: *Царского бѣ Величества воевода, приѣхавъ, учаль права ихъ ломать ... , и тобѣ имъ было въ великую досаду...* (СГГД 3, 510 (168), 1654 г.). *Воевода учаль права ихъ ломать и уставы какіе чинить ...* (ПСЗ 1, 311 (119), 1654 г.).

Прславянское **lamati*, **lomati* ‘ударом или роняя разбивать что-л. на куски, части; ломать’, имеющее общеславянское распространение, является итеративом к **lomiti* < и.-е. корень **lem-* (: **lom-*) ‘бить, колотить’, ‘повреждать’, ‘парализовать’, ‘комкать’, ‘мять’, ‘переплетать’ (Verneker I, 731; Brückner 1974, 306; ИЭССРЯ I, 490; Pokorny I, 674; Преображенский I, 467; Фасмер II, 516). Существуют две точки зрения о происхождении **lamati*, **lomati*: О.Н. Трубачев считает эту форму результатом вторичного выравнивания вокализма итератива дуратива **lomati* по **lomъ*, **lomiti*, Ф. Славский, напротив, рассматривает **lamati*, **lomati* как более древнюю форму (Sławski V, 169-170, 176-177; SłPrsł I, 47, 56-57; ЭССЯ 14, 25; там же 16, 14-15, 19).

В прямом значении ‘ломать что-л., нарушать целостность чего-л., разрушать’ *ламати* известно в памятниках письменности с XII в., а *ломати* – с XV в. (СлДРЯ IV, 388; СлРЯ XI-XVII вв. 8, 278). Переносное же значение в историческом словаре, регистрирующем язык XI-XVII вв., иллюстрируется единственной цитатой 1677 г. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В XVIII в.

упорбление переносного значения представлено более широко и преимущественно в текстах, язык которых в силу различных причин в той или иной мере насыщен полонизмами (СлРЯ XVIII в. 11, 224).

В русской лексикографии *ломать* в прямом значении регистрируется с начала XVIII в., а в переносном – со второй половины XIX в. и употребляется в нем до настоящего времени (САР III, 600; Даль II, 265; ССРЛЯ 6, 342).

Обнаруженные нами случаи употребления *ломати* позволяют почти на четверть века удревнить его хронологию в анализируемом значении в русском письменном языке. Примечательно, что все они приходятся на дипломатическую корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ.

В старопольских же памятниках *łamać* ‘naruszać, przekraczać (o prawie zwyczajnym itp.)’ отмечается с середины XV в., и в XVI-XVIII вв. *łamać* (в XVII в. и *łomać*)⁸¹ продолжает бытовать в значении ‘postępować wbrew czemu’ (SłStp IV (2), 95; SłP XVI, XII, 462; Bańkowski 2, 86, 102; Linde II, 1288). В значении ‘naruszać, przestępować coś, nie dotrzymywać, nie dochowywać czegoś’ глагол фиксируется и в словарях, отражающих польский язык XIX-XX вв. (Karłowicz II, 792; SłJP IV, 258, 306).

С конца XV – начала XVI в. *ламати, ломати* ‘парушаць, спыняць дзеянне чаго-н.’ появляется в письменности ВКЛ и наблюдалось в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв., причем в документах, язык которых насыщен полонизмами (ССМ XIV-XV стст. 1, 538; ГСБМ 16, 287; там же 17, 114; Тимченко 1, 397). Но особого внимания заслуживает то, что и *ламати*, и *ломати* в переносном значении отмечаются раньше, чем в прямом. Далее *ламáти, ломáти* ‘нарушать; не сдерживать слова’ находим в украинском языке XIX в. (Грінченко I, 879, 912). В исследуемом значении глагол представлен и в словарях современного белорусского (*ламáць*) и современного украинского (*ламáти*) языков (ГСБМ 3, 18-19; СУМ IV, 441).

Сопоставление анализируемой информации, на наш взгляд, дает достаточные основания для вывода о том, что переносное значение глагола *ламати, ломати* в восточнославянских языках появилось благодаря польскому.

⁸¹ В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., *łomać* снабжено пометами «staropolski» и «gwarowy»; в диалектах эта форма известна до настоящего времени (Karłowicz II, 812; Bańkowski 2, 102).

При проникновении его в русский письменный язык XVII в. роль посредника, несомненно, играла «простая мова».

МЪШАТИ (2) *несов.* Путать, принимать одно за другое; смешивать: *И тѣмъ мѣшаютъ старыя рубежныя признаки ...* (Якубов 1897, 139, 1649 г.). *А что де с цесаремъ которые статьи мѣшали, и то всѣ нынѣ довершено ...* (там же, 231, 1649 г.).

Этот глагол, имеющий общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках, восходит к праслав. **měšati* (< **měšjati*) ‘мешать, смешивать’ итеративу на *-ati* к **měsiti* 1 л. ед.ч. **měšq* ‘мешать, перемешивать; месить’ < и.-е. база **meǵk*’- : **moǵk*’-: **mik*’- ‘мешать, перемешивать, смешивать’, ‘спутаться’ (Bańkowski 2, 181; Berneker II, 52-53; Boryś 2005, 326; Brückner 1974, 335; ЕСУМ 3, 482, 488; Преображенский I, 579-580; Фасмер II, 606-607, 615; Fraenkel I, 450-451; ЭСБМ 7, 156-157; ЭССЯ 18, 199-200, 215-217).

В древнерусской письменности *мѣшати* в значениях ‘смешивать с чем-л., соединять что-л. разнородное’ и ‘перемешивать, замешивать’ засвидетельствовано с XII-XIII вв. (Срезневский II, 253; СлРЯ XI-XVII вв. 9, 139). Отмеченные нами случаи употребления этого глагола в исследуемом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией в XVII в. на данный момент следует считать наиболее ранними фиксациями в русском письменном языке, так как до сих пор считалось, что *мѣшати* ‘принимать одно за другое, путать’ в русских письменных источниках впервые появляется в переводной с немецкого в 1719 г. *Географии* И.Гюбнера (СлРЯ XVIII в. 13, 168). В лексикографических источниках это значение представлено с XIX в. (Даль II, 372). В словаре современного русского языка оно уже снабжено пометами «устар.» и «простореч.» (ССРЛЯ 6, 952).

Со второй половины XVI в. *мешати* ‘блываць’ встречается в «простой мове», причем наиболее ранние регистрации приходятся на тексты, находящиеся под сильным влиянием польского языка (ГСБМ 18, 52). Далее XVII в. история этого глагола в указанном значении прослеживается только для украинского языка. Так, в украинском языке XIX в. в значении ‘мѣшаться,

смѣшиваться, путаться' употреблялся возвратный глагол *мишати* (Грінченко I, 970). А в словаре современного украинского языка находим и *мишати* 'помилково приймати одне за інше; плутати, не розрізняти', однако уже с пометой «розм.» (СУМ IV, 760).

В старопольском же языке *mieszać* 'nie odróżniać jednego od drugiego, niesłusznie utożsamiać coś z czymś; mylić' известно с XV в. и продолжает бытовать в этом значении до настоящего времени (SłStp IV (3), 237; SłP XVI, XIV, 85; Linde III, 87; Karłowicz II, 963; SłJP IV, 655).

Если судить по хронологическим данным, а также учесть характер памятников, в которых *мишати* в исследуемом значении в восточнославянских языках регистрировалось впервые, и продолжительность его истории в последних и в польском языке, то напрашивается вывод, что из польского это значение во второй половине XVI в. заимствуется в «простую мову»⁸², а затем благодаря ее посредничеству в середине XVII в. попадает и в русский письменный язык.

НАКЛОНИТИ (1) *сов.* Побудить, склонить к чему-л., настроить на что-л., убедить в чем-л.: *Княжа его милость вельми тицится на мир, что и короля его милость **наклонил**, чтобъ те вещи к миру могли прийти ...*(ВУР 3, 265 (153), 1653 г.).

В словообразовательном плане эта лексема является префиксальным (префикс **na-*) производным от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **kloniti*, 1 л. ед.ч. **klon'ŋ* (< **klonjŋ*) 'наклонять, склонять; сгибать, гнуть', родтвенного и этимологически тождественного праслав. **sloniti*. Наиболее вероятно, что славянское **kloniti* (как и **sloniti*) восходит к и.-е. корню **k'le-*: **k'lo-* с суффиксом *-n-* 'склонять, наклонять', 'прислонять'; в словообразовательно-морфологическом аспекте **kloniti* итератив-дуратив на *-iti-* с *-o-* вокализмом от первоначальной

⁸² Что касается «простой мовы», то по имеющейся у нас на данный момент информации, *мишати* впервые (1562 г.) появляется именно в анализируемом значении, а в прямом значении 'змешваць' глагол регистрируется несколько позднее, с 1566 г. (ГСБМ 18, 25). Близость этих значений во времени затрудняет ответ на вопрос: имеем мы дело с заимствованием лексическим или семантическим? Мы все-таки склоняемся к последнему еще и потому, что уже с конца 80-х гг. XV в. в старобелорусских текстах отмечался постфиксальный глагол *мишати* 'змешвацца, перемешвацца' (там же).

глагольной основы *klen-, прослеживаемой в *kleŋi, 1 л. ед.ч. *kľno (первоначально - 'приносить клатву, преклонив колени'), *kľęcati, *kľękati (Boryś 2005, 238; Brückner 1974, 238; Fraenkel I, 264; Sławski II, 265; ЭССЯ 10, 66-68; там же, 22, 131-132). Однако существуют и другие этимологии этого глагола, которые нам представляются менее убедительными (см. Verneker I, 522-523; Фасмер II, 253).

В памятниках письменности *наклонити* в значении 'согнуть' известно с середины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 10, 120). В интересующем нас значении в историческом словаре русского языка глагол представлен единственной иллюстрацией из *Артаксерсова действия* XVII в. (там же). В связи с этим надо заметить, что еще И.М. Кудрявцев (1957, 82-84; см. также Первые пьесы 1972, 465), исследуя историю возникновения этой пьесы, указывал, что ее перевод с немецкого осуществлялся несколькими сотрудниками Посольского приказа, которым язык *Артаксерсова действия* обязан полонизмами. На полонизированность языка первых пьес русского театра XVII-XVIII вв. обращали внимание и такие исследователи польско-русских языковых контактов как С.Кохман (1974, 84-96) и Г.Милейковская (1984, 135-138).

Мы обнаружили *наклонити* в анализируемом значении в дипломатическом документе 1653 г., отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ. На данный момент этот случай следует считать наиболее ранней конкретно датированной фиксацией лексемы в исследуемом значении в русском письменном языке. Что касается дальнейшей судьбы этого глагола, то в значении 'направить, склонить к чему-л.' он продолжал употребляться и в XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 13, 217; САР III, 1096). Однако Вл.Даль уже не отмечает это значение, а в словаре современного русского языка оно снабжено пометой «устар.» (Даль II, 425; ССРЛЯ 7, 270).

Обстоятельства появления и непродолжительность бытования *наклонити* в изучаемом значении в русском языке побуждают нас предполагать, что это значение могло быть заимствовано из польского, хотя в памятниках русской письменности начала XV в. и засвидетельствован глагол *клонити* 'влечь, склонять к чему-л.' (СлДРЯ IV, 221; СлРЯ XI-XVII вв. 7, 177), который мог мотивировать соответствующее значение анализируемой лексемы. Но, на наш взгляд, это маловероятно, учитывая разрыв между ними (*клонити* и

склонити в соответствующих значениях) во времени (полтора столетия), а также характер памятников, на которые приходятся первые регистрации *наклонити* ‘побудить, склонить к чему-л., настроить на что-л., убедить в чем-л.’ в русском языке.

Обратимся к польскому языку. В памятниках старопольской письменности *nakłonić* ‘uczynić gotowym do czegoś, podatnym, chętnym, życzliwym’ фиксируется с первой половины XV в. и, вероятнее всего, представляет собой кальку латинского *inclīno, -āre, -āvi* ‘*transl.* nakłonić, zmusić, przekonać, zachęcić; adducere, impellere, hortari’, распространенного в средневековой Польше в XIV-XV вв. (Bańkowski 2, 253; SłStp V (1), 55; SłŁŚr. V (3), 330). В значении ‘namówić, przekonać o czymś, skłonić do czegoś, ku czemuś’ этот глагол был известен в польском языке в XVI-XIX вв., продолжает он употребляться и в настоящее время (SłP XVI, XV, 590; SłPaska I, 464; Linde III, 222; Karłowicz III, 84; SłJP IV, 1082).

С первой половины XVI в. *наклонити* ‘настроїць, схіліць’ встречается в письменности ВКЛ, причем большая часть употреблений XVI - начала XVII в. приходится в основном на тексты, язык которых подвергся сильному польскому влиянию, в том числе и на переводы с польского (ГСБМ 19, 98). Для белорусского языка судьба глагола в указанном значении далее XVII в. не прослеживается. Тогда как в словаре современного украинского языка он в значении ‘направити, спрямувати; переконати’ представлен, но с пометой «діал.» (СУМ V, 106).

Если сопоставить приведенные выше данные, то, по нашему мнению, есть вполне достаточные основания, чтобы считать *наклонити* в интересующем нас значении семантическим заимствованием из польского в восточнославянских языках. При этом в русский письменный язык XVII в. анализируемое значение попало, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы». Это мнение косвенно может быть подкреплено также и тем, что к полонизмам в русском языке польским лингвистом В.Витковским (1999, 173) причисляется и *склонить* ‘skłonić, przekonać’ (1731г.)⁸³.

⁸³ По нашим же сведениям, эта лексема в данном значении представлена в русской письменности с начала XVII в. (АИ 3, 67 (72), 1616 г.).

НАРЕКАТИ (2) *несов.* что кому, на кого-что (в чем). Выразить порицание, осуждать кого-л.; упрекать, обвинять в чем-л.: *И за то паны-рада на короля гнѣваются, что он не рокошь не поѣхал и в томъ не оправдался, в чемъ на него нарекают* (Сб.РИО 137, 365, 1606-1607 гг.). *Посланникъ вашъ был у государя князь Григорей Волконский, и нам и то нарекали, что государь нашъ посланника задержал ...* (там же, 632, 1607-1608 гг.).

Эта лексема представляет собой имперфектив от префиксального глагола **narekti* с продлением корневого гласного и введением тематического *-a-* (**narĕkati*), который восходит к имеющему общеславянское распространение и соответствия в индоевропейских языках праслав. **rekti*, 1 л. ед.ч. **reko* ‘говорить’ < и.-е. корень **rĕk-*: (**rǝk-*) ‘кричать; реветь’ (Ваńkowski 2, 271, 272; Brückner 1974, 355, 474; ЕСУМ 4, 43; Преображенский II, 199-201; Фасмер III, 456-466; ЭСБМ 7, 241; ЭССЯ 22, 240, 242-243). В древнерусском языке *нарекати*, *нарѣкати* в значениях ‘говорить’ и ‘призывать (в молитвах)’ известно с середины XII в. (Срезневский II, 325; СлДРЯ V, 186; СлРЯ XI-XVII вв. 10, 207). В *Словаре русского языка XI-XVII вв.* (10, 210) в интересующем нас значении единственной иллюстрацией 1699 г. представлена форма сов. вида *наречи* в сопровождении пометы «ср. польск. *narzec*». Тогда как в *Словаре русского языка XVIII века* (14, 16) в значении ‘обвинять в чем-л., укорять, упрекать, порицать за что-л.’ отмечается уже только форма *несов. вида*, датируемая концом XVII – началом XVIII в.. В этом значении *нарекать* находим еще у Вл.Даля (II, 460), однако далее XIX в. история глагола в данном значении уже не прослеживается.

Нами *нарекати* в исследуемом значении дважды обнаружено в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В самом польском языке с начала XV в. засвидетельствовано *narzec* ‘przyganić, postawić zarzut, potępić, oskarżyć o coś, zakwestionować coś’, которое, по мнению А.Баньковского (2, 271) калькирует латинское *arguo*, *arguĕre* ‘порицать, осуждать’ и *impūto*, *impūtāre* ‘ставить в вину’, а со второй половины XV в. – и *narzekać* ‘czynić zarzuty’, последнее употреблялось в указанном значении в XVI - начале XVII в. (SłStp V (2), 94, 95; Reczek 1968, 231; SłP XVI, XVI, 205). В словарях, регистрирующих польский язык второй половины XVII-XX вв., анализируемое значение у глагола *несов. вида* уже не

фиксируется, а глагол сов. вида в лексикографических источниках, отражающих язык XVIII-XIX вв., снабжен пометой «staropolski», в словарях же современного польского языка он отсутствует вообще (ŚlPaska I, 474-475; Linde III, 256; Karłowicz III, 155; SłJP IV, 183).

В письменности ВКЛ *нарекати*, *нарикати* с начала 60-х г. XVI в. встречается в значениях ‘наракаць, скардзіцца’ и ‘шкадаваць; бедаваць, смуткаваць, рыдаць’, в исследуемом же значении, по имеющейся у нас на данный момент информации, эта лексема в «простой мове» не отмечается (ГСБМ 19, 252-253). И тем не менее в украинском языке XIX в. *нарікати* было известно в значении ‘попрекать, упрекать’, и в словаре современного украинского языка оно представлено в значении ‘виражати незадоволення з приводу чого-небудь, звинувачувати когось у чому-небудь; дорікати’, хотя имеет помету «рідко» (Грінченко I, 1052; СУМ V, 173).

Приведенная выше информация об истории лексемы *нарекати* ‘выражать порицание, осуждать кого-л.; упрекать, обвинять в чем-л.’, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с семантическим заимствованием⁸⁴. Что касается других восточнославянских языков, то пока имеющиеся у нас сведения (хронологические данные) наводят на мысль о возможном заимствовании значения в украинский язык из русского. Однако, учитывая характер памятников, в которых анализируемая лексема обнаружена нами, нельзя исключать наличия ее в исследуемом значении и в «простой мове» XVI-XVII вв. В таком случае и для последней источником заимствования мог бы быть польский язык.

ОБОЙТИСЯ (1) *сов.* Суметь прожить, выйти из положения, ограничиваясь, довольствуясь тем, что имеется в наличии, в распоряжении; справиться без кого-л., чего-л., не воспользоваться чьей-л. помощью, услугами и т.п.; пренебречь чем-л., не использовать чего-л.: *Наше королевино величество не могли обойтись, чтоб вашему царскому величеству не объявить також и иные дружбы ...* (ЭСРШ 79 (46), 1640 г.).

⁸⁴ Кстати, семантическим полонизмом считает *нарекать*, но в другом значении ‘narzekać, skarżyć się’ (1725 г.) В. Витковский (1999, 105).

Это слово, распространенное в изучаемом значении в западно- и восточнославянских языках, представляет собой постфиксальное производное от префиксального глагола **objiti*, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **jьti*, 1 л. ед.ч. **jьdŕ* ‘идти’ < и.-е. корень **ej̥-: *ī-: *j̥* с расширителем *-dh-* – **ej̥dh-* ‘идти’ (Berneker I, 420-421; Brückner 1974, 194; ИЭССРЯ I, 337; Преображенский I, 276; Sławski I (4), 472-473; Фасмер II, 117-118; ЭСБМ I, 65; ЭССЯ 8, 247-248).

Лексема *обойтися* появляется в русской письменности в конце XV в. в значении ‘привыкнуть, освоиться’, что в историческом словаре иллюстрируется единственным примером из *Польских дел* (СлРЯ XI - XVII вв. 12, 120). До сих пор наиболее ранней фиксацией этого глагола в интересующем нас значении считался случай, отмеченный в *Сатирах* А.Д. Кантемира на рубеже 20-30-х гг. XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 16, 37). В русской лексикографии он в значении ‘пробавляться, пребывать безъ чего’ впервые представлен в словаре, отражающем русский язык XVIII - начала XIX в. (САР IV, 143-144). В этом значении регистрировался в лексикографических источниках XIX-XX вв.⁸⁵ (Даль II, 629; ССРЛЯ 8, 315-316).

Судя по нашим данным, *обойтися* в исследуемом значении встречается в русском письменном языке значительно раньше. Так, мы обнаружили этот глагол в переводном дипломатическом документе второй четверти XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и контакты этих держав с Польшей.

Оставим пока в стороне вопрос о происхождении самой этой лексемы в русском языке, а он, на наш взгляд, представляет несомненный интерес, принимая во внимание характер памятника, в котором она наблюдалась впервые, и обратимся только к истокам анализируемого значения, учитывая исторические обстоятельства его появления. Дело в том, что, как показывают наши материалы, переводная русская дипломатика XVI-XVII вв., независимо от того, с какого языка переводились документы, очень часто бывает насыщена полонизмами.

⁸⁵ Следует отметить, что в словарях современного русского языка последней четверти XX в. это значение уже сопровождается пометой «разг.» (СлРЯ II, 554).

В связи с этим обратимся к польскому языку. Здесь *obejść się* (в XV-XVI вв. и *obić się, obyć się, obejć się*) с XV в. известно в значении ‘mieć się, żyć’, на базе которого, вероятнее всего, позднее развилось значение ‘obyć się, dać sobie radę, poradzić sobie, potrafić żyć bez kogo lub czego, nie potrzebować kogo lub czego, nie stać, nie dbać o kogo lub o co’, засвидетельствованное со второй половины XVI в. и бытующее до настоящего времени (Bańkowski 2, 334; SłStrp 5 (4), 320; SłP XVI, XIX, 518; Reczek 1968, 274; SłPaska II, 9; Linde III, 348; Karłowicz III, 450; SłJP V, 417).

В конце XV в. зафиксировано единичное употребление *обыитисе* ‘абысціся; задаволіцца тым што ёсць’ в письменности ВКЛ в переводной с польского *Аповесці аб трох каралях-валхвах*, язык которой в очень значительной степени насыщен полонизмами; более широкое распространение *обыйтиса, обыйстиса, обойтиса* в указанном значении получает в «простой мове» со второй половины XVI в. (ГСБМ 21, 227, 322; ГЛБМ 91-92). В интересующем нас значении находим этот глагол и в белорусской (*обыйціцьца*, совр. *абысціся*) и украинской (*обійтіся*) лексикографии XIX-XX вв. (Носович 1870, 354, 356; ТСБМ 1, 91; Грінченко II, 14, 15; СУМ V, 601).

Как нам представляется, сопоставление приведенной выше информации дает достаточные основания рассматривать *обойтиса* в исследуемом значении как семантический полонизм⁸⁶ в русском письменном языке XVII в. В «простой мове» мы, возможно, имеем дело с лексическим заимствованием, так как именно в этом значении глагол первый раз засвидетельствован в старобелорусском языке. В таком случае «простая мова» могла выступать в роли посредника в процессе заимствования значения из польского языка в русский.

ОПИСЫВАТИ (8) *несов.* Называть, именовать, титуловать (в официальных документах): *Только б государь вашъ король великого государя нашего в титуле велѣл описывати с полным царьским именованьемъ по его царьскому достоинству ...*(Сб.РИО 137, 350, 1606-1607 гг.). СГД 3, 137 (30), 1615 г.; Якубов 7, 1617 г.; там же, 43, 1618 г.; ОЗ 51, 1634 г.; Якубов 1897, 95,

⁸⁶ Примечательно, что как полонизм трактуют форму имперфекта этого глагола (*обходиться*), но в другом значении – ‘обходиться, поступать, обращаться с кем-л., чем-л.’ (с начала XVIII в.) – польские лингвисты С.Кохман (1975а, 98) и В.Витковский (1999, 115).

1649 г. *Его царского величества, ни которые окрестные великіе государи такимъ имянованьемъ не описываютъ* ... (там же, 97, 1649 г.; там же, 391, 1651 г.).

Глагол *описывати* образован суффиксальным способом от *описати* (о его происхождении см. ниже, с. 360 данной работы).

Эта лексема впервые встречается в русской письменности в первой половине XVI в. в значении ‘описывать, составлять опись, список’, в интересующем же нас значении она, по данным исторического словаря, появляется с начала 20-х гг. XVII в., и в этом источнике иллюстрируется только примерами из дипломатических документов первой половины XVII в. (СлРЯ XI- XVII вв. 13, 18). Наши материалы позволяют на полтора десятилетия уточнить хронологию анализируемого значения в русском языке. При этом два наиболее ранних случая его употребления приходятся на корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ (всего таких случаев три: Сб.РИО 137, 350, 1606-1607 гг.; СГГД 3, 137 (30), 1615 г.; ОЗ, 51, 1634 г.). Еще пять – это документы, представляющие контакты МГ со Швецией, причем в трех из них очень много внимания отводится и связям первого субъекта с Польшей и ВКЛ (Якубов 1897, 95, 1649 г.; там же, 97, 1649 г.; там же, 391, 1649 г.).

Далее середины XVII в. судьба *описывати* ‘называть, именовать, титуловать (в официальных документах)’ для русского языка пока не прослеживается. Не удалось обнаружить информацию о глаголе в этом значении и в «простой мове», не представлено оно и в белорусской, а также украинской лексикографии.

Учитывая историю этого слова в исследуемом значении в русском языке, мы склоняемся к мнению, что формирование этого значения произошло не без влияния польского *opisować* в аналогичном значении (см. выше), которое с начала XVII в. начинает постепенно вытесняться формой *opisywać* (Karłowicz III, 801).

ОПИСЫВАТИСЯ (5) Писаться, именваться, титуловаться (в официальных документах): *Его царскому величеству, лифлянской титулою не описыватца* ... (Якубов 1897, 56, 1618 г.). ЭСРШ, 24 (5), 1618 г.; ОЗ, 52, 1634 г.; Якубов 1897, 206, 1649 г. *И его королевское величество то имянованье съ себя*

сложилъ, что ему и братъ его ... и наслѣдникомъ къ Московскому государству причитанья ни въ чемъ не имѣть и царемъ ... всея Руси и титулы нашего царского величества Московского государства не *описыватися* во вѣки (ДАИ 6, 432, 1653 г.).

Описыватися является постфиксальным производным от *описывати* (см. выше, с. 360 данной работы).

В памятниках письменности этот глагол впервые засвидетельствован в первой половине XV в. в значении ‘описывать, составлять опись своего имущества’ (Срезневский II, 682; СлРЯ XI-XVII вв. 13, 18). До сих пор считалось, что в интересующем нас значении он появляется с начала 50-х гг. XVII в. и встречался только в документах, отражающих межгосударственные отношения МГ с Польшей и ВКЛ в 50-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв, там же). Имеющаяся у нас информация позволяет более чем на три десятилетия удревить хронологию этого значения в русском языке. При этом мы трижды обнаружили *описыватися* ‘писаться, именоваться, титуловаться (в официальных документах)’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией, в которых затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей (1618 г., 1649 г.), и дважды – в документах по сношениям непосредственно с Польшей и ВКЛ (1634 г., 1653 г.). Таким образом, время бытования *описыватися* в анализируемом значении охватывает всю первую половину XVII в. (до второй половины 50-х гг.), но за пределами этого периода его история для русского языка не прослеживается.

С 30-х гг. XVII в. отмечаются единичные употребления *описыватися* ‘назвацца; пісацца’ в «простой мове»⁸⁷, причем в документах, язык которых сильно полонизирован (ГСБМ 22, 252). Однако ни в белорусской, ни в украинской лексикографии, регистрирующей язык XVIII-XX вв., глагол в этом значении не представлен.

Итак, в случае с *описыватися* так же, как и с мотивирующим его *описывати* в соответствующем значении, мы предполагаем польское влияние⁸⁸ на формирование исследуемого значения в восточнославянских языках.

⁸⁷ В других значениях – с первой половины XVI в. (ГСБМ 22, 251-252, 253).

⁸⁸ Ср. польское *opisować się* в аналогичном значении (см. ниже, с. 243), которое с начала XVII в. начинает уступать место форме *opisywać się* (Karłowicz III, 801).

ПЕРЕКИНУТИСЯ (2) *сов.* Перейти, перебежать, переметнуться на чью-л. сторону: *А с тово числа которой от нас перекинетца, и бояромъ вашим тѣхъ израицов наших вернуть ...* (Сб.РИО 137, 651, 1607-1608 гг.). *И все в прошлой же дан, как мы приѣхали от государя на свой дворъ, и королевского де дворенина Мотфея Лонтковскова перекинулся Моштарелишка; а стрелцы де, которые на короуле стояли, тотчас потхвотя и отомчали* (там же).

Эта лексема представляет собой постфиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к праслав. **kydnŏti* (*dn > n*), итеративу к имеющему общеславянское распространение **kydati* ‘бросать; выбрасывать’, ‘рвать’, ‘лить’, образованному путем суффиксации от основы **kyd-* ‘бух, шлеп’, ‘бросок’ < и.-е. основа **kūd-*, связанная чередованием гласных с **keud-*: **skeud-* ‘прыгать, скакать’, ‘быстро бежать’, ‘гнать, подгонять’, ‘спешить’, ‘толкать’ (Berneker I, 676; Brückner 1974, 226; Преображенский I, 306; Sławski II, 136-137; Фасмер II, 230; Шанский II (8), 125-126; ЭССЯ 13, 252-254).

В памятниках русской письменности впервые этот глагол встречается в XVI в. в значении ‘быстро перейти, переехать через что-л.’ (СлРЯ XI-XVII вв. 14, 247). В интересующем нас значении он, по данным исторического словаря, отмечается с конца 50-х гг. XVII в. в *Донских делах* (там же). Мы обнаружили *перекинутися* ‘перейти, перебежать, переметнуться на чью-л. сторону’ в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, что позволяет на полстолетия уточнить время появления этого значения в русском письменном языке. В исследуемом значении лексема активно употреблялась на протяжении XVII-XIX вв. (САР IV, 910; Даль III, 57). В словаре современного русского языка она в значении ‘перейти в другой лагерь, в другую группу людей и т.п.’ уже снабжена пометами «устар.» и «простореч.» (ССРЛЯ 9, 651).

Характер памятников, в которых засвидетельствованы наиболее ранние фиксации *перекинутися* в анализируемом значении, наводит на мысль о возможной его неисконности для русского языка. В связи с этим обратимся к польскому языку. Здесь *przekinąć się* ‘przejsć na stronę wroga’ известно с первой половины 60-х гг. XVI в. И бытовало в XVI-XVIII вв. (SłP XVI, XXXI, 360; Reczek 1968, 378; Linde IV, 539). Однако уже в словаре, отражающем польский язык XIX – первой четверти XX вв., эта лексема, в том числе и в указанном

значении, сопровождается пометой «mało używany», а в словаре современного польского языка она фиксируется только в значении ‘skłonić się ku komu, czemu, przechylić się na czyją stronę; przejść, przerzucić się’ с пометой «daw.» (Karłowicz V, 107; SJP VII, 251).

С первой четверти XVII в. в «простой мове» в значении ‘перакідацца, ставіцца прахільнікамі каго-, чаго-н. іншаго’ регистрируется имперфект *перекидатися*⁸⁹, а со второй четверти того же века – и перфект *перекинутися*, но в значении ‘перетварыцца ў каго-н.’, причем в семнадцатом столетии обе формы наблюдались в текстах, язык которых сильно полонизирован или переводных с польского (ГСБМ 24, 154, 155; Тимченко 2, 95). В украинском языке XIX в. в значении ‘перейти (на чью сторону)’ было уже представлено и *перекінутися* (Гринченко II, 124)⁹⁰. В этом значении находим *перакінуцца* и в словаре современного белорусского языка, но с пометой «разм.» (ТСБМ 4, 188). А в современном украинском языке *перекінутися* в анализируемом значении входит в активный запас литературного языка (СУМ VI, 193).

Подводя итог обзору истории глагола *перекинутися*, *перекидатися* ‘перейти, перебежать, переметнуться на чью-л. сторону’ в восточнославянских и польском языках, мы опираясь на исторический критерий, склонны трактовать его как семантический полонизм в русском письменном языке XVII в., а в «простой мове» - это, возможно, лексическое заимствование, так как эта лексема впервые засвидетельствована здесь именно в изучаемом значении. «Простая мова» могла выступать в роли посредника в процессе заимствования этого значения русским языком.

ПИСАТИСЯ (2) *несов.* Письменно называть, титуловать себя, именовать себя кем-л. подписываясь: *Будеть которой государь не произволить*

⁸⁹ В русской письменности XVI-XVII вв. форма имперфекта пока не зарегистрирована.

⁹⁰ В связи с вышеизложенным нам хотелось бы возразить А.Баньковскому (2, 850), который считает, что в польском языке это значение из украинского, не приводя при этом никаких аргументов, а лишь ссылаясь на наличие их в трудах польских историков М.Бельского и М.Стрыйковского, чьи сочинения, относящиеся ко второй половине XVI в., в начале XVII в. были переведены на «простую мову». Кроме того, мотивирующее *przekinąć się, przekinąć* в польском языке появляется раньше мотивируемого глагола (с 1560 г.), тогда как в русском языке *перекинути* – с 70-х гг. XVII в., а в «простой мове» *перекинути* – с конца XVI – начала XVII вв., *перекидати* же – в последней пока вообще не засвидетельствовано (SJPXVI, XXXI, 360; СлРЯ XI-XVII вв. 14, 247; ГСБМ 24, 154, 155).

писатись полными титлами, ино *писатись* короткими ... (Якубов 1897, 44, 1618 г.).

Писатися представляет собой постфиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера глагола, восходящего к праслав. **pisati* (< **rysati*), 1 л. ед.ч. **pišǫ* (< **pisjǫ*), родственного **rystrь(jь)* < **rystrь* ‘пёстрый’ < и.-е. корень **peǵk-*: **peǵk’-* (**peǵg’*: **peǵg’-*: **poǵik-*: **piǵk-*) ‘рисовать, писать красками, раскрашивать’; с вероятным первоначальным значением ‘изображать что-л. путем вырезывания или с помощью красок’, (Ваńkowski 2, 587; Borys 2005, 437; Brückner 1974, 415; ИЭССРЯ II, 35; Преображенский II, 60-61; Rokorny I, 794; Фасмер III, 251, 266; Fraenkel I, 587).

В древнерусских памятниках эта лексема в различных значениях встречается с XI-XII вв. (Срезневский II, 937; СлДРЯ VI, 396). В интересующем нас значении, по информации исторического словаря, она впервые появляется в середине XVII в. (1649 г.) в *Донских делах* (СлРЯ XI-XVII вв. 15, 53). Однако, по нашим сведениям, наиболее ранняя фиксация приходится на конец 10-х гг. XVII в. и обнаружена в дипломатическом документе, отражающем контакты МГ со Швецией, где отводится внимание и отношениям первого субъекта с Польшей.

Учитывая характер источников, в которых на первых порах регистрировалось *писатися* в анализируемом значении, и то, что глагол *писати* в мотивирующем значении ‘называть, именовать кем-л. в письменном документе, послании; титуловать’ впервые засвидетельствован в *Польских делах* второй половины XVI в. (там же, 52), обратимся к польскому языку. Здесь и *писаć* ‘nazywać (zwykle w piśmie) kimś, używać nazwy godności lub określenia, pisać tytuł’, и *писаć się* ‘nazywać siebie, używać tytułu, podpisywać się’ известны с 60-х гг. XVI в. и употреблялись в XVI-XVII вв. (SłP XVI, XXIV, 260, 261; Reczek 1968, 323; SłPaska II, 116). В словарях, отражающих польский язык XVIII-XIX вв., в исследуемом значении находим уже только *писаć się*, а в словаре современного польского языка *писаć* в упомянутом выше значении сопровождается пометой «daw.», а *писаć się* – пометой «przestarz.» (Linde IV, 713; Karłowicz IV, 205; SłJP VI, 410).

С 80-х гг. XVI в. (1582 г.) *писати* ‘называць кім-н. у пісьмовым дакуменце, пасланні, звароце’ представлено в «простой мове» (ГСБМ 24, 324). А несколько раньше, с 1580 г., здесь отмечается и *писатися* ‘называцца кім-н. у пісьмовым дакуменце, пасланні, звароце’ (там же, 324-325)⁹¹. Заметим, что все фиксации XVI в. приходятся на документы, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами, либо на переводные тексты. В лексикографических источниках, регистрирующих белорусский и украинский язык XVIII-XIX вв., *писатися* в указанном значении отсутствует. И тем не менее в словаре современного белорусского языка находим *піса́цца* ‘лічыцца кім-, чым-н.; называць сябе як-н. у дакументах, афіцыйных паперах’ с пометой «уст.», а в словаре современного украинского языка – *писáтися* ‘значитися, числитися ким-, чим-небудь; іменувати себе ким-небудь у паперах, документах і т. ін.’ с пометами «заст.» и «розм.» (ТСБМ 4, 259; СУМ VI, 362).

Что касается судьбы *писати* и *писатися* в русском языке, то история первого в значении ‘называть, именовать кем-л. в письменном документе, послании; титуловать’ далее XVII в. пока не прослеживается; *писаться* же и в XVIII-XIX вв. продолжало употребляться в интересующем нас значении (САР IV, 1080; Даль III, 113). В словарях современного русского языка это значение глагола определяется следующим образом ‘значитися, числиться кем-, чем-л.; именовать себя кем-л. в бумагах, документах и т.п., называть себя как-л. подписываясь’ и снабжается пометами «разг.» и «устар.» (ССРЛЯ 9, 1232; СлРЯ III, 126). Таким образом, в современной русской лексикографии, как и в современной белорусской и украинской, значения ‘числиться, считаться кем-, чем-л.’ и ‘письменно называть себя подписываясь’ объединены и выступают как оттенки одного значения в отличие от подачи их как отдельных значений в русской исторической лексикографии.

Сопоставление приведенных выше материалов позволяет, по нашему мнению, говорить о том, что в восточнославянских языках XVI-XVII вв.

⁹¹ Справедливости ради следует указать, что это значение иллюстрируется также еще двумя примерами 1448 г. (документ, исходящий из Польши) и 1544 г., однако, на наш взгляд, в них реализуется значение ‘лічыцца кім-н.’. В древнерусской же письменности *писатися* ‘числиться, считаться кем-л.; быть отнесенным к какому-л. разряду лиц’ известно с XII-XIII вв., причем в исторических словарях русского языка оно дается как самостоятельное значение, наряду с изучаемым нами значением (СлДРЯ VI, 396; СлРЯ XI-XVII вв. 15, 53).

писатися в анализируемом значении является семантическим полонизмом⁹², проникновению которого в русский письменный язык начала XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

ПОДХВАТИТИ (ПОТХВОТИТИ) (2) *сов.* Обманом (хитростью) или силой взять, отнять, захватить, занять что-л.; схватить, поймать кого-л.: *И ... в прошлой же ден, как мы приїхали от государя на свой дворъ, и королевского де дворенина Мотфея Лонтковскова перекинулся Моштарелишка, а стрельцы де, которые на короуле стояли, тотчас потхвотя и отомчали* (Сб.РИО 137, 651, 1607-1608 гг.). *И первые телъженка или мои ... голова с сотнею князь Богданъ Елетцкой, скочили изъ сотенъ дворяне ... и подхваця шесть телъгъ ... то все взяли* (Якубов 1897, 377, 1650 г.).

Этот глагол образован путем префиксации от имеющего общеславянское распространение, однако без надежных соответствий за пределами славянских языков итератива-дуратива на *-ati* с вторичной долготой корневого гласного **chvatati* ‘хватать; ловить’ < **chvot-*, первоначальное значение которого, вероятнее всего, ‘присваивать’ (ЭССЯ 8, 123). Вполне достоверной этимологии эта лексема не имеет. Возможно, корень **chvat-* представляет собой абляут к праслав. **chyt-* в **chytati*, **chytiti* ‘хватать; вырывать; кусать’, ‘быстро, поспешно совершать, исполнять’, ‘похищать’, ‘качать, шатать’, ‘бросать, метать’, ‘губить’, но возникают сложности с и.-е. праформой; может быть, праслав. **chyt-* восходит к и.-е. **ksūt-* < **skū-t-* от корня **skēu-* ‘резать; распарывать’ и далее, видимо, ‘умерщвлять’, но более приемлемой и.-е. базой видится все-таки **sūb-t-* с расширителем *-t-* (и.-е. корень **seue-*: **sue-* (: **suo-*), т.е. тот же, что в местоимении **svojь*) ‘свой’, ‘собственный’, ‘дорогой; любимый’; таким образом, ‘хватать’ < ‘присваивать’ (Bańkowski 2, 162, 164; Berneker I, 407; Boryś 2005, 73; Brückner 1974, 188; ИЭССРЯ II, 148, 335-336; Фасмер IV, 230).

В древнерусской письменности *подхватити* в значении ‘поддержать, схватить снизу, подхватить’ встречается с конца XI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 70). В значении ‘выследив, схватить, поймать’ это слово в историческом

⁹² В письменности ВКЛ сама лексема засвидетельствована с конца XIV- начала XV в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 148; ГСБМ 24, 323).

словаре иллюстрируется единственным примером из дипломатического документа 1613 г. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Нами оно в этом значении обнаружено несколько раньше и тоже в дипломатической корреспонденции: в первом случае это контакты с Польшей и ВКЛ, во втором – со Швецией.

Учитывая характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *podchwaciti* в анализируемом значении, а также то, что за пределами XVII в. судьба его для русского языка пока не прослеживается, вполне резонно предположить возможность семантического заимствования.

Так, в старопольской письменности с 40-х гг. XV в. засвидетельствовано *podchwacić* ‘podejść, szukać, а со второй половины XV в. *podchwacić* – в значениях ‘podstępem zabrać’ и ‘oszukać, zmylić, dęcipio’ (SłStp VI (3), 231). В словаре польского языка XVI в. в значении ‘podstępnie zawładnąć; pojmać podstępnie’ уже представлена форма *podchwycić*, которая употреблялась в нем и в XVII-XIX вв. (SłP XVI, XXV, 378; Linde IV, 788; Karłowicz IV, 342). В словаре современного польского языка *podchwycić* ‘nagle, zniemacka wziąć, zająć coś, złapać, chwycić kogo’ снабжено пометой «daw.» (SłJP VI, 613).

Сведениями о наличии *podchwaciti* в памятниках письменности ВКЛ в исследуемом значении на данный момент мы не располагаем, хотя в «простой мове» первой половины XVII в. эта лексема выявляется в переносном значении ‘падлавіць, злавіць на чем-н. няўдала сказаным’ (ГСБМ 25, 329). А кроме того, здесь во второй половине XVII в. наблюдалось однокоренное существительное *похватачь, подхвитачь* ‘лазутчик’, явно мотивированное этим глаголом, в рассматриваемом нами значении и в историческом словаре украинского языка сопровождаемое пометой «пл. *podchwytacz*»⁹³, указывающей на его происхождение (Тимченко 2, 142). В словаре, отражающем украинский язык XIX в., *підхватути* фигурирует, однако интересующее нас значение не регистрируется (Грінченко I, 187). Аналогична ситуация с *пахваціць* и в словаре современного белорусского языка (ТСБМ 3, 575). В словаре современного украинского языка эта лексема уже отсутствует.

Итак, если сопоставить приведенную выше информацию, то, опираясь на исторический критерий, можно, на наш взгляд, утверждать, что в русском

⁹³ В польском языке *podchwytacz* ‘ten, kto pragnie coś zdobyć’ – с 60-х гг. XVI в., а в значении ‘ten, kto stosuje podstęp, zasadzki; insidiator’ – с 80-х гг. того же столетия (SłP XVI, XXV, 379).

письменном языке XVII в. *подхватити* в анализируемом значении является семантическим полонизмом.

ПОМЪШАТИ (1) *сов.* Привести в беспорядок, расстроить, нарушить принятое течение дел: *О томъ свой государевъ указъ учинити, что имъ отказывати, ... и впередъ приимати не велеть, чтобъ тѣмъ межевого дѣла и гровского отдачи не помъшати* (Якубов 1897, 69, 1620 г.).

Это слово представляет собой префиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **měšati* (< **měsjati*) ‘мешать, смешивать’, являющегося императивом к **měsiti* 1 л. ед.ч. **měšr* ‘мешать, перемешивать; месить’ (о его происхождении см. выше, с. [168](#) данной работы).

В древнерусской письменности *помъшати* в значении ‘помешать кому-л. в чем-л., причинить зло, неприятность кому-л.’ встречается с середины XIV в. (СлДРЯ VII, 162). В интересующем нас значении этот глагол в историческом словаре русского языка иллюстрируется единственным примером из дипломатической корреспонденции 1665 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 17). Таким образом, анализируемый нами случай, обнаруженный в документе, отражающем межгосударственные отношения МГ со Швецией в первой половине XVII в., позволяет уточнить время появления исследуемого значения в русском языке.

Характер памятников, в которых *помъшати* ‘привести в беспорядок, расстроить, нарушать принятое течение дел’ отмечалось в XVII в., а также то, что история указанного значения ограничивается в русском языке этим столетием, наводит на мысль о семантическом заимствовании. А поскольку, как показывают наши наблюдения, достаточно большое количество семантических калек проникло в русский письменный язык XVI-XVII вв. через дипломатику из польского, обратимся к этому языку. Здесь *potieszać* ‘zburzyć ustalony porządek, wprowadzić nieład, zamieszać’ известно уже с середины 40-х гг. XVI в. и употребляется до настоящего времени (SlPXVI, XXVII, 123; Linde IV, 894; Karłowicz IV, 566; SJP VI, 935-936).

Как видим, приведенная информация не только не противоречит высказанной выше версии о происхождении значения ‘привести в беспорядок,

расстроить, нарушить принятое течение дел' у глагола *помъшати* в русском письменном языке XVII в., но, по нашему мнению, напротив, подтверждает ее. Косвенным свидетельством этого может служить и то, что в письменности ВКЛ пока засвидетельствовано единичное употребление данного глагола в интересующем значении («... абы ... всякого чину доброго не *помъшали*» в тексте 1562 г. на «простой мове», которое в историческом словаре белорусского языка, по нашему мнению, ошибочно помещено в словарную статью под значением 'пашкодзіць, перашкодзіць', датированном концом XV в. (ГСБМ 26, 262). В белорусском языке анализируемое значение у глагола отсутствует, а в современном украинском языке оно реализуется лишь в составе фразеологизма: *помішати усі карти* 'перешкодити здійсненню чого-небудь' (СУМ VII, 129).

Сведения по истории *помъшати* в исследуемом значении в других восточнославянских языках дают определенные основания для предположения о том, что в них мы также имеем дело с семантическим полонизмом. В таком случае проникновению его в русскую письменность могла способствовать «простая мова».

ПОСЪДАТИ, ПОСЕДАТИ (6) *несов.* Завладевать чем-л., присваивать, захватывать что-л.: *А войнъ в ть перемирные 20 лѣт на обе стороны не бытии, рати и войны не всчинати, и ничѣм не зацепляти, и с обе стороны мѣсть нигде не **поседати**, и городов новых не ставити ...* (Сб.РИО 137, 71, 1600-1601 г.). *А вашею землею наши люди не владѣють нигдѣ и въ ваше въ прямое не вступающа и не **посѣдаютъ**, да и **посѣдати** нашимъ людемъ в тѣхъ мѣстехъ вашихъ земель не для чего ...* (РИБ 16, 562 (112), 1622 г.; там же, 632 (126), 1631 г.). *И на обѣ стороны земель не воевати и не зацѣпляти и городовъ на чужей земли не ставитъ и повыхъ мѣсть не **посѣдати** съ обѣ стороны* (ОЗ, 200, 1634 г.). *Велено беречь тово накрепко, чтоб в Путивльском уезде литовские люди твоей государевы земли через рубеж не **поседали**, острожников нигде не ставили* (ВУР 2, 246 (113), 1649 г.).

Рассматриваемая лексема, вероятнее всего, является префиксальным производным от глагола, восходящего к праслав. **sědati*, итеративу к **sěsti* (<

**sěditi*), 1 л. ед.ч. **sędō* (< **sědō*, с пазализацией *ě*) ‘сесть’ (подробнее о его происхождении см. ниже, с. [188](#) данной работы).

В древнерусской письменности засвидетельствовано лишь постфиксальное образование *посѣдатисѧ* ‘садиться, усаживаться’ (Срезневский II, 1282; СлДРЯ VII, 329). По данным исторического словаря русского языка, *посѣдати* ‘садиться выше кого-л., на более почетное место’, иллюстрируемое единственным примером из дипломатического акта по сношениям МГ с Англией, встречается с начала XVII в. (1601 г.), а в интересующем нас значении – с конца 40-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 158). Наши материалы почти на два десятилетия позволяют передвинуть нижнюю хронологическую границу последнего значения в русском письменном языке. Таким образом, получается, что в обоих указанных значениях *посѣдати* появляется в русской письменности одновременно и первоначально именно в дипломатических документах. Мы трижды обнаружили *посѣдати*, *посидати* в корреспонденции, отражающей контакты МГ с Польшей и ВКЛ (1600-1601 гг., 1634 г., 1649 г.) и дважды – с Данией (1622 г., 1631 г.), где затрагиваются и взаимоотношения первого субъекта с Польшей.

Что касается дальнейшей судьбы этого глагола в русском языке, то в значении ‘садиться выше кого-л., на более почетное место’ он продолжал употребляться еще в XVIII-XIX вв. (САР V, 68; Даль III, 329). В анализируемом же нами значении его история в русском языке пока ограничивается первой половиной XVII в. В словаре современного русского языка сама лексема *поседати* уже не фигурирует.

Приведенные выше обстоятельства, а также то, что в исторической лексикографии значение ‘захватывать’ у *поседати* сопровождается комментарием «ср. польск. *posiadać*, укр *posidati*» (СлРЯ XI-XVII вв. там же), наводит на мысль о неисконности, по меньшей мере, этого значения в русском языке. Заметим, что в этом же словаре как самостоятельная лексема приводится *посядати* ‘владеть, обладать’ с тем же примечанием, указывающим на возможное происхождение слова (там же, 17, 277-278), которое, кстати, В.Витковский (1999, 143; 2006, 161) квалифицирует как лексическое заимствование из польского во второй половине XVI в. Мы считаем нецелесообразным и неоправданным выделение отдельных словарных статей для

посьдати и *посядати* в русской исторической лексикографии (кстати, именно такой подход наблюдается в белорусской лексикографии: и *поседати*, и *посядати* помещены в одну словарную статью. См. ГСБМ 27, 85-86), поскольку последнее слово было либо заимствовано со слуха (что наиболее вероятно, так как пока известен лишь один случай), либо графически просто отражает на русской почве передачу **ѣ**, характерную для польского языка. На наш взгляд, сначала, во второй половине XVI в., произошло окказиональное лексическое заимствование из польского, а в начале XVII в. – уже семантическое калькирование.

Так, в старопольских памятниках *posiadać* ‘mieć coś do użytkowania’ известно со второй половины XV в., с первой же половины XVI в. этот глагол выявляется и в значении ‘wchodzić w posiadanie; podbijać, wojować, zajmować’, а с 60-х гг. того же столетия – еще и в значении ‘zajmować czyjeś miejsce, posiadać kogoś’ (Bańkowski 2, 710, 711; SłStp VI (6), 424; SłP XVI, XXVII, 473, 474). В первом из этих значений глагол наблюдался еще в первой половине XIX в., а во втором – до середины XVIII в. (Linde IV, 939; Karłowicz IV, 737, 738).

В исследованиях по этимологии и истории белорусского и украинского языков *поседати*, *посядати* ‘валодаць’, фиксируемое с конца XV – начала XVI вв., трактуется как полонизм, который, в свою очередь, рассматривается как калька латинского *possidēre* (Булыка 1972, 253-254; Булыка 1980, 34; ЕСУМ 4, 535; ЭСБМ 8, 206). С этого же времени в письменности ВКЛ *поседати*, *посядати* отмечается также в значении ‘заваеўваць, завалодваць, захопліваць’, в котором глагол продолжал бытовать и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв., причем преимущественно в переводных с польского или насыщенных полонизмами текстах (ГСБМ 27, 85). При этом не исключено, что в этом значении польское *posiadać*, как и в указанном ранее случае, может представлять собой кальку латинского *occipāre*.

Далее мы находим анализируемый глагол в словарях, включающих лексический запас белорусского (*посьдѣць* ‘овладѣваць, брать во владѣніе’) и украинского (*посідати* ‘завладѣваць чѣмь’) языков XVIII-XIX вв. (Носович 1870, 483; Грінченко II, 364). В словаре современного белорусского языка этот глагол вообще отсутствует, в современном же украинском языке он в значении

‘брати у своє володіння, привласнювати що-н., заволодівати чимсь’ употребляется до сих пор (СУМ VII, 327).

Итак, подводя итог обзору истории глагола *posedať*, *posьdati* в восточнославянских языках и *posiadać* в польском, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что русским языком сначала заимствуется сама лексема *posedať*, *posьdati*, *posьdati* в значении ‘владеть, обладать’, а позднее калькируются значения ‘завладевать чем-л., присваивать, захватывать что-л.’ и ‘садиться выше кого-л., на более почетное место’. Что касается других восточнославянских языков, то, учитывая хронологическую близость в них всех трех значений, следует, видимо, говорить о лексическом заимствовании. По всей вероятности, «простая мова» выступала в роли посредника как при заимствовании самой лексемы, так и интересующего нас значения в русский письменный язык второй половины XVI – начала XVII в.

ПОСЬСТИ (1) *сов.* Захватить, завладеть: *Сами говорили Поляки и Литва, которые приехали к Москвь с воеводою и с его приятели послы ..., что они приехали на то, что Московских людей начальных встьх побити, и Поляком посьсти по встьм урядом, і вьра греческая порушити ...* (Сб.РИО 137, 267, 1606-1607 гг.).

Этот глагол образован префиксальным способом от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера **sěsti* (< **sěditi*), 1 л. ед.ч. **sędō* (< **sědō*, с назализацией *ě*) ‘сесть’ < и.-е. корень **sed-* (:**sōd-*) ‘сесть’, ‘сидеть’ (Boryś 2005, 544; Brückner 1974, 489; ИЭССРЯ II, 161-162; Фасмер III, 613, 618-619; Fraenkel II, 777).

В древнерусском языке *posьсти* в значении ‘сесть (ближе); пересесть’ засвидетельствовано со второй половины XI-XII вв. (Срезневский II, 1283; СлДРЯ VII, 331; СлРЯ XI-XVII вв. 17, 162-163). В интересующем нас значении в историческом словаре глагол представлен двумя иллюстрациями: из *Повести о Скандербеге* в списке середины XVII в. и из переводного с польского в конце XVII в. памятника *О основании Царяграда и зданиях его изряднейших*; при этом значение сопровождается комментарием «ср. ст.-польск. *posieść*» (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 163). Мы обнаружили *posьсти* ‘захватить, завладеть’ в

дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., что позволяет удревить время появления его в русской письменности. Для русского языка судьба лексемы в исследуемом значении за пределами XVII в. пока не прослеживается, хотя в других значениях она продолжает регистрироваться в лексикографических источниках до сих пор (САР V, 68; Даль IV, 329; ССРЛЯ 10, 1468).

Если обратиться к польскому языку, то здесь *posieść, posiąść* (с XVIII в.) ‘siadłszy na czymś zająć na swój użytek, stać się właścicielem; opanować, zawładnąć’ отмечается с начала XV в. (Bańkowski 2, 711; SłStp VI (6), 425). В значении ‘zdobyć dominującą pozycję (o stanowiskach władzy, pozycji społecznej)’ глагол бытовал и в XVI – первой половине XIX в., но уже в словаре, отражающем польский язык XIX – первой четверти XX вв., форма *posieść* снабжена пометой «mało używany», а анализируемое значение - пометой «staropolski» (SłP XVI, XXVII, 481-483; SłPaska II, 183; Linde IV, 939; Karłowicz IV, 738). В словаре современного польского языка изучаемое значение у *posiąść, posieść* (эта форма имеет помету «daw.») уже отсутствует.

В староукраинских памятниках *посѣсти* ‘(що) заволодіти (чим), посісти (що)’ встречается с 1436 г., а в значении ‘(силою) захопити, посісти’ – с 1498 г. в документах по сношениям с Польшей и в историческом словаре украинского языка сопровождается пометой «стп.» (ССМ XIV-XV ст. 2, 208). В исследованиях по этимологии и истории белорусского языка также указывается, что *посѣсти* в анализируемом значении является заимствованием из старопольского языка (Булыка 1972, 253; ЭСБМ 8, 206). И действительно, в письменных источниках ВКЛ XVI-XVII вв. *посѣсти, посести, посесть* ‘овладеть, завладеть; захватить’ наблюдалось в текстах, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами (Тимченко 2, 189). Для белорусского языка историю глагола в этом значении далее XVII в. проследить пока не удастся, хотя сама лексема (*насѣсці*) в значении ‘сесці – пра ўсіх, многіх’ фиксируется и в словаре современного белорусского языка (ТСБМ 4, 72). Тогда как в украинском языке XIX в. *посісти* было известно в значении ‘завладѣть чѣмь’ (Грінченко II, 364). В словаре современного украинского языка также находим этот глагол в интересующем нас значении (СУМ VII, 327).

Сопоставляя изложенное выше, мы склоняемся к выводу, что *поспѣсти* в значении ‘захватить, завладеть’ следует считать бесспорным семантическим полонизмом русской письменности XVII в., учитывая наличие самой лексемы еще в древнерусском языке. В других восточнославянских языках этот глагол является, видимо, лексическим заимствованием. По всей вероятности, роль посредника при заимствовании значения русским письменным языком XVII в. играла «простая мова».

ПОСПЕШАТИСЯ (1) *несов.* Спешно идти, отправляться; спешить, торопиться: *Они велели ему учинить ведомо: в которой день ис Путивля за рубеж пойдут, для того чтоб ему о том дати весть к гетману к Богдану Хмельницкому, чтоб он к ним **поспешался*** (ВУР 3, 440 (205), 1653 г.).

Эта лексема представляет собой постфиксальное образование от префиксального глагола, являющегося формой несовершенного вида к **ropsěšiti*, восходящему к имеющему общеславянское распространение **spěšiti* ‘стремиться к чему-л.’, ‘спешить’, ‘торопить’, ‘ускорять’, образованному суффиксальным способом от **spěchъ* ‘поспешность, торопливость; спешка’, отглагольного деривата от праслав. **spěti*, 1 л. ед.ч. **spějō* ‘удаваться’ > ‘развиваться’ > ‘устремляться’ < ‘удаваться’, ‘спешить, торопиться’ < и.-е. корень **sp(h)ē(i)-*: **sphē-*: **sphā-*: **spi-* ‘быть в состоянии, мочь’, ‘удаваться’, ‘иметь успех, преуспевать’, ‘прибавляться’, ‘успеть, успевать’ (Boryś 2005, 469, 619-620; Brückner 1974, 509; ИЭССРЯ II, 193; Преображенский II, 367-368; Фасмер III, 734, 735).

В памятниках русской письменности *поспѣшатися* впервые отмечается с XVI в. в значении ‘иметь успех или добиваться успеха в чем-л.’, а с первой четверти XVII в. – и в значении ‘устремляться’ (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 214). В исследуемом же значении обнаруженный нами случай употребления этого глагола в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. на данный момент является наиболее ранней его фиксацией в русском языке. Затем в анализируемом значении *поспѣшатися* регистрируется в лексикографическом источнике, отражающем русский язык XVIII в. (САР V, 42). Однако уже в словарях, фиксирующих язык XIX-XX вв., эта лексема вообще не фигурирует.

В связи с историей *поспѣшатися* в интересующем нас значении примечательны следующие факты: мотивирующий его глагол *поспѣшати* ‘быстро идти, двигаться; спешить’ засвидетельствован в древнерусской письменности с конца XII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же), то есть значительно раньше, чем постфиксальная форма в том же значении; кроме того, форма совершенного вида *поспѣшитися* ‘спешно пойти, отправиться; поспешить’ в историческом словаре иллюстрируется двумя примерами из памятников, язык которых насыщен полонизмами: *Письма князя Курбского к разным лицам* и *Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки*, переведенном с польского в 1628 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 216).

Эти обстоятельства, а также характер памятника, в котором глагол встретился нам, могут свидетельствовать о том, что мы имеем дело с семантическим заимствованием, и очевидно, из польского. В старопольских текстах *pośpieszyć się* ‘prędko rójść, podążyc’ известно с середины XIV в., а *pośpieszać się* ‘iść gdzieś szybko’ – с конца 40-х гг. XV в. (SłStp VI (7), 472). И с тех пор и до настоящего времени этот глагол в значении ‘iść, jechać, udawać się, podążać dokądś szybko, z pośpiechem; spieszyć się; szybko zbierać się do drogi’ употребляется в польском языке (SłPXVI, XXVII, 305; SłPaska II, 193; Linde IV, 949; Karłowicz IV, 794; SłJP VI, 1175).

Со второй половины XVI в. *поспѣшатися*, *поспешатися* ‘спешить, торопиться’ зарегистрировано в письменности ВКЛ, причем в XVI – начале XVII в. глагол наблюдался преимущественно в переводах, в том числе с польского языка (ГСБМ 27, 150; Тимченко 2, 185). И в украинском языке XIX-XX вв. находим *поспіші́тися* в указанном значении (Грінченко II, 371; СУМ VII, 357). В белорусской лексикографии XIX в. представлена лишь форма совершенного вида *поспѣши́цьца* ‘поторопиться’, а в словаре современного белорусского языка как перфект выступает именно форма *поспяш́ацца* ‘пастарацца зрабіць што-н. хутэй; хутка пайсці’ (Носовичь 1870, 481; ГСБМ 4, 85).

Итак, судя по приведенным выше материалам, в русском письменном языке XVII в. *поспѣшатися*, *поспешатися* ‘спешно идти, отправляться; спешить, торопиться’, вероятнее всего, является семантической калькой с польского *pośpieszać się* в соответствующем значении. Возможно, таково же

происхождение *попъшиатися* и в «простой мове», но мы пока не располагаем сведениями, бытовала ли эта лексема в письменности ВКЛ и в других значениях до середины XVII в., но в любом случае «простая мова» могла играть роль посредника при заимствовании изучаемого значения русским языком.

ПОТРАТИТИ (1) *сов.* Потерять, утратить кого-, что-л., лишиться кого-, чего-л.; погубить: *Толко бы бояринъ Яковъ Пунтосовичъ, по милости Божіи, Свѣйскаго королевства ратными людми не отвратилъ, и тѣмъ Свѣйскаго королевства многихъ ратныхъ людей потратилъ* (ДАИ 2, 29 (12), 1614 г.).

Эта лексема образована префиксальным способом от восходящего к имеющему общеславянское распространение и соответствия в некоторых индоевропейских языках праслав. **tratiti*, 1л. ед.ч. **tratjǫ* ‘уничтожать, истреблять, губить’, ‘разрушать, разорять; опустошать’, ‘тратить, растрчивать’, ‘расходовать’, ‘использовать’, первоначальное значение, очевидно ‘растирать, раздроблять, размельчать’ (о его происхождении см. ниже, с. 214 данной работы).

Потратити в значении ‘опустошить’ впервые отмечается в древнерусской письменности со второй половины XII в., а с первой половины XIII в. – также в значении ‘истребить, уничтожить; испортить’ (Срезневский II, 1295; СлДРЯ VII, 348; СлРЯ XI-XVII вв. 18, 18). До сих пор считалось, что в исследуемом значении этот глагол в русском письменном языке появляется в первой половине 30-х гг. XVII в. в *Вестях-Курантах* и дипломатическом акте, описывающем отношения МГ с Польшей (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Мы обнаружили его в этом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией в 1614 г., где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей.

Следует отметить, что в русской лексикографии лишь в историческом словаре (СлРЯ XI-XVII в., там же) и у Вл.Даля мы находим это слово в анализируемом значении применительно к людям: «*Потратить человека* ‘потерять, погубить; убить, извести’» (Даль III, 358). В словарях же, отражающих язык XVIII – первой четверти XIX в. и современный русский язык, глагол в значении ‘потратить, истратить, израсходовать’ фигурирует в

примерах только по отношению к неодушевленным предметам (САР V, 81; ССРЛЯ 10, 1633-1634).

Ряд изложенных выше обстоятельств (характер памятников, а также «прерывность» истории *potratiti* в интересующем нас значении) наводит на мысль о возможной неисконности значения для русского языка. И вероятнее всего, семантическое калькирование осуществлялось с польского *potracić*, которое уже в старопольских памятниках выявлено в значениях ‘zniszczyć, zabić’ – с середины XV в., а в значении ‘zgubić, zmarnować’ – с последней четверти того же столетия (SlStp VI (7), 494). И в XVI-XVIII вв. *potracić* бытовало в значении ‘przestać mieć, stracić (o własnym wojsku, ludziach, koniach (przeważnie w walce); o przedmiotach materialnych)’; в словарях, регистрирующих польский язык XIX-XX вв., эта лексема представлена в значении ‘zostać pozbawionym dużej liczby czego, pozbyć się czego, postradać, stracić wiele czego kolejno, jedno (jednego) no drugim; o wielu: stracić, pozbyć się’ (SlP XVI, XXVIII, 414-415; SlPaska II, 197; Linde IV, 974; Karłowicz IV, 811; SlJP VI, 1203).

В письменности ВКЛ сама лексема *potratiti* в значении ‘перастаць мець што-н., валодаць чым-н.; не захаваць, не зберагчы што-н.’, по имеющейся у нас на данный момент информации, фиксируется с первой четверти XVI в., а несколько позднее, в том же столетии, этот глагол встречается и в значении ‘загубіць, знішчыць’; примечательно, что в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. он часто наблюдается в переводных с польского или сильно полонизированных текстах (СМС 2, 89; ГСБМ 27, 314). В белорусском языке XVIII-XIX вв. глагол *потраціць* засвидетельствован в значениях ‘потерять (по отношению к неодушевленным предметам)’, ‘лишить жизни’ и ‘промотать’, а в современном белорусском языке он (*патраціць*) употребляется в том же значении, что и в современном русском языке (Носовичь 1870, 484, 638; ГСБМ 4, 106). В украинском языке XIX в. *потра́тити* наблюдалось в значении ‘истратить, издержать; утратить’, которое в словаре современного украинского языка снабжено пометой «рідко», а переносное значение (*потратити віру в любов і в добро*) сопровождается пометой «заст.» (Грінченко II, 385; СУМ VII, 422).

Сопоставительный анализ приведенных выше материалов, по нашему мнению, дает определенные основания для вывода о том, что *потратити* в значении ‘потерять, утратить кого-, что-л., лишиться кого-, чего-л.; погубить’ в русском письменном языке XVII в. является семантическим полонизмом. Возможно, таково же происхождение этого значения и в «простой мове», которая могла способствовать его проникновению в русскую письменность XVII в.

ПРИДАТИ (1) *сов.* Придать кого-л. кому-л. в помощь; назначить кого-л. для выполнения каких-л. обязанностей: *И Станислав Витовской позвал с собою приставов в покоевые хоромы и выслал всех людей, говорил наодине: то вам, приставом приданым до нас от царского величества, слышать лучилось ли, в каких справах мы, королевского величества великие и полномочные послы, приехали?* (ВУР 3, 43 (16), 1651 г.).

Придати представляет собой префиксальное производное от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках **dati*, 1л. ед.ч. **dāt* ‘вручить что-л. кому-л., предоставить’, ‘позволить, допустить’ (о его происхождении см. выше, с. 154 данной работы).

В памятниках древнерусской письменности этот глагол в значении ‘придать, присоединить, дать дополнительно’ встречается с X в., а с XI-XIV вв. он отмечается и в других значениях (Срезневский II, 1398; СлРЯ XI-XVII вв. 19, 140-141). В интересующем нас употреблении *придати*, по имеющейся на данный момент информации, в русской лексикографии впервые регистрируется в словаре, отражающем язык XVIII в., где оно помещено под значением ‘въ прибавокъ давать, прилагать, присоединять, присовокуплять что къ чему; придать кого въ помощь кому’ (САР V, 300). Аналогичным образом, как оттенок указанного выше значения, представлено исследуемое нами употребление глагола и в лексикографии XIX-XX вв. (Даль III, 410; ССРЛЯ 11, 440).

Мы обнаружили *придати* ‘придать кого-л. кому-л. в помощь; назначить для выполнения каких-л. обязанностей’ в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ середины XVII в. В настоящее время этот случай следует считать наиболее ранней фиксацией глагола в приведенном

выше значении в русском письменном языке. Учитывая характер памятника, где он засвидетельствован, можно предположить, что мы имеем дело с семантической калькой, вероятнее всего, из польского.

Так, в старопольских текстах *przydać* в значении ‘dołączyć do czegoś już danego, istniejącego, dodać, dołożyć’ известно с конца XIV – начала XV в., а в значении ‘wyznaczyć, przydzielić kogo komu do pomocy, towarzyszenia, ochrony lub dowodzenia’ – с конца 40-х гг. XV в., причем в исторических словарях, отражающих язык XV-XVII вв., и в этимологических словарях эти два значения подаются как самостоятельные (Bańkowski 2, 932; SłStp VII (4), 247, 248; SłPaska II, 270). В словарях, регистрирующих польский язык XVIII-XIX вв., эти два значения уже объединены (второе выступает как оттенок первого), при этом в отдельную словарную статью выделяется причастие *przydany* в интересующем нас значении (Linde IV, 1186, 1187; Karłowicz V, 278, 279). В словаре современного польского языка *przydać* в значении ‘dodać, dołożyć, dorzucić, przyczynić, przysporzyć’ сопровождается пометой «wychodzące z użycia», а в значении ‘wyznaczyć kogo, przydzielić kogo komu (za towarzysza, opiekuna)’ - пометами «daw.» и «dziś praw.» (SłJP VII, 508). Как видим, в польском языке явно прослеживается тенденция к разграничению значений или хотя бы к выделению анализируемого нами употребления глагола *przydati* как оттенка более общего первичного значения ‘дать сверх чего-л., дополнительно к чему-л.; прибавить’.

В текстах на «простой мове» XVI-XVII вв. находим *придати* не только в общем значении ‘прибавиць’ (СМС 2, 118), но и в употреблении, совпадающем с изучаемым нами: « ... если судъ посылалъ своего урядника для присутствованія при какомъ-либо юридическомъ дѣйстви, то урядникъ этотъ назывался «приданнымъ» тому, по чьей просьбѣ былъ посланъ» (Новицкий 1871, 20; ГСБМ 28, 254). В лексикографических источниках белорусского (*прыдаць*) и украинского (*придати, приданий*) языков, представляющих лексический состав XVIII-XX вв., эта лексема в рассматриваемом употреблении помещена под тем же значением, что и в словарях русского языка XIX-XX вв. (Носовичъ 1870, 500; ТСБМ 4, 426; Гринченко II, 417; СУМ VII, 601, 603).

Подводя итог обзору истории глагола *придати* ‘придать кого-л. кому-л. в помощь; назначить кого-л. для выполнения каких-л. обязанностей’ в

восточнославянских и польском языках, мы, учитывая исторические данные (хронология, характер памятников), а также подачу его в польской лексикографии, которая, на наш взгляд, является обоснованной, склонны квалифицировать анализируемое значение как семантический полонизм в первых, проникновению которого в русский письменный язык XVII в. могла способствовать «простая мова».

ПРИЛУЧИТСЯ (1) *сов.* Присоединиться; примкнуть: *Да в перемирной же в королеве слове написано: которые Польские и Литовские люди ... прилучились к Московскимъ людемъ, которые на сесь час государя их короля не слушают ..., чтоб ть люди из государевы земли вывести вон* (Сб.РИО 137, 686, 1607-1608 гг.).

Этот глагол является постфиксальным производным от префиксального **prilq̇iti*, восходящего к имеющему общеславянское распространение и соответствия в балтийских языках праслав. **lq̇iti* с первоначальной функцией каузатива, образованного от имени **lq̇k̇* или **lq̇ka*, первоначально ‘дуга, изгиб’, откуда исходное значение глагола – ‘делать изгиб’, ‘загибать’, ‘пригибать (друг к другу)’, следовательно ‘соединять’ < и.-е. корень **lenk-*: **lonk-* ‘дуга’, ‘обруч’, ‘лук’, ‘гнуть, сгибать’ (Bańkowski 2, 95; Verneker I, 738, 739-740; Brückner 1974, 308; ИЭССРЯ I, 494, 495; Pokorný I, 676; Преображенский I, 476, 480-481; Sławski V, 77-79, 85; Фасмер II, 531-532, 537-538; Fraenkel I, 356-357; ЭССЯ 16, 132-133, 141-142).

В памятниках древнерусской письменности *прилучитися* в различных значениях засвидетельствовано со второй половины XI в. (Срезневский II, 1426-1427; СлРЯ XI-XVII вв. 19, 190). В интересующем же нас значении эта лексема встречается лишь у Вл.Даля (Даль III, 423). В лексикографических источниках, регистрирующих русский язык XVIII и XX вв., это значение не представлено. Таким образом, отмеченный нами случай употребления *прилучитися* ‘присоединиться; примкнуть’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. на данный момент следует считать наиболее ранней фиксацией указанного значения в русском письменном языке.

Такая история анализируемого значения *прилучитися* кажется нелогичной, если учесть, что в древнерусской письменности со второй половины XIV в. наблюдалось *прилучити* ‘присоединить’, которым могло бы быть мотивировано соответствующее значение постфиксального глагола. Это обстоятельство, а также характер памятника, где впервые было обнаружено *прилучитися* ‘присоединиться; примкнуть’, может свидетельствовать в пользу неисконности значения для русского языка. При этом наиболее вероятным источником заимствования, очевидно, является польский язык.

В польских письменных источниках *przyłączyć się* (эта форма до XVII в.), *przyłączył się* ‘połączyć się, złączyć się; stać się częścią jakiejś grupy, dołączyć się’ известно с первой половины XVI в. и употребляется в этом значении до настоящего времени (Linde IV, 1206; Karłowicz V, 317; SłJP VII, 564).

С конца XV - первой четверти XVI в. *прилучитися* ‘далучыцца’ фиксируется в письменности ВКЛ, причем первоначально в памятниках, язык которых отражает польское влияние, то же относится и к большинству текстов XVII в. на «простой мове», в которых выявлена эта лексема в указанном значении (ГСБМ 28, 334; СМС 2, 124; Тимченко 2, 226). Далее мы находим глагол в исследуемом значении в словарях, описывающих лексический состав белорусского (*прилучіцьца* ‘присоединиться’) и украинского (*прилучітисся* ‘присоединиться’) языков XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 504; Грінченко II, 428). И в словаре современного белорусского языка *прылучыцца* фигурирует в значении ‘далучыцца да каго-, чаго-н.; стаць на чый-н. бок, згадзіцца з кім-н.’, в аналогичном значении *прилучітисся* регистрируется и в современной украинской лексикографии (ТСБМ 4, 446; СУМ VII, 661).

Итак, если сопоставить приведенную выше информацию, то опираясь на исторический критерий, на наш взгляд, можно говорить о том, что в русском письменном языке XVII в. *прилучитися* в интересующем нас значении – семантический полонизм. Не исключено, что такова же природа этого значения и в «простой мове»⁹⁴. В таком случае в русскую письменность XVII в. оно, очевидно, проникло благодаря посредничеству последней.

⁹⁴ Косвенным образом это подтверждается тем, что в исследованиях по этимологии украинского языка выдвигается версия о заимствовании из польского *лучити* в значении ‘з’єднувати’ (ЕСУМ 3, 315).

ПРИСТАТИ (2) *сов.* Оказаться пригодным, подходящим, соответствующим; подобающим, надлежащим; *безл.* годиться, подходить; подобать, приличествовать; надлежать, следовать: *Послы ... Королевскимъ ближнимъ людемъ не давъ на ту статью противъ ихъ вопроса ... отвѣта ... говорили самыми короткими словы, что къ дѣлу **непристало** ...* (СГГД 3, 407 (117), 1643 г.). *А черную отписку на стану сжогъ, для того, что ему не надобна. А имъ, псковичамъ, до того дѣло не **пристало** жъ* (Якубов 1897, 337, 1650 г.).

Анализируемая лексема представляет собой префиксальное производное от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера глагола, восходящего к праслав. **stojati*, 1 л. ед.ч. **stojō* ‘сточь, не двигаться’ < и.-е. корень **stā-*: **stā-* ‘стоять’, ‘стать’ (Bańkowski 2, 951; Boryś 2005, 574; Brückner 1974, 512; ИЭССРЯ II, 206; Преображенский II, 374-377; Фасмер III, 748, 769; Fraenkel II, 914, 915-916).

В древнерусской письменности этот глагол в значениях ‘стать рядом; подойти, приблизиться’, ‘подплыть, причалиться к берегу; тж. образно’ отмечается со второй половины XI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 33). В интересующем нас значении он, по данным исторического словаря, встречается с 1656 г., а в безличном употреблении – с конца XVII – первой четверти XVIII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 34). Таким образом, наши материалы, почерпнутые из дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Римской империей и Швецией, позволяют несколько удревнить время появления этого значения в русском письменном языке. В значении ‘оказаться подходящим, соответствующим кому-, чему-л.; *безл.* следовать, подходить’ *пристать* представлено и в словарях, регистрирующих русский язык XIX-XX вв. (Даль III, 445; ССРЛЯ 11, 753).

Наше внимание *пристати* в указанном выше значении привлекло по той причине, что имперфект *пристояти* в аналогичном значении, известный со второй половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 37), считается полонизмом в русском языке (Witkowski 1999, 151; 2006, 170). В связи с этим обратимся к польскому языку. В старопольских текстах *przestać (przystać)* ‘jest odpowiednie, właściwe, stosowne, decet’ засвидетельствовано с 60-х гг. XV в. и в этом значении оно (*przystać*) продолжало бытовать в XVI-XIX вв. (SłStp VII (3), 181;

там же, VII (5), 361; Linde IV, 689; Karłowicz V, 373). В словаре современного польского языка находим *przystać* 'być odpowiednim, stosownym dla kogo lub do czego; pasować komu do czego' в сопровождении пометы «daw.» и *przystoi-przystało* bezokolicznik 'jest słuszne, konieczne; należy, trzeba' с пометой «przestarz.», и , наконец, *przystoi-przystało* '(najczęściej w zwrotach: jak przystoi, przystało) jak należy, należało, jak wymaga honor, poczucie godności', входящее в активный лексический запас (SJP VII, 632).

С первой четверти XVI в. в старобелорусском языке выявляется имперфект *прістаяти* в значении 'быць прыстойным; падыходзіць, надлежаць' (СМС 2, 132; ЭСБМ 10, 145). В значении 'приличествовать, подобать' форма несовершенного вида наблюдалась и в «простой мове» XVII в. (Тимченко 2, 235), достоверными же сведениями о наличии здесь *прістати* в том же значении мы пока не располагаем. Только имперфект *прісто́иць* безл. 'приличествуеть; слѣдуеть, стоить' обнаруживается и в словаре, фиксирующем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичъ 1870, 512). В словаре современного белорусского языка ни *прыста́ць*, ни *прысто́иць* в анализируемом значении не фигурируют (ТСБМ 4, 478, 479). В современном же украинском языке *прста́ти* в значении 'гармоніювати з зовнішністю; пасувати' является принадлежностью разговорного стиля речи, а в значении '(перев. док., безос. з інф.) годиться, слід, дозволено кому-н. щось робити, якось поводитися' – входит в активный лексический запас (СУМ VIII, 35).

Сопоставление изложенного выше, на наш взгляд, дает вполне достаточные основания для вывода о том, что *прістати* в интересующем нас значении, как и *прістаяти* в соответствующем значении, семантический полонизм в русском письменном языке XVII в. Вопрос о происхождении этого значения у *прістати* в украинском языке остается пока открытым из-за недостатка информации.

РОЗНИТИСЯ (1) *несов.* Ссориться, враждовать: *И вашей ласки надежно обвѣляю, что тѣ рокошники межъ себя не въ соединеніе будутъ и учнутъ рознитися и дѣлу нашему настоящему помѣшку учинять ...* (ААЭ 2, 187 (92), 1608 г.).

Это слово образовано путем постфиксации от глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение прилагательному **orzьnlъ* ‘отдельный; разделенный, разрозненный’ > ‘разный; отличный, другой, иной’, производному от праслав. **orz(ь)* ‘отдельно, порознь; раздельно’ с суффиксом –*ьnlъ*; при этом сначала, видимо, возникло наречие **orzьno* ‘отдельно, порознь; раздельно’, вторичным дериватом от которого является **orzьnlъ* < и.-е. корень **ordh-*: **rdh-* ‘особо; отдельно, порознь’, ‘разрушать, расторгать’, ‘часть’, ‘половина’ (Boryś 2005, 525; Brückner 1974, 466; ЕСУМ 5, 93; Преображенский II, 174-175; Фасмер III, 494, 496; Fraenkel I, 15-16; ЭСБМ 11, 174).

По данным исторических словарей, с середины XVI в. в русской письменности засвидетельствовано *рознити* в значении ‘враждовать, ссориться’, которое иллюстрируется единственной цитатой из *Львовской летописи* под 1551 г. (Срезневский III, 161; СлРЯ XI-XVII вв. 22, 206). В этом значении глагол отмечается еще и в лексикографических источниках, регистрирующих русский язык XIX в., но с пометой «стар.» (Даль IV, 40, 102). Что же касается *розниться*, то судьба его в интересующем нас значении весьма интересна. Сама лексема *розниться* впервые выявляется в 1562 г. в *Польских делах* в значении ‘отличаться, иметь различия в чем-л.’, а с середины 40-х гг. XVII в. – и в значении ‘обнаруживать несогласие, противоречия; расходиться в чем-л.’⁹⁵ (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Как видим, последнее значение наиболее близко к анализируемому нами, поэтому, очевидно, не случайно у Вл. Даля (там же) находим *рѳзниться* ‘не соглашаться, спорить, ссориться’, хотя в лексикографическом источнике, отражающем язык XVIII – первой четверти XIX в., при определении семантики *рѳзнить* значения ‘не соглашаться в чем-л. сь другимъ’ и ‘враждовать’ не объединяются, а для *рѳзниться* последнее из них вообще еще не фиксируется (САР V, 877-878). В словарях современного русского языка глагол *рѳзниться* как в значении ‘отличаться чем-л.; иметь различия, несходство в чем-л.’, так и в являющемся его оттенком ‘не совпадать в чем-л.; не сходиться во мнениях’, а также в значении ‘быть в разладе, враждовать’ уже снабжен пометами «устар.» и «простореч.» (ССРЛЯ 12, 1422; СлРЯ III, 727).

⁹⁵ Для сравнения: *разниться* ‘разниться, отличаться; расходиться в чем-л.’ в древнерусской письменности – уже в тексте XI в., цитируемом по списку XIII-XIV вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 225).

Таким образом, судя по изложенной выше информации, появление *розниться* в исследуемом значении до сих пор относилось ко времени не ранее первой четверти XIX в. Однако обнаруженное нами его употребление в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ позволяет очень существенно передвинуть нижнюю границу хронологии. Эти факты из истории *roznić się* ‘ссориться, враждовать’, на наш взгляд, могут свидетельствовать о следующем: в русском письменном языке XVII в. мы, вероятнее всего, имеем дело с семантическим полонизмом. И если не удастся установить случаев употребления глагола в указанном значении в XVIII в., то, возможно, что в русском языке XIX в. оно возникло повторно, развившись самостоятельно, хотя, учитывая историю *różnić się* в соответствующем значении в польском, нельзя исключать и повторное заимствование из того же источника. Но в любом случае наши материалы позволяют говорить, по меньшей мере, о предыстории анализируемого значения *розниться* в русском письменном языке.

Так, в старопольских памятниках *różnić się* ‘być z kim w niezgodzie, kłócić się, swarzyć się, wadzić się’ известно со второй половины XVI в. и бытовало до начала XIX в., в словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «przestarz.» (Reczek 1968, 429; Linde V, 95; Karłowicz V, 752; SJP VII, 1362).

Если обратиться к истории глагола в других восточнославянских языках, то в «простой мове» XVII в. нам пока удалось обнаружить его лишь в значении ‘различаться, отличаться’, тогда как в словаре, фиксирующем белорусский XVIII-XIX вв., *рóżницца* фигурирует и в значении ‘приходить в несогласіе, ссориться’ (Тимченко 2, 283; Носовичь 1870, 565). Это, а также характер памятника, в котором глагол в анализируемом значении встретился нам, не исключает его наличия в упомянутом значении и в «простой мове». Однако далее XIX в. судьба этого значения для белорусского языка не прослеживается, не представлено оно и у глагола *різнитися* в украинском языке XIX-XX вв.

Итак, приведенные данные, по нашему мнению, не противоречат высказанному ранее предположению о том, что в русский письменный язык XVII в. исследуемое значение глагола *розниться* пришло из польского языка.

Для вывода о его происхождении в других восточнославянских языках мы в настоящее время не располагаем достаточными сведениями.

РОЗНЯТИ (2) *сов.* Разрешить спорное дело, прекратить спор: *А промеж нас спорных речей много, а рознять нас нькому ...* (Сб.РИО 137, 543, 1607-1608 гг.). *А великий государь нашъ, его царское величество, тѣхъ задержанныхъ людей королевину величеству не поступитца; чѣмъ же такое дѣло розняти?* (Якубов 1897, 173, 1649 г.).

Этот глагол представляет собой префиксальное производное (с префиксом *orz-) от имеющего общеславянское распространение праслав. **ęti*, 1 л. ед.ч. **ǰьтq* 'брать', 'взять', 'схватить; поймать', 'начать', восходящего к и.-е. корню **em-*: **em-*: **m-* 'брать', 'принимать', 'покупать' (Berneker I, 430; Brückner 1974, 202-203; Pokorny I, 310-311; Фасмер IV, 569-570; Fraenkel I, 184-185; ЭССЯ 6, 71).

В древнерусской письменности *разняти*, *розняти* в значении 'разобрать, расчленив' встречается со второй половины X в. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 231). В интересующем нас значении наиболее ранняя иллюстрация в историческом словаре датируется 1621 г. (там же, 232). Мы обнаружили *розняти* 'разрешить спорное дело, прекратить спор' в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. и Швецией в середине XVII в., в последнем случае затрагиваются также отношения МГ с Польшей. Таким образом, наши данные позволяют более чем на десятилетие удревнить хронологию анализируемого значения в русском письменном языке. Что касается дальнейшей судьбы *разняти*, *розняти* в исследуемом значении, то далее XVII в. история его для русского языка не прослеживается. Как, впрочем, не отмечается это значение и в лексикографических источниках, регистрирующих белорусский и украинский языки XVIII-XX вв. Не располагаем мы пока и информацией о наличии этого глагола в значении 'разрешить спорное дело, прекратить спор' и в текстах на «простой мове», хотя, судя по первому из исследуемых нами актов, он мог наблюдаться там в XVI-XVII вв.

Изложенное выше, на наш взгляд, дает определенные основания для предположения, что возможным источником интересующего нас значения в

русском является польский язык. И действительно, в памятниках польской письменности *rozjać* ‘rozsądzić, rozstrzygnąć, pojednać, załagodzić; uśmierzyć, rozdzielić, rozbroić, rozbronić’ засвидетельствовано с середины – второй половины XVI в. и в указанном значении бытовало и в XVII-XIX вв. (Reczek 1968, 420; Linde V, 80; Karłowicz V, 623). В словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «daw.» (SłJP VII, 1148).

Сопоставление приведенного выше материала, по нашему мнению, позволяет сделать заключение, что в русском письменном языке XVII в. *розняти* ‘разрешить спорное дело, прекратить спор’, вероятнее всего, является семантическим полонизмом.

РОЗОРВАТИСЯ (2) *сов.* Прерваться, прекратиться; расстроиться, нарушиться (о каких-л. процессах, событиях, отношениях, связях); прийти в состояние анархии, беспорядка, хаоса: *Да на том де розорвался сойм, а розорвал де падчашей Януш Родивил* (Сб.РИО 142, 576, 1614-1615 гг.). *А в констытуцые де им при короле отказано, что сойм нынешней за некакую незгодою розорвался и констытуцьи нынешняго сойму не будет* (ВУР 3, 172 (82), 1652 г.).

Это слово является постфиксальным образованием от префиксального (префикс **orz-*) глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **r̥vati*, 1л. ед.ч. **r̥vǫ* (корень **r̥v-*) ‘рвать, разрывать; прерывать’ < и.-е. корень **ruǵ-*: **reǵ-*: **reǵǝ-* ‘разрывать, раздирать’, ‘вырывать’, ‘отрываться от’, ‘рыть, копать’ (Bogus 2005, 528; Brückner 1974, 470; ИЭССЯ II, 100-101; Pokorný I, 868; Преображенский II, 187-189; Фасмер III, 452; Fraenkel II, 708-709).

В памятниках русской письменности *разорватися*, *розорватися* впервые отмечается со второй половины XV в. в значении ‘распасться на части при взрыве, лопнуть от напора изнутри’ (Срезневский III, 50; СлРЯ XI-XVII вв. 21, 235). В интересующем же нас значении ‘прерваться, прекратиться (о каких-л. отношениях, связях)’ этот глагол в историческом словаре представлен единственной иллюстрацией 1697 г. из *Писем и бумаг Петра Великого* (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 236). И далее *разорв́аться* в указанном значении, квалифицируемом как переносное и используемом лишь для характеристики

связей и отношений между людьми, мы находим уже только в словаре, регистрирующем современный русский язык (ССРЛЯ 12, 471, 517).

Нам *розорватися* встретилось в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале и середине XVII в., что позволяет весьма существенно передвинуть нижнюю границу хронологии анализируемого значения. История этого значения в русском языке, характер памятников, на которые приходится наиболее ранние его фиксации, – все это наводит на мысль о возможном семантическом заимствовании из польского. Тем более что семантическим полонизмом, по мнению В.Витковского (1999, 159; 2006, 178), является и глагол *разорвати*, *розорвати* в мотивирующем значении ‘прекратить (какие-л. отношения, связи); внести анархию во что-л.’, проникший в русскую письменность в конце XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 235).

Если обратиться к польскому языку, то здесь уже в старопольских источниках конца XV в. *rozerwać* засвидетельствовано в контексте следующего содержания: «Wsgardzyczyely moya prawa ..., roszerwyeczely vklad⁹⁶ moy (si ... ad izzitum perducatis pactum meum) ya tesz tho wam wczynycz chczą» (SłStp VII (7), 520). А с XVII вв. и в составе сочетаний *rozerwać*, *ligę*, *pokój*, *przyjaźń*, *traktat*, *sejm* ‘nie dotrzymać czegoś, zerwać co; przerwać obrady sejmowy; nie dopuścić do powzięcia uchwał na sejmie’, которые бытовали еще и в польском языке XIX – начала XX в. (SłPaska II, 325, 359; Linde V, 74; Karłowicz V, 607; SłJP VII, 1121).

Что касается постфиксального образования *rozerwać się*, то уже с 60-х гг. XVI в. оно наблюдалось в значении ‘poróżnić się’, а с начала XVII в. и в интересующем нас употреблении («... seymu się rozrywaią...»), которое, по имеющейся у нас на данный момент информации, фиксировалось в текстах лишь на протяжении этого столетия (Reczek 1968, 418; SłPaska II, 326, 332).

В письменности ВКЛ конца XV в. в анализируемом значении обнаруживается *розорвати* («Братскоую приязнь *розірвати*...»), причем единичный случай в документе, исходящем из Польши (ССМ XIV-XV ст. 2, 298). В значении ‘разорвать; нарушить’ этот глагол был известен и в памятниках на «простой мове» XVI-XVII вв., язык которых в значительной степени полонизирован (Тимченко 2, 284). Со второй четверти XVII в. в

⁹⁶ Vklad – это *układ* ‘umowa, ugoda, przymierze, pactio, foedus’, которое в старопольском с середины XV в. (SłStp IX (5), 361).

«простой мове» выявляются и единичные употребления постфиксальной формы *розорватися* в интересующем нас значении в актах, язык которых насыщен полонизмами (Бурячок 1983, 89). Однако в лексикографических источниках, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., она уже не фигурирует. В словарях современного белорусского (*разарва́цца*) и украинского (*розірва́тися*) языков глагол представлен так же, как и в современной русской лексикографии (ТСБМ 4, 567; СУМ VIII, 791).

Итак, приведенный выше материал позволяет, на наш взгляд, квалифицировать *розорватися* ‘прерваться, прекратиться; расстроиться, нарушиться (о каких-л. процессах, событиях, отношениях, связях); прийти в состояние анархии, беспорядка, хаоса’ как семантический полонизм в русском письменном языке XVII в. Вопрос же о возможной посреднической роли «простой мовы» в этом процессе остается пока открытым, поскольку здесь глагол, по имеющимся пока данным, регистрируется позже, чем в русской письменности.

РОЗРЫВАТИ (1) *несов.* Рвать, прекращать; расстраиваться, нарушать (какие-л. отношения, связи): *И о тѣх о спорных землях по сыску рубеж учинити, и то дѣло в рубежахъ довершити; а тѣми дѣлы перемирья не нарушивати и не розривати* (Сб.РИО 137, 71, 1600-1601 гг.).

Этот глагол представляет собой итератив к *розорвати* (о его происхождении см. выше, с. 203 данной работы).

По данным исторического словаря, *разрывать*, *розрывать* впервые фиксируется в русской письменности в памятнике середины XVI в., цитируемом по списку XVII в., в значении ‘разрывать, прорывать’, в значении же ‘внезапно и резко рвать, прекращать (какие-л. отношения, связи)’ указанный глагол в том же источнике иллюстрируется единственным примером 1697 г. из *Писем и бумаг Петра Великого* (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 246). Таким образом, обнаруженное нами употребление *розривати* в дипломатическом акте начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ позволяет значительно удревнить хронологию исследуемого значения в русском языке. В переносном значении ‘прерывать, прекращать; нарушать действие, течение того, что связывает, скрепляет определенные отношения’ *разрыва́ть* продолжает активно

употребляться в русском языке до нашего времени (САР V, 894-895; Даль IV, 44; ССРЛЯ 12, 514).

Учитывая обстоятельства появления *розривати* 'рвать, прекращать; расстраивать, нарушать (какие-л. отношения, связи)' в русском письменном языке, а также то, что полонизмом считается мотивирующий его глагол *разорвати, розорвати* 'прекратить (какие-л. отношения, связи); внести анархию во что-л.' (Witkowski 1999, 159; 2006, 178), мы склонны квалифицировать как семантический полонизм и *розривати* в упомянутом выше значении.

Так, в польских памятниках *rozrywać* в переносном значении 'rozdwajać, roznić, kłócić, waśnić' известно с XVI в., а в XVI-XVII вв. этот глагол наблюдался и в значении 'zrywać coś' в составе сочетаний *rozrywać przyjaźń, pokój, traktat, sejm* (Reczek 1968, 425; Linde V, 74; Karłowicz V, 607, 690). Такое употребление для *rozrywać* было характерно в польском языке до начала XX в. (SJP VII, 1121).

В «простой мове» *розривати* 'нарушать' засвидетельствовано также с XVI в., причем в XVI-XVII вв. этот глагол в данном значении очень часто наблюдался в текстах, испытавших сильное польское влияние (СМС 2, 182; Тимченко 2, 284). Далее находим эту лексему в анализируемом значении в словарях, регистрирующих украинский (*розривати*) язык XIX-XX в., и в словаре современного белорусского языка (*разрываць*) языка (Гринченко II, 565; СУМ VIII, 790; ТСБМ 4, 568, 624).

Сопоставление вышеизложенной информации, на наш взгляд, служит подтверждением того, что в русский письменный язык XVII в. исследуемое значение глагола *розривати* было заимствовано из польского. Не исключено, что таково же происхождение этого значения и в «простой мове», которая в таком случае могла выступать в роли посредника. На что, кстати, указывают и данные А.А.Бурячка (1983, 88).

СОРВАТИ (1) *сов.* Нарушить ход, течение чего-л.; помешать осуществлению, выполнению чего-л.: *Онъ ... держит их с одну сторону паповых недруги рымского единъ и прямой антихристъ, з другую недруги короля испанского, иже хочет сорват поволности у всех народех земных и*

покорити ихъ подъ свою неволю и свирепство (Сташевский 1913, 31 (9), 1631 г.).

Эта лексема образована путем префиксации от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **rъvati*, 1 л., ед.ч. **rъvъ* ‘рвать, разрывать; прерывать’ (подробнее о его происхождении см. выше, с. 203 данной работы).

Съръвати ‘рывком отделить что-л. приклепленное, сорвать’ засвидетельствовано в древнерусском памятниках с XIV в. (Срезневский III, 817; СлРЯ XI-XVII вв. 26, 177). В анализируемом значении этот глагол, по нашим сведениям, начинает регистрироваться в лексикографических источниках русского языка только в XX в. (ССРЛЯ 14, 665-666). Мы обнаружили *сорвати* ‘нарушить ход, течение чего-л.; помешать осуществлению, выполнению чего-л.’ в переводном дипломатическом акте, фиксирующем контакты МГ с Римской империей, а также с Польшей и ВКЛ в первой половине XVII в. Имея в виду это, а также то, что *рвати*, *ръвати* пока не было отмечено в русском письменном языке в значении, которым мог бы быть мотивирован рассматриваемый нами глагол, по нашему мнению, есть достаточные основания для предположения о возможном семантическом заимствовании из польского.

В польской письменности и *rwać* и *zerwać* в значении ‘*unięważyć co, przerwać trwanie czego; naruszyć warunki umowy, uniemożliwić wykonanie czego*’ известны, по меньшей мере, с начала XVII в., причем последнее вот уже на протяжении четырех столетий входит в активный состав польской лексики и последовательно представлено в польской лексикографии, отражающей язык XVII-XX вв. (SiPaska II, 359, 735; Linde VI, 995; Karłowicz V, 780; VIII, 446; SiJP X, 1015).

В текстах на «простой мове» со второй половины XVI в. встречается глагол *зорвати* в прямом значении ‘*рэзкім рухам зняць што-н. надзетае, прымацаванае і пад.*’, со второй четверти XVII в. – глагол *зервати* ‘сарваць’ и только в переносном употреблении, а с третьей четверти того же столетия наблюдается образованное от него причастие в составе словосочетания *при зерваномъ сеймъ*, при этом указанные лексемы в историческом словаре белорусского языка иллюстрируются единичными примерами из источников,

язык которых насыщен полонизмами (ГСБМ 13, 148-149; там же 12, 227). В лексикографии, включающей словарный запас белорусского и украинского языков XVIII-XIX вв., анализируемый глагол в исследуемом значении не фигурирует. Однако в словаре современного белорусского языка уже находим *sarváć* ‘парушиць ход чаго-н.; не даць ажыццявіць, выканаць што-л.’, а в словаре современного украинского языка – *зривати, зірвати* ‘перешкоджати, здійсненню, виконанню, проведенню чого-н.’ (ГСБМ 5(1), 62; СУМ III, 702).

Судя по приведенным выше данным, имеются достаточно веские доказательства того, что интересующее нас значение глагола *сорвати* в русский письменный язык первой половины XVII в. проникло из польского. Что касается происхождения этого значения в других восточнославянских языках, то в «простой мове» само слово *зорвати* в прямом значении ‘рвучко відокремнити що-небудь прикріплене, зірвати’, учитывая комментарий, которым оно сопровождается в историческом словаре украинского языка («стп. *zerwać*»), является лексическим заимствованием из польского в конце XVI – начале XVII в. (СУМ XVI - I пол. XVII ст. 11, 233), а в изучаемом нами значении – это уже семантическая калька. Таким образом, «простая мова», вероятнее всего, выступала в роли посредника в процессе заимствования этого значения русским языком.

СПРАВИТИСЯ (2) *сов.* Узнать что-л., осведомиться, справиться о чем-л.; свериться, соотнести свои действия с чем-л.: *И послы говорили: тому ужь 3-й год, какъ тѣ товары поиманы у тѣхъ людей, и росписи у них пограблены, и справитца им подлинно нѣ по чему, а на усть написати не упомяят* (Сб.РЮО 137, 680, 1607-1608 гг.). *Будеть де прежніе воеводы на приѣздѣ стрѣльцомъ зелье и свинець давали, и онъ де о том велить справитца* (Якубов 1897, 329, 1650 г.).

Эта лексема представляет собой постфиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **praviti* ‘делать прямым, выпрямлять, выравнивать’, ‘делать правильным, точным, четким; делать соответствующим, подходящим; исправлять’, отыменному суффиксальному деривату от **pravъ* ‘прямой; точный, четкий; правильный, верный; соответствующий, подходящий’ < и.-е.

база **prō-цo* с первичным значением 'идуший впереди, вперед' > 'прямой' > 'правильный' (Boryś 2005, 480, 481; Brückner 1974, 435-436; Преображенский II, 121; Фасмер III, 352).

Наиболее ранняя регистрация глагола *справитися* в русской письменности в значении 'исполниться, осуществиться' датируется 1588 г. и приходится на дипломатический акт по связям с Римской империей (СлРЯ XI-XVII вв. 27, 84). В интересующем нас значении, согласно данным исторического словаря, он впервые отмечается в 1656 г. (там же). Таким образом, обнаруженные нами случаи употребления *справитися* 'узнать что-л., осведомиться, справиться о чем-л.; свериться, соотнести свои действия с чем-л.' в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также со Швецией, позволяют существенно, почти на полстолетия, передвинуть нижнюю границу появления значения в русском письменном языке. В русской лексикографии форма имперфекта в упомянутом выше значении регистрируется в словаре, включающем лексический запас XVIII в., а в XIX-XX вв. в лексикографических источниках представлены уже и *справля́ться*, и *спра́виться* (САР VI, 444; Даль IV, 298; ССРЛЯ 14, 579-580).

Обстоятельства появления анализируемого значения у глагола *справитися* в русском языке наводят на мысль о возможной его неисконности. Так, если обратиться к польскому языку, то здесь *sprawić się* в значении 'poinformować się, dowiedzieć się, zasięgnąć wiadomości, przekonać się' было известно, по меньшей мере, со второй половины XVI в. и бытовало в XVI-XVII вв., однако в словаре, отражающем польский язык XIX в., оно уже снабжено пометой «staropolski» (Linde V, 369; Karłowicz VI, 347).

В памятниках ВКЛ XVI в. выявляется *справитися* в значении 'разведать' (СМС 2, 249). Далее анализируемый глагол в интересующем нас значении находим уже в словарях современного белорусского (*спра́віцца*) и украинского (*спра́витися*) языков (ТСБМ 5(1), 273; СУМ IX, 593).

Итак, сопоставление изложенного выше дает, на наш взгляд, дает определенные основания, чтобы считать *справитися* в восточнославянских языках семантическим полонизмом, так как в староукраинском языке сама лексема встречается уже с XV в. (см. ниже, с. 304 данной работы), а в старобелорусском языке она в XVI в. наблюдается в нескольких значениях

(СМС, там же). В русский письменный язык XVII в. это значение могло проникнуть благодаря посредничеству «простой мовы».

ТЕШИТИ (1) *несов.* Развлекать, занимать; забавлять, веселить, радовать: *Елисавет-королевна ... приказала мне: а велела мне вас тешить в своих заповедных островах ...* (ПРП, 197, 1600-1601 гг.).

Анализируемый глагол имеет общеславянское распространение и соответствия в балтийских языках и восходит к праслав. каузативу **těšiti* ‘успокаивать’, ‘утолять, смягчать’, ‘унимать, усмирять’, суффиксальному образованию, связанному чередованием гласных с праслав. **tichъ(jь)* ‘успокоенный, удовлетворенный’, ‘мирный’ < ‘правый; правильный’, ‘прямой’ < и.-е. корень, возможно, **tejs-*: **tojs-* ‘исправлять, починять’, ‘улучшать’, ‘направлять’, ‘готовить, подготавливать’, ‘правый; правильный’ (Bańkowski 1, 187; Boryś 2005, 82; Brückner 1974, 61; ИЭССРЯ II, 243; Sławski I (1), 101; Фасмер IV, 56; Fraenkel II, 1051, 1073-1074).

В древнерусских памятниках *тѣшити* впервые представлено в XI в. в значении ‘ободрять’, с XII в. – в значении ‘гладить’, а с XV-XVI вв. в русской письменности – и в значении ‘утѣшать, успокаивать’ (Срезневский III, 1095-1096). По имеющейся у нас на данный момент сведениям, *тешит* в значении ‘забавою радует’ в русской лексикографии регистрируется с 30-х гг. XVIII в. (ССРЛЯ 15, 430). И с этого времени на протяжении уже почти трех столетий этот глагол продолжает фиксироваться в словарях русского языка в значении ‘развлекать, занимать; забавлять, веселить’ (САР VI, 834; Даль IV, 450; ССРЛЯ 15, 429).

Наши материалы показывают, что *тешити* в исследуемом значении появляется в русском письменном языке значительно раньше (более чем на полтора столетия), чем он начинает отмечаться в лексикографических источниках. Мы обнаружили эту лексему в анализируемом значении в дипломатическом документе начала XVII в., отражающем контакты МГ с Англией, где большое место отводится также и описанию отношений первого субъекта с Польшей. Учитывая этот факт и значительный временной разрыв между регистрацией *тешити* ‘развлекать, занимать; забавлять, веселить, радовать’ в письменных источниках и включением его в словари, можно

предположить, что в течение, по меньшей мере, первой половины XVII в. этот глагол в упомянутом значении не был распространен, а отмечались лишь единичные его употребления. Все это, по нашему мнению, может свидетельствовать о неисконности значения для русского языка, а источник его, видимо, следует искать в польском.

В старопольских же текстах *cieszyć* в значении ‘*radować*’ известно со второй половины XV в. (SłStp I (5), 305). Со второй половины XVI - начала XVII вв. эта лексема встречается уже в более широком значении ‘*weselić, rozweselać, radować, zabawiać*’, в котором она бытовала и в XVIII-XIX вв. (SłPXVI, III, 503; Linde I, 305; Karłowicz I, 333). В словаре современного польского языка находим *cieszyć* ‘*sprawiać radość, radować, weselić, zabawiać, rozweselać*’ (SłJP I, 999).

С первой половины XVI в. *тешити* ‘пацяшаць’ засвидетельствовано в старобелорусских текстах и, судя по контекстам, именно в значении ‘весьляць, забаўляць’ (СМС 2, 279; Тимченко 2, 407). И хотя в памятниках на «простой мове» XVII в. *тѣшити* выявлено пока только в значении ‘утешать’ (Тимченко, там же), это, на наш взгляд, объясняется скорее ограниченностью иллюстративной базы в работе указанного автора, нежели отсутствием интересующего нас значения у глагола в этом языке. Тем более что в украинском языке XIX в. *тішити* наблюдалось в значении ‘доставлять удовольствие, радость’ (Грінченко II, 777). И в словарях современных белорусского и украинского языков, глагол подается следующим образом: *цешыць* ‘забаўляць, пацяшаць’ и ‘прыносіць асалоду, задавальненне; радаваць’ и *тішити* ‘робити комусь приємність, бути комусь втіхою; радувати кого-н.’ и ‘розважати, звеселяти’ (ТСБМ 5 (2), 242; СУМ X, 150).

Резюмируя анализ вышеизложенной информации, мы склоняемся к мнению, что в русском языке *тешити* ‘развлекать, занимать; забавлять, веселить, радовать’ – семантический полонизм. Таково же, вероятно, происхождение значения и в «простой мове», которая в этом случае могла играть роль посредника, способствовавшего проникновению значения в русский письменный язык XVII в.

ТЪШИТИСЯ, ТЕШИТИСЯ (4) *несов.* Проводить время в забавах, увеселениях, развлекаться, веселиться (гулять): *Князей въ Дрезнь нѣтъ поѣхали на поле тѣшитися ...* (ДРВ (2) 12, 216, 1599 г.). *Елисавет-королевна ... приказала мне: а велела мне вас тешить в своих заповедных островах, где сама тѣшитца ...*(ПРП, 197, 1600-1601 г.). *И князь Григорей и Ондръй говорили паном-раде: для чего та стрельба? Будет король тѣшитца, и то въ его воле; а будет насъ дя, и нам то не диво ...*(Сб.РИО 137, 319, 1606-1607 г.). *Коли де король ихъи тѣшитца, и у него такая казна выдетъ и в одинъ вечеръ ..., а что говорите: столько денегъ выдетъ у короля вашего на пиру в одинъ вечеръ, ... скоро такъ государю вашему и все свое государство пропировать ...* (Якубов 1897, 6, 1617 г.).

Эта лексема представляет собой постфиксальный дериват от *тѣшити*, *тешити* (о его происхождении см. выше, с. 210 данной работы).

В древнерусской письменности *тѣшитися* ‘утѣшаться, получать утѣшеніе’ известно с XII в. (Срезневский III, 1096). И.И.Срезневский предполагал, что с этого же времени данная лексема могла употребляться и в значении ‘радоваться’, однако по приводимому им единственному контексту это сложно установить однозначно и уверенно (там же). Видимо, по этой причине П.Я.Черных в своем *Историко-этимологическом словаре современного русского языка* (II, 243) не учитывает значение ‘радоваться’ для *тѣшитися*, хотя в связи с другими значениями этого глагола он ссылается на И.И.Срезневского. По той информации, которой мы располагаем в настоящее время, в интересующем нас значении анализируемый глагол в русской лексикографии регистрируется со второй половины XVIII в. и продолжает бытовать до сих пор (САР VI, 834; Даль IV, 450; ССРЛЯ 15, 430, 431).

Таким образом, обнаруженные нами употребления *тѣшитися*, *тешитися* ‘проводить время в забавах, увеселениях, развлекаться, веселиться (гулять)’ в дипломатической корреспонденции конца XVI – первой четверти XVII в. пока следует считать наиболее ранними фиксациями этого значения в русском письменном языке. При этом два первых случая приходятся на документы по связям МГ с Римской империей и Англией, но в них много внимания уделяется и отношениям первого субъекта с Польшей, а их язык в

значительной степени насыщен полонизмами. Третий случай вообще выявлен в акте по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а последний – по сношениям со Швецией.

Принимая во внимание исторические обстоятельства появления *тѣшитися*, *тешитися* в исследуемом значении в русской письменности, а также то, что мотивирующий его глагол *тѣшити*, *тешити* в соответствующем значении, по нашему мнению, является полонизмом, мы и здесь склонны усматривать польское влияние. В старопольских же памятниках *cieszyc się* ‘gaudēre’ засвидетельствовано с середины XV в. (SłStp I (5), 305). И в XVI в. эта лексема отмечалась в значении ‘weselić się, radować się, być zadowolonym’ (SłPXVI, III, 504). С конца XVI – начала XVII в. она наблюдается также и в значении ‘bawić się’ (SłPaska I, 90). В лексикографических источниках, отражающих польский язык XVIII-XX вв., находим *cieszyc się* ‘doznawać radości, zadowolenia; radować się, weselić się’ (Linde I, 305; Karłowicz I, 3331 SłJP I, 999). Из этого следует, что с XVIII в. объем значений этого глагола несколько сужается: до того, который был характерен для него во второй половине XV – первой половине XVI в.

В старобелорусских текстах первой половины XVI в. фиксируются единичные случаи *тешитися* в значении ‘забаўляцца, весяліцца’ (СМС 2, 279). В значении ‘радоваться’ этот глагол был представлен в «простой мове» XVII в. и в украинском языке XVIII-XIX вв. (Тимченко 2, 407; Грінченко II, 777). А в современном украинском языке *тішитися*, помимо этого значения, бытует также и в значении ‘розважатися, мати з чогось забаву’ (СУМ X, 151). И в словаре современного белорусского языка *цешыцца* фигурирует в значениях ‘пацяшацца, забаўляцца’ и ‘мець асалоду, задавальненне ад чаго-н.; радавацца чаму-н.’ (ТСБМ 5 (2), 242).

Итак, приведенные выше сведения из истории глагола *тѣшитися*, *тешитися* в анализируемом значении в восточнославянских и польском языках дают, на наш взгляд, определенные основания, чтобы трактовать его как семантический полонизм в русском языке. Не исключено, что такова же природа этого значения и в «простой мове», которая в таком случае могла выступать в роли посредника в процессе семантического заимствования русским письменным языком конца XVI – начала XVII в.

ТРАТИТИ (1) *несов.* Истреблять, уничтожать, губить; вызывать чью-л. гибель, смерть; убивать: *А з гетманом Богданом Хмельницким король и паны рада хотят быти в згоде, для того чтоб с обе стороны не тратити людей и чтоб впредь было с кем битца против турецкого салтана ...* (ВУР 3, 296 (166), 1653 г.).

Данный глагол, имеющий общеславянское распространение и соответствия в некоторых и.-е. языках, восходит к праслав. **tratiti*, 1 л. ед.ч. **tratjǫ* ‘истреблять, губить’, ‘уничтожать’, ‘разрушать, разорять; опустошать’, ‘тратить, растрчивать; расходовать’, ‘использовать’ (первоначальное значение, очевидно, ‘растирать, раздроблять, размельчать’ в этимологическом отношении трудное слово, и.-е. базу которого большинство исследователей видит в **trō-t-*: **ter-t-*, образованном от и.-е. корня **ter-*(:**tor-* :*tr-*): **terǝ-*: **trī-* ‘тереть; растирать’, ‘оттачивать’ (Boryś 2005, 639; Brückner 1974, 575; ЕСУМ 5, 623; ИЭССРЯ II, 237-238, 258-259; Pokorný I, 1071-1072; Фасмер IV, 47-48, 94-95; Fraenkel II, 1132).

В памятниках древнерусского языка эта лексема не засвидетельствована. В русской письменности *тратити* ‘терять, утрачивать, лишаться чего-л.’ впервые выявляется в конце XV в. в дипломатическом акте, отражающем контакты МГ с ВКЛ (Сб.Муханова 1866, 94; Кочин 1937, 365). В русской лексикографии этот глагол в значении ‘изнуряти, истрошати (истрачивать)’ фиксируется с первой половины XVIII в. (Поликарпов 1704, 131; Вейсманов Лекс. 1731, 362). В словарях XIX в. *трáтить* фигурирует в значении ‘издерживать, расходовать, потреблять что’, а в словаре современного русского языка – в значении ‘терять, утрачивать, лишаться кого-, чего-л.’, под которым приводятся устойчивые сочетания: *тратить людей, чью-л. жизнь* (САР VI, 764; Даль IV, 426; ССРЛЯ 15, 838). Это последнее употребление очень близко к интересующему нас, однако не идентично.

Таким образом, обнаруженный нами случай использования *тратити* в значении ‘истреблять, уничтожать, губить кого-л.; вызывать чью-л. гибель, смерть; убивать’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. пока следует считать наиболее ранней его

фиксацией в русском письменном языке. Изложенное выше наводит на мысль, что это значение, вероятнее всего, было заимствовано.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *tracić* ‘przestać coś mieć, rozbuwać się czegoś’ в старопольских текстах наблюдается с середины XV в. и бытует в этом значении до настоящего времени (SłStp IX (3), 179; SłJP IX, 208). Со второй половины XVI – начала XVII в. этот глагол отмечается и в значении ‘niszczyć, gubić, gładzić, tępić, trzebić; powodować utratę czyjego życia, zabijać’, в котором он употреблялся в XVII-XIX вв. (Linde V, 642-643; SłPaska II, 498; Karłowicz VII, 90). В словаре современного польского языка *tracić* в этом значении уже снабжено пометой «daw.» (SłJP IX, 209).

С первой четверти XVI в. *trąтити* в значении ‘перажываць, пакутваць, мучыцца’ появляется в старобелорусских текстах (СМС 2, 285). Со второй половины XVII в. этот глагол встречается в «простой мове», и в значениях ‘терять, утрачивать’ и ‘убивать, казнить’, причем в последнем – в источнике, язык которого испытал польское влияние (Тимченко 2, 397). *Тра́циць* ‘лишать жизни’ было известно в белорусском языке XVIII-XIX в. и в украинском языке XIX в. находим *тра́тити* ‘казнить, лишать жизни’ (Носовичь 1870, 638; Гринченко II, 789). В современной белорусской и украинской лексикографии анализируемая лексема в интересующем нас значении уже не представлена.

На наш взгляд, имеющая у нас информация позволяет сделать заключение о том, что *trąтити* в исследуемом значении в восточнославянских языках можно квалифицировать как семантический полонизм, проникновению которого в русский письменный язык XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

УПРОСИТИ (7) *сов.* Упросить, умолить о чем-л.; выпросить что-л.; настойчивыми просьбами добиться чего-л.: *И мы б его государя о том просили, чтоб онъ то отставил, и чаяли б того, чтоб то у его королевские милости упросили ...* (Сб.РИО 137, 457, 1607-1608 гг.). *Многіе люди ... царю Василью согрубили и, съѣзжаяся говорили: будетъ они у царя Василья упроятъ, что онъ, для крестьянского покою, государство отставитъ, и учнутъ государя обирать ...* (РИБ 16, 443 (99), 1613 г.). *И из них де одново человека от смертной казни упросил канцлер Якуб Жадик, а другово де отпросили*

сенатори (ВУР 1, 165 (97), 1636 г.). РИБ 16, 689 (133), 1637 г.; АЮЗР 3, 301, 1649 г.; Якубов 1897, 326, 1650 г. *А по утверждении мира ... может и его милость пан Хмельницкой чего восхоцет от поляков упросити, понеже удобнее в то время о том будет ...* (ВУР 3, 265 (153), 1653 г.).

Этот глагол представляет собой префиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **prošiti*, 1 л. ед.ч. **prošǫ* (< **prošjǫ*) ‘просить; спрашивать; требовать’ < и.-е. корень **prek’-* (: **perk’-*: **prk’-*) ‘просить, спрашивать’ (Bańkowski 2, 786; Boryś 2005, 484; Brückner 1974, 438; Преображенский II, 131-132; Фасмер III, 377-378; Fraenkel I, 647).

В древнерусской письменности *упросити* в значении ‘спросить’ известно с середины XIII в. (Срезневский III, 1249). В лексикографических источниках в исследуемом нами значении оно отмечается с первой четверти XVIII в. и до сих пор активно употребляется в русском языке (САР VI, 1005; Даль IV, 504; ССРЛЯ 16, 771).

Мы обнаружили этот глагол в анализируемом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ (1607-1608 гг., 1613 г., 1636 г., 1649 г., 1654 г.), а также Данией (1637 г.) и Швецией (1650 г.). Как видим, хронологически первые случаи приходятся на документы, отражающие контакты именно с Польшей, их же на данный момент следует считать наиболее ранними фиксациями значения ‘упросить, умолить о чем-л.; выпросить что-л.; настойчивыми просьбами добиться чего-л.’ в русском письменном языке. Этот факт может свидетельствовать о неисконности значения для русского языка, хотя следует заметить, что в древнерусских памятниках со второй половины XI в. выявляется глагол *просити* в значении ‘молить; домогаться, требовать’ (Срезневский II, 1568), которым могло быть мотивировано соответствующее значение *упросити*. Однако развитие значения в самом русском языке, на наш взгляд, маловероятно, так как разница во времени между *просити* и *упросити* в аналогичном значении составляет более пяти столетий.

Если обратиться к польскому языку, то в старопольских текстах *uprosić* ‘uzyskać spełnienie prośby’ отмечается с начала XV в. и в значении ‘uzyskać co na skutek usilnej prośby; zobowiązać, skłonić kogo do czego prośbą’ продолжало

бытовать в XVI-XIX вв. (SłStp IX (6), 420; Linde VI, 74; SłPaska II, 548; Karłowicz VII, 336). И в словаре современного польского языка находим *uprosić* ‘uzyskać coś prosząc usilnie; ujać, zjednać, zobowiązać kogo prośbami’ (SłJP IX, 630).

Со второй половины XV в. *uprositi* ‘упросити (кого), выпросити (в кого)’ встречается в актах на староукраинском языке, в той или иной мере насыщенных полонизмами (ССМ XIV-XV ст. 2, 481). В интересующем нас значении глагол засвидетельствован и в старобелорусских источниках первой половины XVI в. (СМС 2, 317). В значении ‘выпросить’ *uprositi* наблюдалось и в «простой мове» в текстах, отражающих польское влияние (Тимченко 2, 436). *Uprosiuti* ‘упросить, умолить’ представлено и в словарях, регистрирующих украинский язык XIX-XX вв. (Грінченко II, 858; СУМ X, 470). В словаре современного белорусского языка *uprasić* также фигурирует в значении ‘настойліва просячы, угаварываць зрабіць што-н., схіліць да чаго-н.’ (ТСБМ 5 (2), 39).

Таким образом, судя по хронологическим данным и характеру памятников, в которых *uprositi* в изучаемом значении впервые появляется в восточнославянских языках, есть основания предполагать, что мы имеем дело с полонизмом. При этом в русском языке, очевидно, с семантическим, а в других восточнославянских языках, возможно, и с лексическим, поскольку именно в этом значении, по имеющимся в настоящее время сведениям, лексема здесь фиксируется впервые. «Простая мова» могла выступать в роли посредника при заимствовании интересующего нас значения *uprositi* русским письменным языком XVII в.

УПРОШАТИ (2) *несов.* Упрашивать, умолять о чем-л.; выпрашивать что-л.; усиленно просить о чем-л., настойчивыми просьбами добиваться чего-л.: *И ты бѣ пожаловаль, у Государя то мнѣ помѣстейцо упрошалъ ...* (АИ 2, 138 (108), 1608 г.). *Митрополит де ваш тово упрошалъ у короля нашего, чтоб писать к сыну своему, а к вашему государю; и король де ему поволит писать ...* (Сб.РИО 142, 579, 1614-1615 гг.).

Данная лексема является суффиксальным производным от префиксального глагола *uprositi*, то есть возникла в результате вторичной

имперфективации, хотя нельзя исключать и возможности префиксального способа ее образования от глагола, восходящего к праслав. **prašati* (< **prasjati*): **prositi* ‘просить; спрашивать; требовать’ (о его происхождении см. Bańkowski 2, 760, а также с. 215 данной работы).

В древнерусских памятниках *упрашати* ‘спрашивать’ впервые засвидетельствовано в тексте *Повести временных лет* первой четверти XII в., известном по списку второй половины XIV в., а опубликованному по списку XV в. (Срезневский III, 1249). В интересующем же нас значении этот глагол регистрируется в русской лексикографии в начале XVIII в. (Поликарпов 1704, 144), однако далее первой половины этого столетия судьба такой формы имперфекта пока не прослеживается, так как уже с середины XVII в. она начинает уступать место форме *упрашивати* в том же значении, бытующей до сих пор (САР VI, 1005; Даль IV, 504; ССРЛЯ 16, 771).

Нами *упрашати* в анализируемом значении было дважды обнаружено в документах, отражающих дипломатические контакты МГ с Польшей и ВКЛ в первой четверти XVII в. В настоящее время указанные случаи следует считать наиболее ранними фиксациями этого значения в русском письменном языке. Как и в связи с историей *упросити* в аналогичном значении, мы склоняемся к гипотезе о семантическом заимствовании из польского.

Здесь *upraszać* ‘prosić usilnie, bardzo prosić, prosić z naleganiem by uprosić, dopraszać się’ наблюдается в письменных источниках, по меньшей мере, со второй половины XVI - начала XVII вв. и употреблялось на протяжении XVII-XIX вв. (Bańkowski, там же; Linde VI, 74; SłPaska II, 547; Karłowicz VII, 336). В словарях современного польского языка *upraszać* представлено следующим образом: ‘uzyskiwać, otrzymywać coś prośbami’ и ‘prosić usilnie o coś’, последнее – в сопровождении пометы «gzad.» (SłJP IX, 627; SłJP 1983, III, 611).

В письменности ВКЛ *въпрашати, вопрошати, прашати, упрашати, вопрошати, впрошати* с конца XV в. выявляется в значении ‘питати, запитувати’, а с первой половины XVII в. – и в значении ‘просити’, которое в историческом словаре украинского языка, иллюстрируется единственным примером из сильно полонизированного текста на «простой мове» (ГСБМ 4, 185, 245; СУМ 16 – I пол. 17 ст. 4, 230; там же 5, 3). В лексикографическом источнике, включающем состав белорусского языка XVIII-XIX вв., находим

упроша́ць ‘упрашивать’ (Носовичь 1870, 663). В словаре современного белорусского языка в этом значении фигурирует форма несовершенного вида *упрoшываць* (ТСБМ 5 (2), 40), а в словаре современного украинского языка - *упрoшивати*⁹⁷ (СУМ Х, 470).

Итак, как и в случае с *упросити* ‘упросить, умолить о чем-л.; выпросить что-л.; настойчивыми просьбами добиться чего-л.’, мы, опираясь на исторический критерий, считаем, что *упрошати* в том же значении в русский письменный язык и «простую мову» XVII в. было заимствовано из польского. При этом последняя, видимо, играла роль посредника в процессе заимствования значения русским языком. Помимо исторических данных, подтверждением нашей точки зрения могут служить еще и такие факты: во-первых, в древнерусской письменности со второй половины XIII в. фиксируется глагол *прашати, прошати* ‘просить, требовать’ (Срезневский II, 1374), которым мог бы быть мотивирован *упрошати* в соответствующем значении, однако их разделяет во времени более трех столетий, что ставит под сомнение возможность развития значения в самом русском языке; во-вторых, в историческом словаре украинского языка сама лексема *прашати* ‘(кого) просити, благати’ сопровождается комментарием «стп. *praszać*», указывающим на ее происхождение (ССМ XIV-XV ст. 2, 224).

УРОСТАТИ (1) *несов.* Возникать, начинаться, зарождаться; проистекать из чего-л., от чего-л.: *А именно больші всѣх говорили про товары моршалка Миколая Вольского, чтоб государь велѣль про то сыскать и нагородитъ, чтоб про то меж великих государей і меж государствъ нелюбие не уростало* (Сб.РИО 137, 356, 1606-1607 гг.).

Этот глагол образован путем имперфективации от префиксального глагола *урости*, восходящему к имеющего общеславянское распространение праслав. **orsti* (< **ordti*), 1 л. ед.ч. **orstŏ* ‘расти, вырастать’ < и.-е. база **er(ə)d(h)-* (: **ord-*) ‘высокий’, ‘расти’ (Boryś 2005, 518-519; Brückner 1974, 463; ИЭССРЯ II, 100; Rokorny I, 339; Преображенский II, 184-185; Фасмер III, 445-446).

⁹⁷ В современном белорусском и украинском языках эти формы, судя по акцентуации, по всей вероятности, не без влияния польского.

В дреснерусской письменности с конца XIV в. отмечается форма совершенного вида *урости* в значении 'обрости' (Срезневский III (доп.), 266). Форма же несовершенного вида *урастáю* 'ascresco (возрастать, увеличиваться, прибавляться)' впервые засвидетельствована в русской лексикографии в начале XVIII в. (Поликарпов 1704, 144). Анализируемый глагол бытует в русском языке до сих пор (ССРЛЯ 16, 813), но в интересующем нас значении он представлен лишь у Вл. Даля с пометой «стар.»: *урастáть* 'вырастать, раждаться (в переносном значении этих слов)' (Даль IV, 507).

Мы обнаружили *уростати* 'возникать, начинаться, зарождаться; проистекать из чего-л., от чего-л.' в дипломатической переписке начала XVII в. МГ с Польшей и ВКЛ. На данный момент этот случай следует считать наиболее ранней фиксацией указанного значения в русском письменном языке.

Характер самого памятника, а также история лексемы в исследуемом значении в русском языке, на наш взгляд, дают основания говорить о возможном семантическом калькировании, и вероятнее всего, с польского *urastać* 'zawiązywać się, powstawać, wynikać, wsczynać się, utworzyć się', известного с середины XVI в. и употреблявшегося до XIX в. (Linde VI, 83; Karłowicz VII, 352). В словарях современного польского языка глагол в этом значении уже не регистрируется.

В письменных источниках на «простой мове» *уростати*, *урости* в значениях 'возрастать, возрасти' и 'возникать, возникнуть, произойти' наблюдается с первой половины XVII в., причем в последнем значении глагол выявляется в сильно полонизированных текстах, а в историческом словаре украинского языка сама лексема сопровождается комментарием «пл. *urostać*», что, как правило, указывает на ее происхождение (Тимченко 2, 438)⁹⁸. Для белорусского языка судьба этого слова в анализируемом значении далее XVII в. не прослеживается, тогда как в словаре современного украинского языка *уростáти* фигурирует в значении 'з'являтися, виростати' (СУМ X, 481).

Приведенная выше информация, по нашему мнению, позволяет сделать следующее заключение: в восточнославянских языках мы, по всей вероятности, имеем дело с полонизмом, при этом в русском письменном языке XVII в., это, очевидно, семантическое заимствование, а в «простой мове», возможно, -

⁹⁸ Второе значение в этом словаре иллюстрируется примерами с глаголом только в форме перфекта.

лексическое. Однако нельзя исключать и того, что и в русском языке имперфект также лексический полонизм, поскольку пока до XVII в. встречалась только форма перфекта *урости*. В любом случае, проникновению либо значения, либо самой лексемы в русский язык, скорее всего, способствовала «простая мова».

УСТЫДИТИСЯ (1) *сов.* Почувствовать стыд, неловкость: *Я не устыжуся правды говорить ...* (Лыжин 1857, 235 (37), 1614 г.).

Анализируемая лексема является префиксальным⁹⁹ производным от постфиксального глагола, восходящего к праслав. **styděti(se)* ‘стыдиться’, связанному с имеющим общеславянское распространение праслав. **stydnaŋi* ‘становиться холодным; стыть, остывать’ и далее с праслав. **studiti* ‘охлаждать, холодить; остужать’, образованным, в свою очередь, от **studъ* (суф. *-d(ъ)*) ‘холод’ < и.-е. основа **steцѣ-* (: **staц-*: **stѣ-*: **stū-*) ‘сжиматься’, ‘сгущаться; уплотняться’, ‘пронзительный холод’ (Boryś 2005, 714; Brückner 1974, 635; ЭССРЯ II, 213, 214-215; Преображенский II, 406-407, 410; Фасмер III, 786-787, 789).

В древнерусских памятниках *устыдѣтися* в значении ‘устрашиться’ засвидетельствовано со второй половины XI в., а с середины XV в. в русский письменных источниках оно отмечается и в значении ‘проникнуться благоговением’ (Срезневский III, 1291). В русской лексикографии в интересующем нас значении *устыдѣтися* регистрируется с конца XVIII в. и в нем входит в активный лексический состав языка до сих пор (САР VI, 1041-1042; Даль IV, 516; ССРЛЯ 16, 1004). Таким образом, обнаруженное нами употребление *устыдѣтися* ‘почувствовать стыд, неловкость’ в дипломатическом акте первой четверти XVII в. по сношениям МГ с Англией, текст которого в значительной степени насыщен полонизмами, на данный момент следует считать одной из первых его фиксаций в русском письменном языке.

Особенности языка упомянутого документа, а также достаточно позднее появление *устыдѣтися* в изучаемом значении в лексикографических источниках может свидетельствовать о семантическом калькировании, и скорее

⁹⁹ В польском слово получило приставку *wz-* > *ws-*.

всего, с польского¹⁰⁰. Так, в старопольской письменности первой половины XV в. *wstydać się* было известно не только в значении 'lekać się', но и в значении 'odczuwać wstręt, wstyd, ěrűbescűre, pűdűre', а с середины XVI в. в значении 'doznawać uczucia wstydu' встречается уже и форма *wstydzić się*; обе эти формы использовались на протяжении XVI-XVIII вв. параллельно (SłStp X (5), 372; Boryś 2005, 713; Reczek 1968, 570; SłPaska II, 629-630; Linde VI, 338-339). В словаре, отражающем польский язык XIX в., *wstydać się* уже сопровождается пометой «mało używany», постепенно уступая место *wstydzić się*, в словаре современного польского языка представленному в значении 'odczuwać wstyd, krűpować się, żenować się', а *wstydać się* здесь снабжено пометами «daw. dziś gw.» (Karłowicz VII, 764; SłJP IX, 1351, 1353).

Со второй половины XVI в. *встыдатися, устыдатися* и *встыдитися, устыдитися* в значении '(кого, чого, за що, робити що) соромитися, встидатися' выявляются в «простой мове», причем первоначально в переводных или в значительной степени насыщенных полонизмами текстах; в этом значении глаголы бытовали здесь и в XVII в. (СУМ 16 - I пол. 17 ст. 5, 58, 59; ГСБМ 5, 27; Тимченко 1, 123). При этом в исследованиях по истории белорусского языка *встыдь* 'сорам' квалифицируется как лексический полонизм¹⁰¹ и в одном ряду с ним приводится однокоренной глагол *встыдатися* (Булыка 1972, 71). В белорусском языке XVIII-XIX вв. наблюдались лексемы *всты́дзицьца* 'краснűть отъ стыдливости' и *встыжűцьца* 'срамиться, приходить вь стыдь' (Носовичь 1870, 74), а в украинском языке XIX в. - *устидáтися* 'стыдиться' и *устидűтися* 'устыдиться, постыдиться' (Грінченко II, 869). В словаре современного белорусского языка анализируемая лексема уже вообще не фигурирует, тогда как в словаре современного украинского языка находим *устидáтися (встидáтися)* 'соромитися' с пометой «розм.» (СУМ X, 500).

Сопоставление изложенного выше, на аш взгляд, дает основания для вывода о том, что в русском языке исследуемое значение глагола *устыдитися*,

¹⁰⁰ Кстати, лексическими заимствованиями из польского во второй половине XVII в. (видимо, текстовыми, учитывая их единичность) считаются однокоренное существительное *встыдь* 'стыд, позор; срам' и глагол *встыдитися* 'почувствовать стыд, неловкость' (Witkowski 1999, 25; 2006, 26; Kochman 1973a, 93).

¹⁰¹ В польском языке *wstyd* с середины XVI в. (Reczek, там же), в «простой мове» *встыдь, встидь, устыдь* 'сорам' – с конца XVI в. (ГСБМ 5, 28; СУМ 16- I пол. 17 ст. 5, 59).

очевидно, является семантическим полонизмом, в «простой мове» не исключено и лексическое заимствование, учитывая то, что именно в этом значении слово зафиксировано здесь впервые, а также акцентуацию *встыдзицьца* в белорусском языке XVIII-XIX вв. «Простая мова» могла выступать в роли посредника в процессе заимствования значения русским языком.

ШИРИТИСЯ (2) *несов. Перен.* Распространяться, шириться: *A papa de римской безпрестани о том х королю и к сенаторем пишет чтоб унея ширилася и пространялася, а благочестивые бы церкви все перевестъ ...* (ВУР 2, 351 (144), 1650 г.). *Да и легат де папин ... о том королю и паном сенатарем говорил радети, чтоб больше ширилась и пространялась уния, а христианские б церкви все были переведены* (там же).

Эта лексема представляет собой постфиксальное производное от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **širiti* ‘делать шире; распространять, ширить, расширять’, образованному, в свою очередь, путем суффиксации от праслав. **širь* (о его происхождении см. выше, с. 102 данной работы).

В древнерусском языке *ширитися* в значении ‘гордиться, величаться’ отмечается с XI в., а с конца XV – начала XVI в. – и в значении ‘простирается’, в обоих этих значениях глагол наблюдался и в XVII-XIX вв. (Срезневский III, 1594-1595; САР VI, 1362; Даль IV, 634). И только с XX в. в русской лексикографии начинает фиксироваться переносное значение ‘увеличиваться в количестве, объеме и т.п.; о слухах, вестях и т.п.; становиться более массовым, охватывать все большее количество людей’ (ССРЛЯ 17, 1409).

Мы обнаружили *ширитися* ‘распространяться, шириться’ в дипломатической корреспонденции, регистрирующей контакты МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. При этом примечательно, что оба раза данная лексема в тексте документа сопровождается синонимом *пространятися*¹⁰², как бы

¹⁰² В древнерусском языке *пространитися* ‘распространяться, расширяться, занять большое пространство’ – с конца XII в., а *пространятися* ‘расширяться; расширять сферу своей деятельности, сферу действия чего-л.’ – с середины XVII в. (СлРЯ XI- XVII вв. 20, 238, 239). В польском же языке находим лишь *przestrzenić* и только в прямом значении ‘robić przestronnym, rozprzestrzeniać, rozszerzać’, встречающееся с конца XVI - начала XVII в и бытовавшее до

поясняющим значение *ширитися*, что может говорить о непривычности, новизне этого значения для русского языка XVII в. Учитывая это, а также характер памятника обратимся к польскому языку. Здесь уже с середины XVI в. известно *szeryć*¹⁰³ в переносном значении ‘rozszerzać, rozszewać, krzewić, rozkrzewiać, szczyścić, rozpowszechniać, progować, popularyzować’, а, по меньшей мере, с первой половины - середины XVII в. засвидетельствовано и *szerzyć się* ‘rozszerzać się, rozpowszechniać się, rozchodzić się, krzewić się’ (Reczek 1968, 485; Linde V, 538). В этом значении оба глагола продолжали употребляться в польском языке и в XVIII-XX вв., вплоть до настоящего времени, а в прямом значении они в словаре современного польского языка уже снабжены пометой «przestarz.» (Karłowicz VI, 609; SJP VIII, 1086).

Попытка проследить историю рассматриваемого глагола в других восточнославянских языках дает следующие результаты: в староукраинской письменности середины XV в. выявляется лишь *ширити* в прямом значении (ССМ XIV-XV ст. 2, 559). А в «простой мове» второй половины XVII в. бытовало и *ширитися* ‘увеличиваться в размерах’, к этому же времени относятся и едичные случаи использования этого глагола в интересующем нас значении, причем в сильно полонизированных текстах (Тимченко 2, 494). В значении ‘распространяться’ эта лексема уже входила в словари, включающие лексический запас белорусского (*ши́рыцца*) и украинского (*ши́ритися*) языков XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 710; Грінченко II, 1006). В анализируемом переносном значении глагол фигурирует и в словарях современных белорусского (*шЫ́рыцца*) и украинского (*ши́ритися*) языков (ТСБМ 5 (2), 433; СУМ XI, 456).

Итак, информация, собранная о *ширитися* ‘распространяться, шириться’ в восточнославянских и польском языках, на наш взгляд, позволяет квалифицировать этот глагол в указанном значении как семантический полонизм

начала XIX в.; в словаре, отражающем язык XIX – начала XX в., оно уже снабжено пометой «mało używany» (Linde IV, 593; Karłowicz V, 204).

¹⁰³ Тогда как в русской лексикографии, по имеющимся на данный момент сведениям, *ши́рить* ‘дѣлать что широкимъ, распространять что в ширину’ – только с начала XVIII в., и еще в XIX в. этот глагол употреблялся лишь в прямом значении, и только в словаре современного русского языка *ши́рить* регистрируется в переносном значении ‘делать более массовым, распространять среди все большего количества людей’ (САР, там же; Даль, там же; ССРЛЯ, там же). В старопольском языке *szuryć* (*szerzyć*) в прямом значении ‘poszerzać, powiększać’ – с середины XV в. (SJP VIII (7), 552).

в первых. При этом заимствованию значения русским письменным языком XVII в. могла способствовать «простая мова».

II.1.5. Наречие

ВЗАЕМЬ (1) Взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно: *А в листу, государь, ево написано: в брацкой милости с нами живучи, они счастьем нашим тешется, а когда што противно зайдет, жалуют, также **взаем** от нас того разуменья, в смутку и в жалосных прямо помочь просят* (ВУР 2, 31(111), 1648 г.).

Это наречие образовано морфолого-синтаксическим способом от предложной формы вин.п. ед.ч. сущ. **zajetъ* < **zajьtъ* (<**za+jьtъ*): **вь+zajьtъ* (Brückner 1974, 202; ЕСУМ 1, 367; Фасмер I, 311; Шанский I(3), 84-85; там же II(6), 30).

В памятниках древнерусской письменности это наречие в значении ‘взаимы, в долг’ отмечается с XII-XIII вв. (Срезневский I, 916; СлДРЯ III, 305). В лексикографических источниках русского языка оно регистрируется с начала XIX в., но только в значении ‘взаимы, в долг’, в котором фиксируется и в словаре современного русского языка в сопровождении помет «устар.» и «прост.» (САР I, 474; Даль I, 190; ССРЛЯ (2)II, 177).

В анализируемом значении *взаемь* представлено лишь в исторических словарях русского языка. Наиболее ранней фиксацией этого слова до сих пор считался случай, обнаруженный в *Козмографии* начала XVIII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 140). Правда, в этом же значении в словаре отмечается и наречие *взаимь*, зафиксированное в дипломатических документах 50-70-х гг. XVII в. (там же). В словаре русского языка XVIII в. лексемы *взаём* и *взаим* приводятся как варианты, причем первая снабжена пометой «слово, расширившее употребление», а вторая – пометой «слово, выходящее из употребления», и при этом исследуемое нами значение сопровождается пометой «выходящее из употребления» (СлРЯ XVIII в. 3, 106).

Если учитывать только данные словарей, то историю слова *взаемь* в значении ‘взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно’ в русском языке следует ограничить только XVIII в. Однако цитированный выше

дипломатический документ по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ относится к середине XVII в., и этот случай использования лексемы *взаемь* в рассматриваемом значении можно считать на данный момент наиболее ранней его фиксацией в русской письменности.

Два обстоятельства: характер памятника, в котором впервые обнаружено *взаемь* в значении ‘взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно’, а также то, что однокоренное прилагательное *взаимный*, по мнению М.Басая (Basaj 1979, 11) и С.Кохмана (Kochman 1974, 88-91), в русском языке является заимствованием из польского, побудили нас проследить, не связано ли появление анализируемого значения у наречия с польским языком.

В старопольской письменности *wzajem* ‘danie, przekazanie czegoś komuś pod warunkiem zwrotu tej samej rzeczy lub rzeczy tego samego gatunku, ilości i jakości’ наблюдается с середины XV в. (SłStp X(8), 603), а со второй половины XVI в. это наречие известно и в более общем значении ‘w zamian za coś; oboróźnie, wzajemnie, nawzajem’¹⁰⁴, в котором оно употреблялось на протяжении XVII-XIX вв. (Reczek 1968, 594; SłPaska II, 672; Linde VI, 555; Karłowicz VII, 1126). В словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «przestarz.» (SłJP X, 349).

С конца XVI - начала XVII в. *взаемь*, *взаимь* в исследуемом нами значении отмечается в старобелорусской и староукраинской письменности – обычно в сильно полонизированных текстах (ГСБМ 3, 175; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 4, 12-13), однако далее XVII в. история его в белорусском и украинском языках не прослеживается.

Приведенных выше данных, на наш взгляд, достаточно для предположения о том, что наречие *взаемь* в значении ‘взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно’ в восточнославянской письменности является семантическим полонизмом, причем в русском письменном языке XVII в. это значение появилось, вроятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

¹⁰⁴ А с конца 30-50-х гг. XV в. в этом значении в старопольских памятниках засвидетельствованы наречия *wzajemno*, *wzajemnie* (SłStp, там же). В русской же письменности *взаимно* в соответствующем значении регистрируется только с 70-90-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же).

ПОБЛИЗКУ (1) Неподалеку, поблизости: *Въра одна, языкъ одинъ, а живемъ межъ собою поблизку, и какъ ожь дастъ Богъ будете у Государя своего, ... и вамъ бы бояромъ ... Государю своему ... бити челомъ ...* (ДРВ (2)4, 101, 1602 г.).

Это наречие представляет собой сращение предлога, имеющего общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках и восходящего к праслав. **pro* (< и.-е. **pǝ: pǝ*), и формы дат.п. ед.ч. прилагательного, восходящего к праслав. **blizьkь* ‘близкий’, производного от основы **blizь* (< и.-е. основа **bhleǵ(h)* – ‘бить, ударять’) с суффиксом *-ъk-* (Berneker I, 62; ИЭССРЯ II, 46-47; Pokorný I, 53-54; там же I, 160; Преображенский I, 29-30; там же II, 84; Sławski I(1), 34; Фасмер I, 175; ЭССЯ 2, 121-122).

В памятниках русской письменности лексема *поблизку* впервые встречается с 70-х гг. XV в. в значении предлога с род.п. ‘вблизи кого-, чего-л.’ (СлРЯ XI-XVII вв. 15, 129). Что касается наречия, то, поданным исторического словаря, *поблизку* и *поблизко* ‘неподалеку, поблизости’ отмечаются соответственно с начала 30-х гг. и второй половины 70-х гг. XVII в. (там же). Мы же обнаружили его в дипломатическом документе, отражающем межгосударственные отношения МГ с Польшей, датированном 1602 г., что на три десятилетия позволяет удревнить хронологию. Далее находим наречие *поблізку, пѳблизку* ‘близь, близко; около’ у Вл.Даля (III, 136) с пометой «кур.». В других лексикографических источниках русского языка это наречие не представлено.

Приведенные выше факты побуждают нас обратиться к истории лексемы в польском языке. Здесь наречие *poblisko, poblizko, poblizku* ‘blisko, w niewielkiej odległości, niedaleko’ известно со второй половины XVI в. и бытовало в XVII-XIX вв., правда, в словарях, регистрирующих язык XIX – начала XX в., оно уже снабжено пометой «gwarowy» (SłP XVI, XXV, 101; SłPaska II, 126; Linde IV, 759; SłGP 4, 149; Karłowicz IV, 285). В словарях современного польского языка это слово вообще не фиксируется.

В письменности ВКЛ *поблизку, поблиску* с первой четверти XVI в. засвидетельствовано в значении предлога ‘паблізу, бізка, непадалёку ад чаго-н.’, а ко второй половине XVI в. относится единичная фиксация этой лексемы и

в значении наречия ‘паблізу, блізка, непадалёку’, в котором она продолжала употребляться и в XVII в. (ГСБМ 24, 424). Примечательно, что все случаи, иллюстрирующие наречие, извлечены из документов, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами. Для белорусского языка судьба наречия далее XVII в. не прослеживается. А в украинском языке XIX – начала XX в. *поблизько* зафиксировано в значении ‘вблизи’ (Грінченко П, 208). Однако в словаре современного украинского языка это наречие уже не фигурирует.

Анализ истории рассматриваемой лексики в интересующем нас употреблении в польском и восточнославянских языках дает, на наш взгляд, определенные основания для вывода о том, что в последних это наречие является семантическим полонизмом. При этом в русский письменный язык начала XVII в. он попал, возможно, благодаря посредничеству «простой мовы».

II.1.6. Предлоги

ДО (1) с родительным пад. Указывает на предназначение какого-л. предмета, лица; употребляется для обозначения цели (соответствует по значению предлогу для): *И до постановенья суполново встѣхъ дѣль некоторых лутшихъ своихъ милостивыхъ пановъ в послы выбрал* (Сб.РИО 142, 670, 1615 г.).

Праславянский предлог **do*, имеющий общеславянское распространение, восходит к и.-е. **dō* ‘к’, ‘в’, ‘на’, предлогу-послелогу местоименного происхождения (Berneker I, 203; Brückner 1974, 91; Преображенский I, 186-187; Sławski I(2), 150; Фасмер I, 519; ЭССЯ 5, 37-38).

В древнерусском языке в различных значениях этот предлог начинает отмечаться со второй половины XI в. (Срезневский I, 671; СлДРЯ II, 473, 474, 475). В интересующем нас значении *до* в памятниках русской письменности, по данным исторического словаря, впервые фиксируется с конца XVII в. и регистрируется до середины XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 6, 149). Однако уже в этом лексикографическом источнике значение ‘указывает на предназначение какого-л. предмета, лица; соответствует по знач. предлогу для’ сопровождается пометами «ср. укр. *до*» и «выпавшее из употребления» (там же), и далее середины XVIII в. судьба его для русского языка не прослеживается.

Мы обнаружили этот предлог в анализируемом значении в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., что на девять десятилетий позволяет уточнить время его появления в русском письменном языке. Учитывая характер памятника, на который приходится наиболее ранняя фиксация исследуемого значения лексемы, обратимся к польскому языку. В старопольской письменности *do* ‘w obrębie okolicznika celu; wskazuje na stosowność, ewentualną przydatność względem kogoś lub czegoś (z odcieniem celowym)’ известно с 80-х гг. XIV в. и в этом значении употребляется до настоящего времени (SłStp II (2), 70; SłP XVI, V, 93; SłPaska I, 140; Linde I, 439; Karłowicz I, 468; SłJP II, 155).

С конца 80-х гг. XIV в. *do* в значении ‘(виражає відношення мети) до (чого), для (чого)’ засвидетельствовано в староукраинской письменности, а с середины XV в. – и в старобелорусских памятниках, насыщенных полонизмами, и документах, отражающих контакты с Польшей (ССМ XIV-XV ст. 1, 304; ГСБМ 8, 124). В указанном значении этот предлог бытовал и в «простой мове» XVI-XVII вв. и также в памятниках, язык которых в той или иной степени испытал польское влияние (ГСБМ, там же; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 8, 44). Для белорусского языка история его в этом значении далее XVII в. не прослеживается, тогда как в украинском языке XIX-XX вв. он был и является принадлежностью активного запаса лексики (Грінченко I, 437; СУМ II, 316).

На наш взгляд, представленные материалы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что исследуемое значение предлога *do* развилось не в самом русском языке, а было заимствовано из польского¹⁰⁵ через «простую мову», в которой, судя по характеру памятников, где оно встречалось впервые, и хронологическим данным, это также семантический полонизм.

МИМО (3) с родительным пад. Вопреки, наперекор: *Имъ мимо королевскаго наказа безъ закладныхъ городовъ не дѣлати* (Якубов 1897, 5, 1617 г.). *Великие послы, во многихъ мѣстѣхъ неправду ихъ уличили, что многіе тысячи написаны, повѣря ложнымъ сказкамъ, мимо дѣла ...* (там же, 212, 1649

¹⁰⁵ Кстати, семантическим полонизмом, но в другом значении ('указание на предмет, лицо к которым направлено движение, действие; соответствует по значению предлогу *к*'), фиксируемом в русском письменном языке с XVII в., считают этот предлог В.Тамань (1960, 112) и Г.Милейковская (1974, 128).

г.). *И ... тебѣ бѣ присягу свою незабытну имѣть ... и иначе, мимо давныхъ и нынѣшнихъ правъ, ничего не чинить ...* (АЮЗР 3, 290-291, 1649 г.).

Этот предлог, имеющий общеславянское распространение, восходит к праслав. **mimo*, представляющему собой производное с суф. –*mo* от корня глаголов, **minŋti*, **mijati* ‘идти; проходить’ < и.-е. корень **mej* – ‘идти, ходить; проходить’, ‘избегать’ (Berneker II, 59; Brückner 1974, 337; Преображенский I, 536, 537; Фасмер II, 622, 624; ЭССЯ 19, 31, 50, 52-53).

В древнерусской письменности предлог *мимо* с род. пад. в значении ‘вблизи, около; минуя кого-л., что-л.’ отмечается с XIII в., а в значении ‘помимо, кроме’ – с XIV в. (СлДРЯ IV, 535; СлРЯ XI-XVII вв. 9, 158). В значении ‘вопреки, наперекор’, по данным исторического словаря, он впервые засвидетельствован со второй половины 60-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). По нашим сведениям, в этом значении предлог начинает употребляться на полстолетия раньше: впервые он встречается в дипломатическом документе 1617 г. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей. В анализируемом значении *мимо* продолжало употребляться и в XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 12, 189). Однако в лексикографических источниках XIX в. это значение не представлено, тогда как в словаре современного русского языка *мимо* в роли предлога с род. пад. в значении ‘вопреки чему-либо; помимо чего-л.’ фиксируется, но в сопровождении пометы «устар.» (ССРЛЯ (2)VI, 1003). История предлога *мимо* в интересующем нас значении наводит на мысль, что оно может быть неисконно для русского языка.

Так, если обратиться к польскому языку, то здесь *mimo* ‘przyimek cum G.: bez uwzględnienia, pomijając’ известно с первой четверти XVI в., правда, в первой половине этого столетия конструкция с род. падежом еще не получила широкого распространения, более употребительной она становится со второй половины XVI в.¹⁰⁶ и активно продолжает бытовать в XVII-XIX вв. (SłP XVI, XIV, 268; Linde III, 103; Karłowicz II, 986-987). И в словаре современного польского языка этот предлог представлен в значении ‘przyimek łączący się z rzeczownikami w dopełniaczu, tworzący wyrażenia oznaczające rozbieżność między

¹⁰⁶ Вопреки А.Баньковскому, который считает, что эта предложно-падежная конструкция отмечается в польском (и то спорадически) только с XVIII в., а регулярно – с XIX в. (Bańkowski 2, 188).

tym co się dzieje, a tym, czego się należało spodziewać: ne zważając na coś, wbrew czemuś, pomimo' (SJP IV, 710).

Со второй половины XVI в. конструкция: предлог *мимо* с род. падежом в значении 'наsupерак' появляется в «простой мове» (ГСБМ 18, 54). Заметим, что наиболее ранние регистрации приходятся на тексты, язык которых насыщен полонизмами. Попытка проследить судьбу *мимо* в указанном значении для белорусского языка далее XVII в. результатов пока не дала. Тогда как в словаре современного украинского языка находим *мімо* 'прийм. з род. в. Уживається на позначення того, що є причиною, незважаючи на яку щось відбувається', но уже с пометой «діал.» (СУМ IV, 708).

Сопоставление приведенной выше информации позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что в восточнославянских языках *мимо* с род. падежом в значении 'вопреки, наперекор' является семантическим полонизмом. Судя по хронологическим данным, в русский письменный язык первой половины XVII в. это значение могло попасть благодаря посредничеству «простой мовы».

ЧЕРЕЗЬ (4) *с винительным пад.* Употребляется для выражения объектных отношений: при помощи или посредством кого-, чего-н., используя что-н.: *Первый Царь есть Турскій, который многижды черезъ пановъ своихъ призывалъ насъ подъ свою область; ... третій Король Польскій ...* (СГГД 3, 494(160), 1654 г.). *А гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское хотѣлъ съ Королемъ Польскимъ помиритъ, черезъ своихъ Государевыхъ великихъ пословъ, тѣмъ способомъ ...* (там же, 509 (168), 1654 г.). ПСЗ1, 313 (119), 1654 г. *А намъ черезъ грамоту или черезъ гонца ... вѣдомо учинити, естли будете с нами въ пріязни ...* (АЮЗР 10, 596, 1654 г.).

Анализируемый предлог, известный в восточно- и южнославянских языках, восходит к праслав. *čersъ (< *čertsъ): *čerъ (эта форма обусловлена влиянием предлогов *vъzъ, *jъzъ, *nizъ) 'через', 'сквозь' < и.-е. база *(s)kert-s-: *(s)krt-s- от корня *(s)ker-: *(s)kr- 'резать; отделять', исходя из соответствий в балтийских и германских языках, первоначально этот предлог служил для выражения пространственных и временных отношений (Berneker I, 148-149;

ИЭССРЯ II, 381; Pokorny I, 949-950; Преображенский II, 66-67 (1206-1207); Фасмер IV, 338; Fraenkel II, 802-803; ЭССЯ 4, 76-77).

В древнерусских источниках *чересь* (форма *черезь* – с XIV в.) регистрируется с XI в. для выражения пространственных и временных отношений, с XII-XIII вв. этот предлог отмечается и в значениях ‘противно, наперекор, вопреки’ и ‘сверх, свыше’ (Срезневский III, 1501-1502). С XI в. во всех этих значениях засвидетельствовано и заимствованное из старославянского *чръсь, чрьсь, чрьзь* (там же, 1541-1543). В русской лексикографии эта лексема представлена со второй четверти XVIII в., а в интересующем нас значении ‘посредством кого или чего’ *чрьзь, чэрьзь* – лишь с первой четверти XIX в.; в этом значении *чэрьзь* входит в активный лексический запас до настоящего времени (САР VI, 1312-1313; Даль IV, 592; ССРЛЯ 17, 866-867, 868). Синонимичный же ему предлог *чрьз* в словаре современного русского языка сопровождается пометой «устар.» (ССРЛЯ 17, 1108).

Таким образом, обнаруженные нами случаи употребления предлога *черезь* в значении ‘при помощи или посредстве кого-, чего-н., используя что-н.’ в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в настоящее время следует считать наиболее ранними его фиксациями в русском письменном языке. И именно характер памятников, где эта лексема, в упомянутом выше значении, появляется впервые, а также то, что Вл. Даль (там же) в словарной статье к предлогу *черезь, чрьзь* дает в качестве его соответствия (синонима) *перезь*¹⁰⁷ с пометами «запд. юж.», побуждает нас думать о возможном семантическом заимствовании из польского.

В старопольских же текстах *przez*¹⁰⁸ (*przeze*) в значении ‘(z *acc.*) pośrednictwo kogoś, czegoś w jakimś działaniu, wykonywaniu czegoś; za pośrednictwem’ известно с конца XIV – начала XV в. и продолжало активно

¹⁰⁷ В русской письменности предлог *пръзь (пръзь), презь* с вин.пад. в значении ‘черезь, сверхъ’ – с XV-XVI вв., причем интересна подача его И.И.Срезневским: «Чеш. *přez*; слов. *prez*; пол. *przez*; луж. *rěz*; срб. *prez*» (Срезневский II, 1649; см. также СлРЯ XI-XVII вв. 18, 231), которая может указывать на возможный источник лексемы в русском языке. О неисконности *пръзь, презь* для русского языка может свидетельствовать и то, что с XIV в. в том же значении бытовал предлог *преже* (СлРЯ XI-XVII вв. 18, 225). Кроме того, на заимствование *през* из польского языка в русский в XV-XVI вв. указывае и В.Витковский (1999, 147). И в исследованиях по этимологии по белорусской (*праз, прэз*) и украинской (*през*) лексики также выдвигается версия о заимствовании из польского (ЭСБМ 9, 337; ЕСУМ 4, 561).

¹⁰⁸ О происхождении этого предлога см.: Boryś 2005, 487-488, 494.

употребляться в XV-XIX вв. (SłStp VII (3), 214; SłPXVI, XXXII, 412; SłPaska II, 263; Linde IV, 1170; Karłowicz V, 245-246). И в словаре современного польского языка находим *przez* ‘odnosi się do określenia narzędzia, sposobu, przedmiotu pośredniczącego w działaniu na co; w zastosowaniu do osób’ (SłJP VII, 456).

В староукраинской письменности конца 80-х гг. XIV вв. выявляются единичные случаи использования *черезъ* с вин.пад. в значениях ‘(виражає об’єктні відношення з модальним відтінком) вказує на особу за посередництвом якої здійснюється дія’ и ‘(виражає модальні відношення) вказує, в якій спосіб, яким чном відбувається дія, через(що), за посередництвом (чого)’,¹⁰⁹ в сильно полонизированных документах, более активным такое употребление этого предлога становится со второй четверти XV в., но и на протяжении всего этого столетия он наблюдается в памятниках, испытавших значительное польское влияние (ССМ XIV-XV ст. 2, 535). Далее *черезъ*, *чрезъ* в исследуемом значении фиксируется в старобелорусском языке первой половины XVI в. и в «простой мове» XVII в., где *чрезъ* в этом значении наблюдалось параллельно с *презь*, в текстах, отражающих польского влияние (СМС 2, 404, 343; Берында 1627, 305, 306; Берында 1653, 204; Тимченко 2, 212, 484). В словаре, включающем словарный состав белорусского языка XVIII-XIX вв., ни *цэрезъ*, ни *чэрезъ* в интересующем нас значении не фигурируют, в этом значении здесь выступает *презь*, тогда как в словаре современного белорусского языка *цэраз* подается в значении ‘ужываецца пры ўказанні на асобу, прадмет, з дапамогай або пры пасрэдніцтве якіх што-н. адбываецца’ (Носовичъ 1870, 494, 688, 697; ТСБМ 5(2), 239). В украинском же языке XVIII в. в значении ‘черезъ посредство, при помощи’ встречалось *чрезъ*, а в XIX в. – *черезъ* в том же значении, которое бытует и в современном украинском языке (Тимченко 2, 484; Грінченко II, 965; СУМ XI, 304).

На наш взгляд, приведенная выше информация дает определенные основания для вывода о том, что в восточнославянские языки анализируемое значение предлога *черезъ* могло быть заимствовано из польского. При этом проникновению его в русский письменный язык, очевидно, способствовала «простая мова».

¹⁰⁹ В других значениях этот предлог в староукраинском языке – с первой четверти XVI в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 534).

II.1.7. Частицы

АЖЪ, АЖ (5) *частица усилит. а*) в предложно-падежных конструкциях (с предлогами *до, на, в* и др.) с пространственным и временным значением обозначает ‘вплоть до, почти до, чуть ли не’ (4): *Мы ... взяли премирья ... на 20 летъ ... ажъ до такого жъ свята Успения пречистое Богородицы, которое в ... 1622-мъ мѣсяца августа 15-го дня будет* (Сб.РИО 137, 59, 1600-1601 гг.). *А в Литве многие ж места ... аж до Бор – маетности пана Обуховича посла литовского разорили ...* (ВУР 3, 46 (16), 1651 г.). *В том и крест целовал, что ... рубеж меж поляки и черкасы, почениши от Днепра аж до Днестра, поляки некоторыми меры за рубеж не имели входить ...* (ВУР 3, 132 (61), 1651 г.). *И гнался за ними всю ночь аж до Ямполя ...*(ВУР 3, 134 (61), 1651 г.); б) для обозначения образа действия и меры (предшествует глаголам) ‘даже’ (1): *А которые были смирны, тѣ выслужили, потому что давано имъ корму много, і они не могли его сами переѣсти, ажъ то продавали* (СГГД 2, 260 (121), 1606 г.).

Эта частица, восходящая к праслав. **aže* и имеющая распространение преимущественно в западно- и восточнославянских языках, образована лексико-семантическим способом, путем сращения противительного и соединительного союза **a* (< и.-е. основа **ēd-*: **ōd-*, форма аблятива от определительно-указательного местоимения с основой **e-*, **ei-*, **i-*) и усилительной частицы **že* (< и.-е. **ghe*) с последующим отпадением конечного безударного *e* (Brückner 1974, 8; ЕСУМ 1, 51; ESSJ 2, 79-81, 84; ИЭССРЯ I, 21, 294; Sławski I(1), 24; Фасмер I, 63; Шанский I(1), 51; ЭССЯ 1, 33-34, 41).

В древнерусской письменности *аже, ажъ* в качестве союза представлено уже в XI-XII вв., а как частица в значениях ‘а тут, а оказывается’ и ‘разве, неужели’ – с конца XV-XVI вв. (Срезневский I, 8-9; СлДРЯ I, 76-77; СлРЯ XI-XVII вв. 1, 23). В интересующем же нас первом употреблении, по информации исторического словаря, частица впервые засвидетельствована во второй половине 60-х гг. XVII в. (СОРЯ 1, 39), тогда как мы обнаружили ее в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ уже в начале XVII в. Во втором употреблении эта лексема в русской исторической лексикографии иллюстрируется единственным примером из *Козмографии* 1670

г. (СлРЯ XI-XVII вв., там же), по нашим же данным, она встречается в дипломатических документах, отражающих контакты МГ с Польшей и ВКЛ, более чем на полстолетия раньше. Правда, следует оговориться, что И.И.Срезневский (I, 8) относит появление *аже* ‘даже’ к концу XIV в., приводя при этом единственную иллюстрацию, извлеченную из *Жалованной грамоты вел. кн. Литовскаго Витовта Василію Карачевскому*. Однако, в *Словаре древнерусского языка XI-XIV вв.* (I, 77) этот же случай трактуется как уточнение в значении ‘а именно’. Последнее определение значения нам представляется более точным, а кроме того сам памятник не может быть показателен, так как, по нашему мнению, скорее демонстрирует употребление лексемы в старобелорусском языке.

Примечательна дальнейшая история частицы в значении ‘даже’ в русском языке: так, в *Словаре русского языка XVIII века* (I, 29) она сопровождается следующими пометами «простореч. (нейтр. украинизм в первой трети века)», тогда как Вл.Даль (I, 6) не снабжает ее какими-либо пометами. Вообще же в толковых словарях русского языка эта лексема фиксируется только с середины XIX в., в анализируемом нами значении *аж* регистрируется и словарем современного русского языка с пометой «простореч.» (ССРЛЯ (2) I, 99).

Итак, обстоятельства появления частицы *ажъ*, *аж* ‘даже’, а также характер ее бытования в этом значении наводят на мысль о возможной его неисконности для русского языка и указывают на потенциальные источники, откуда оно могло быть заимствовано.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *aż* (в старопольском *aze*) ‘partykuła uwydatniająca kres: 1) w obrębie okolicznika miejsca, 2) w obrębie okolicznika czasu, 3) w obrębie innych określeń’ известно с XIV в. (SłStp I(1), 46-47), причем во всех этих значениях частица встречается в старопольской письменности преимущественно в сочетании с предлогом *do*, а, как считает польский исследователь А.Баньковский (2000, 1, 21), эта конструкция калькирует латинское *usque ad* или французское *jusque* и немецкое *bis an*. И за пределами старопольского периода *aż* продолжало бытовать в польском языке как ‘partykuła wzmacniająca: a) przy okoliczniku miejsca lub czasu, b) przy orzeczeniu, zaznaczając nasilenie czynności wyrażonej czasownikiem’, в этом же

значении оно употребляется и в современном польском языке (SłP XVI, I, 241, 242-244; SłPaska I, 25-26; Linde I, 36; Karłowicz I, 76; SłJP I, 273).

В первой половине XIV в. в староукраинской письменности отмечается единичная фиксация *ажъ*, *аж* в значении ‘част. (підсилювальна) (переважно у сполуч. з прийм., що виражають просторові або часові відношення) аж’ (ССМ XIV-XV ст. 1, 67). Более активно в староукраинском и старобелорусском языках частица в этом значении начинает употребляться с середины – второй половины XV в., при этом на первых порах очень часто в документах, в той или иной степени насыщенных полонизмами, или переводных с польского текстах (ССМ XIV-XV ст., там же; ГСБМ 1, 81; ГЛБМ, 92). С конца XV в. в старобелорусских памятниках *ажъ*, *аж* засвидетельствовано и в значении ‘нават’, а первая фиксация приходится на переводную с польского повесть, язык которой сильно полонизирован (ГСБМ 1, 80). Симптоматично также, что в этом же значении, но только с конца XVI в. ругистрируется и *аже* и тоже в полонизированных памятниках (там же, 76). В обоих интересующих нас употреблениях *ажъ*, *аж* фиксировалось и в «простой мове» (ГСБМ 1, 80, 81; СУМ XVI – I пол. XVII ст.1, 80, 81). В словарях, отражающих белорусский язык XVIII-XIX вв. (*ажъ*) и украинский язык XIX в. (*аж*), эта лексема в изучаемом значении квалифицируется как союз (Носовичь 1870, 3; Грінченко I, 46). В современных литературных белорусском и украинском языках усилительная частица *аж* является принадлежностью активного словарного запаса как в первом, так и во втором исследуемых нами употреблениях (ГСБМ 1, 199; СУМ I, 22).

Сопоставление приведенных выше материалов по истории *ажъ*, *аж* в анализируемом значении в восточнославянских и польском языках дает, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы трактовать это значение как семантический полонизм в первых, причем в русский письменный язык он попал, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы». В старопольском же языке это, вероятнее всего, семантическая калька романского происхождения (во всяком случае, при обозначении места и времени), учитывая обилие в этот период переводных с латинского текстов.

Заключая рассмотрение истории *ажъ*, *аж* в интересующих нас употреблениях, справедливости ради следует указать, что на эту частицу

обращает внимание Е.А. Целунова (2006, 130, 161), которая 16 раз выявила ее в *Псалтыри* 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Она приводит эту частицу в перечне лексических полонизмов, замечая, что *ажъ* ‘даже’ «... находит во всех случаях соответствие в польск. *aż*» (там же, 130), но ничем другим не аргументирует неисконность самой лексемы либо отдельных ее значений для русского языка.

II. 1.8. Обобщение результатов

Завершая обзор рассмотренных в этом разделе 82 лексем, которые в исследуемых значениях, по нашему мнению, являются семантическими полонизмами, отметим, что среди них выявлено 22 имени существительных, 1 местоимение, 8 имен прилагательных, 45 глаголов, 2 наречия, 3 предлога и 1 частица, при этом для всех из них была уточнена нижняя хронологическая граница анализируемого значения. Заметим также, что в 60 случаях семантическое калькирование осуществлялось, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

II. 2. Семантические полонизмы, установление факта заимствования которых не сопровождалось уточнением (удревнением) хронологии.

II. 2. 1. Имя существительное

ВИЛКИ (2) *мн.* Подставка с развилиной для огнестрельного оружия: *А носить де мушкетъ и вилки и списки солдаты нескучны, ... а быть де солдатамъ къ бою съ мушкетомъ, да у нихъ же у всякого челоуѣка вилки да короткая списа ...* (СГГД 3, 311(82), 1631 г.).

Эта лексема является суффиксальным отыменным производным от восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **vidla*: **vidlo* с первоначальным значением ‘орудие для навивания сена’, представляющему собой суффиксальный дериват от праслав. **viti*, 1 л. ед.ч. **vъjо* ‘плести, вить’ < и.-е. корень **uej-*: **uoj-*: **uǐ-* (основа **uǐ-t(o)-*) ‘гнуть, сгибать’, ‘поворачивать’ (Brückner 1974, 613; ИЭССРЯ I, 151, 155; Преображенский I, 84, 86; Фасмер I, 314, 322).

В памятниках русской письменности впервые слово *вилки* в значении ‘предмет или изображение с раздвоением на конце’ засвидетельствовано с начала 30-х гг. XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 178). В интересующем нас значении оно, согласно материалам исторического словаря, отмечается с 20-х гг. XVII в. и иллюстрируется единственным примером из *Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки*, текст который был составлен на основе иностранных военных книг (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В других лексикографических источниках русского языка *вилки* ‘подставка с развилиной для огнестрельного оружия’ не регистрируется, как, впрочем, и в словарях других восточнославянских языков.

Мы обнаружили это существительное в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с немецкими княжествами. Заметим, что в исследуемом документе затрагиваются и отношения МГ с Польшей, а в тексте встречаются полонизмы.

В смом польском языке лексема *widelki* известна с середины XVI в., а в значении ‘rozwidlony kij służący do opierania muszkietów przy celowaniu podczas strzelania’ – с конца XVI - начала XVII в., в нем она фиксировалась и в словаре, отражающем язык XVIII – первой половины XX в., в сопровождении пометы «woj.» (SłPaska II, 585; Karłowicz VIII, 548). Примечательно, что в указанном источнике определение значения существительного дается следующим образом: «*Widelki, widelka a kozia noga, forkiet: Muszkietierowie nosili forkiety czyli widelki ...*» (Karłowicz, там же). Слово *forkiet* в польском языке является заимствованием из итальянского *forchetto* (ср. итал. *forchetto* ‘небольшие двузубые вилы’), которое, в свою очередь, восходит к ср.-лат. *furka*, представленному в старопольских памятниках с XIV в. в значении ‘widły’, а со второй половины XV в. – в значении ‘podpórka’ (Karłowicz I, 761; NDLJ, 562; SłtŚr. IV(3) 459).

Представленная выше информация позволяет, на наш взгляд, рассматривать польское *widelki* в анализируемом значении как семантическую кальку с итальянского *forchetto* в соответствующем значении. В значении ‘rozwidlona gałąź drzewa, tyczka, rozwidlony pręt; przyrząd, narzędzie w kształcie wideł’, под которое помещено и интересующее нас употребление, *widelki* представлено и в словаре современного польского языка, однако, судя по характеру иллюстраций, это уже историзм (SłJP IX, 998).

Если сопоставить хронологические данные в русском и польском языках, а также учесть характер памятников, в которых *вилки* в исследуемом значении встречались в русском письменном языке XVII в., то напрашивается вывод, что в последнем мы также имеем дело с семантическим заимствованием и, возможно, не без польского посредничества. Прямое калькирование с итальянского представляется нам менее вероятным.

ВОЗНИКЪ (8) м. Упряжная лошадь: *А которому конюху велишь пхати въ возку не возникъ, и ты бъ про него объявлять, что онъ конюхъ* (ПДС 2, 911, 1604 г.). *Возники: 8 возниковъ сиво желъзныхъ. б возников Турскихъ с мълкими чюбаринками. б же возников с мълкими же чюбаринками, гривы и хвосты крашеные. б возников соловых. 5 возников буланых* (Сб.РИО 137, 674,

1607-1608 гг.). *И ъхали до палатъ въ каретъ; карета убита камкою цвѣтною; впряжено было въ каретъ шесть возниковъ* (ОЗ, 350, 1654 г.).

Это существительное образовано суффиксальным способом от имеющего общеславянское распространение праслав. **vozъ* ‘процесс передвижения; средство передвижения’ < и.-е. корень **цег’h-*: **цог’h-* ‘повозка, телега’, ‘воз’, ‘судно’, ‘перевозка’, ‘езда’ (Brückner 1974, 631; ЕСУМ 1, 344, 396; ИЭССРЯ I, 161; Преображенский I, 69; Фасмер I, 333; Шанский I(3), 129; ЭСБМ 2, 184).

В древнерусском языке *возникъ* ‘обоз’ и ‘возчик; возница’ известно с XIII в. (Срезневский I, 284; СлДРЯ I, 461).

В интересующем нас значении это слово впервые встречается в дипломатическом документе по сношениям с Римской империей под 1604 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 300). Нами оно дважды было отмечено в дипломатической корреспонденции по связям с Римской империей (1604 г. и 1654 г.) и один раз – в документе по связям с Польшей (1607–1608 гг.).

В словаре русского языка XVIII в., со ссылкой на другой лексикографический источник начала XIX в., *возникъ* в значении ‘лошадь, впрягаемая в повозку, карету’ снабжено пометой «слово, выпавшее из употребления» (СлРЯ XVIII в. 4, 21; САР I, 624). Само слово *возникъ* мы находим еще у Вл. Даля, но он регистрирует его в ином значении (Даль I, 229). В словарях современного русского языка это существительное не фиксируется.

С конца XIV – начала XV в. *возникъ, возныкъ* в значении ‘конь-ламавик, впряжны конь’, ‘запряжный (тягловый) кинь’ отмечается в памятниках старобелорусской и староукраинской письменности (ССМ XIV-XV ст. 1, 186; ГСБМ 4, 108; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 4, 183). Однако далее XVII в. судьба этого слова в анализируемом значении для белорусского и украинского языков не прослеживается. В исследованиях по истории белорусского и украинского языков оно рассматривается как лексический полонизм (Булыка 1980, 121; ССМ XIV-XV ст., там же).

В памятниках польской письменности слово *woźnik* ‘koń pociągowy; zaprzęgowy koń’ известно с конца XIV – начала XV в. и в этом значении оно употреблялось в XV-XIX вв. (SłStp X(4), 303; Reczek 1968, 564; Linde VI, 299; Karłowicz VII, 702). В словаре современного польского языка *woźnik* ‘koń

używany do zapręgu; koń pociągowy, sigowy' уже снабжается пометой «daw.» (SłJP IX, 1251).

Приведенные выше данные указывают на то, что существительное *возникъ* в интересующем нас значении в «простой мове» является лексическим полонизмом, а в русском языке это семантический полонизм, проникший в памятники письменности XVII в., вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

ДОХОЖЕНЬЕ (3) Действие по глаг. *доходити* в знач. 'добиваться чего-л. (своих прав, справедливости и т.п.): *Ты великому государю нашему, его царскому величеству, в дохоженье прирожденных панствъ его служилъ и промышлялъ с великимъ радѣньемъ* (СГГД 2, 221(100), 1605 г.). *Ты пан-рада великому государю нашему ... в дохоженье прирожденных панствъ его служил ..., и его царского здоровья остерегал* (Сб.РИО 137, 187-188, 1605 г.; там же, 191).

По происхождению лексема *дохоженье* является отглагольным существительным от префиксального глагола **do-choditi*, 1 л. ед.ч. **do-chodjŕ* 'приходить, доходить, достигать', имеющего общеславянское распространение и восходящего к и.-е. корню **sed-*: **sod-* 'сидеть' (Brückner 1974, 181; ИЭССРЯ II, 346; Фасмер IV, 252-253; ЭССЯ 5, 52).

В древнерусском языке это слово в значении 'походка' известно с XIV в. (СлДРЯ III, 76). Затем мы находим его в историческом словаре русского языка в значении 'доходить; двигаясь, достигать какого-л. места', которое иллюстрируется единственной цитатой XVI в. из переведенного с польского текста, а также в интересующем нас значении, датированном 1605 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 4, 346). Последний случай тоже представлен единственным примером, совпадающим с одним из приведенных нами. Итак, известные на данный момент случаи употребления *дохоженье* в анализируемом значении относятся к началу XVII в. и приходятся на дипломатическую корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ.

В русских лексикографических источниках это слово в форме *дохожденье* отмечалось еще и в XIX в., в словарях современного русского

языка оно уже не регистрируется (Даль I, 485-486). Но в интересующем нас значении судьба его далее XVII в. пока не прослеживается.

Обстоятельства появления *дохоженье* в исследуемом значении в русском языке побуждают нас обратиться к истории его в польском. Здесь *dochodzenie* в значении 'dopominanie się, dobijanie się, usilne staranie się o co' известно с 60-х гг. XVI в. И в этом значении употребляется до настоящего времени (Bańkowski 1, 279; SłP XVI, V, 215; SłPaska I, 149; Linde I, 450; Karłowicz I, 479; SłJP II, 180).

С 70-х – 80-х гг. XVI в. *дохоженье*, *дохожене* в значении 'дзеянне па дзеясл. *доходити* ў знач. 'дамагацца, дабівацца, імкнуцца', 'досягнення чого-небудзь за дапамогаю суду, здобування правам' встречается в памятниках старобелорусской и староукраинской письменности, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами (ГСБМ 9, 53; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 8, 190). Далее мы обнаруживаем *дохожённе* 'отыскиваніе' в словаре, отражающем лексический состав белорусского языка XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 144). Однако в словаре современного белорусского языка это слово уже не фиксируется. Не представлено оно и в словаре украинского языка XIX в.; тогда как в словаре современного украинского языка находим его в форме *дохожёння* в значении 'дія за знач. *доходити* 'проводячи послідовно яку-небудь дію чи ряд дій, добиватися чого-небудзь; досягати наміченого' (СУМ II, 397, 398).

Приведенный выше обзор истории слова *дохоженье* в анализируемом значении позволяет, на наш взгляд, утверждать, что в восточнославянских языках мы имеем дело с семантическим полонизмом. Причем проникновению его в русский письменный язык XVII в. могла способствовать «простая мова».

ЖАРЬ (1) *м.* Высокая температура воздуха; жара, зной; *мн.* Жаркие дни, следующие подряд; установившаяся жаркая погода: *Да послы же говорили: которых мы людей посылаем в полки, и у тѣх людей лошади тучны, ныне приходят жары, и притчею, дорогою ѣдучи розожгутца, и у них бы были запасные лошади ...*(Сб.РИО 137, 690, 1607-1608 гг.).

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, восходит к праслав. **žarъ* 'огонь, пламя', 'жар' (< **gēr-ǫ-s*) от и.-е. корня

*g^hher- ‘теплый’, ‘горячий, жаркий’ (Brückner 1974, 661-662; ИЭССРЯ I, 292; Преображенский I, 221-222; Фасмер II, 35; Шанский I(5), 277).

В древнерусском языке *жарь* в значении ‘жар; пламя, огонь’ отмечается с XII в. (Срезневский I, 845; СлРЯ XI-XVII вв. 5, 75). В интересующем нас значении это слово впервые встречается в переводном с польского тексте XVI в. (СлРЯ XI-XVII, там же). Обнаруженный нами случай употребления *жарь* приходится на дипломатический документ, отражающий контакты МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в.

В лексикографических источниках русского языка эта лексема регистрируется с начала XVIII в. и в анализируемом значении употребляется до настоящего времени, в форме множественного числа в словаре современного русского языка сопровождаясь пометой «прост.» (Поликарпов 1704, 103 об.; СлРЯ XVIII в. 7, 95; САР II, 397; Даль I, 526; ССРЛЯ (2)V-VI, 72).

Поскольку в русской письменности наиболее ранние фиксации существительного в исследуемом значении приходятся на тексты, язык которых испытал значительное польское влияние, обратимся к его истории в польском языке. Здесь *żar* ‘upał, spieka, spiekota, gorąco’ известно, по меньшей мере, со второй половины XVI - начала XVII в. (Linde VI, 745; Karłowicz VIII, 691; SłJP X, 1400).

С конца XVI - начала XVII в. *жарь* в изучаемом значении засвидетельствовано в «простой мове» (ГСБМ 9, 270; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 9, 129). В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., данное существительное в этом значении не представлено. В словаре современного белорусского языка *жар* ‘гарачыня, спёка’ снабжено пометой «разм.», а в словаре современного украинского языка оно в этом значении имеет помету «рідко» (ГСБМ 2, 251; СУМ II, 508).

Итак, если учитывать характер памятников, в которых *жарь* в интересующем нас значении на первых порах отмечалось в русском языке, а также сопоставить хронологические данные в польском и восточнославянских языках, то не исключено, что в последних мы имеем дело с семантическим полонизмом.

ЗАБОРОНА (6) ж. Запрет, запрещение, воспреещение; возражение: *Въ своихъ ... удѣльныхъ Государствахъ ... костелы ставити Римские, і Бискупы и попы Латынские ... также набоженство своеи Римские вѣры держати безо всякие забороны ...* (СГГД 2, 161(76), 1604 г.). *И волно ей ... монастыри и костелы ставити римские, и бискупы, и попы, и вѣра утверждати римская безо всякіе забороны ...* (РИБ 16, 411(95), 1606 г.). *И вольно ей в тѣхъ великихъ государствахъ ... вѣра утвердити римская безо всякие забороны* (Сб.РИО 137, 265, 1606-1607 гг.; там же 338). *И поволит в тѣхъ великихъ государствахъ монастыри и костелы ставити римские и бискупы и попы и вѣра утверждати римская безо всякие забороны* (там же, 431, 1607-1608 гг.; там же, 513).

Это существительное, вероятнее всего, образованно с помощью темы –а от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **borniti(se)* ‘защищать, оборонять’, ‘препятствовать, задерживать’, ‘мешать’, ‘запрещать’, которое объясняется как производное на –*iti* от имени с –*i*- основой **bornь* ‘бой, битва; война’, ‘спор’, ‘защита’, ‘оружие’, суффиксального деривата (суф. –*нь*) от **borti*, 1л. ед.ч. **borjǫ* ‘бороться, воевать’, ‘осиливать, одолевать’ < и.-е. корень **bher-*: **bhor-* ‘обрабатывать что-л. острым орудием’, ‘резать’, ‘колоть’, ‘царапать’ (Berneker I, 76; Bogus 2005, 40; Brückner 1974, 41-42; ИЭССРЯ I, 104-105; Sławski I(1), 43-44; Фасмер I, 197; Fraenkel I, 35-36; ЭССЯ 2, 207-209, 213-214).

В памятниках письменности лексема *заборона* впервые отмечается в последней четверти XIV в. в значении ‘защита, оборона’, в котором она употреблялась и на протяжении XV-XVII вв. (Срезневский I, 896; СлРЯ XI-XVII вв. 5, 138). В интересующем нас значении это существительное в историческом словаре представлено единственным примером, совпадающим с первым из анализируемых нами (СлРЯ XI-XVII, там же). Таким образом, в русском письменном языке оно в этом значении, по имеющейся на данный момент информации, было представлено в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в., причем только в документах по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. И далее XVII в. судьба этого слова ни в одном из указанных выше значений для русского языка не прослеживается.

Обстоятельства появления *заборона* в значении ‘запрет, запрещение, воспрещение; возражение’ и непродолжительность его бытования в русской письменности наводят нас на мысль, что мы имеем дело с семантическим заимствованием из польского. И действительно, в письменных источниках *zaborona* ‘*zabranienie, zabronienie, wzbronienie, zakaz; sprzeciw*’ известно с середины XVI в. и продолжало употребляться до середины XVIII в. (Reczek 1968, 603; Linde VI, 602). Но в словаре, регистрирующем польский язык XIX в., это существительное, в том числе и в интересующем нас значении, уже снабжено пометой «*staropolski*», а в словаре современного польского языка оно не представлено вообще (Karłowicz VIII, 28).

Со второй половины 60-70-х гг. XVI в. *заборона* ‘заборона, заказ’¹¹⁰ засвидетельствовано в «простой мове», причем на первых порах это значение фиксировалось в сильно полонизированных текстах (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 9, 203; ГСБМ 10, 90). Далее находим *заборона* ‘запрещение’ в словаре, отражающем украинский язык XIX в. (Грінченко I, 543). В этом значении лексема продолжает бытовать и в современном белорусском (*забарона* ‘наказ не рабіць чаго-н.’) и украинском (*заборона* ‘наказ не робити чого-н.’) языках (ГСБМ 2, 276; СУМ III, 26).

Сопоставление приведенных выше данных по истории *zaborona* в польском и *заборона* в анализируемом значении в восточнославянских языках позволяет, как нам представляется, с достаточной долей уверенности утверждать, что в последних это семантическая калька, которая в русский письменный язык XVII в. попала, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы». Подтверждением нашей точки зрения может служить и то, что полонизмами в русском языке XVII-XVIII вв., по мнению ряда исследователей, являются такие однокоренные лексемы, как *забранять, заборонять* ‘запрещать, возбранять’, *заборонение* ‘запрет’ и *заборонити* ‘запретить, возбранить’, последнее, видимо, - семантическим (см. Kosta 1982, 118; Sobik 1969, 220; Смирнов 1910, 115; Witkowski 1999, 49; 2006, 53).

¹¹⁰ В значении ‘перашкода, заміна’ существительное в старобелорусских текстах представлено с начала XVI в. (ГСБМ 10, 90).

ЗАКАЗЪ (7) м. Приказ, наказ, повеление: *Король всѣх тѣх людей, которые были с тѣми баламутом и с воеводою Сендомирским, велѣл вернути назад в Польшу за многим **заказом*** (Сб.РИО 137, 258, 1606-1607 гг.; там же, 363). *А о лазутчикѣхъ бы есте ... велѣли **заказъ** учинить крѣпкой, чтобъ лазутчиковъ переимать* (ДАИ 2, 4(2), 1613 г.). *Про выхотцовъ и про перебѣщиковъ ... **заказъ** учинити крѣпкой подѣ крѣпкою заповѣдью, чтобъ однолично никакихъ выходцовъ и перебѣщиковъ ... не принимали* (Якубов 1897, 271, 1622 г.; там же, 274, 1624 г.; там же, 287, 1630 г.; там же, 110, 1649 г.).

Это существительное, известное в западно- и восточнославянских языках, представляет собой безаффиксное производное от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. *zakazati, 1 л. ед.ч. *zakazjǫ (> *zakažǫ) ‘советовать, указывать’ > ‘приказывать, поручать’ > ‘запрещать’ (Шанский II(6), 36, а также с. 417-418 данной работы).

В древнерусском языке *заказъ* в значении ‘вид побора с земли, взимавшегося по ханскому ярлыку, наказной грамоте в пользу монастырей’ отмечается с первой половины XII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 206). В исследуемом нами значении это слово в русской письменности встречается с начала XVI в. (там же). Важно подчеркнуть, что наиболее ранние его фиксации в этом значении приходятся на дипломатические документы. Мы также обнаружили *заказъ* ‘приказ, наказ, повеление’ в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также Швецией. При этом примечательно, что и в тех документах, которые отражают межгосударственные контакты МГ со Швецией, затрагиваются также отношения первого субъекта с Польшей.

Существительное *заказъ* ‘приказ, наказ, повеление’ привлекло к себе внимание по следующим причинам: во-первых, характером памятников, на которые приходится наиболее ранние его фиксации, во-вторых, непродолжительностью бытования анализируемого значения в русском языке: далее XVII в. история его не прослеживается, и, в-третьих, тем, что в исследованиях по истории белорусского языка *заказъ* ‘загад, наказ’, впервые засвидетельствованное на рубеже XV-XVI вв., рассматривается как полонизм, продолжавший употребляться и в «простой мове» XVI-XVII вв., причем в текстах, насыщенных полонизмами (Булыка 1972, 116; ГСБМ 10, 229; СУМ

XVI - I пол. XVII ст.10, 49; Тимченко 1, 270). В словаре, регистрирующем лексический состав белорусского языка XVIII-XIX вв., также находим *заказъ* 'приказъ', которое отсутствует в современном белорусском языке (Носович 1870, 169). В украинском языке XVIII-XIX вв. это существительное тоже употреблялось в интересующем нас значении, а в словаре современного украинского языка значение 'наказ, распоряжения' уже сопровождается пометой «діал.» (Грінченко I, 581; СУМ III, 137).

Если обратиться к польскому языку, то здесь *zakaz* 'zlecenie, polecenie, nakaz, rozkaz', судя по характеру помет в лексикографических источниках, известно уже в старопольских памятниках, по меньшей мере, хотя бы на исходе этого периода на стыке XV-XVI столетий, и бытовало в этом значении до середины XVIII в., а уже в словаре, фиксирующем польский язык XIX в., оно снабжено пометой «staropolski» (Linde VI, 661; Karłowicz VIII, 119).

Представленные факты, на наш взгляд, дают определенные основания для выводов о том, что в русском письменном языке XVI-XVII вв. *заказъ* 'приказ, наказ, повеление', вероятнее всего, является семантическим полонизмом, тогда как в «простой мове» это – лексическое заимствование, так как здесь существительное впервые появляется именно в анализируемом значении. И «простая мова» могла играть роль посредника при осуществлении заимствования русским языком.

ИМЪНІЕ (-ЬЕ), ИМЕНИЕ (-ЬЕ) (13) с. Имение, земельное владение; поместье: *А станъ былъ ... в имънїи Арцука Олстенскаго ...* (ДРВ(2)12, 239, 1599 г.). *Замъшкался за тьмъ, что ... большой Сенаторъ Князь Бискупъ Вилинской Воина, отъѣзжалъ къ себѣ въ имънье* (ДРВ(2)4, 17, 1601 г.). Сб.РИО 137, 187, 1605 г.; там же, 264, 293, 299, 1606-1607 гг.; РИБ 16, 410(95), 1606 г.; АИ 2, 127(95), 1608 г.; там же, 259(220), 1609 г.; Сб.РИО 142, 558, 1615 г.; там же, 638; ВУР 2, 353(145), 1650 г. *И чтобъ они, черкасы, или в королевские именья безо всякого сумненья* (ВУР 3, 199(91), 1652 г.).

Это существительное представляет собой отглагольное суффиксальное (суф. -(ѣ)ньѣ) производное от имеющего общеславянское распространение праслав. **ьтѣти*, 1л. ед.ч. **ьтати* 'иметь, владеть' (о происхождении глагола см. выше, с. [162](#) данной работы).

В древнерусском языке лексема *имѣние* в значении 'имущество, состояние' засвидетельствована с начала X в. (Срезневский I, 1094-1095; СлДРЯ IV, 148-149), и, по мнению составителей одного из этимологических словарей русского языка, была заимствована из старославянского (см. Шанский II(7), 53). В интересующем нас значении существительное отмечается с 60-х гг. XVI в., причем все иллюстрации, приводимые в историческом словаре, приходится на дипломатическую корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ во второй половине XVI-XVII вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 6, 227). В значении 'имение, земельное владение; поместье' анализируемая лексема употреблялась и в XVIII-XIX вв., представлена она и в словаре современного русского языка (СлРЯ XVIII в. 9, 80; САР II, 1141; Даль II, 43; ССРЛЯ 5, 292).

Учитывая данные исторического словаря, а также то, что из тринадцати обнаруженных нами случаев употребления этого существительного в дипломатической переписке конца XVI – первой половины XVII в., двенадцать приходится на документы, отражающие межгосударственные отношения МГ с Польшей и ВКЛ, мы решили обратиться к истории слова в польском языке. Здесь *imienie* 'mienie, głównie ziemia i własność ziemska, posiadłość' известно со второй половины XIV в., и в XV-XVI вв. оно продолжало встречаться в значении 'mienie, majątek; posiadłość ziemska'; но уже с XIV в. эта лексема постепенно начинает вытесняться словом *mienie* (с XVIII в. только эта форма), фиксируемым с конца XIV в., которое в интересующем нас значении продолжает бытовать до настоящего времени (Bańkowski 1, 543; там же 2, 177; Brückner 1974, 331; SłStp III(1), 22; там же IV(3), 230; Reczek 1968, 130; SłPXVI, VIII, 488-490; там же XIV, 5; Linde II, 903; там же III, 97; SłPaska I, 418; Karłowicz II, 81; там же 957; SłJP IV, 645).

С конца XIV – начала XV вв. *имѣніє, именіє, имениє* '(землеволодіння) масток' и *именье, ийменне, ийменьє, имене, именне, именьє* 'земельнае ўладанне; маёнтак, двор; вотчына, памесце' получает достаточно широкое распространение в староукраинской и старобелорусской письменности, в документах, язык которых насыщен полонизмами, и в переводных с польского текстах (ССМ XIV-XV стст. 1, 437; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 13, 114-116, 117; ГСБМ 14, 100). С конца XVI в. в «простой мове» начинает употребляться *меньє, мене* в том же значении, которое считается лексическим заимствованием из

польского (ГСБМ 17, 333; Булыка 1980, 78; ЭСБМ 7, 15). Однако, далее XVII в. судьба ни одной из этих лексем ни для белорусского, ни для украинского языков пока не прослеживается.

Проанализировав приведенную выше информацию, мы склоняемся к выводу, что в восточнославянских языках (русском, старобелорусском, староукраинском) *имѣние, имене* в значении ‘имение, земельное владение; поместье’, очевидно, является семантическим полонизмом, проникновению которого в русский письменный язык второй половины XVI в., вероятнее всего, способствовала «простая мова», посредническая роль которой в данном случае, на наш взгляд, подтверждается и материалами К.П. Смолиной (1990, 59-60).

КУСТОДИЯ (-БЯ) (7) *ж.* Прокладка, покрытие над печатью для предохранения ее от порчи: *Кайма и фигуры болюіе ... печать болюа подѣ кустодѣю* (ПДС 2, 829, 1604 г.). Сб.РИО137, 191, 1605 г.; Сб.РИО 142, 359, 1613 г.; ПА, 160, 1613-1614 гг.; ЭСРШ, 48(23), 1630 г.; СГГД 3, 373(109), 1638 г. *Грамота писана на александрейской ... бумаге, кайма и богословье писано золотом, ... печать на красном воску ..., а кустодья с фигуры ...* (ИСНСР 2, 56(15), 1641 г.).

Это слово восходит к латинскому *custōdia* ‘надзор, охранение, наблюдение; караул, стража’ < *custōs, -ōdis* ‘страж; хранитель, надзиратель’; М.Фасмер (II, 432) и Ф.Славский (III, 430) считали, что в русский язык оно попало через греческое посредничество.

В древнерусских памятниках *кустодия* в значении ‘стража, охрана’ засвидетельствовано с XIII в. (Срезневский I, 1381; СлДРЯ IV, 341). В интересующем нас значении это существительное появляется в русской письменности только со второй половины 10-х гг. XVI в. первоначально в дипломатическй переписке (СлРЯ XI-XVII вв. 8, 146). В историческом словаре, регистрирующем русский язык XVIII в., *кустодія* во всех значениях квалифицируется как слово, выходящее из употребления (СлРЯ XVIII в.11, 92). В русской лексикографии эта лексема, в том числе и в анализируемом значении, начинает фиксироваться с конца XVIII - начала XIX в., причем в качестве ее источника указывается латынь, тогда как в словаре современного русского языка она представлена лишь в значении ‘стража’ с указанием на

греческий источник и в сопровождении пометы «устар.» (САР III, 498; ССРЛЯ 5, 1898). На наш взгляд, право на существование имеют обе версии происхождения *кустодия* в русском языке, попытаемся аргументировать это.

Нами *кустодия(-ья)* два раза было обнаружено в дипломатической корреспонденции, отражающей контакты МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ, еще в двух случаях отношения этих субъектов затрагивались в дипломатических документах по сношениям МГ с Римской Империей и Англией. Все четыре случая относятся к началу XVII в. Три последних – фиксируют связи МГ со Швецией, Германией и Молдавским княжеством в 30-40-е гг. XVII в.

Согласно данным словаря средневековой латыни в Польше, *custodia* ‘*rokrywa chroniąca odcisk pieczęci*’ было известно с середины 70-х гг. XV в. и употреблялось, по меньшей мере, до середины XVI в. (Sł.Śr II(10), 1547). В польскую средневековую латынь это слово могло попасть из чешской средневековой латыни, где *custodia* ‘*parírový kryt pečetí*’ отмечалось уже с середины 90-х гг. XIV в. (SlStřL I, 1011-1012). Далее XVI в. история существительного *kustodyja* (XVI-XVII вв.), *kustodya* (XVIII в.), *kustodja* (XIX в.), *kustodia* (XX в.) в анализируемом значении для польского языка не прослеживается, хотя на протяжении XVII-XX вв. оно продолжало бытовать в других значениях (SłP XVI, XI, 592; Linde II, 559; Karłowicz II, 649; SłJP III, 1321).

Представленная выше информация, по нашему мнению, позволяет сделать следующие выводы: сама лексема в XIII в. была, очевидно, действительно заимствована древнерусским языком благодаря греческому посредничеству. Что касается интересующего нас значения, то, видимо, можно говорить о заимствовании его в XVI в. из латыни через чешско-польское посредничество. Косвенным подтверждением этого может служить то, что в «простой мове» *кустодия*, *кустодея*, *кустодья*, *кустодья* ‘накладка ахоўная (пераважна над пячаткай у старожытных дакументах)’ считается заимствованием из польского в XVI в. (Булыка 1980, 59; ГСБМ 16, 248), и, судя по тому, что здесь лексема отмечается только в этом значении, заимствованием лексическим. Далее XVII в. судьба этого слова ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается. Таким образом, «простая мова» также

могла выступать в роли посредника при заимствовании указанного значения русским письменным языком XVI в. И наконец, свидетельством того, что сама лексема и отдельные ее значения могли заимствоваться из различных источников, могут быть колебания ударения, которые наблюдались в XVIII в. - *кустóдiя* (СлРЯ XVIII в., там же).

НАМЕТЬ (4) *м.* Шатер, палатка; навес: *И как де он приехал, и крымской де царь гетману и ему, писарю, говорил, чтоб они с ним, крымским царем, ехали до его царского намету для рады* (ВУР 3, 110(52), 1651 г.). *И он де, Иван, к ним в намет прислал тайно подслушать толмача своево, на чом Саферказы ага и Сафер ага с канслером и с моршалками договариваютца ...* (там же, 391(195), 1653 г.). *И наметь поставили близко его гетманского намету* (АЮЗР 14, 13, 1654 г.).

Это существительное, в исследуемом значении известное только в польском и восточнославянских языках, вероятнее всего, представляет собой безаффиксное производное от префиксального глагола (**namesti*), восходящего к имеющему общеславянское распространение и надежные соответствия в балтийских языках праслав. **mesī* (< **metti*), 1 л. ед.ч. **metō* во вторичном значении ‘бросить (бросать)’, ‘метнуть (метать)’ (с возможным первичным значением ‘отмечать; измерять’), < и.-е. база **me-t-*: **mo-t-* ‘производить движение руками, как при косьбе, жатве, подметании и т.п.’ от корня **mē-* с расширителем *-t-* (Verneker II, 40-43; Brückner 1974, 354; ИЭССРЯ I, 525, 527; Pokorný I, 703-704; Преображенский I, 530, 531-532, 591; Фасмер II, 607, 611, 614; там же, III, 41; Fraenkel I, 442-443; ЭССЯ 18, 105-107). В *Этимологическом словаре славянских языков* (22, 184) указывается, что дальнейшая история ланной лексемы усложняется ввиду возможности межславянских заимствований, в частности из польского в восточнославянские языки, что в особенности связано с семьей ‘шатер, палатка’. При этом приводятся материалы только по белорусскому языку (см. ГЛБМ 96), которые не позволяют сделать вывод о характере заимствования: является ли оно лексическим? Информация же по другим славянским языкам, подтверждающая предположение о семантическом калькировании с польского, отсутствует, что побуждает нас проследить историю существительного *наметь* в этих языках.

В памятниках русской письменности лексема *наметь* в значении ‘придача к товару, прибавка к земельному участку (при разделе земли) с целью компенсировать возможные изъяны товара, низкое качество земли’ впервые засвидетельствована в первой четверти XV в., а с середины XVI в. она отмечается и в значении ‘надбавка к платежам; добавочный сбор; чрезвычайный налог’ (СлРЯ XI-XVII вв. 10, 148). В интересующем нас значении *наметь* впервые регистрируется в начале 60-х гг. XVI в. в *Польских делах* и в историческом словаре сопровождается пометой «ср. польск. *namiot*», в этом значении существительное активно употреблялось в XVII в. (там же). И хотя в словаре, отражающем русский язык XVIII в., значение ‘шатер, палатка’ снабжено пометой «выходящее из употребления», а значение ‘навес’ не имеет ограничительных помет, в лексикографических источниках XIX в. и первое, и второе значения представлены без каких-либо помет (СлРЯ XVIII в., 13, 241; САР III, 1126; Даль II, 439). В словаре современного русского языка значение ‘крытый навес, шатер’ дается уже с пометой «устар.» (ССРЛЯ 7, 332).

В исследованиях по этимологии и истории белорусского языка указывается, что *наметь* ‘шацёр, палатка’ было заимствовано из польского языка в XVI в.¹¹¹ (ЭСБМ 7, 225; Булыка 1972, 214). В этом значении лексема продолжала употребляться и в «простой мове» XVII в. (ГСБМ 19, 141). Однако для белорусского языка судьба анализируемого значения далее XVII в. не прослеживается, тогда как в украинском языке *наметь* ‘палатка, шатеръ, ставка’ бытовало в XVIII-XIX вв. и в словаре современного украинского языка находим *намёт* ‘тимчасове приміщення із тканини, шкіри, рідше з гілля, що напинається на каркас; шатро; навіс із дерева або тканини’ (Тимченко 1, 461; Грінченко I, 1039; СУМ V, 126).

Учитывая изложенное выше, и то, что мы трижды обнаружили *наметь* ‘шатер, палатка; навес’ в дипломатической переписке середины XVII в. между МГ и Польшей, а также ВКЛ, обратимся к польскому языку. Здесь *namiot* ‘przenośne pomieszczenie z tkaniny (lub skór) rozpiętej na drzewnianym rusztowaniu’ известно с конца 20-х гг. XV в. и употребляется в этом значении уже на протяжении шести столетий вплоть до настоящего времени (SiStp V(1),

¹¹¹ Заметим, что в этом же столетии, но на несколько десятилетий раньше, *наметь* в старобелорусском языке встречается и в значениях ‘галаўны ўбор замужніх жанчын’ и ‘гатунак тканіны’ (ГСБМ 19, 142).

67; Reczek 1968, 227; SłP XVI, XVI, 21; SłPaska I, 468; Linde III, 234; Karłowicz III, 101-102; SłJP IV, 1109).

Итак, разделяя точку зрения А.Г.Преображенского (I, 591) и М.Фасмера (III, 41), считавших *наметъ* внутриславянским дериватом и отвергавших его заимствование из иранского и афганского *namd* 'войлок', мы полагаем, что интересующее нас значение в восточнославянских языках является семантическим¹¹² полонизмом, тогда как сама лексема могла возникнуть в них самостоятельно, так как в русском она засвидетельствована раньше чем в польском, а в старобелорусском в исследуемом значении и в других значениях (см. сноску), которые не зарегистрированы в польском, - практически одновременно. Добавим, что проникновению значения в русский письменный язык XVI в., очевидно, способствовала «простая мова».

НЕПРИЯЗНЬ (2) *ж.* Вражда, враждебность, нерасположение; недружелюбное, враждебное отношение к кому-, чему-л.: *Ведомо тебе учинилось, что великий государь наш его царское величество будто имел разумети о неприязни вашей, о которой вы не мыслили и ныне не мыслите ...* (ВУР2, 383(169), 1650 г.). *Ведомо тебе учинилось, будто великий государь наш, ево царское величество, имел разумети о неприязни вашей, которой вы не мыслили и ныне не мыслите, и против давних времен в приязни заставаете* (там же, 428(181), 1650 г.).

По поводу происхождения этого существительного существуют различные точки зрения. Одни исследователи считают его префиксальным производным от имеющего общеславянское распространение суффиксального отглагольного существительного, восходящего к праслав. **prija-zнь* 'дружба' (от **prija-ti* 'любить', 'быть доброжелательным'), и.-е. базой которого является **prijo-: *priċā-*, корень **prāi-: *prēi-: *prī-* 'любить, жалеть' (Brückner 1974, 445; КрЭСРЯ 290; см. также ИЭССРЯ II, 68; Pokorny I, 844). Другие – рассматривают *неприязнь* как заимствование из старославянского **НЕПРИЯЗНЬ**

¹¹² А не лексическим, как трактовали его белорусские исследователи (см. выше). Заметим также, что как лексический полонизм, появившийся в нормативных источниках русского языка XVIII в., его лишь упоминает, вообще не приводя никаких аргументов и даже конкретных ссылок на фиксации в памятниках, Г.Милейковская (1984, 131), эту точку зрения, видимо, разделяет и польский славист В.Витковский (2006, 116), который, по сравнению с предыдущим автором, только уточняет хронологию анализируемого нами значения.

‘дьявол’, являющегося моравско-паннонским элементом, в котором видят кальку др.-в.-нем. *unholdo* ‘дьявол’, гот. *unhulpa* – то же (Фасмер III, 64; ЭССЯ 24, 216).

В памятниках древнерусской письменности это слово в значении ‘злой дух, дьявол’ появляется с середины XI в., а в значении ‘зло’ – с XII-XIV вв. (Срезневский II, 416; СлДРЯ V, 343; СлРЯ XI-XVII вв. XI, 256). И только с 60-х гг. XVI в. *неприянь* регистрируется в русской письменности в интересующем нас значении, причем первая фиксация приходится на *Польские дела*, а само значение в историческом словаре снабжено пометой «ср. польск. *nieprzyjaźń*» (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В русской письменности XVIII в. это существительное наблюдалось уже только в исследуемом значении (СлРЯ XVIII в. 15, 28). В лексикографических источниках оно в этих значениях отмечается с начала XVIII в. и продолжает активно употребляться в русском языке до настоящего времени (САР III, 1356; Даль II, 531; ССРЛЯ 7, 1107).

Нам *неприянь* ‘вражда, враждебность, нерасположение; недружелюбное, враждебное отношение к кому-, чему-л.’ дважды встретилось в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. Такие факты, как характер памятников, в которых впервые фиксировалось существительное в анализируемом значении, а также то, что от *приянь* ‘дружба, преданность’ (со второй половины XI в.), которым оно могло быть мотивировано, – если принять первую точку зрения о происхождении *неприянь* – его отделяют пять столетий (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 87), наводят на мысль, что в русский язык значение могло быть заимствовано, и, очевидно, из польского.

В старопольском же языке *nieprzyjaźń* ‘wrogie uczucie w stosunku do kogoś, nienawiść’ известно с 60-70-х гг. XV в. (SlStp V(3), 224). В этом же значении существительное бытовало и в польском языке XVI-XIX вв. (SlPXVI, XVII, 591; Linde IV, 1196; Karłowicz III, 324). В словаре современного польского языка оно также представлено в значении ‘nieprzyjazne, wrogie stosunki z kim, wrogie uczucia dla kogo; niechęć do czego; wrogość’ в сопровождении пометы «książk.» (SlJP V, 177).

С конца XV в. *неприянь* ‘неприянь; варожасць’ засвидетельствовано в письменности ВКЛ (в других значениях – с 80-х гг. XV в.) и первоначально – в

документах по связям с Польшей, и позднее, в «простой мове» XVI-XVII вв., лексема в этом значении отмечалась в памятниках, язык которых в значительной степени полонизирован (ССМ XIV-XV ст. 2, 42; ГСБМ 20, 269; Тимченко 1, 498). В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., это слово отсутствует¹¹³. В словаре современного белорусского языка *непрыязнь* регистрируется в интересующем нас значении (ТСБМ 3, 388). И в словаре современного украинского языка находим *непріязнь* ‘неприязне, недружелюбне, вороже ставлення; неприхильність до кого-небудь’¹¹⁴ (СУМ V, 370), при этом очень показательна акцентуация существительного: она такая же, как и в польском языке.

Итак, не только исторические данные, но и формальный показатель (ударение) указывают на то, что анализируемое значение существительного *неприянь* было, вероятнее всего, заимствовано из польского, сначала в письменность ВКЛ, а затем, благодаря посредничеству «простой мовы», и в русский письменный язык второй половины XVI в.

ОБОЗЬ (12) *м.* Укрепленный военный лагерь, стан, образованный из повозок обозных войск, во время боя часто служивший оборонительным и осадным укреплением: *А вор самъ с немногими худыми людьми, с Московскими дуры и с казаки, из обозу утекъ до Колуги* (Сб.РИО 142, 393, 1613 г.). ИСНСР 2, 128(34), 1644 г.; АЮЗР 3, 282, 283; 392, 394, 1649 г.; ВУР 2, 300(133), 1649 г.; Якубов 1897, 386, 1650 г.; ВУР 3, 56(18), 1651 г.; ИСНСР 2, 239(77), 1653 г.; РБС 280(260), 1653 г. *А послъ, по егожъ гетманову письму, поѣхали было къ нему въ обозъ ...* (СГГД 3, 503(165), 1654 г.).

Это существительное, имеющее практически общеславянское распространение, восходит к **obozь*, производному с чередованием *e/lo* в корне от префиксального глагола **ob-vezti* ‘обвезти вокруг, мимо чего-л.’, соотносительного с **ob-voziti*, <и.-е. корень **цег’h-*: **цог’h-* ‘тянуть’, ‘везти’, ‘возить’ и вообще ‘двигать’ (Bańkowski 2, 349; Brückner 1974, 371; ИЭССРЯ I, 138, 587; Преображенский I, 69-70, 630; Фасмер III, 104; ЭССЯ 31, 108, 109-110,

¹¹³ В словарях, фиксирующих белорусский и украинский язык этого времени, в интересующем нас значении дается только существительное: белор. *непріяцельство* и укр. *неприятельство* (Носович 1870, 336; Гринченко I, 1092).

¹¹⁴ Заметим, что в русском языке XVIII-XX вв. и в современных белорусском и украинском языках это существительное уже выступает как однозначное слово.

115). Большинство исследователей полагает, что, учитывая ареальную ограниченность этой лексемы, невозможно говорить о ее праславянском характере, а также заимствовании или кальке из неславянских языков (ЭСБМ 1, 55; ЭССЯ 31, 110), хотя другие допускают возможность ее праславянского или восточно-праславянского происхождения (ЕСУМ 4, 139). Таким образом, из вышеизложенного следует, что мы, вероятнее всего, имеем дело со внутриславянским дериватом, который, по мнению ряда ученых, может являться межславянским заимствованием: так, чешское *oboz* ‘обоз; багаж, поклажа’, а через его посредничество, возможно, словацкое *oboz* ‘лагерь, огороженный повозками’ и верхнелужицкое *wobwóz* ‘заграждение из повозок’ считаются заимствованиями из русского, как и болгарское *obóz* ‘обоз’ (ЭССЯ 31, 109), тогда как версия о русском источнике польского *obóz* (ЭСБМ, там же), даже не упоминаемая в польских этимологических словарях, не представляется обязательной (ЭССЯ, там же).

В памятниках русской письменности *обозь* ‘войсковые запасы, имущество, боеприпасы; трофеи, захваченные в бою’ и ‘подвижное сборное сооружение, применявшееся для подступа к неприятелю (гуляй город)’ известно с конца XIV в. (Срезневский II, 532; Кочин 1937, 211; СлРЯ XI-XVII вв. 12, 116). В исследуемом нами значении эта лексема, по данным исторического словаря (СлРЯ XI-XVII вв., там же), отмечается с 40-60-х гг. XVI в., причем наиболее ранние фиксации приходятся на *Польские дела*. Из двенадцати обнаруженных нами случаев ее употребления в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. девять зарегистрированы в документах по сношениям МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ, а три – в материалах, отражающих контакты с Молдавским княжеством и Швецией, где также затрагиваются отношения первого субъекта с Польшей. Однако далее конца XVII – начала XVIII в. история *обозь* в интересующем нас значении для русского языка не прослеживается (СлРЯ XVIII в. 16, 33).

Если обратиться к польскому языку, то здесь *obóz* впервые и именно в значении ‘umocnione miejsce pod gołym niebem, w którym zbiera się i prebuwa wojsko w toku wprawy wojennej’ засвидетельствовано с 1490 г. (SłStp V(5), 364). В значении ‘zgrupowanie żołnierzy i zbiór namiotów wraz z całym wyposażeniem żołnierskim według pewnego porządku; umocnione, obwarowane

miejsce postój wojska będące w czasie bitwy często stanowiskiem obronnym' это существительное представлено и в словарях, фиксирующих польский язык XVI-XIX вв. (SłP XVI, XIX, 310; SłPaska II, 16; Linde III, 378; Karłowicz III, 497). В словаре современного польского языка это значение подается следующим образом: 'zespół namiotów i taboru usytuowanych pod gołym niebem, przeznaczonych na dłuższy postój i odpoczynek dla większej grupy osób w czasie długiej wędrówki, wyprawy itp.; dawniej przede wszystkim miejsce koncentracji wojsk służące często za stanowisko obronne; ludzie mieszkający w tych namiotach' (SłJP V, 514).

С первой половины XVI в. встречаются отдельные случаи употребления *обозь* в анализируемом значении в письменности ВКЛ, более активным бытование этой лексемы в «простой мове» становится со второй половины XVI – начала XVII в., причем на прехых порах значение 'военный лагерь, стан' регистрируется в переводных с польского или насыщенных полонизмами текстах (Горбачевский 1874, 54; ГСБМ 21, 226; Тимченко 2, 15). В лексикографических источниках, отражающих белорусский язык XVIII-XX вв., это существительное в интересующем нас значении отсутствует. В украинском же языке XVIII-XIX вв. *обі́з*, *обо́з* продолжало употребляться в значении 'лагерь, стань', которое в словаре современного украинского языка уже сопровождается пометой «заст.» (Грінченко II, 14, 25; СУМ V, 549).

Сопоставление приведенной выше информации, на наш взгляд, дает определенные основания для вывода о том, что в польском языке *obóz*, впервые появившееся в исследуемом значении, могло быть самостоятельным образованием. И уже из польского либо сама лексема¹¹⁵, либо только это ее значение было заимствовано в «простую мову» и, видимо, благодаря посредничеству последней оно попало в русский письменный язык XVI в.

ПОСТАВЛЕНЬЕ (3) с. Постановление, решение; соглашение, договор:
А Жигимонта Короля и пановъ радъ Полскихъ и Литовскихъ, что они учинили передъ нашими государьствы неправды, поруша мирное поставленье ... вамъ

¹¹⁵ Поскольку наиболее ранне употребление, датируемое 1520 г. (ГСБМ, там же), допускает неоднозначное толкование значения, а в исследованиях по этимологии украинского языка (ЕСУМ, там же) лексема приводится с двоякой акцентуацией (*обі́з*), то не исключено, при условии, что пример под 1520 г. иллюстрирует изучаемое значение, что в «простую мову» была заимствована сама лексема.

объявляемъ (ДАИ 2, 5(6), 1613 г.). *А Царь Борис, въдаючи мирное поставленье ... ратныхъ людей не держалъ ...* (ПДС 2, 940, 1613 г.). *И третействомъ своимъ мирное поставленье учинить ...* (ПДС 3, 176, 1654 г.).

Данное существительное представляет собой отглагольное суффиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **staviti* (о его происхождении см. выше, с. 149 данной работы).

В древнерусской письменности *поставление* начинает регистрироваться с XII-XIII вв. в значениях ‘возведение в должность, сан, звание; рукоположение; коронация’, ‘постройка, устройство’ и ‘то, на чем покоится, стоит что-л.; то, что поддерживает что-л.; опора’ (Срезневский II, 1258-1259; СлДРЯ VII, 290; СлРЯ XI-XVII вв. 17, 230). В интересующем нас значении эта лексема, по данным исторического словаря, впервые отмечается в 1569 г. в *Шведских делах*, при этом примечательно, что иллюстрации, датируемые в этом источнике XVII в., также почерпнуты из дипломатики или документов, близких к ней по содержанию (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 231).

Нам *поставленье* ‘постановление, решение; соглашение, договор’ встретилось в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также с Римской империей, причем в последнем случае затрагиваются и взаимоотношения Московии с Польшей. На употребление этого существительного в XVII в. в памятниках именно такого рода обращает внимание исследователей исторической лексикологии и Е.М. Иссерлин (1961, 49).

В анализируемом значении *поставленіе* представлено еще в словаре, отражающем лексический состав русского языка XVIII – первой четверти XIX в. (САР V, 47-48), однако далее судьба его уже не прослеживается, хотя глагол *поставить* ‘установить, узаконить’ употреблялся еще и в XIX в., но в словаре современного русского языка значение ‘принять решение, постановить’ уже снабжено пометой «истор.» (Даль III, 342; ССРЛЯ 10, 1530).

Характер памятников, на которые приходится все относящиеся к XVI-XVII вв. фиксации *поставленье* ‘постановление, решение; соглашение, договор’, наводит на мысль о возможной неисконности значения для русского языка, а также указывает на направление поисков его потенциального

источника. Предполагать, что мы имеем дело с семантическим калькированием, побуждает и то, что глагол *postawiti* в мотивирующем значении ‘постановить, решить; утвердить, узаконить’ в русской исторической лексикографии иллюстрируется единственным примером из документа 1610 г., кстати, содержащего описание ситуации в Польше (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 228). Из чего следует, что на данный момент существительное в русском письменном языке имеет более раннюю хронологию, нежели глагол. Тогда как в старопольских текстах *postawienie* ‘uchwała, zarządzenie, decrētum, ēdictum’ засвидетельствовано уже со второй половины XV в., с того же времени, что и мотивирующий его глагол *postawić* ‘uchwalić, ustanowić, constituēre, instituēre’ (SłStp VI(6), 456, 458).

В этом значении анализируемое существительное бытовало в польском языке на протяжении всего XVI столетия (SłP XVI, XXVIII, 182). В польской лексикографии, отражающей язык XVIII-XIX вв., оно в этом значении, как и мотивирующий его глагол *postawić* ‘postanowić, ustanowić, uchwalić’, уже сопровождается пометой «staropolski» (Karłowicz IV, 762, 763). В словаре современного польского языка *postawienie* в интересующем нас значении не фигурирует вообще.

В старобелорусской и староукраинской письменности, а также текстах на «простой мове» лексема *поставленье* в исследуемом значении пока не обнаружена, хотя в других значениях она наблюдалась с первой половины XVI в. (ГСБМ 27, 180-181). Заметим при этом, что глагол *postawiti* в значении ‘вырашыць’ был известен здесь уже со второй половины XV в., а в значении ‘установиць, вызначыць’ – со второй половины XVI в., а в значении ‘заклучыць (мір)’ – с начала XVII в. и фиксировался в этих употреблениях в основном в источниках, испытавших польское влияние (там же, 27, 175). В словарях, включающих запас белорусского и украинского языков XVIII-XX вв., существительное в интересующем нас значении отсутствует, однако в словаре современного украинского языка находим глагол *postawiti* ‘прийняти яке-небудь рішення; вирішити, ухвалити’, но уж с пометой «заст.» (СУМ VII, 365).

Итак, сопоставление приведенной выше информации дает, на наш взгляд, определенные основания для заключения о том, что *поставленье*

‘постановление, решение; соглашение, договор’ в русском письменном языке XVI-XVII вв., возможно, является семантическим полонизмом.

II.2.2. Имя прилагательное

ГЛУБОКИЙ (1) Отличающийся глубиной, проникающий во внутреннюю сущность чего-л.; значительный, серьезный: *Ни один не имеет двуглав преступить царское повеленье ... будучи он человек достойной и в разуме глубок ...* (ИСНСР 2, 103(29), 1643 г.).

У этого слова, имеющего общеславянское распространение, нет бесспорной этимологии. Оно представляет собой суффиксальное производное (суф. *-окъ-*: **glǫbokъjь*) от праслав. **glǫbъ* (: **glybъ*) ‘глубокий’ (первоначально ‘выдолбленный, вырытый’), возможной и.-е. базой которого является **gleu-bh-* ‘рыть, выдалбливать’, при этом в связи со славянской формой существуют дополнительные сложности, поскольку к уже существующим и.-е. расширителям (**gl-eu-bh-*: **gl-ou-bh-*: **gl-ǫ-bh-*) в ней добавляется носовой инфикс: **glǫbokъ* < **gl-om-b-* или **gl-um-b-* (Bańkowski 1, 435; Berneker I, 307; Фасмер I, 415; ЭССЯ 6, 141-142).

В древнерусском языке прилагательное *глубокий* в различных значениях известно с XI-XII вв. (Срезневский I, 520; СлДРЯ II, 331-332). В интересующем нас значении *глубокий* встречается в памятниках письменности с XVI в., причем из двух случаев, которыми иллюстрируется это значение в историческом словаре (СлРЯ XI-XVII вв. 4, 35-36), один приходится на *Историю о великом князе Московском* А.Курбского, язык произведений которого, как известно, насыщен полонизмами (см. Тамань 1961, 203; Калугин 1994, 354). В анализируемом значении прилагательное продолжало употребляться в XVII-XIX вв., бытует оно и в современном русском языке (СлРЯ XI-XVII вв., там же; СлРЯ XVIII в. 5, 131; САР I, 1127; Даль I, 357; ССРЛЯ (2)III, 144).

Мы обнаружили это слово в исследуемом значении в дипломатическом документе по связям МГ с Молдавским княжеством в начале 40-х гг. XVII в., где затрагиваются также и отношения первого субъекта с Польшей. Примечательно, что еще и в первой половине XVIII в. оно в этом значении

отмечалось в основном в памятниках, язык которых был насыщен заимствованиями из различных западноевропейских языков (СлРЯ XVIII в., там же).

Учитывая обстоятельства появления *глубокий* ‘отличающийся глубиной, проникающий во внутреннюю сущность чего-л.; значительный, серьезный’ в русском языке, мы решили проследить его историю в польском. В старопольской письменности *głęboki* ‘poważny, gruntowny, przenikający istotę rzeczy, niepowierzchowny; mądry: *głęboki rozum*’ известно уже с середины XV в. и употребляется в этом значении до настоящего времени (SłStp II(6), 418; SłPXVI, VII, 370; Linde I, 708; Karłowicz I, 841; SłJP II, 1155). В связи с происхождением этого переносного значения в польском языке заметим, что оно может быть семантическим бегемизмом, так как в старочешском языке *hluboký* в этом значении датируется первой половиной XIV в. (SłStčes I, 431). Косвенным подтверждением нашего предположения может служить то, что однокоренная лексема *głębina* ‘abyssus’, по мнению Йозефа Речека, была заимствована из старочешского в середине XV в. (Reczek J. 1968, 129).

С конца XVI – первой половины XVII в. *глубокий, глыбокий* ‘грунтоўны, сур’ёзны, важны’ появляется в старобелорусских, и с того же времени *глубокий, глубокий, глыбокий, глыбокий* ‘значний за змістом, значенням’ – в староукраинских памятниках, причем первоначально в текстах, язык которых отражает достаточно значительное польское влияние (ГСБМ 6, 295; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 6, 221). В этом значении прилагательное представлено и в словарях, регистрирующих украинский язык (*глибокий*) XIX-XX вв., и в словаре современного белорусского (*глыбокі*) языка (Грінченко I, 330; СУМ II, 83; ТСБМ 2, 59).

Сопоставление приведенной выше информации, на наш взгляд, дает определенные основания для заключения о том, что в восточнославянских языках анализируемое значение прилагательного *глубокий* может быть заимствованием из польского.

НЕСЛЫХАННЫЙ (1) Необыкновенный, необычайный, редкий; невиданный, небывалый, беспримерный: *Многие земли позасели и острошки после тово ... утвержьенья поставили, и за тое свою неправду сами не хотят*

войну всчать, делают по **неслыханному** варьварьскому обычаю, чево не ведетца меж крестьянских господарей (ИСНСР 2, 86 (25), 1642 г.).

Это прилагательное представляет собой префиксально-суффиксальное производное от глагола, восходящего к праслав. **slychati*, являющемуся итеративом к **sluchěti* (> **slušati*) ‘слушать’, образованному с помощью суффикса *-ěti* от **slъchъ* ‘слух’ < и.-е. база **kleц-s-* ‘слава’, ‘мнение’, ‘молва; слух’, ‘слово’ (Brückner 1974, 501-502; Преображенский II, 327-328; Фасмер III, 679; ЭССЯ 25, 17).

В древнерусских памятниках *неслыханьнии* ‘такой, о котором никогда не слышали, неизвестный’ засвидетельствовано с первой четверти XIII в. и фиксировалось в этом значении еще и в первой половине XV в. (Срезневский II, 425; СлДРЯ V, 361). В интересующем нас значении первое появление этого слова в русском письменном языке относится к XVI в. и отмечается в *Истории о великом князе Московском* А.Курбского (СлРЯ XI-XVII вв. 11, 290). А как известно, язык произведений этого автора, и в особенности указанного выше произведения, насыщен полонизмами. В лексикографических источниках лексема регистрируется с 30-х гг. XVIII в. и бытует в нем до настоящего времени (СлРЯ XVIII в. 15, 66; САР III, 1363; Даль II, 535; ССРЛЯ 7, 1170).

Нам *неслыханный* ‘необыкновенный, необычайный, редкий; невиданный, небывалый, беспримерный’ встретилось в дипломатическом документе 40-х гг. XVII в., отражающем контакты МГ с Молдавским княжеством, в котором много внимания уделяется также и отношениям первого субъекта с Польшей и ВКЛ. Учитывая то, что наиболее ранние фиксации прилагательного в анализируемом значении в русском языке приходятся на памятники, испытавшие достаточно сильное польское влияние, не следует исключать возможность семантического заимствования.

Ведь *niesłuchany* ‘niespodziewany, niezwykły’ было известно уже в старопольском языке первой четверти XV в. (SłStp V(3), 231). И в значении ‘taki o którym się nie słyszało, nie dochodzący do wiadomości; niebywały, niezwykły, zdumiewający, nadzwyczajny’ это прилагательное употреблялось в польском языке на протяжении XVI-XX вв., вплоть до настоящего времени (SłPXVI, XVIII, 54-55; Linde III, 311; Karłowicz III, 337; SłJP V, 203).

При этом, по мнению А.Баньковского (2, 309), *nieślýchany* в XV в. представляет собой кальку с латинского *inauditus* ‘неслыханный; небывалый, необычный’, а позднее и с немецкого *unerhört*, и французского *inouï*. Однако, если говорить о прямом калькировании с этих языков, то более вероятно, что оно осуществлялось сначала старочешским языком, и, видимо, все-таки с немецкого, так как в нем *nieślýchany* ‘*nebývalý; neobvyklý, neobvyčejný; neuvěřitelný, nepředstavitelný*’ представлено уже со второй половины XIV в. (StěSl V, 720-721). Таким образом, в старопольском языке мы, видимо, имеем дело с семантическим богемизмом.

С конца XV в. *неслыханный, неслыханный* ‘нечуваны, небывалы; незвычайны’ впервые зафиксировано в письменности ВКЛ в переводном с польского тексте (ГСБМ 20, 303). И вообще в «простой мове» XVI-XVII вв. эта лексема в указанном значении, как правило, обнаруживается в текстах, язык которых испытал достаточно сильное польское влияние (ГСБМ, там же). Для белорусского языка история ее далее XVII в. не прослеживается. Тогда как в украинском языке *несліханий* ‘неслыханный’ бытовало еще и в XIX в. (Грінченко I, 1094), но в словаре современного украинского языка это прилагательное уже отсутствует.

Судя по хронологическим данным и характеру памятников, где *неслыханный* в интересующем нас значении впервые представлено в восточнославянских языках, можно, на наш взгляд, с достаточной степенью уверенности считать его полонизмом в них. Причем в «простой мове» это, вероятнее всего, лексическое заимствование, так как лексема в письменных источниках ВКЛ до сих пор регистрировалась только в этом значении, а в русском письменном языке XVI-XVII вв. – заимствование семантическое¹¹⁶, проникновению которого в памятники могла способствовать «простая мова».

ОТМЪННЫЙ (1) Изменчивый, непостоянный: *А того не начался, чтобъ мы противъ свтости вшеи и противъ своихъ словъ отмънны были; непременно то, какъ есмь в первомъ листу ... обещали, такъ и совершимъ* (СГГД 2, 250(114), 1650 г.).

¹¹⁶ А не словообразовательная калька непосредственно с немецкого *unerhört*, вопреки К.Флекенштейн (1966, 155-156), учитывая хронологию и характер памятников, на которые приходятся наиболее ранние фиксации этого прилагательного в анализируемом значении.

Это прилагательное представляет собой суффиксальное производное от префиксального глагола **оть-мѣнити*, восходящего, в свою очередь, к имеющему общеславянское распространение индоевропейского характера существительному **мѣна* ‘изменение, перемена’, ‘мена, обмен’ < и.-е. основа **meǵ-n-o*: **moǵ-n-o* от корня **meǵ-*: **moǵ-* ‘менять, обменивать; меняться’ с расширителем *-n-* (Ва́ńkowski 2, 379; Verneker II, 48; Brückner 1974, 329; ИЭССРЯ I, 552; Pokorný I, 710; Преображенский I, 578-579; Фасмер II, 600; ЭССЯ 18, 172, 113-114).

Лексема *отъмѣньныи* в значении ‘полученный или данный как возмещение чего-л., взамен чего-л.’ в древнерусском языке встречается со второй половины XIV в. (Срезневский II, 801; СлДРЯ VI, 258). В интересующем нас значении в историческом словаре она представлена единственной иллюстрацией из дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ начала XVII в., совпадающей с обнаруженным нами случаем, сопровождаемой пометой «ср. польск. *odmienny*» (СлРЯ XI-XVII вв. 13, 270). Судьба прилагательного в этом значении, по имеющимся у нас на данный момент сведениям, в русском языке ограничивается XVII в.

Учитывая характер памятника, в котором регистрируется *отъмѣнный* в исследуемом значении, и то, что глагол *отъмѣнити* ‘изменить’, мотивирующий это слово, в историческом словаре представлен единственной иллюстрацией из памятника XVI в. по списку XVII в., язык которого также отражает польское влияние (СлРЯ XI-XVII вв. 13, 269), мы склонны предполагать, что анализируемое значение прилагательного не самостоятельно развилось в русском языке, а было заимствовано из польского.

Обратимся к польскому языку. Здесь глагол *odmieniać, otmienić* ‘zmieniać, wprowadzać zmiany, przekształcać’ известен с начала XV в., а *odmienić, otmienić* ‘zmienić, przkształcić’ – с середины XV в., мотивированное им прилагательное *odmienny* ‘zmieniający się; niestały, niestateczny’ – с первой половины XVI в. и в этом значении бытовало на протяжении XVI-XIX вв. (SłStp V(6), 465, 466; SłPXVI, XX, 307-308; Reczek 1968, 282; SłPaska II, 35; Linde III, 444; Karłowicz III, 624). В словаре современного польского языка *odmienny* в значении ‘ulegający zmianom, zmieniający się; zmienny, niestały, nietrzwały’ уже сопровождается пометой «przestarz.» (SłJP V, 733).

С первой четверти XVI в. регистрируется единичное употребление *отменный* ‘зменлівы, непастаянны; недаўгавечны’ в письменности ВКЛ, причем в этот период оно наблюдается в источниках, насыщенных полонизмами или переведенных с польского текста, однако более широкое распространение *отмѣнный, отменный, одменный* в этом значении получает в «простой мове» с конца 60-х гг. XVI – начала XVII в. (СМС 1, 464; ГСБМ 22, 376; там же, 23, 149; Тимченко 2, 66). *Одмѣнный* в значении ‘переменный’ находим еще в словаре, регистрирующем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 360). Однако далее этого времени судьба его в белорусском языке не прослеживается, а для украинского языка история прилагательного в интересующем нас значении ограничивается пока XVII в. (Тимченко, там же).

Итак, судя по приведенной информации, *отмѣнный, отменный* в интересующем нас значении в «простой мове», может быть, является семантическим заимствованием из польского, так как глагол *отменить* в мотивирующем значении отмечается позже, с конца 20-х гг. XVI в., а в форме *одменить* – вообще со второй половины 50-х гг. XVI в. (ГСБМ 22, 36; там же 23, 147), хотя, учитывая близость во времени появления у прилагательного значения ‘призначаны на абмен’¹¹⁷ и ‘зменлівы, часовы, недаўгавечны’, когда практически невозможно установить хронологический приоритет одного из них, нельзя исключать и возможность лексического заимствования. Для русского письменного языка XVII в. говорить именно о семантическом калькировании с польского можно с большей долей уверенности, причем заимствованию значения, видимо, способствовала «простая мова».

РАБОТНЫЙ (3) Добывающий средства к существованию наемным физическим трудом: *Да онъ же де наняль для дворового строенья работныхъ людей, а почтитъ ихъ обычей и вина поднести нечего ...* (Якубов 1897, 400, 1648 г.). *На подѣлку наряда войсковаго, и на пушкарей, и на всѣхъ работныхъ людей, которые у наряда бывають, изволилъ учинить свое ... призрѣнье какъ в зиму, такъ и о станахъ* (ПСЗ 1, 312(199), 1654 г.). *И на всѣхъ работныхъ людей, которые у наряда бывають, чтобъ Царское Величество пожаловаль,*

¹¹⁷ *Одменный* ‘призначаны на абмен’ в старобелорусской письменности – также с первой четверти XVI в. (ГСБМ 22, 37).

изволилъ учинить свое Царское милостивое призьрънье ... (СГГД 3, 508(168), 1654 г.).

Данное прилагательное образовано путем суффиксации (суф. *-ьнь*) от имеющего общеславянское распространение **orb-ota* с первоначальным значением 'рабство, неволя' вероятнее всего, отглагольного деривата от праслав. **orbiti*, восходящего к **orbъ* 'раб; невольник; слуга' < и.-е. **orbhos* (основа **orbh-o-*, корень **orbh-(?)* 'лишенный чего-л.', 'осиротевший', 'сирота', 'маленький', 'ребенок', 'нужда', 'работа', хотя, согласно другой точке зрения, **orbota* рассматривается как отыменное производное и возводится непосредственно к **orb*, а первичное значение **orbota* при этом определяется как 'деятельность лица, обозначенное именем **orb*' (Borys 2005, 515; Brückner 1974, 459; Pokorný I, 781-782; Преображенский II, 169-170; Фасмер III, 427, 478; ЭССЯ 32, 119-121, 130). С течением времени слово *работа* в результате развития аканья и закрепления его на письме получило в общерусском языке постоянную форму с *-а-* (вм. *робота*) и устойчивое значение 'трудовая деятельность, труд', а в связи с этим, как считает П.Я.Черных, наметился семантический сдвиг и в развитии производных слов: *работать, рабочий* (ИЭССРЯ II, 92).

В памятниках древнерусской письменности лексема *работьньи, роботьньи* в значениях 'относящийся к рабству, связанный с рабством', 'состоящий в рабстве; подвластный' отмечается с XI в., а с XII-XIII вв. – и в значении 'служебный' (Срезневский III, 5; СлРЯ XI-XVII вв. 21, 108-109). В первых двух значениях она бытовала в русской письменности еще и в XVI-XVII вв., и в «простой мове» того же времени представлено *работный, роботный* 'занявлены, службовы' (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 108; СМС 2, 159, 169).

В интересующем нас значении *работный* появляется в русском письменном языке с 30-40-х гг. XVII в. и сначала – в составе устойчивых сочетаний *работный человекъ, работные люди* 'человек, нанимаемый для выполнения каких-л. работ, живущий наемным физическим трудом', а затем, с 60-х гг. XVII в., и вне этих сочетаний, причем в историческом словаре это значение иллюстрируется в основном примерами из *Донских дел* (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 109). Мы трижды обнаружили анализируемое прилагательное в составе сочетания *работные люди* в дипломатической корреспонденции конца 40 –

середины 50-х гг. XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В исследуемом значении *работный* употреблялось и в XVIII в., а в словаре современного русского языка эта лексема уже снабжена пометой «устар.». (САР V, 775; ССРЛЯ 12, 22).

С середины XVII в. прилагательное *работный* ‘рабочий’ засвидетельствовано в текстах на «простой мове», при этом в историческом словаре украинского языка оно сопровождается комментарием «пл. *robotny*» (Тимченко 2, 274). И в украинском языке XIX в. *робітний* имело значение ‘рабочий, для работы’ (Грінченко II, 536). В словаре современного украинского языка эта лексема, в том числе и в значении ‘який працює; трудящий (*робітні люди*)’, дается с пометой «заст.» (СУМ VIII, 585). В белорусской лексикографии, отражающей язык XVIII-XIX вв., это прилагательное не регистрируется.

На наш взгляд, приведенная выше информация может свидетельствовать о том, что анализируемое значение прилагательного развилось не в самом русском языке, как предполагал П.Я.Черных (ИЭССРЯ, там же), а было заимствовано из польского. Так, в старопольских письменных источниках уже с начала XV в. *robotny* было известно в значениях ‘skłonny do pracy, zajęty pracą, czupny’ ‘przyuczony do pracy, używany do pracy’¹¹⁸, на базе которых и развилось исследуемое значение (SłStp VII(6), 473). Со второй половины XVI в. данное прилагательное фиксируется в значении ‘pracowity’, а с конца XVI – начала XVII в. – и в значении ‘roboczy, pracujący, robiący, żyjący z pracy rąk’, в том числе и в составе сочетания *robotni ludzi* (Reczek 1968, 413; Linde V, 37). В этом значении *robotny* употреблялось в польском языке еще и в XVIII в. (Karłowicz V, 542). В современном польском языке это прилагательное в значении ‘lubiący pracować, chętnie, dobrze pracujący; pracowity’ входит в активный лексический запас, а значение ‘wykonujący jakąś pracę, pracujący; przeznaczony do pracy; roboczy’, включая и сочетание *robotni ludzi* снабжено пометой «przestarz.» (SłJP VII, 1004).

Сопоставление данных по истории *robotny* в польском и *работный*, *работный* в изучаемом значении в восточнославянских языках дает, по нашему

¹¹⁸ Тогда как в памятниках русской письменности значение ‘относящийся к работе, работам (хозяйственным, сельским, градостроительным и т.п.); рабочий (о скоте)’ – только со второй половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 109).

мнению, достаточные основания, чтобы трактовать его как семантический полонизм в последних. При этом, проникновению его в русский письменный язык XVII в., очевидно, способствовала «простая мова». Кстати, как семантический полонизм в русском языке квалифицирует *роботный*¹¹⁹, только в другом значении, ‘работящий, трудолюбивый’ (с 30-х гг. XVII в.), В.Витковский (1999, 165; 2006, 186).

РОВНЫЙ (1) Предполагающий или обнаруживающий равенство сил, общественного положения, прав, условий; без преимущества одного (одних) перед другим(и): *Справедливо чью своею не хотеть тое злости и неправды Борисовы долго терпетьи, перепустил на него не короля, не монарха ..., ему в силе и мужности **ровного**, але истинного его холопа з народу Московского ...* (Сб.РИО 142, 550, 1614-1615 гг.).

Это прилагательное, распространенное в западно- и восточнославянских языках, восходит к праслав. **orvьnъ(jь)* ‘ровный; гладкий’, ‘плоский’, образованному с помощью суф. *-ьнъ* от более ранней несохранившейся формы **orvъ* или **orvь*, и.-е. базой которой является **(a)reц-*: **(a)reцэ-*: **rī-* ‘открывать; раскрывать’, ‘делать пространным’, отсюда первоначальное значение праслав. **orvьnъ*, видимо, ‘открытый (ничем не ограниченный, не заслоненный)’, ‘пространный’ (Boryś 2005, 524-525; Brückner 1974, 464; ИЭССРЯ II, 118; Pokorný I, 338, 847; Фасмер III, 489; ЭССЯ 32, 227-228).

Ровный впервые засвидетельствовано в древнерусской письменности в значениях ‘ровный, без впадин и возвышений’ и ‘равный’ в памятниках XII-XIII вв., которые приводятся по спискам XV в. (СлРЯ XI-XVII вв. 22, 173). В интересующем нас значении наиболее раннее упоминание этой лексемы отмечается в *Судебнике Ивана IV* 1550 г. (там же). И вполне вероятно, что при создании этого кодекса в качестве образцов использовались *Судебник Казимира Великого* 1468 г. и *Статут Великого Княжества Литовского* 1529 г., а это могло отразиться на языке судебного кодекса. И нам *ровный* в анализируемом значении встретилось в тексте, испытавшем польское влияние: в дипломатическом документе начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ.

¹¹⁹ *Работный* в том же значении – с 70-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 109).

Вышеизложенные факты наводят на мысль о возможной неисконности значения ‘предполагающий или обнаруживающий равенство сил, общественного положения, прав, условий; без преимущества одного (одних) перед другим(и)’ у прилагательного *ровный* в русском языке. Тем более что в старопольской письменности *równy* в значении ‘*równy pod względem stanu społecznego; znajdujący się w podobnej sytuacji, jednakowo traktowany, dzielący podobny los*’ известно уже с начала XV в. (SłStp VIII(1), 36), и, возможно, при формировании этого значения не обошлось без латинского влияния (лат. *conditio et fortuna par*), как и в целом при формировании польской юридической терминологии¹²⁰. В таком употреблении данная лексема продолжала бытовать и в XVI-XIX вв., в словаре современного польского языка также находим ее в значении ‘*dorównujący komu, równający się z kim, nie gorszy (i nie lepszy) od kogo pod jakimś względem; mający te same uprawnienia, pochodzący z tej samej warstwy, klasy społecznej*’ (Reczek 1968, 429; Linde V, 58; SłPaska II, 337; Karłowicz V, 748; SłJP VII, 1356).

В русском же языке *ровный* в этом значении не представлено в лексикографических источниках XVIII-XIX вв., однако в словаре современного русского языка мы находим указанное прилагательное в значении ‘обладающий одинаковыми с другим (другими) правами; равноправный’, но в сопровождении пометы «устар.» (ССРЛЯ 12, 1356). Попутно заметим, что в древнерусском языке с середины XI в. в очень близком к исследуемому значению лексемы *ровный* употреблялось прилагательное *равный* ‘равный по достоинству, значению’, которое бытовало в этом значении на протяжении XII-XIX вв., и в словаре современного русского языка оно регистрируется в значениях ‘такой же, одинаковый с кем-, чем-либо в каком-нибудь отношении: по личным качествам, свойствам; по судьбе, по служебному, общественному и др. положению’ и ‘обладающий одинаковыми с другим (другими) правами; равноправный’ (Срезневский III, 10; СлРЯ XI-XVII вв. 21, 119; САР V, 785; Даль IV, 6; ССРЛЯ 12, 47, 48).

С середины 30-х гг. XV в. *ровный* ‘(за змістом, за значенням) такий самий’ засвидетельствовано в староукраинских памятниках, также с XV в. наблюдается и значение ‘рівний, однаковий (за моральними якостями)’, причем

¹²⁰ О роли латыни в становлении польской юридической терминологии, в частности, на базе слов с этим корнем находим информацию у Я.Лося (1925, II, 241).

в обоих значениях эта лексема первоначально обнаруживается в актах по связям с Польшей или исходящим из нее (ССМ XIV-XV ст. 2, 294). С первой половины XVI в. *ровный* ‘аднолькавы’ представлено в старобелорусских текстах (СМС 2, 169). В значении ‘равный’ *ровный* выявляется и в «простой мове» XVII в. (Тимченко 2, 274). В этом значении находим прилагательное в белорусском (*рównый* ‘равный’) и украинском (*рівний* ‘равный, одинаковый’) языках XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 563; Грінченко II, 529). В словарях современных белорусского (*роўны*) и украинского (*рівний*) языков оно также фиксируется в интересующем нас значении (ТСБМ 4, 718; СУМ VIII, 549).

Итак, опираясь на приведенную выше информацию, мы склоняемся к выводу, что в восточнославянских языках *ровный* в интересующем нас значении, по всей вероятности, калькирует польское *równy* в соответствующем значении. При этом в русский письменный язык XVI в. это значение попало, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы». Непродолжительность его бытования в русском языке может объясняться дублированием с тем же значением лексемы *равный*, заимствованной из старославянского языка (ИЭССРЯ II, 92; Преображенский II, 170; Фасмер III, 428).

II.2.3. Глагол

ВАЛИТИСЯ (1) *несов.* Разваливаться, рушиться, обрушиваться: *И трь [ружные храмы] ... безъ архієпископля и воеводцкого призрѣнья ваятсѧ ...* (Якубов 1897, 360, 1650 г.).

Этот глагол представляет собой постфиксальное образование от имеющего общеславянское распространение праслав. **valiti* ‘валить’, ‘катить’ < и.-е. корень **uel-* (**uōl-*) ‘катать’, ‘вертеть(ся), крутить’, ‘поворачивать(ся)’ (Brückner 1974, 599-600; ИЭССРЯ I, 132; Преображенский I, 64; Фасмер I, 268; Шанский I(3), 12).

В памятниках русской письменности *валитися* впервые появляется во второй половине XI в. в значении ‘перекатываться’ (СлДРЯ I, 370). В исследуемом значении это слово отмечается с XVI в. и в историческом словаре для этого периода представлено единственной иллюстрацией из переводного с

польского памятника *Назиратель* (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 13). Нами оно обнаружено в дипломатическом документе, отражающем контакты МГ со Швецией с вередине XVII в., в котором также затрагиваются отношения МГ с Польшей.

В русской лексикографии *валиться* регистрируется с 80-х гг. XVIII в., и на протяжении XVIII-XIX вв. интересующее нас употребление подавалось в словарях как оттенок значения ‘падать откуда-л.; сваливаться’, причем в словаре современного русского языка ‘разрушаться, разваливаться’ снабжено пометой «разг.» (СлРЯ XVIII в. 2, 208; САР I, 377; Даль I, 161; ССРЛЯ I, 23).

Глагол *валитися* в анализируемом значении привлек наше внимание по следующим причинам: во-первых, характером памятника, где он впервые зарегистрирован, и, во-вторых, тем, что первая его фиксация значительно отстоит во времени от последующих, которые для XVII в. представляют собой в основном извлечения из дипломатических документов или близких к ним по жанру текстов, то есть памятников, как правило, насыщенных заимствованиями, в том числе и полонизмами.

Обратимся к польскому языку: здесь *walić się* ‘rozpadać się z gruzu, na kawałki; zamieniać się w ruinę, być w ruinie, grozić zawalieniem; rozwalać się, rozpadać się’ известно с 40-х гг. XVI в., и в лексикографических источниках на протяжении XVIII-XX вв. указанное значение представлялось как самостоятельное (Linde VI, 131; Karłowicz VII, 449; SłJP IX, 828).

С конца XVI - начала XVII в. *валитися* ‘бурыцца, абвальвацца’, ‘руйнуватися’ фиксируется в старобелорусской и староукраинской письменности, причем в текстах, в значительной степени насыщенных полонизмами (ГСБМ 2, 307; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 3, 170). В интересующем нас значении мы находим этот глагол в словарях, отражающих белорусский (*валіцца*) и украинский (*валитися*) языки XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 43; Грінченко I, 166). В словаре современного белорусского языка ‘падаць трацячы апору; рушыцца’ является оттенком значения ‘падаць на зямлю; вывальвацца’ глагола *валіцца*, в словаре современного украинского языка ‘повільно руйнуватися’ – оттенок значения ‘падати, перекидатися від поштовху, удару і т.ін.’ (ТСБМ I, 457; СУМ I, 284).

Анализ приведенной выше информации, по нашему мнению, дает определенные основания для предположения о том, что в восточнославянских языках *валитися* ‘разваливаться, рушиться, обрушиваться’ – семантический полонизм. При этом проникновению значения в русский письменный язык XVI-XVII вв., вероятнее всего, способствовала «простая мова».

ВКИНУТИСЯ (2) *сов.* Ворваться; напасть, вторгнуться: *Крымская орда если бы имѣла вкинутися, тогда ... на нихъ наступити ..., а нынѣ еще въ братствѣ, дать сроку, и ихъ не задирать* (ПСЗ 1, 314(119), 1654 г.). *Крымская орда если бы имѣла вкинутися, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступити, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть* (СГГД 3, 510(168), 1654 г.).

Это слово представляет собой постфиксальный дериват от префиксального глагола, восходящего к **kud-nŕ-ti*, итератива к имеющему общеславянское распространение и соответствия в некоторых и.-е. языках праслав. **kudati* ‘бросать’, ‘выбрасывать’, ‘рвать’, ‘прерывать’, ‘лить’, ‘вычищать навоз’, и.-е. базой которого является **kūd-*, связанное чередованием гласных с **keud-*: **skeud-* ‘гнать; подгонять’, ‘спешить, торопиться’, ‘бросать(ся)’, ‘бойкий, проворный’, ‘теснить’ (Berneker I, 676; Brückner 1974, 226; Sławski II, 136-137; Фасмер II, 230; Шанский II(8), 125-126; ЭССЯ 13, 252).

Лексема *вкинутися* в значении ‘броситься во что-л.’ представлена в русской письменности с 70-х гг. XV в., в исследуемом значении в историческом словаре она иллюстрируется единственным примером, совпадающим с одним из анализируемых нами (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 197). Мы дважды обнаружили *вкинутися* ‘ворваться; напасть, вторгнуться’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ в Польшей и ВКЛ в XVII в.

За исключением указанного выше случая *вкинутися* в интересующем нас значении не регистрируется больше ни одним лексикографическим источником русского языка, то же можно сказать и о белорусском и украинском языках, где это значение глагола не засвидетельствовано в словарях.

Учитывая обстоятельства появления *вкинутися* ‘ворваться; напасть, вторгнуться’ в русском языке, источник этого значения, видимо, следует искать в польском языке. Здесь *wkinąć się* в значении ‘werwać się, wmoć się,

natarczywym domaganiem wedrzeć się' известно со второй половины XVI в. и бытовало еще и в XVII-XVIII вв., но уже в словаре, отражающем польский язык XIX в., оно снабжено пометой «gwarowy», а в словаре современного польского языка это значение не фиксируется вообще (Linde VI, 253; Karłowicz VII, 637). Эта информация, на наш взгляд, достаточно убедительно подтверждает высказанное ранее предположение о том, что в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с семантическим полонизмом.

ЗАЙТИ (4) *сов.* Произойти, случиться; наступить, начаться, возникнуть: *А отпускает Цесарь тебя вскорь для того, что **зашли** Цесарскому Величеству многие великие дѣла ...* (ПДС 2, 722, 1599 г.). *А велѣл бы Ондръю отписати в Смоленскъ к воеводе, зачѣмъ вы здѣсь долго живете, что короля **зашли** многие земские дѣла и вскоре вамъ у него бытии нельзя* (Сб.РиО 137, 303, 1606-1607 гг.). *И послы говорили, и там де **зайдетъ** Святая недѣля, и нам деи досталь у государя не бывать* (там же, 631, 1607-1608 гг.). *В брацкой милости с нами живучи, они счастьем нашим тешется, а когда што противно **зайдет**, жалуют, также взаем от нас того разуменья, в смутку и в жалосных прямо помочь просят* (ВУР 2, 31(11), 1648 г.).

Это слово представляет собой префиксальное производное от имеющего общеславянское распространение праслав. *jьti, 1 л. ед.ч. *jьdo 'идти' < и.-е. корень *ej-: *ī-: *i- с расширителем -dh- (*ejdh-) 'идти' (Berneker I, 420-421; Brückner 1974, 194; Преображенский I, 276; Sławski I(5), 472-473; Фасмер II, 117-118; ЭССЯ 8, 247-248).

Глагол *зайти* в различных значениях отмечается в памятниках древнерусской письменности с XII в. (СлДРЯ III, 306). В интересующем же нас значении он впервые засвидетельствован с 60-х гг. XVI в., и все наиболее ранние случаи его употребления во второй половине XVI – первой половине XVII в., по данным исторического словаря (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 206) и по нашим сведениям, приходятся на дипломатическую корреспонденцию, причем на документы, отражающие в основном связи МГ с Польшей и ВКЛ, и даже в тех из них, где речь идет о контактах МГ с третьими странами, затрагиваются также отношения первого субъекта с Польшей.

В лексикографических источниках *зайти* в значении ‘начаться, возникнуть’ регистрируется с 80-х гг. XVIII в. и употребляется в нем до настоящего времени, однако сочетаемость его сузилась: ‘возникнуть, начаться (о беседе, споре и т.п.)’ (СлРЯ XVIII в.7, 230; ССРЛЯ (2)V-VI, 354).

Учитывая обстоятельства появления анализируемого значения у глагола *зайти* в русском языке, мы решили обратиться к польскому языку. Здесь *zajść, zacząć, zaiść, zająć* (три последних формы – только в старопольском) ‘nastać, eveniře, obogiti’ известно с начала XV в., *zajść się* ‘wydarzyć się, stać się, mieć miejsce’ – со второй половины XV в. (SłStp XI(2), 93). В значении ‘nadejść, nastać; zdarzyć się, zjawić się’ *zajść* бытовало и в XVI-XIX вв., представлено оно и в словаре современного польского языка (Linde VI, 830; Karłowicz VIII, 114; SJP X, 435).

С первой четверти XVI в. *зайти, зайти* ‘(наступити, настати, статися; початися) зайти’ фиксируется в староукраинских, а с начала XVII в. *зайти, зайти* ‘пачацца, наступіць’ – в старобелорусских памятниках, причем в текстах, насыщенных полонизмами (СУМ XVI - I пол. XVII ст.10, 46; ГСБМ 10, 225). Далее мы находим *зайсці* ‘узнікнуць, пачацца (пра размову, гутарку)’, то есть в таком же употреблении, как и в русском языке, уже только в словаре современного белорусского языка (ГСБМ 2, 318). А в словаре современного украинского языка *заходити, зайти* представлено в значениях ‘виникати, починатися; наставати, надходити’ и ‘відбутися, статися’, последнее – с пометой «розм.» (СУМ III, 388).

Завершая обзор истории анализируемого глагола *зайти* в исследуемом значении в польском и восточнославянских языках, мы, опираясь на исторический критерий (хронологические данные, характер памятников), склоняемся к выводу, что в последних это значение, по всей видимости, является семантическим полонизмом. При этом при осуществлении заимствования в роли посредника могла выступать «простая мова».

МЪШАТИ, МЕШАТИ (3) *несов.* Являться помехой, создавать препятствия в чем-л., расстраивать планы: *И против папы, и цесаря римского, и всего дому устрейского стояти и их свирепое и кровное умышление мешати ...* (ЭСРШ 36(16), 1629 г.). *Воевода вологодцкой ... хлеб велел перепечатать, и мешал королевским прикащиком хлеб закупать ...* (там же, 43(21), 1630 г.). *И во*

всемъ Государю и всему Россійскому Государству быти вѣрну и послушливу ... во всякомъ добръ искати прибыли и помощи, и всякое злое умышленье отъ Государева недруга мѣшати (СГГД 3, 328(88), 1631 г.).

О происхождении этой лесе́мы см. выше, с. 168 данной работы.

В древнерусском языке *мѣшати* в значениях ‘смешивать с чем-л., соединять что-л. разнородное’ и ‘перемешивать, замешивать’ известно с XII-XIII вв. (Срезневский II, 253; СлРЯ XI-XVII вв.9, 139). В интересующем нас значении, по данным исторического словаря, глагол впервые появляется в начале XVI в. в дипломатическом документе в составе устойчивого сочетания *не мѣшати дѣла* ‘не мешать делу, не вмешиваться’ и лишь с конца 70-х гг. XVII в. в свободном употреблении (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Судя по материалам указанного источника, широкое распространение анализируемое значение получает только с XVIII в. Однако еще и в первой четверти XVIII в. *мѣшати* ‘создавать препятствия, являться помехой в чем-л.’ в основном встречалось в дипломатике или двуязычных словарях (СлРЯ XVIII в.13, 168). В лексикографических источниках оно регистрируется с первой половины XVIII в. и с тех пор и до настоящего времени продолжает употребляться в русском языке, однако в словаре современного русского языка, в отличие от словарей XVIII-XIX вв., *мешати* ‘являться помехой, создавать препятствия в чем-л.’ подается как самостоятельная лексема, то есть как омоним к *мешати* в других значениях (Вейсманов Лекс. 1731, 417; Росс. Целлариус 1771, 333; САР III, 947; Даль II, 372; ССРЛЯ 6, 951).

Мѣшати, мешати в указанном выше значении мы обнаружили в дипломатической переписке конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в. между МГ и Швецией (оба документа представляют собой переводы, а, как показывают наши наблюдения, переводная дипломатика XVI-XVII вв. независимо от того, с какого языка осуществлялся перевод, очень часто насыщена полонизмами), а также Германией. В последнем случае много внимания уделяется и отношениям МГ с Польшей.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *mieszać* ‘wprowadzać zamieszanie, niepokoić, zakłócać spokój, przeszkadzać; burzyć ustalony porządek’ отмечается с начала XVI в. и уже в этом столетии получает широкое

распространение, продолжая активно употребляться и в XVII-XIX вв. (SłP XVI, XIV, 86; SłPaska I, 420; Linde III, 88; Karłowicz II, 963). В словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «przestarz.», но продолжает бытовать фразеологизм *mieszać komuś szyki; zamysły* ‘przeszkadzać w wykonaniu czyichś zamiarów’ (SłJP IV, 655).

С конца XVI – начала XVII в. *мешати* в значениях ‘перашкаджаць’ и ‘бунтаваць’ засвидетельствовано и в «простой мове», причем наиболее ранние его фиксации приходятся на тексты, испытавшие сильное влияние польского языка, или переводные с него (ГСБМ 18, 25). Далее мы находим *мяшáць* ‘перашкаджаць’ в словаре современного белорусского языка, где оно, как и в русском, подается как омоним к *мяшáць* в других значениях (ТСБМ 3, 196). Так же представлен глагол *мишáти* и в словаре современного украинского языка, но с пометой «розм.» (СУМ IV, 760).

Сопоставление приведенной выше информации позволяет, на наш взгляд, опираясь на исторический критерий (характер памятников, хронологические данные), выдвинуть предположение о том, что в восточнославянских языках значение ‘являться помехой, создавать препятствия в чем-л.; расстраивать планы’ у анализируемого глагола могло появиться под влиянием польского языка.

МИГНУТИ (1) *сов.* на кого. Подать знак движением век, глаз: *Да мигнуль де на нихъ Григорей стрелцомъ, и стрелцы ... тѣхъ измѣнниковъ в мгновении ока изсъкли на малые части ...* (СГГД 2, 297(140), 1606 г.).

Праслав. **mignoti* (**mьgnoti*) представляет собой суффиксальное производное (суф. *-noti*) от **migati* ‘мигать, моргать’, ‘мигать, мерцать, сверкать; мелькать’, восходящего к и.-е. корню **meǵ-*: **mi-*, обозначающему неустойчивое, переменное движение, с расширителем *-gh-*: **meǵh-* ‘мелькать’ (Berneker II, 57; ИЭССРЯ I, 529; Фасмер II, 618-619; Fraenkel I, 447; ЭССЯ 19, 26-28, 29).

Мьгнути (*мегнути*) ‘мигнуть’ отмечается в русском языке с XIV в., а *мигнути* ‘мигнуть, моргнуть’ – с конца XVI в. (Срезневский II, 224; СлРЯ XI-XVII вв.9, 52, 149). В интересующем нас значении как *мигати*, так и *мигнути* стали известны с XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв.9, 148, 149). Причем и глагол несов.

вида, и глагол сов. вида в историческом словаре иллюстрируются в этом значении единичными примерами (там же). Однако уже в первой половине XVIII в. эта лексема в анализируемом значении получает достаточно широкое распространение (СлРЯ XVIII в.12, 176). С этого же времени она представлена в русской лексикографии и продолжает употребляться в русском языке до настоящего времени, но с другим управлением: *мигну́ть* кому (САР III, 766; Даль II, 324; ССРЛЯ 6, 965).

Мы обнаружили этот глагол в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей начала XVII в., и этот случай на данный момент следует считать наиболее ранней точно датированной его фиксацией в русском письменном языке в исследуемом значении¹²¹. Это обстоятельство, а также характер памятника, в котором лексема в интересующем нас значении встретилась впервые, может свидетельствовать о неисконности этого значения для русского языка, а также указывать на источник заимствования.

Так, в польском языке глагол сов. вида *migać* в значении ‘szybko poruszać oczami czy powiekami, dając tym znaki (np. przyzywania)’ известен с конца XIV – начала XV в., а глагол сов. вида *mgnąć* (старопольская форма XV-XVII вв.), *mignąć* (с первой половины XVI в.) ‘mrugnąć, znaczo poruszyć okiem; mignąć okiem na kogo’ – с первой половины XVI в., формы обоих видов употреблялись в указанном значении на протяжении XVI-XVIII вв. (Bańkowski 2, 169, 185, 186; SłStp IV(4), 190, 250; SłP XVI, XIII, 333; XIV, 148, 150; Linde III, 95). В словаре, отражающем польский язык XIX в., *migać*, *mignąć* в анализируемом значении подаются как устаревшие и диалектные (Karłowicz II, 977), а в словаре современного польского языка это значение для данных лексем не регистрируется вообще. Со второй половины XVI в. в интересующем нас значении в польском языке отмечается также глагол *mrugać*, *mrugnąć*, который бытует до настоящего времени: *mrugać na kogo okiem*, *mrugnąć okiem* ‘mrugając porozumiewać się; dawać znaki, dać znak oczami’ (Bańkowski 2, 220; SłP XVI, XV, 153, 154; Karłowicz II, 1061; SłFJP 1, 590).

С конца XV – начала XVI в. *мигнути* ‘мігнуць, маргнуць’, в том числе и в интересующем нас употреблении, появляется в «простой мове» и

¹²¹ Строго говоря, *мигати* именно в значении ‘подавать знаки движением век, глаз’ известно с первой половины XVIII в., так как в XVII в. эта лексема встречается в более общем значении ‘делать знаки’ (СлРЯ XI-XVII вв.9, 148; СлРЯ XVIII в., там же).

первоначально в переводных с польского или сильно полонизированных текстах (ГСБМ 18, 37). Кстати, форма несом. вида *мигати* ‘мігаць, маргаць’ засвидетельствована только с начала XVI в., то есть позже, и представлена в историческом словаре белорусского языка единственной иллюстрацией (там же, 36). В словарях, регистрирующих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., обнаружить это слово в исследуемом значении не удалось. В словаре современного белорусского языка *мігнуць* ‘падаць знак рухам павек’ (ГСБМ 3, 150). Тогда как в словаре современного украинского языка этот глагол в данном значении не фиксируется.

Сопоставление приведенной выше информации дает, на наш взгляд, достаточные основания для того, чтобы рассматривать *мигнути* ‘подать знак движением век, глаз’ как семантический полонизм в восточнославянских языках. При этом в русский письменный язык анализируемое значение проникло, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

МОЛЧАТИ (2) *несом.* Терпеливо переносить что-л., не высказывая своего мнения, отношения к чему-, кому-л., не возражать; не жаловаться, не высказывать претензий, требований: *И я ихъ встрѣчаю прямою правдою и самому я королю въ томъ не молчалъ ...* (Лыжин 1857, 234(37), 1614 г.). *Въ такомъ де бечестъ королевское величество быти не хочетъ, что де в вѣдомъ своихъ поданныхъ отступитца, и молчати тому не учинетъ* (Якубов 1897, 207, 1649 г.).

Этот глагол, имеющий общеславянское распространение (праслав. **mьlčati* < **mьlčęti* < **mьlkęti* ‘быть тихим, молчаливым’), и достаточные возможности внутренней реконструкции, является отыменным суффиксальным (суф. *-ęti*) дериватом, вероятнее всего, от прилагательного **mьlkъ* ‘слабый’ с возможной и.-е. базой **melək-* (: **mьlk-*): **mlāk-* ‘мягкий’, ‘слабый’, ‘вялый’, ‘глупый’, восходящей к корню **mel-* ‘молоть’ (Brückner 1974, 337; ИЭССРЯ I, 540-541; Преображенский I, 553; Фасмер II, 648; ЭСБМ 6, 266; ЭССЯ 21, 102-103).

В древнерусской языке *мьлчати* в значении ‘хранить молчание, безмолствовать’ известно со второй половины XI в. (Срезневский II, 203; СлДРЯ V, 56; СлРЯ XI-XVII вв.9, 256). В интересующем нас значении *молчати*

появляется в памятниках письменности в 70-е г. XVI в. в *Посланиях Ивана Грозного* (СлРЯ XI-XVII вв., там же)¹²², который, как известно, в своих письмах не избегал полонизмов (см. Тамань 1960, 104-124; 1961, 199-202). Нами оно было отмечено дважды в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям с Англией и Швецией. В первом случае текст документа содержит полонизмы, а во втором, наряду с отношениями МГ со Швецией, затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей. В анализируемом значении глагол *молчати* продолжал употребляться в русском языке XVIII-XIX вв., тогда как в словаре современного русского языка это значение уже не регистрируется (САР III, 843-844; Даль II, 343).

Учитывая характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *молчати* в исследуемом значении в русском языке, можно допустить, что мы имеем дело с семантическим заимствованием из польского. Если обратиться к польскому языку, то здесь в письменных источниках *milczeć* ‘biernie, spokojnie się zachowywać, nie reagować, w milczeniu znosić, nie sprzeciwiać się’ отмечается со второй половины XIV – первой половины XV в. (SłStp IV(4), 251). В значении ‘nie reagować słowem lub czynem na jakąś określoną sytuację, nie protestować; nie upominać się o coś; nie zaprzeczać’ глагол продолжал бытовать и в польском языке XVI-XIX вв. (SłP XVI, XIV, 160; Linde III, 97; Karłowicz II, 981). В словаре современного польского языка это значение уже не представлено.

Начиная с 20-х гг. XV в. в письменности ВКЛ, в документах, отражающих контакты с Польшей, встречаются единичные случаи употребления *молчати* ‘не заперечувати’ (ССМ XIV-XV ст.1, 610). Более привычным *молчати* ‘цярпець, зносиць’ становится с начала XVI в., однако и в это время лексема в указанном значении очень часто регистрируется в текстах, язык которых полонизирован (ГСБМ 18, 142). И хотя в словарях, фиксирующих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., этот глагол в анализируемом значении отсутствует, в словаре белорусского языка находим *маўчаць* в

¹²² По нашему мнению, в историческом словаре, регистрирующем русский язык XI-XVII вв., значения *молчати* разграничены некорректно: ‘терпеливо перносить’ и ‘умалчивать, не жаловаться, не высказывать претензий, требований’ (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Подтверждением этому может служить то, что уже в словаре, отражающем язык XVIII в., находим: ‘не высказывать своего мнения, отношения к чему-л.; не протестовать, не жаловаться’ и ‘умалчивать, не сообщать о чем-л.’ (СлРЯ XVIII в.13, 19-20).

значении ‘не выказваць адкрыта сваіх думак, намераў’, оттенком которого является ‘зносиць што-н., не скардзячыся, не пратэстуючы’ (ТСБМ 3, 125). В словаре современного украинского языка *мовчати* отмечается в значении ‘покірно терпели, зносити що-небудь’ (СУМ IV, 771).

Опираясь на представленные выше сведения, мы склоняемся к выводу, что в русский письменный язык второй половины XVI - начала XVII в. интересующее нас значение глагола *молчати* попало, по всей вероятности, из польского и, видимо, благодаря посредничеству «простой мовы», где оно, очевидно, также является семантическим полонизмом.

НАВОДИТИ (8) *несов.* На что. Уговаривать, убеждать; склонять к чему-л.: *Во всь люди учаль свои бѣсовскіе мечты вмѣщати, ... и на то наводити, чтобъ къ тому вору приставали ...* (РИБ 16, 406-407(95), 1606 г.). Сб.РИО 137, 259, 277, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 112, 1610 г.; там же, 491, 1614-1615 гг.; Якубов 1897, 119, 1649 г. *И наводилъ Царское Величество ихъ на то, чтобъ они были у Короля въ подданствѣ ...* (ПДС 3, 415, 1655 г.).

Этот глагол генетически может представлять собой две различные структуры: итератив-имперфектив с основой на *-i-* (и чередованием гласных в корне) от **navesti* и сложение **na* с **voditi*¹²³, 1 л. ед.ч. **vodjǫ*, итератива к **vesti*, 1 л. ед.ч. **vedǫ* ‘вести’ (ЭССЯ 24, 13-15).

В древнерусском языке эта лексема встречается со второй половины XI-XII вв. (Срезневский II, 268-269; СлДРЯ V, 129; СлРЯ XI-XVII вв.10, 35). В интересующем нас значении она засвидетельствована в памятниках русской письменности со второй половины 30-х гг. XVI в. (первая фиксация в *Польских делах*), причем, по данным исторического словаря, на протяжении XVI – первой половины XVII в. все регистрации отмечаются только в дипломатической корреспонденции (СлРЯ XI-XVII вв.10, 36). Из восьми обнаруженных нами случаев шесть (начало XVII в.) приходятся на документы по сношениям МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ и два (середина XVII в.) – на источники, отражающие контакты со Швецией и Римской империей. С конца 10-х гг. XVI в. в том же значении фиксируется и форма совершенного вида *навести* и также

¹²³ О происхождении **vesti*: **voditi* см. с. 142 данной работы, а также: Brückner 1974, 628-629; Фасмер I, 330-331; Шанский I(3), 124).

в дипломатике (там же, 31). Однако история как *навести*, так и *наводити* в исследуемом значении в русском письменном языке была непродолжительной: для формы совершенного вида она ограничивается XVI в., а для формы несовершенного вида – XVII в.; в лексикографии, отражающей русский язык XVIII-XX вв., ни *навести* ‘уговорить; убедив, склонить к чему-л.’, ни *наводити* ‘уговаривать, убеждать; склонять к чему-л.’ уже не представлены.

С конца XV в. *навести* ‘падгаварыць; угаварыць, схіліць каго-н. на што-н.’ появляется в письменности ВКЛ, а с начала 30-х гг. XVI в. зафиксировано и *наводити* ‘угаворваць, схіляць каго-н. да чаго-н.’ (ГСБМ 18, 325, 329). Следует заметить, что наиболее ранние употребления обеих форм приходятся на переводные с польского тексты или на документы, язык которых довольно сильно полонизирован. Так же, как и в русском языке, судьба этого глагола в указанном значении ни для белорусского, ни для украинского языков далее XVII в. не прослеживается.

Судя по обстоятельствам, изложенным выше, интересующее нас значение у *навести*, *наводити*, вероятнее всего, в восточнославянских языках было неисконным. Если обратиться к польскому языку, то здесь *nawodzić* ‘naprowadzać, namawiać, nakłaniać’ известно с начала XV в., а *nawieść* ‘namówić, skłonić’ – со второй половины того же столетия и обе эти формы бытовали в этом значении и в XVI-XVIII вв. (SłStp V(2), 127, 128; SłP XVI, XVI, 422, 426; Linde III, 281). В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., это значение уже подается как устаревшее (Karłowicz III, 205), а в словаре современного польского языка оно вообще отсутствует.

Сопоставление приведенной выше информации позволяет, опираясь на исторический критерий, говорить о том, что в восточнославянских письменных языках XVI-XVII вв. *навести*, *наводити* в анализируемом значении, очевидно, являются семантическими заимствованиями из польского. Проникновению значения в русскую письменность могла способствовать «простая мова».

ОПИСОВАТИ (7) *несов.* Называть, именовать, титуловать (в официальных документах): *Въ докончальныхъ грамотахъ ... пишутъ съ полнымъ Царскимъ именованьемъ ... какъ Его Царское Величество описуютъ всь Великіе Государи ...* (ДРВ (2)4, 64, 1601 г.). Сб.РИО 137, 277, 1606-1607 гг.;

ПДС 2, 1122, 1614 г.; Якубов 1897, 47 1618 г.; СГГД 3, 237(59), 1621 г.; Якубов 1897, 281, 1625 г. *Имяновати по его государскому достоинству ... как онъ ... самъ себя описуеть, отнынъ и до вѣка и впередъ неподвижно безо всякого премъненья ...* (РИБ 16, 773(152), 1653 г.).

Эта лексема образована суффиксальным способом от глагола *описати* (о его происхождении см. ниже, с. 360 работы).

В значении ‘предписывать определенные границы в чем-л., ограничивать что-л.’ в древнерусском языке она отмечается с XI в. и бытовала в этом употреблении до конца XIV в. (Срезневский II, 682; СлДРЯ VI, 138; СлРЯ XI-XVII вв. 13, 17). В анализируемом значении, по данным исторического словаря, *описовати* засвидетельствовано с начала 60-х гг. XVI в. (1563 г.), причем, согласно материалам этого источника, оно встречается только в дипломатичке, а наиболее ранняя фиксация приходится на *Польские дела* (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Для русского языка история этого глагола в интересующем нас значении ограничивается XVII в., так как далее этого времени оно не регистрируется ни одним лексикографическим источником. Не располагаем мы и сведениями о наличии слова в этом значении и в «простой мове», а также в белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв.

Нами *описовати* ‘называть, именовать, титуловать (в официальных документах)’ четыре раза обнаружено в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей в первой половине XVII в. (два наиболее ранних случая приходятся именно на эти документы), два раза – по сношениям со Швецией и один раз – с Римской империей, где много места отводится и контактам первого субъекта с Польшей.

В памятниках польской письменности *opisować* ‘nazywać, tytułować, określać (кого, со)’ известно с первой половины XVI в. (1543 г.) и употреблялось приблизительно до конца первой четверти XVII в. (SłP XVI, XXI, 536), но далее этого времени история лексемы¹²⁴ в этом значении по словарям польского языка уже не прослеживается.

Учитывая хронологические данные и характер памятников, в которых *описовати* ‘называть, именовать, титуловать (в официальных документах)’

¹²⁴ Сама же лексема *opisować* в значении ‘charakteryzować, wyobrażać na piśmie’ бытовала в польском языке до конца XVII в. (SłPaska II, 64).

фиксирувалось в русской письменности XVI-XVII вв., мы склонны трактовать его как смантический полонизм.

ОПИСОВАТИСЯ (3) *несов.* Писаться, именоваться (в официальных документах): *А написалъ царское имя съ полнымъ царскимъ имянованьемъ и съ титулы, какъ описуется великий государь, царь и великий князь Борисъ Федоровичъ* (ПДС 2, 715, 1599 г.). Якубов 1897, 56, 1618 г. *Писано нашего царского величества титуло и имянованье не попригожю, не по тому, какъ мы великий государь ... описуемъ въ нашихъ государскихъ титулахъ ...* (РИБ 16, 529(106), 1619 г.).

Этот глагол представляет собой постфиксальное производное от *описовати* (о его происхождении см. выше, с. 281 данной работы).

В русской письменности он впервые представлен с конца 70-х гг. XVI в. в значении ‘ограничиваться, помещаться в каком-л. пространстве; обрамляться’ (СлРЯ XI-XVII вв.13, 17). В интересующем нас значении *описоватися* впервые засвидетельствовано в дипломатическом документе конца 90-х гг. XVI в. по связям МГ с Римской империей, где затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей и ВКЛ; в отношении этого примера наша информация совпадает с данными исторического словаря, в котором все иллюстрации приводятся из дипломатической корреспонденции и ограничиваются 1601 г., то есть самым началом XVII столетия (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Наши материалы позволяют почти на два столетия продлить историю глагола в изучаемом значении, учитывая случай его употребления, отмеченный в документе по сношениям МГ с Польшей в 1619 г. Далее первой четверти XVII в. судьба слова в этом значении для русского языка пока не прослеживается.

В 30-е гг. XVII в. фиксируются единичные употребления *описоватися* ‘называцца; пісацца’ в «простой мове»¹²⁵, в сильно полонизированных источниках (ГСБМ 22, 252). Однако в лексикографии, регистрирующей белорусский и украинский языки XVIII-XX вв., этот глагол в исследуемом значении отсутствует.

В польской письменности *opisować się* в значении ‘głosić coś o sobie, podawać się za kogoś (opisować się być kim)’ известно с 80-х гг. XVI в. и

¹²⁵ В других значениях – с первой половины XVI в. (ГСБМ 22, 251).

бытовало приблизительно до конца первой четверти – 30-х гг. XVII в. (SlРХVI, XXI, 537), но уже в словарях, отражающих польский язык XVIII-XX вв., эта лексема вообще не представлена.

Анализ приведенных выше фактов дает, на наш взгляд, определенные основания для вывода о том, что в русском письменном языке конца XVI – начала XVIIв. мы, как и в случае с *описовати* в соответствующем значении, имеем дело с семантическим полонизмом. Таково же, видимо, происхождение этого значения и в «простой мове».

ОТБИТИ (5) *сов.* 1. Отбить, отбросить (противника) (3): *И милостию въ Троицы славимаго Бога, ... и всѣхъ святыхъ молитвами, на томъ приступъ отъ щитовъ тѣхъ воровъ отбили, и щиты поимали и сожгли ...* (ДАИ 2, 301(169), 1612 г.). АЮЗР 3, 384, 1649 г. *Псковичи пѣшіе люди на телѣги напали и телѣжонка наши взяли ... и ихъ отъ телѣгъ отбили* (Якубов 1897, 377, 1650 г.). 2. Силой, с боем отнять (2): *И видя ихъ надругателство, и скочили многіе люди, тѣло у нихъ отбили и взяли* (Якубов 1897, 382, 1650 г.). *На томъ ... бою отбили у нихъ государевы казенные двѣ затинные пищали и многое ружье* (там же, 387, 1650 г.).

Эта лексема является префиксальным дериватом от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **biti*, 1 л. ед.ч. **bijō* (< **beǰ-*) ‘бить, ударять, колотить’ (о его происхождении см. выше, с. 152 данной работы).

В древнерусском языке *отъбити* в значении ‘отбить, отделить, выбить (ударами)’ известно с XIII-XIV вв. (Срезневский II, 772; СлДРЯ VI, 214; СлРЯ XI-XVII вв.13, 184). В первом из исследуемых значений этот глагол в памятниках русской письменности встречается с начала 60-х гг. XVI в. в *Польских делах*, а во втором – с начала XVII в., при этом в историческом словаре почти все иллюстрации обоих значений, за редким исключением, приходятся на дипломатическую корреспонденцию XVI-XVII вв. (СлРЯ XI-XVIIвв., там же). В этих значениях лексема активно бытовала в русском языке XVIII-XIX вв. и употребляется до сих пор (САР IV, 463; Даль III, 710; ССРЛЯ 8, 1236, 1241).

Мы дважды обнаружили *отбити* ‘отбить, отбросить (противника)’ в дипломатических документах по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в первой половине XVII в. и один раз – в документе середины XVII в., отражающем контакты со Швецией, где затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей. В этом же документе *отбити* дважды был отмечен в значении ‘силой, с боем отнять’.

Учитывая характер памятников, в которых в XVI-XVII вв. регистрировалось *отбити* в интересующих нас значениях в русском языке, мы решили проследить его историю в польском.

Здесь *odbić, otbić* (с XVI в. только первая форма) в значении ‘odebrać siłą’ регистрируется с конца 80-х гг. XIV в., а с 90-х гг. того же столетия – и в значении ‘odpędzić, odeгнаć’¹²⁶ (SłStp V(6), 424-426), которым мотивировано ‘odpędzić, odeгнаć siłą, odprzeć, odparować (atak, najazd, szturm)’, фиксируемое с начала XVI в. (SłP XVI, XX, 106-107). В обоих этих значениях *odbić* на протяжении вот уже более шести веков входит в активный запас польской лексики (Linde III, 416; Karłowicz III, 567, 568; SłJP V, 642, 643).

С конца XVI - начала XVII в. *отбити* ‘адабраць, вярнуць шляхам змагання’ засвидетельствовано в «простой мове»¹²⁷, причем в документах, язык которых насыщен полонизмами, или в переводных с польского текстах (ГСБМ 23, 19). В словаре, отражающем украинский язык XIX в., находим *відбіти* уже в обоих исследуемых значениях (Грінченко I, 246). И в современных белорусском (*адбіць*) и украинском (*відбіти*) языках глагол продолжает употребляться в этих значениях (ГСБМ I, 117; СУМ I, 553).

Сопоставление приведенных выше данных наводит на мысль, что в русском письменном языке второй половины XVI - начала XVII в. *отбити* в обоих анализируемых значениях, вероятнее всего, является семантическим полонизмом. Из этого же источника второе значение, очевидно, попало и в «простую мову», которая, видимо, способствовала проникновению его в русскую письменность. Дополнительным подтверждением нашего предположения может служить и то, что мотивируемый *отбити* глагол *отбивати* ‘отбивать, отбрасывать (противника)’ появляется в памятниках

¹²⁶ В русском письменном языке глагол в этом значении – с XV-XVI вв. (СлРЯ XI-XVII вв., там же).

¹²⁷ В других значениях – с первой половины XVI в. (ГСБМ 23, 19).

русской письменности раньше (с начала 40-х гг. XVI в.) и также – первоначально в документах, отражающих отношения с Польшей и ВКЛ, а *отбивати* ‘отнимать с боем’ в историческом словаре представлено единственным примером из *Донских дел* 1654 г. (СлРЯ XI-XVII вв.13, 183). Тогда как в старопольском языке *odbijać, odbijać* ‘odbierać siłą’ – с начала 90-х гг. XIV в., то есть позднее, чем *odbić, otnić* в том же значении, а *odić* ‘odpędzić, odeгнаć siłą, odprzeć, odparować (atak, najazd, szturm)’ – раньше, чем *odbijać* в аналогичном значении (SłStr V(6), 427; SłP XVI, XX, 113).

ОТВЕСТИСЯ (1) *сов.* С кем. Удалиться в сторону, отойти с кем-л.: *А Обухович и Обрынской с ним вышли ж и отведчися говорили меж себя долго* (ВУР 3, 41(16), 1651 г.).

Это слово представляет собой постфиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **vesti* (< **vetti* < **vedti*), 1 л. ед.ч. **vedq* ‘вести’ (о его происхождении см. выше, с. 142 данной работы).

В памятниках древнерусской письменности *отвестися* в значении ‘быть уведенным’ впервые встречается в конце XIV в. (СлДРЯ VI, 217). В интересующем нас значении глагол засвидетельствован с 10-х гг. XVII в. и, по данным исторического словаря, отмечался только в статейных списках русских посольств первой половины XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв.13, 195). Мы обнаружили *отвестися* ‘удалиться в сторону, отойти с кем-л.’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ середины XVII в. И затем на протяжении XVIII-XX вв. в русской лексикографии регистрируется только форма несовершенного вида (*отводиться*), которая в анализируемом значении в русском языке никогда не фиксировалась (САР IV, 485; Даль II, 715; ССРЛЯ 8, 1288). То же можно сказать и о современном белорусском (*адвóдзіцца*) и украинском (*відвóдитися*) языках (ТСБМ I, 123; СУМ I, 566). Сведениями о наличии постфиксальных форм в белорусской и украинской лексикографии XVIII-XIX вв. мы не располагаем. Тогда как в «простой мове» с 80-х гг. XVI - начала XVII в. *отвестися, отвестисе* было представлено в исследуемом значении (в других значениях – с первой половины XVI в.) и употреблялось на протяжении первой половины XVII в., причем

преимущественно в переводных с западноевропейских и польских оригиналов текстах (ГСБМ 23, 33).

В польской же письменности *odwieść się* в значении ‘*usunąć się, odejść, oddalić się*’ было известно с 60-х гг. XVI в. и бытовало, по меньшей мере, еще до середины XVII в. (SłP XVI, XX, 524; Reczek 1968, 287; Linde III, 472). В словаре, отражающем польский язык XIX в., это значение снабжено пометой «*staropolskie*» (Karłowicz III, 683), а в словаре современного польского языка не приводится вообще.

Судя по изложенному выше, есть определенные основания полагать, что в восточнославянские языки *отвестися* ‘удалиться в сторону, отойти с кем-л.’ было заимствовано из польского, при этом проникновению значения в русский письменный язык первой половины XVII в. могла способствовать «простая мова».

ОТСЛУЖИТИ (1) *сов.* Возместить услугой или службой, отслужить: *Збежали из за меня 20 мужиков не в давных летех, а не вдруг, и покражу учинили мноую ... А я вашему царскому величеству со всякою покорностью рад отслужить* (РШЭО 70(36), 1630 г.).

Эта лексема образована путем префиксации от имеющего общеславянское распространение глагола **služiti*, 1л. ед.ч. **služo* ‘исполнять определенные обязанности, подчиняясь кому-л., находясь в распоряжении кого-л.’, ‘выполнять свое назначение, свои функции’, восходящего к имеющему соответствия в балтийских и кельтских языках праслав. **sluga* < и.-е. основа **slougo-: *slouga-* ‘помощь’, ‘служение’ (Brückner 1974, 502; ИЭССРЯ II, 177; Преображенский II, 325-326; Фасмер III, 676).

В древнерусском языке *отъслужити* ‘отбыть срок службы, отслужить’ отмечается со второй половины XIV в. (СлДРЯ VI, 284). В историческом словаре глагол в анализируемом значении представлен единственной иллюстрацией 1633 г., что может свидетельствовать о нераспространенности и новизне этого значения (СлРЯ XI-XVII вв. 14, 31). Мы обнаружили *отслужити* ‘возместить услугой или службой, отслужить’ в дипломатическом документе 1630 г., отражающем межгосударственные контакты МГ со Швецией. И именно с 30-х гг. XVII в. отсчитывается история этого слова в интересующем нас

значении в русском языке, где оно употребляется до сих пор, но в словаре современного русского языка данное значение уже имеет помету «разг.» (САР IV, 661; Даль II, 756; ССРЛЯ 8, 1610).

С конца 70-х гг. XVI в. *отслужыти, отслужыть* и впервые именно в значении ‘адслужыць, адплаціць працай’ появляется в «простой мове», но более широкое распространение глагол в указанном значении получает в XVII в., часто встречаясь в насыщенных полонизмами текстах (ГСБМ 23, 254; там же, 22, 75). Далее мы находим эту лексему в исследуемом значении в современной белорусской (*адслужыць*) лексикографии и в словарях, регистрирующих украинский язык (*відслужіти*) XIX-XX вв. (ТСБМ 1, 178; Гринченко I, 271; СУМ I, 639).

История глагола *отслужити* в изучаемом значении в восточнославянских языках (достаточно позднее появление, а также характер памятников¹²⁸, в которых он фиксировался на первых порах) наводит на мысль о возможном семантическом заимствовании. Так, если обратиться к польскому языку, то здесь *odслужиć* ‘odwdzięczyć się, wyświadczać jakąś przysługę, odwzajemnić’ известно с середины 30-х гг. XVI в. и с тех пор бытует до настоящего времени (SfP XVI, XX, 467; Reczek 1968, 286; Linde III, 462; Karłowicz III, 662; SfP V, 793).

Сопоставление хронологических данных в польском и восточнославянских языках, а также особенности памятников, где в последних *отслужити* ‘возместить услугой или службой, отслужить’ наблюдалось в XVII в., позволяют, на наш взгляд, выдвинуть предположение о семантическом заимствовании из польского в русский письменный язык, которое могло осуществляться через «простую мову», где глагол, возможно, является лексическим полонизмом.

ПЕРЕКРЕСТИТИ (1) *сов.* Совершить обряд крещения повторно, еще раз; обратить в другую веру, совершая повторный обряд крещения: *И которые пригодились в службу, и тѣхъ де перекрестили и послали на службу ...* (Якубов 1897, 163, 1649 г.).

¹²⁸ Что касается русского языка, то, как показывают наши наблюдения, вся русская дипломатичка второй половины XVI-XVII вв. в той или иной степени насыщена полонизмами вне зависимости от того, об отношениях с какими державами идет речь.

Эта лексема является префиксальным дериватом от имеющего общеславянское распространение праслав. **krъstiti* ‘крестить, делать рукой знак креста’, восходящего, в свою очередь, к праслав. **krъstь*, первоначально, вероятно, означавшему ‘Христос’, а затем это значение было перенесено на предмет распятия Христа, откуда и возникло значение ‘крест’; данное существительное представляет собой раннее (докирилломефодиевское) заимствование из германских языков, очевидно, из др.-в.-нем. *krist: christ* < гот. *Christus* - *Христос* (Berneker I, 634; Brückner 1974, 185; ИЭССРЯ I, 442-443; Преображенский I, 383; Sławski II, 85; Фасмер II, 374; ЭССЯ 13, 75-76).

В памятниках письменности с первой четверти XV в. отмечается постфиксальный глагол *перекръститися* в значении ‘осенить себя крестным знаменем’, еще раньше, в древнерусских памятниках XI-XIII вв., в значении ‘осенить крестным знаменем; перекрестить’ засвидетельствовано *перекрестити, пръкръстити, прекръстити* (СлДРЯ VI, 372; Срезневский II, 1656; СлРЯ XI-XVII вв.18, 253). И только с 40-х гг. XVII в., по информации исторического словаря, фиксируется *перекрестити* в интересующем нас значении¹²⁹ (СлРЯ XI-XVII вв.14, 251). В этом случае, как и в обнаруженном нами, глагол встретился в текстах, отражающих контакты МГ с иностранными державами: Данией и Швецией. При этом в документе по сношениям со Швецией, рассматриваемом нами, затрагиваются и отношения МГ с Польшей.

Последнее обстоятельство, а также то, что в русской письменности XVII в. пока известны лишь единичные употребления *перекрестити* в анализируемом значении, наводит на мысль о возможном семантическом заимствовании из польского. В старопольском же языке *przekrżeścić* в этом значении, по мнению А.Баньковского (2, 815), представляет собой кальку немецкого *umtaufen* ‘церк. перекрестить, крестить в другую веру’. И хотя в словаре старопольского языка находим *przekrzta, przekr(z)sta* (1441 г.), *przechrzta* (1483 г.) ‘ten kto przyjął chrzest, porzuciwszy swoją religię, zwłaszcza o ochrzczoneym żydzie albo mahometanienie’ (SłStp VII(2), 95), но, учитывая то, что существительное мотивировано глаголом, можно предположить наличие *przekrżeścić, przekrzzić* в польской письменности уже во второй половине – конце XV в. Так, в памятниках первой половины XVI в. уже довольно широко

¹²⁹ С конца XVII в. в этом значении регистрируется и *прекрестити* (там же, 18, 253-254).

было представлено *przekrzcić się* (эта форма еще и в XVII в.), *przechrzcić się* ‘zmienić wyznanie’, а со второй половины XVI в. распространение получает и *przekrzcić* (эта форма еще и в XVII в.), *przechrzcić*, *przechrzcić* ‘zmienić komuś wiarę’ (SJP XVI, XXXI, 70, 404; Karłowicz V, 116). В значении ‘ochrzcić kogoś według innego obrządku niż ten, według którego był chrzczony przedtem’ *przechrzcić* бытовал и в XVII-XIX вв., в словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «rzad.» (Linde IV, 1069; Karłowicz V, 33; SJP VII, 137).

В текстах на «простой мове» *перекрестити* регистрируется с начала XVII в. и только в значении ‘перахрысціць, зрабіць рукой знак крыжа над кім-, чым-н.’, а *перекреститися* - в значении ‘перахрысціцца, зрабіць рукой знак крыжа над сабой’, причем первоначально в переводных с польского или насыщенных полонизмами текстах (ГСБМ 24, 161). С того же времени в такого же рода текстах и в том же значении здесь известен и возвратный глагол *перехреститися* (ГСБМ 24, 237). Согласно данным исторического словаря белорусского языка, в письменности ВКЛ второй половины XV в. зафиксировано также единичное употребление последней лексемы и в значении ‘ахрысціцца нанова пры пераходзе ў іншую хрысціянскую веру’, в котором она бытовала и в «простой мове» XVII в. (ГСБМ, там же; Тимченко 2, 102). В белорусском языке XVIII-XIX вв. в значении ‘совершить обряд крещенія надь иновѣрцемъ’, наблюдался перфект *перексціць*, а в лексический запас современного белорусского языка в этом значении входит *перахрысціць* (Носовичь 1870, 404; ТСБМ 4, 235). И в украинском языке XIX в. *перехрестіти* употреблялось в значении ‘выкрестить’, которое в словаре, отражающем современный украинский язык, уже снабжено пометой «заст.» (Грінченко II, 147; СУМ VI, 316). *Перекрестіть* ‘обратить в другую христианскую веру, совершая повторно обряд крещения’ представлено и в русской лексикографии XVIII-XIX вв., в этом значении глагол фигурирует и в словаре современного русского языка (САР IV, 920; Даль III, 60; ССРЛЯ 9, 675, 680).

Итак, приведенные выше факты позволяют, на наш взгляд, сформулировать следующие выводы: если в польском языке *przechrzcić* в изучаемом значении было словообразовательной калькой с немецкого, то в

русском языке мы, очевидно, имеем дело уже с семантическим полонизмом¹³⁰. Что касается других восточнославянских языков, то в старобелорусском и староукраинском языках *перехреститися*, возможно, является лексическим полонизмом, поскольку впервые этот возвратный глагол отмечается в письменных источниках ВКЛ именно в значении ‘ахрысціцца нанова пры пераходзе ў іншую хрысціянскую веру’, которое явно вторично.

ПОДНОСИТИСЯ (1) *несов.* Гордиться, возноситься: *И тебѣ бѣ присягу свою незабытну имѣть ..., и иначе, мимо давныхъ и нынѣшнихъ правъ, ничего не чинить и въ пыху ся не подноситъ ...* (АЮЗР 3, 290, 1649 г.).

Этот глагол образован постфиксальным способом от *подносити* (см. о его происхождении ниже, с. [365](#) данной работы).

В русской письменности *подноситься* начинает отмечаться со второй половины XVI в.: в значениях ‘подниматься вверх’ и ‘увеличиваться в высоту, вырастать’ эта лексема впервые засвидетельствована в переводном с польского памятнике *Назиратель*, а в интересующем нас значении в составе устойчивых сочетаний *подноситься гордостью, высокими словами* ‘гордиться, возноситься’ – в *Шведский делах* и *Польских делах* 50-70 гг. XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 13). Кстати, то же сочетание с глаголом совершенного вида *поднестися гордостью (въ гордость)* ‘вознестись, возгордиться’ впервые обнаруживается также в *Шведских делах* второй половины XVI в., а глагол *поднестися* в прямом значении ‘подняться снизу вверх’ – с конца XV в. в составе *Польских дел* (там же, 16, 10). И нам *подноситься* ‘гордиться, возвышаться’ встретилось в дипломатическом акте, отражающем межгосударственные отношения МГ с Польшей в середине XVII в.

Учитывая обстоятельства появления анализируемого глагола, а также то, что для русского языка его история в значении ‘гордиться, возноситься’ не прослеживается последовательно далее XVII в.: это значение не представлено в словарях, включающих лексический состав языка XVIII и XX столетий, но оно есть у Вл. Даля (Даль III, 191), резонно предположить, что либо указанное значение, либо даже сама лексема являются заимствованием из польского.

¹³⁰ Практически одновременно с этим значением лексема *перекрестити* отмечается в памятниках и в значении ‘совершить обряд крещения над всеми, многими’ (СлРЯ XI-XVII вв. 14, 251-252). А лексема *прекрестити* известна с XI-XIII вв. (см. выше, с. [288](#)).

В старопольских текстах *podnosić* в прямом значении ‘dźwigać, przesuwać coś na wyższy poziom’ известно с начала XV в.¹³¹, а в возникшем на его базе переносном значении ‘wzbijać (się) w puchę, dumę’ *podnosić się* – с середины XV в. (SłStp VI(4), 260). *Podnosić się* ‘wywyższać się, wbijać się w puchę’, в том числе в составе сочетаний *podnosić się puchą, w puchę, w hardość*, продолжало бытовать и в польском языке XVI-XIX вв., в словаре же современного польского языка это значение уже не фигурирует (SłP XVI, XXV, 498; Linde IB, 808; Karłowicz IV, 384).

С первой половины XVI в. *подноситься* в переносном значении ‘узвышацца, узносіцца, станавіцца ганарлівым, узнёслым’ регистрируется в письменности ВКЛ (сама лексема в значении ‘узнiмацца, замахвацца’ в старобелорусском языке – с конца XV в.) сначала в составе сочетаний *подноситься въ горьдости (въ гордость), въ пыху*, а со второй четверти XVI в. – и в свободном употреблении, причем в «простой мове» XVI-XVII вв. этот глагол наблюдался в текстах, в той или иной степени насыщенных полонизмами (СМС 2, 43; ГСБМ 25, 258, 259; Тимченко 2, 139). При этом примечательно также и то, что мотивирующее его *подносити* в переносном значении ‘узносіць, прыўзнiмаць, узвышаць’ встречается здесь только с начала XVII в. в сильно полонизированных источниках (ГСБМ 25, 257), а в русских памятниках XVI-XVII в. пока не зафиксировано вообще. Далее мы находим *подноси́цьца* ‘превозноситься’ в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичъ 1870, 444). Этим временем история его для белорусского языка и ограничивается, в украинском же языке глагол в этом значении не обнаруживается уже за пределами XVII – первой половины XVIII в.

Изложенная выше информация на данный момент не позволяет сделать однозначное заключение: имеем ли мы дело с лексическим или семантическим заимствованием в русском языке, так как в русской письменности *подноситься* в трех приведенных ранее значениях выявлен практически одновременно в переводных с польского либо испытавших польское влияние текстах. В старобелорусском же языке первой половины XVI в. и в «простой мове» второй половины XV-XVII вв. это, очевидно, семантический полонизм. «Простая мова», вероятнее всего, выступала в роли посредника при заимствовании

¹³¹В русском языке *подносити* ‘поднимать, приподнимать’ впервые засвидетельствовано в *Назирателе* (СлРЯ XI-XVII вв., там же).

сначала, видимо, самой лексемы *подноситься*, а затем, возможно, несколько позднее и значения ‘гордиться, возноситься’ русским письменным языком второй половины XVI в.

ПОЛНИТИ (1) *несов.* Пополнять; наполнять, заполнять: *И ему, будучи на Московскомъ Государствѣ, чѣмъ служивыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити, и противъ своихъ недруговъ Польскаго и Литовскаго Короля и иныхъ пограничныхъ государей стоять?* (СГГД 3, 41(10), 1613 г.).

Анализируемый глагол, восходящий к праслав. **rьlniti* ‘делать полным, наполнять, заполнять’, образован путем суффиксации от имеющего общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках прилагательного **rьlnъ(jь)* ‘полный’ < **rel-*: **rļ-* ‘лить’, ‘наливать’, ‘наполнять’, ‘насыпать’ (Bańkowiaki 2, 526; Boryś 2005, 420-421; Brückner 1974, 402; Pokorný I, 799-800; Фасмер III, 312; Fraenkel I, 591-592).

В русской письменности *полнити* впервые отмечается в значении ‘исполнять, выполнять, осуществлять’ в памятнике XIII в. (*Палея Толковая*), известном по списку начала XV в. (СлРЯ XI-XVII вв.16, 226). В интересующем нас значении в историческом словаре наиболее ранняя фиксация этой лексемы приходится на *Устав ратных, пушечных и других дел*, который был составлен на основе иностранных военных книг Онисимом Михайловым в 1607 г., и еще одна иллюстрация приводится по деловому акту 1668 г. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Мы обнаружили ее в дипломатическом документе 1613 г., отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ. Далее в значении ‘наполнять, дополнять, восполнять или прибавлять дóполна; пополнять’ мы находим этот глагол в словарях, отражающих русский язык XVIII-XIX вв. (САР IV, 1434; Даль III, 263). В словаре современного русского языка *пóлнить* фигурирует в единственном значении ‘наполнять’ (ССРЛЯ 10, 1014).

Тот факт, что исследуемое значение глагола *полнити* появилось достаточно поздно, а также характер памятников, где засвидетельствованы наиболее ранние его употребления, наводит на мысль о возможной неисконности этого значения для русского языка.

Так, в сторопольских письменных источниках *pełnić, pielnić* (эта форма только до XVI в.) ‘robić, czynić pełnym, paręlniać, zapęlniać’ встречается с середины XV в. и бытовало, очевидно, еще и в первой четверти XIX в. (SłStp VI(1), 63; SłP XVI, XXIII, 368: Linde IV, 660). В словаре, регистрирующем польский язык XIX – первой четверти XX в., это значение уже сопровождается пометами «staropolski» и «gwarowy», а в словаре современного польского языка – пометой «daw.» (Karłowicz IV, 106; SłJP VI, 222).

На данный момент выявлено единичное употребление *полнити, полнить* ‘напаўняць’ в тексте XVII в. на «простой мове», язык которого отражает польское влияние (ГСБМ 26, 164). В других значениях в письменности ВКЛ эта лексема засвидетельствована со второй половины XV в. (там же, 162). Глагол *повніць* ‘насыпать или наливать что полно’ наблюдался и в белорусском языке XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 427). В словаре современного белорусского языка фиксируется также *пóўніць* ‘напаўняць’, а в словаре современного украинского языка – *повніти* ‘ставати повним; наповнятися’ (ТСБМ 4, 296; СУМ VI, 684).

Итак, судя по имеющимся у нас сведениям, нельзя исключать, что в русском письменном языке XVII в. *полнити* ‘пополнять; наполнять, заполнять’ – семантический полонизм. Такого же, возможно, происхождения этого значения и в других восточнославянских языках. В этом случае «простая мова» могла выступать в роли посредника при заимствовании значения русским языком.

ПОМЪШАТИСЯ, ПОМЕШАТИСЯ (3) *сов.* Нарушиться, расстроиться; прийти в смятение, замешательство: *А послѣ Царя Бориса Царю Василью съ Руделѣфомъ Цесаремъ ссылки помъшались неправдою и злымъ умышленьемъ къ Московскому Государству Жигимонта Короля ...* (ПДС 2, 927, 1613 г.). *А гетман де Хоткѣевич стоит блиско на границы с ратными людми, не утерпитъ, придет в Смоленскъ і вашим де людем с нашими людми будет бой; тогда и мир помешается* (Сб.РИО 142, 694, 1615 г.). *А с крымским де царем у запорожских казаков дружба порозошлася и ссылка помешалася для того, что запорожские казаки с королем помирились ...* (ВУР 3, 182(82), 1652 г.).

Помъшатися, помешатися является постфиксальным дериватом от *помъшати* (о его происхождении см. выше, с. 168 данной работы).

В древнерусской письменности *помъшатися* в значении ‘ошибиться, напутать’ отмечается со второй четверти XIV в. (СлДРЯ VII, 162). В интересующем нас значении этот глагол начинает регистрироваться в последней четверти XVI в. в дипломатических актах и произведениях А.Курбского (СлРЯ XI-XVII вв.17, 17). Нам он встретился в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Римской империей, Польшей и ВКЛ в первой половине XVII в. Однако далее XVII столетия судьба его для русского языка пока не прослеживается. Не располагаем мы на данный момент и сведениями о наличии *помъшатися, помешатися* в исследуемом значении в «простой мове», не представлен он в этом значении и в лексикографических источниках, отражающих белорусский и украинский язык XVIII-XX вв.

Приведенные выше факты, а также то, что в самом русском языке *помъшатися, помешатися* в значении ‘нарушиться, расстроиться; прийти в смятение, замешательство’ появляется значительно раньше мотивирующего его *помъшати* ‘привести в беспорядок, расстроить, нарушить принятое течение дел’ (см. выше, с. 184 данной работы), может, по нашему мнению, свидетельствовать о семантическом калькировании, наиболее вероятным источником которого является польский язык.

В польских письменных памятниках *potieszać się* ‘ulec zakłóceniu, rognatwać się, rozplątać się’ известно с середины 40-х гг. XVI в. и употреблялось до середины XVIII в., в материалах же словарей, фиксирующих польский язык XVIII-XX вв., примеры, иллюстрирующие это значение, ограничиваются первой половиной XVIII в. (SłP XVI, XXVII, 124-125; Linde IV, 895; Karłowicz IV, 566; SłJP VI, 936).

Сопоставление истории *помъшатися, помешатися* в значении ‘нарушиться, расстроиться; прийти в смятение, в замешательство’ в русском и *potieszać się* в соответствующем значении в польском языке позволяет, на наш взгляд, именно последний считать языком-донором, откуда указанное значение попало в русский письменный язык последней четверти XVI в.

ПРИКЛОНИТИСЯ (2) *сов.* Выразить готовность на что-л., к чему-л., склонность к чему-л.; пойти навстречу кому-, чему-л.; положительно отнестись к кому-, чему-л.: *И Московского государства измѣнники ... с своими советники ..., ни мало на то наше прошение не приклонилися, но и паче на всякое зло учили простиратися* (Сб.РиО 142, 332, 1613 г.). *Московскаго государства измѣнники Михайло Салтыковъ съ товарищи ..., нимало на наше прошение не приклонилися, но и паче на всякое зло учили простиратися* (СГГД 3, 27(10), 1613 г.).

Этот глагол образован путем постфиксации от префиксального деривата **pri-kloniti*, восходящего к имеющему общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **kloniti* ‘наклонять, склонять; сгибать, гнуть’ (о его происхождении см. выше, с. 169 данной работы).

В древнерусской письменности *приклонитися* в прямом значении ‘наклониться, склониться; припасть’ засвидетельствовано с XIV в. (Срезневский II, 1413; СлРЯ XI-XVII вв.19, 182). В интересующем нас переносном значении этот глагол отмечается с первой четверти XVII в., причем почти все известные на данный момент случаи употребления его в этом столетии приходятся на дипломатические акты, а наиболее ранние из них – на документы 1613 г., регистрирующие контакты МГ с Польшей и ВКЛ (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Попытка проследить дальнейшую историю этой лексемы в русском языке дает следующие результаты: в прямом значении она употребляется до настоящего времени (САР V, 328; Даль III, 418; ССРЛЯ 11, 528-529), а в исследуемом нами значении судьба его не прослеживается далее XVII в.

Обстоятельства появления и непродолжительность бытования переносного значения у *приклонитися* в русском языке наводят на мысль о возможной его неисконности. Учитывая же характер памятника, где глагол в изучаемом значении встречается впервые, обратимся к польскому языку. Здесь уже с конца XV - начала XVI в. известно *przykłonić* в значении ‘uzcynić gotowym, skłonym do czegoś, życzliwym, przychylnym’¹³² (SłStp VII(4), 293). Возвратная же форма *przykłonić się* в соответствующем значении наблюдается с середины XVI в. и бытовала на протяжении всего XVII столетия, а

¹³² В русской исторической лексикографии *приклонити* в таком употреблении не фиксируется.

спорадически – еще и в XVIII в. (Reczek 1968, 394; Linde IV, 1202). В словаре, регистрирующем польский язык XIX в. *przykłonić się* в значении ‘*przychylić się, nakłonić się do czegoś, okazać się skłonny do czego, zdecydować na co*’ снабжено пометой «staropolski», а в словаре современного польского языка – пометой «daw.» (Karłowicz V, 305; SJP VII, 549).

В письменности ВКЛ *приклонитися* в прямом значении обнаруживается в первой четверти XVI в., а в анализируемом переносном значении – в середине XVI в., при этом тексты на «простой мове», где наблюдался этот глагол, насыщены полонизмами (ГСБМ 28, 309; СМС 2, 122; Тимченко 2, 224). Далее мы находим *приклоніцьца* ‘склониться, согласиться на убеждения’ в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 502), тогда как в словаре современного белорусского языка эта лексема вообще не представлена. В украинском же языке XIX-XX вв. *приклонітися* фиксируется только в прямом значении (Грінченко II, 424; СУМ VII, 639).

Заключая обзор истории *приклонитися– przykłonić się* в интересующем нас значении в восточнославянских и польском языках, мы склонны считать его в первых семантическим полонизмом. При этом проникновению его в русский письменный язык XVII в., вероятнее всего, способствовала «простая мова», так как, судя по особенностям памятника, в котором глагол выявлен нами, он в исследуемом значении, видимо, был известен в последней ранее середины XVII в.

ПРИКЛОНЯТИСЯ (1) *несов.* Выражать готовность на что-л., к чему-л., склонность к чему-л.; идти навстречу кому-, чему-л.; положительно относиться к кому-, чему-л.: *А которые во окресных господарьствах короли совет содержат и приклоняютца к великому государю нашему ..., а великий государь ... так им не верит, што тебе, потому што ты единоверен ..., а те короли по своим разным верам ...* (ИСНСР 2, 85-86(25), 1642 г.).

Эта лексема является постфиксальным дериватом от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **klan'ati* ‘наклонять, склонять; сгибать’, представляющему собой итератив-дуратив на *-ati* с продлением корневого гласного от **kloniti* (ЭССЯ 9, 183-184, а также с. 169 данной работы).

В древнерусских памятниках *прикланятися* в значении ‘придвигаться, припадать’ засвидетельствовано со второй половины XI в. (Срезневский II, 1413). В историческом словаре *прикланятися*, *приклонятися* в значении ‘выражать готовность к чему-л.’ иллюстрируется единственным примером из *Писем князя Курбского к разным лицам XVI в.* в списке XVII в., а в значении ‘соглашаться’ – также единственной цитатой из *Вестей-Курантов 1638 г.*, где сообщается информация, касающаяся Польши (СлРЯ XI-XVII вв.19, 180). В связи с этим заметим, что считаем нецелесообразным выделение приведенных выше значений как самостоятельных. Мы склонны трактовать их как оттенки одного значения. Нам глагол в этом значении встретился в дипломатической корреспонденции второй половины XVII в. по сношениям МГ с Молдавским княжеством, где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей. На данный момент история *приклонятися* в значении ‘выражать готовность на что-л., к чему-л., склонность к чему-л.; идти навстречу кому-, чему-л., положительно относиться к кому-, чему-л.’, как и история *приклонитися* в аналогичном значении, для русского языка ограничивается XVII в., хотя в прямом значении глагол регистрировался в лексикографических источниках на протяжении XVIII-XX вв. (САР V, 328; Даль III, 418; ССРЛЯ 11, 528-529).

Характер памятников, в которых фиксировался рассматриваемый глагол в изучаемом значении, история *приклонитися* в том же значении, а также отсутствие в русской письменности *приклоняти* в мотивирующем значении, наводит на мысль о вероятном семантическом заимствовании из польского. В польских же письменных источниках *przykłaniać* ‘czynić gotowym, skłonny do czegoś, życzliwym, przychylnym’ и *przykłaniać się* ‘przychylić się, nakłaniać się do czego, decydować się na co, okazać się skłonny do czego’ представлены с середины XVI в. и употреблялись еще и в XVII в. (Linde IV, 1202). В словаре, отражающем польский язык XIX в., оба глагола в этом значении уже сопровождаются пометой «staropolski», а в словаре современного польского языка – пометой «daw.» (Karłowicz V, 305; SJP VII, 549).

Сведениями о наличии *приклонятися* в анализируемом значении в письменности ВКЛ мы в настоящее время не располагаем, однако в белорусском языке XVIII-XIX вв. *приклоняцьца* наблюдалось в значении ‘склоняться, соглашаться на убѣждения’ (Носовичь 1870, 502). В словаре

современного белорусского языка эта лексема вообще отсутствует, а в украинском языке XIX-XX вв. *приклонятися* фигурирует только в прямом значении (Грінченко II, 424; СУМ VII, 639).

Итак, как и в случае с *приклонитися*, мы приходим к выводу, что исследуемое значение глагола *приклонятися* в русском письменном языке XVII в. – семантическая калька с польского *przykłaniać się* в соответствующем значении.

СЛОЖИТИ (2) *сов.* Собрать, созвать; учредить: *И для того велел сложить сойм, а с сойму прислал к царскому величеству своих королевского величества их, великих послов ...* (ВУР 3, 29(16), 1651 г.). *Владиславъ король польский ... въ году 1652-мъ соймъ бошой штинедѣльной въ Варшавѣ сложили ...* (РИБ 16, 788(152), 1653 г.).

Это слово представляет собой префиксальное производное от глагола, имеющего общеславянское распространение и восходящего к праслав. **ložitī* (**logiti*), 1 л. ед.ч. **ložq* (< **logjǫ*) ‘класть; накладывать, складывать’, являющемуся, в свою очередь, глагольным производным на *-ī/-eĭ-* от именного корня с корневым вокализмом *-o-*: праслав. **logъ* ‘лощина’ < и.-е. корень **legh-*: **logh-* ‘класть’, ‘лежать’, ‘быть больным, слабым’, ‘ложе; постель’, ‘положение’ (Berneker I, 738; Boryś 2005, 281, 303; Brückner 1974, 313; ИЭССРЯ I, 473; Pokorny I, 658-659; Преображенский I, 449-450; Sławski V, 253; Фасмер II, 511; ЭССЯ 16, 127, 128).

В древнерусской письменности *сложити*, *съложити* в различных значениях засвидетельствовано с XI-XII вв. (Срезневский III, 736-737; СлРЯ XI-XVII вв.25, 111). В интересующем нас значении эта лексема в историческом словаре иллюстрируется единственным примером из дипломатического документа, отражающего контакты МГ с Польшей и ВКЛ в 1652 г. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Мы также обнаружили *сложити* ‘собрать, созвать; учредить’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с теми же субъектами в 1651 г. и 1653 г. Однако далее XVII в. судьба глагола в анализируемом значении для русского языка пока не прослеживается.

История *сложити* в указанном выше значении в русском языке дает основания для предположения о возможном семантическом заимствовании из

польского. И действительно, в памятниках польской письменности *złożyć* ‘zwołać, zebrać, zgromadzić’ и именно в сочетании *złożyć sejm* известно с середины XVI в. и активно употреблялось на протяжении XVI-XIX вв. (Reczek 1968, 651; Linde VI, 960; SłPaska II, 748; Karłowicz VIII, 541). В словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «przestarz.» (SłJP VIII, 290).

В письменных источниках на «простой мове» *зложити, зложыти, зьложыти, зложить, сложити* ‘скликаць, арганізаваць’, ‘(про зібрання) намітити, визначити здійснення чогось, призначити’ выявляется с начала 60-х гг. XVI в., причем первоначально в сильно полонизированных документах, в этом значении глагол встречался и в XVII в. и часто в переводных с польского текстах (ГСБМ 12, 270; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 12, 12; Тимченко 1, 323). Но в белорусской и украинской лексикографии XIX-XX вв. эта лексема в упомянутом значении не регистрируется.

На наш взгляд, анализ представленной выше информации позволяет достаточно уверенно говорить о том, что *сложити* ‘собрать, созвать; учредить’ в русском письменном языке XVII в. является семантическим полонизмом. Таково же, очевидно, происхождение этого значения и в «простой мове»¹³³, которая в этом случае могла выступать в роли посредника при заимствовании, на что, кстати, указывает и В.Г. Демьянов (1991, 105), мотивирующий свое мнение лишь наличием в старопольском сочетании *złożyć, słożyć sejm* ‘созвать сейм’, но не приводящий данных именно такого употребления глагола в староукраинском языке. Этот же автор высказывает предположение об аналогии польского *złożyć* в интересующем нас значении латинскому *componere* ‘назначать, определять срок’, ‘предписывать’ и немецкому фразеологизму *Wahlen ausschreiben* ‘назначать, объявлять выборы’ (там же, 106).

СПЬШИТИ, СПЕШИТИ (3) *несов.* 1. Стараться сделать, исполнить что-л. как можно скорее; торопиться (2): *А его королевская милость ..., не спешачи до иных способов склонитись, хотьль то все успокоити договором посольским ...* (Сб.РИО 137, 639, 1607-1608 гг.). *Во всь три мьста учнутъ с своей стороны съъзжатца спьшити и о съъздныхъ срокахъ ... писати учнутъ ...* (Якубов

¹³³ Сама лексема наблюдается здесь с конца XV в. (ГСБМ 12, 269, 271).

1897, 277, 1624 г.). 2. Быстро идти, ехать; направляться, устремляться куда-л.; спешить (1): *Мы Государь нашъ Государскій походъ къ Москвѣ спѣшимъ и ужь есмь въ дорогъ ...* (АИ 3, 68(72), 1616 г.).

Данный глагол, имеющий общеславянское распространение, восходит к праслав. *spěšiti* ‘стремиться к чему-л.’, ‘спешить’, ‘торопить’, ‘ускорять’ и является отыменным суффиксальным производным от **spěchъ* ‘поспешность, торопливость; спешка’, отглагольного деривата от **spěti*, 1 л. ед.ч. **spějo* ‘удаваться’ > ‘развиваться’ > ‘устремляться’ > ‘спешить, торопиться’ (о его происхождении см. выше, с. [190](#) данной работы).

В древнерусской письменности *спѣшити* впервые засвидетельствовано во второй половине XI в. в значении ‘стремиться, стараться’ (Срезневский III, 475). А в интересующих нас значениях, в которых глагол был обнаружен в дипломатической корреспонденции первой четверти XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также со Швецией, он, по нашему мнению, выявляется в русском письменном языке только с XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 27, 28-29). По поводу хронологии первого из анализируемых значений хотелось бы заметить, что мы считаем необоснованным объединение в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* значений ‘стремиться, стараться’ и ‘спешно делать что-л.’, а также отделение последнего от значения ‘торопиться, спешить’, при этом среди иллюстраций, приводимых под значением ‘стремиться, стараться; усердно, спешно что-л. делать’, на наш взгляд, только одна, датируемая 1698 г., демонстрирует значение ‘спешно делать что-л.; с поспешностью добиваться чего-л.’ (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Кстати, и в толковой лексикографии XVIII-XX вв. значения выделяются именно так, как они указаны нами, и в обоих глагол продолжает активно употребляться в русском языке до настоящего времени (САР VI, 455; Даль IV, 302; ССРЛЯ 14, 507).

Следующие факты: характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации (это, как правило, документы по контактам МГ с иностранными державами, переводные тексты, лексикографические источники), и то, что в древнерусском языке с XII в. были известны глаголы *спѣти* ‘идти, спешить куда-л.’ и *спѣшати* ‘спешить’ (Срезневский III, 474; СлРЯ XI-XVII вв. 27, 24, 27), выражавшие те же значения, что и *спѣшити* (то есть не было крайней необходимости в развитии у него самого в русском языке

значений дублетных значениям *спѣти* и *спѣшати*), наводят на мысль о неисконности для последнего исследуемых значений.

Если обратиться к польскому языку, с которым у русского в XVI-XVII вв. осуществлялись активные контакты, то здесь уже с начала XV в. в старопольских текстах *spieszyc* отмечается в значениях ‘przędko iść, podążać’ и ‘szybko coś robić’ (SłStp IX(1), 35). В обоих из них эта лексема бытовала и в XVI-XIX вв. (Linde V, 344; Karłowicz VI, 751). И в словаре современного польского языка находим ее в значениях ‘iść, jechać, zdążać dokądś szybko, z pośpiechem, pośpieszać’ и ‘spiesznie coś robić, zabierać się do czegoś z ochotą, kwarić się’ (SJP VIII, 1298), причем на протяжении всей истории этой лексемы для нее было характерно предложно-падежное управление *do czegoś*, с которым она зафиксирована нами (1607-1608 гг.) и до сих пор не регистрировалась в русской письменности.

В памятниках письменности ВКЛ первой четверти XVI в. засвидетельствована пока только постфиксальная форма *спешатися* ‘спяшацца’ (СМС 2, 244). Далее в белорусском языке XVIII-XIX вв. представлены глаголы *спѣшійць* ‘торопить’ и *спѣшійцьца* ‘спѣшить, торопиться’ (Носовичь 1870, 612), а в украинском языке XIX в. – *спішійти* ‘спѣшить’ (Грінченко II, 689). В современной белорусской (*спяшійць* с пометой «разм.» и *спяшійцьца* как синонимы) и украинской (*спішійти*) лексикографии анализируемый глагол фигурирует в обоих исследуемых значениях, при этом во втором значении с указанным выше предложно-падежным управлением, свойственным польскому языку (ТСБМ 5(1), 289; СУМ IX, 533).

Итак, анализ материала по истории *спѣшити*, *спешити* – *spieszyc* в обоих интересующих нас значениях в русском и польском языках дает, как нам кажется, определенные основания для предположения о заимствовании их в первый из второго. Вопрос же относительно происхождения этих значений в других восточнославянских языках остается пока открытым из-за недостатка информации.

СПЛЕТАТИСЯ (1) *несов.* Путаться, сбиваться, теряя связь в изложении; давать протеречивые показания: *Да будетъ которые такіе люди въ рѣчахъ*

своихъ учнутъ розниться и *сплетаться*, и прилика къ воровству ихъ и къ лазученью будетъ, и про тѣхъ сыскивати и пытати накрѣпко ... (СГГД 3, 96(16), 1614 г.).

Эта лексема образована постфиксальным способом от префиксального глагола, восходящего от праслав.**plĕtati*, выражающему многократное действие, производному от праслав.**plesti* (**pletti* < **plekti*), 1 л. ед.ч. **pletę* ‘плести’, ‘сплестать, свивать’, ‘оплестать, обвивать’ < и.-е. корень **plek*’-(:**plek*-) ‘плести; сплестать’, ‘сматывать’ (Boryś 2005, 439, 440; Brückner 1974, 418; ИЭССРЯ II, 41; Преображенский II, 73-74; Фасмер III, 280).

В древнерусской письменности *сплѣтатися*, *сплетатися* в значениях ‘сближаться, объединяться; связываться’ и ‘вступать в борьбу, в схватку’ засвидетельствовано со второй половины XI в. (Срезневский III, 795; СлРЯ XI-XVII вв.27, 47). В значении ‘путаться, сбиваться, теряя связь в изложении; давать протеречивые показания’ этот глагол, обнаруженный нами в дипломатическом документе, где затрагиваются отношения МГ с Польшей и ВКЛ в первой четверти XVII в., в историческом словаре представлен тем же примером (СлРЯ XI-XVIII вв., там же), и за пределами XVII в. он не регистрируется ни в одном лексикографическом источнике русского языка. Учитывая историю этой лексемы в русском языке, а также то, что нам пока не удалось выявить ее в таком употреблении в текстах на «простой мове» и в словарях, фиксирующих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., мы склонны к предположению о возможном семантическом заимствовании.

Принимая во внимание характер памятника, в котором *сплетатися* в исследуемом значении встретилось нам, обратимся к польскому языку. Здесь *spleść się*, *splatać się* в значении ‘*zawikłać się, zawikływać się; zmierzać się*’ в переносном употреблении было известно со второй половины XVI в., и бытовало в нем и в XVII-XIX вв. (Linde V, 350; Karłowicz VI, 300). В словаре современного польского языка глагол *spleść się, splatać się* в указанном значении уже не представлен, но в этом значении в составе фразеологизмов выступает *splatać się: język się, komu splątał* ‘*ktoś nie mógł mówić, mówił niewyraźnie, nie to, co należało*’ и *splątać się w odpowiedziach* ‘*pomylić się udzielając odpowiedzi sprzecznych, niezgodnych ze sobą*’ (SJP VIII, 559, 560).

Сопоставление вышеизложенного дает, на наш взгляд, определенные основания для вывода о том, что *сплетатися* в интересующем нас значении является семантическим заимствованием из польского, причем это, очевидно, полонизм текстовый.

СПРАВИТИСЯ (1) *сов.* Отчитаться перед кем-л. в чем-л.; объясниться; оправдаться, загладить вину: *А посылаемъ де мы ко государю Московскому о всем о том посланников своих: будет де похочет с нами любви и братства держати и в братстве быти и в любви, и он дн и самъ то все справит; а не похочет де с нами любви и братства держати и нашего нам не отдаст, ино де у нас и тогда не утчет, только мы перед нимъ справимся* (Сб.РИО 137, 402, 1607-1608 гг.).

Анализируемая лексема представляет собой постфиксальный дериват от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **praviti* ‘делать прямым, выпрямлять; выравнивать’, ‘делать правильным, точным, четким; делать соответствующим, подходящим; исправлять’ (о его происхождении см. выше, с. [208](#) данной работы).

Наиболее ранняя фиксация этого глагола в русской письменности в значении ‘исполниться, осуществиться’ относится к последней четверти XVI в. и приходится на дипломатический документ по связям МГ с Римской империей (СлРЯ XI-XVII вв.27, 84). В интересующем же нас значении *справитися*, согласно данным исторического словаря, датируется началом XVII в. и иллюстрируется единственным примером (там же). Нам глагол в этом значении встретился в дипломатическом акте начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. Но далее этого времени судьба его для русского языка не прослеживается.

Судя по обстоятельствам появления *справитися* в исследуемом значении и весьма непродолжительной его истории в русском языке, вполне резонно предположить, что мы имеем дело с семантическим заимствованием, и вероятнее всего, из польского. Так, уже в старопольских текстах второй половины XIV в. было известно *sprawić* ‘usprawiedliwić, uniewinnić, wykazać niewinność, słuszność’, а со второй половины XV в. отмечается и *sprawić się* ‘(komu, przed kim) zdać sprawę, wytłumaczyć się, usprawiedliwić się, uniewinnić

się', которое в этом значении употреблялось и в XVI-XIX вв., однако уже в словаре, включающем лексический запас современного польского языка, глагол в этом значении снабжен пометой «daw.» (SłStp VIII(5), 365; Reczek 1968, 464; Linde V, 369; SłPaska II, 400; Karłowicz VI, 347; SłJP VIII, 625).

С середины 30-х гг. XV в. *справить ся* 'выправдаться, довести свою невинність (у чому)' засвидетельствовано в староукраинском языке, причем первоначально в документах, регистрирующих контакты с Польшей (ССМ XIV-XV ст.2, 374). И в «простой мове» с XVI в. *справитися* выявляется в значении 'отдать отчет' (Тимченко 2, 352). В белорусской же и украинской лексикографии, отражающей словарный состав этих языков в XVIII-XX вв., данная лексема в интересующем нас значении уже не фигурирует.

На наш взгляд, приведенная выше информация позволяет сделать заключение, что в «простой мове» *справитися* в анализируемом значении, очевидно, лексическое заимствование из польского, так как именно в этом значении, по имеющимся пока сведениям, глагол обнаружен в староукраинском языке впервые. В русском же письменном языке начала XVII в. это, вероятнее всего, семантический полонизм, заимствованию которого, скорее всего, способствовала «простая мова».

СРУБИТИ (1) *сов.* Убить; ранить, покалечить (холодным оружием): *А стрѣлецъ де ... хотѣл его, околничего, срубить топоромъ* (Якубов 1897, 368, 1650 г.).

Эта лексема образована путем префиксации от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **rǫbiti* 'резать; рубить, сечь', связанному с **rǫbь* 'край; кайма', 'рубец' < и.-е. корень **remb-*: **romb-* 'рубить,сечь', 'делать зарубку, рубец, шрам' (Boryś 2005, 512; Brückner 1974, 455, 458; ИЭССРЯ II, 125; Rokorny I, 864; Преображенский II, 219-220; Фасмер III, 510, 511).

В древнерусской письменности *сърубити* в значениях 'построить из дерева' и 'снарядить' известно с XII в. (Срезневский III, 817; Дювернуа 1894, 197), помимо этого в XII-XIII вв. *срубити*, которое в историческом словаре подается как омоним к *сърубити* в упомянутых выше значениях, выступает и в значении 'отрубить, отсечь', а с 30-х гг. XVII в., согласно тому же источнику, –

и в значении 'зарубить, убить рубящим оружием' (СлРЯ XI-XVII вв.27, 158-159). По имеющейся у нас на данный момент информации, в значении 'убить кого-л., отрубая голову' этот глагол в составе словосочетания *срубить голову* начинает регистрироваться в русской толковой лексикографии только с XIX в. (Даль IV, 305). И в словаре современного русского языка находим это словосочетание в указанном значении, кроме того, как оттенок к значению 'рубя, отделить от основания' приводится 'убить (ударом шашки, сабли и т.п.)' (ССРЛЯ 14, 661-662).

Мы обнаружили *срубити* в исследуемом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией в середине XVII в. Заметим, что в этом документе определенное место отводится и взаимоотношениям первого субъекта с Польшей. Учитывая характер памятника и достаточно позднюю фиксацию глагола в анализируемом значении в русской лексикографии, несмотря на то, что он встречается в русском письменном языке с XVII в., можно предположить, что мы имеем дело с семантическим заимствованием.

Так, если обратиться к истории этой лексемы в польском языке, с которым у русского в XVI-XVII вв. было очень активное контактирование, то мы увидим, что уже в старопольских текстах второй половины – конца XV в. засвидетельствовано *zrębić, zdrebić* 'ściąć, caedēre' и *zrąbać, zrębać* 'zranić, skaleczyć (zwłaszcza bronią sieczną)', причем оба глагола выступают в функции перфекта (SłStp XI(6), 473). В значении 'zabić' *zrąbić* и *zrąbać* наблюдались и в XVI-XVIII вв. (Linde VI, 1010; Karłowicz VIII, 605). В лексикографическом источнике, отражающем польский язык XIX-XX вв., фигурирует *zrąbać* 'rąbiąc odciąć, oddzielić od podstawy; ściąć', сопровождаемое среди прочих и иллюстрацией: «Rycerze! Zrąbcie mu głowę z karku» и 'poranić kogo bronią sieczną; posiekać' (SłJP X, 1273). *Zrąbić* же уже в словаре, фиксирующем язык XIX в., снабжено пометой «mało używany» (Karłowicz, там же).

В памятниках письменности ВКЛ с 40-х гг. XVI в. в значении 'цяжка раниць, пакалечыць, засячы каго-н. халаднай зброяй', '(кого) нанести рубані, тяті рани, порубати' отмечается *зрубати*¹³⁴, причем первоначально – в текстах, в той или иной степени насыщенных полонизмами (ГСБМ 13, 198; СУМ XVI – I

¹³⁴ Вообще же эта лексема регистрируется с первой четверти XVI в. (ГСБМ 13, 198).

пол. XVII ст. 12, 189). Глагол же *зрубити*, выявляемый здесь с XV в., в исследуемом значении не представлен (ГСБМ, там же). В «простой мове» XVI-XVII вв. и *зрубати*, и *зрубити*, как и в польском языке, использовались в функции перфекта. Однако далее XVII в. судьба ни одного из этих глаголов в анализируемом значении ни для белорусского, ни для украинского языка не прослеживается.

Завершая обзор истории лексемы *срубити* в интересующем нас значении в восточнославянских и *zrabić (zrębić), zrabac* в польском языке, мы склоняемся к мнению, что в первых это, вероятнее всего, семантический полонизм. При этом проникновению его в русский письменный язык XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

ССАДИТИ (1) *сов.* Снять, сместить с какого-л. места, должности; свергнуть: *Полскііе и литовскіе люди всею землею Яна Казимера короля съ королевства ссадили и учинили его бискупомъ, а на его де мѣсто королемъ учинили ближнего его челоувѣка Швьгу ...* (АЮЗР 10, 350, 1654 г.).

Эта лексема представляет собой префиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **saditi*, 1 л. ед.ч. **sadjō* ‘сажать, усаживать’, ‘помещать, размещать; поселять, селить’, ‘сажать растения’, являющегося каузативом к **sěděti*, 1 л. ед.ч. **sědjō* ‘сидеть’, **sěsti* (<**sěditi*), 1 л. ед.ч. **sědō* (< **sědō*, с назализацией *ě*) ‘сесть’, < и.-е. корень **sed-(:*sōd-)* ‘садить’, ‘сажать’, ‘ставить’, ‘устанавливать’ (Bogus 2005, 537-538, 544, 545-546; Brückner 1974, 478-479; ИЭССРЯ II, 135, 161-162; Преображенский II, 244; Фасмер III, 544, 613, 618-619; Fraenkel II, 769, 855).

В древнерусских памятниках *съсадити* в прямом значении ‘садить, снять’ засвидетельствовано со второй половины XI в. (Срезневский III, 821). В анализируемом же значении этот глагол выявляется в русской письменности с первой половины XVI в., а в историческом словаре он представлен в основном выдержками из дипломатических документов (СлРЯ XI-XVII вв.27, 162). Обнаруженный нами случай употребления *ссадити* также приходится на дипломатический акт, отражающий контакты МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. В лексикографических источниках, регистрирующих словарный состав языка XVIII в., глагол представлен лишь в прямом значении, тогда как у

Вл. Даля находим *ссадить* 'уволить' (САР VI, 473; Даль IV, 307). В словаре современного русского языка *ссадить* также фигурирует в переносном значении 'снять, сместить с какой-то должности, места', но уже в сопровождении помет «устар. и простореч.» (ССРЛЯ 14, 674).

История глагола в исследуемом значении в русском языке и характер памятников, в которых он преимущественно фиксировался на первых порах, дают, на наш взгляд, достаточно веские основания для предположения о семантическом заимствовании, вероятнее всего, из польского. И верно, в старопольских текстах *zsadzić* 'pozbawić funkcji, urzędu' известно с середины XV в. и в этом переносном значении продолжало бытовать и в XVI-XVIII вв. (SłStp XI(7), 483; Linde VI, 1023; Karłowicz VIII, 620). Но уже в словаре, фиксирующем польский язык второй половины XIX-XX вв., фразеологизм *zsadzić kogo z urzędu, ze stanowiska, z tronu* 'pozbawić kogo urzędu, stanowiska, władzy królewskiej' снабжен пометой «daw.» (SłJP X, 1301).

В письменности ВКЛ первой половины XVI в. установлен единичный случай использования *ссадити* в значении 'звергнуть, пазбавиць' Ф.Скориной, язык произведений которого, как известно, испытал польского влияние (СМС 2, 252). Более широкое распространение *ссадити* в переносном значении 'скінуць, звергнуть; выгнаць, прагнаць' получает в «простой мове» только со второй половины XVI в., отмечаясь при этом в XVI-XVII вв. в документах, насыщенных полонизмами, или переводных с польского памятниках (ГСБМ 13, 204-205; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 12, 194; Тимченко 1, 340). Далее *ссадити* 'смѣстити, увольнити отъ должности, отрѣшити отъ должности' наблюдается в украинском языке XIX в. (Грінченко I, 722). И в словаре современного украинского языка есть этот глагол в указанном значении, но уже с пометой «розм.» (СУМ III, 720). В белорусской же лексикографии, включающей словарный запас XVIII-XX вв., *ссадзіць* в интересующем нас значении отсутствует.

Приведенная выше информация, по нашему мнению, подтверждает высказанное ранее допущение о том, что *ссадити* 'снять, сместить с какого-л. места, должности; свергнуть' в русском письменном языке XVII в. является семантической калькой с польского *zsadzić* в соответствующем значении. Таково же, возможно, происхождение этого значения у глагола и в «простой

мове», которая могла выступать в роли посредника в процессе заимствования его русским языком.

СТАВАТИ (2) *несов.* Быть, оказываться достаточным, хватать; охватывать что-л., вмещать, заключать в себе что-л.; распространяться на кого-л., что-л.; быть, оказываться в чьем-л. распоряжении: *А в ответном письме панов рад, какво дали ... государевым послом ... написано, что королю, покаместа право не ставало, потаместа каранья чинить было не мочно* (ВУР 3, 408(197), 1653 г.). *Да въ отвѣтномъ же письмѣ пановъ радѣ ... написано: что Его Королевскому Величеству; покамѣста право не ставало, покамѣста каранья чинить было не мочно, а нынѣ за тѣ проступки, послѣ права постановленнаго ... казнѣ по проступкѣ ихъ учинена противъ права ихъ подлинно будетъ* (ПДС 3, 123, 1654 г.).

Данный глагол, имеющий общеславянское распространение, восходит к праслав. **stavati* ‘подниматься, вставать’, ‘останавливаться; задерживаться’, являющемуся итеративом к праслав. **stati*, 1 л. ед.ч. **stanŏ* ‘остановиться, стать; задержаться’, ‘подняться; встать’ < и.-е. корень **stā-*: **stā-* ‘стоять’, ‘стать’ (Boryś 2005, 574, 576; Brückner 1974, 512; ИЭССРЯ II, 206; Преображенский II, 374-377; Фасмер III, 745-746, 748; Fraenkel II, 914, 915-916).

В древнерусской письменности *ставати* впервые засвидетельствовано в значении ‘придя, располагаться в каком-л. месте; становиться’ в памятнике XII в., известном в списке XIII в., а в значении ‘хватать, быть достаточным(обычно с отрицанием)’ эта лексема в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* датируется концом XVI в. по акту, регистрирующему контакты МГ с Римской империей, и вообще все примеры, демонстрирующие это значение в указанном источнике почерпнуты из дипломатических документов (Срезневский III, 484-485; СлРЯ XI-XVII вв.27, 175). Мы также обнаружили *ставати* в изучаемом значении в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ и с Римской империей, где речь также идет о взаимоотношениях первого субъекта с Польшей. Тем не менее, по имеющимся на данный момент сведениям, в интересующем нас значении в русской лексикографии начала XIX в. отмечается только форма совершенного вида *стать* ‘быть достаточным для какого употребления’ (САР VI, 498). Тогда как у

Вл.Даль находим уже и *ставать* ‘доставать, быть достоточну, довольну, сягать, хватать’ (Даль IV, 309). В словаре современного русского языка лексема *ставать* во всех значениях, в том числе и в анализируемом нами, уже снабжена пометами «устар.» и «обл.» (ССРЛЯ 14, 689-690).

Характер памятников, в которых выявлено в XVI-XVII в. *ставати* ‘быть, оказываться достаточным, хватать; охватывать что-л., вмещать, заключать в себе что-л.; быть, оказываться в чьем-л. распоряжении’, а также достаточно поздняя регистрация его в словарях русского языка побуждает нас проследить историю глагола в исследуемом значении в польском языке. Так, уже в старопольских источниках конца XV в. *stawać* наблюдалось в значении ‘starczać, być do dyspozycji’ (SłStp VIII(6), 432). В значении ‘starczać, wystarczać’ *stawać* продолжало бытовать и в XVI-XVII вв. (Reczek 1968, 471; SłPaska II, 414). В польской лексикографии, отражающей язык XVIII-XIX вв., эта лексема представлена в значении ‘jest dosyć, nie brak, starczy, wystarcza, dostaje; obstaje, obejmuje’ (Linde V, 389, 412; Karłowicz VI, 381, 407; Karłowicz SłGP 5, 229). В словаре современного польского языка *stawać, stanąć* в значении ‘wystarczyć, nie zabraknąć’ сопровождается комментарием «częściej z przeczeniem» и пометой «przestarz.» (SłJP VIII, 699, 733).

С первой четверти XVII в. в значении ‘достаточно, быть достаточным’ в текстах на «простой мове», испытавших польское влияние, фиксируется постфиксальный глагол *ставатися* (Тимченко 2, 357). В белорусском языке XVIII-XIX вв. употреблялось *ставаець* ‘стаець, достаець’ (Носовичь 1870, 612), а в украинском языке XIX в. - *ставати* ‘хватать’ (Грінченко II, 704). В современном белорусском языке *ставаць* в значениях ‘хапаць чаго-н. для каго-, чаго-н.’ и ‘мець магчымасці, сілы, здольнасці рабіць што-н.’ входит в активный лексический запас (ТСБМ 5(1), 294). И в словаре современного украинского языка *ставати* фигурирует в значении ‘бути достатнім для чого-н., вистачати’ (СУМ IX, 627).

Сопоставление приведенных выше фактов из истории *ставати* – *stawać* в интересующем нас значении в восточнославянских и польском языках, по нашему мнению, дает достаточные основания для вывода о том, что в русском языке мы имеем дело с семантическим заимствованием из польского. То же, возможно, относится и к «простой мове», в этом случае она могла выступать

как посредник при заимствовании значения русским письменным языком XVII в.

УМЕТИ (1) *несов.* Мочь, быть в состоянии что-л. сделать; справиться с чем-л.: *И царь де им в том слово свое дал, што воинских людей он к ним пришет на весну, а ныне послать ему не **уметь** потому, что пора зимняя и стыдь большая* (ВУР 2, 481(208), 1651 г.).

Анализируемый глагол, имеющий общеславянское распространение и восходящий к праслав. **uměti*, 1 л. ед.ч. **umějo* ‘уметь, знать’, ‘суметь, смочь; оказаться в состоянии (что-л. сделать)’, является суффиксальным отыменным производным от праслав. **umь* (<**oцtos* с суф. *-m-*) ‘ум; разум’, ‘мысль’, ‘понимание’, с точными соответствиями в балтийских языках, продолжающего и.-е. **au-mo-* ‘интеллект; разум’, ‘память’, ‘инстинкт’ от корня **au-* ‘воспринимать органами чувств’, ‘понимать’ (Boryś 2005, 666; Brückner 1974, 594; ИЭССРЯ II, 289-290; Pokorny I, 78; Фасмер IV, 161, 162; Fraenkel I, 26).

В древнерусских памятниках *умѣти* выявляется уже в XI-XII вв. в значениях ‘понимать’, ‘разуметь’, ‘быть способным’, ‘уметь’, а к последней четверти XV в. относится единичная фиксация этой лексемы в интересующем нас значении в *Псковской летописи* во фрагменте, отражающем торгово-экономические отношения с Немецкой землей (Срезневский III, 1224; Дювернуа 1894, 219). В словаре, регистрирующем русский язык XVIII в., она представлена следующим образом: «Знать, имѣть о чемъ свѣденіе, производить желаемое въ дѣйство» (САР VI, 979). И еще в XIX в. этот глагол продолжал бытовать в анализируемом значении (Даль IV, 497). В современном же русском языке он активно употребляется лишь в значении ‘обладать необходимыми навыками в работе, умением делать что-л.; обладать какой-л. способностью, быть способным к чему-л.’, а исследуемое нами использование ‘быть в состоянии, иметь возможность, мочь сделать что-л.’ в современной лексикографии подается как оттенок упомянутого ранее значения в сопровождении пометы «устар.» (ССРЛЯ 16, 595-596).

Мы обнаружили *умети* ‘мочь, быть в состоянии что-л. сделать; справиться с чем-л.’ в дипломатическом документе по сношениям МГ с

Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Учитывая то, что в конце XV – первой половине XVII в. такое употребление глагола в русской письменности, по имеющимся на данный момент сведениям, было редким, а также характер памятников, где оно было засвидетельствовано, можно предположить неисконность значения для русского языка и возможный его источник, а именно польский язык.

В старопольских памятниках письменности *umieć* ‘móc coś wykonać, zrobić, być zdolnym coś uczynić’ известно со второй половины XV в. и на протяжении XVI-XIX вв. в этом значении входило в активный лексический запас языка (SłStp IX(5), 385; Linde VI, 53; SłPaska II, 540; Karłowicz VII, 293). И в словаре современного польского языка находим *umieć* ‘być w stanie zrobić coś; potrafić, zdołać’ (SłJP IX, 569).

С начала XV в. *умѣти* зарегистрировано в староукраинских текстах в значении ‘бути обізнаним (з чим), вміти (робити що)’, в котором оно наблюдалось и в «простой мове» (*вмѣти, умѣти*) второй половины XVI-XVII вв. (ССМ XIV-XV ст.2, 477; Тимченко 1, 107; там же, 2, 429). В первой четверти XVI в. в старобелорусских источниках *умети* отмечается и в значении ‘магчы; быць здольным’ (СМС 2, 311). Достоверными же фактами о наличии этого глагола в приведенном выше значении в «простой мове» мы в настоящее время не располагаем, хотя, судя по характеру памятника, где *умети* в исследуемом значении встретился нам, есть основание думать, что он мог быть и в указанном языке. В словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., этот глагол вообще отсутствует, а в словаре, включающем словарный запас украинского языка XIX в., *уміти* фигурирует только в значении ‘умѣть, знать’ (Грінченко II, 848). В современном же белорусском языке *умѣць* активно употребляется в значении ‘магчы зробіць што-н.’, то же относится и к современному украинскому языку: *уміти (вміти)* ‘бути в змозі, могли зробити що-н.’ (ТСБМ 5(2), 20; СУМ X, 440).

Сравнивая хронологические данные и другие материалы по истории *умѣти, умети* – *umieć* в изучаемом значении в восточнославянских и польском языках, мы склоняемся к мнению, что в первых это, вероятнее всего, семантический полонизм, заимствованный в конце XV – начале XVI вв.

II.2.4. Наречие

НЕСПЕШНО (1) Медленно, неторопливо; без поспешности: ...[*послан*]¹³⁵ники дорогою **неспешно**. А будет посланники учнут вам говорити, что вы с ними идете мешкатно, и вы б им говорили по прежнему нашему указу (Сб.РИО 137, 406, 1606-1607 гг.).

Анализируемое наречие, вероятнее всего, образованно суффиксальным способом от префиксального прилагательного¹³⁶, восходящего к праслав. **srěšъnъjь* (>**srěch-* *ъnъjь*) ‘скорый, быстрый; проворный’, ‘удачный, успешный’ (о происхождении корневой морфемы см. выше, с. [190](#) данной работы).

Согласно данным исторического словаря, *неспешно* впервые появляется в русской письменности в значении ‘с трудом, без успеха’, что иллюстрируется единственной выдержкой из памятника конца XIV в. в списке первой половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв.11, 303). В инетресующем нас значении это слово в том же источнике демонстрируется двумя примерами, относящимися ко второй половине XVI в., один из которых почерпнут из *Польских дел* 1563 г. (там же). И нам *неспешно* встретилось в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. Заметим, что прилагательное, которым могло быть мотивировано это наречие, в русском письменном языке XVI-XVII вв. нам пока обнаружить не удалось. В историческом словаре, включающем лексический состав русского языка XVIII в., находим уже прилагательное *неспѣшный* ‘неторопливый, происходящий без поспешности’, иллюстрируемое единственным примером, датируемым 1719-1720 гг., и наречие *неспѣшно*, которое представлено более широко (СлРЯ XVIII в. 15, 77). Однако в толковых словарях, отражающих русский язык XVIII-XIX вв., и прилагательное, и наречие отсутствуют. И только с конца 30-х гг. XX в. лексикографические источники дают *неспѣшный* ‘исполняемый, протекающий без поспешности; неторопливый’ и *неспешно* (ССРЛЯ 7, 1188).

¹³⁵ Пропуск в тексте, поэтому мы приводим следующее предложение, помогающее установить значение наречия *неспешно*.

¹³⁶ Не исключается, однако, и возможность префиксального образования от наречия, так как большая часть наречий этого типа, как правило, мотивируются одновременно как прилагательным с префиксом *не-*, так и наречиями на *-о*.

Изложенные выше факты из истории наречия в русском языке наводят на мысль, что, по меньшей мере, изучаемое нами значение может быть неисконно для русского языка. Так, в польском языке прилагательное *nieśpieszny* ‘nieprędkı, zbyt powolny’ известно с середины 30-х гг. XVI в., а наречие *nieśpieszno* ‘pomału, bez pośpiechu, nieprędko’ – с конца 40-х гг. того же столетия (SłPXVI, XVIII, 131). Примечательно то, что антонимичное однокоренное наречие *śpiesznie* ‘szybko’ отмечается в старопольских памятниках с конца 20-х гг. XV в. (SłStr IX(1), 34). Тогда как в русском языке *спѣшно* и *спѣшно* ‘скоро, быстро; поспешно’ фиксируются только с XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв.27, 29, 30). Таким образом, в польском языке база для возникновения уже самой лексемы *nieśpieszno*, каким бы способом она ни была образована, существовала значительно раньше, чем в русском языке. Но, возможно, в польском языке это наречие является бегемизмом, так как в старочешском языке уже с третьей четверти XIV – начала XV вв. наблюдалось прилагательное *něspěšný* ‘pomalý, dlouho probíhající, rozvolný’, а с середины XV в. – и наречие *něspěšně* ‘pomalu, beze spěchu, rozvolna’ (StěSl III, 743).

В указанном выше значении *nieśpieszno* употреблялось в польском языке на протяжении XVI-XIX вв., но в словаре современного польского языка *nieśpieszno* (*niespieszno*) уже снабжены пометой «przestarz.», а *nieśpiesznie* ‘bez pośpiechu, nie śpiesząc się; powoli’ входит в активный запас польского языка до настоящего времени (Karłowicz III, 349; SłJP V, 232).

С первой половины XVII в. *неспешно* ‘няспешна’ засвидетельствовно в «простой мове», в историческом словаре белорусского языка это наречие представлено единичной цитатой из текста, язык которого сильно полонизирован, при этом прилагательное отсутствует (ГСБМ 20, 309). В словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., анализируемого наречия нет, а наречие *спѣшно* в этом источнике выступает только в значении ‘успѣшно’ (Носовичь 1870, 612), тогда как в старобелорусских текстах первой половины XVI в. *спешне* употреблялось и в значении ‘спешно, поспешно; торопливо’ (СМС 2, 244). В толковом словаре современного белорусского языка есть только прилагательное *няспешны* ‘які адбываецца без спеху; павольны, спакойны’, однако в двуязычном переводном белорусско-русском словаре представлено и наречие *няспешна* ‘неспешно, неторопливо’ (ГСБМ 3,

437; БРС 2, 652). В украинской лексикографии, регистрирующей язык XVIII-XIX вв., интересующее нас наречие не отмечается, находим лишь *спішно* ‘поспѣшно, скоро, спѣшно’ (Грінченко II, 689). В словаре же современного украинского языка фигурирует и *неспішно* ‘який здійснюється, протікає повільно, без поспішности; неквапливий’ (СУМ V, 386).

Итак, если сопоставить приведенную выше информацию, то исследуемое значение наречия *неспешно* в русском письменном языке второй половины XVI – начала XVII в., на наш взгляд, следует считать семантическим заимствованием из польского. Что касается «простой мовы», то здесь, возможно, мы имеем дело с лексическим полонизмом, так как в письменности ВКЛ *неспешно* пока выявляется только в этом значении.

СКУПО (1) Не в полную меру, недостаточно в каком-л. отношении; мало, скудно: *Да онъ же ... для своей бездѣльной корысти и своего соляного торгу твой государевъ гонтарь сдѣлалъ **скупо**, не противъ твоихъ государевыхъ таможенныхъ гирь ...* (Якубов 1897, 348, 1650 г.).

Это наречие образовано путем суффиксации от имеющего общеславянское распространение прилагательного, восходящего к праслав. **skopъ* (<**skompъ*) ‘скупой, скудный’, не имеющему надежной этимологии, возможно, производному от праслав. **skoměti*: **skomiti* ‘сжимать, стискивать; давить’ с редким суффиксом *-po-* > *-pъ*, и.-е. базой которого могла бы быть **(s)ket-*: **(s)kom-*: **(s)kim-* ‘сжимать; давить, сдавливать’ с неустойчивым спорадическим *s-* (Boryś 2005, 551; Brückner 1974, 493; ИЭССРЯ II, 433; Фасмер III, 662-663).

В памятниках русской письменности эта лексема впервые встречается в начале XVI в. в значении ‘дорого’, правда, с XI в. в этом же значении отмечается *скупъ* (Срезневский III, 398; СлРЯ XI-XVII вв.25, 44). В интересующем нас значении в историческом словаре она регистрируется с середины XVII в. и представлена выдержками из текстов на приказном языке и паломнической литературы (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Мы обнаружили *скупо* в анализируемом значении в дипломатической корреспонденции, отражающей межгосударственные контакты МГ со Швецией в середине XVII в. причем в этом документе затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей. Уже

со второй половины XVII в. *скупо* ‘не в полную меру, недостаточно в каком-л. отношении; мало, скудно’ получает широкое распространение и до сих пор входит в активный состав русской лексики (САР VI, 200; ССРЛЯ 13, 1097-1098).

Наше внимание *скупо* в исследуемом значении привлекло потому, что прилагательное в значении, которым могло быть мотивировано это наречие засвидетельствовано в древнерусском языке в памятнике XI в., известном в списке начала XV в. (Срезневский, там же; СлРЯ XI-XVII вв. 25, 45). Таким образом, временной промежуток между появлением значения у прилагательного и наречия составляет, по меньшей мере, более двух столетий, что наводит на мысль о возможной неисконности значения для наречия. Если же допустить калькирование значения, то, учитывая праславянское происхождение корнеслова, оно могло осуществиться только с какого-то из славянских языков. А в связи с тем, что, как показывают наши наблюдения, в XVII в. источником значительного количества семантических заимствований в русском языке был польский, обратимся к нему.

В старопольских текстах *skapo* впервые фиксируется на рубеже XIV-XV вв. и именно в значении ‘*zbyt oszczędnie, bardzo mało*’, в котором оно далее бытовало на протяжении XVI-XIX вв. (SłStp VIII(3), 232; Reczek 1968, 447; SłPaska II, 375; Linde V, 248; Karłowicz VI, 139). И в словаре современного польского языка *skapo* фигурирует в значении ‘*bardzo mało, niewystarczająco; oszczędnie*’ (SJP VIII, 274).

Данными о наличии *скупо* в интересующем нас значении в «простой мове» мы в настоящее время не располагаем, хотя в письменности ВКЛ первой четверти XVI в. наблюдалось прилагательное *скупыи* ‘скупой, не щедрый’ (СМС 2, 217). В словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., и прилагательное, и наречие отсутствуют, хотя в словаре современного белорусского языка *скўна* представлено в значениях, соответствующих следующим значениям прилагательного *скупы* ‘які крыху не дасягае пэўнай нормы, памеру і пад., няпоўны’ с пометой «разм.» и ‘недастатковы ў якіх-н. адносінах’ с пометой «перан.» (ТСБМ 5(1), 190, 191). В словаре, регистрирующем украинский язык XIX в. находим *скўно* ‘скупо’ без каких-либо иллюстраций, при этом прилагательное не приводится, поэтому судить об

объеме и характере значения сложно (Грінченко П, 657). В современном украинском языке *скупо* употребляется в значении, аналогичном такому значению прилагательного: ‘недостатній, неповній у певному відношенні; бідний на щось’ (СУМ IX, 335, 336).

Сопоставление изложенной выше информации, по нашему мнению, дает определенные основания для предположения о том, что в русский письменный язык XVII в. наречие *скупо* в значении ‘не в полную меру, недостаточно в каком-л. отношении; мало, скудно’ могло быть заимствовано из польского. Вопрос же о природе этого значения в других восточнославянских языках пока остается открытым.

II.2.5. Предлоги

МИМО (8) с *винительным пад.* Вопреки, наперекор: *Дьлається все мимо прежніе обычаи ...* (ДРВ(2)12, 306, 1599 г.). ДРВ(2)4, 15, 1601 г. *А говорити: то дьлает Жигимонтъ король мимо прежние обычаи ...* (Сб.РИО 137, 273, 1606-1607 гг.; там же, 294, 359; там же, 451, 453, 1607-1608 гг.). *Только подводе для своей корысти похочеть учинить мимо прежней обычай и для того гонцу учиниль задержанье ...*(АЮЗР 3, 258, 1649 г.).

О происхождении данной лексемы см. выше, с. [229](#) данной работы.

В древнерусской письменности предлог *мимо* с *вин.падежом* в значении ‘вблизи, около; минуя кого-л., что-л.’ встречается уже со второй половины X в. (Срезневский II, 141; СлДРЯ IV, 534-535; СлРЯ XI-XVII вв.9, 157). В интересующем нас значении он отмечается в памятниках с конца XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). И все наиболее ранние его фиксации конца XVI - начала XVII вв. как в указанном выше лексикографическом источнике, так и обнаруженные нами, приходятся на дипломатическую корреспонденцию. Из восьми рассматриваемых нами случаев семь приходятся на документы по сношениям МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ, а один (самый ранний) – на документ по сношениям с Римской империей, в котором, однако, много внимания уделяется и контактам первого субъекта с Польшей. В значении ‘вопреки, наперекор’ с *вин.падежом* этот предлог продолжал бытовать еще и в

первой четверти XVIII в., однако в историческом словаре, регистрирующем язык этого столетия указанная конструкция уже снабжена пометой «выпавшее из употребления» (СлРЯ XVIII в.12, 189). В анализируемом значении эта предложно-падежная конструкция представлена только в лексикографическом источнике начала XVIII в., в других словарях этого столетия, а также XIX-XX вв., она отсутствует (Поликарпов 1704, 168).

Обстоятельства появления исследуемого значения у предлога *мимо* склоняют нас к мнению, что оно могло быть заимствовано, и вероятнее всего, из польского. Так, в старопольских памятниках уже с конца XIV – начала XV в. *mimo* ‘łącząc się z rzeczownikami w acc. tworzy wyrażenia nazywające fakty, wbrew którym coś się, dzieje (mimo, pomimo, wbrew czemuś)’ было распространено достаточно широко и продолжало активно употребляться и в XVI – первой половине XIX в. (SłStp IV(4), 275; Reczek 1968, 210; SłP XVI, XIV, 267; Linde III, 103; Karłowicz II, 986-987). В словаре же современного польского языка эта предложно-падежная конструкция в указанном значении уже сопровождается пометой «dawniej» (SłJP IV, 710).

Со второй половины XV – начала XVI в. *мимо* с вин.падежом в значении ‘насуперак’ появляется в письменности ВКЛ, причем наиболее ранние фиксации приходятся на документы по сношениям с Польшей или тексты, язык которых насыщен полонизмами (ССМ XIV-XV ст.1, 594; ГСБМ 18, 53). Однако далее XVII в. судьба анализируемой предложно-падежной конструкции в интересующем нас значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

Анализ приведенной выше информации, по нашему мнению, дает достаточные основания для вывода о том, что в восточнославянских языках предлог *мимо* с вин.падежом в значении ‘вопреки, наперекор’, очевидно, семантический полонизм, который в русский письменный язык конца XVI – начала XVII в. проникает, скорее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

НАДЪ (2) *с винительным пад.* Кроме, помимо чего-л.; вопреки чему-л.:
А нас, послов его королевские милости, зды задержали над звиклой обычей, чего ни в которых государствахъ не ведеца не токмо во крестьянских, и в

мусульманских ... (Сб.РИО 137, 553, 1607-1608 гг.). *Да и не крѣпко то будет, что на нас над волю нашу вытиснете силою, какъ мы вам о том вчерась говорили* (там же, 659).

Этот предлог, имеющий общеславянское распространение, возник в результате расширения праслав. предлога **na* ‘на, наверх, наверху’, ‘вверх, вверху’ постпозитивным формантом **-d-ъ* (тем же, что и в **rodъ*), объяснение происхождения которого вызывает определенные трудности и породило противоречивые мнения (обзор различных точек зрения см.: Ва́ńkowski 2, 241; ЕСУМ 4, 23; ИЭССРЯ I, 556; Pokorný I, 235-236; Преображенский I, 587, 590; Фасмер III, 37; ЭСБМ 7, 189). Мы склоняемся к версии о том, что элемент *-dъ* генетически, вероятнее всего, восходит к глагольному корню **dĕ-* (**dĕti*), возможно, в нулевой ступени, и.-е. базой которого является **dhĕ-* ‘ставить’, ‘деть, девать’, при этом предлог **nadъ*, как и **rodъ*, представляет собой чисто славянскую инновацию (см. Boryś 2005, 347, 450; ЭССЯ 22, 15-16)

Надъ с винительным падежом в значении ‘указание на предмет, находящийся ниже по отношению к той точке пространства, куда направлено движение’ встречается в древнерусском языке со второй половины X в. (Срезневский II, 280; СлДРЯ V, 138; СлРЯ XI-XVII вв.10, 59). В интересующем нас значении в историческом словаре русского языка предлог представлен всего двумя иллюстрациями, и обе они извлечены из *Истории о великом князе Московском* А.Курбского (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Такая подача свидетельствует о том, что информация о лексеме в указанном значении ограничивается только этими материалами. Для нас в данном случае важно также и то, что по мнению ряда исследователей, язык произведений этого автора насыщен полонизмами, а упомянутого выше – в особенности (см. Тамань 1961, 203; Калугин 1994, 354). Мы же обнаружили *надъ* ‘кроме, помимо чего-л.; вопреки чему-л.’ в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В лексикографических источниках, отражающих русский язык XVIII-XX вв., предлог в этом значении не представлен¹³⁷.

¹³⁷ Вообще же в восточнославянской толковой лексикографии в анализируемом значении мы находим его лишь в *Лексиконе* Памвы Берында (Берында 1653, 85).

Учитывая изложенное ранее, можно предположить, что исследуемое значение предлога *надъ* не является исконным для русского языка, и источник его, вероятнее всего, польский язык. В старопольских текстах *nad, nade* (z acc.) в значении ‘wskazuje przekroczenie przyjętej lub spodziewanej normy postępowania czy dziania się; inaczej niż, niezgodnie z czym, wbrew czemuś’ известно с начала 60-х гг. XV в. и активно употреблялось в XVI в. (SłStp V(1), 25; SłPXVI, XV, 438-439; Reczek 1968, 220). В значении ‘mimo, przeciw, wbrew, bez względu na coś’ этот предлог продолжал употребляться и в XVII-XVIII вв. (SłPaska I, 458; Linde III, 193). Однако уже в словарях, отражающих польский язык XIX-XX вв., это значение сопровождается пометой «daw.» (Karłowicz III, 28; SłJP IV, 990).

С конца XV в. *надъ, надо* с винительным падежом в значении ‘акрамя чаго-н., няглядзячы на што-н., насуперак чаму-н.’ появляется в письменности ВКЛ, причем первоначально в основном в текстах, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами, или в переводных с польского памятниках; в этом значении предлог продолжал употребляться и в «простой мове» XVI-XVII вв. (ГСБМ 19, 4, 14; СУМ XVI - I пол. XVII ст. (ПЗ), 129). Но далее XVII в. судьба его в анализируемом значении для белорусского языка не прослеживается, а для украинского языка ограничивается XVIII в. (Тимченко 1, 456).

Сопоставление представленных выше материалов позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что в восточнославянской письменности XVI-XVII вв. *надъ* ‘кроме, помимо чего-л.; вопреки чему-л.’ является семантическим полонизмом, проникновению которого в русский письменный язык, вероятнее всего, способствовала «простая мова».

СЪ (3) с родительным пад. Указывает на материальный источник, экономическую основу чего-л.: *А вы де, природные, служите государю с травы и с воды и с кнута* (Якубов 1897, 360, 1650 г.).

Этот предлог, имеющий общеславянское распространение, восходит к праслав. **съ, съп* ‘с, вместе с’ < и.-е. **som-* ‘с, вместе с’, ‘одновременно’, ‘общий, подобный’, ‘равный’, а в значениях ‘от, с; в продолжение’ и отчасти ‘вместе’ может быть связан и с и.-е. **k’om-* (Boryś 2005, 723; Brückner 1974,

641-642; ЕСУМ 2, 212; ИЭССРЯ II, 215; Фасмер II, 539-540; Fraenkel II, 753-754).

В древнерусских памятниках эта лексема в различных значениях отмечается с X-XI вв. (Срезневский III, 636-637; СлРЯ XI-XVII вв.23, 7). В интересующем нас значении она начинает регистрироваться со второй половины - конца XV в. в деловой письменности и на протяжении XVI-XVII вв. наблюдается исключительно в текстах такого рода (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Мы обнаружили этот предлог в дипломатической корреспонденции, отражающей межгосударственные контакты МГ со Швецией в середине XVII в., причем в данном случае затрагиваются также контакты первого субъекта с Польшей. Что касается его дальнейшей судьбы в исследуемом значении в русском языке, то он представлен только у Вл.Даля (IV, 737) единственной иллюстрацией, относящейся ко времени не позднее начала XVIII в.

С конца XIV - начала XV в *сь, съ, с, со* 'з род. (выражає об'єктні відношення) вказує на предмет, з якого щось належить' спорадически фиксируется в староукраинской письменности, а с конца XV в. – и в старобелорусских текстах (*зь* 'ужываецца пры абазначэнні крыніцы чаго-н.'), причем в актах, отражающих связи с Польшей или в переводных с польского источниках, но более широкое распространение предлог в этом значении получает в «простой мове» конца XVI – начала XVII в. и также в памятниках, насыщенных полонизмами (ССМ XIV-XV ст.2, 404; ГСБМ 13, 239). При этом вариант данного предлога *изъ, из, изь, изо* в значении '(з род.) (вказує на джерело, похоження чого-небудь) *із, зі, з'* в «простой мове» второй половины XVI–XVII вв. имел смысловой оттенок '(вказує на джерело прибутків) *із, зі, з'*, который точно соответствует интересующему нас употреблению, и встречался в источниках, испытавших польское влияние (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 12, 215; там же, 13, 87, 88). Затем предлог *з, із, зі*, выражающий объектные отношения в сочетании с родительным падежом в значении 'ужывається при вказуванні на що-небудь як на джерело матеріальних ресурсів', находим уже в словаре современного украинского языка (СУМ III, 7). Сведениями же о бытовании этого слова в анализируемом значении в белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв. мы пока не располагаем. Не удалось выявить такое его употребление и в современном белорусском языке.

Учитывая обстоятельства появления и дальнейшую судьбу этой лексемы в изучаемом значении в украинском языке, попытаемся проследить ее историю в польском. Здесь *z*, *s*, *se*, *ze* в значении ‘*wskazuje kogoś, coś będącego źródłem, początkiem, dawcą czegoś*’ известно с начала XV в. и активно употреблялось в нем на протяжении XV-XVII вв., а спорадически наблюдалось вплоть до начала XIX в. (SłStp XI(1), 14; Linde VI, 578, 580; Karłowicz VIII, 2-3). В современной польской лексикографии предлог *z* в интересующем нас значении уже не фигурирует.

Как нам представляется, вышеизложенная информация дает определенные основания для предположения о том, что предлог *сь* в исследуемом значении может быть семантическим полонизмом в восточнославянских языках. При этом проникновению его в русский письменный язык XV в. мог способствовать как староукраинский, так и старобелорусский язык.

II.2.6. Обобщение результатов

Из 48 лексем, проанализированных в данном разделе и, на наш взгляд, в исследуемых значениях представляющих собой семантические полонизмы, 12 являются именами существительными, 5 – именами прилагательными, 26 – глаголами, 2 – наречиями и 3 – предлогами. В 39 случаях из 48 процесс калькирования значения с польского происходил, очевидно, при посредничестве «простой мовы».

II.3. Семантические заимствования из польского, до сих пор не регистрировавшиеся в русской письменности.

II.3.1. Имя существительное

ВЫБОРЪ (1) м. Лучшая часть какого-л. общества; цвет, сливки общества: *А в стьнех сидѣлі дворяне **выбор** ... и гости в золотном же платьѣ* (Сб.РИО 137, 482, 1607-1608 гг.).

Это существительное, известное в западно- и восточнославянских языках, представляет собой безаффиксное производное (с перегласовкой) от префиксального глагола, восходящего к праслав. **bьrati*, 1 л. ед.ч. **berq* ‘братъ, взять’, ‘собирать’ < и.-е. корень **bher-* ‘нести’, ‘носить’ (Berneker I, 51; Brückner 1974, 37; ИЭССРЯ I, 109; Преображенский I, 42-43; Sławski I(1), 41; Фасмер I, 59; Шанский I(3), 218; ЭССЯ 3, 162-163).

Лексема *выборъ* в различных значениях начинает регистрироваться в русской письменности с начала XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв.3, 180). В интересующем же нас значении она не фиксируется ни одним лексикографическим источником русского языка, как, впрочем, и словарями белорусского и украинского языков. Однако заметим, что в конце XV в. старобелорусским языком из польского было заимствовано однокоренное прилагательное *выборный* ‘адборны, цудоўны, выдатны’ (Булыка 1972, 72; Булыка 1980, 196). Тогда как мотивирующее его существительное *выборъ* ‘выбар, адбор’ засвидетельствовано в «простой мове» только со второй четверти XVII в., правда, уже с XVI в. оно зафиксировано в составе устойчивого сочетания *якъ на выборъ* ‘як на підбір’ (ГСБМ 5, 102; СУМ XVI - I пол. XVII ст.5, 110).

Поскольку мы обнаружили *выборъ* ‘лучшая часть какого-л. общества; цвет, сливки общества’ в дипломатическом документе, отражающем межгосударственные контакты МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., обратимся к польскому языку. В старопольских памятниках *wybór* впервые отмечается с конца XV в. и именно в значении ‘coś wyborowego’ (SiStp X(6), 433). А в XVI-XIX вв. это существительное бытовало уже и в значении

‘najlepsza część jakiegoś środowiska, jakiejś grupy ludzi; kwiat, śmietanka czego’ (SłPaska II, 636; Karłowicz VII, 804). В словаре современного польского языка также находим *wybór* в значении ‘zespół najlepszych, najwybitniejszych jednostek wybranych spośród wielu; najlepsza część czego’, которое реализуется в составе фразеологизма *sam wybór czego* ‘najlepsza część czego, sam kwiat, sama śmietanka’ (SłJP IX, 1405; SłFJP II, 636).

Итак, приведенные выше материалы дают основание для однозначного заключения: существительное *выборъ* в анализируемом значении в русском письменном языке первой половины XVII в. является бесспорным семантическим полонизмом, причем косвенные свидетельства указывают на то, что заимствование могло осуществляться через посредничество «простой мовы».

ДРЕВЦО (ДРЕВЦЕ) (1) *с.* Копье, дротик; пика: *И Григорей и Ивашко королевнину потеху видели, как перед нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспехах на аргамацех и на жеребцех с древцы* (ПРП, 173, 1600-1601 гг.).

Это слово представляет собой суффиксальный дериват (**derv-ьce* ‘древце’) от существительного, имеющего общеславянское распространение и восходящего к праслав. **dervo* ‘дерево’, и.-е. базой которого является **deru-* **dōru-*: **deru-*: **dr(e)u-*: **dreцѣ-*: **derц-*: **dorц-*, основа **derц-o-* ‘смола (< смолистое дерево)’, ‘деготь’, ‘дерево’ (Berneker I, 185; Brückner 1974, 101; ИЭССРЯ I, 293; Преображенский I, 180; Sławski I(2), 174; Фасмер I, 502; ЭССЯ 4, 211-213).

В древнерусском языке лексема *древьце* в значениях ‘уменьш. к дерево’, ‘кусочек дерева; палка, шест, кол’ было известно с XI-XII вв. (СлДРЯ III, 83; СлРЯ XI-XVII вв.4, 354). В отмеченном же нами значении *древцо (древце)*, обнаруженное в дипломатическом документе, отражающем межгосударственные отношения МГ с Англией в начале XVII в., где много внимания уделяется также контактам первого субъекта с другими странами, а особенно с Польшей, до сих пор не регистрировалось ни одним лексикографическим источником русского языка. И вообще, это существительное фиксируется только в исторических словарях. Так, в XVII в.,

по данным одного из них, *древцо* (*древце*) было представлено в памятниках в значении 'древко', несомненно, имеющим связь с исследуемым нами: *Протозанъ навоженъ золотомъ, ... древцо черно* (1614 г.). *625 копей съ древицы* (1664 г.) (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Судя по материалам этого источника и нашим сведениям история этой лексемы в русском письменном языке ограничивается XVII в.

Если обратимся к польскому языку, то здесь *drzewce*, *drewce* (эта форма только в XV в.), *drzewiec* (в XV-XVI вв.), в значении 'włócznia' засвидетельствовано в конце XV в. (Bańkowski 1, 306; SłStp II(3), 203). В словарях, регистрирующих польский язык XVI-XVIII вв., значение этого слова определяется следующим образом: 'rodzaj broni w postaci drążka odpowiedniej długości i grubości zaopatrzonego na końcu w metalowe ostrze, włócznia, dzida, kopia, oszczep; drewniana część tego rodzaju broni, oszczepisko' (SłP XVI, VI, 95; Linde I, 541). В словаре, отражающем польский язык XIX в., *drzewce* в значении 'włócznia, kopia, dzida, spisa, dziryty, pika, lanca' снабжено пометой «staropolski», а в словаре современного польского языка *drzewce*, *drzewco* (последнее отмечалось в XIX в.) в этом значении сопровождается пометой «daw.» (Karłowicz I, 571; SłJP II, 405).

С конца 20-х гг. XVI в. *древцо*, *древце* 'кап'ё' встречается в старобелорусской, а с начала 70-х гг. того же века – и в староукраинской (*древце*, *дрѣвце*, *древцо* 'ратище') письменности, где оно в указанном значении бытовало и в XVII в. (ГСБМ 9, 71; СУМ XVI - I пол. XVII ст.8, 203). Однако далее XVII в. судьба этой лексемы в анализируемом значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается, хотя в значении 'деревице' *дрѣвцо* употреблялось в белорусском языке XVIII-XIX вв. (Носович 1870, 145). В этом значении *дрѣвца* представлено и в словаре современного белорусского языка, а в словаре современного украинского языка *дрѣвце* в том же значении сопровождается пометами «заст., поет.» (ГСБМ 2, 205; СУМ II, 410).

По нашему мнению, приведенная выше информация позволяет сделать вывод о том, что в восточнославянских языках *древцо* (*древце*) в исследуемом значении является семантическим полонизмом. При этом в русский письменный язык начала XVII в. это значение проникло, вероятнее всего,

благодаря посредничеству «простой мовы». Обоснованность нашей точки зрения подтверждается еще и тем, что в польском языке мотивирующее существительное *drzewo* уже с первой половины XV в. отмечалось в значении ‘włócznia; spisa, kopia, oszczer’, в котором употреблялось до XVII в. (SlStr II(3), 209; SlP XVI, XI, 109; Reczek 1968, 78). Тогда как ни в древнерусской, ни в русской письменности *древо* в этом значении не было известно. В письменности же ВКЛ *древо* в значении ‘кап’ё’ появляется одновременно с *древцо*, *древце* в том же значении, причем в текстах, насыщенных полонизмами (ГСБМ, там же).

ЛЮБОВЬ (10) ж. В составе почтительного титула. **ВАША ЛЮБОВЬ** – в постительном обращении низшего к высшему или при указании на третье лицо, которое выше говорящего по происхождению, положению: *Ваша Любовь своему послу ... приказали нашу парсуну своим жалованиемъ навѣстити и свое величество и любовь изустно своему послу ко мнѣ донести велѣли есте ...* (ПДС 2, 653, 1599 г.; там же, 655, 1599 г.; там же 779, 780, 781, 1601 г.). РИБ 16, 560(112), 573(113), 1622 г.; ЭСРШ, 47(23), 1630 г. *И ваша любовь, королевино величество, в том покладается на нашего Царскаго величества изволение* (там же, 65(36), 1635 г.). *А что належитъ Вашей Любви, проситъ будетъ Корона Полская* (ПДС 3, 187, 1654 г.).

Это существительное, восходящее к праслав. **l'uby*, род.п. **l'ubъve* ‘любовь’, ‘привязанность’, ‘милость’, является суффиксальным производным от той же основы, что и праслав. **l'ubiti*, 1 л. ед.ч. **l'ubjo* ‘любить’, **l'ubъ(jь)* ‘любимый, милый’, ‘дорогой’ < и.-е. корень **leubh-* ‘любимый, милый’, ‘дорогой’, ‘восхвалять; прославлять’, ‘влечение, страстное желание’ (Berneker I, 757; Brückner 1974, 302; ИЭССРЯ I, 497-498; Фасмер II, 544; ЭССЯ 15, 174-176, 181-182).

В отмеченном нами употреблении *любовь* не регистрируется ни одним лексикографическим источником как русского, так и других восточнославянских языков. Четыре наиболее ранних случая обнаружены нами в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Римской империей в конце XVI – начале XVII в., причем первый из них – в переводном с латыни тексте. Кроме того, на наш взгляд, важны также два следующих момента: в этих

документах много места отводится взаимоотношениям МГ с Польшей, а обращение *ваша любовь* (см. выше) используется в тексте параллельно с *ваша милость* по отношению к тому же лицу: *И чтобъ Вашей милости и Вельможности пребывати впредь къ намъ въ любви, какъ есте прежь того бывали къ Римскому Цесарю ...* (ПДС 2, 654, 1599). А поскольку *милость* в приведенном значении в русском языке является полонизмом (Милейковская 1984, 67-68; Sobik 1969, 271), засвидетельствованным в памятниках с конца XV в. (СлРЯ XI-XVII вв.9, 155-156), то есть основания предполагать, что и *любовь* в исследуемом значении представляет собой семантическую кальку с польского *miłość*. Объективности ради заметим, что Г.Милейковская (там же), говоря о почтительных титулах, по ее мнению, либо заимствованиях, либо кальках из польского, среди прочих указывает и *ваша любовь*, выявленном ею в дипломатическом акте конца XVI в. (1594 г.). Но при этом она не приводит никаких аргументов или хотя бы минимального комментария, обосновывающего ее утверждение в отношении лексики *любовь* в составе упомянутой формулы титулования.

В старопольских текстах *miłość* в значении ‘*łaskawość, łaska, przychylność*’ – с XVI в., и по мнению А.Баньковского (2, 187-188), – под влиянием латыни: *grātia, bñěvōlentia*, откуда и употребление ‘*jako składnik tytułu grzecznościowego: twa, wasza, jego, jej, ich miłość*’, известное с начала XV в. и бытовавшее на протяжении XV-XIX вв.; в словаре современного польского языка оно уже сопровождается пометой «daw.» (SłStp IV(4), 264; SłP XVI, XIV, 229-233; Karłowicz II, 985; SłJP IV, 707).

Мы считаем, что из польского это значение существительного *милость* в первой половине XV в. было заимствовано в письменность ВКЛ, поскольку все наиболее ранние фиксации приходятся на переводные с польского тексты либо на документы по сношениям с Польшей (ССМ XIV-XV ст.1, 592; ГСБМ 18, 50). Кстати, это подтверждается и данными А.Булыки (1972, 203).

Вернемся, однако, к истории слова *любовь* в указанном выше значении в русском языке. Далее середины 50-х гг. XVII в. судьба его пока не прослеживается. Объяснить это можно тем, что язык дипломатической сферы был достаточно строго регламентирован, а тем более, когда речь шла о титуловании особ, занимающих самое высокое положение в обществе, поэтому

параллельное употребление синонимичных терминов (терминов-дублетов) вряд ли приветствовалось или даже допускалось. А кроме того, *милость* в таком употреблении имело более давнюю историю и успело закрепиться в дипломатике.

МАТИЦА (1) *ж.* Форма, в которой отливают типографский шрифт, матрица: *А съехался де он с епископом Калинником в Литовской земле ..., послал де ево ... архиепископ Лука ... бити челом ... о матицы друкарской* (ИСНСР 1, 271(90), 1628 г.).

Праслав. **matica*, имеющее общеславянское распространение и первоначально обозначавшее ‘мать’, ‘начало, основа, источник чего-л.’, представляет собой производное с уменьшительным суффиксом *-ic-a* от усеченной основы **mati*, род. п. **matere* < и.-е. Основа **māter-* ‘мать’, ‘женщина’ (Brückner 1974, 325; Pokorný I, 694, 700-701; Преображенский I, 515; Фасмер II, 581; ЭСБМ 6, 276, 277; ЭССЯ 17, 259-263).

В дреснерусском языке *матица* в значениях ‘мать’, ‘пчелинная матка’ и ‘начало, основа, причина, источник чего-л.’ известно с XIV в., позднее в русском языке оно отмечалось и в ряде других значений (Срезневский II, 119; СлДРЯ IV, 514; СлРЯ XI-XVII вв.9, 44-45). Однако ни в одном лексикографическом источнике как русского, так и других восточнославянских языков *матица* не регистрировалось в исследуемом значении.

Мы обнаружили это существительное в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Молдавским княжеством, где затрагиваются также отношения первого субъекта с Польшей и ВКЛ.

Учитывая характер памятника, на который приходится наиболее ранняя известная на данный момент фиксация *матица* ‘форма, в которой отливают типографский шрифт, матрица’, обратимся к польскому языку. В памятниках старопольской письменности *matica* впервые регистрируется в XIV в. (SłStp IV(1), 136-138; Reczek 1968, 196), а с начала XVII в. эта лексема начинает употребляться и в значении ‘forma w której odlewają ś czcionki drukarskie, matryca’, в котором она была представлена в словарях, отражающих польский язык XVII-XIX вв. (Bańkowski 2, 118; Linde III, 4; Karłowicz II, 838-839). В

словаре современного польского языка *tasica* в анализируемом значении уже снабжено пометой «daw.» (SJP IV, 357).

Таким образом, у нас есть все основания, чтобы рассматривать *матица* в интересующем нас значении как семантический полонизм в русском письменном языке первой половины XVII в.

МОЛВА (1) *ж.* Язык как система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе: *И референдарь Литовский Остафеи Воловичь говорил посланником: которые рѣчи говорили ... королю, и король и паны-рада все подлинно выслушали, что вашей молвы не разумѣть, и вы дайте тѣмъ рѣчемъ писмо* (Сб.РИО 137, 316, 1606-1607 гг.).

Это существительное, имеющее общеславянское распространение и восходящее к праслав. **mьlva*, не имеет бесспорных соответствий в других индоевропейских языках; первоначальным значением корня **mьl-* было не 'говорить', 'разговор, речь', как обычно предполагают, а 'шуметь, громко разговаривать', 'громкий говор'; сама структура этого слова и явная принадлежность к ряду **mьlm-*, **mьrm-*, **bьrm-* свидетельствуют о его звукоподражательности (Brückner 1974, 345; ИЭССРЯ I, 539; Преображенский I, 548; Фасмер II, 641-642; ЭССЯ 20, 225).

В древнерусской письменности *мьлва*, *мьва*, *мьльва* в значении 'сильный шум; громкое выражение смятения, возмущения; неудовольствие, ропот толпы' отмечается со второй половины XI в., позднее *молва* приобретает и другие значения: с XV в. – 'разговор в народе, молва, слухи', с XVI в. – 'разговор, речь' (Срезневский II, 200; СлДРЯ V, 52-53; СлРЯ XI-XVII вв.9, 240; Виноградов 1994, 931). Однако ни один лексикографический источник русского языка до сих пор не регистрировал это слово в интересующем нас значении. То же можно сказать и о других восточнославянских языках. В письменности ВКЛ с начала XVI в. встречается существительное *молва*, но только в значении 'паклеп, наговор', в котором оно употреблялось и в «простой мове» XVI-XVII вв. (ГСБМ 18, 125; СМС 1, 328), но далее XVII в. ни для белорусского, ни для украинского языков судьба его не прослеживается.

Поскольку *молва* в значении ‘язык’ было обнаружено нами в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, обратимся к польскому языку. Здесь *mołwa* (эта форма только до начала XVI в.), *mowa* ‘to co się mówi, wypowiedź, wypowiedzenie słowa’ известны со второй половины XIV – первой половины XV в., а со второй половины XV в. и в значении ‘mowa określonego narodu, język’, в котором *mowa* продолжало употребляться на протяжении XVI-XX вв. вплоть до настоящего времени (SłStrp IV(5), 334; Reczek 1968, 214; SłPXVI, XV, 54; Linde III, 148; SłPaska I, 436; Karłowicz II, 1034, 1052; SłJP IV, 861).

Таким образом, нам не остается ничего другого, как предположить, что *молва* в анализируемом значении в русском письменном языке является семантическим полонизмом. Возможно, при его передаче в русский язык роль посредника играла «простая мова», где *мова* ‘мова, сукупнасць гукавых і лексіка-граматычных сродкаў выказвання і абмену думкамі’ засвидетельствовано с 80-х гг. XVI в., а вообще сама лексема в значениях ‘гутарка, гаворка, размова’ и ‘слова’ появилась в письменности ВКЛ с начала XVI в., причем на первых порах во всех трех значениях она фиксировалась в сильно полонизированных текстах (ГСБМ 18, 102-103). В связи с этим заметим, что, на наш взгляд, в «простой мове» это был лексический полонизм. В чем мы полностью согласны с мнением Е.Борисовой и Г.Кюнэ и хотели бы возразить составителям этимологического словаря белорусского языка, которые считают это невозможным, ссылаясь на то, что в польском языке еще в XIV в. было *mołwa*, а переход *t > ц* произошел в конце XVI - начале XVII вв., а в старобелорусском языке переход *ъл > ѓ* закончился до XIV в. (ЭСБМ 7, 61). Однако, как отмечалось выше, в польском языке уже с начала XVI в. известна только форма *mowa* и с этого же времени *мова* представлено в старобелорусских текстах.

ОТДАЛЕНЬЕ (1) с. Искорененье, ликвидация чего-л.; прекращение, пресечение чего-л.: *И мы тут пришли для добра, покою и тишины того великого и преславного господарства Московского ... и отдаленья смуты и розоры ...* (Сб.РИО 142, 75, 1610 г.).

Это существительное представляет собой суффиксальное образование от префиксального глагола, восходящего, возможно, к праслав. **daliti(se)*¹³⁸ ‘удалять(ся), уходить’, ‘устранять, избегать’ и соотносительного с именем **dalb* ‘даль; отдаление’, ‘расстояние’, праславянской основы на *-ĭ-* без и.-е. соответствий, что дает основания для допущения особой местоименной этимологии: ср. близость слав. **dal-* и лит. *tolì* ‘далеко’, *tolùs* ‘удаленный, далекий’, лтш. *tāls* ‘далекий; дальний, отдаленный’, отношения которых напоминают отношения **da: *ta, *do: *to* и получают объяснения как местоимения (Berneker I, 178; Преображенский I, 173; Фасмер I, 483; Fraenkel II, 1106-1107; ЭССЯ 4, 185, 186-187).

Это слово в значении ‘удаление от кого-л, чего-л.’ впервые отмечается в памятнике письменности, созданном в 1584 г. (*Житие Сергея Обнорского [Нуромского]*), но в историческом словаре цитируется по списку начала XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв.13, 221). В указанном источнике это значение иллюстрируется единственным примером и еще один случай (1662 г.) демонстрирует значение ‘отдаленность, удаленность’, что может свидетельствовать о нераспространенности самой лексемы в этот период. Нам в исследуемом значении *отдаленье* встретилось в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. Однако ни одним лексикографическим источником русского языка существительное в таком употреблении до настоящего времени не регистрировалось.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, а также то, что А.Баньковский (2, 370) высказывает предположение о возможности заимствования из польского мотивирующего глагола *отдалити*, мы решили обратиться к польскому языку. Здесь *oddalić, otdalić* ‘odsunąć, usunąć’ известно с начала XV в. (SłStp V(6), 435-437), тогда как в русском письменном языке XV-XVII вв. этот глагол до сих пор не фиксировался. С середины XV в. в старопольском языке засвидетельствовано и существительное *oddalenie*,

¹³⁸ Польский исследователь А.Баньковский (1, 250), однако, считает, что имперфект *dalić się* ‘oddalać(się)’, известный в старопольском языке начала XV в. (SłStp II(1), 23), является обратным образованием от перфекта *oddalić się* ‘odsunąć, odłączyć, oddzielić, odosobnić, usunąć’ и ‘odejść, odstąpić’ (SłStp V(6), 435), который, по его мнению, восходит не к глаголу **daliti(se)*, а возник в результате универбизации словосочетания *odejść w dal*, то есть на базе существительного **dalb*. Но учитывая, что разница во времени появления *dalić się* и *oddalić (się)* в старопольском невелика: последнее с конца XIV - начала XV в. (там же, 436-437), а в древнерусском *далитисѧ* ‘вообще удаляться’ – с XIV в. (СлДРЯ II, 424), вполне допустима и выдвинутая нами версия происхождения мотивирующего глагола.

otdalenie в мотивированных глаголом значениях ‘odsunięcie, āmōtio’ и ‘zwłoka, odsunięcie w czasie’, а с первой четверти XVI в. оно представлено в памятниках и в интересующем нас значении ‘sprawienie, żeby czegoś nie było (przystało istnieć lub nie nastąpiło, niedopuszczenie do czegoś’ и бытовало в нем, по меньшей мере, до начала XVII в. (SłPXVI, XX, 149, 150). В словарях, отражающих польский язык XVIII-XX вв., это значение уже отсутствует.

С конца XVI - начала XVII в. *отдаленье, отдаление*, с начала XVII в. *отдаленье* в анализируемом значении появляется в «простой мове», причем первоначально это существительное наблюдалось в переводных памятниках или текстах, насыщенных полонизмами (ГСБМ 23, 65; там же, 21, 399). Но далее XVII в. судьба лексемы в этом значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

Сопоставление приведенных выше данных, на наш взгляд, позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что исследуемое нами употребление существительного *отдаленье* следует считать, по меньшей мере, семантическим полонизмом в русской письменности XVII в. Таково же, очевидно, происхождение его и в «простой мове», которая могла выступать в роли посредника в процессе заимствования значения русским письменным языком XVII в. При этом мы пока оставляем в стороне вопрос о происхождении этой лексемы в восточнославянских языках вообще, хотя, учитывая ряд обстоятельств (история мотивирующего глагола и хронология существительного *отдаленье* в других значениях в этих языках), не исключено, что сначала могла быть заимствована из польского и сама лексема в прямом значении.

ПОТЕХА (1) *ж.* Успокоение, умиротворение, утешение; ободрение, надежда; радость, удовлетворение: *Естьли убо победят поляки, тогда вконец погибнет род, и вера руская, и вся Украина, с великою жалостью сердца людскаго, испустошена будет, а с потехою и пожитком поганые учиняться* (ВУР 3, 264(153), 1653 г.).

Это слово представляет собой производное с помощью темы –а от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение и соответствия в балтийских языках праслав. **těšiti* (корень

**těch-*) с первоначальным значением ‘успокаивать, утешать’, ‘удовлетворять’, аблят праслав. **tichъ(jь)* ‘тихий’ < и.-е. корень, возможно, **toĭs-*: **teĭs-* ‘улучшать’, ‘исправлять, починять’, ‘направлять’, ‘готовить, подготавливать’, ‘делать’ (Bańkowski 2, 649; Brückner 1974, 63; ИЭССРЯ II, 243; Фасмер IV, 54; Fraenkel II, 1051, 1073-1074). Заметим, что с префиксом *no-* анализируемое существительное известно только в восточно- (русск. *noméxa*, блр. *naцéxa*, укр. *nomíxa*) и западнославянских (польск. *pociecha*, чеш. *potěcha*, словц. *potécha*) языках (PSIJČ IV(1), 843; SISJ III, 348).

В русской письменности *nomъxa* в значении ‘забава, развлечение, увеселение: игры, охота, театр и т.п.’ отмечается с XV в., а с начала XVII в. – также в значении ‘игрушка, безделушка’, в которых оно употреблялось и в XVIII-XIX вв. (Срезневский II, 1306; СлРЯ XI-XVII вв.17, 291; САР V, 90-91; Даль II, 361). В словаре современного русского языка значение ‘публичное увеселение (охота, кулачный бой, театральное представление и т.п.)’ уже снабжено пометой «устар.», а в значении ‘развлечение, веселье, забава; предмет развлечения’ эта лексема является принадлежностью активного запаса языка (ССРЛЯ 10, 1611-1612).

Обзор истории существительного *nomъxa*, *nomexa* показывает, что до сих пор в интересующем нас значении оно в русском письменном языке не было засвидетельствовано. Мы обнаружили его в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в., в переводном с польского документе. Это обстоятельство побуждает нас обратиться к польскому языку. Здесь *pociecha* ‘*usunięcie przygnębienia, smutku, przywrócenie radości, consōlātio, sōlātium*’ встречается в старопольских текстах уже с середины XV в. (SlStp VI(3), 207). И в XVI-XIX вв. это слово продолжало бытовать в значении ‘*ulga, ukojenie w smutku lub innej przykrości; otucha, nadzieja; ukontentowanie, radość*’ (SlP XVI, XXV, 201; SlPaska 2, 130; Linde IV, 773; Karłowicz IV, 313). В словаре современного польского языка данная лексема подается следующим образом: ‘*pocieszenie, pokrzepienie ducha, ukojenie*’, ‘*to, co przynosi ukojenie, zadowolenie, zapomnienie*’ и ‘*«przestarz.» (żywe we fraz.) zadowolenie, przyjemność, radość, ukontentowanie*’ (SlJP VI, 574).

С конца XV в. *nomexa* и именно в значении ‘уцяшэнне; радасць’ впервые регистрируется в письменности ВКЛ в переводном с польского тексте; в

этом значении существительное *потѣха*, *потеха* наблюдалось и в «простой мове» XVII в. (СМС 2, 86; ГСБМ 27, 277; Тимченко 2, 197). Далее находим *поцѣха* ‘утѣшение, удовольствие’ и ‘забава, смѣхъ’ в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., а в современном белорусском языке эта лексема (*пацѣха*) сохранила только последнее значение (Носовичъ 1870, 488; ТСБМ 4, 133-134). В украинском языке XIX в. *потѣха* было представлено в значении ‘радость, утѣха’, а в словаре современного украинского языка оно фигурирует в значениях ‘те, що розважає, веселить, смішити кого-небудь; забава’ и ‘той, хто (те, що) є втіхою, відрадою для кого-небудь (часто в горі, в тяжких обставинах і т.ін.)’ (Грінченко II, 382; СУМ VII, 411).

Сопоставительный анализ изложенного выше, по нашему мнению, дает достаточные основания для вывода о том, что анализируемое значение существительного *потѣха*, *потеха* является семантическим полонизмом в русском письменном языке XVII в. В «простой мове» мы, возможно, имеем дело с лексическим заимствованием, так как пока наиболее ранние фиксации связаны именно с этим значением. В этом случае «простая мова» могла выступать в роли посредника при заимствовании значения в русский язык XVII в. Значение же ‘развлечение, веселье, забава’ могло быть заимствовано белорусским и украинским языками из русского в XIX-XX вв.

ПРИХОДЪ (2) м. Вход, место для прохода внутрь: *Столь стояль ... у лавки съ приходу ...*(ДРВ(2)12, 328, 1599 г.). *Да подль стола велъли отъ государевы стороны с приходу поставитъ скамью* (Якубов 1897, 32, 1617 г.).

Эта лексема является безаффиксным производным от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **choditi*, 1 л. ед.ч. **chodjŭ* ‘ходить’. Считается, что праслав. **chod-* из и.-е. **sed-*: **sod-* ‘сидеть’, а звук *ch* закономерно возник из *s* в префиксальных образованиях после приставок **pri-*, **u-*, **per-*, то есть после *i*, *u*, *r*; значение же ‘ходить’ (вместо ‘сидеть’), развилось, видимо, следующим образом: ‘подсаживаться’ > ‘приближаться’ > ‘достигать’ (Brückner 1974, 181; ИЭССРЯ II, 346; Pokorný I, 887; Sławski I(1), 77; Фасмер IV, 252-253).

В памятниках древнерусской письменности *приходъ* в различных значениях встречается с XI-XII вв. (Срезневский II, 1488-1489; СлРЯ XI-XVII вв.20, 66). Однако в интересующем нас значении это существительное пока не засвидетельствовано ни одним лексикографическим источником русского языка. Мы обнаружили *приходъ* 'вход, место для прохода внутрь' в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Римской империей в конце XVI в. и Швецией в первой четверти XVII в., причем в обоих этих случаях затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей.

Характер памятников, в которых отмечалось *приходъ* в упомянутом выше значении в русском письменном языке конца XVI - начала XVII в., и непродолжительность его истории в русском языке вообще, наводят на мысль о возможном заимствовании. И процесс калькирования, по нашему мнению, мог осуществляться параллельно из двух источников. Это могла быть словообразовательная калька с немецкого *Eintritt* 'вход', регистрирующегося с середины XV в. и употребляющегося в этом значении до сих пор (Grimm 3, 331; НРС I, 404). И не менее вероятно, что это могло быть семантическое заимствование из польского, поскольку в старопольских памятниках с середины XV в. *przychód* фиксировалось в значении 'wejście, otwór wejściowy, introitūs, ostium', являясь, возможно, калькой латинского *introitūs* (*intrō + itūs*) 'вход' (SłStp VII(3), 241; Boryś 2005, 496). В отличие от немецкого, для польского языка судьба существительного в этом значении за пределами XVI в. пока не прослеживается. Кстати, в пользу калькирования с польского языка косвенно может свидетельствовать то, что семантическим полонизмом, проникшим в русский письменный язык XVI в. через посредство письменности ВКЛ, является, по мнению А.Золтана (1987, 74) и В.Витковского (1999, 152; 2006, 171), *приходъ* в значении 'wejścieпоступление денежных сумм, товаров, припасов; прибыль'.

Попытки обнаружить *приходъ* в анализируемом значении в письменности ВКЛ пока не увенчались успехом. Не представлено существительное в этом значении и в белорусской лексикографии XIX-XX вв. Тогда как в украинском языке XIX в. *прихід* бытовало в значении 'входь' (Грінченко II, 454). В словаре же современного украинского языка *прихід* в значении 'вхід' снабжено пометой «діал.» (СУМ VIII, 83). Судя по этим

данным, указанное значение могло бытовать, по меньшей мере, уже в «простой мове», иначе возникают сложности с объяснением его появления в украинском языке.

РОВНОСТЬ (1) ж. Справедливость; законность: *Толко бѣ де в перебѣщикахъ на обѣ стороны была ровность, или бы хотя на которой сторонѣ перебѣщиковъ сто – другое было и лишке, и сходство бѣ в томъ мочно было учинить вскорѣ ...* (Якубов 1897, 219, 1649 г.).

Это существительное представляет собой суффиксальное производное (суф. *-ostь*) от прилагательного, восходящего к праслав. **orvьnъ(jь)* ‘ровный; гладкий’, ‘плоский’ (о его происхождении см. выше, с. 268 данной работы; см. также ЭССЯ 32, 224-225).

Ровность в памятниках русской письменности впервые появляется в 80-е гг. XVI в. в значениях ‘распределение платежей и повинностей, предполагающее равные доли’ и ‘документ о разделе на равные доли’ (Срезневский III, 128; СлРЯ XI-XVII вв.22, 173). В интересующем же нас значении эта лексема пока не регистрировалась ни одним лексикографическим источником русского языка. Правда, в историческом словаре в этом значении фигурирует *равность*, иллюстрируемое единственным примером из переводного с латыни в 1535 г. текста *Брунона Вирибургского толкование на псалтирь* в списке XVII в.¹³⁹ (СлРЯ XI-XVII вв.21, 117).

Нами *ровность* ‘справедливость; законность’ было выявлено в дипломатическом документе середины XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей и ВКЛ. Принимая во внимание это обстоятельство, а также приведенную выше информацию, мы склонны считать, что *ровность* в рассматриваемом значении, а, возможно, и *равность* в том же употреблении, являются семантическими кальками польского *równość*, которое в значении ‘*prawość, sprawiedliwość*’ было известно в старопольских письменных источниках уже со второй половины XIV в. и, вероятно, представляет собой кальку с латинских *iustitia, aequitas*, так как прилагательное в мотивирующем значении засвидетельствовано здесь только с

¹³⁹ Мотивирующее его прилагательное *равный* ‘справедливый, беспристрастный’ также цитируется по рукописному памятнику XVII в. (там же, 119).

20-х гг. XVв.¹⁴⁰ (SłStp VIII(1), 34, 37). В указанном значении существительное бытовало в XV-XVI вв. и, очевидно, еще и в первой половине XVII в., однако далее этого времени судьба его для польского языка уже не прослеживается (SłStp, там же).

Не располагаем мы в настоящее время и информацией о наличии *ровность* в анализируемом значении и в текстах на «простой мове», а также в белорусском и украинском языках XVIII-XX вв.

Если сопоставить данные по истории *ровность* ‘справедливость; законность’ в русском и *równość* в аналогичном значении в польском языке, то, по нашему мнению, есть определенные основания, чтобы считать первое семантическим заимствованием из второго. Вероятнее всего, таково же происхождение упомянутого выше значения и у лексемы *равность*, хотя в этом случае нельзя исключать того, что калькирование могло осуществляться непосредственно с латыни.

СТРАДНИКЪ (11) м. Злой, недобрый, нехороший человек; безбожник; негодяй, мерзавец, подлец: *И послѣ того въ перемирные лѣта Жигимонтъ король ... всчалъ такое злое дѣло ..., хотячи перемирье порушити и кроворозлитье ... всчать; научили бѣглеца Московскаго государства, страдника, вора, богоотступника и вѣдуна, розстригу Гришку Отрепѣева, а учили его называти ... великого государя царя ... сыномъ* (РИБ 16, 399-400(95), 1606 г.). Сб.РИО 137, 242, 264, 301, 302, 309, 335, 344, 1606-1607 гг. *А не дали бы надъ свою голову посадити всякого страдника, которого Поляки и Литвяки полюбятъ* (ААЭ 2, 194(96), 1609 г.). Сб.РИО 142, 296, 1612 г. *И Агшиъ Уваровъ, принявся за саблю, говорилъ ему: какъ ты, дѣтина страдникъ, про великого государя нашего ... такое непригожее слово говоришь ...* (Якубов 1897, 281-282, 1625 г.).

Эта лексема образована суффиксальным способом, вероятнее всего, от прилагательного, в конечном итоге восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав.**stradati*, 1 л. ед.ч. **stradaję* с первоначальным значением ‘страдать мучиться; бедствовать’ < и.-е. корень *(s)ter-: *(s)terǝ-

¹⁴⁰ Тогда как в русской письменности прилагательное *ровный* в этом значении пока не обнаружено.

*(*s*)*trē-* (> **strō-*) ‘становиться жестким, тугим’, ‘делаться твердым’, ‘коченеть’ (Boryś 2005, 468; Brückner 1974, 518; ЕСУМ 5, 431; ИЭССРЯ II, 206-207; Machek 1971, 580; Преображенский II, 392-393; Rejzek 2001, 604; Фасмер III, 770).

В древнерусской письменности *страдъникъ* впервые отмечается в XII в. в значении ‘подвижник’, а с XV в. – и в значениях ‘работник’ и ‘категория зависимого сельского населения’ (Срезневский III, 533; Кочин 1937, 348). В первом из указанных значений судьба существительного далее XII в. не прослеживается. В значении ‘батракъ’ оно в XIX в. употреблялось лишь в диалектах, а в значении ‘мужикъ, рабочій крестьянинъ’ к этому времени уже вышло из активного употребления (Даль IV, 335). В словаре современного русского языка *страдник* ‘холоп, находившийся на барщинных работах в хозяйстве феодала’ трактуется как историзм, а в значении ‘о человеке незнатного происхождения’ сопровождается пометой «устар.» (ССРЛЯ 14, 987).

Интересующее нас значение слова *страдникъ* до сих пор не выделялось ни одним лексикографическим источником русского языка¹⁴¹. Мы девять раз зарегистрировали его в этом значении в дипломатической корреспонденции первой четверти XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ и два раза – в документах того же времени, отражающих контакты МГ со Швецией, где также затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей. Учитывая эти обстоятельства, обратимся к истории лексемы в польском языке. В старопольских памятниках *stradnik* ‘człowiek zły, bezbożny’ известно с начала XV в. (SlStp VIII(6), 474). При этом в старопольских текстах уже на рубеже XIV-XV вв. засвидетельствовано являющееся богемизмом прилагательное *stradny* ‘wypędzony¹⁴², wygnany’ (Reczek J. 1968, 92), которым могло быть мотивировано *stradnik*, тогда как в русском письменном языке *страдный* в таком значении до сих пор не выявлено. В значении ‘*nędznik, niegodziwiec*’ это существительное продолжало бытовать и в XVI – первой четверти XVII в. (Reczek 1968, 474). В словаре, фиксирующем польский язык XIX в., лексема *stradnik* уже снабжена пометой «staropolski» (Karłowicz VI, 443). В

¹⁴¹ Правда в историческом словаре (СлРЯ XI- XVII вв. 28, 120) под значением ‘холоп, занятый на тяжелых сельскохозяйственных работах’ приводится употребление ‘как бранное слово’ (впервые – в *Польских делах* к. XVI – н. XVII в.), которое, однако, скорее следует связывать с анализируемым нами значением.

¹⁴² Ср.: одно из значений разговорного польского *wypędek* ‘проходимец’.

лексикографических источниках современного польского языка она вообще отсутствует.

В «простой мове» первой четверти XVII в. *страдникъ* наблюдалось в значении ‘страдалец’¹⁴³, причем в историческом словаре оно сопровождается комментарием «ст. пл. *stradnik*» (Тимченко 2, 369). В этом значении существительное употреблялось и в белорусском языке XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 616). Однако далее этого времени история лексемы для белорусского языка уже не прослеживается, в словаре же современного украинского языка находим *стра́дник* в значениях ‘той, хто зазнає чи зазнав багато фізичних або моральних страждань’ и ‘канонізований церквою святий, що зазнав мук за віру; мученик’ (СУМ IX, 746-747). В интересующем нас значении существительное *страдникъ* не удалось пока обнаружить ни в текстах на «простой мове», ни в белорусском и украинском языках XVIII-XX вв.

На наш взгляд, имеющаяся у нас информация о лексеме *страдникъ* в анализируемом значении дает достаточные основания для вывода о том, что в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с семантической калькой с польского *stradnik* в соответствующем значении.

СТРАЖНИКЪ (3) м. Командир караула, стражи в польском войске; высокий военный чин в Польше и ВКЛ (XIV-XVII вв.), обязанностью которого была охрана и оборона границ от нападений неприятеля (позднее, с XVIII в., почетный чин): *А стражникъ Миколай Отрошковичъ былъ тутъ же и шляхтича Кулака отъ тое дурости унималъ ...* (АЮЗР 3, 258, 1649 г.). *И вьдья подвоеводья Петра Вяжевича дурость и къ корысти лакомство, учалъ тотъ стражникъ говоритъ приставу Василью Авруцкому и кричать, что де подвоеводье такъ дѣлаетъ мимо вѣчного dokonчанья* (там же, 259). *Да Янъ Казимиръ, король полской посылалъ въ Крымъ, для ратныхъ людей, пословъ своихъ, Ясколского, стражника полного корунного, да пана Корецкого ...* (АЮЗР 10, 667, 1654 г.).

Данное существительное – суффиксальный дериват от *стража* ‘охрана; стража, караул’, являющегося в русском языке заимствованием из

¹⁴³ В старопольской письменности *stradnik* ‘ten, kto znajduje się w ciężkim położeniu, zwłaszcza materialnym, ubogi, też nieszczęśnik’ – с середины XV в. (SłStp, там же).

старославянского, а в старопольском - богемизмом (Brückner 1974, 518; SłStp VIII(6), 466; III, 770). *Стража* имеет общеславянское распространение и восходит к праслав. **storžь* ‘тот, кто охраняет, стережет кого-, что-л.; присматривает, следит за кем-л, чем-л.’, **storža* (< **storg-*) ‘охрана; присмотр, забота; бодрствование; наблюдение за кем-л’, образованны путем суффиксации (суф. -*j-*) от того же корня, но с перегласовкой *o / e*, что и праслав. **stergti*, 1 л. ед.ч. *stergo* ‘стеречь, охранять’, ‘присматривать, следить за кем-л, чем-л.; заботиться о ком-, чем-л.’, < и.-е. база **sterg-*: **sterk-* ‘покрывать, защищать’, ‘окутывать, укрывать’ (Boryś 2005, 579-580, 581, 583; ИЭССРЯ II, 202; Преображенский II, 383-384; Фасмер III, 757).

В русской письменности *стражъникъ* ‘сторожъ’ впервые засвидетельствовано в памятнике второй половины XIV в., известном в списке XVI в. (Срезневский III, 534). И с этого момента вплоть до настоящего времени анализируемое существительное в значении ‘тот, кто стоит в страже, в охране’ входит в лексический состав русского языка (СлРЯ XI-XVII вв. 28, 125; САР VI, 529; Даль IV, 335; ССРЛЯ 14, 989).

В интересующем же нас значении эта лексема до сих пор не фиксировалась ни одним словарем русского языка. Мы обнаружили ее в дипломатических актах середины XVII в., отражающих межгосударственные отношения МГ с Польшей и ВКЛ. Поскольку в этих документах *стражъникъ* используется для наименования реалий Польско-Литовского государства, то вполне логично предположить, что мы имеем дело с семантическим полонизмом-экзотизмом.

В польском языке, судя по представлению в лексикографических источниках, регистрирующих язык XIX-XX вв., *strażnik* ‘dygnitarz wojskowy, mający w XIV w. obowiązek bronić, ochraniać Podole i Ukrainę od napadu Tatarów’ должно было встречаться еще в старопольских текстах (Karłowicz VI, 450; SłJP VIII, 807). Однако точными свидетельствами о столь ранней фиксации этой лексемы в упомянутом значении мы пока не располагаем. Достоверно известно, что в значениях ‘dowódca straży przedniej w wojsku, strażnik polski’ и ‘wysoki urzędnik wojskowy mający obowiązek pilnowania i obrony granic przed napadami nieprzyjacielskimi, szczególnie tatarskimi; później urząd honorowy’ выявляется в памятниках со второй половины XVI - начала XVII вв. (Linde V, 433; SłPaska II,

420). В этих значениях существительное употреблялось и в XVIII-XIX вв. (Karłowicz, там же). В словаре современного польского языка находим *strażnik* ‘w dawniej Polsce od XIV w.: mianowany przez hetmana wysoki urzędnik wojskowy, którego zadaniem było czuwanie nad bezpieczeństwem granic i obrona ich przed napadami Tatarów; od XVIII w.: urzędnik tytularny pozostający pod bezpośrednią władzą króla’ в сопровождении пометы «hist.» (SłJP VIII, 807-808).

С XVII в. *стражникъ* в следующем употреблении: «Въ Польшѣ достоинство *стражника* было довольно высоко. Обязанность его состояла въ охраненіи края отъ татарскихъ нападений. *Стражники* какъ въ Польшѣ, так и в Литвѣ были великіе и польные. Ихъ сперва избирали Гетманы. Но съ 1776 года ихъ началъ избирать самъ король. Съ этого времени правительственная функція ихъ состояла въ присутствіи въ засѣданіяхъ военныхъ судовъ» отмечается и в «простой мове» (Горбачевский 1874, 204). Примечательно, что в историческом словаре украинского языка *стражникъ* в приведенном значении снабжено комментарием «пл. *strażnik*» (Тимченко 2, 369). Далее, в белорусском языке XIX в. *стражникъ* бытовало в значении ‘надсмотрщикъ за цѣлостью лѣсовъ, караульщикъ’, а в украинском языке того же времени – в значении ‘стражникъ, сторожъ, караульщикъ’ (Носовичъ 1870, 616; Грінченко II, 723). В этих же значениях лексема фигурирует и в современной лексикографии указанных языков: белорусское – *стражнік* ‘ляснік’ в сопровождении помет «устар.» и «разм.» и украинское *стражник* – ‘той, хто стереже, охороняє що-небудь’ (ТСБМ 5(1), 330; СУМ IX, 748).

Итак, представленные факты, на наш взгляд, подтверждают высказанное выше предположение о происхождении интересующего нас значения существительного *стражникъ* в русском письменном языке XVII в. Таков же его источник и в «простой мове», благодаря посредничеству которой это значение, вероятнее всего, и попало в русскую письменность.

ЧАСЪ (4) м. Короткий промежуток времени, минута; мгновение, миг, момент: *Чтоб они Григорья Шорина, дав ему списокъ с утвержденныхъ записи, отпустили в Новгородъ тотчасъ, не мешкая ни часу ...* (Сб.РИО 142, 116, 1610 г.). *Табъ тамъ ни часу не жилъ ...* (Льжин 1857, 238(38), 1616 г.). *И они бѣ ... х*

королю просились и государево ... дѣло дѣлами не мѣшкая, чтобъ имъ
однолично у короля о полскомъ и о литовскомъ дѣлѣ здѣлати А имъ ...
вельно с тѣмъ со встѣмъ ѣхати к государю ... настѣхъ, не мѣшкая нигдѣ ни
часу (Якубов 1897, 72, 1618 г.). *Отъ казаковъ ни одинъ волосъ вашъ не згинетъ,
и впредь отъ сего часа недруги ваши Черкесы и иные не будутъ тѣшитца ...*
(АЮЗР 10, 594, 1654 г.).

Эта лексема, имеющая общеславянское распространение, восходит к
праслав. *časъ ‘время’, ‘час’, ‘пора’, ‘непродолжительное время, миг,
мгновение, момент’ (первоначальное значение ‘ограниченный отрезок
времени’); в этимологическом отношении трудное слово: одни исследователи
считают его родственным др.-прусск. *kīsmān*, вин.п. ед.ч от **kīsmā-* (< **kēsma-*)
‘время, пора’ и алб. *kohē* (< **kēsā*) ‘время’, ‘отрезок времени’, ‘срок’, ‘время
года’, ‘погода’, а и.-е. основой – **kēsō-* (с расширителем *-s-*), очевидно, от корня
**k^hēi-* ‘быть в движении’, ‘приводить в движение’ (Berneker I, 137; Brückner
1974, 73; ИЭССРЯ II, 375; Pokorny I, 539, 636; Sławski I(2), 113-114; Фасмер IV,
318), другие языковеды связывают его с праслав. **česati* ‘рвать’, ‘резать’,
‘делать резкие движения’, тогда и.-е. корень – **kēs-* : **kōs-* ‘рыть’, ‘чесать’;
скрести, царапать’, ‘сгребать’, что нам представляется более вероятным (Boryś
2005, 91, 97; ЭССЯ 4, 27-30, 85-87; о **česati* см. также Berneker I, 151-152;
Pokorny I, 585-586; Фасмер IV, 349-350; Fraenkel I, 226-227).

В древнерусских источниках *часъ* в значениях ‘время’, ‘мера времени,
подразделение суток’ наблюдается с X-XI вв. (Срезневский III, 1479-1481). В
интересующем же нас значении это существительное до сих пор не
регистрировалось ни одним словарем русского языка. Хотя *часъ* приводится в
Старославянском словаре (1999, 776) в значении ‘мгновение, краткий
промежуток времени’ (XI в.). Однако, на наш взгляд, заимствование значения
из этого языка маловероятно, так как в словаре церковнославянско-русского
языка его нет (SCSRJ IV, 896), а именно церковнославянский язык мог
способствовать проникновению этого значения в русский письменный язык
XVI-XVII вв. Нам же *часъ* в этом значении встретилось в дипломатической
корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и
ВКЛ (1610 г. – на данный момент наиболее ранняя фиксация, 1654 г.), а также с

Англией (1616 г.) и Швецией (1618 г.). Примечательно, что в документах по связям МГ с последним субъектом много внимания уделяется и контактам с Польшей. Обстоятельства появления *часъ* в значении ‘короткий промежуток времени, минута; мгновение, миг, момент’ в русском письменном языке XVII в. наводят на мысль о том, что в данном случае речь может идти о семантическом заимствовании из польского, а не о развитии значения в самом русском языке, поскольку в древнерусском для выражения значения ‘мгновение, минута’ использовалась лексема *часъць*, которая отмечалась еще в русской письменности XV-XVII вв. (Срезневский III, 1482).

Если обратиться к польскому языку, то здесь уже с первой четверти XVI в. *czas* засвидетельствовано в значении ‘moment pojmowany jako krótki odcinek czasu mogący się wypełniać jakąkolwiek treścią, chwila’ (SłP XVI, IV, 45). В значении ‘chwila, moment; poca’ исследуемое существительное бытовало и в XVII-XX вв., вплоть до настоящего времени (SłPaska I, 105; Karłowicz I, 375; SłJP I, 1106).

Достоверными сведениями о наличии лексемы *часъ* в изучаемом значении в письменности ВКЛ мы в настоящее время не располагаем, не удалось пока обнаружить ее в этом значении и в белорусской и украинской лексикографии XIX-XX вв. Однако, судя по характеру двух из трех памятников, где она выявлена нами, не исключено ее наличие и в «простой мове» XVI-XVII вв.

Сопоставляя приведенную выше информацию, мы склонны рассматривать *часъ* в анализируемом значении как семантический полонизм в русском письменном языке XVII в. Косвенным подтверждением этому может служить и такой факт: как полонизм в русском языке XVII в. трактуется наречие *часомъ* ‘иногда, порою, время от времени’ (Witkowski 1999, 207; 2006, 233), значение которого, судя по материалам польских лексикографических источников, сформировалось именно на базе интересующего нас значения существительного (Karłowicz I, 376; SłJP I, 1108; SłJP 1982, I, 330). Кроме того, на большую вероятность заимствования именно из польского, а не из старославянского языка указывает, по нашему мнению, также гораздо меньший временной промежуток между появлением этого значения в польском и русском письменных языках, нежели в старославянском и русском языках.

II.3.2. Местоимение

ЯКИЙ, ЯКОЙ (3) *неопределенное*. Какой-то; некий; какой-нибудь, какой-либо: *Справедливочью своєю не хотѣлъ тоє злости и неправды долго терпѣти, перепустил на него не короля, не монарха якого, ему в силе ... ровного, але истинного его холопа з народу Московского ...* (Сб.РИО 142, 550, 1614-1615 гг.). *Егда резник який з резництвом для торгу приедет ...* (ВУР 1, 174(103), 1636 г.). *А он сказывает, будто некого забил великого человека, что у него завладел маетность якую* (ВУР 2, 190(76), 1649 г.).

Данное местоимение восходит к праслав. **jakъ(jь)* ‘qualis’, имеющему точные соответствия в балтийских языках, сложность же разграничения с **ako/* **jako*, семантически близких между собой, создает трудности при реконструкции праформы, но, вероятнее всего, **jakъ(jь)* генетически связано с относительно-вопросительным местоимением **jь* ‘qui’, продолжающим и.-е. **jos* (Berneker I, 26, 419; Brückner 1974, 197; Преображенский I, 261-262; Фасмер IV, 553; Fraenkel I, 194; ЭССЯ 1, 64-65; там же 8, 171, 204-205).

В древнерусской письменности *якими* ‘какой’ засвидетельствовано с начала XII в. (Срезневский III, 272). В этом значении *який* отмечается и в словаре, отражающем русский язык XVIII в. (САР VI, 1453). В лексикографическом источнике XIX в. это местоимение в значении ‘какой, каковой’ представлено следующим образом: *якой* с пометой «юж.», *якѣй* – «зап.», *який* – «црк.» (Даль IV, 676). В словаре современного русского языка оно уже не регистрируется.

Таким образом, в интересующем нас значении *який, какой* до сих пор не фиксировалось ни в одном лексикографическом источнике русского языка. Мы трижды обнаружили его в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В связи с этим обратимся к польскому языку.

В старопольских текстах неопределенное местоимение *jaki* ‘jakiś, jakikolwiek’ известно с конца XIV – первой половины XV в. и в этом значении продолжает бытовать в польском языке до настоящего времени (Sławski I(5),

491; SłStp III(2), 93; SłP XVI, IX, 165-167; Reczek 1968, 136; SłPaska I, 270; Linde II, 854-855; Karłowicz II, 128; SłJP III, 311). Примечательно, что *jaki* еще в старопольском языке начинает расширять объем значений и сферу употребления, постепенно вытесняя *kaki* в соответствующих значениях (Wańkowski 1, 569), чего не произошло в русском языке.

В первой половине XV в. выявляется единичный случай использования *якьи* '(займ. неознач.) який-небудь, якийсь' в староукраинском языке, в сильно полонизированном документе (ССМ XIV-XV ст. 2, 583). В XVI в. *який* в этом значении встречается и в старобелорусских памятниках (СМС 2, 359). Однако в словаре, включающем словарный запас белорусского языка XVIII-XIX вв. *якій* выступает только как вопросительное местоимение и здесь же находим неопределенное местоимение *якій-ся* 'какой-то' (Носовичь 1870, 726). Тогда как в украинском языке XIX в. *якій* употреблялось в значении 'какой-то', в котором оно входит и в активный лексический состав современного языка (Грінченко II, 1048; СУМ XI, 635). И в словаре современного белорусского языка *які* подается как неопределенное местоимение в значении 'які-небудзь, якісьці', но в сопровождении пометы «разм.» (ТСБМ 5(2), 498).

Итак, судя по вышеизложенной информации, в русском письменном языке XVII в. *якой, який* 'какой-то; некий; какой-нибудь, какой-либо' – несомненный семантический полонизм, в «простой мове», очевидно, тоже¹⁴⁴. В этом случае последняя могла выступать в роли посредника в процессе заимствования значения русским языком.

II.3.3. Имя прилагательное

ЧАСТНЫЙ (2) В знач. суц. м.: Товарищ; коллега; компаньон, сотоварищ: *Прежь сего к вийти мїсти писалъ с Одрѣемъ Корсакомъ, и с частного племянникомъ Свирского ..., и с Цесарскимъ коморникомъ с частнымъ Горскимъ, просячи отъ васъ вѣдомости ...* (СГГД 2, 255(119), 1606 г.).

¹⁴⁴ Здесь мы исходим из наличия самой лексемы уже в древнерусском языке, что может свидетельствовать о том, что в староукраинском и старобелорусском языках она могла наблюдаться и в других значениях.

Это прилагательное, в настоящее время известное в восточно-, южнославянских и чешском языках, а до XVII в. также в польском, восходит в праслав. **čęstьnъ(jь)* ‘частичный; делимый на части’, ‘отдельный’ и представляет собой суффиксальный дериват (суф. *-ьn-*) от имеющего общеславянское распространение существительного **čęstь* ‘часть, доля’, ‘кусок’, являющегося славянским новообразованием, полные лексемные соответствия которого за пределами славянских языков не установлены, поэтому его и.-е. база до сих пор вызывает споры (ЭССЯ 4, 108). Нам наиболее вероятным кажется объяснение **čęstь* как именной *-i-* основы от прилагательного **čęstь* (первоначально страдательное причастие прош.вр.) ‘частый; густой’ < ‘набитый’¹⁴⁵, имеющего соответствия в балтийских языках, и, в свою очередь, образованного от несохранившегося глагола **čęsti*, 1 л. ед.ч. **čęsǫ* ‘набивать, напихивать’ (Bańkowski 1, 229; Boryś 2005, 98; Brückner 1974, 78; Fraenkel I, 254; ЭССЯ 4, 106, 107-108).

В древнерусских памятниках *частьныи* ‘частный, отдельный, особенный’ отмечается с начала XVII в. (Срезневский III, 1479). В русской лексикографии *частный* ‘particularis’ регистрируется с начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 158 об.). И в значениях ‘представляющий собой отдельную часть, подробность, деталь чего-н. целого, общего’, ‘принадлежащий отдельному лицу (лицам); не общественный, не государственный’, ‘касающийся отдельного лица (лиц); личный’ и ‘относящийся к части’ это прилагательное бытовало в русском языке второй половины XVIII-XX вв., вплоть до настоящего времени (САР VI, 1241; Даль IV, 583; ССРЛЯ 17, 776-780; см. также Веселитский 1972, 31-34).

В интересующем нас употреблении эта лексема, обнаруженная в дипломатической переписке МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., до сих пор не фиксировалось ни одним лексикографическим источником русского языка. При этом примечательно, что уже в древнерусском языке начала XII в. было известно существительное *часть* в значении ‘участие’ (Срезневский III, 1478), которым могло быть мотивировано анализируемое значение прилагательного.

¹⁴⁵ Этимологии, выражающие другую точку зрения см.: Berneker I, 155; ИССРЯ II, 375-376; Pokorny I, 920; Sławski I(2), 121-122; Фасмер IV, 319.

Учитывая все это, остается предположить, что в русском языке мы имеем дело с семантическим заимствованием, и очевидно, из польского.

В старопольских текстах с конца XV в. встречается существительное *częstnik* (*częśnik*) в значении ‘współsprwca, uczestnik, particeps’, существительное же *część* ‘udział’ здесь – со второй половины XIV в. (SlStp I(6), 379, 384-385). А с начала XVI в. в польском языке наблюдается и прилагательное *częstny* ‘(w funkcji rzeczownika) uczestniczący, towarzyszy’ (SlP XVI, IV, 169). Однако далее начала XVII в. судьба как существительного, так и прилагательного в указанных значениях уже не прослеживается, а в словаре, отражающем польский язык XIX – первой четверти XX в., они сопровождаются пометой «staropolski» (Karłowicz I, 391).

Достоверными сведениями о наличии прилагательного *частный* в изучаемом значении в «простой мове» мы в настоящее время не располагаем, хотя, учитывая характер исследуемого нами памятника, вполне возможно, что эта лексема могла быть представлена и в деловой письменности ВКЛ XVI-XVII вв. В словарях, включающих словарный запас белорусского и украинского языков XVIII-XX вв., это слово вообще не фигурирует.

Опираясь на сопоставление приведенных выше фактов, мы склоняемся к заключению, что в русский письменный язык XVII в. *частный* ‘товарищ; коллега; компаньон, сотоварищ’ проникло из польского языка.

ШИРОКИЙ (1) *Перен.* Пространный, обстоятельный, подробный, детальный; растянутый, длинный (о речи): *И говорилъ резидентъ о томъ пространно, широкими разговорами ...* (Якубов 1897, 401, 1649 г.).

Анализируемое прилагательное, имеющее общеславянское распространение, восходит к праслав. **širokь(jь)* ‘имеющий большую протяженность в поперечнике; широкий’, образованному путем суффиксации (суф. *-ok-ь*) от праслав. **širь* ‘открытый (ничем не ограниченный); просторный; обширный; широкий’ (о его происхождении см. выше, с. 103 данной работы).

В древнерусских письменных источниках *широкий* ‘широкий, просторный’ засвидетельствовано с XI в. и на протяжении XII-XVIII вв., судя по лексикографическим данным, употреблялось только в этом значении (Срезневский III, 1595; САР VI, 1362). С XIX в. эта лексема регистрируется и в

различных переносных значениях, однако на протяжении всей ее истории, вплоть до настоящего времени, она не отмечалась в словарях русского языка в интересующем нас значении (Даль IV, 634; ССРЛЯ 17, 1411-1415).

Мы обнаружили *широкий* в исследуемом значении в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и контакты первого субъекта в Польшей. Интересно, что в контексте прилагательное соседствует с наречием *пространно*¹⁴⁶, которое как бы поясняет его, что может говорить о непривычности такого использования *широкий* в русском языке XVII в. Приведенные факты наталкивают на мысль о возможной неисконности анализируемого значения для русского языка. Учитывая общеславянскую распространенность слова, источник значения, видимо, следует искать в том славянском языке, с которым у русского в XVI-XVII вв. были наиболее тесные контакты.

В связи с этим обратимся к польскому языку. Уже в старопольских текстах конца XIV – начала XV в. *szYROKI (szeroki)* фиксируется в значении ‘*mający wielkie rozmiary, pojemny, rozległy, przestronny*’, а с XV в. – и в переносном употреблении, основанном на этом значении: «... *szYROKO kazanye (latum mandatum: szYROKA kazn.: szIROKIE przikazanie) tve bardzo. Dzalo vyelyke gest a szIROKO (opus grande est et latum) (SłStp VIII(7), 550-551)*. И на протяжении XVI-XIX вв. *szEROKI* входило в лексический состав польского языка в значении ‘*dokładny, wyczczególniający, obszerny; rozwlekły, długi*’ (Linde V, 537; Karłowicz VI, 606). В словаре современного польского языка прилагательное в этом значении уже не фигурирует.

Со второй половины XV - начала XVI в. прилагательное *широкий* в прямом значении ‘(за величиною у просторі) широкий’ встречается в письменности ВКЛ, а с середины – второй половины XVII в. оно наблюдается в

¹⁴⁶ *Пространнѣ* ‘пространно, подробно’ известно в памятниках русской письменности с середины XIV в., а со второй половины XV в. в том же значении – *пространно, пространо* (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 238). В старопольском же языке наречие *przestronno* отмечается со второй половины XVI в. и только в значении ‘*swobodnie, bez ograniczeń*’, правда, с конца XV – начала XVI в. в значении ‘*obszerny, rozległy, szeroki*’ в интересующем нас переносном употреблении (в прямом значении – с середины XV в.) встречается прилагательное *przestronny, przestrony*, которое бытовало и в XVII-XVIII вв. (SłStp VII(3), 187; Linde IV, 592; Karłowicz V, 202). В русском же письменном языке, по крайней мере, до XVII в. прилагательное *пространный, пространый* выявлено только в следующем переносном употреблении: *язык просторень* ‘язык богат’ (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Тогда как в старобелорусском языке уже с первой четверти XVI в. *пространыи* представлено как в прямом ‘*просторны, вялікі*’, так и в переносном ‘*мнагаслоўны, шматаслоўны*’ значениях (СМС 2, 148).

«простой мове» и в исследуемом нами, причем первоначально в текстах, язык которых испытал сильное польское влияние (ССМ XIV-XV ст.2, 559; СМС 2, 352; Тимченко 2, 495). Однако далее XVII в. судьба этой лексемы в интересующем нас значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

На наш взгляд, приведенные выше материалы позволяют с достаточной степенью уверенности утверждать, что прилагательное *широкий* в значении ‘просторный, обстоятельный, подробный, детальный; растянутый, длинный (о речи)’ в русском письменном языке и «простой мове» XVII в. является семантической калькой с польского¹⁴⁷ *szeroکی* в соответствующем значении. При заимствовании этого значения русским языком, вероятнее всего, в роли посредника выступала «простая мова».

В заключение заметим, что в *Старославянском словаре* (1999, 790) приводится единичный пример использования прилагательного *широкъ* в указанном выше переносном значении из Супрасльской рукописи XI в.: «... широка заповѣдь твоѣ зѣло», однако по ряду причин сомнительно, что заимствование осуществилось из этого языка. Во-первых, это значительный временной промежуток между появлением значения в старославянском и русском языках, тогда как между русским и польским он значительно меньше, во-вторых, прилагательное в таком употреблении не представлено в *Словаре церковнославянско-русского языка* (SCSRJ IV, 960), а именно этот язык мог способствовать заимствованию значения русским языком.

II.3.4. Глагол

ВВОДИТИ (1) *несов.* Включать, вносить; вписывать: *О некоторыхъ статьяхъ здѣсь ... договорились и уложили, которые не годилось вводити и описати ... въ большемъ договорѣ ...*(ПСЗ 1, 186(19), 1617 г.).

Глагол *вводити* генетически может представлять собой две структуры: итератив-имперфектив с основой на *-i-* (и чередованием гласных в

¹⁴⁷ Кстати, лексическим заимствованием из польского в последней четверти XVI в. считается существительное *широкость* (Witkowski 1999, 212; 2006, 238).

корне) от глагола **v̆vesti* и сложение **v̆* с глаголом **voditi* (о происхождении **vesti*: **voditi* см. выше, с. 142, 280 данной работы).

В древнерусском языке он в различных значениях отмечается с XII в. (СлДРЯ I, 508-509). В лексикографических источниках эта лексема впервые регистрируется с начала XVIII в. (ССРЛЯ (2)II, 54). Однако в исследуемом нами значении она не представлена ни в одном словаре русского языка XVIII-XIX вв. Лишь в словаре современного русского языка находим *ввод́ить* в значении близком к интересующему нас ‘присоединять, включать в состав, в число кого-, чего-л.; включать в качестве элемента, составной части и т.п.’ (там же, 53).

Нам это слово в анализируемом значении встретилось в дипломатическом документе по связям МГ со Швецией в конце 10-х гг. XVII в., текст которого содержит полонизмы.

Учитывая последнее обстоятельство, а также то, что семантическим полонизмом в русском языке, по нашему мнению, является *вести* ‘включить, внести; вписать’ (см. с. данной работы), обратимся к польскому языку. Здесь *wprowadzić* ‘wciągać, wpisywać’ известно со второй половины XVI в. и в этом значении бытовало на протяжении XVI-XIX вв. (Reczek 1968, 572; Linde VI. 350; Karłowicz VII, 790). В словаре современного польского языка это значение глагола уже не фиксируется.

С первой половины XVII в. (1616 г.) *вводити*, *уводити* ‘уключаць, упісваць’ засвидетельствовано в памятниках письменности ВКЛ, причем в сильно полонизированных текстах (ГСБМ 3, 24). В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., глагол в этом значении не регистрируется. В современном белорусском (*уводзіць*) и украинском (*вводити*, *уводити*) он употребляется в том же значении, которое мы указали для современного русского языка (ТСБМ 5(1), 607; СУМ I, 305).

Итак, как и в случае с *вести* ‘включить, внести, вписать’, мы склонны считать *вводити* в аналогичном значении семантическим полонизмом в восточнославянских языках XVII в., при этом в русский письменный язык это значение, вероятнее всего, попало боагодаря посредничеству «простой мовы».

ВЫТИСНУТИ (4) *сов.* Добиться от кого-л. чего-л. желаемого, оказывая давление, путем принуждения: *Титуль его ... Свейской, на Москвь у Государя*

нашего Пословъ велльъ Бояромъ своимъ насильствомъ **вытиснуть**, а вы нынѣ не волите и не хотите писать ... (ДРВ (2)4, 85, 1602 г.). И послы говорили: или вы бояре то себѣ мыслите, что воеводою и тѣми всѣми людьми, которые ныне у вас, государю вашему на государе нашем перемирье **вытиснути** по своей воле, – и такъ тому не бывати (Сб.РИО 137, 547, 1607-1608 гг.; там же 657, 659).

О происхождении этого глагола см. выше, с. [147](#) данной работы.

Наиболее ранняя фиксация *вытиснути* в значении ‘выжать, выдавить’ в русской письменности относится к 1483 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 266). В интересующем нас значении все четыре случая употребления исследуемой лексемы приходятся на дипломатическую корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ начала XVII в. Ни одним лексикографическим источником русского языка в этом значении *вытиснути*, *вытиснуть* до сих пор не регистрировалось.

Попытаемся проследить историю этого глагола в польском языке. В старопольских памятниках *wycisnąć* с середины XV в. засвидетельствовано в значении ‘wymusić oddanie, siłą zabrać’ (SIStp X(6), 446), на базе которого развилось ‘zmusić, popchnąć, zniewolić, przynaglić; wymóc, wymusić coś na kimś, wydębić’, фиксируемое со второй половины XVI в. и бытовавшее в польском языке XVII-XIX вв. (Linde VI, 371; SIStpaska II, 639; Karłowicz VII, 827-828). И в словарях современного польского языка находим *wycisnąć* в значении ‘nakłonić lub zmusić kogo (perswazją, groźbą, represjami) do dania, oddania czego, do powiedzenia czego; wymusić, wydusić coś na kimś’, сопровождаемое пометой «rot.» (SJP IX, 1443; SJP 1983, III, 790).

С начала XVII в. *вытиснути* в значении ‘з цяжкасцю атрымаць што-н.’, а также в словосочетании терминологического характера *гвалтъ вытиснути* (на кому) ‘примустит виконувати чиюсь волю’ отмечается в текстах на «простой мове», язык которых насыщен полонизмами (ГСБМ 6, 157-158; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 6, 78). В словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII-XIX вв., глагол в этом значении не представлен. В современном белорусском языке *выціснуць* употребляется в значении ‘з цяжкасцю атрымаць што-н.’, являющемся переносным по отношению к ‘сціснуўшы, выпусціць, прымусіць выйсці на паверхню’ (ТСБМ 1, 591).

Сопоставление приведенной выше информации позволяет, на наш взгляд, рассматривать *вытиснути* ‘добиться от кого-л. чего-л. желаемого, оказывая давление, путем принуждения’ как семантическое заимствование из польского в восточнославянских языках. В русский письменный язык первой половины XVII в. это значение было заимствовано, очевидно, через «простую мову».

ЗАЖИТИ (1) *сов.* Иметь, приобрести, заслужить что-л.; испытать, изведать, узнать, познать что-л.; удостоиться чего-л.: *А говорят, что де он, Адам, приезжает их обмановать, чтоб ему у короля **зажить** ласку, а их всех погубить ...* (ВУР 2, 340(144), 1650 г.).

Это слово образовано префиксальным способом от имеющего общеславянское распространение, праслав. **žiti*, 1 л. ед.ч. **živŏ* ‘жить’ < и.-е. корень **gʷeǵ-*: **gʷeǵǵ-*: **gʷǵ-* ‘жить’ (Brückner 1974, 669; ИЭССРЯ I, 304; Преображенский I, 233-234; Фасмер II, 52, 57).

В памятниках письменности *зажити* впервые засвидетельствовано в конце XVI в. в значении ‘отработать заем или взятую вперед плату за службу’¹⁴⁸ (СлРЯ XI-XVII вв.5, 195). В значении близком к интересующему нас, но более узком ‘заработать, приобрести, нажить’ этот глагол в русской лексикографии представлен только в *Словаре русского языка XVIII века* (7, 222) иллюстрациями из текстов 20-х гг. XVIII – начала XIX в. в сопровождении помет «обычно *несов.*» и «выходящее из употребления».

Мы обнаружили эту лексему в анализируемом значении в дипломатическом документе середины XVII в., фиксирующем контакты МГ с Польшей и ВКЛ, что позволяет говорить о более раннем появлении этого значения в русском письменном языке, а значит, и о более длительной его истории.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, мы склонны предполагать, что исследуемое значение развилось не в самом русском языке, а было заимствовано. Так, если обратиться к польскому языку, то здесь *zażyć*, *zażywać* в значениях ‘mieć, posiadać co; cieszyć się czym’ и ‘doznać, uznać czego; użyć

¹⁴⁸ В этом значении глагол продолжал бытовать и в русском языке XVIII-XIX вв., а в словаре современного русского языка это значение уже сопровождается пометами «устар., прост.» (САР II, 568; Даль I, 577; ССРЛЯ (2)V-VI, 332).

czego', 'posłużyć się kim, czym; użyć czego' известно с середины – второй половины XVI в. и употреблялось на протяжении XVII-XIX вв. (Reczek 1968, 633; Linde VI, 837-838; SłPaska 724; Karłowicz VIII, 370). В словарях современного польского языка этот глагол в значении 'doświadczyć, doznać, zaznać czego (zwłaszcza czegoś dobrego); skorzystać z czegoś' имеет пометы «wychodzące z użycia» и «przestarz.», а в значении 'użyć czego, posłużyć się kim, czym' – помет «daw.», в значении 'mieć, posiadać co; cieczyć się, rozporządzać czym' является принадлежностью активного словарного запаса (SJP X, 898; SłFJP II, 795).

С конца XVI – начала XVII в *зажити, зажыти* 'мець, набыць, атрымаць' отмечается и в старобелорусской письменности (ГСБМ 10, 212). И с того же времени в староукраинских памятниках регистрируются *заживати* '(чого) (досягати чого-небудь; оволодівати чимсь) заживати, здобувати' и *зажити* '(чого) (відчути що-небудь) зазнати (чого), звідати (що)' (СУМ XVI - I пол. XVII ст. 10, 34, 35). Кстати, с этого же времени форма несовершенного вида (*заживати, заживать, зажывати*) 'адчуваць, зазнаваць' появляется и в старобелорусском языке (ГСБМ 10, 210). При этом в «простой мове» указного периода *зажити, заживати* в интересующем нас значении фиксируется в сильно полонизированных или переводных в польского текстах. Далее мы находим *зажива́ць, зажі́ць* 'получать, име́ть' в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 167). И в украинском языке XVIII-XIX вв. бытовало *зажива́ти, зажі́ти* в значениях 'испытывать, испытать' и 'приобрѣтать, приобрѣсти' (Грінченко I, 574). В словарях современного белорусского языка представлено *зажыва́ць, зажыць* 'набыць што-н., разжыцца на што-н.' с пометой «разм.», а в словаре современного украинского – *зажива́ти, зажі́ти* 'відчувати, переживати що-небудь' и 'поведінкою, працею і т.ін. засуговувати, здобувати собі пошану, славу, честь, успіх і т.ін.' (ГСБМ 2, 314; СУМ III, 122).

Приведенные выше сведения, на наш взгляд, дают определенные основания для вывода о том, что исследуемое значение глагола *завити* было заимствовано восточнославянскими языками из польского, причем в русский письменный язык середины XVII в. оно, вероятнее всего, попало благодаря посредничеству «простой мовы». В данном случае дополнительным

аргументом в пользу нашей точки зрения может служить и то, что семантическими полонизмами в русском языке XVII в. считаются однокоренные *заживать* (конец XVII в.), *заживание* (1698 г.), но в других значениях ‘*używać, korzystać*’ и ‘*używanie, korzystanie*’ (Witkowski 1992, 265; 2006, 54, 55). И в староукраинском языке *заживати, зажыяти* ‘користуватися чим’ (с конца XIV – начала XV вв.), судя по помете «стп.» в историческом словаре (ССМ XIV-XV ст.1, 375), является, видимо, полонизмом, но лексическим, так как именно в этом значении глагол появляется здесь впервые. Таково же, очевидно, происхождение *заживати, заживать, зажывати* ‘карыстацца чым’ в старобелорусском языке, встречающееся с конца 30-х гг. XV в. в сильно полонизированных документах (ГСБМ 10, 210). В старопольском же языке *zażywać* ‘*używać czegoś, korzystać z czegoś*’ – с конца XIV – начала XV в. (SłStp XI(4), 252).

ЗАСЕСТИ (1) *сов.* Принять участие в коллективном обсуждении, решении каких-л. вопросов, принять участие в заседании; начать заседание, прения: *Как де ныне послы будут у государя и з бояры засядут, и мы де чаем, что дела начьнут ...* (Сб.РИО 137, 634, 1607-1608 гг.).

Эта лексема является префиксальным производным от имеющего общеславянское распространение праслав. **sěsti* (< **sěditi*), 1 л. ед.ч. **sędō* (< **sědō*, с назализацией *ě*) ‘сесть’ (подробнее о его происхождении см. выше, с. 188 данной работы).

В русских лексикографических источниках этот глагол в форме совершенного вида в интересующем нас значении до сих пор не регистрировался, в других значениях он отмечается в памятниках письменности с XIII в. (СлДРЯ III, 349; СлРЯ XI-XVII вв.5, 295).

Нам *засети* в исследуемом значении встретился в дипломатическом документе начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В связи с этим обратимся к польскому языку. Здесь уже в старопольских текстах с 30-х гг. XV в. засвидетельствовано *zasieść (zasiąść)* в составе словосочетания *siedzieć sołtysem zasiedzionym* ‘*będać sołtysem sprawować władzę sądowniczą, uczestniczyć w zespole sądzącym*’ (SłStp XI(3), 184). А, по меньшей мере, с середины XVI в. *zasiąść* фиксируется и в более широком значении ‘*wziąć udział w posiedzeniu*;

zacząć obrady’, в котором глагол употреблялся и на протяжении XVII-XIX вв. (Linde VI, 767; SiPaska II, 713; Karłowicz VIII, 265). В словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «przestarz.» (SiJP X, 765).

С середины-второй половины XVI в. *zasъсти*, *zasести*, *zasestъ* ‘прыняць удзел у калектыўным абмеркаванні якіх-н. пытанняў’, ‘(на що, на чому) (розглянути якась питання, справу) розпочати (що), приступити (до чого)’ регистрируется в «простой мове», причем в сильно полонизированных текстах (ГСБМ 11, 146; СУМ XVI – I пол. XVII ст.10, 236). В значении ‘засъсть, присутствовать’ глагол *zasісти* представлен еще в украинском языке XIX в. (Гринченко I, 631). Однако далее XIX в. судьба формы совершенного вида в анализируемом значении для украинского языка не прослеживается, а для белорусского языка сведения о ней ограничиваются пока XVII в.

Итак, как и в случае с формой несовершенного вида (*zasъдати*, *zasедати*, см. с. данной работы) в том же значении, на наш взгляд, есть достаточные основания говорить о семантическом заимствовании из польского в восточнославянских языках. В русский же письменный язык XVII в. интересующее нас значение проникло, вероятнее всего, через посредничество «простой мовы».

ЗБИТИ (1) *сов.* Разбить, разгромить неприятеля, нанести поражение: *И их де, не допущая ... до своей земли, встречали трожды и бой с ними ставили. И свату-де моему бог дал помочь: тех мутьян ... трожды збил* (ИСНСР 2, 239(77), 1653 г.).

Этот глагол представляет собой префиксальное образование от имеющего общеславянское распространение **biti* (< **bei-*), 1 л. ед.ч. **biję* ‘бить, ударять’, ‘колотить’, ‘убивать’ (о его происхождении см. выше, с. 152-153 данной работы).

В памятниках древнерусской письменности *збити*, *сбити* в различных значениях встречается с конца XI в., в XVI-XVII вв. *збити*, *збить* наблюдалось также и в староукраинских памятниках (СлРЯ XI-XVII вв.23, 74; СУМ XVI – I пол. XVII ст.11, 65; Тимченко I, 300), но в интересующем нас значении эта лексема пока не регистрировалась ни одним лексикографическим источником

русского языка. Как, впрочем, не представлена она в этом значении и в лексикографии других восточнославянских языков в XVIII-XX вв..

Нами *збити* 'разбить, разгромить неприятеля, нанести поражение' отмечено в памятнике, отражающем дипломатические контакты МГ с Молдавским княжеством в середине XVII в. В этом же документе затрагиваются и отношения последнего субъекта в Польшей и ВКЛ. В связи с этим обратимся к польскому языку. Здесь *zbić* 'rozgromić w walce' известно с первой половины XV в. и в значении 'zwyciężyć, rozbić (nieprzyjaciela)' продолжало употребляться на протяжении XVII – первой половины XIX в. (SłStp XI(4), 264; Linde VI, 841; SłPaska II, 726; Karłowicz VIII, 379). В словаре современного польского языка *zbić* в значении 'zwyciężyć, rozbić (w walce, bitwie)' уже снабжено пометой «daw.» (SłJP X, 910).

В заключение обзора истории глагола *збити* в исследуемом значении, опираясь на приведенные выше данные, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в русском письменном языке XVII в. это семантический полонизм.

ИМЪТИ (3) *несов.* 1. *В прош.вр. с инф.* Как вспомогательный глагол при образовании будущего времени (для выражения предполагаемого действия, того, что должно случиться, что является будущим по отношению к прошедшему) (2): *Крымская орда если бы имъла вкинутися, тогда ... на нахъ наступити ..., а нынъ еще в братствъ, дать сроку, и ихъ не задирать* (ПСЗ 1, 314(119), 1654 г.). *Крымская орда если бы имъла вкинутися, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступити, такожде и донскимъ казакомъ готовымъ быть* (СГГД 3, 510(168), 1654 г.). 2. *Иметь что-л. (на себе); быть одетым во что-л.* (1): *Шли ... многіе попы ... по два челоуька врьдъ, шапокъ на главахъ не имъли* (СГГД 3, 538)184), 1655 г.).

О происхождении этого слова см. выше (с. 162 данной работы).

Глагол *имъти* в различных значениях засвидетельствован еще в древнерусском языке в X-XI вв. (Срезневский I, 1096-1097; СлДРЯ IV, 150-152; СлРЯ XI-XVII вв.6, 229). В первом из представленных выше двух употреблений он, по нашим данным, пока не регистрировался ни одним лексикографическим источником русского языка. Хотя еще в древнерусской письменности XI-XIV

вв. *имѣти* в сочетании с инфинитивом выступал как вспомогательный глагол для образования будущего времени с оттенком модальности, но только в форме настоящего времени (СлДРЯ IV, 151, 152). *Словарь русского языка XI-XVII вв.* случаев употребления лексемы в указанной функции не приводит, однако в XVIII-XIX вв. такое ее использование становится опять характерным для русского языка (СлРЯ XVIII в. 9, 84; САР II, 1143; Даль II, 43). В словаре современного русского языка глагол в этом употреблении уже снабжен пометой «устар.» (ССРЛЯ 5, 229).

Поскольку в первом из интересующих нас значений *имѣти* встретилось в дипломатических документах, фиксирующих межгосударственные отношения МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в., обратимся к польскому языку. В старопольской письменности *imieć, jmieć* ‘jako słowo posiłkowe w opisowym futurum (wyraża czynność przewidywaną, odnoszącą się z punktu widzenia relacji do przeszłości)’ известно с конца XIV - начала XV вв. (SłStp III(1), 21). Параллельно с этими формами в том же значении и тоже с конца XIV - начала XV в. отмечается лексема *mieć*, которая со второй половины XVI в. начинает вытеснять *imieć, jmieć* (SłStp IV(3), 216; SłP XVI, XIII, 538-544). Далее уже *mieć* в указанном значении употреблялось в польском языке XVII-XIX вв. (Linde III, 71; SłPaska I, 413; Karłowicz II, 951). И в словаре современного польского языка *mieć* в сочетании с инфинитивом представлено в значении ‘używane dla wyrażenia przyszłości w czasie przeszłym’ (SłJP III, 630).

С середины - второй половины XV в. *имѣти, имети, иметь* в форме прошедшего времени с инф. в значении ‘(наміряться, збиратися, бути повинним) мати (робити що)’ фиксируется в сторуукраинской и старобелорусской письменности на первых порах – в основном в переводных с польского текстах или документах, в значительной степени насыщенных полонизмами (ССМ XIV-XV ст.1, 439; ГСБМ 14, 101-102). С конца XV в. в том же значении в качестве вспомогательного глагола в форме прошедшего времени в сочетании с инфинитивом для выражения будущего времени регистрируются отдельные употребления *мѣти, мети, меть*, причем первоначально – в документах по сношениям с Польшей, язык которых в значительной степени полонизирован, более широко последняя лексема в «простой мове» представлена уже с конца XVI - начала XVII вв. в переводных с

польского текстах (ГСБМ 18, 13; ССМ XIV-XV ст.1, 439, 587, 630). Эта лексема с конца XVI в. начинает вытеснять *имѣти*, *имети*, *иметь* в соответствующем значении. А в украинском языке XVIII-XX вв. в исследуемом значении бытовал уже только глагол *ма́ти*¹⁴⁹ (Грінченко I, 945-946; СУМ IV, 649). В словаре современного белорусского языка в значении ‘у спалучэнні асабовых форм¹⁵⁰ з інф. набывае значэнне: намервацца што-н. зрабіць’ фигурирует только *мець* (ГСБМ 3, 147).

Сопоставление приведенной выше информации позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что *имѣти* в анализируемом значении является семантическим заимствованием из польского в восточнославянских языках. При этом проникновению этого значения в письменный язык середины XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

Что касается истории глагола *имѣти* в значении ‘иметь что-л. (на себе); быть одетым во что-л.’, то следует отметить, что оно не регистрируется ни одним лексикографическим источником русского языка, как, впрочем, и других восточнославянских языков. Нами глагол в этом значении был обнаружен в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в.

В памятниках же польской письменности, несмотря на то, что еще в первой половине XVI в. параллельно сосуществовали *mieć* и *mieć* ‘posiadać, użytkować со’, только последнее и именно с этого времени засвидетельствовано в значении ‘mieć coś na sobie, na czymś (o obiorze lub jego braku)’, развившемся на базе указанного ранее значения (SłP XVI, VIII, 488; там же, XIII, 470). В этом значении *mieć* употреблялось и в XVII-XIX вв., известно оно и в современном польском языке (SłPaska I, 408; Karłowicz II, 948, 949; SłJP III, 627).

Итак, опираясь на представленные выше факты, можно достоверно утверждать, что *имѣти* и в значении ‘иметь что-л. (на себе); быть одетым во что-л.’ в русском письменном языке XVII в. – несомненный семантический полонизм.

¹⁴⁹ Еще в староукраинском языке он во многих своих значениях и грамматических функциях был синонимичен *мѣти*, *мети* (ССМ XIV-XV ст.1, 433, 439, 580, 587, 630).

¹⁵⁰ В том числе и в сочетаниях с формами прошедшего времени.

МЪТИ, МЕТИ (3), *несов.* В настоящем времени с инф. Как вспомогательный глагол для образования будущего времени (с оттенком модальности): *Сатъга ... и Лисовской монастыря Троецкого конечно добывать ужо мають* через итурмъ, и петарды дубовые три, желъзными обручами збитые наготовили (АИ 2, 201(173), 1609 г.). *О том господару его милости с патрархом ... и всеми думными людьми намова быть маеть ...* (Сб.РИО 142, 95, 1610 г.). *И в записъ написати, что по договору гетмана Станислава Желковского съ ихъ стороны ничего не нарушаючи вцѣль в Московскомъ Государствѣ заставати маеть* (ПДС 2, 1238, 1616 г.).

Это слово, имеющее распространение в западнославянских, а также в белорусском языке (*мець*, 1 л. ед.ч. *маю*), восходит к праслав. **ǰьтѣти*, 1 л. ед.ч. **ǰьтати* ‘иметь, владеть’ (о его происхождении см. выше, с. 162 данной работы, а также ЭСБМ 7, 28).

В памятниках письменности глагол *мъти, маю* в значении ‘иметь, обладать, владеть чем-л.’ отмечается с XIV в. (Срезневский II, 252; СлРЯ XI-XVII вв.9, 127). В русской лексикографии в указанном выше значении он представлен лишь у Вл.Даля: «*Мъти, мѣвати* стар. и запд., имѣти, *мати* млрс.» (Даль II, 371). В интересующем нас значении этот глагол до сих пор не фиксировался ни одним лексикографическим источником русского языка¹⁵¹. Нам он трижды встретился в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и один раз – в документе, отражающем контакты МГ с Римской империей, однако во фрагменте, где речь идет об отношениях первого субъекта с Польшей. Учитывая характер памятников, в которых *мъти, мети* регистрировалось нами, а также пометы, которыми сопровождает его Вл. Даль, можно предположить, что анализируемое нами значение не является исконным для русского языка.

Так, в польском языке *mieć* ‘z inf.: musieć, mieć obowiązek; mieć zamiar, chcieć; jako słowo posiłkowe w opisowym futurum’ известно с конца XIV – начала

¹⁵¹ Заметим, что в историческом словаре русского языка под значением ‘иметь, обладать, владеть чем-л.’ ошибочно помещена иллюстрация из *Истории о великом князе Московском* А.Курбского: *О окаянные ... пагубники отечества! ... Поколь маете безстыдствовати и оправдати такова челоуѣка разтерзателя?* (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Здесь *мъти*, бесспорно, выступает в качестве вспомогательного глагола при образовании будущего времени, однако без оттенка модальности, как в рассматриваемых нами случаях.

XV в. и употребляется в этом значении до настоящего времени (SłStp IV(3), 214-216; SłP XVI, XIII, 538-543; SłPaska I, 413; Linde III, 71; Karłowicz II, 951; SłJP III, 630).

С конца XIV – начала XV вв. *мети, меть* в значении ‘у спалучэнні з інф. у будучым складаным мае значэнне неабходнасці або магчымасці’ появляется в письменности ВКЛ, причем первоначально в документах по сношениям с Польшей, язык которых в той или иной степени полонизирован, а также в переводных в польского текстах (ГСБМ 18, 13; ССМ XIV-XV ст. 1, 435, 587). Далее *мати* в этом значении фиксируется в словаре, отражающем украинский язык XIX в. (Грінченко I, 946). В этом употреблении находим *мець, маю* и в словаре современного белорусского языка (ГСБМ 3, 147). В современном украинском языке в анализируемом значении бытует уже только глагол *мати, маю* (СУМ IV, 649).

Итак, что касается русского языка, то здесь *мѣти, мети* в исследуемом значении, несомненно, семантическое заимствование начала XVII в., которое могло проникнуть как непосредственно из польского, так и через «простую мову». При этом мы допускаем, что и в «простой мове» это, возможно, также семантический полонизм. Кстати, полонизмом, но в другом значении (‘иметь’) его считает В.Тамань (1960, 117), выявившая этот глагол в *Посланиях* Ивана Грозного, но в данном случае это, очевидно, лексическое заимствование.

ОПИСАТИ (3) *сов.* Назвать, именовать, титуловать (в официальных документах): *Вы в томъ своем листу его царского величества имяни не описали ...* (Сб.РИО 142, 480, 1615 г.). *А будет паны-рада упрямятца и о томъ скажут, что имъ до съѣзду и до договору государева имяни описати нелзъ, ... и станут отпускать его без дѣла* (там же, 660, 1615 г.). *И хотѣли есмя нынѣ въ нашей грамотѣ описати къ вашему королевскому велеможеству съ убавленьемъ вашего королевского титула* (РИБ 16, 530(106), 1619 г.).

Эта лексема представляет собой префиксальное производное от имеющего общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **pъsati* (возможно, вместо **pisti*), 1 л. ед.ч. **pīšq* (< **pisjǫ*) с первоначальным значением ‘изображать что-л. путем вырезывания или с помощью красок’ (о его происхождении см. выше, с. 179 данной работы).

В древнерусском языке *описати* впервые засвидетельствовано во второй половине XI в. в значении ‘ограничить чем-л., заключить в границы чего-л.’, а с XIV в. – и в значении ‘писать’ (СлДРЯ VI, 138; СлРЯ XI-XVII вв.13, 15). В анализируемом значении этот глагол до сих пор никем не регистрировался в памятниках как русской, так и старобелорусской и староукраинской письменности, не представлен он и в русской, как, впрочем, и в белорусской и украинской лексикографии.

Мы трижды обнаружили *описати* ‘назвать, именовать, титуловать (в официальных документах)’ в дипломатической корреспонденции первой четверти XVII в. по сношениям МГ непосредственно с Польшей или документах, где затрагиваются отношения с ней. В связи с этим обратимся к польскому языку. Здесь *opisać* ‘nazwać, określić kogo, co’ отмечается со второй половины XVI - начала XVII в. (SłP XVI, XXI, 521), однако далее второй половины семнадцатого столетия история глагола в этом значении для польского языка уже не прослеживается.

Сопоставляя приведенную выше информацию, мы склоняемся к заключению, что в русском письменном языке XVII в. *описати* в интересующем нас значении – семантический полонизм.

ПЕРЕПУСТИТИ (1) *сов.* Послать, ниспослать; наслатъ что-л, кого-л. на кого-л.: *Однакъ справедливочью своею не хотѣлъ тое злости и неправды Борисовы долго терпѣти, перепустил на него не короля, не монарха якого, ему в силе и в мужности ровного, але истинного его холопа з народу Московского ...*(Сб.РИО 142, 550, 1614-1615 гг.).

Этот глагол образован путем префиксации от имеющего общеславянское распространение, без точных соответствий в других индоевропейских языках праслав. **pustiti*, 1 л. ед.ч. **pustjǫ* ‘пустить; отпустить’ (первоначально ‘делать пустым, незанятым, свободным’), восходящего, вероятнее всего, к **rustь(jь)* ‘пустой’ < и.-е. корень **raus-* ‘спокойствие; покой’, ‘отдых; пауза’, ‘прекращение’ (Bańkowski 2, 894; Boryś 2005, 504-505; Brückner 1974, 448; ИЭССРЯ II, 84-85; Преображенский II, 154, 155; Фасмер III, 410, 411).

Перепустити впервые отмечается в древнерусском языке на рубеже IX-X вв. в значении ‘дать пройти, истечь какому-л. промежутку времени’, а в

первой половине XII в. – и в значении ‘передать, отдать, уступить’ (Срезневский II, 914; СлДРЯ VI, 375; СлРЯ XI-XVII вв.14, 283). В исследуемом нами значении эта лексема до сих пор не представлена ни в одном лексикографическом источнике русского языка, хотя в памятниках письменности мотивирующее ее *пустити* ‘наслать, навести, напустить (напускать)’ засвидетельствовано со второй половины XI в., а в значении ‘послать, ниспослать’ – с XIV в. (СлРЯ XI-XVII вв.21, 50). Мы обнаружили *перепустити* в рассматриваемом значении в дипломатическом документе начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, обратимся к польскому языку. Здесь уже в старопольских текстах конца 20-х гг. XV в. *przepuścić* встречалось в значении ‘zesłać, dopuścić; zesłać zapowiedzianą karę’¹⁵² (SIStp VII(3), 173). В значении ‘zesłać, zwłaszcza coś złego, karać lub doświadczać czymś’ этот глагол продолжал употребляться и в XVI – первой половине XVIII в. (SIStp XVI, XXXII, 127-128; Reczek 1968, 383; Linde IV, 1130). В словаре, отражающем польский язык XIX в., анализируемое значение уже снабжено пометой «staropolskie», а в словаре современного польского языка оно не регистрируется вообще (Karłowicz V, 176).

В письменности ВКЛ лексема *перепустити* в значении ‘допустить, дозволити’ фиксируется с первой половины XV в., а в интересующем нас употреблении единичные случаи наблюдаются в первой четверти XVI в., но более распространенными они становятся со второй половины этого столетия¹⁵³ и, как правило, приходятся на источники, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами (ССМ XIV-XV ст.2, 139; ГСБМ 24, 201; СМС 2, 14; Тимченко 2, 99). Однако далее XVII в. судьба глагола в изучаемом значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

Анализ представленных фактов из истории *перепустити* – *przepuścić* в интересующем нас значении в восточнославянских и польском языках, по нашему мнению, позволяет считать его бесспорным семантическим полонизмом в первых, при этом заимствованию его русским письменным языком XVII в. могла способствовать «простая мова».

¹⁵² Глагол *puścić* в мотивирующем значении ‘zesłać, sprowadzić coś na kogoś, coś’ в старопольской письменности отмечается также с конца 20-х гг. XV в. (SIStp VII(6), 407).

¹⁵³ *Пустити* в мотивирующем значении – с первой четверти XVI в. (СМС 2, 155).

ПЕРЕПУЩАТИ (1) *несов.* Посылать, ниспосылать; насылать что-л., кого-л. на кого-л.: *А на тѣх, которые право то переступали, послом обиду и насильство дѣлати покушались, гнѣвъ свой Божей перепуцал тем* (Сб.РИО 137, 642, 1607-1608 гг.).

Этот глагол, вероятнее всего, является суффиксальным производным от *перепустити*, хотя нельзя исключать и возможности префиксального образования от восходящего к праслав. **pustjati*, 1 л. ед.ч. **pustjajo*, интератива к **pustiti*, 1 л. ед.ч. **pustjo* (подробнее см. выше, с. [361](#) данной работы).

В русской письменности *перепуцать* впервые встречается в XVI в. в значениях ‘позволять переехать, отпускать’ и ‘подвергать перегонке; изготовлять путем перегонки’¹⁵⁴ (СлРЯ XI-XVII вв.14, 284). В интересующем нас значении этот глагол в русской лексикографии до сих пор не был представлен, хотя в древнерусских текстах с XII в. отмечается *пуцати* ‘насылать, наводить’ (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 74). Нами *перепуцати* ‘посылать, ниспосылать; насылать что-л, кого-л. на кого-л.’ обнаружено в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в.

В старопольском же языке *przepuszczać* ‘zsyłać, dopuszczać’ известно с конца XV в.¹⁵⁵ (SlStp VII(3), 171). В значении ‘zsyłać, zwłaszcza coś złego, karać lub doświadczać czymś’ этот глагол продолжал бытовать в XVI – первой половине XVIII в. (SlPXVI, XXXII, 120; Reczek 1968, 383; Linde IV, 1130). В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., указанное значение сопровождается пометой «staropolskie», а в словаре современного польского языка оно отсутствует вообще (Karłowicz V, 176).

В первой четверти XVI в. засвидетельствовано единичное употребление *перепуцати* в исследуемом значении в письменности ВКЛ, однако более широкое распространение этот глагол получает с начала XVII в.¹⁵⁶, отмечаясь преимущественно в переводных с польского или насыщенных полонизмами текстах (СМС 2, 14; ГСБМ 24, 202). Но далее XVII в. история лексемы в

¹⁵⁴Это значение регистрируется по памятнику в списке XVII в.

¹⁵⁵*Puszczać* ‘zsyłać, sprowadzać coś na kogoś’ – с первой половины XV в. (SlStp VII(6), 402).

¹⁵⁶*Пуцати* ‘насылать’ – с первой четверти XVI в. (СМС 2, 156).

изучаемом значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

Итак, так же, как и в случае с *перепустити* в аналогичном значении, мы, опираясь на исторические данные, склонны трактовать *перепуцати* как полонизм в восточнославянских языках. В русском письменном языке XVII в. – это, очевидно, семантическая калька, а в «простой мове», возможно, лексическое заимствование, так как впервые лексема фиксируется здесь именно в анализируемом значении. «Простая мова» могла выступать в роли посредника в процессе заимствования значения в русскую письменность XVII в.

ПОДАТИСЯ (1) *сов.* Признать чью-л. власть; сдаться, покориться, подчиниться; принять подданство: *Он по своей Божьей Святой воле царей на их государства и царства повелевает и становит ... і вас ... ко государю вашему ... Владиславу Жигимонтовичю ... склонил бы ..., і в холопи ему и дѣтем ево во веки подалися и крестъ целовали служити и прямити ему и дѣтем ево во веки* (Сб.РИО 142, 397, 1613 г.).

Эта лексема образована постфиксальным способом от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках праслав. **dati*, 1 л. ед.ч. **damь* ‘вручить что-л. кому-л., предоставить’, ‘позволить, допустить’ (о его происхождении см. выше, с. 154 данной работы).

Податися в исследуемом значении, отмеченное нами в дипломатическом акте, отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ в первой четверти XVII в., не регистрируется ни одним лексикографическим источником русского, как, впрочем, и толковыми словарями других восточнославянских языков. Хотя сам этот глагол в значениях ‘быть дарованным’, ‘быть предоставленным’, ‘быть переданным, рассказанным’, ‘быть дозволенным, разрешенным’ встречается в древнерусских памятниках с XI-XII вв. (Срезневский II, 1031; СлДРЯ VI, 515; СлРЯ XI-XVII вв.15, 219).

Если обратиться к польскому языку, то здесь уже в старопольских текстах со второй половины XIV в. представлено *podać* в значении ‘*poddać*, *podporządkować* (kogoś, coś lub siebie komuś)’, а с середины XVI в. – и *podać się* ‘*przyjąć zależność*, *przyjąć zwierzchnictwo*, *poddać się władzy*’, бытовавшее на

протяжении XVI-XVIII вв. (Bańkowski 2, 655; SłStp VI(3), 228; SłPXVI, XXV, 338; Reczek 1968, 332; Linde IV, 784). В словаре, отражающем польский язык XIX – первой четверти XX в., это значение глагола *podać się* уже снабжено пометой «staropolskie», а в словаре современного польского языка – пометой «daw.» (Karłowicz IV, 333-334; SłJP VI, 599).

В письменности ВКЛ *податися* в значении ‘аддаца ў распараджэнне’ выявляется со второй половины XVI в., причем первоначально в документах, фиксирующих отношения с Польшей, и наряду с имперфектом *подаватися* в значении ‘падлягаць, паддавацца’ *податися* в указанном выше употреблении наблюдалось и в «простой мове» XVII в. (ГСБМ 25, 151, 163; Тимченко 2, 130). Однако далее XVII столетия история этих лексем в упомянутом значении ни для белорусского, ни для украинского языка не прослеживается.

Анализ приведенной выше информации позволяет сделать однозначный вывод: в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с несомненным семантическим полонизмом, таково же, возможно, происхождение интересующего нас значения и у *податися* в «простой мове», так как сама лексема в значении ‘накіравацца’ в старобелорусском языке – с начала XVI в. (ГСБМ 25, 164). «Простая мова», очевидно, играла роль посредника при проникновении значения в русский письменный язык XVII в. При этом в данном случае мы опираемся не только на исторический, но и на формальный критерий: нам пока не удалось выявить глагол *подати* в мотивирующем значении в русских письменных источниках до XVII столетия.

ПОДНОСИТИ (1) *несов.* Начинать; вызывать, возбуждать что-л.: *И въ Амборхъ де в тѣ поры отозвалось, что у Государя съ Польскимъ королемъ перемирные лѣта доходятъ, и съ обѣ стороны мыслятъ межъ Государствъ войну подносити, и многіе де капитаны и иные начальныя люди и шляхта ... говорили ...* (СГГД 3, 31(82), 1631 г.).

Подносити – префиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках праслав. **nositi*, 1 л. ед.ч. **nošō* (< **nosjō*) ‘носить’, которое в функциональном плане является итеративом к **nesti*, а в словообразовательном отношении – производным на – *iti* от **nosъ* ‘название действия по глаголу *носить*’, < и.-е. корень **nek*’- (: **nok*’-

): *en(e)k'- (: *onk'-) *ŋk'- 'нести', 'получать', 'доставать', 'достигать', 'приобретать', 'быть достаточным' (Brückner 1974, 361; ИЭССРЯ I, 570; Rokorny I, 316-318; Преображенский I, 601-602; Фасмер III, 62; Fraenkel I, 497-498; ЭССЯ 25, 19, 22, 206, 210).

Этот глагол в различных значениях отмечается в памятниках русской письменности с XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв.16, 13). В интересующем же нас употреблении он не регистрируется ни одним лексикографическим источником русского языка.

В связи с тем, что нам *podnosi* 'начинать; вызывать, возбуждать что-л.' встретилось в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Римской империей в 30-е гг. XVII в., где много места отводится и контактам первого субъекта с Польшей, обратимся к польскому языку. Здесь *podnosić* 'czynić, wszczynać, wywołać' известно с начала 60-х гг. XVI в. и в этом значении входило в состав устойчивых сочетаний *wojnę, walkę podnosić* 'wszczynać, rozpoczynać wojnę, zaczynać walczyć zbrojnie' (SlPXVI, XXV, 496; Reczek 1968, 336). В указанном значении этот глагол, в том числе и в составе приведенных выше сочетаний, бытовал в польском языке в XVII-XIX вв., фигурирует он в таком употреблении и в словаре современного польского языка (Linde IV, 808; Karłowicz IV, 383; SJP VI, 678-679).

С последней четверти XV в. в актовом языке ВКЛ засвидетельствован перфект *podнести* в значении 'абвясціць; узбудзіць, распачаць слуханне справы ў судзе', а с последней четверти XVI в. глагол в этом значении выступает и в сочетании *podнести войну (валку)* 'распачаць вайну' (ГСБМ 25, 248; Горбачевский 1874, 263). С первой четверти XVII в. наблюдается и устойчивое словосочетание с имперфектом *podnosi* *войну* 'аб'яўляць, пачынаць вайну', при этом сам глагол вне этого сочетания, то есть в свободном употреблении, в «простой мове» пока не выявлен, а впервые он в значении 'рабіць больш значным у чыіх-н. вачах, у духоўных адносінах; расхвальваць' фиксируется в письменности ВКЛ с конца XV в. (ГСБМ 25, 256, 257). Заметим, что и перфект, и имперфект в анализируемом значении в «простой мове» XVI-XVII вв. обнаруживаются в переводных с польского либо сильно полонизированных текстах (ГСБМ 25, 248, 257; Тимченко 2, 136). За пределами XVII столетия как

судьба *поднести*, так и *подносить* в исследуемом значении ни для белорусского, ни для украинского языка не прослеживается.

Итак, судя по изложенным фактам, напрашивается однозначное заключение: *подносить* ‘начинать; вызывать, возбуждать что-л.’ в русском письменном языке XVII в. – очевидный семантический полонизм. Вероятно, то же относится и к *поднести*, *подносить* в соответствующем значении и в «простой мове», которая, видимо, выступала в роли посредника в процессе семантического калькирования русским языком. Кстати, семантическим заимствованием из польского, но в другом значении (‘поднимать’) считает глагол *подносить* Е.А. Целунова (2006, 130).

ПОРЮТИТИ (1) *сов.* Бросить, прекратить какую-л. деятельность, исполнение каких-л. обязанностей; оставить какую-л. должность: *Естьли пань мой Казимерь королемь зосталь ужь, я и булаву свою порютить* (АЮЗР 3, 288, 1649 г.).

Эта лексема образована префиксальным способом от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **rutiti*, **rjutiti* ‘ронять, бросать, кидать’, ‘толкать’, ‘разваливать’, ‘ранить’, родственного **rušiti* ‘разрушать’, ‘нарушать’, ‘сотрясать’, ‘беспокоить’, ‘тронуть’, связанного с **ruchь* ‘суматоха; волнение, тревога’, ‘движение’ < и.-е. база **reŭ-s-* (: **roŭ-s-*: **ru-s-*), от очень плодovitого и.-е. корня **er-*: **or-*: **r-*, обозначавшего разнообразные значения, связанные с идеей движения, стремления (Brückner 1974, 477; ИЭССРЯ II, 129; Pokorný I, 326-327; Преображенский II, 227-228; Фасмер III, 523-525, 533).

В древнерусских памятниках *порутити* ‘опрокинуть; повалить’ засвидетельствовано с XII-XIII вв., а *порютити* в том же значении и в значении ‘ударить’ – с XIV в. (Срезневский II, 1218, 1225; СлДРЯ VII, 235; СлРЯ XI-XVII вв. 17, 139, 146). В других значениях этот глагол в словарях русского языка не представлен. И вообще, судя по данным лексикографических источников, история его в русском письменном языке до сих пор ограничивалась XIV в. Однако мы обнаружили *порютити* ‘бросить, прекратить какую-л. деятельность, исполнение каких-л. обязанностей; оставить какую-л. должность’ в

дипломатическом документе середины XVII в., отражающем межгосударственные связи МГ с Польшей и ВКЛ.

Учитывая изложенное выше, обратимся к польскому языку. В старопольских письменных источниках *porzucić* в составе метонимических оборотов в значении 'opuszczyć, pozostawić; poniechać, zaniedbać, przestać się zajmować, przestać coś robić, zaprzestać tego w czym się trwało' известно со второй половины 40-х гг. XV в. и бытует в этом употреблении вплоть до настоящего времени (SłStp VI(6), 415; SłPXVI, XXVII, 431-433; SłPaska II, 181; Linde IV, 935; Karłowicz IV, 730; SłJP VI, 1090-1091; SłFJP I, 724).

Что касается истории этого глагола в других восточнославянских языках, то А.М.Булыка (1972, 289) указывает на наличие в текстах на «простой мове» конца XVI-XVII вв. лексемы *порутити* в прямом значении 'кінуць, шпурнуць', которую он квалифицирует как полонизм. Этот исследователь отмечает также префиксальные дериваты *порутити*, *поруцати*, но без датировки и определения значения (там же). В белорусской исторической лексикографии находим *порутити*, *поруцити* в прямом значении 'кінуць, пакідаць', иллюстрируемое единственной цитатой из сильно полонизированного источника начала XVII в., а также единичный пример – в переносном значении: «... до иерданѣ внидет нагимъ, порѣцивъши сѣкно греховъ до реки сѣдовой» середины XVII в. (ГСБМ 27, 37), который, однако, не совпадает с рассматриваемым нами употреблением глагола. В словарях, регистрирующих белорусский и украинский языки XVIII-XX вв., анализируемая лексема вообще не фиксируется.

Подводя итог обзору истории глагола *порютити* - *porzucić* в интересующем нас значении в восточнославянских и польском языках, можно достаточно уверенно утверждать, что в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с семантическим полонизмом. Об этом, помимо исторических данных, свидетельствует и то, что здесь эта лексема пока не зарегистрирована в прямом значении, которым могло бы быть мотивировано исследуемое нами переносное значение. В заключение заметим, что судя по характеру памятника, в котором глагол в изучаемом значении встретился нам, нельзя исключать его бытования в том же значении и в «простой мове».

ПУСКАТИ (1) *несов.* Предоставлять, давать возможность кому-л. делать что-л.; доверять кому-л. исполнение какого-л. дела; полагаться на кого-, что-л.: *Что все дочка его милости пана воеводы Сендомирского пускает на ласку великого государя и на разсуженье бояр думных* (Сб.РИО 137, 674-675, 1607-1608 гг.).

Этот глагол представляет собой новообразование на восточнославянской почве от **pustjati*, 1 л. ед.ч. **pustjajō*, итератива к **pustiti*, 1 л. ед.ч. **pustjō* с первоначальным значением ‘делать пустым, незанятым, свободным’, имеющего общеславянское распространение, и, вероятнее всего, являющегося суффиксальным производным от **pustь(jь)* ‘пустой’ (о его происхождении см. выше, с. 361 данной работы, а также Wańkowski 2, 967-968).

В памятниках древнерусской письменности *пускати* в значении ‘пускать, заставлять или позволять идти, двигаться’ впервые отмечается со второй половины XI в. (Срезневский II, 1726; СлРЯ XI-XVII вв.21, 48). В анализируемом же нами значении эта лексема до сих пор не регистрировалась в русской лексикографии. Однако в историческом словаре единственной иллюстрацией представлена более древняя форма имперфекта *пуцати* в значении ‘предоставлять, оставлять’, извлеченная из *Писем князя Курбского* XVI в. в списке XVII в., в сопровождении комментария «ср. польск. *puszczać* в этом значении» (СлРЯ XI-XVII вв.21, 75).

Все изложенное ранее, а также то, что мы обнаружили *пускати* в исследуемом значении в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, позволяет, на наш взгляд, говорить о возможности семантического заимствования из польского языка. Попытаемся аргументировать это предположение.

Так, в старопольских письменных источниках *puszczać* ‘zdawać się na czyjeś świadectwo’ известно с конца XIV в., а в более широком значении ‘zdawać się na kogoś, coś; powierzać, polecać komuś coś’ –со второй половины XVI и бытовало в нем на протяжении XVI – первой половины XVIII в. (SłStp VII(6), 402; Reczek 1968, 406’ Linde IV, 1276; Karłowicz V, 444). В словаре современного польского языка это значение уже снабжено пометой «daw.» (SłJP VII, 752).

С первой четверти XV в. в староукраинских текстах засвидетельствован перфект *пустити* в значении '(на кого) виявити довір'я, спуститися (на кого), довіритися (кому)', причем первоначально в документе, отражающем контакты с Польшей (ССМ XIV-XV ст.2, 276). Вполне возможно, что не только *пустити*, но и *пукати* могло употребляться, судя по характеру исследуемого нами памятника, в указанном значении и в «простой мове» XVI-XVII вв. Но в настоящее время прямым подтверждением этого мы не располагаем. В интересующем нас значении глагол не фигурирует и в словарях, фиксирующих белорусский и украинский языки XVIII-XX вв.

Сопоставление имеющейся на данный момент информации, по нашему мнению, позволяет с достаточной степенью уверенности квалифицировать *пукати* 'предоставлять, давать возможность кому-л. делать что-л.; доверять кому-л. исполнение какого-л. дела; полагаться на кого-, что-л.' как семантический полонизм в русском письменном языке XVII в.

РУШАТИСЯ (1) *несов.* Трогаться, двигаться (с места); выступать: *А из обозов все посполитое рушеньє до того сроку не рушались, все лежат наготове* (ВУР 3, 57(18), 1651 г.).

Эта лексема является постфиксальным производным от *рушати*, по-видимому, более позднему, чем имеющее общеславянское распространение с тем же корнем праслав. **rušiti* (корень **ruš-* < **ruch-* < **rouš-*) 'двигать; шевелить', 'разрушать', 'нарушать; беспокоить', которое, вероятнее всего, образовано от несохранившегося праслав. **rusti* 'рыть, копать', 'переворачивать; шевелить (например, землю)' < и.-е. база **reu-s-*: **rou-s-*: **ru-s-* 'рыть', 'рвать', 'рушить', от очень плодovitого и.-е. корня **er-*: **or-*: **r-*, выражающего разнообразные значения, связанные с идеей движения или стремления (Boryś 2005, 528; Brückner 1974, 466-467; ЕСУМ 5, 150; ИЭССРЯ II, 129, 131; Преображенский II, 227-228; Фасмер III, 525; ЭСБМ 11, 224).

В памятниках древнерусской письменности этот глагол в значении 'взламывать ледяной покров, вскрываться (о реках)' отмечается с середины XII в., а в 60-е гг. XVII в. засвидетельствовано его единичное употребление в значении 'двигаться, шевелиться' (СлРЯ XI-XVII вв.22, 266). В интересующем нас значении он пока не регистрировался ни одним лексикографическим

источником русского языка, хотя форма совершенного вида *рушиться* ‘тронуться, двинуться (с места); выступить’, по данным исторического словаря, сопровождающего ее комментарием «ср. польск. *ruszyć się*», бытовала в русском письменном языке на протяжении всего XVII в. (там же, 267), не встречаясь, однако, за его пределами. Эту форму польский славист В.Витковский (1999, 167; 2006, 188) относит к полонизмам¹⁵⁷ в русском языке.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства и то, что мы обнаружили *рушатися* ‘трогаться, двигаться (с места); выступать’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также отсутствие в русской письменности XVI-XVII вв. *рушати* в мотивирующем значении¹⁵⁸, мы склонны считать постфиксальный дериват в указанном выше значении семантической калькой с польского *ruszać się* ‘*wyruszać, wymaszerować*’, известного в старопольских памятниках с середины XV в. и в значении ‘*wykonywać ruch, ruszać z miejsca*’, бытующего и в современном польском языке (SłStp VIII(1), 48; SłPaska II, 339; Linde V, 146; Karłowicz V, 779; SłJP VII, 1407).

Из польского это значение, по всей вероятности, проникает в первой четверти XVI в. и в письменность ВКЛ, так как здесь до этого времени не фиксировался глагол *рушати* в мотивирующем значении (ССМ XIV-XV ст. 2, 310; СМС 2, 192; Тимченко 2, 302). В текстах на «простой мове» *рушатися* ‘трогаться, двигаться’ продолжало употребляться и в XVII в. (Тимченко, там же). Представлен этот глагол и в словарях, регистрирующих белорусский (*руша́цьца* гл.возвр. ‘(дѣйствія вдругъ совершаемаго) трогаться съ мѣста вдругъ’ и *рушацьца* гл.возвр. ‘(дѣйствія исподволь совершаемаго) трогаться съ мѣста’) и украинский (*руша́тися* ‘двигаться, трогаться’) языки XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 569; Грінченко II, 601). В словаре современного белорусского языка эта лексема уже не фигурирует, в значении ‘рушыцца з месца; ісці, адпраўляцца куды-н.’ находим форму несовершенного вида *рухацца* с пометой

¹⁵⁷ Примечательно, что семантическими полонизмами также являются и другие глаголы, в том числе и *рушити* в значении мотивирующем *рушиться* ‘тронуться, двинуться (с места); выступить’, *рушити* ‘нарушить (нарушать) целостность, неприкосновенность чего-л.; нанести (наносить) ущерб; причинить разрушения, повреждения’ (с 1514 г.) и ‘шевелинуть, двинуть; привести в движение’ (XVII в.), *рушати* ‘затрагивать, задевать, посягать на неприкосновенность чего-л.’ (с 1561 г.) (СлРЯ XI-XVII вв.22, 266, 267; Witkowski, там же; Witkowski 1992, 267; Милейковская 1984, 85).

¹⁵⁸ В старопольском же языке *ruszać* ‘*wykonywać ruchy, wprowadzić w ruch, poruszać*’ – с начала XV в. (SłStp VIII(1), 47).

«разм.» (форма совершенного вида *рушыцца* ‘адправіцца, накіравацца куды-н.; рушаць, скрануцца’), в современном же украинском языке *рушітися* ‘починати рух, пересування, переміщення’ входит в активный лексический запас до настоящего времени (ТСБМ 4, 730, 731; СУМ VIII, 918). Если высказанное нами предположение о происхождении исследуемого значения в «простой мове» найдет дополнительные и более основательные подтверждения, то последняя могла выступать в роли посредника в процессе заимствования анализируемого значения из польского в русский письменный язык XVII в.

СОЙТИСЯ (1) *сов.* Случиться, произойти; состояться, иметь место: *И князь Ян, государь, учал мнѣ, холопу твоему, говорить: и у нас де ему многие не вѣрили, да нам де то много сошлося: как он был так, не был; намъ де грубно и жалостно то, что многие наши побиты ...* (Сб.РИО 137, 401, 1607-1607 гг.).

Сойтися представляет собой постфиксальный дериват от *сойти*, префиксального производного, от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в других индоевропейских языках праслав. **iti* (< **jьti*), 1 л. ед.ч. **idŏ* (< **jьd ŏ*) ‘идти’ < и.-е. корень **eǵ-*: **ī-* с расширителем *-dh-* ‘идти’ (Berneker I, 421; Boryś 2005, 200; Brückner 1974, 193; Sławski I(5), 472-473; Фасмер II, 118; Fraenkel I, 119; ЭССЯ 8, 247-248).

В древнерусских памятниках *съитися, сънитися* в различных значениях встречается с XII в. (резневский III, 712, 776; СлРЯ XI-XVII вв. 26, 113, 114, 264, 265). В интересующем нас значении, в котором эта лексема была засвидетельствована в дипломатическом акте по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., она пока не регистрировалась ни одним лексикорграфическим источником русского языка. Таким образом, в настоящее время мы располагаем единичным случаем употребления *сойтися* в анализируемом значении в русском письменном языке. При таких обстоятельствах источник этого значения вполне логично видеть в польском языке.

И действительно, в старопольской письменности *zejść się, zejć się* уже с середины XV в. отмечено в следующем употреблении: «*Zeszło się ‘coś miało miejsce, odbyło się, aliquid peractum est’*» (SIStp XI(4), 315). И еще в польской лексикографии, отражающей язык XIX в., этот глагол продолжал

фиксироваться в значении ‘*zdarzyć się, przytrafić się, trafić się*’, правда, в сопровождении пометы «*mało używany*» (Karłowicz VIII, 438). В словаре современного польского языка *zejść się* в этом значении уже не фигурирует.

Единичные примеры использования *зейтися, зыйтися* в значении ‘(стати необхіднім, неминучим у зв’язку з певними обставинами) доведися’¹⁵⁹, датированные 1587 г., приводятся в украинской исторической лексикографии (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 11, 219; 12, 232). В историческом словаре белорусского языка единственная иллюстрация такого употребления *зыйтися* (1598 г.) помещена под значением ‘прыйсціся; аказацца вымушаным (зрабіць што-н.)’ (ГСБМ 13, 265). Заметим, что в «простой мове» данный глагол в этом значении наблюдается в сильно полонизированных текстах. В лексикографических же источниках, включающих словарный состав белорусского (*сыйціся, сысціся*) и украинского (*зійтіся*) языков XIX-XX вв., эта лексема в исследуемом значении не представлена.

По всей вероятности, *сойтися* ‘случиться, произойти; состояться, иметь место’ в русском письменном языке XVII в. следует рассматривать как текстовой семантический полонизм, как, впрочем, и в «простой мове», поскольку в восточнославянских языках пока выявлены лишь единичные употребления глагола в интересующем нас значении. Проникновению анализируемого значения в русскую дипломатику XVII в. могла способствовать «простая мова».

СПРОВАДИТИ (1) *сов.* Привести; направить кого-л., на кого-л.: *перен.* навести, навлечь что-л. на кого-л.; вызвать, принести что-л.: *О чем, государь, нам, холопом твоим, ведать надобно, чтобы ... новые безбожники, которые на кровь христианскую саблю татарскую спровадили, нигде не мели притулища* (ВУР 2, 31(11), 1648 г.).

Данный глагол представляет собой префиксальное производное от приставочного глагола¹⁶⁰, восходящего, в свою очередь, к имеющему

¹⁵⁹В других же значениях *зейтися, зыйтися, зійтися, зыйтися, зитися, зытися, зытися* в письменных источниках ВКЛ известно с последней четверти XV в. и бытовало до конца XVII в. (СУМ XVI - I пол. XVII ст. 11, 219; 12, 231-232; ГСБМ 13, 265-266; Тимченко 1, 321, 344).

¹⁶⁰В польском языке *prorowadzić*, известное с XV в., квалифицируется как заимствование из чешского *prováděti* ‘oprowadzać; przeprowadzać; prowadzić’ (Boryś 2005, 485), а в русском – это полонизм, заимствованный в первой четверти XVII в. (Witkowski 1999, 152; 2006, 171).

общеславянское распространение праслав. **voditi*, 1 л. ед.ч. **vodjǫ* ‘водить, приводить; направлять’, итеративу к **vesti* (< **veti* < **vedti*), 1 л. ед.ч. **vedǫ* (выступает в основах *ved-*: **vod-*: **vad-*) ‘вести, направлять’ (о его происхождении подробнее см. выше, с. 142, 280 данной работы).

В русской письменности *съпровадити* в значении ‘отправить, отослать; доставить, сопроводить куда-л.’ засвидетельствовано с середины 30-х гг. XV в., а с третьей четверти того же столетия – в значении ‘выпроводить, заставить уйти, спровадить’ и с тех пор вплоть до настоящего времени бытует в русском языке, являясь с XVIII в. принадлежностью просторечия, а в современном русском языке (только во втором значении) – разговорного стиля речи (Срезневский III, 805; Дювернуа 1894, 196; СЛРЯ XI-XVII вв. 27, 90; САР VI, 446; Даль IV, 299; ССРЛЯ 14, 590-591). В интересующем нас значении эта лексема, зафиксированная в дипломатическом акте середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, до сих пор не регистрировалось ни одним словарем русского языка.

Такие моменты, как единичность употребления *спровадити* ‘привести; направить кого-л на кого-л.; *перен.* навести, навлечь что-л. на кого-л.; вызвать, принести что-л.’, происхождение мотивирующего его глагола *провадити*, а особенно характер памятника, в котором оно обнаружено, побуждают нас обратиться к польскому языку. Здесь *sprowadzić* в значении ‘*przyprowadzić, przywieść; naprowadzić kogo na kogo; wezwać*’ отмечается, по меньшей мере, с конца XVI - начала XVII в., а с XVIII в. – и в сформированном на его основе переносном значении ‘*spowodować, ściągnąć, przynieść, sprawić, pociągnąć za sobą; zbawić, zwalić na kogo; wywołać*’, в котором этот глагол известен и в современном польском языке (Linde V, 372; SłPaska II, 401; Karłowicz VI, 354; SłJP VIII, 638, 639).

Если обратиться к истории глагола в других восточнославянских языках, то в письменных источниках на «простой мове» с конца XVII в. *зпровадити* встречается в значении ‘выкликаць, пакликаць’, причем в тексте, насыщенном полонизмами (ГСБМ 13, 173). Однако, учитывая характер исследуемого нами памятника, можно предположить, что этот глагол наблюдался здесь и ранее, возможно, уже в середине XVII в. Далее находим анализируемую лексему в значении ‘привести’ в лексикографии, отражающей белорусский (*спрoвaдзіць*)

и украинский (*спрова́дити*) язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 610; Грінченко II, 700). В словаре современного украинского языка *спрова́джувати*, *спрова́дити* наряду с другими употреблениями, представлено и в значении '(на кого-що і без додатка) викликати; викликати що-небудь неприємне, небажане' (СУМ IX, 602, 603). Тогда как в современной белорусской лексикографии *справáдзіць* фигурирует только в значении 'імкнучыся пазбавіцца ад каго-н., адправіць, выправадзіць' с пометой «разм.», в котором глагол употреблялся и в XVIII-XIX вв. (ТСБМ 5(1), 273; Носовичь 1870, там же).

Итак, анализ приведенной выше информации позволяет, по нашему мнению, с определенной степенью уверенности говорить о том, что в русском письменном языке XVII в. *спровадити* в интересующем нас значении является семантической калькой с польского *sprowadzić* в соответствующем значении. В «простой мове» мы, вероятно, имеем дело с лексическим заимствованием, так как глагол выявляется здесь пока в единственном значении. Не исключено, что «простая мова» могла выступать в роли посредника в процессе заимствования значения русским языком.

СТИНАТИ (3) *несов.* кого. Лишать кого-л. жизни, умерщвлять, убивать путем отсечения головы, обезглавливать; казнить: *Гетманъ тѣхъ мѣсть хлопей невинне стинаетъ ...* (АЮЗР 3, 299, 1649 г.). *Многие панов своих побили ..., а побивают де за то, которые были в войске с черкасы, и шляхта, приводя их к себе, за то многих стинают* (ВУР 2, 340(144), 1650 г.). *Да гетманской же посланник ... сказывал ...: ведома де мне учинилось, хотел де гетман Богдан Хмельницкой писаря Ивана Выговского стинать* (ВУР 3, 301(166), 1653 г.).

Эта лексема образована путем суффиксации (суф. *-а-) от имеющего общеславянское распространение префиксального глагола, восходящего к праслав. **tęti*, 1 л. ед.ч. **tęnq* 'рубить, сечь; резать' (подробнее о его происхождении см. ниже, с. 378 данной работы), и является итеративом к последнему (Ваńkowski 1, 190-191).

В древнерусском языке *сътинати* 'отсѣкать (что)' известно с начала XII в. по источнику в списке XV в. (Срезневский III, 843; СлРЯ XI- XVII вв. 28, 63). Далее в указанном значении мы находим этот глагол лишь у Вл.Даля в сопровождении помет «стар.» и «зап.» (Даль IV, 324). В интересующем же нас

употреблении *стинати* до сих пор не регистрировалось ни одним словарем русского языка.

Поскольку *стинати* ‘лишать кого-л. жизни, умерщвлять путем отсечения головы, обезглавливать; казнить’ трижды встретилось в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, попытаемся проследить его историю в польском языке. В старопольских памятниках *ścinać kogoś* ‘rozbawiać kogoś życia przez ścięcie, odcięcie głowy’ отмечается уже в первой половине XV в. (SłStp IX(1), 8). В значении ‘zabijać, mordować przez ucięcie głowy; gardłem karać’ этот глагол продолжал бытовать и в польском языке XVI-XIX вв. (Linde V, 202, 208; SłPaska II, 456; Karłowicz VI, 709, 718). И в словаре современного польского языка представлено *ścinać* ‘zabijać(kogo) przez odcięcie głowy’ (SłJP VIII, 1235, 1252).

В письменности ВКЛ *стинати* с первой четверти XVI в. фиксируется в значении ‘адсякаць (што)’, а с первой четверти XVII в. в текстах на «простой мове», отражающих польское влияние, – и в значении ‘обезглавливать’ (СМС 2, 258; Тимченко 2, 364). И в украинском языке XIX в. *стинати* употреблялось как в значении ‘отрубать, отсѣкать, срубать’, так и в значении ‘обезглавливать, казнить’ (Грінченко II, 714). В значении ‘знищувати, убивати кого-н.’, но с пометой «рідко» *стинати* фигурирует и в словаре современного украинского языка (СУМ IX, 699). В белорусской же лексикографии, регистрирующей язык XVIII-XX вв., *сцінаць*, *сцінаць* обнаруживается только в значении ‘(што) знімаць, адзяляць чым-н. вострым, ссякаць, зразаць’ (Носовичь 1870, 627; ТСБМ 5(1), 417, 426).

Подведем итог: информация, которой мы располагаем на данный момент, позволяет, на наш взгляд, констатировать, что в русский письменный язык середины XVII в. анализируемое значение глагола *стинати* было заимствовано из польского. Таково же, возможно, происхождение этого значения и в «простой мове», которая в таком случае могла способствовать проникновению его в русский язык.

СТОЯТИ (1) *несов.* Усиленно, настойчиво добиваться чего-л., стремиться к чему-л., ходатайствовать о чем-л.: *І король де послал нынешних*

посланников, а велѣл им про Сеномирского і про иных панов і про послов провѣдаты подлинно, і с ними видетца, і назад к себѣ велѣл быти вскоре, і мир по старому учинить; а **стоит** де о миру Лев Сопѣга, чтоб до урочных лѣтъ миру не порушить (Сб.РИО 137, 407-408, 1607-1608 гг.).

Этот глагол, имеющий общеславянское распространение, восходит к праслав. **stojati*, 1 л. ед.ч. **stojŕ* ‘стоять, не двигаться’ < и-е. корень **stā-*: **stā-* ‘стоять’, ‘стать’ (Boryś 2005, 574; Brückner 1974, 512; ИЭССРЯ II, 206; Преображенский II, 374-377; Фасмер III, 748, 769; Fraenkel II, 914, 915-916).

В древнерусской письменности *стояти* в различных значениях засвидетельствовано с XI-XII вв., в XV-XVII вв. объем его значений заметно расширяется (Срезневский III, 527-529; Дювернуа 1894, 201-204; СлРЯ XI-XVII вв. 28, 110-113). Однако до сих пор ни в одном лексикографическом источнике русского языка эта лексема не была представлена в значении, в котором она обнаружена нами в дипломатическом документе начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ.

Обратимся к истории этого глагола в польском языке. В старопольских памятниках с первой половины XV в. отмечается *stać, stoję* ‘usilnie starać się, zabiegać o coś’¹⁶¹ (SłStp VIII(5), 398). В лексикографии, отражающей язык XVI-XVII вв., фигурирует уже и инфинитив *stojąc* ‘starać się o co, upierać się’ (Reczek 1968, 467, 472; Linde V, 388). В значении ‘starać się o kogo, o co, dążyć do czego, domagać się czego, nastawać na coś, sadzić się’ *stać, stojąc* бытовали и в XVIII в., но в словаре, фиксирующем язык XIX в., это значение уже сопровождается пометой «staropolski», а лексема *stojąc* – пометой «gwarowy» (Karłowicz VI, 380). В словарях современного польского литературного языка глагола *stojąc* вообще нет, а *stać* уже не приводится в интересующем нас значении.

С XVII в. выявляются единичные употребления *стояти* в значении ‘твердо держаться, упорствовать’ очень близком к анализируемому нами (Тимченко 2, 369). Однако далее этого времени судьба глагола ни в указанном, ни в исследуемом нами значении ни для белорусского, ни для украинского языков не прослеживается.

¹⁶¹ Тогда как в русском языке *стати* в этом значении не регистрируется ни одним лексикографическим источником.

Сопоставляя изложенное выше, мы склоняемся к мнению, что в русском письменном языке XVII в. *стояти* ‘усиленно, настойчиво добиваться чего-л., стремиться к чему-л., ходатайствовать о чем-л.’ является несомненным семантическим полонизмом, очевидно, и в «простой мове» значение ‘твердо держаться, упорствовать’ из того же источника. Учитывая же историю этого значения в восточнославянских языках, данный полонизм пока следует считать текстовым заимствованием.

СТЯТИ (2) *сов.* кого. Лишить кого-л. жизни, убить путем отсечения головы, обезглавить; казнить: *А только поймают, и ему быть **стятю**, что онъ королю говорил многие грубые слова* (Сб.РИО 137, 308, 1606-1607 гг.). *И король де побилъ многихъ людей ..., и пана Грабуру взял жива и вельзь ево перед собою **стятъ*** (там же, 401, 1607-1608 гг.).

Анализируемая лексема является префиксальным дериватом от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **tęti*, 1 л. ед.ч. **тъно* ‘рубить, сечь; резать’ < и.-е. корень, видимо, **tem-* ‘рубить, сечь; резать’ (Ваńkowski 1, 174; Boryś 2005, 77; Brückner 1974, 60; Преображенский II, 35(1175); Sławski I(1), 98; Фасмер IV, 66).

В письменности *съятии* ‘отрубить (что)’ впервые отмечается с начала XIII в. (список XV в.), а с конца XV- начала XVI в. (списки XVII в.) – и в значении ‘зарубить, убить’ (СлРЯ XI- XVII вв. 28, 234). Затем *стяти*, *стятъ* ‘(что) срубить, ссѣчь, срѣзати, отсѣчь’ представлено лишь у Вл. Даля с пометами «стар.» и «зап.» (Даль IV, 324).

Мы обнаружили *стяти* ‘лишить кого-л. жизни, убить путем отсечения головы, обезглавить; казнить’ в дипломатических актах, отражающих контакты МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в. До сих пор этот глагол в приведенном выше употреблении не регистрировался ни одним лексикографическим источником русского языка.

В старопольских же памятниках *ściąć kogoś* ‘pozbawić kogoś życia przez odcięcie głowy’ известно с начала XV в. (SłStp IX(1), 2). В XVI-XIX вв. эта лексема продолжала бытовать в значении ‘zabić, zamordować przez ucięcie głowy; gardłem ukarać’ (Linde V, 202; SłPaska II, 455; Karłowicz VI, 709). И в

современном польском языке *ściąć* ‘zabić (kogo) przez odcięcie głowy’ входит в активный лексический запас (SłJP VIII, 1235-1236).

В письменности ВКЛ первой четверти XVI в. *стяти* встречается в значении ‘адсячы, знесці (што)’ (СМС 2, 267). Кстати, именно в этом значении глагол *сяць* фиксируется и в белорусской лексикографии XIX-XX вв. (Носовичь 1870, 627; ТСБМ 5(1), 426). С первой половины XVII в. *стяти* появляется в письменных источниках на «простой мове» и в значении ‘обезглавить, казнить’, причем в текстах, испытавших польское влияние (Тимченко 2, 364). В значении ‘обезглавить, казнить’ *стяти* выявлялось и в украинском языке XIX в. (Грінченко II, 714). В словаре современного украинского языка *стяти, зіннути* ‘знищити, убити’ уже снабжено пометой «рідко» (СУМ IX, 699).

Итак, как и в случае со *стипати* в аналогичном значении (см. выше, с. [375-377](#) данной работы), все данные, по нашему мнению, указывают на то, что в восточнославянских языках мы имеем дело с семантическим полонизмом. При этом в русский письменный язык XVII в. он проник, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

УКЛОНИТИСЯ (2) *сов.* Покориться кому-, чему-л., поддаться чему-л.; подчиниться, уступить; потерпеть поражение, проиграть: *А как де они были под Смоленским, и они то сами видели, что ... наступил было москвитин, и тот королю Владиславу уклонился и пушки и знамена отдал, и король де над москвитином милосердие свое показал* (ВУР 3, 109(52), 1651 г.). *И какъ де В.Г. вашъ ... посылалъ къ Полскому королю пословъ своихъ великихъ трожды обь его ... неправдахъ И они де уклонились на гордость и никакого исправленья въ своихъ неправдахъ не учинили* (ПДС 3, 351, 1656 г.).

В словообразовательном плане эта лексема представляет собой постфиксальное производное от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **kloniti*, 1 л. ед.ч. **klon'ŏ* (< **klonjŏ*) ‘наклонять, склонять; сгибать, гнуть’ (о его происхождении подробнее см. выше, с. 169 данной работы).

В памятниках древнерусской письменности *уклонитися* в значениях ‘отклониться, уйти в сторону’, ‘удалиться, скрыться’, ‘отдалиться’,

‘отвратиться’ засвидетельствовано с XI в.; с XII в. объем значений этого глагола расширяется, и в XII-XIII вв. он наблюдается также в значениях ‘польститься’, ‘исчезнуть’, ‘обратиться, повернуться’, ‘получить склонность к чему-л.’ (Срезневский III, 1179-1180). В словаре, отражающем язык XVIII в.¹⁶², мы находим его в значениях ‘отъ кого или чего удаляться, устраняться’, ‘говоря о теченіи времени: преходить, миновать’, а также в переносном употреблении, близком к интересующему нас: ‘*предъ кѣмъ унижаться, показывать себя раболѣпнымъ, униженнымъ*’ (САР VI, 932-933). По материалам Вл. Даля, в XIX в. *уклониться, уклоняться* выявляется в значениях ‘наклониться’, ‘отклониться, откачнуться’, ‘покоситься’, ‘удалиться, устраниться; отвратиться’, ‘избегать, отделяваться, отлынивать’, а в западных и южных областях – и в значении ‘наклониться; поклониться, отдать поклон’ (Даль IV, 482). Кстати, в последнем значении *уклонитися*, по мнению польского слависта В. Витковского (1999, 189; 2006, 214), является полонизмом, проникшим в русскую письменность в конце 80-х гг. XVII в. В словаре современного русского языка фиксируются следующие значения этой лексики: ‘отклониться, отодвинуться в сторону; отстраниться’, ‘свернуть, повернуть в каком-л. направлении’, ‘воздержаться, отказаться от каких-л. поступков, действий’, ‘*перен.* отклониться, отойти от чего-л. первоначального, основного, правильного’, ‘*устар.* уйти, удалиться куда-л.’, ‘*устар. и обл.* кланяться, наклониться’ (ССРЛЯ 16, 463-465).

Таким образом, в исследуемом значении *уклонитися* до сих пор не регистрировалось в русской лексикографии. Мы обнаружили этот глагол в дипломатических актах середины XVII в. по сношениям МГ непосредственно с Польшей и ВКЛ (1651 г.) и с Римской империей (1656 г.), где очень много внимания уделяется отношениям первого субъекта с Польшей. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что изучаемое значение глагола *уклонитися* появляется в русском письменном языке значительно раньше, чем значение ‘поклониться’, на базе которого оно могло бы развиваться, а последнее, как указывалось выше, является полонизмом, мы склоняемся к мнению о происхождении анализируемого значения из того же источника.

¹⁶² Впервые же в восточнославянской лексикографии в форме перфекта *уклонишася* ‘зійти (зошли)’ отмечается в 1627 г., а в форме имперфекта *уклоняюся* ‘вароватися, выстерегатися, отвертатися, звертатися в сторону’ – в 1653 г. (Берында 1627, 267; Берында 1653, 179).

Уже в старопольских текстах конца XV в. *ukłonić się* было известно в значении ‘*ukłonem wyrazić cześć, szacunek, uległość, unizzyć się*’, в котором оно бытовало и в XVI-XVII вв. (SłStp IX(5), 363; SłPaska II, 538). В словаре польского языка, опубликованном в первой половине XVIII в., этот глагол представлен уже в двух значениях: ‘*pokłonić się, złożyć ukłon (przywitać, powitać a. pożegnać go ukłonem)*’ и ‘*ugiąć się przed czyją wola, ulec, ustąpić*’¹⁶³, в них он употреблялся еще в первой четверти XX в. (Linde VI, 38; Karłowicz VII, 265). В словарный состав современного польского языка *ukłonić się* входит только в значении ‘*wykonać, złożyć ukłon*’ (SłJP IX, 522).

В письменных источниках ВКЛ *уклонитися* встречается с первой четверти XVI в. в значениях ‘адхіліцца’, ‘адвярнуцца’, ‘паквапіцца’, ‘нахіліцца’ (СМС 2, 306). Судя по отсылочной информации в исторических словарях белорусского (*вклонитися* гл. *уклонитися*) и украинского (*вклонитися* див. *уклонитися*) языков, этот глагол наблюдался и в «простой мове» (ГСБМ 3, 306; СУМ XVI– I пол. XVII ст. 4, 80), однако в силу объективных причин пока не представляется возможным установить, в каких значениях¹⁶⁴. В белорусском языке XVIII-XIX вв. *уклоняцьца, уклоніцьца* было распространено в значении ‘нагибаться, кланяться’ и в украинском языке XIX в. находим *уклонятися, уклонітися* также в значении ‘кланяться, поклониться’ и ‘поклоняться’ (Носовичь 1870, 655; Грінченко II, 838). В состав словников словарей современного белорусского языка эта лексема уже не включается, тогда как в современной украинской лексикографии она наряду с другими значениями фигурирует и в значениях ‘нахилити голову або верхню частину тулуба на знак вітання, пошани і т.ін.’ и ‘*кому, перед ким* принижуватися, запобігати перед ким-н.; покорятися комусь’ (СУМ X, 418).

Сопоставление приведенных выше данных, на наш взгляд, подтверждает высказанное ранее предположение о том, что в русский письменный язык середины XVII в. интересующее нас значение глагола *уклонитися* проникло из польского. Весьма вероятно, что в этом значении глагол был и в «простой

¹⁶³ А это может свидетельствовать о том, что в упомянутом значении глагол существовал в польском языке, по меньшей мере, уже в XVII в.

¹⁶⁴ Примечательно, что однокоренное существительное *уклонь* в значении ‘поклон’, с первой четверти XVII в. фиксировавшееся в «простой мове» в сильно полонизированных текстах, в историческом словаре украинского языка сопровождается комментарием «пл. ukłon» (Тимченко 2, 423).

мове», куда он мог попасть, видимо, из того же источника. В этом случае последняя могла выступать в роли посредника при заимствовании значения русским языком.

УРВАТИ (1) *сов.* Прервать что-л.; не закончить, не завершить что-л.: *Послы, поговоря межъ себя, чтобъ о той статьѣ впередъ говорить, а нынѣ ее урвати* (Якубов 1897, 14, 1617 г.).

Этот слово является префиксальным производным от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **rъvati*, 1 л. ед.ч. **rъvŏ* (корень **rъv-*) ‘рвать, разрывать; прерывать’ (подробнее о его происхождении см. выше, с. 203-204 данной работы).

В древнерусских письменных источниках *уръвати* ‘оторвать’ отмечается с 30-х гг. XIII в. (Срезневский III, 1260). И в этом значении глагол употребляется в русском языке до настоящего времени (САР VI 1016; Даль IV, 509; ССРЛЯ 16, 846). В интересующем нас значении анализируемая лексема до сих пор не регистрировалась ни одним лексикографическим источником русского языка, как, впрочем, и белорусского языка. Мы обнаружили *урвати* ‘прервать что-л.; не закончить, не завершить что-л.’ в акте, отражающем межгосударственные связи МГ со Швецией в первой четверти XVII в.

Наше внимание это слово привлекло потому, что польский славист С.Кохман (1967, 148), исследующий польско-русские языковые контакты в XVI-XVIII вв., как полонизм трактует форму имперфекта *урывати* в значении ‘беспокоить, преследовать’ (1633 г.). Учитывая имеющуюся у нас на данный момент информацию по истории *урвати* в изучаемом значении в русском языке, не остается ничего другого как выдвинуть версию о происхождении этого значения из того же источника.

В памятниках польской письменности *urwać* ‘przerwać, uciąć, przestać nagle, nie dokończyć, umilknąć, zatrzymać się nagle’ было известно, по меньшей мере, видимо, уже на рубеже XVI-XVII в.¹⁶⁵ и в этом значении бытует до настоящего времени (Linde VI, 84; Karłowicz VII, 354; SłJP IX, 660).

¹⁶⁵ А возможно, – и раньше, учитывая, что отглагольное существительное *urwanie* в значении ‘zerwanie’ встречается уже с середины – второй половины XVI в. (Linde, там же).

Со второй половины XVII в. *урвати*, но пока только в значении ‘сорвать’ засвидетельствовано в текстах на «простой мове» (Тимченко 2, 437). А в словаре современного украинского языка находим *уривáти*, *урвáти* и в интересующем нас переносном употреблении ‘різко припиняти що-н. (дію, процес і т.ін.)’ (СУМ Х, 475).

Представленные выше материалы, по нашему мнению, скорее подтверждают, чем опровергают высказанное ранее предположение о том, что *урвати* ‘прервать что-л.; не закончить, не завершить что-л.’ в русском письменном языке XVII в. – семантическое заимствование из польского, такова же, скорее всего, природа этого значения и в украинском языке.

УРВАТИСЯ (1) *сов.* Прерваться, внезапно прекратиться: *Тьмь ихъ недругомъ рати ... не посылати и казною ... имъ не вспомогать, чтоб ... ссылка и любовь и дружба не урвалася* (Сб.РИО 38, 265, 1599 г.).

Данный глагол представляет собой постфиксальный дериват от *урвати* (о его происхождении см. выше, с. [382](#) данной работы).

В русской письменности *уръватися*, *урватися* впервые встречается в 30-40-е гг. XVI в. в значении ‘сорваться’ (Срезневский III, 1260). Однако ни в этом, ни в интересующем нас значении судьба анализируемого глагола далее XVII в. не прослеживается, хотя в других значениях он бытует в русском языке до настоящего времени (САР VI, 1012-1013; Даль IV, 509; ССРЛЯ 16, 847-848).

Нами *урватися* ‘прерваться, внезапно прекратиться’ засвидетельствовано в дипломатическом документе конца XVI - начала XVII в. по сношениям МГ с Англией, в котором много места отводится и контактам первого субъекта с Польшей. Характер памятника, а также то, что *урвати* в значении, мотивирующем постфиксальное образование, появляется в русском письменном языке позже и, по нашему мнению, является полонизмом, наводит на мысль, что и истоки исследуемого значения *урватися*, видимо, следует искать в польском.

И действительно, в памятниках польского языка *urwać się* в переносном значении ‘przerwać się, ustać nagle; ucichnąć, umilknąć’ регистрируется, по меньшей мере, очевидно, уже с конца XVI – начала XVII в. (Linde VI, 84). В этом значении глагол продолжал употребляться и в XVII-XIX вв. (Karłowicz

VII, 354). В словаре современного польского языка *urwać się* также представлено в значении ‘zostać wstrzymanym, zakłóconym, zamaconym; nagle ustać, ucichnąć, umilknąć’ (SJP IX, 660).

Со второй половины XVII в. *урватися*, но пока только в значении ‘ворваться’ выявлено в текстах но «простой мове» (Тимченко 2, 437). Но здесь же в актах рубежа XVI-XVII вв. обнаруживается имперфект *вриватися*, *врыватися*, *урыватися*, помимо прочих значений, и в переносном употреблении ‘парывацца; спыняць, канчаць (сувязі, адносіны і пад.)’, иллюстрируемом в историческом словаре белорусского языка единственным примером XVII в. из документа *Литовская метрика*, насыщенного полонизмами (ГСБМ 4, 258, 264; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 17). В лексикографическом источнике, фиксирующем белорусский язык XVIII-XIX вв., находим *урыва́цьца*, *урва́цьца* ‘прерываться’, в словаре же современного белорусского языка *уварва́цца*, *урыва́цца* в этом значении уже не фигурирует, хотя и отмечается в других значениях (Носовичь 1870, 664; ТСБМ 5(1), 600; там же, 5(2), 50). В украинском языке XIX в. *урива́тися*, *урва́тися* (*увірва́тися*) наблюдались в значении ‘прерываться, прерваться’ (Грінченко II, 821, 861). *Урва́тися*, *урива́тися* в переносном значении ‘раптово, несподівано припинятися, перериватися (про дію, процес і ін.)’ входит и в активный словарный запас современного украинского языка (СУМ X, 474, 476).

Как нам представляется, вышеизложенные факты достаточно убедительно свидетельствуют в пользу того, что *урватися* ‘прерваться, внезапно прекратиться’ в русском письменном языке конца XVI – начала XVII в. является семантическим полонизмом. Вероятнее всего, из того же источника это значение проникает и в «простую мову», а затем, очевидно, через ее посредство в русскую письменность.

II.3.5. Наречие

РОВНО (1) Спокойно, сдержано; дружелюбно: *И в тѣхъ листьхъ такіе непристойные рѣчи ... не токмо что к бояромъ, и к простымъ людемъ писать*

было такъ не годилось ... воеводамъ межъ себя ссылатися и на обѣ стороны писати любительно и **ровно** ... (Якубов 1897, 221, 1649 г.).

Это наречие образовано путем суффиксации от однокоренного прилагательного (о его происхождении см. выше, с. 230 данной работы).

В памятниках древнерусской письменности *ровно* представлено с XIV в.: с 1347 г. – в значении ‘наравне, вровень’, с 1389 г. – в значении ‘поровну’ (Срезневский III, 128; СлРЯ XI-XVII вв. 22, 172). И лишь в русской лексикографии XX в. находим эту лексему в переносном значении ‘уравновешенно, спокойно’, наиболее близком к интересующему нас, в котором она встречается только при описании характера или поведения человека (ССРЛЯ 12, 1357). В связи с этим обнаруженное нами употребление наречия *ровно* в значении ‘спокойно, сдержанно; дружелюбно’ в дипломатической корреспонденции середины XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются также контакты первого субъекта с Польшей и ВКЛ, на данный момент следует считать первым и пока единственным случаем такого его использования в русском письменном языке.

Учитывая характер памятника и ограниченность бытования *ровно* ‘спокойно, сдержанно; дружелюбно’ XVII столетием, можно предположить, что указанное значение неисконно для русского языка, а возможный его источник, вероятнее всего, следует искать в польском языке. И действительно, в старопольской письменности *równo* ‘spokojnie’ известно с конца XV в. (SłStp VIII(1), 33). При этом данное значение наречия могло возникнуть как в самом старопольском языке, поскольку здесь с конца XV в. засвидетельствовано прилагательное *równy* в значении ‘zrównoważony, opanowany, cierpliwy’¹⁶⁶, так и быть семантической калькой соответствующего значения латинских *quiētē plācīdē* (там же, 37). В указанном значении наречие бытовало, очевидно, до середины XVII в., и еще в XVIII в. оно наблюдалось в значении ‘wszystko jedno, obojętnie’, которое сформировалось на базе анализируемого нами (Linde V, 56; Karłowicz V, 744). Тогда как прилагательное *równy* в значении ‘obojętny; stale jednakowy, spokojny, chłodny, stateczny, zrównoważony, nie unoszący się’

¹⁶⁶ В русском письменном языке прилагательное *ровный* в аналогичном значении пока не было зафиксировано, хотя в значениях ‘спокойный, милый; дружелюбный’ и ‘справедливый, беспристрастный’ единичными примерами представлена лексема *равный*: в первом значении из памятника XV в. в списке XVI в., а во втором – из текста XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 119). Наречие же *ровно* в значениях, мотивированных этим прилагательными, пока не выявлено.

регистрировалось и в XVIII-XIX вв. (Karłowicz V, 748). Причем и прилагательное, и наречие в польском языке XVII-XVIII вв. могли характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные предметы и действия, выполняемые ими. В словаре современного польского языка наречие *równo* в упомянутом выше значении уже сопровождается пометой «przestarz.», а прилагательное *równy* ‘zrównoważony, spokojny, nie ulegający nastrojom, zawsze taki sam; niezmienny’ продолжает входить в активный лексический запас (SJP VII, 1347, 1356).

Данными о наличии *ровно* в анализируемом значении в текстах на «простой мове», а также в белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв. мы в настоящее время не располагаем. В словарях современного белорусского языка *роўна* отмечается в том же переносном значении, что и в современном русском языке (ТСБМ 4, 717). В современном же украинском языке *рівно* в этом значении не употребляется.

На наш взгляд, приведенная выше информация дает определенные основания для вывода о том, что в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с семантическим полонизмом. Прерывность же истории наречия в интересующем нас значении может свидетельствовать о более позднем повторном заимствовании из того же источника, так как в польском языке судьба прилагательного *równy* в аналогичном значении последовательно прослеживается до сих пор, а наречия *równo* – до XIX в.

СМЫШЛЕННО (1) Умышленно, (пред)намеренно; специально, с определенной целью: *Ть посланные смышленно сунут воеводу в умь про особные статьи, которые имь закрыты* (Сташевский 1913, 31(9), 1631 г.).

Анализируемое наречие образованно суффиксальным способом от прилагательного, являющегося суффиксальным дериватом от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **mysliti*, 1 л. ед.ч. **mysljo* ‘думать, мыслить; размышлять’, производному от **myslb* (<**myd-slb* или **myd-slb*) ‘мысль’, ‘идея’, ‘намерение’, возводимому большинством исследователей к и.-е. корню **mēdh-*: **mēdh-*: **mūdh-* ‘стремиться к кому-, чему-л.’, ‘страстно хотеть чего-л.’, хотя нельзя исключать и версии о возможной принадлежности этого существительного к гнезду и.-е.

**men-* ‘думать’ и родстве с праслав. **mōdrь* (Boryś 2005, 344; Brückner 1974, 327, 350; ИЭССРЯ I, 551-552; Pokorný I, 743; Преображенский I, 574; Фасмер III, 25; ЭССЯ 21, 45-46, 49-50).

На данный момент обнаруженный нами в переводном дипломатическом документе, где речь идет об отношениях МГ с Римской империей и Польшей, случай употребления рассматриваемой лексемы в указанной форме следует считать наиболее ранней ее фиксацией в русском письменном языке. Хотя в древнерусской письменности уже с XI в. засвидетельствовано как прилагательное *смышленный*, *съмышленный*, *смышлений*, так и *смыслений*, *смысленный*, *съмысльный* в различных значениях, а наречие – лишь в форме *смыслено*, *смысленно*, *съмыслно* ‘разумно, рассудительно’, ‘выдержанно, целомудренно’ (Срезневский III, 757-758; СлРЯ XI-XVII вв. 25, 229-230, 234). Далее прилагательное *смышленный*¹⁶⁷ ‘сообразительный, понятливый, сметливый’, находим в словарях XIX-XX вв., а наречие *смышлено* в соответствующем значении – только в словаре современного русского языка (Даль IV, 240; ССРЛЯ 13, 1453). Таким образом, в интересующем нас значении исследуемое наречие до сих пор не регистрировалось ни одним лексикографическим источником русского языка.

Тогда как в сторопольских памятниках *zmyślnie* уже с середины XV в. было известно в значении ‘*z rozmysłem, considēratē, prūdentēr*’, с этого же времени наблюдается и прилагательное *zmyślny* в мотивирующем наречие значении, а также глагол *zmyślać, zmyślic* в мотивирующем прилагательное значении (SłStp XI(6), 441, 442), существительное же *zmyśl* в таком значении не отмечено¹⁶⁸ (там же, 440). В значении ‘*umyślnie, na umyślnie, po rozwadze, z zamiarem*’ *zmyślnie* продолжало бытовать и в XVI-XVII вв. (Linde VI, 981). В словаре же, регистрирующем польский язык XIX в., это значение снабжено пометой «*staropolski*», а в современной польской лексикографии оно не представлено вообще (Karłowicz VIII, 572).

¹⁶⁷ В словаре, отражающем язык XVIII в., фигурирует лишь *смысленный* ‘одаренный разумом, разумный, имѣющий способность понимать и разсуждать’, ‘знающий, искусный’ и *смысленно* ‘разумно’ (САР VI, 275-276).

¹⁶⁸ Заметим, что в древнерусском языке наблюдается как существительное *смысль*, *съмысль* ‘замысел, намерение’ (с XII-XIII вв.), так и глаголы *смыслити* ‘замыслить, задумать’ (XVI в. ~ XIV в.), *смышляти* ‘замышлять, задумывать’ (с XI в.), но пока не обнаружено прилагательное в мотивирующем значении (СлРЯ XI-XVII вв. 25, 228, 232, 234-235).

В письменных источниках ВКЛ со второй половины XVI – начала XVII в. встречается наречие *змышлене*, *змышлоне*, образованное от причастия *змышлений*, *змышленийный* (с 60-х гг. XVI в.), производного от глагола *змышляти* ‘придумаць, выдумаць тое, чаго не было, прыпісаць каму-н. што-н.’ (ГСБМ 13, 59, 60) или прилагательного *змышленийный*, *змышленийый*, *змышленийый*, *змышленийый* (с конца 60-х гг. XVI в.) ‘вигаданий, непривдвий, фальшивий’ (СУМ XVI – I пол. XVII ст. 12, 69). Согласно комментариям исторических словарей украинского языка, глаголы *змышляти*, *змыслити* ‘вымышлять, вымыслить, выдумывать, выдумать, сочинять, сочинить’, ‘задумывать, задумать, замышлять, замыслить’ и прилагательное *змышленийый*, *змышленийый*, *змышленийый*, *змышленийый* ‘вымышленный, выдуманный’ и ‘мнимый’ представляют собой заимствования из польского (ССМ XIV-XV ст.1, 402; СУМ XVI – I пол. XVII ст., там же; Тимченко 1, 329). Кроме того, в «простой мове» начала XVII в. фиксируется наречие *змыслне* ‘наўмысна, наўмысля’, *змысльне*, *смыслне* ‘зумисно, навмисно’, выявляемое впервые именно в этом значении в сильно полонизированных или переводных с польского памятниках, при этом прилагательное *змыслный*, *змысльный* в текстах на «простой мове» конца XVI – начала XVII вв. отмечено только в значениях ‘выдуманы, ілжывы, фальшывы’ и ‘які мае цвярозы розум’, то есть оно пока не обнаружено в мотивирующем наречии значения; не имело такого значения и причастие *змыслений* от глагола *змысляти* ‘придумаць, выдумаць тое, чаго не было, прыпісаць каму-н. што-н.’, известное с 60-х гг. XVI в. (ГСБМ 13, 57, 58; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 12, 69). Помимо этого в «простой мове» XVII в. употреблялось прилагательное *смысленийый* ‘вымышленный, мнимый’ и наречие *смысленно* ‘разумно’ (Тимченко 2, 336). Таким образом, в интересующем нас значении в «простой мове» выступало лишь *змыслне*, *змысльне*, *смыслне*, а сопоставление всех данных по истории однокоренных образований в польском и «простой мове» указывает на то, что данное наречие, вероятнее всего, было заимствовано из польского, что, кстати, подтверждает и помета «стп. *zmysłnie*», которой эта лексема сопровождается в историческом словаре украинского языка (СУМ XVI – I пол. XVII ст., там же). В белорусской и украинской лексикографии XVIII–XX вв. анализируемое наречие в исследуемом значении не фигурирует.

Приведенная выше информация, по нашему мнению, позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что *смышленно* ‘умышленно, (пред)намеренно; специально, с определенной целью’ в русском письменном языке XVII в. – семантическая калька с польского *zmyslnie* в аналогичном значении. При этом роль посредника в процессе заимствования, видимо, играла «простая мова», где *змыслне*, *змысльне*, *смыслне* как было показано ранее, является лексическим полонизмом.

ТУТЬ (4) Сюда, в это место (направление): *И тѣ люди пришли тут для высвобожденья воеводицкого ...* (Сб.РИО 137, 665, 1607-1698 гг.). *Только люди наши воинские, которые тут есть пришли, вернутца, ино перемирье на 3 годы ...* (там же, 667). *Всѣ тѣ подарки, которые Дмитръ дочері его милости пана воеводиной давал, тутѣ привезены и в казнѣ цѣлы остались ...* (там же, 674). *И мы ... тут пришли для добра, покою и тишины того великого и преславного господарства Московского ...* (Сб.РИО 142, 75, 1610 г.).

Это наречие, восходящее к праслав. **tuta*, **tuto*, **tutъ* ‘здесь, тут’, ‘сюда’, возникло в результате контаминации имеющего общеславянское распространение указательного местоимения, берущего начало от праслав. **тъ*, **та*, **то* ‘тот’, ‘этот’, ‘это’ (о его происхождении см. выше, с. 124 данной работы), в форме местного падежа ед.ч. и усилительной частицы **то*, являющейся формой ср.р. упомянутого ранее местоимения (Bogus 2005, 652, 655; Brückner 1974, 583; Преображенский II, 21-22 (1161-1162); Фасмер IV, 126).

В древнерусских памятниках для обозначения места действия *тудо*, *туть*¹⁶⁹ ‘туть, в этом мѣстѣ’ известно с первой половины XIII в., а со второй половины XV в. это наречие засвидетельствовано в русской письменности и для обозначения направления ‘туда’, правда, последнее значение И.И.Срезневским иллюстрируется единственным примером¹⁷⁰ (Срезневский III, 1039-1040). В русской лексикографии лексема *туть* ‘hĭc’ фиксируется с начала XVIII в., и во всех словарях, отражающих русский язык XVIII-XX вв., она представлена,

¹⁶⁹ Изменение *тудо* в *туть* объясняется утратой конечного безударного гласного.

¹⁷⁰ Другие случаи такого употребления его в этом значении в русском языке до сих пор не были выявлены.

только в значении ‘в этом месте, здесь’, то есть обозначает именно место действия (Поликарпов 1704, 134; САР VI, 815; Даль IV, 445; ССРЛЯ 15, 1164).

Мы обнаружили *туть* ‘сюда, в это место’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в первой четверти XVII в. Учитывая это обстоятельство, а так же то, что исследуемое наречие в этом значении пока не регистрировалось в русском языке, вполне логично предположить, что мы имеем дело с семантической калькой, очевидно, с польского. Так, в старопольских источниках конца XIV в. отмечалось *tuta* ‘tu, tutaj’, при этом не только в значении эквивалентном латинскому ‘hīc’, но – и в значении ‘hōc loco’ (SlStp IX(3), 228-229). В последнем употреблении *tuta* бытовало еще и в польском языке XVI – начала XVII вв. (Linde V, 690). В словаре, включающем словарный состав польского языка XIX в., форма *tuta* уже снабжена пометами «gwarowy» и «staropolski», кстати, в польских диалектах в XIX – начале XX в. употреблялась и форма *tut* (Karłowicz VII, 168, 173; SlGP 5, 443). Наряду с *tuta* в старопольском языке наблюдается и наречие *tu*: со второй половины XIV в. – в значении ‘wskazuje miejsce dziania się’, а с середины XV в. – и в значении ‘wskazuje kierunek akcji’, с XVII в. в этих же значениях выступает и *tutaj* (SlStp IX(3), 222, 223; Boryś 2005, 655; Linde, там же; Karłowicz, там же). И *tu*, и *tutaj* в указанных значениях входят в лексический состав польского языка до настоящего времени (SlJP IX, 342, 365).

С середины – второй половины XIV в. *туда*, *туто*, *туть* встречается в староукраинской письменности в значении ‘(у цьому місці) тут’, а с середины – второй половины XV в. – и в значении ‘(у це місце) сюди’, в то время как в старобелорусском языке XVI в это наречие пока выявляется только в первом значении (ССМ XIV-XV ст.2, 451; СМС 2, 290). В значении ‘сюда’ *туть* обнаруживается и в текстах на «простой мове» XVI-XVII вв. (Тимченко 2, 405). В белорусском языке XVIII-XIX вв. наречия *тўтай*, *тўто*, *тўты* фигурировали только в значении ‘здѣсь’, а *тўтэй* – в значениях ‘здѣсь’ и ‘сюда’, в украинском же языке XIX в., *тут*, *туда*, *тудаі* представлены как в значении ‘здѣсь’, так и в значении ‘сюда’ (Носовичь 1870, 645; Грінченко II, 808). В современных белорусском и украинском языках *тут* используется только для указания на место действия (ТСБМ 5(1), 557; СУМ X, 329).

Сопоставление приведенных выше материалов, на наш взгляд, дает определенные основания считать, что в русском письменном языке XVII в. мы имеем дело с семантическим полонизмом. Не исключено, что такова же природа анализируемого значения и в староукраинском языке, а также «простой мове»¹⁷¹, которая могла сыграть роль посредника при заимствовании значения русским языком.

ШИРОКО (1) *Перен.* Пространно, обстоятельно, подробно, детально: *О чем мы **шире** того вашим государским ближним бояром ..., кривды и обиды выписав, на писмъ подадим* (Сб.РИО 137, 639, 1607-1608 гг.).

Рассматриваемое наречие является суффиксальным производным от однокоренного прилагательного (о его происхождении см. выше, с. [347-348](#) данной работы).

В древнерусской письменности до XV-XVI вв. пока удалось обнаружить лишь наречие *шире*¹⁷² ‘шириною, в ширину’ (Срезневский III, 1594). В словаре церковнославянско-русского языка для XVI- XVII вв. уже приводится наречие *широкó*, но только в прямом значении ‘съ значительнымъ протяженіемъ въ ширину’ (SCSRJ IV, 960). В русской лексикографии *широкó* в прямом значении фиксируется с начала XVIII в., а с XIX в. оно отмечается и в различных переносных значениях, в которых *широкó* и *ширко* представлено и в словаре современного русского языка (САР VI, 1362; Даль IV, 634; ССРЛЯ 17, 1416). Однако в интересующем нас значении эта лексема до сих пор не регистрировалась ни одним лексикографическим источником. Нами *широко* ‘пространно, обстоятельно, подробно, детально’ выявлено в дипломатическом акте начала XVII в., отражающем межгосударственные отношения МГ с Польшей и ВКЛ.

Принимая во внимание приведенные выше факты, а также то, что семантическим полонизмом в русском письменном языке XVII в. мы считаем прилагательное *широкий* в значении ‘пространный, обстоятельный, подробный, детальный’ (см. с. 347-349 данной работы), вполне вероятно, что и в данном случае речь может идти о семантическом заимствовании. Так, в старопольских

¹⁷¹ В связи с этим показателен тот факт, что полонизмом в старобелорусском языке считается наречие *ту* ‘тут’, известное здесь с начала XVI в. (Булыка 1972, 326).

¹⁷² Возможно, и как сравнительная степень анализируемого наречия (?)

текстах *szYROKO* (*szEROKO*) уже с середины XV в. известно в переносном значении ‘dokładnie (szegółowo), obszernie’, и в этом значении *szEROKO* употребляется до настоящего времени (SłStp VIII(7), 551; Linde V, 537; Karłowicz VI, 607; SłJP VIII, 1082).

С первой четверти XVI в. в письменных источниках ВКЛ засвидетельствовано наречие *широце* в значении ‘поўна’, а с конца XVI – первой половины XVII в. в «простой мове» наблюдается уже и *широко* в анализируемом значении, причем в XVI-XVII вв. указанное наречие очень часто встречается в памятниках, язык которых в той или иной степени отражает польское влияние (СМС 2, 353; Тимченко 2, 495). В значении ‘обстоятельно, пространно’ *ши́роко* бытовало и в украинском языке XIX в. (Грінченко II, 1006). В словаре же современного украинского языка наречие в этом значении уже не фигурирует, как, впрочем, и в белорусской лексикографии XIX-XX вв.

Опираясь на вышеизложенное, мы полагаем, что в восточнославянские языки исследуемое значение лексемы *широко* было заимствовано из польского, причем в процессе заимствования его русским письменным языком XVII в. в качестве посредника, очевидно, выступала «простая мова». И об этом свидетельствуют не только исторические и хронологические, но и лингвистические данные: в старопольской письменности и *szYROKI* (*szEROKI*), и *szYROKO* (*szEROKO*) в изучаемом значении появляются практически одновременно, тогда как в восточнославянских языках наречие пока отмечено раньше прилагательного в мотивирующем значении.

II.3.6. Предлоги

ПРЕЗЪ (3) с винительным пад. Употребляется для выражения объектных отношений: при помощи или посредством кого-, чего-л.; через (посредство) кого-л.: *Королевское величество ... грамоту, присланную ... презъ тебя, ... выслушавъ и выразумъвъ ..., и тоє его царского величества милость ... и ко всей рѣчи посполитой добрехотъньє пріимуетъ ...* (АЮЗР 3, 276, 1649 г.; там же, 386). *Его королевское величество ... его царского величества грамоту,*

присланную **презь** тебя, принявъ ... посылает свою королевскую грамоту ... (там же, 387).

Эта лексема, имеющая общеславянское распространение и восходящая к праслав. **perzъ* ‘через’, представляет собой производное от первообразного предлога **per* ‘через’, ‘при, у, возле’, и.-е. базой которого является **per* ‘через’, ‘вокруг, кругом’ с корнем **per-* ‘переводить; перемещать; проводить’, ‘переходить; проходить’, с добавлением *-zъ* (по аналогии с предлогами **bezъ* ‘без’, **jbzъ* ‘из, от’, ‘с’, ‘по’, **čerzъ* ‘через’, ‘сквозь’ (Bańkowski 2, 810-811, 923; Woryś 2005, 487-488, 494; Brückner 1979, 444; ESSJ 1, 175-178; Fraenkel I, 572). М.Фасмер считал *презь* заимствованием из церковнославянского языка (Фасмер III, 358). Заметим, что в *Словаре церковно-славянского и русского языка* (SCSRJ) анализируемый предлог не фигурирует. В этимологических исследованиях белорусского языка допускаются два потенциальных источника *праз*, *през*: церковнославянский или польский язык (ЭСБМ 9, 337). То же можно сказать и об этимологических изысканиях в области украинской лексики, где указывается, что *прэз* – заимствование из церковнославянского языка, возможно, поддержанное польским влиянием (ЕСУМ 4, 561).

В русской исторической лексикографии приводятся немногочисленные примеры с *пръзь*, *презь* (с винительным пад.) в значении ‘через, сверх’, относящиеся к XV-XVI вв. (одна иллюстрация датируется 1431 г. и две – первой половиной XVI в.), причем И.И.Срезневский сопровождает это слово отсылкой к западнославянским языкам: чеш. *přez*, слов. *prez*, пол. *przez*, луж. *přez* (Срезневский II, 1649; СлРЯ XI-XVII вв.18, 231). Кроме того, судя по материалам Л.С.Ковтун (1975, 264), этот предлог в середине XVI в. был представлен в русской письменности, видимо, и в значении ‘наперекор, вопреки’, которое до сих пор не регистрировалось в русской лексикографии, а нам *презь* в этом значении встретился в дипломатическом акте середины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ: *И если презь право и каноны то учинять, и королевству Польскому ... какова добра чаять?* (АЮЗР 3, 285, 1649).

Г.Милейковская (1979, 127) и В.Витковский (1999, 147; 2006, 166) квалифицируют *презь* в упомянутых выше значениях как полонизм, соглашаясь с ними, лишь уточним, что сначала (в XV в.) была, очевидно, заимствована сама

лексема в значении ‘через, сверх’, а затем, в середине XVI в., было калькировано значение ‘вопреки’. Это подтверждается и историей *przez* в польском языке, где оно в обоих значениях было засвидетельствовано уже с XIV в. (SłStp VII(3), 210, 212). Согласно сведениям В.Витковского (там же), судьба предлога в обоих значениях для русского языка прослеживается только до XIX в., правда, он ссылается на Вл.Даля, но у этого автора находим лишь *пéрезь* в значениях ‘через’ с пометами «юж.», «зап.», «влд.», «твр.» и ‘впродолжение, втеченье’ (Даль III, 53). Вообще же в толковых словарях русского языка *през(ь)* не фиксируется.

В исследуемом значении мы трижды обнаружили *prezъ* в дипломатической корреспонденции середины XVII в., отражающей межгосударственные отношения МГ с Польшей и ВКЛ. До настоящего времени ни в русской письменности, ни в русской лексикографии предлог в этом значении не отмечался. Учитывая его предшествующую историю, а также характер памятника, обратимся к польскому языку. В старопольских текстах *przez* ‘z *acc.* (pośrednictwo kogoś, czegoś w jakimś działaniu, wykowaniu czegoś) za pośrednictwem’ было известно уже на рубеже XIV-XV вв. и активно употреблялось в этом значении на протяжении XV-XX вв. и вплоть до сего времени (SłStp VII(3), 214; SłPXVI, XXXII, 412-420; Linde IV, 612; SłPaska II, 263; Karłowicz V, 246; SłJP VII, 457).

С конца XIV в. выявляется единичный случай использования *пръзь*, *презь*, *презь* в значении ‘із *знах.* виражає об’єктні відношення, (вказує на посередника (виконавця) дії) через (кого)’ в староукраинских памятниках, более широкое распространение этот предлог в указанном значении, а также в значениях ‘без’, ‘крізь’, ‘протягом (чого)’ получает здесь с первой половины XV в. (ССМ XIV-XV ст.2, 228-229). В данном случае примечательно то, что в историческом словаре украинского языка лексема снабжена пометой «цсл. *пръзь*», но все иллюстрации почерпнуты из документов по сношениям с Польшей, а язык их в значительной степени полонизирован (там же). С начала XVI в. *prezъ* ‘праз’ (‘через, сквозь’ и ‘через (посредничество) кого-л.’) наблюдается и в старобелорусских источниках (ГСБМ 28, 49-50; СМС 2, 104). В «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. *prezъ* продолжало бытовать как в интересующем нас, так и в приведенных ранее значениях, при этом в словаре,

включающем лексический запас этого периода, предлог сопровождается пометой «пл. *przez*» (Тимченко 2, 212). В белорусском языке XVIII-XIX вв. *презь* сохраняло все значения, характерные для него в XVI-XVII вв. (Носовичъ 1870, 494), то же относится и к современному белорусскому языку, где предлог имеет форму *праз* (ТСБМ 4, 326-327). В украинском языке XIX в. *през* выступало как синоним предлога *через* (Грінченко II, 408), в словаре современного украинского литературного языка эта лексема уже отсутствует, поскольку встречается лишь в диалектной речи (ЕСУМ 4, 561).

На наш взгляд, представленная выше информация дает достаточные основания для вывода о том, что в восточнославянских языках предлог *презь* является скорее заимствованием из польского, чем из церковнославянского языка. При этом заимствованию самой лексемы из польского в русский письменный язык XV-XVI вв., вероятнее всего, способствовал староукраинский или старобелорусский язык (Н.А.Смирнов (1910, 237) акцентирует посредничество последнего), а калькированию анализируемого нами значения – «простая мова».

II.3.7. Обобщение результатов

Резюмируя обзор 43 лексем, рассмотренных в этом разделе и в исследуемых значениях, с нашей точки зрения, являющихся семантическими полонизмами, отметим, что 12 из них – это имена существительные, 1 – местоимение, 2 – имена прилагательные, 23 – глаголы, 4 – наречия, 1 – предлог. При калькировании анализируемых значений в 27 случаях в роли посредника, по-видимому, выступала «простая мова».

III. Семантические полонизмы, регистрировавшиеся в предшествующих исследованиях польско-русских языковых контактов XV-XVIII вв.

В данной части работы мы остановимся на гипотетических, с нашей точки зрения, полонизмах, то есть на таких случаях (их 66), которые в предшествующих исследованиях польско-русских языковых контактов XV-XVIII вв. лишь декларировались как заимствования из польского языка без какой-либо аргументации и поэтому требуют обоснования либо самого факта заимствования, либо уточнения его характера. Кроме того, рассмотрим и такие семантические полонизмы, которые не нуждаются в верификации, но для которых имеющаяся у нас информация позволяет уточнить нижнюю хронологическую границу заимствованного значения.

III.1. Гипотетические семантические полонизмы, требующие верификации и уточнения нижней хронологической границы анализируемого значения

III.1.1. Имя существительное

ВЕСЕЛЬЕ (4) с. Свадьба: *Жигимонтъ король велъль вамъ ... посломъ быти ... сего дни у Государя нашего на весельѣ* (ДРВ(2), 4, 106, 1602 г.). *А се звал короля на веселье ОФонасей Власьев ...* (Сб.РИО 137, 267, 1606-1607 гг.). *А веселью де королевскому быть въ Варшавѣ въ маѣ мѣсяць ...* (АЮЗР 3, 266, 1649 г.). *А веселью де быть до мая мѣсяца не годитца ...* (там же, 275).

Эта лексема, имеющая общеславянское распространение, восходит к праслав. **veselъje* ‘веселье, радость’, суффиксальному деривату (суф. -*ъje*) от прилагательного **veselъ(jь)* ‘веселый, радостный’, в этимологическом отношении неясному слову, и.-е. базой которого, возможно, является **цес-*

‘добрый’ (Boryś 2005, 684-685; Brückner 1974, 607; ИЭССРЯ I, 145; Преображенский I, 78; Фасмер I, 303; Fraenkel II, 1231). Составители одного из этимологических словарей русского языка считают, что в древнерусский язык *веселиѣ* было заимствовано из старославянского (Шанский I(3), 71-72).

В древнерусской письменности анализируемое существительное в значениях ‘развлечение, увеселение’ и ‘веселье, радость’ известно с X-XII вв. (СлДРЯ I, 394; СлРЯ XI-XVII вв. 2, 112). Некоторые исследователи, П.Я.Черных, Н.М.Шанский, ссылаясь на данные И.И.Срезневского, полагают, что с XII в. это слово употреблялось и в значении ‘свадьба’ (ИЭССРЯ, там же; Шанский I(3), 72). Приведем материалы, на которые опирался И.И.Срезневский: «Тогда бо бяше *веселье* Ярополче» (Срезневский I, 246). На наш взгляд, этот единичный пример не дает возможности однозначно установить значение существительного. Видимо, по этой причине, авторы *Словаря древнерусского языка*, располагавшие более обширной информацией, не выделяют это значение, подводя также такие словосочетания, как *брачьное весельиѣ* (XII в.) под значение ‘праздник; пир, пиршество’ (СлДРЯ I, 395). В значении ‘свадьба’ *веселье* регистрируется в историческом словаре русского языка под 1638 г. и иллюстрируется цитатой из *Вестей-Курантов*, где речь идет о королевском бракосочетании (СлРЯ XI-XVII в., там же). В словаре, отражающем русский язык XVIII в., находим *веселье* ‘свадебный пир’, как оттенок значения ‘забава, развлечение’ (СлРЯ XVIII в.3, 66). Далее *веселье* ‘свадьба и празднество сватебное’ представлено в словаре, включающем словарный состав русского языка XIX в., уже в сопровождении помет «стар.» и «южн.» (Даль I, 186). За пределами XIX в. судьба этого существительного в интересующем нас значении для русского литературного языка уже не прослеживается.

Мы обнаружили *веселье* ‘свадьба’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в первой половине XVII в., причем наши данные позволяют более чем на три с половиной десятилетия передвинуть нижнюю хронологическую границу указанного выше значения в русском письменном языке. Характер памятников, в которых лексема в анализируемом значении встречалась на первых порах, наводит на мысль о возможном семантическом калькировании с польского. Тем более что мнение о

заимствовании существительного в этом значении из польского высказывает и В.Витковский (1992, 264; 1999, 22; 2006, 23). Однако он не приводит никаких аргументов, подтверждающих факт заимствования, основываясь лишь на фиксации этой лексемы в лексикографических источниках и памятниках письменности, что, на наш взгляд, не может служить убедительным доказательством неисконности слова или его отдельного значения.

С целью обосновать свое предположение и верифицировать утверждение В.Витковского обратимся к польскому языку. В старопольских текстах *wesele*, *wesiele*, *wiesiele*, *wiesiele* (три последние формы – только до XVIII в.) в значении ‘uczta weselna, nuptiae’ засвидетельствовано с конца XIV в. (SłStp X(2), 81). В лексикографических источниках, фиксирующих язык XVI-XIX вв., это существительное отмечалось в значении ‘biesiada, zabawa poślubna; uroczystość zaślubin’ (Linde VI, 256; SłPaska II, 581; Karłowicz VII, 511). И в современном польском языке *wesele* продолжает бытовать в значении ‘przyjęcie, zabawa z okazji ślubu’ (SłJP IX, 935).

С 30-50-х гг. XVI в. *веселье* ‘вяселле, абрад шлюбу і святкаванне яго’ выявляется в «простой мове» и первоначально – в документах, язык которых испытал польское влияние, а с конца XVI в. и в переводных текстах (ГСБМ 3, 143; СУМ XVI - I пол. XVII ст.3, 243; Тимченко 1, 94)¹⁷³. В этом же значении существительное продолжало употребляться и в белорусском (*вясёлле* ‘свадьба, свадебный пир’) и украинском (*весілля* ‘свадьба’) языках XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 49; Грінченко I, 184). В упомянутом значении оно фигурирует и в словарях современного белорусского (*вясёлле*) и украинского (*весілля*) языков (ГСБМ 1, 603; СУМ I, 340).

Итак, изложенные выше факты, по нашему мнению, позволяют сделать заключение, что в восточнославянских *веселье* в интересующем нас значении является семантическим полонизмом. При этом в русский письменный язык исследуемое значение проникло, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

¹⁷³ В значении ‘весьелось, радась’ эта лексема в памятниках письменности ВКЛ наблюдается с конца XV в. (ГСБМ 3, 142; СУМ XVI – I пол. XVII ст., там же). Объективности ради заметим также, что в одном из исторических словарей украинского языка (Тимченко, там же) приводится единственный случай использования лексемы *веселе* в значении ‘свадьба’, датированный 1494 г., однако контекст не позволяет однозначно установить значение: *Трвало веселе неділь три*. Здесь *веселе* можно трактовать и как ‘праздник; пир, пиршество’.

ВОЕВОДА (4) м. Высший административный чин, наместник короля или великого князя в Польше (в XVI – XVIII вв.) и ВКЛ (в XVI – XVII вв.): *А после грамоты гонецъ говорил от воеводы Сендомирского Юрья Мнишка рчь ... (Сб.РИО 137, 183, 1605 г.). И по дьяволскому ученью ..., по вражью совѣту ... полского радного пана, воеводы сендомирского Юрья Мнишка ... учаль называтися ... царевичемъ ... (РИБ 16, 401(95), 1606 г.). Московского государства ... митрополиты, и архиепискупы, и епискупы и бояре ... вам ... паном-радам ... и бискупом, і воеводам и каштеляном ... поклонитися велѣли (Сб.РИО 142, 324, 1613 г.). Его королевское величество накрѣпко и грозно встѣмъ воеводамъ, и старостамъ, ... инымъ порубежнымъ урядникомъ приказали ..., чтобъ наша государская честь была содержана (РИБ 16, 777(152), 1653 г.).*

Большинство исследователей считает, что это существительное, имеющее общеславянское распространение и восходящее к праслав. *vojevoda ‘вождь, предводитель’, ‘военачальник, полководец’, является сложением с первым членом *vojь ‘войско’, ‘воин’ (< и.-е. корень *vej- ‘направляться’, ‘успевать’, ‘гнаться, преследовать’) и вторым членом *voda ‘ведущий’, отглагольным производным от *vesti ‘вести’ (< и.-е. корень < *ved^h – ‘вести’), хотя А.Мейе трактовал его как кальку др.-в.-нем. *heri-zogo*, что пока не находит достаточного подтверждения (Boryś 2005, 697, 706, 709; Brückner 1974, 629; Фасмер I, 332; Шанский I(3), 127).

В древнерусских письменных источниках *воевода* в значении ‘воевода, военачальник’ засвидетельствовано с XII в. (СлДРЯ I, 457-458). С XIV в. эта лексема встречается и в значении ‘лицо, представляющее высшую (чаще военную) власть на местах’ (СлРЯ XI-XVII вв.2, 261). В словаре, отражающем русский язык XVIII в., находим ее уже и в значении ‘административный чин в Московской Руси и в России XVIII в., ведавший делами местного управления в городе, провинции (звание отменено в 1775 г.); наместник’ и как оттенок этого значения – ‘высшее должностное лицо в польском самоуправлении’, иллюстрируемый единственным примером 1735 г. (СлРЯ XVIII в.3, 263). И если в словарях, регистрирующих русский язык первой половины XIX в., *воевода*

представлено в двух указанных выше значениях еще без каких-либо помет, то у Вл. Даля оба значения уже сопровождаются пометой «стар.», а в словаре современного русского языка это существительное в рассматриваемом нами употреблении подается как историзм, правда, здесь приводится и значение ‘глава воеводства в Польше’, но оно касается реалий XX-XXI вв. (САР I, 579; Даль I, 231; ССРЛЯ (2)II, 361).

Нам *воевода* в исследуемом значении встретилось в дипломатических документах по связям МГ с Польшей и ВКЛ в первой половине XVII в. Эти материалы позволяют существенно удревнить хронологию значения в русском письменном языке.

В данном случае само значение существительного указывает на его источник в русском языке. Как полонизм квалифицирует его в этом употреблении и В. Витковский (1992, 265; 1999, 24; 2006, 25), ссылаясь на информацию *Словаря русского языка XI-XVII вв.*, *Лесикон триязычный* Ф. Поликарпова, и *Словарь современного русского литературного языка*, однако, по нашим сведениям, там это значение не фигурирует (см. СлРЯ XI-XVII вв., там же; Поликарпов 1704, 52; ССРЛЯ 2, 523-524).

Для того, чтобы подкрепить высказанное ранее суждение о происхождении анализируемого значения в русском языке, попытаемся проследить историю этой лексемы в польском. В старопольских памятниках *wojewoda*, *wojwoda* (эта форма – только до XVII в.) в значении ‘*pożyczkowo urzędnik nadwórnny, dowódca wojska w zastępstwie panującego, z czasem wysoki urzędnik ziemski, sprawujący na określonym obszarze m.in. władzę administracyjną i sądowniczą*’ известно с середины XIII в. (SłStp X(4), 279). В XVI-XVIII вв. это существительное бытовало в значении ‘*wysoki urzędnik świecki, senator starszy ot kasztelana, sprawujący najwyższą władzę w województwie, stojący na czele, pospolitego ruszenia swego województwa*’ (Linde VI, 281; SłPaska II, 611). В польской лексикографии XIX-XX вв. оно в упомянутом значении уже снабжено пометой «daw.» (Karłowicz VII, 680; SłJP IX, 1214).

С середины – второй половины XIV в. выявляются единичные употребления *воевода* ‘(у Польському королівстві і Литовській державі намісник короля або великого князя) воевода’ в староукраїнському мові, обнаруживаемые в актах по сношениям с Польшей (ССМ XIV-XV ст.1, 184).

Более широкое распространение *воевода* в указанном значении, а также в значении '(урядник, що представляє найвищу місцеву владу), воєвода, правитель, намісник' получает здесь с середины XVI в. (СУМ XVI - I пол. XVII ст.4, 157-158). В словаре современного украинского языка *воєвода* 'у давній Русі та інших слов'янських державах – вождь, полководець, а также правитель міста, округу в XVI-XVIII ст.' выступает как историзм (СУМ I, 723). В историческом словаре белорусского языка *воєвода* 'начальник горада і гарадской акругі' датируется концом XV - началом XVI в., причем все иллюстрации указанного значения в этом источнике, относящиеся к XV-XVII вв., приходится на тексты, переведенные с польского, либо на документы, где описываются реалии Польши того времени (ГСБМ 4, 85). Для белорусского языка судьба этой лексемы в интересующем нас значении далее XVII в. не прослеживается.

Завершая обзор истории лексемы *воєвода* в анализируемом значении в восточнославянских и польском языках, можно сделать однозначное заключение, что в первых это семантический полонизм, который в русский письменный язык XVII в., несомненно, проник через посредничество «простой мовы». И если в значении 'высший административный чин, наместник короля или великого князя в Польше и ВКЛ' это явный экзотизм в русской письменности XVII в., то и появление значения 'административный чин в Московской Руси и в России XVIII в., ведавший делами местного управления в городе, провинции', касающегося уже реалий Московской Руси, на наш взгляд, также обязано польскому влиянию.

ЗАКОННИКЪ (1) *м.* Священнослужитель, монах: *Ведомо чиню, что пречестный Иорест идет до ... царя московского ... И вам бы ево везде, яко благочестива законника и во всем верна, добровольна и без боязни пропущати ...* (ИСНСР 2, 146(40), 1645 г.).

Эта лексема представляет собой суффиксальное производное от имеющего общеславянское распространение существительного, восходящего к праслав. **zakonъ* с первоначальным значением 'то, что находится за пределом, что было изначально', вероятнее всего, являющемуся префиксальным (префикс

za-) дериватом от **konь* ‘конец, предел’¹⁷⁴, образованному путем перегласовки и присоединения темы -ь, от **četi* (< **kьnti*), 1 л. ед.ч. **čьnq* ‘начать’ < и.-е. корень **ken-*, ‘(вновь) выступать наружу’, ‘появляться’, ‘начинать’ (Berneker I, 168-169, 560-561; Brückner 1974, 643-644; ИЭССРЯ I, 314-315; Sławski II, 419; Фасмер II, 75; Шанский II(6), 38; ЭССЯ 4, 109; там же, 10, 195-196).

Законникъ впервые отмечается в древнерусских памятниках с середины XI в. в значении ‘знаток закона – религиозного вероучения’, с XII в. – в значении ‘тот, кто знает законы, толкует их’, а с XIV – также и в значении ‘тот, кто устанавливает законы, законодатель’ (СлДРЯ III, 319-320; СлРЯ XI-XVII вв.5, 218). До сих пор считалось, что в анализируемом значении это существительное в русском письменном языке известно со второй половины XVII в., а первый конкретно датированный случай относится к 1696 г. (Соболевский 1903, 59; СлРЯ XI-XVII вв., там же). При этом уже в словаре, отражающем русский язык XVIII в., оно в интересующем нас значении сопровождается пометой «выпавшее из употребления» (СлРЯ XVIII в.7, 246), то есть бытование его, согласно информации русской исторической лексикографии, ограничивается довольно коротким промежутком времени. Однако наши данные позволяют несколько продлить историю этого слова в значении ‘священнослужитель, монах’ в русской письменности, поскольку нам оно встретилось в дипломатическом акте 1645 г., и переведенным с польского языка, регистрирующем контакты МГ с Молдавским княжеством.

Все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, думать, что *законникъ* ‘священнослужитель, монах’, возможно, является семантическим заимствованием из польского. Тем более, что такое же мнение высказывается и польским славистом В.Витковским (1992, 265; 1999, 51; 2006, 55), однако он не приводит никаких аргументов, подтверждающих это, ссылаясь лишь на наличие лексемы в упомянутом значении в русской письменности второй половины XVII в. и в исторических словарях русского языка, где значение даже не имеет помет, указывающих на его происхождение. В связи с этим утверждение В.Витковского нуждается в верификации.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *zakonnik* ‘członek zakonu, ksiądz zakonny, mnich’ засвидетельствовано в письменных источниках с

¹⁷⁴ Иную точку зрения, как на образование существительного *законникъ*, так и происхождение лексемы *законъ*, см.: Boguś 2005, 727.

середины XV в. и употребляется в этом значении до настоящего времени (SłStp XI(2), 105; Boryś 2005, там же; Linde VI, 668; SłPaska II, 700; Karłowicz VIII, 130; SłJP X, 564).

С конца XV в. выявляются единичные фиксации *законникъ*, *зоконникъ* ‘священнаслужитель, монах’ в старобелорусских текстах, причем первоначально переводных с польского или сильно полонизированных (ГСБМ 10, 246). И в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. *законникъ* ‘(чернец) законник’¹⁷⁵ наблюдалось в памятниках, в значительной степени насыщенных полонизмами (СУМ XVI - I пол. XVII ст. 10, 62; Тимченко 1, 271). Далее мы находим это существительное в исследуемом значении в словаре, включающем лексический состав белорусского языка XVIII-XIX вв. (Носович 1870, 171), в словаре же современного белорусского языка это значение уже не фигурирует. Тогда как в словарь современного украинского языка *законник* в значении ‘чернец’ включено, но снабжено пометой «заст.» (СУМ III, 156).

Итак, приведенные выше материалы дают достаточные основания для вывода о том, что в восточнославянских языках мы имеем дело с семантическим полонизмом, причем в русский письменный язык XVII в. анализируемое значение было заимствовано, по всей видимости, благодаря посредничеству «простой мовы».

НАКЛАДЪ (2) *м.* Издержки, расходы, траты на что-л.; плата, вознаграждение: *А великим послом Московского государства с великим государем Жигимонтомъ королемъ вперед договор учинить про коштъ и накладъ королевской, на ратное дѣло учиненнымъ, и про заплату Польскимъ и Литовскимъ людемъ ...* (Сб.РИО 142, 107-108, 1610 г.). *Дарует ему господь бог безо всякого **накладу** такое великое государство и множество ратных людей* (ВУР 2, 152(60), 1649 г.).

Анализируемое существительное образовано посредством темы –ъ¹⁷⁶ от префиксального глагола (**naklasti* ‘наложить’, *nakladati* ‘накладывать, вкладывать’), восходящего к имеющему общеславянское распространение и

¹⁷⁵ В других значениях это существительное в старобелорусском и староукраинском языках – с 80-х гг. XV в. (ГСБМ, там же; СУМ XVI – I пол. XVII ст., там же).

¹⁷⁶ Бессуфиксальное имя с основой на *-o-: **nakladъ*, для которого более вероятна праславянская древность по сравнению с **naklada*, **nakladъ* (ЭССЯ 22, 126).

надежные соответствия в балтийских и германских языках праслав. **klasti* (< **kladti*), 1 л. ед.ч. **kladŏ* ‘класть; раскладывать, раполагать’ < и.-е. база **klā-dh-*: **klā-t-* ‘укладывать, накладывать; чрезмерно нагружать’, ‘стлать’, ‘покрывать, накрывать’ (Bańkowski 2, 253; Berneker I, 507; Boryś 2005, 237; Brückner 1974, 236; ИЭССРЯ I, 399; Преображенский I, 311-312; Sławski II, 253-254; Фасмер II, 244; Fraenkel I, 274-275; ЭССЯ 9, 187-189; там же, 22, 124-125, 129).

В памятниках древнерусской письменности *накладъ* в значении ‘плата, взимаемая с должника сверх взятой суммы, проценты’ известно уже с *Правды Русской* XII в. в списке XIV в. (Срезневский II, 292; СлДРЯ V, 152; СлРЯ XI-XVII вв.10, 115-116). В значении ‘издержки, расходы, траты на что-л.’ эта лексема, согласно материалам исторического словаря, sporadически отмечается в русской письменности с конца 80-х гг. XV в. в *Польских делах* (СлРЯ XV-XVII вв.10, 116). Мы также обнаружили существительное *накладъ* в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, и оба случая его употребления, приходящие на первую половину XVII в., позволяют говорить о расширении в это время значения ‘издержки, расходы, траты на что-л.’ за счет появления у него дополнительного оттенка ‘плата, вознаграждение’. Однако далее XVII столетия судьба этого слова в интересующем нас значении уже не прослеживается. В словаре, отражающем русский язык XVIII в., мы находим его в значениях: ‘убыток, урон, ущерб’, ‘прибавка, надбавка’, ‘накладное украшение на изделии’ (СлРЯ XVIII в.13, 214). В лексикографических источниках, регистрирующих язык XIX в., представлено только первое из указанных выше значений, которое в словаре современного русского языка снабжено пометой «устар.» (САР III, 1091; Даль II, 423; ССРЛЯ 7, 257).

Существительное *накладъ* в исследуемом значении привлекло наше внимание не только в связи с обстоятельствами его появления (характер памятников) и бытования (продолжительность истории), но и потому, что мотивирующий его глагол *накладати* в значении ‘тратить, расходовать’ появился в русском письменном языке только в конце 80-х гг. XVII в., то есть позже мотивируемого им слова (СлРЯ XI-XVII в.10, 116). Все это указывает на то, что *накладъ* ‘издержки, расходы, траты на что-л.; плата, вознаграждение’ в русском языке, вероятнее всего, является семантическим заимствованием. На

это указывает и польский славист В.Витковский (1992, 266; 1999, 104; 2006, 115)¹⁷⁷, который, однако, не приводит никаких доказательств, подтверждающих происхождение указанного значения у существительного в русском языке, поэтому его утверждение нуждается в обосновании.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *nakładać* ‘wydawać pieniądze, wydankować, płacić’ отмечается со второй половины XIV в., а *nakład* ‘wydatki, koszty, zapłata za coś, środki potrzebny do wykonania czegoś’ – с начала XV в. (SłStp V(1), 53). В этом значении существительное употребляется на протяжении шести веков, вплоть до настоящего времени, и только оттенок значения ‘wynagrodzenie’ уже в словаре, фиксирующем польский язык XIX в., трактуется как устаревший (SłP XVI, XV, 582; Linde III, 221; Karłowicz III, 83-84; SłJP IV, 1079).

С середины 30-х гг. XV в. *накладъ* ‘витрати’ и ‘выдатак, расход’ встречается в письменности ВКЛ, причем первоначально в документах по сношениям с Польшей или в переводных с польского текстах (ССМ XIV-XVст. 2, 18; ГСБМ 19, 96). И в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. это существительное в упомянутом значении наблюдалось в сильно полонизированных текстах (Тимченко 1, 459). Для белорусского языка история этого слова далее XVII в. не прослеживается. В словаре, отражающем украинский язык XIX в., находим *на́клад* ‘издержки, расходъ’ (Грінченко I, 1030). А в словаре современного украинского языка представлены *на́клад*¹⁷⁸ ‘матеріальні втрати’ с пометой «розм.» и *на́клад* ‘утримання, кошти’ с пометой «діал.» (СУМ V, 103). Данные словарей украинского языка примечательны тем, что акцентуация в них существительного *наклад* наводит на мысль о возможном заимствовании в «простую мову» из польского самой лексемы. Тогда как в русском языке, судя по приведенной выше информации, мы имеем дело с несомненным семантическим полонизмом, заимствованию которого могла способствовать «простая мова».

¹⁷⁷ Наша информация позволяет более чем на шесть с половиной десятилетий уточнить нижнюю хронологическую границу именно такого употребления *накладъ* в русском письменном языке по сравнению с данными этого автора.

¹⁷⁸ Это значение в русском языке с 20-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв.10, 116).

ПОЛОЖЕНИЕ (1) с. Расположение чего-л. в пространстве, местоположение (о географических и топографических объектах): *Обретают же ся аще повести на всякую вещь философов, царей, врачевания на многовидныя болезни, обычаи различных языков, положения стран, выспрь гор, различная семена, злаки травныя, притчи и иная многая собранная и во едином месте совокупленная* (ВУР 3, 217(111), 1652 г.).

Это существительное представляет собой суффиксальное производное от префиксального глагола, имеющего общеславянское распространение и восходящего к праслав. **ložiti* (< **logiti*), 1 л. ед.ч. **ložo* (< **logjo*) ‘класть; накладывать, складывать’ (о его происхождении см. выше, с. 109-110 данной работы).

В древнерусских источниках *положение* в значениях ‘помещение чего-л., куда-л. с целью сохранения’, ‘приношение, пожертвование; вклад’, ‘погребение’ встречается уже с XI в., а с XII в. – и в значении ‘расположение, порядок размещения чего-л.’ (Срезневский II, 1131-1132; СлДРЯ VII, 78; СлРЯ XI-XVII вв.16, 235-236).

В интересующем нас значении эта лексема, по данным исторического словаря, впервые отмечается в *Козмографии* 1670 г. (СлРЯ XI-XVII вв.16, 236). Нами она в этом употреблении выявлена в дипломатическом документе, фиксирующем контакты МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в., что позволяет почти на два десятилетия удревнить время появления значения в русском письменном языке. С середины XVII столетия *положение* в исследуемом значении прочно входит в лексический состав русского языка и продолжает активно бытовать в нем до настоящего времени (САР IV, 1440; Даль III, 256; ССРЛЯ 10, 1040).

Нас существительное *положение* ‘расположение чего-л. в пространстве, местоположение (о географических и топографических объектах)’ заинтересовало не только в связи с характером памятников, в которых оно наблюдалось впервые, но и потому, что польские исследователи А.Баньковский (2,690) и В.Витковский (1999, 139; 2006, 157), квалифицируют его как семантический полонизм, однако ничем не аргументируют свое мнение, опираясь лишь на наличие этого слова в указанном значении в памятниках

русской письменности и лексикографии второй половины XVII - начала XVIII в.

С целью обосновать свое предположение и верифицировать утверждение упомянутых авторов, проследим историю существительного в польском языке. Так, уже в старопольских текстах с середины XV в. *położenie* известно в значении ‘miejsce, umieszczenie, locus, sītūs’, в том числе и в сочетании со словом *terra* (SłStp VI(5), 355), и, по мнению А.Баньковского (там же), передает немецкое *Lage* ‘расположение, местоположение’, то есть является семантической калькой. С 60-х гг. XVI в. это существительное в приведенном выше значении устойчиво закрепилось в использовании по отношению к географическим объектам и с тех пор в продолжение вот уже почти шести столетий продолжает активно употребляться в польском языке в значении ‘umiejscowienie, usytuowanie czegoś, bycie, znajdowanie się gdzieś (o obiektach geograficznych i topograficznych)’ (SłP XVI, XXVII, 42; Linde IV, 884; Karłowicz IV, 549; SłJP IV, 913).

В староукраинском языке *положеніє* регистрируется с начала XV в. в значении ‘постанова, рішення’, в старобелорусском *положение, положенье* представлено с конца XV – первой четверти XVI в. для обозначения действия по глаголу *положити* в значениях ‘кладучы, размясціць зверху чаго-н.’ и ‘пакласці ў гарвезантальным становішчы перад чым-н. або ў чым-н.’, а также в значениях ‘пахаванне’, ‘выказванне, расказванне’ (ССМ XIV-XV ст.2, 183; СМС 2, 60; ГСБМ 26, 178, 180-181). А со второй четверти XVI в. и в течение всего XVII столетия это существительное наблюдается в «простой мове» уже и в анализируемом значении, причем первоначально – в источниках, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами (ГСБМ 26, 179, 181; Тимченко 2, 160). Что касается белорусского языка, то в нем на протяжении XVIII-XX вв. *палажэнне* в интересующем нас значении не обнаруживается. Тогда как в словаре современного украинского языка *полб́ження* фигурирует в значении ‘місце знаходження кого-, чого-н. у просторі; місце розташування якого-н. пункту чи ділянки земної поверхні’ (СУМ VII, 90).

Итак, исторические данные однозначно свидетельствуют в пользу того, что в русском письменном языке XVII в. *положение* ‘расположение чего-л. в пространстве, местоположение (о географических и топографических

объектах) – очевидный семантический полонизм. Таково же, по-видимому, происхождение этого значения и в «простой мове» и в украинском языке. В этом случае «простая мова» могла выступать в роли посредника при заимствовании исследуемого значения русским письменным языком XVII в.

ТАЛАНТЬ (1) *м.* Природный дар, дарование, одаренность; способность к чему-л.: *Мирно отпустити сподоби ... в святую Афонскую гору отиеш ради исправлений книг наших от тамо сущих зводов ... пользу всеа церкви росския принесет и еще достодолжный талант, возмагаем державы светлости вашея благословением и пожалованием господу богу усугубит* (ВУР 1, 49(23), 1624 г.).

Рассматриваемое существительное, имеющее общеславянское распространение, является заимствованием из греческого *talanton* ‘весы’, ‘денежно-расчетная единица (серебряная монета)’, восходящего к и.-е. корню **tel-* ‘поднимать (на весы)’, ‘взвешивать’; интересующее же нас значение оно, по мнению большинства исследователей, получило в Западной Европе: ср. франц. *talent*, нем. *Talént*, ит. *talento*, исп. *talento*, англ. *talent* ‘талант, одаренность’ от лат. *tālentum* ‘мера веса и денежная единица у греков’, которое также из греческого, при этом М.Фасмер считал, что в русский язык анализируемое нами значение проникло, вероятно, через французское посредничество (Brückner 1974, 564; ЕСУМ 5, 205; ИЭССРЯ II, 226; Фасмер IV, 14-15). Однако польский славист В.Витковский (1999, 183; 2006, 207), обнаруживший эту лексему в немецко-русском словаре конца XVII в. (*Talent - талант*), утверждает, что она в значении ‘способность, дарование’ была заимствована из польского, но не приводит никаких доказательств.

Поскольку нам *таланть* в исследуемом значении встретилось в дипломатическом акте, отражающем межгосударственные контакты между МГ и Польшей, а также ВКЛ в первой четверти XVII в., мы также склонны видеть польское посредничество в процессе заимствования, что и попытаемся обосновать ниже.

В древнерусском языке *таланть* в значениях ‘вѣсь и монета у древних грековъ и римлянъ’ и ‘кусочъ металла’ было известно с XI-XII вв. (Срезневский III, 921). В анализируемом же значении наиболее ранней фиксацией этого существительного в русском языке следует считать выявленный нами случай. В

русской лексикографии *талáнт* в изучаемом значении регистрируется со второй половины XVIII в. и активно употребляется до сих пор (САР VI, 667; Даль IV, 388; ССРЛЯ 15, 74-76).

В польской письменности *talent* (*talint*, *talant*) в значении ‘*zdolność niezwykła, udatność, dar, spryt, uzdolnienie*’ засвидетельствовано со второй половины XVI в. и продолжает активно бытовать до настоящего времени (Linde V, 596; Karłowicz VII, 13; SJP IX, 26).

В памятниках ВКЛ существительное *талантъ* в XVI-XVII вв., по имеющимся у нас на данный момент сведениям, наблюдалось в тех же значениях, что и в древнерусском языке (СМС 2, 275; Горбачевский 1874, 357). Однако, судя по характеру документа, где *талантъ* встретилось нам, вполне возможно, что оно в интересующем нас значении могло быть и в «простой мове» XVII в. В этом значении *талáнт* фигурирует в словарях, отражающих украинский язык XIX-XX вв. (Грінченко II, 754; СУМ X, 26). В словаре, включающем лексический состав белорусского языка XVIII-XIX вв., находим *талáнь м.* ‘дарованіе’ (Носовичъ 1870, 632), а в словаре современного белорусского языка в значении ‘надзвычайныя прыродныя здольнасці’ выступает лексема *тáлент*, а *талáнт* подается как самостоятельная лексическая единица в значении ‘самая вялікая адзінка вагі і грашовая адзінка ў Старажытнай Грэцыі, Егіпце, Вавілоне, Персіі і іншых абласцях Малой Азіі’¹⁷⁹ (ТСБМ 5(1), 465).

Подведем итог обзору истории существительного *талантъ* ‘природный дар, дарование, одаренность; способность к чему-л.’ в восточнославянских и польском языках: в русский письменный язык XVII в., по нашему мнению, анализируемое значение попало через польское посредничество, в пользу чего свидетельствует прежде всего характер памятника, а также хронологические данные. При этом наши материалы, в особенности фонетический облик слова, говорят в пользу именно семантического заимствования, тогда как для белорусского языка в связи с *тáлент* следует говорить о лексическом заимствовании через польское посредничество. Вопрос же о появлении *талáнь* в белорусском и *талáнт* в украинском языках в интересующем нас значении остается пока открытым из-за недостатка информации.

¹⁷⁹ В русской и украинской лексикографии XIX-XX вв. *талант* представлено как многозначное слово, включающее и это значение.

III.1.2. Имя прилагательное

ГОЛОВНОЙ (1) Наиболее существенный, важный по своей роли, значению; основной, главный; центральный: *На всѣ тѣ статьи не умѣть отвѣту дать, потому что начальная и головная статья, о перебѣщикахъ не совершена ...* (Якубов 1897, 230, 1649 г.).

Это прилагательное представляет собой суффиксальное производное (суф. *-ьнь*) от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в балтийских языках существительного, восходящего к праслав. **golva* ‘голова’, на происхождение которого существуют две точки зрения. Нам более убедительным представляется возведение **golva* к и.-е. базе **ghōlu-* ‘голова’, связанному с **ghelu-* ‘черепаша’ (Преображенский I, 140; Sławski I(3), 293; Фасмер I, 429; Fraenkel I, 132; ЭССЯ 6, 221-222)¹⁸⁰.

В древнерусских письменных источниках *головьный* засвидетельствовано с середины XIV в. в значении ‘главный, старший по положению’ (СлДРЯ II, 349; Срезневский I, 544). В интересующем нас значении *головной*, как считалось до сих пор, впервые появляется в *Козмографии*, известной в списке 1670 г. (СлРЯ XI-XVII вв.4, 66). Однако наши данные позволяют более чем на два десятилетия передвинуть нижнюю хронологическую границу значения. Что касается дальнейшей судьбы этого прилагательного в исследуемом значении в русском языке, то в словарях, регистрирующих язык XVIII в., это значение не приводится¹⁸¹. У Вл.Даля находим следующую информацию без каких-либо иллюстраций: *головной* «иногда въ знач. ‘главный, первый, лучший, отборный’» (Даль I, 368). Такая подача значения свидетельствует о том, что, вероятнее всего, имеются в виду значения ‘главный, старший по положению’ и ‘отборный, лучший’. Таким

¹⁸⁰ Изложение другой версии, связывающей **golva* с и.-е. корнем **gal-* ‘голый, лысый’, см.: Berneker I, 324; Brückner 1974, 144; ИЭССРЯ I, 200; Sławski I(3), 292-293; Шанский I(4), 118.

¹⁸¹ В значении ‘наиболее существенный, важный по своей роли, значению; основной’ в это время выступает лексема *главный*, заимствованная из старославянского языка, которая в указанном значении была известна в русской письменности, по меньшей мере, с XVI в. (Срезневский I, 515; СлРЯ XI-XVII вв.4, 24; СлРЯ XVIII в.5, 119).

образом, для русского языка история *головной* ‘наиболее существенный, важный по своей роли, значению; основной, главный; центральный’ пока ограничивается XVII столетием, а поскольку к тому же мы обнаружили это прилагательное в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ со Швецией, где много места отводится также и контактам первого субъекта с Польшей и ВКЛ, то напрашивается мысль, что упомянутое значение может быть неисконным для русского языка. Так, польский славист В.Витковский (1999, 33; 2006, 36), ссылаясь лишь на материалы А.И.Соболевского (1903, 145), выявившего *головной* в анализируемом значении в переводном тексте начала 80-х гг. XVII в., содержащем полонизмы, заключает, что это заимствование из польского. Однако и наше предположение, и утверждение В.Витковского нуждаются в аргументации.

В исследованиях по этимологии и истории польского языка отмечается, что *główny*, наблюдающееся в старопольских текстах в значении ‘najważniejszy, podstawowy, istotny, naczelny’ с конца XIV - начала XV в., является семантической калькой латинского *capitālis* (Bańkowski 1, 438; Sławski I(3), 295; SłStp II(6), 432). В этом значении прилагательное употреблялось и в XVI-XIX вв., входит оно и в активный запас современного польского языка (SłP XVI, VII, 427-428; Reczek 1968, 111; SłPaska I, 222; Linde II, 65; Karłowicz I, 850; SłJP II, 1180).

С первой четверти XV в. *головный* фиксируется в староукраинских памятниках в значении ‘(центральный) головний’, а со второй четверти XVI в. *головный* встречается в «простой мове» и в значении ‘головний, основний, суттєвий’, в котором эта лексема бытовала и в XVII в., причем в XV-XVII вв. очень часто – в полонизированных документах либо переводных текстах (ССМ XIV-XV ст.1, 249; ГСБМ 7, 39; СУМ XVI – I пол. XVII ст.6, 254; Тимченко 1, 179)¹⁸². Далее *голівный* ‘важный’ представлено в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., и в словаре современного белорусского языка *галюўны* фигурирует в значении ‘самы важны, асноўны, найбольш істотны’ (Носовичь 1870, 117; ТСБМ 2, 21). И в лексикографические источники, включающие словарный состав украинского языка XIX-XX вв., *головний* также

¹⁸² Вообще эта лексема в значении ‘(старший за становищем) головний’ в письменности ВКЛ – с конца XIV в.

входит в значениях 'найважливіший, основний, суттєвий' (Грінченко I, 345; СУМ II, 112).

Сопоставление приведенных выше фактов позволяет с достаточной степенью уверенности квалифицировать *головной* 'наиболее существенный, важный по своей роли, значению; основной, главный; центральный' как семантический полонизм в русском письменном языке XVII в. Таково же, очевидно, происхождение этого значения и в «простой мове», которая, по всей видимости, выступала в роли посредника при заимствовании его русским языком.

ОТМЪННЫЙ (1) Имеющий отличие, отличающийся от других, не такой, как другие: *И в сыску про тѣхъ воровъ и мятежниковъ сказывали правду, ни по комъ не покрывая ... и чтобъ правыя по всей правдѣ отъ виноватыхъ были отмънны ...* (Якубов 1897, 313, 1650 г.).

В данном значении это прилагательное, вероятнее всего, является отыменным образованием от префиксального существительного, восходящего к имеющему общеславянское распространение индоевропейского характера **тѣна* 'изменение, перемена', 'мена, обмен' (о его происхождении см. выше, с. [263](#) данной работы).

В древнерусском языке *отмънньныи* в значении 'полученный или данный как возмещение чего-л., взамен чего-л.' встречается со второй половины XIV в. (Срезневский II, 801; СлДРЯ VI, 258). В интересующем же нас значении это прилагательное, по данным исторического словаря, появляется в русском письменном языке в последней четверти XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 13, 270). Наши материалы, извлеченные из дипломатического документа, отражающего контакты МГ со Швецией в середине XVII в., а также затрагивающего и отношения первого субъекта с Польшей, позволяют на четверть века удревнить хронологию исследуемого значения. В этом значении лексема бытовала и в русском языке XVIII-XIX вв., в словаре же современного русского языка оно уже снабжено пометой «устар.» (САР IV, 596; Даль II, 739; ССРЛЯ 8, 1470).

Учитывая характер памятника, на который приходится наиболее ранняя на данный момент фиксация *отмънньный* 'имеющий отличие, отличающийся от

других, не такой, как другие’, а также то, что в русской письменности XVI-XVII вв. до сих пор не было отмечено существительное *отмѣна* в значении ‘различие, отличие’, мотивирующее прилагательное, тогда как в польском языке *odmiana* ‘różnica, różność’ засвидетельствовано с конца 50-х гг. XVI в. (SfP XVI, XX, 287-288), можно предположить, что мы имеем дело с семантическим полонизмом. Как полонизм (без указания на характер заимствования) *отменный* ‘odmienny, inny’ лишь упоминает В.Витковский (1999, 121; 2006, 136), ссылаясь только на наличие этого слова в указанном значении в *Словаре современного русского литературного языка* (8, 1470) и не приводя никаких аргументов.

Обратимся к польскому языку. Здесь прилагательное *odmienny* ‘nie taki sam; inny, odrębny, różny’ известно со второй половины 60-х гг. XVI в., и в этом значении оно до сих пор входит в активный лексический запас (SfP XVI, XX, 309; SfPaska II, 35; Linde III, 444; Karłowicz III, 624; SfJP V, 733).

С начала XVII в. *отменный*, *отмѣнный*, *одменный* ‘адметны, своеасаблівы, характэрны, непаўторны; не падобны на іншых’ зафиксировано в «простой мове»¹⁸³, причем первоначально в текстах, в значительной степени насыщенных полонизмами, а существительное *одмена* здесь, как и в русской письменности XVI-XVII вв., в мотивирующем значении пока не регистрировалось (ГСБМ 22, 35, 37; там же 23, 143-145, 149-150; Тимченко 2, 66). И в украинском языке XIX в. *відмінний* продолжало употребляться в значении ‘отличный, отличающийся отъ’ (Грінченко I, 261). В словаре современного украинского языка также находим это прилагательное в указанном значении (СУМ I, 606). И в современной белорусской лексикографии представлено *адмѣнны* ‘не такі, як усе; не падобны да іншых’ (ГСБМ 1, 153).

Приведенные выше факты из истории анализируемого прилагательного в интересующем нас значении в польском и восточнославянских языках, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в последних это значение является семантическим заимствованием из польского. При этом в русский письменный язык XVII в. оно попало, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы».

¹⁸³ Сама лексема в форме *одменный* ‘призначаны на абмен’, и в форме *отмѣнный* ‘зменлівы, часовы, недаўгавечны’ в старобелорусской письменности известна с первой четверти XVI в. (ГСБМ 22, 37; СМС 1, 464).

III.1.3. Глагол

ЗАБАВЛИВАТИСЯ (1) *несов.* Развлекаться, веселиться: *И гетман де их к себе на двор не пустил, а велел им ... сказать, чтоб они не имели за зле: таперва гетману вас к себе не время, забав[ли]ваетца¹⁸⁴ з гостьми ...* (ВУР 3, 361(181), 1653 г.).

Рассматриваемая лексема является постфиксальным производным от *забавливати*, которое, в свою очередь, образовано путем суффиксации от имеющего общеславянское распространение префиксального глагола, восходящего к праслав. **zabaviti* с первоначальным значением ‘замедлить, задержать’, ‘препятствовать, затруднить’ (о его происхождении см. выше, с. [150](#) данной работы).

В русской письменности нам пока удалось обнаружить единичное употребление и только лексемы *забавливати* в значении ‘препятствовать осуществлению чего-л.; задерживать’, датированное 1471 г. и извлеченное из *Псковской летописи* из фрагмента, где описываются отношения с Польшей и ВКЛ (Срезневский I, 894-895; СлРЯ XI-XVII вв.5, 131). В старобелорусских источниках начала XVI в. также выявлен единственный пример с *забавливати* в том же значении (ГСБМ 10, 73). Постфиксальный же глагол до сих пор не был отмечен ни в одном из восточнославянских языков.

Поскольку нам *забавливатися* ‘развлекаться, веселиться’ встретилось в дипломатическом акте, отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ, а польский славист В.Витковский (1999, 49; 2006, 53) считает, что однокоренные глаголы *забавитися* и *забавлятися* в указанном значении были заимствованы из польского, мы склоняемся к мысли, что и анализируемый нами случай следует связывать с польским влиянием. Кстати, упомянутый автор не приводит никаких доказательств своей версии и опирается лишь на наличие этих глаголов в русской лексикографии. Так, *забавитися* ‘развлекаться (развлечься)’, по данным исторического словаря, известно с 1696 г., а *забавлятися* ‘развлекаться, доставлять себе удовольствие’ – с XVII в. по

¹⁸⁴ В квадратных скобках приводится часть слова, реконструированная составителями цитируемого сборника документов.

Повести о Фроле Скобееве в списке XVIII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Наши же материалы дают наиболее раннюю хронологию имперфекта *забавливаться* в приведенном выше значении. Далее мы сосредоточимся на форме имперфекта *забавляться*, которая в интересующем нас значении бытует в русском языке с XVII в. вплоть до настоящего времени (СлРЯ XVIII в.7, 156; САР II, 478; Даль I, 549; ССРЛЯ (2)V-VI, 181).

Если обратиться к польскому языку, то здесь *zabawiać się* ‘ubawiać się, przepędzać czas przyjemnie, spędzać czas na rozrywkach, zabawie’ засвидетельствовано, по меньшей мере, с первой половины XVII в. и в этом значении продолжает активно употребляться до сего времени (Linde VI, 593; SłPaska II, 688; Karłowicz VIII, 17; SłJP X, 404).

Со второй четверти - середины XVII в., *забавляться* ‘весьляцца, пацяшацца’ наблюдается в текстах на «простой мове», в той или иной мере испытавших польское влияние (ГСБМ 10, 74)¹⁸⁵. И в белорусском (*забавляцца* (XVIII-XIX вв.), *забаўляцца*) и украинском (*забавлятися*) языках XVIII-XX вв. находим этот глагол в том же значении (Носовичь 1870, 158; ТСБМ 2, 276; Грінченко I, 538; СУМ III, 14).

Таким образом, *забавляться* ‘развлекаться, веселиться’, судя по представленной выше информации, в восточнославянских языках действительно является полонизмом, причем семантическим, так как сама лексема в русской письменности регистрируется с конца XV в. (СлРЯ XI-XVII, там же), а в «простой мове» - с 40-50-х гг. XVI в. (ГСБМ, там же; СУМ XVI - I пол. XVII ст.9, 194). При этом в русский язык исследуемое значение было заимствовано, по всей вероятности, благодаря посредничеству «простой мовы». Что касается *забавливаться*, то прямое (лексическое) заимствование из польского маловероятно в виду отсутствия в нем соответствующей лексемы, поэтому остается предположить либо влияние польского *zabawiać się* ‘ubawiać się, przepędzać czas przyjemnie, spędzać czas na rozrywkach, zabawie’ на семантику *забавливаться*, либо неудачную реконструкцию слова, так как не исключено, что это могло быть и *забавляться*.

¹⁸⁵ В других значениях *забавляться* здесь со второй половины XVI в. (там же, 73; СУМ XVI - I пол. XVII ст.9, 194).

ЗАБАВЛЯТИ (1) *несов.* Занимать кого-л. чем-л.; доставлять удовольствие кому-л., развлекать, потешать кого-л.: *И король де хотѣлъ ... и сойму не свершиа, пѣхати въ Варшаву, да одва его удержали пань-рада ..., звали его къ себѣ на банкеты по всея дни, тѣмъ его забавляли, что паньи ихъ съ королемъ танцовали* (АЮЗР 3, 266, 1649 г.).

Этот глагол образован путем имперфективации префиксально-суффиксального **zabaviti* ‘замедлить, задержать’, ‘препятствовать, затруднить’ (о его происхождении см. выше, с. 150 данной работы).

В первой половине XVI в. *забавляти* ‘беспокоить, мешать, затруднять, препятствовать; задерживать’ впервые появляется в русской письменности, а в памятнике XVII в., известном по списку XVIII в., этот глагол отмечается и в значении ‘проводить время в каком-л. занятии, занимать чем-л. свое время’ (Срезневский I, 895; СлРЯ XI-XVII вв.5, 131). Мотивирующий же его глагол *забавити* ‘задержать’ встречается в русском языке с конца XV в., а в значении ‘занять чем-л, каким-л. делом’ – с конца 80-х гг. XVII в., но уже в словаре, отражающем язык XVIII в., *забавить* в обоих значениях сопровождается пометой «слово, выпавшее из употребления», а также указанием на наличие его в польском (*zabawić*) и украинском (*забавити*) языках (СлРЯ XI-XVII вв.5, 130; СлРЯ XVIII в.7, 156). И в том же источнике как самостоятельное слово представлено *забавлять*, *забавить* ‘развлекать, потешать кого-л.; доставлять удовольствие кому-л.’, зафиксированное в первой трети XVIII в.¹⁸⁶ (СлРЯ XVIII в., там же). С этого времени глагол регистрируется и в русской лексикографии, где он с 30-х гг. XVIII в. и до сих пор фигурирует лишь в интересующем нас значении ‘развлекать, занимать чем-л. веселым, приятным’ (САР II, 478; Даль I, 549; ССРЛЯ (2)V-VI, 181).

Наши данные позволяют уточнить время появления *забавляти* в исследуемом значении в русском языке. Мы обнаружили это слово в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середины XVII в. И именно характер памятника, на который приходится наиболее ранняя фиксация глагола в анализируемом значении, побудил нас обратиться к его истории в польском языке и «простой мове».

¹⁸⁶ Это же время указывает и В.Витковский (1999, 49; 2006, 53), считающий его полонизмом, однако не приводящий никаких доказательств.

Во всех лексикографических источниках польского языка *zabawić*, *zabawiać* подается как многозначное слово, которое в значении ‘zajmować kogo jakąś rozrywką, czymś zabawnym, miłym; uprzyjemniać czas, bawić’ было известно в памятниках письменности, по меньшей мере, с середины – второй половины XVI в. и которое в этом значении продолжает употребляться до настоящего времени (Linde VI, 593; Karłowicz VIII, 16-17; SłJP X, 403).

С первой половины XVII в. *забавляти* ‘весьляць; пацяшацца’ появляется и в памятниках на «простой мове»¹⁸⁷, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами (ГСБМ 10, 73; СУМ XVI - I пол. XVII ст.9, 193). Далее мы находим его в словарях, отражающих белорусский (*забавляць* ‘развлекать, тѣшить’) и украинский (*забавляти* ‘забавлять, развлекать’) языки XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 158; Грінченко I, 538). В этом же значении глагол употребляется и в современном белорусском и украинском языках (ГСБМ 2, 276; СУМ III, 13). При этом в белорусской лексикографии XIX в. и украинской XIX-XX вв. он подается как многозначное слово.

Сопоставление приведенной выше информации дает, на наш взгляд, основание, опираясь на хронологические данные и учитывая характер памятников, в которых *забавляти* в интересующем нас значении впервые фиксировалось в восточнославянских языках, считать его полонизмом в этих языках. Причем полонизмом семантическим, поэтому, по нашему мнению, нет достаточных оснований в *Словаре русского языка XVIII в.* выделять *забавлять* ‘развлекать, потешать кого-л.; доставлять удовольствие кому-л.’ в отдельную словарную статью (СлРЯ XVIII в., там же).

Итак, наши материалы подтверждают мнение В.Витковского о происхождении *забавляти* в исследуемом значении в русском языке. Следует лишь уточнить, что в русский письменный язык XVII в. этот полонизм проник, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

ЗАКАЗАТИ (5) *сов.* Запретить: *Чтоб государь вашъ король и вы, паны-рада, ... людем короны Польские и великого княжества Литовского заказали, къ нимъ приставать ...* (Сб.РИО 137, 352, 1606-1607 гг.). *А заказаль Сендомирскому Король, подъ гарломъ, что ему никоторыми дѣлы въ*

¹⁸⁷ В других значениях этот глагол здесь – с первой половины XVI в.

Московское Государство не йти ... (АИ 2, 259(220), 1609 г.). *А на Крым им ходить не заказано* (ВУР 1, 5(1), 1620 г.). *И тѣмъ купцомъ ходить к нимъ заказали ...* (Якубов 1897, 403, 1649 г.). *А припоминали то, что у нихъ на Москвѣ табаку покупать было заказано* (АЮЗР 3, 389, 1649 г.).

Данная лексема, имеющая общеславянское распространение и восходящая к праслав. *zakazati, 1 л. ед.ч. *zakazjŕ (> *zakažŕ) ‘дать совет, указать’ > ‘поручить; приказать’ > ‘запретить’, образована префиксальным способом от праслав. *kazati, 1 л. ед.ч. *kazjŕ (> *kažŕ) с исходным значением ‘показывать, делать знак; метить’ (славянское же значение ‘говорить’ – вторично), и.-е. базой которго, очевидно, является *keg’-: *kek’- ‘(по)являться’, ‘казаться’, ‘видеть’, ‘указывать’, ‘блестеть; сиять’ (Berneker I, 497-498; Brückner 1974, 223; ИЭССРЯ I, 368; Rokorny I, 683-639; Преображенский I, 282; Фасмер II, 159; ЭССЯ 9, 168-170).

В историческом словаре русского языка этот глагол в значении ‘наказать, приказать’ цитируется по памятнику XII-XIII вв., который представлен в списке XV в. (СлРЯ XI-XVII вв.5, 207). Его появление в исследуемом нами значении этот источник датирует 1683 г. (там же), ту же хронологию указывает и В.Витковский (1999, 51; 2006, 55), квалифицирующий *казати* в анализируемом значении как полонизм, однако ничем не обосновывающий это. Наши данные позволяют существенно (почти на восемь десятилетий) уточнить время появления этой лексемы в значении ‘запретить’ в русском письменном языке. При этом следует отметить, что три из четырех обнаруженных нами случаев его употребления в первой половине XVII в. приходится на дипломатическую корреспонденцию по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ.

В памятниках старобелорусской письменности *казати* ‘забараніць’ встречается с начала XVI в.¹⁸⁸, причем первоначально очень часто – в сильно полонизированных текстах (ГСБМ 10, 227). В упомянутом значении глагол продолжал бытовать и в «простой мове» в XVII в., где также выявляется в источниках, в значительной степени насыщенных полонизмами (СУМ XVI - I пол. XVII ст.10, 48; Тимченко 1, 270). В этом же значении он употреблялся в белорусском и украинском языках XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 169;

¹⁸⁸ В значении ‘загадаць, аддаць загад’ этот глагол здесь с 80-х гг. XV в.

Грінченко I, 581). В словаре современного белорусского языка *заказіць* ‘забараніць’ уже снабжено пометой «уст.», тогда как в современном украинском языке *заказувати, заказати* ‘не дозволяти робити що-небудь; забороняти’ входит в активный состав лексики (ТСБМ 2, 319; СУМ III, 137).

В русском языке у этого глагола в анализируемом значении та же судьба, что и в белорусском. Хотя в историческом словаре, регистрирующем язык XVIII в., значение ‘запретить’ сопровождается пометами «выходящее из употребления» и «нейтр. → прост.», оно продолжало фиксироваться в словарях, отражающих русский язык второй половины XVIII-XIX вв., без каких-либо помет (СлРЯ XVIII в. 7, 231; САР II, 585; Даль I, 581). В словаре современного русского языка это значение уже снабжено пометами «устар.» и «прост.» (ССРЛЯ (2)V-VI, 357).

Учитывая историю глагола *заказати* в значении ‘запретить’ в восточнославянских языках, а также характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации, нам представляется не очень убедительной точка зрения о развитии этого значения у глагола в самом русском языке (Шанский II(6), 35). Вероятнее всего, в данном случае нельзя исключать польского влияния, поэтому обратимся к польскому языку. В памятниках старопольской письменности *zakazać* ‘nie pozwolić, zabronić’ отмечается с середины XV в. и на протяжении уже более пяти столетий входит в активный запас польской лексики (SłStp XI(2), 95; Reczek 1968, 610; Linde VI, 662; SłPaska II, 698; Karłowicz VIII, 119; SłJP X, 547). Сопоставление этой информации с тем, что известно об истории глагола *заказати* в исследуемом значении в восточнославянских языках, по нашему мнению, дает достаточные основания считать его в последних семантическим полонизмом, проникновению которого в русский письменный язык XVII в., очевидно, способствовала «простая мова».

ЗАПОМНИТИ (1) *сов.* Забыть, запямятовать: *И держаль меня онъ ... въ Смоленску 4 дни и къ королевскому величеству отпустить не хотмль, приказываль ко мнѣ о томъ съ приставомъ съ Петромъ Свяцким имянно, запомнивь о томъ посольской съ паны рады договоръ* (АЮЗР 3, 389, 1649 г.).

Это слово представляет собой префиксальное образование от имеющего общеславянское распространение приставочного глагола, восходящего к праслав. **po-тъniti*, производному, в свою очередь, от **тъnĕti*: **тъniti* (здесь **-i-* из презентной основы), 1 л. ед.ч. **тъnĭjŭ* ‘думать; полагать, считать’, ‘воображать’, ‘помнить’ < и.-е. корень **men-* ‘думать; полагать’, ‘помнить’, ‘вспоминать’, ‘упоминать’ (Berneker II, 49, 75; Brückner 1974, 341-342; ИЭССРЯ I, 536; Pokorný I, 726-727; Преображенский I, 541-542; Фасмер II, 633; Fraenkel I, 453, 454-455; ЭССЯ 21, 113, 115).

В значении ‘запомнить, припомнить’ этот глагол отмечается в памятниках письменности с первой половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв.5, 274). До сих пор считалось, что в интересующем нас значении он выявляется в русском письменном языке с конца 80-х гг. XVII в. (там же), однако наши материалы позволяют передвинуть нижнюю хронологическую границу его появления почти на четыре десятилетия, опираясь на дипломатический акт, фиксирующий контакты МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Уже в историческом словаре, отражающем язык XVIII в., значение ‘забыть, запомнить’ снабжено пометой «выходящее из употребления» и иллюстрируется примерами из текстов, насыщенных заимствованиями из западноевропейских языков (СлРЯ XVIII в.8, 62). Тем не менее еще и в лексикографии XIX в. находим *запóмнити* в анализируемом значении (Даль I, 619), но далее этого времени судьба его для русского языка уже не прослеживается.

Заметим, что в целом ряде исследований по польско-русским языковым контактам упоминается, что *запомнить* ‘забыть, запомнить’ является полонизмом (Смирнов 1910, 116; Милейковская 1984, 136; Witkowski 1992, 265; 1999, 52; 2006, 57), однако в качестве аргументации приводятся лишь фиксация слова в конце XVII-XVIII вв. в словарях или памятниках письменности, что, на наш взгляд, не может служить достаточным основанием для установления неисконности слова или отдельного его значения. Учитывая характер памятника, в котором *запомнити* ‘забыть, запомнить’ встретилось нам, мы также предполагаем заимствование из польского, что ниже и попытаемся доказать.

Так, в старопольской письменности *zarotnieć* в значении 'nie zachować w pamięci, przestać pamiętać' известно уже с конца XIV - начала XV вв. и активно употребляется в польском языке до настоящего времени (SłStr XI(2), 156; Reczek 1968, 619; Linde VI, 773; SłPaska II, 708; Karłowicz VIII, 226; SłJP X, 704).

С конца XV – начала XVI в. *запомнити, запомнети, запомнить, запомняти* 'забыць, запам'ятаваць' наблюдается в письменных источниках ВКЛ, причем первоначально в переводных с польского или сильно полонизированных текстах (ГСБМ 11, 98; СМС 1, 205). В «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. представлен как перфект *запомнити, запомнети, запомнѣти* 'забути', так и имперфект *запоминати* 'забувати', в исторических словарях украинского языка сопровождаемые комментарием «стп. *zarotnieć*» и «пл. *zarotinać*» (СУМ XVI - I пол. XVII ст.10, 157; Тимченко 1, 282). Далее этот глагол в исследуемом значении регистрируется в словарях, включающих лексический запас белорусского (*запóмниць*) и украинского (*запóмнити*) языков XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 180; Грінченко I, 619). В современной белорусской и украинской лексикографии в интересующем нас значении эта лексема уже не фигурирует.

Итак, приведенная выше информация достаточно убедительно свидетельствует о том, что *запомнити* 'забыть, запам'ятовать' в русском письменном языке XVII в. – семантическая калька польского *zarotnieć* в соответствующем значении. В деловом же языке ВКЛ мы, вероятнее всего, имеем дело с лексическим заимствованием, так как впервые глагол засвидетельствован здесь именно в этом значении. При этом в русский письменный язык это значение, несомненно, было заимствовано благодаря посредничеству «простой мовы».

СКЛОНИТИ (2) *сов.* 1. Расположить к кому-, чему-л., привлечь на чью-л. сторону: (1): *Самъ Он царей и царства их десницею Своею Божиею бережет, сохраняет ... і вас всѣх ... ко государю вашему ... Владіславу Жигимонтовичю ... склонил был, что есте единомышленно и единомушно в. г. ц. і. в. к. імѣти похотѣли, і в холопи ему ... во веки подалися* (Сб.РІО 142, 397, 1613 г.). 2. Убедить, уговорить сделать что-л., согласиться на что-л. (1):

*Цъловали есте межъ собя крестъ, что впередъ изъ Московскихъ родовъ на государство не избирати, а выбрати бы изъ иныхъ государствъ от Царьского корени, и **склонили** есте все посполу, и выбрали на Московское государство насъ Великого Государя Королевича Владислава ...* (АИ 3, 67(72), 1616 г.).

В словообразовательном плане эта лексема представляет собой префиксальный дериват, восходящий к имеющему общеславянское распространение праслав. **kloniti*, 1 л. ед.ч. **klon'ǫ* (< **klonjǫ*) 'наклонять, склонять; сгибать, гнуть' (о его происхождении см. выше, с. 169 данной работы).

По данным исторического словаря, *склонити* в значении 'согнуть' впервые появляется в памятниках русской письменности в тексте, созданном в XI в., но цитируемом по списку XV в. (СлРЯ XI-XVII вв.24, 209). В первом же из интересующих нас значений этот глагол, по информации того же лексикографического источника, известен с конца 70-х гг. XVII в., а во втором – с начала XVIII в. (там же). Как видим, представленные нами случаи употребления *склонити*, обнаруженные в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, позволяют существенно уточнить время регистрации этого слова в обоих значениях в русском письменном языке. В этих значениях оно достаточно активно употреблялось в русском языке второй половины XVII – начала XVIII в. и известно до настоящего времени (САР VI, 172; Даль IV, 199; ССРЛЯ 13, 969).

Характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *склонити* в интересующих нас значениях, наводит мысль о возможной их неисконности для русского языка. На это указывает и В.Витковский (1999, 173; 2006, 196), отмечающий, что *skłonić, przekoпаć* является полонизмом. При этом он ссылается лишь на лексикографический источник 1731 г., где лексема не сопровождается какими-либо пометами, свидетельствующими о происхождении ее самой или отдельных ее значений.

Поскольку и наше предположение, и мнение В.Витковского нуждаются в аргументации, обратимся к истории глагола в польском языке. Здесь *skłonić* 'namówić do czegoś, pozyskać' встречается в памятниках письменности со второй половины XV в. и, вероятнее всего, представляет собой кальку со

средневековолатинского *inclīno, -āre, -āvi*¹⁸⁹ ‘*trans. nakłonić, zmusić, przekonać, zachęcić; adducere, impellere, hortari*’, распространенного в старопольском языке конца XIV-XV вв. (SłStp VIII(3), 240; SłŚr V(3), 330; Kochman 1975a, 21, 2005, 63). В этом значении глагол бытовал и в XVI-XIX вв. (Linde V, 256; SłPaska II, 363, 375; Karłowicz VI, 150). И в современном польском языке *skłonić* активно употребляется в значении ‘wpłynąć na czyją decyzję, wybór; nakłonić, namówić; zmusić’ (SłJP VIII, 295).

К сожалению, мы пока не располагаем сведениями о наличии этого слова в анализируемых значениях в «простой мове». Косвенно же на бытование глагола в изучаемых значениях в этом языке может указывать то, что в первой четверти XVII в. здесь выявляется постфиксальная форма *склонитися* ‘склониться, почувствовать расположение’, а с начала XVIII в. в украинском языке – прилагательное *склонний* ‘благоприятный’ в тексте, насыщенном полонизмами (Тимченко 2, 324).

В прямом же значении ‘нагінаць, нахіляць’ *склоняти* и ‘нагнуць, нахіліць’ *склонити* засвидетельствованы в памятниках ВКЛ начала XVI в. (СМС 2, 212). В словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., *склоняць, склониць* представлено следующим образом: «Наклонять, нагибать. Голову склоняць, склониць подь Евангеліе» [Носовичь 1870, 583]. При этом примечательно, что там же находим *склоняцьця, склоницьця* в значении ‘соглашаться на убѣждения’. В современном белорусском языке форма сов. вида анализируемого глагола не употребляется вообще, а у *скланяць* интересующие нас значения отсутствуют. В этих значениях, которые квалифицируются как переносные, выступает глагол *схіліць*¹⁹⁰ (ТСБМ 5(1), 172). Что касается украинского языка, то в XIX в. лексема *склоніти* отмечается только в прямом значении ‘наклонить, нагнуть’ (Грінченко II, 647). А в словарях современного украинского языка она не регистрируется вообще, хотя фиксируется прилагательное *склінний* ‘ласкавий’, сопровождаемое пометой «діал.» (СУМ IX, 283).

¹⁸⁹ Кстати, кальками с латинского в польском языке второй половины XV в. являются также *skłonny* ‘chętny do czegoś, przychylny’ (*part. perf. pass.* от *inclīno – inclīnātus*) и *skłonność* ‘gotowość, zdecydowanie na coś’ (*inlīnātio*), которые оттуда в XVI в. проникают в русский письменный язык (SłStp VIII(3), 240; Kochman 1975a, 125-126; Basaj 1979, 11).

¹⁹⁰ Тогда как еще в белорусском языке XIX в. он в этих значениях не регистрируется (Носовичь 1870, 626).

На наш взгляд, учитывая характер памятников, в которых мы обнаружили *склонити* в исследуемых значениях, а также косвенные данные белорусского и украинского языков, нельзя исключать возможности существования этих значений у глагола и в «простой мове» в XVI-XVII вв. А пока мы располагаем информацией, которая достаточно надежно свидетельствует о том, что, по крайней мере, в русском письменном языке XVII в. *склонити* в изучаемых значениях является семантическим полонизмом.

СКЛОНИТИСЯ (2) сов. Согласиться на что-л.: *А его королевская милость, государь ваш великий крестьянскій милостивый, не спешачи до иных способов склонитись, хотѣль то все успокоить договором посольскимъ* (Сб.РИО 137, 639, 1607-1608 гг.). *И мы ... для брата нашего Якуба короля любви, на доброе дѣло склонились ... быти покою и тишины похотѣли* (Льжин 1857, 241(38), 1614 г.).

В словообразовательно-морфологическом аспекте *склонитися* является постфиксальным производным от *склонити* (о его происхождении см. выше, с. [421](#) данной работы).

В русской письменности *склонитися* в значениях ‘нагнуться, наклониться’ и ‘отклониться, сбиться’ известно с конца XIV в. (Срезневский III, 717; СлРЯ XI-XVII вв.24, 210). В интересующем нас значении этот глагол, по данным исторического словаря, отмечается с середины 70-х гг. XVII в., причем все представленные в этом источнике иллюстрации приходятся на дипломатические документы, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами. Обнаруженные нами случаи употребления *склонитися* ‘согласиться на что-л.’ в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также с Англией позволяют существенно уточнить время его появления в русском письменном языке. Широкое распространение в этом значении глагол получает со второй половины XVII в., и в XVIII-XIX вв. он продолжает активно употребляться в русском языке (САР VI, 172; Даль IV, 199). В словаре, регистрирующем современный русский язык, *склониться* в значении ‘согласиться на что-л., поддавшись уговорам’ снабжено пометой «разг.» (ССРЛЯ 13, 972-973).

Учитывая обстоятельства появления исследуемого значения у *склонитися*: характер памятников, а также более позднее появление исследуемого значения *склонити* в мотивирующем значении ‘убедить, уговорить сделать что-л., согласиться на что-л.’, можно предположить, что оно не исконно для русского языка. Тем более, что так считает и В.Витковский(1999, 172; 2006, 196), относящий его к полонизмам. Однако он не приводит никаких обоснований своей точки зрения, ссылаясь лишь на наличие глагола в интересующем нас значении в *Письмах и бумагах императора Петра Великого* (1709 г.) и лексикографических источниках первой половины XVIII в.

В связи с тем, что и высказанное нами предположение, и утверждение В.Витковского нуждаются в аргументации, обратимся к истории лексемы в анализируемом значении прежде всего в польском языке. Здесь *skłonić się ku czemu, do czego* ‘zgodzić ś., przystać, zdecydować ś., na co’, по имеющейся у нас на данный момент информации, было известно, поменьшей мере, сначала XVII в.¹⁹¹ и активно употреблялось в этом значении на протяжении XVII-XIX вв. (Karłowicz VI, 150). И в словаре современного польского языка регистрируется *skłonić się* ‘zdecydować się, zgodzić się na co, przychylić się do czego, przystać na co’ (SłJP VIII, 296).

С первой четверти XVII в. *склонитися* в изучаемом значении выявляется в «простой мове»¹⁹², причем в тексте, испытавшем польское влияние (Тимченко 2, 324). Далее находим *скляяцьца, склоніцьца* ‘соглашаться на убѣжденія’ в белорусском языке XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 583). В украинском языке XIX в. *склоня́тися, склоні́тися* регистрируется только в значениях ‘склоняться, склониться; наклоняться, наклониться’, ‘кланяться, поклониться’ (Грінченко II, 647). За пределами XIX в. судьба этой лексемы ни для белорусского в форме сов. вида (а форма несов. вида не имеет интересующего нас значения), ни для

¹⁹¹ Хотя мы предполагаем, что, как и в случае со *skłonić*, *skłonić się* может быть калькой средневековолатинского *inclīno, -āre, -āvi* ‘*refl.* skłonić się ku czemuś, przychylić się do czegoś, sprzyjać komuś, czemuś; propensum esse, indulgere, favere, studere’, распространенного в польском языке конца XV - начала XVI в. (SłŁŚg V(3), 330). И это наше мнение можно, видимо, обосновать также тем, что уже в старопольском языке второй половины XV в. встречается *skłaniać się* ‘czynić się gotowym, chętnym do jakiegoś działania’ (SłStp VIII(3), 238), тогда как при развитии значения в самом польском языке следовало бы ожидать появления сначала *skłonić się* в этом значении. Если наша версия происхождения *skłonić się* в указанном значении врена, то оно в этом значении могло регистрироваться в польском языке уже в XVI в.

¹⁹² В прямом значении ‘нагнуцца, нахіліцца’ *склонитися* отмечалось здесь с начала XVI в. (СМС 2, 212).

украинского (в лексикографических источниках она не представлена вообще) языков не прослеживается.

Итак, сопоставление приведенных выше материалов позволяет, по нашему мнению, с достаточной степенью уверенности говорить о том, что в русском письменном языке первой половины XVII в. *склонитися* является семантическим полонизмом, заимствованию которого могла способствовать «простая мова».

III. 1. 4. Обобщение результатов

Из 14 лексем, рассмотренных в данном разделе, 6 являются именами существительными, 2 – именами прилагательными и 6 – глаголами. Во всех 14 случаях удалось подтвердить выдвинутую ранее гипотезу и наше предположение о том, что мы имеем дело с полонизмами, при заимствовании 12 из которых в русский письменный язык XVII в. роль посредника, вероятнее всего, играла «простая мова». Кроме того, для всех заимствований была уточнена нижняя хронологическая граница анализируемого значения. В заключение подчеркнем, что речь идет именно о семантических полонизмах, так как в работах, где они упоминались, за редким исключением (*веселье*, *воевода*, *накладъ*, *заказати*, *запомнити*), не говорилось о характере заимствования.

III.2. Гипотетические семантические полонизмы, требующие верификации самого факта заимствования или уточнения его характера.

III.2.1. Имя существительное

ВОЕВОДСТВО (1) с. Округ, управляемый воеводой: *Король послалъ къ Адаму Киселю привиле на воеводство Кіевское ...* (АЮЗР 3, 296, 1649 г.).

Рассматриваемая лексема является суффиксальным (суф. *-bstvo*) дериватом от существительного, восходящего к праслав. **vojevoda* ‘вождь, предводитель’, ‘военачальник, полководец’ (о его происхождении см. выше, с. [399-400](#) данной работы).

В древнерусских памятниках *воеводство* в значениях ‘сан, должность воеводы’ и ‘командование войском’ засвидетельствовано с XI в. (Срезневский I, 281; СлДРЯ I, 459; СлРЯ XI-XVII вв.2, 262). В интересующем же нас значении это существительное, по данным В.Витковского (1999, 24; 2006, 25), впервые выявляется в *Вестях – Курантах* 1644 г. Примечательно, что в исторических словарях, отражающих русский язык XVII-XVIII вв., оно выявляется в основном в примерах с наименованиями административных единиц в ВКЛ и Польше, западноевропейских странах и редко (с XVIII в.) – в западных землях МГ (СлРЯ XI-XVII вв., там же; СлРЯ XVIII в.3, 264). В русской лексикографии *воевóдство* ‘*praefectūra*’ регистрируется с начала XVIII в. и употреблялось в этом значении в XVIII-XIX вв. (Поликарпов 1704, 52; САР I, 579-580; Даль I, 231). В словаре современного русского языка эта лексема представлена следующим образом: ‘город или округ, который управляется воеводой’ как историзм и ‘административно-территориальная единица Польши’ (ССРЛЯ (2)II, 361).

Мы обнаружили *воеводство* ‘округ, управляемый воеводой’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Учитывая это, а также характер подачи упомянутого значения в исторических словарях, мы склоняемся к мнению о семантическом

заимствовании из польского. Заметим, что полонизмом считает *воеводство* в таком значении и В.Витковский (там же), который, однако, не аргументирует свою точку зрения.

В связи с этим попытаемся проследить историю анализируемой лексемы в польском языке. Здесь уже в старопольских текстах середины XV в. *województwo*, *województwo*, *województwo* (две последние формы только до XVII в.) наблюдается в значении ‘okręg podległy władzy wojewody’ (SłStp X(4), 282). В значении ‘jednostka terytorialna obejmująca pewną ilość ziem lub powiatów, rozostająca pod władzą wojewody’ оно бытовало и на протяжении XVI-XIX вв. (Linde VI, 281; SłPaska II, 612; Karłowicz VII, 681). И хотя в словаре современного польского языка также фигурирует *województwo* ‘jednostka ogólnego podziału administracyjno-terytorialnego w Polsce’, но в исследуемом нами употреблении это существительное подается уже как историзм (SłJP IX, 1216).

В письменности ВКЛ *воєводство*, *воеводство* известно с конца XIV - начала XV в. в значении ‘посада воєводы’ (СМС XIV-XV ст.1, 185; там же, 2, 314; ГСБМ 4, 86). С первой половины XVI в. это существительное отмечается здесь и в значении ‘(адміністративно-територіальна одиниця), воєводство’, причем на первых порах – в документах, язык которых испытал польское влияние, или в переводных с польского текстах (СУМ XVI – I пол. XVII ст.4, 160; ГСБМ, там же). Представление лексемы *воєводство* ‘воеводство’ в украинской лексикографии, отражающей язык XIX в., не позволяет точно установить значение, так как иллюстративный материал отсутствует (Грінченко I, 290). В словарях современного украинского языка находим *воєводство* ‘велика адміністративно-територіальна одиниця Польщі’ и ‘округ, яким керував воєвода’ с пометой «іст.» (СУМ I, 723; ВТССУМ, 199), а в словаре современного белорусского языка - *ваяводства* ‘адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Старажытнай Русі, якой кіраваў ваявода, і адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў сучаснай Польшчы’ (ГСБМ 1, 472).

Таким образом, судя по историческим данным (характер памятников, хронология), *воеводство* ‘округ, управляемый воеводой’ в восточнославянских языках действительно можно квалифицировать как семантический полонизм,

который в русский письменный язык середины XVII в. был заимствован, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы».

ЖАЛОБА (2) *ж.* Траур; траурная одежда: *А печатаны на черном воску ... , потому что они ныне по государе своем Густаве Адольфе короле в жалобе* (ЭСРШ, 54(28), 1633 г.). *И гетман велел сына своего Тимофея поминать и сорокоусты по церквам давать. А жены де и челядь ныне ходят в жалобе* (ВУР 3, 493(208), 1653 г.).

Это слово, имеющее общеславянское распространение, образовано суффиксальным способом (суф. *-ob(a)*) от существительного, восходящего к праслав. **žalь*, производному с помощью темы *-ь* (< **i̋*) от утраченного прилагательного и **žalь* ‘вызывающий сострадание’, ‘печальный’, с корнем **žal-* ‘страдание, мучение, боль’, ‘скорбь, тоска; печаль, грусть’ < и.-е. корень **ǵ^hēl-* ‘колоть’, ‘жалить’, ‘боль’, ‘мука, мучение; страдание’, ‘смерть’ (Boryś 2005, 751; Brückner 1974, 661; ИЭССРЯ I, 291; Pokorný I, 470-471; Преображенский I, 221; Rejzek 2001, 744; Фасмер II, 34, 35; Fraenkel I, 145-146; Шанский I(5), 274, 275; ЭСБМ 3, 206, 207).

В древнерусском языке *жалоба* в значении ‘жалоба, упрек, порицание’ известно с конца XI - начала XII в., позже оно начинает употребляться и в значении ‘горе, печаль’, в котором впервые отмечено в *Слове о полку Игореве* (Срезневский I, 841-842; СлДРЯ III, 230). В интересующем нас значении эта лексема впервые отмечается в дипломатическом документе конца XVI в. по связям МГ с Персией.: *Нашей царевны и великия княжны Феодосьи не стало, и великий государь наш ... и бояре в ... жалобе*, выдержка из которго приводится в историческом словаре, где этот случай, на наш взгляд, ошибочно помещен под значение ‘горе, печаль’ (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 71). Заметим, что это единственная иллюстрация слова *жалоба* в значении ‘траур’ в данном лексикографическом источнике. В словаре, отражающем русский язык XVIII в., *жалоба* в значении ‘траур’ (без указания места ударения) подается как омоним к *жа́лоба* в других значениях и сопровождается пометами «вышедшее из употребления» и «юго-зап.» с указанием на наличие этого существительного также в польском и украинском языках (СлРЯ XVIII в.7, 92). Итак, далее XVII в. судьба этого слова в исследуемом значении для русского литературного

языка не прослеживается, так как в словаре, о котором шла речь выше (СлРЯ XVIII в.) оно иллюстрируется единственным примером из дипломатического документа, отражающего контакты Москвы со Швецией во второй половине XVII в. В смоленских же говорах *жалоба* ‘траур; траурная одежда’ наблюдалось еще и в первой четверти XX в. (СРНГ 9, 66).

Приведенные нами контексты *жалоба* ‘траур; траурная одежда’ обнаружены в дипломатической употреблении первой половины XVII в. по сношениям со Швецией (1633 г.), а также с Польшей и ВКЛ (1653 г.). Учитывая характер памятников, в которых данное слово в рассматриваемом значении было использовано, пометы, сопровождающие его в лексикографических источниках, а также непродолжительность бытования в литературном языке и фиксацию в западнорусских диалектах, можно предположить его неисконность в этом значении для русского языка. Кстати, как на семантический полонизм на него указывает В.Витковский (1992, 265; 1999, 47; 2006, 51), не приводя при этом никаких доказательств, а ссылаясь только на наличие лексемы в исследуемом нами значении в памятниках письменности XVI в. и в русской лексикографии, поэтому и мнение упомянутого автора, и наше предположение требуют аргументации.

В памятниках польской письменности *żałoba* в значениях ‘*przygnębie*, *żał*, *smutek po śmierci osoby bliskiej; okres trwania żałoby*’ и ‘*ubiór żałobny, oznaki żałobne*’ засвидетельствовано с середины XVI в. и бытует до настоящего времени (Linde VI, SłPaska II, 777; Karłowicz VIII, 688; SłJP X, 1395-1396).

В письменности ВКЛ *жалоба* с первой четверти XV в. выявляется в значении ‘скарга’, а с 80-х гг. XVI в. – и в значении ‘жалобнае адзенне, адзнакі жалобы’, и только со второй половины 90-х гг. XVI – начала XVII в. – в значении ‘жалоба, траур’, причем в последних двух значениях – первоначально в переводных с польского или сильно полонизированных текстах (ССМ XIV-XV ст. 1, 353; ГСБМ 9, 252-253; СУМ XVI - I пол. XVII ст.9, 117-118). В данном случае хронологическая последовательность появления этих двух значений может указывать на неисконность их для «простой мовы». Тем более, что в историческом словаре украинского языка анализируемая лексема в таком употреблении сопровождается комментарием «пл. *żałoba*» (Тимченко 1, 247). Далее находим *жалоба* ‘траур’ в словаре, регистрирующем белорусский язык

XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 152). В словаре современного белорусского языка оно фигурирует в тех же двух значениях, которые характерны и для польского языка (ТСБМ 2, 249). В словаре, включающем лексичекий запас украинского языка XIX в. *жалоба* 'траур, траурная одежда' подается как омоним к *жа́лоба* в значении 'скарга', так же оно представлено и в словарях современного украинского языка, при этом *жа́лоба* с пометой «розм.» (Грінченко I, 515; СУМ II, 505, 506; ВТССУМ, 364).

Сопоставление приведенных выше сведений показывает, что *жалоба* в значении 'траур; траурная одежда' в восточнославянских языках является очевидным полонизмом. Учитывая, что в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* и в историческом словаре белорусского языка интересующее нас значение подается как одно из значений многозначного слова, что совпадает с подачей его в лексикографических источниках польского языка, мы считаем его семантическим заимствованием, по крайней мере, для «простой мовы» и русского письменного языка конца XVI-XVII в.; в русский же язык московских приказов исследуемое значение попало, вероятнее всего, через посредничество «простой мовы». Что касается места ударения в белорусском языке, которое совпадает с польским, то объясняться это может следующим образом: с XVIII в., когда *жалоба* начинает выступать только в изучаемом заимствованном значении, оно принимает и акцентуацию, характерную для него в польском языке. В украинском же языке, где *жалоба* сохранило значение, присущее ему изначально, на определенном этапе (видимо, в XVIII в.) произошло семантическое расщепление полисемантической лексемы, и в неисконном значении 'траур; траурная одежда' она получила такую же акцентуацию, как и в польском языке. В связи с этим мы считаем, что в историческом словаре украинского языка, фиксирующем лексический состав XVI-XVII вв., нет оснований для выделения *жалоба* в различных значениях как омонимичных единиц (СУМ XVI – I пол. XVII ст.9, 117).

ЗАКАЗЪ (2) *м.* Запрещение, запрет: *Ныне о том учинти заказ крепкой, чтоб ... в литовские города ни с какими торги не ездили* (ЭСРШ, 18(3), 1618 г.). *Послати свое царское повелънье с великимиъ заказомъ, чтобъ всякие его царского величества люди ихъ не лаяли ...* (Якубов 1897, 85, 1618 г.).

О происхождении этого существительного, известного в восточно- и западнославянских языках, см. выше, с. 246, 417-418 данной работы.

В древнерусском языке *заказъ* в значении 'вид побора с земли, взимавшегося по ханскому ярлыку, наказной грамоте в пользу монастырей' отмечается с первой половины XII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 206). В интересующем же нас значении эта лексема засвидетельствована в русской письменности с конца 80-х гг. XVI в., при этом важно подчеркнуть, что первая ее фиксация приходится на дипломатические документы (там же, 207). Нам *заказъ* 'запрещение, запрет' также встретилось в дипломатической корреспонденции первой четверти XVII в. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей. В указанном значении это существительное продолжало употребляться и в XVIII-XIX вв., в словаре современного русского языка это значение уже снабжено пометами «устар. и прост.» (СлРЯ XVIII в.7, 230; САР II, 584; Даль I, 582; ССРЛЯ (2)V-VI, 356).

Лексема *заказъ* 'запрещение, запрет' привлекла к себе внимание по двум причинам: во-первых, характером памятников, в которых она регистрировалась впервые, а во-вторых, тем, что в некоторых работах по польско-русским языковым контактам она квалифицируется как семантический полонизм, датируемый XVIII в. (Милейковская 1984, 132; Witkowski 1992, 265; 1999, 51; 2006, 55), однако без каких-либо обоснований этого утверждения.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *zakaz* 'zakazanie, wzbronienie' было известно, по меньшей мере, уже на рубеже XV-XVI вв. и в значении 'zarządzenie, rozkaz, polecenie zabraniające czego' бытует и в современном польском языке (Linde VI, 661; Karłowicz VIII, 119; SłJP X, 547).

С первой четверти XVI в. *заказъ* 'забарона' выявляется в письменности ВКЛ, причем первоначально в деловых актах, насыщенных полонизмами (ГСБМ 10, 229). В том же значении эта лексема наблюдалась и в «простой мове» и тоже в документах, отражающих польское влияние (СУМ XVI - I пол. XVII ст.10, 50; Тимченко 1, 270). В словарях, включающих лексический состав украинского языка XIX-XX вв., *заказъ* также представлено в значении 'заборона' (Грінченко I, 581; СУМ III, 137). В словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., *заказъ* в этом значении не фигурирует, а в словаре современного

белорусского языка *zakáz* в значении ‘заборона’ уже сопровождается пометой «уст.» (Носовичь 1870, 169; ТСБМ 2, 319).

Итак, приведенные выше факты, как нам кажется, могут служить достаточным основанием для следующих выводов: в «простой мове» первой четверти XVI в. *zakazъ* ‘заборона’ является семантической калькой польского *zakaz* в соответствующем значении, тогда как в значении ‘загад, наказ’ это было лексическое заимствование (см. выше, с. 246 данной работы). В русском же языке это существительное в упомянутом значении, как и в значении ‘приказ, наказ, повеление’, семантический полонизм (см. выше, с. 247 данной работы). Причем в этом случае мы опираемся не только на исторический критерий, но и на то, что это существительное появляется в русской письменности раньше, чем мотивирующий его глагол *заказати* ‘запретить’ (см. выше, с. 417 данной работы). Не вызывает сомнений и то, что в русский письменный язык конца XVI – начала XVII в. исследуемое значение попало благодаря посредничеству «простой мовы».

ПЕНЯ (4) *ж.* Денежное взыскание, налагаемое в виде наказания, штраф: *Имать на нас пени ...* (РШЭО, 40(11), 1628 г.). *Мызники, которые сидять в таможняхъ, амбары и нихъ с товаромъ печатають и пеню емлютъ напрасно ...* (Якубов 1897, 103, 1649 г.). *А чем их уличат, и то возьмут на нас, а на них за то наложити пени, смотря по вине* (ВУР 2, 402(176), 1650 г.). *За то быть от нас в жестоком наказанье без пощады, ... велели взять пеню большую* (РШЭО, 171(109), 1650 г.).

По поводу происхождения этого существительного существуют различные точки зрения: одни исследователи (их большинство) сичтают его старым заимствованием из латинского языка, где *roena* ‘кара, наказание’ восходит к греческому *roinē* ‘выкуп’, ‘отмщение’, ‘кара, наказание’ (Brückner 1974, 58; Преображенский II, 36-37; Фасмер III, 233); другие полагают, что его, может быть, следует связывать с финским *rainaa* ‘нажимать; давить’, ‘весить’, ‘печатать’ и *raino* ‘вес; груз’, ‘печатать’ (Срезневский II, 895; ИЭССРЯ II, 19). Мы склоняемся к первой точке зрения, но при этом до сих пор остается неясным вопрос, как эта лексема проникла в русский язык. А.Г.Преображенский (там же) допускал, что «непосредственно чрезъ соседство

на балканскомъ полуостровѣ», исключая германское посредничество. М.Фасмер (там же) указывал на возможность посредничества польского *pena* 'штраф'.

В древнерусских памятниках *пеня* засвидетельствовано с конца XIV в., и мы поддерживаем точку зрения составителей *Словаря русского языка XI-XVII вв.*, что первоначально, в XIV-XV вв., существительное наблюдалось в значениях 'ссора, тяжба' и 'наказание' (СлРЯ XI-XVII вв.14, 194). По нашему мнению, примеры, приводимые И.И.Срезневским (там же) как иллюстрации значения 'денежное наказание' для конца XIV-XV вв., демонстрируют значение 'кара, наказание', а выдержки из *Грамоты мирной новгородцев с немецкими купцами* (1392 г.), цитируемые в *Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.)*, представляют значение 'ссора, тяжба', а не 'денежный штраф' (СлДРЯ VI, 364). В таком случае наиболее раннюю фиксацию *пеня* в интересующем нас значении в русской письменности следует относить к 70-м гг. XVI в., когда это существительное было зарегистрировано в *Польских делах* (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Мы обнаружили *пеня* 'денежное взыскание, налагаемое в виде наказания, штраф' в дипломатической корреспонденции второй четверти XVII в. по сношениям МГ со Швецией, а также Польшей и ВКЛ. В значении 'денежное взысканіе, денежный штрафъ' *пѣня* отмечается и в словарях, отражающих русский язык XVIII-XIX вв. (САР IV, 826; Даль III, 30). В словаре современного русского языка оно фигурирует в значении 'штраф за невыполнение или просрочку выполнения каких-л. обязательств, установленный законом или договором' (ССРЛЯ 9, 383).

Опираясь на изложенное выше, мы полагаем, что не сама лексема *пеня*, а лишь анализируемое ее значение было заимствовано из польского языка. О заимствовании из польского говорит и Г.Лиминг (1976, 87), который, однако, как и М.Фасмер, причисляет существительное в значении 'денежный штраф' к лексическим полонизмам, ссылаясь на хронологию И.И.Срезневского. Но как мы показали ранее, эти материалы иллюстрируют другое значение, поэтому достоверна лишь та информация Г.Лиминга, которая почерпнута из произведения Г.Котошихина *О России в царствование Алексея Михайловича и из Фацеций*.

В связи с корректировкой хронологии исследуемого значения *пеня* в русском языке, попытаемся проследить историю этой лексемы в польском, чтобы убедиться в верности высказанного нами предположения о происхождении значения. В польских письменных источниках *pena* 'środek represyjny stosowany za przekroczenie norm; kara (pieniężna), grzywna' известно с 50-х гг. XVI в. и бытовало в этом значении в XVII-XVIII вв., однако уже в словаре, содержащем лексический запас польского языка XIX в., оно снабжено пометой «mało używany», а в современной польской лексикографии вообще отсутствует (Bańkowski 2, 528; SłP XVI, XXIII, 381; Reczek 1968, 317; Linde IV, 70; Karłowicz IV, 109).

С конца XIV – начала XV в. *пеня* выявляется в старобелорусских памятниках, но не в значении 'грашовы штраф, грашовая пакаранне', как указывают составители исторического словаря белорусского языка, а в тех же значениях, что и в русском языке соответствующего периода, так как в этом источнике цитируется тот же памятник конца XIV в., что и в исторических словарях русского языка (ГСБМ 24, 76). С уверенностью говорить о том, что *пеня* встречается в «простой мове» в интересующем нас значении, можно лишь относительно текстов первой четверти XVII в. и последующего времени (ГСБМ, там же). В белорусских и украинских лексикографических источниках, включающих словарный состав XVIII-XIX вв., *пеня* в анализируемом значении не фиксируется. Тогда как в словаре современного белорусского языка находим *пéня* 'штраф за невыкананне ў тэрмін узятых на сябе або ўстаноўленых законам абавязацельстваў' (ТСБМ 4, 155), а в словаре современного украинского языка – *пеня* 'грошове стягнення за невиконання або прострочення взятых за домовленістю або встановлених законом зобов'язань' и 'штраф, грошове стягнення' с пометой «заст.» (СУМ VI, 117).

Анализ данных по истории *пеня* 'денежное взыскание, налагаемое в виде наказания, штраф' в восточнославянских языках и *pena* в том же значении польском позволяет, на наш взгляд, квалифицировать его как семантический, а не лексический полонизм в первых, вопреки М.Фасмеру, Г.Лимингу, а также А.М.Бульке (1980, 84). Это совершенно очевидно уже потому, что иначе возникает противоречие в хронологических данных, когда лексема, известная, по мнению упомянутых авторов, в указанном выше значении в

восточнославянских языках с конца XIV в., заимствуется из польского, где она в этом значении – только с середины XVI в. А вот *пена* в том же значении, действительно, является лексическим полонизмом в «простой мове», так как регистрируется в сильно полонизированных текстах со второй половины XVII в. (ГСБМ 24, 71). В заключение добавим, что проникновению исследуемого нами значения существительного *пена* в русский язык могла способствовать и «простая мова», так как широкое распространение это существительное получает в русской письменности только со второй четверти XVII в.

ПОВИННОСТЬ (6) *ж.* Обязанность (служебная), повинность; обязанность, нравственный долг; повиновение: *Тѣ ваши посланцы говорили, что вы, памятуючи то, какъ предки ваши ... прежнимъ Великимъ Государямъ Царямъ ... повинность всякую чинили ..., въ той же повинности вы и нынѣ нашему Царскому Величеству быти хотите ...* (СГГД 3, 215(51), 1620 г.). *Вы ..., как предки ваши, запорожские гетманы, и все войско, прежним великим государем царем и князем росийским повинность всякую чинили ..., в той же повинности и ныне .. быти хотите ...* (ВУР 1, 6(3), 1620 г.). *И они бѣ маршалки и депутаты ... по своей повинности отправили меня изъ Менска къ королевскому величеству* (АЮЗР 3, 385, 1649 г.). *А биться ... с неприятели ведлугъ повинности своей и отчизны боронить не хотѣли* (там же, 398).

Данное существительное образовано суффиксальным способом от префиксального прилагательного, известного в западно- и восточнославянских языках и являющегося, в свою очередь, суффиксальным дериватом от существительного, имеющего общеславянское распространение и соответствия в балтийских языках и восходящего к праслав. **vina* ‘вина, обвинение’, ‘грех, порок; ошибка’, ‘причина’, происходящему от и.-е. корня **uej-* (**uoĭ-*: **ui-*) ‘гнать; преследовать’ > ‘вызывать страх, ужас’ (Bańkowski 2, 734; Boryś 2005, 473-474, 701; Brückner 1974, 622; ИЭССРЯ I, 151; Преображенский I, 84; Фасмер I, 316; Fraenkel II, 1182).

В русской письменности *повинность* в значении ‘причина, вина’ отмечается с середины XVI в., в интересующем нас значении наиболее ранние фиксации датируются 1610-1613 гг. (СлРЯ XI-XVII вв.15, 159). В словаре, регистрирующем русский язык XVIII в., это слово представлено в своем

первоначальном употреблении, а также в значениях ‘обязанность гражданская в исправлении чего или вспоможении чѣмъ’ и ‘покорность, послушание’, а в лексикографии XIX-XX вв. – в значении ‘обязанность, которую должны исполнять все граждане для удовлетворения государственных или местных общественных нужд’ и как оттенок этого значения - ‘обязанность, обязательное исполнение чего-л., занятие чем-л.’ с пометой «разг.» (САР IV, 1173; Даль III, 144; ССРЛЯ 10, 105).

Мы обнаружили *повинность* в анализируемом значении в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. Учитывая это, а также то, что польский славист В.Витковский (1999, 133; 2006, 150) считает его в рассматриваемом нами употреблении полонизмом¹⁹³ и, судя по подаче этого существительного, полонизмом лексическим, мы также склоняемся к предположению о заимствовании из польского, однако заимствовании семантическом, что и попытаемся доказать, поскольку упомянутый автор ничем не аргументирует свое мнение, о неисконности самой лексемы либо отдельных ее значений для русского языка.

Так, в старопольских памятниках *powinność* появляется с 80-х гг. XV в. и именно в значении ‘obowiązek, konieczność, officium, necessitas’, а в XVI в. оно наблюдалось в значениях ‘obowiązek, to, co należy zrobić, wypełnić; posługa, służba, urząd’, ‘to, co się komuś należy, obowiązek’ и ‘konieczność, nieuchronność (czego), mus’ (SłStp VI(7), 522; SłPXVI, XXIX, 168-180). В этих значениях существительное входило в активный запас польской лексики и в XVII-XIX вв. (SłPaska II, 206; Linde IV, 991; Karłowicz IV, 851-852). В словаре современного польского языка *powinność* фигурирует в значениях ‘obowiązek, konieczność natury moralnej’ и ‘zajęcie związane z zawodem, stanowiskiem’ (SłJP VI, 1257).

В письменных источниках ВКЛ *повинность* в значении ‘грошова данина господареві землевласнику з його орних земель, які обробляли вільні селяни-данники’ засвидетельствовано с конца XIV в., с конца XV в. – и в значениях ‘підлеглисть (політична залежність)’, ‘абавязак’, а с начала XVI в. – также в

¹⁹³ При этом он ссылается не только на фиксацию лексемы в памятниках и лексикографических источниках, но и на исследования Н.М.Шанского (1959, 106), который, однако, лишь приводит *повинность* в общем перечне существительных с суффиксом *-ость*, проникших, по его мнению, в русский язык XVII-XVIII вв. из польского, но не обосновывает это.

значении ‘пакорнасць, паслушэнства’ причем первоначально – в документах, фиксирующих контакты с Польшей (ССМ XIV-XV ст.2, 159; ГСБМ 25, 46, 47). По сведениям С.Кохмана (1974а, 17-18), это существительное в XVI-XVII вв. в интересующем нас употреблении было известно и в «простой мове», причем проникло оно туда, по его мнению, благодаря сложным чешско¹⁹⁴-польско украинским контактам. Это, кстати, подтверждается и материалами одного из исторических словарей украинского языка, где *повинность* ‘долг, обязанность’, датируемое второй половиной XVII в., сопровождается комментарием «пл. *powinność*» (Тимченко 2, 119). Далее мы находим его в белорусском (*пові́нносць* ‘обязанность’ и ‘покорность, повиновение’) и украинском (*пові́нність* ‘долг, обязанность’) языках XVIII-XIX вв. (Носович 1870, 426; Гринченко II, 218). И в современных белорусском (*паві́ннасць*) и украинском (*пові́нність*) языках эта лексема продолжает бытовать в интересующем нас значении (ТСБМ 3, 476; СУМ VI, 656).

Сопоставление приведенных выше данных позволяет, по нашему мнению, сделать следующее заключение: в старопольском языке *powinność*, очевидно, является богемизмом, а из уже польского в восточнославянские языки было заимствовано именно анализируемое нами значение¹⁹⁵, при этом проникновению его в русский письменный язык XVII в., несомненно, способствовала «простая мова». Кстати, в пользу высказанной нами точки зрения может свидетельствовать и то, что в белорусском языке однокоренное слово *павінен* в значении ‘абавязаны, вымушаны што-л. рабіць’ квалифицируется как полонизм (ЭСБМ 8, 91).

ПОСПѢХЪ (1) м. Скорость, быстрота; поспешность, спешка: *Да и мы послы ... велгли посланнику нашоу ити просто дорогою звычайною, для поспѣху, на Дорогобужь и Вязму* (Сб.РИО 142, 679, 1615 г.).

¹⁹⁴ В старочешских памятниках *powinnost* в значении ‘(komu/čemu, koho/čeho [authority]) povinnost, z podřízenosti vyplývající závazek (vůči komu/čemu)’ – с 1388 г., в значении ‘(jaká [manská] z mocenskoprávní podřízenosti vyplývající’ – с 1488 г. и в значении ‘(čí, jaká [křest’nská]) povinnost, co je někomu uloženo jeho mravními zásadami, postavením ap.’ - с 1448 г. (StěSI V, 952-953).

¹⁹⁵ Поскольку в тех значениях, в которых *повинность* первоначально было выявлено в русской письменности и в памятниках ВКЛ, оно пока не встречалось в польском языке.

Это существительное, известное во всех славянских языках (праслав. **rosprěchъ* ‘поспешность, торопливость; спешка’), является суффиксальным (суф. *-ch-* < *-s-*) производным от префиксального глагола **ro-spěti*, 1 л. ед.ч. **ro-spějo* ‘успеть’, ‘поспешить, поторопиться’, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **spěti*, 1 л. ед.ч. **spějo* ‘удаваться’ > ‘развиваться’ > ‘устремляться’ > ‘спешить; торопиться’ (Bańkowski 2, 722; Boguś 2005, 469) (о происхождении глагола подробнее см выше, с. 190-191 данной работы).

В древнерусских памятниках *поспѣхъ* в значениях ‘усердие, рвение, старание’ и ‘подвиг’ засвидетельствовано с XI в., а с XII-XIII вв. – также и в значениях ‘помощь, содействие’, ‘польза’ и ‘успех, преуспевание’; в интересующем же нас значении это существительное впервые отмечается в *Уставе ратных дел* (1607 г. и 1621 г.), составленном на основе иностранных военных книг (Срезневский II, 1253-1254; СлДРЯ VII, 276; СлРЯ XI-XVII вв.17, 213). Нам оно в значении ‘скорость, быстрота; поспешность, спешка’ встретилось в дипломатическом акте первой четверти XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. В русской лексикографии *поспѣхъ* ‘скорость, рѣрѣratio, accēlērātio, festīnātio’ представлено с начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 25 об., 104). По имеющейся у нас в настоящее время информации, судьба этой лексемы в упомянутом выше значении для русского литературного языка прослеживается только до третьей четверти XVIII в.: *поспѣхъ*, *пѣспѣхъ* ‘поспѣшеніе, спѣхъ’ (SCSRJ III, 827). В XIX в. *поспѣхъ* употреблялось уже только в значении ‘споспѣшетвованіе, способствованіе, вспоможеніе’ (Даль III, 340). В словаре современного русского языка это существительное уже не регистрируется, но до начала XX в. *пѣспѣхъ* ‘излишняя торопливость, спешка’ фиксировалось в говорах Смоленской и Брянской областей, а в значении ‘быстрота’ – до середины того же столетия в Иркутской области и в районе Тобольска (СРНГ 30, 201).

Обстоятельства появления *поспѣхъ* ‘скорость, быстрота; поспешность, спешка’, а также его история в русском письменном языке и диалектах наводит на мысль о возможной неисконности исследуемого значения. На заимствование его из польского указывает В.Витковский(1999, 143; 2006, 161), ссылаясь лишь

на наличие слова в анализируемом значении в лексикографических источниках начала XVIII-XX вв, однако эта информация сама по себе не является доказательством неисконности значения и так же, как и наше предположение, нуждается в аргументации.

Обратимся к польскому языку: здесь *pośpiech* ‘szybkie działanie, śpieszenie się, festīnātio, prōpĕratio’ известно в старопольских источниках уже с середины XV в., а со второй половины XVI в. эта лексема наблюдается и в значении ‘szybkość, prędkość’, история которого ограничивается серединой XIX в. (SłStr VI(7), 472; SłP XVI, XXVIII, 304; Linde IV, 949; Karłowicz IV, 793). В словаре современного польского языка *pośpiech* приводится следующим образом: ‘śpieszenie się; szybkie, śpieszne działanie’ (SłJP VI, 1175).

В письменности ВКЛ *постпѣхъ, поспехъ* выявляется с конца XV в. в значениях ‘поспех, удача’ и ‘паспех, спешка’, однако для данного времени и даже для XVI в. можно говорить лишь о единичных фиксациях этого существительного в обоих значениях (ГСБМ 27, 149). Более широкое распространение оно в значении ‘поспешность, скорость, спех’ получает уже в «простой мове» XVII в., где часто встречается в текстах, в значительной степени насыщенных полонизмами (ГСБМ, там же; Тимченко 2, 185). В белорусском языке XVIII-XIX вв. *поспѣхъ* продолжало употребляться в значении ‘поспѣшненіе, ускореніе’, в украинском языке XIX в. *поспѣхъ* также бытовало в значении ‘поспѣшность, скорость, быстрота’ (Носовичъ 1870, 481; Гринченко II, 371). В словаре современного белорусского языка находим *поспѣхъ* в значении ‘празмерная хуткасць, спешка’ в сопровождении пометы «разм.», а в словаре современного украинского языка *поспѣхъ* в значении ‘дія і стан за знач. *поспѣшати*’ фигурирует без каких-либо помет (ТСБМ 4, 83; СУМ VII, 356).

Представленный выше материал, на наш взгляд, дает определенные основания для того, чтобы рассматривать *постпѣхъ* ‘скорость, быстрота; поспешность, спешка’ как семантический полонизм в русском письменном языке XVII в. В других восточнославянских языках – это лексическое заимствование, о чем может свидетельствовать акцентуация слова в украинском языке. В таком случае «простая мова» могла выступать в роли посредника при заимствовании значения русским языком.

РОЗНОСТЬ (1) *ж.* Несогласие; разлад, раздор; ссора: *А нынешнее наше несчастливая розность еще такова, что мы не можем ту честь, которая достойна вашему кесарскому величеству, совершать* (Рогинский 1959, 69(114), 1646 г.).

Данное существительное образовано путем суффиксации (суф. *-ostь*) от имеющего общеславянское распространение прилагательного, восходящего к праслав. **orzьль* ‘отдельный; разделенный, разрозненный’ > ‘разный; отличный, другой, иной’ (о его происхождении см. выше, с. 199 данной работы, а также ЭСБМ 11, 173).

В русской письменности *розность* впервые засвидетельствовано во второй половине XVI в. в значении ‘различие’ в переводном с польского памятнике *Назиратель* (СлРЯ XI-XVII вв.22, 208). В интересующем нас значении эта лексема, согласно данным исторического словаря, фиксируется с начала 80-х гг. XVII в. (там же). Мы обнаружили ее в этом значении в дипломатическом акте 1646 г. по сношениям МГ с Англией. Еще более ранний случай, датируемый 1643 г., приводит В.Витковский (1999, 166; 2006, 186), выявивший *розность* ‘несогласие; разлад, раздор; ссора’ в *Переводе вестовых перечневых писем из Гданьска*. В русской толковой лексикографии в указанном значении это существительное находим лишь у Вл.Даля (Даль IV, 102). Кстати, уже в древнерусских источниках конца XIV в. отмечалось *разьность* ‘рознь, вражда, раздор’, судьба которого прослеживается для русского языка только до конца XVII в. (Срезневский III, 61; СлРЯ XI-XVII вв.21, 238).

История анализируемой лексемы и параллельное бытование существительного *разность* в том же значении в XV-XVII вв. могут свидетельствовать о неисконности, по меньшей мере, исследуемого значения у существительного *розность* в русском языке. Как полонизм *розность* трактует и В.Витковский (там же), однако он приводит лишь значение ‘различие’, подводя под него все иллюстрации, в том числе и упомянутую нами выше, где это слово явно имеет значение ‘несогласие; разлад, раздор; ссора’. Мы согласны с этим автором в том, что в значении ‘различие’ *розность* является лексическим заимствованием из польского¹⁹⁶, а ниже попытаемся доказать, что в исследуемом нами значении это семантический полонизм.

¹⁹⁶ На что указывает и польский славист С.Кохман (1977b, 91).

В старопольских текстах *różność* 'to, co różni, odmienność, inność' известно с первой половины XV в., а в значении 'niezgoda, discordia' – с середины XV в. (SłStp VIII(1), 39). В значении 'kłótnia, spór, niesnaska, niezgoda' оно продолжало употребляться и в XVI-XVII вв. (Reczek 1968, 429; Linde V, 97). В словаре, отражающем польский язык XIX в., существительное в этом значении уже снабжено пометой «staropolski», а в словаре современного польского языка – пометой «daw.», тогда как в значении 'różnorodność, rozmaitość, niejednorodność' и 'różnica, różnienie się; niezgodność, inność' оно до сих пор входит в активный лексический запас языка (Karłowicz V, 756; SłJP VII, 1366-1367).

Что касается «простой мовы», то пока с уверенностью можно говорить, что здесь во второй половине XVI-XVII вв. *розность* наблюдалось в значении 'различие, несходство', причем первоначально в документах, язык которых в значительной степени полонизирован (Тимченко 2, 283-284). Хотя П.Берында (1627, 202) использует это существительное для пояснения лексемы *разньство*, которая наряду со значением 'различие, разность, раздор' уже в древнерусском языке встречалось и в значении 'несогласие; рознь, раздор' (Срезневский III, 61-62; СлРЯ XI-XVII вв.21, 230), что косвенно может свидетельствовать о наличии этого значения в «простой мове», и у *розность*, однако достоверной информацией об этом мы в настоящее время не располагаем. Только в значении 'разность, различіе' *рѳзносць* представлено и в словаре, регистрирующем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 565). И в современной белорусской (*рѳзнасць*) и украинской (*рѳзність*) лексикографии это существительное фигурирует в упомянутом значении (ТСБМ 4, 713; СУМ VIII, 566).

Итак, сопоставление изложенного выше, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы: лексема *розность* в значении 'различие' была заимствована в восточнославянские языки из польского во второй половине XVI в., при этом в русскую письменность XVI в. она, вероятнее всего, попала благодаря посредничеству «простой мовы»; в значении же 'несогласие; разлад, раздор; ссора' *розность* представляет собой семантический полонизм в русском письменном языке XVII в. Примечательно, что семантическим полонизмом

является и однокоренной глагол *рознитися* в значении ‘ссориться, враждовать’ (см. выше, с. [199-201](#) данной работы).

СВЯТО (1) с. День, посвященный культовым торжествам, свободный от работы; праздничный день, праздник: *Мы ... взяли перемирья .. на 20 летъ ... ажъ до такового жъ свята Успения пречистое Богородицы, которое в ... 1622-мъ мѣсяца августа 15-го дня будет* (Сб.РИО 137, 59, 1600-1601 гг.).

Рассматриваемое существительное возникло в результате морфолого-синтаксического способа словообразования на базе имеющего общеславянское распространение прилагательного в форме ср.р., восходящего к праслав. **svęťъ*, -а, -о < и.-е. основа **k'ъen-to* (корень **k'ъen-*) ‘праздновать’, ‘святить’, ‘святой’ (Boryś 2005, 623; Brückner 1974, 537; ЕСУМ 5, 199-200; ИЭССРЯ II, 149; Łoś 1925, II, 11; Преображенский II, 265-266; Фасмер III, 585; Fraenkel II, 1041-1042).

В древнерусской письменности эта лексема в значении ‘то, что свято; святое’ известна с XII-XIII вв. (СлРЯ XI-XVII вв.23, 210). В значении ‘праздник’ в историческом словаре русского языка она представлена единственной иллюстрацией из *Истории о великом князе Московском* А.Курбского в списке XVII в. (там же). Причем интересно, что у этого автора, язык произведений которого, как известно, насыщен полонизмами (см. Тамань 1961, 203; Калугин 1994, 354), а указанного выше в особенности, *свято* встречается в пределах одного контекста с лексемой *праздникъ*: *Въ то время случилось ему во оныи Сергиевъ монастырь приѣхати, на **свято** великого пянтикостия, яко тамъ есть обычаи Московскимъ княземъ каждое лѣто того **праздника** въ томъ монастырь торжествовати* (РИБ 31, 326, 1614). Такая подача *свято* может свидетельствовать о том, что во времена А.Курбского интересующее нас значение существительного было малоизвестно или почти неизвестно в русском языке.

Учитывая изложенное выше, а также то, что мы обнаружили *свято* в исследуемом значении в дипломатическом документе, фиксирующем контакты МГ с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., можно предположить неисконность значения для русского языка. В пользу этого может свидетельствовать и тот факт, что в русской лексикографии *свято* в значении ‘вообще праздник’

отмечается лишь у Вл. Даля в сопровождении помет «юж., зап., пск.» (Даль IV, 161).

Вероятнее всего, источником интересующего нас значения является польский язык. На это указывает и польский славист В. Витковский (1999, 170; 2006, 192), не приводя, однако, никаких доказательств, а лишь отмечая, что лексема в этом значении встречается в *Вестях-Курантах* 1648 г. Если обратиться к польскому языку, то здесь *święto* 'dzień wyznaczony na obrzędy religijne, wolny od pracy, uroczystość związana z kultem' известно с конца XIV - начала XV в. и продолжало употребляться в этом значении и в XVI в. (SłStp IX(1), 69; Linde V, 486). В лексикографическом источнике, регистрирующем польский язык второй половины XVI-XVII вв., существительное уже приводится в более широком значении 'dzień poświęcony uroczystościom kultowym albo zwyczajowym; dzień świąteczny', в котором оно продолжало бытовать и в XVIII-XIX вв. (SłPaska II, 465; Karłowicz VI, 786). В значении 'dzień, zwykle wolny od pracy, obchodzony uroczystością ze względów kultowych lub państwowych' мы находим его и в словаре современного польского языка (SJP VIII, 1358).

С конца XIV – первой половины XV в. *святно* 'релігійне свято' засвидетельствовано в староукраинской письменности, причем первоначально в текстах, насыщенных полонизмами, или документах, отражающих контакты с Польшей (ССМ XIV-XV ст.2, 326). В «простой мове» XVI-XVII вв. объем значения этой лексемы расширяется так же, как и в польском языке соответствующего периода (СМС 2, 201; Тимченко 2, 315). В значении 'праздник' *святно* представлено в словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв. (Носовичь 1870, 576). В значениях 'урачысты дзень у гонар або ў памяць якой-н. выдатнай падзеі ці святога' и 'урачыстасць, наладжаная з якога-н. поваду' существительное употребляется в современном белорусском языке (ТСБМ 5(1), 98). В тех же значениях оно фиксируется и в словаре современного украинского языка (СУМ IX, 104).

Подведем итог обзору истории лексемы *святно* в восточнославянских языках и *święto* в польском: судя по хронологическим данным и характеру памятников, в которых она в анализируемом значении первоначально была выявлена в староукраинском и русском языках, можно с достаточной степенью

уверенности говорить, что в русском письменном языке второй половины XVI – начала XVII в. мы имеем дело с семантическим полонизмом, а в «простой мове», возможно, с лексическим заимствованием¹⁹⁷ (с последующей закономерной фонологической субституцией $\epsilon > 'a$), так как в исторических словарях, регистрирующих украинский и белорусский языки XV-XVI вв., она фиксируется в единственном значении (ССМ XIV-XV ст.2, 326; СМС 2, 201). «Простая мова», вероятнее всего, и способствовала заимствованию *свято* в интересующем нас значении русским письменным языком.

СКЛАДЪ (1) *м.* Специальное место, помещение для хранения чего-л.; склад: *Складъ товарамъ велъли бытъ въ Києу жъ ...* (СГГД 3, 529(176), 1654 г.).

Это существительное является безаффиксным образованием от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **klasti* (< **kladti*), 1 л. ед.ч. **kladŏ* ‘класть; раскладывать, располагать’ (о его происхождении см. выше, с. 403 данной работы).

Лексема *складъ* в значении ‘сочетание звуков в слове; слог’ известна в друнерусской письменности с XII-XIII вв. (Срезневский III, 716; СлРЯ XI-XVII вв.24, 201). В интересующем нас значении в историческом словаре она представлена единственной иллюстрацией из *Козмографии* в списке 1670 г. (СлРЯ XI-XVII вв.24, 202). Нами *складъ* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’ зарегистрировано в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Однако еще более ранний случай употребления существительного в этом значении, относящийся к первой половине XVII в., отмечается у В.Витковского (1999, 173; 2006, 196) со ссылкой на А.И.Соболевского (1903, 71, 72), который обнаружил его в переводном с латыни *Сборнике путешествій въ Индію* и сопроводил комментарием: «Почерки въ обоихъ спискахъ южно-русскіе, повидимому, принадлежащіе

¹⁹⁷ Кстати, несомненным лексическим заимствованием в старобелорусском языке является *свенто*, употреблявшееся в XVI в. в том же значении, что и *свято* (Булыка 1972, 294), поэтому, если последнее будет обнаружено в староукраинском или старобелорусском языках и в других значениях, имеющих более раннюю хронологию, то тогда его следует квалифицировать как семантическое заимствование.

переводчикамъ. Языкъ – то церковно-славянскій съ южно-руссизмами, то бѣлорусскій съ церковнославянизмами».

Столь позднее появление анализируемого значения у исследуемого существительного, учитывая то, что глагол *съкласти, съкладу* ‘сложить, положить, поставить’, которым оно могло быть мотивировано, встречается в древнерусском языке уже с первой половины XII в. (Срезневский III, 717), а также характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *складъ* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’, наводит на мысль о неисконности этого значения для русского языка. Также считает и В.Витковский (там же), квалифицирующий *склад* как полонизм, однако он не приводит никаких аргументов, кроме ссылки на А.И.Соболевского, подтверждающих это мнение.

Для того, чтобы обосновать свое предположение, и утверждение В.Витковского, обратимся к польскому языку. В старопольской письменности *skład* ‘miejsce składywania czegoś, przechowania, magazyn’ засвидетельствовано с начала XV в. и продолжало употребляться в этом значении на протяжении XVI–XX вв. вплоть до настоящего времени (SłStp VIII(3), 234; Linde V, 252; Karłowicz VII, 147; SłJP VIII, 285).

По данным исторического словаря украинского языка, *складъ* ‘(місце зберігання товару) склад’ регистрируется в староукраинских памятниках с начала XV в., причем в текстах, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами (ССМ XIV–XV ст.2, 348). Далее мы находим *складъ* ‘мѣсто, кладовая для помѣщенія разныхъ вещей’ в лексикографическом источнике, отражающем белорусский язык XVIII–XIX вв. (Носовичъ 1870, 583). Это слово в значении ‘складъ, складочное мѣсто’ бытовало и в украинском языке XIX в. (Грінченко II, 646). В интересующем нас значении оно фиксируется и в словарях современного белорусского и украинского языков (ТСБМ 5(1), 169; СУМ IX, 272). Что касается русского, то начиная со второй половины XVII в. эта лексема в исследуемом значении прочно вошла в лексический состав языка и активно употребляется до настоящего времени (Даль IV, 197; ССРЛЯ 13, 941).

Сопоставление хронологических данных и учет характера памятников, в которых *складъ* в анализируемом значении впервые встречалось в

восточнославянских языках, дает, по нашему мнению, достаточные основания, чтобы считать это слово семантическим полонизмом в этих языках. При этом в русский письменный язык XVII в. он, вероятнее всего, попал благодаря посредничеству «простой мовы».

III.2.2. Имя прилагательное

КРОВНЫЙ (1) Родной по крови, одной крови; связанный родственными отношениями; основанный на общем происхождении: *Есть то вѣдомо ваиеи Царской милости, что Карлусъ Шведскои есть кровнымъ племянникомъ его Королевскои милости ...* (СГГД 2, 214(96), 1605 г.).

Данное прилагательное, имеющее общеславянское распространение и восходящее к праслав. **krъvъnъ(jь)* ‘кровяной’, ‘кروавый’, ‘кровный’, образовано суффиксальным (суф. *-нъ*) способом от праслав. **kry*, род.п. **krve* ‘кровь’, индоевропейской базой которого является **kreu-*: **kri-* ‘кровь’, ‘кروавый’, ‘окровавленный’, ‘сочающийся кровью’, ‘сырое мясо’ (Bańkowski 1, 816; Berneker I, 632; Brückner 1974, 266; Pokorny I, 621; Преображенский I, 387; Sławski III, 94-95, 96; Фасмер II, 379; Fraenkel I, 290; ЭССЯ 13, 66, 67).

В древнерусских памятниках *кръвьныи* ‘относящийся к крови, кровяной’ засвидетельствовано с XI в. (Срезневский I, 1340; СлДРЯ IV, 310). В интересующем нас значении наиболее ранней фиксацией этого слова в русской письменности следует считать представленный в историческом словаре единственный пример в составе фразеологического сочетания *кровная связка* ‘кровное родство’, почерпнутый из *Польских дел* второй четверти XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 8, 63). Еще один случай, но уже субстантивного употребления этой лексемы в значении ‘родственник’, датируемый второй половиной XVI в., отмечается Г.Милейковской (1984, 93) в письмах Ив.Грозного к Ст.Баторию. Далее как в адъективном, так и в субстантивном использовании *кровный* в исследуемом значении регистрируется в лексикографических источниках, отражающих русский язык XVIII-XX вв. (СлРЯ XVIII в.11, 25; САР III, 419; Даль II, 196; ССРЛЯ 5, 1679).

Мы обнаружили *кровный* в анализируемом значении в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. Таким образом, все наиболее ранние его употребления в этом значении приходятся либо на дипломатические акты по связям с Польшей и ВКЛ, либо на тексты, язык которых испытал польское влияние, что дает, на наш взгляд, основания предполагать семантическое калькирование с польского *krewny*. Кстати, как полонизм это прилагательное в субстантивном использовании рассматривает Г.Милейковская (там же). Что же касается адъективного употребления, то как полонизм его квалифицирует В.Витковский (1999, 81; 2006, 90), ссылаясь лишь на наличие *кровный* в русской лексикографии первой четверти XIX в., однако заключение, базирующееся только на такой информации, требует верификации. В связи с этим попытаемся проследить историю прилагательного в польском языке.

Уже в старопольских источниках конца XIV в. *krewny* было известно в значении ‘*mający w żyłach tę samą krew, pochodzący z tego samego rodu*’ и в XV-XIX вв. отмечалось как в адъективном ‘*związany z kimś węzłami krwi, przynależnością do jednej rodziny, spokrewniony*’, так и в субстантивном ‘*człowiek spokrewniony, pozostający z kim w związku pokrewieństwa*’ использовании (SłStp III(5), 386; SłPXVI, XI, 183-184; SłPaska I, 344-345; Linde II, 1131-1132; Karłowicz II, 549). В словаре современного польского языка находим следующую информацию: *krewny* ‘*dotyczący krwi, pokrewieństwa; spokrewniony, związany węzłem pokrewieństwa; pokrewny, bliski*’ в сопровождении пометы «daw.» и комментария «*dziś żywe tylko w użyciu rzeczownikowym*» (SłJP III, 1132).

Со второй половины XV в. *кровный* в значении ‘родич’ выявляется в староукраинском языке, причем в историческом словаре лексема снабжена пометами «стч. *krvnyj*» и «стп. *krewny*» (ССМ XIV-XV ст. 1, 515). В старобелорусском языке то же прилагательное в субстантивном употреблении наблюдается с середины 90-х гг. XV в., а в значении ‘*які паходзіць ад адных продкаў, родны па крыві*’ – с конца XV - начала XVI в.,¹⁹⁸ причем первоначально в текстах, испытавших польское влияние (ГСБМ 16, 152). Примечательно, что *кревный*, *крэвный* в субстантивном употреблении – здесь

¹⁹⁸ В значениях ‘роднасны, сваяцкі’ эта лексема здесь с 1493 г., а в значении ‘сваяк па крыві’ – с 1494 г. (ГСБМ 16, 152-153).

только с начала XVI в., а в значении ‘які паходзіць ад адных продкаў, родны па крыві’ – со второй половины того же столетия (там же, 106). В исследованиях по этимологии и истории белорусского и украинского языков указывается, что белор. *крэвны́й*, *крэвны́й* ‘сваяк’, *крэўны́я* ‘радня’, укр. *крéвні* ‘родичі’ – заимствование из польского в первой половине XVI в. (Булыка 1972, 175-176; ЭСБМ 5, 140; ЕСУМ 3, 81; Тимченко 1, 384). В словаре, включающем лексический запас белорусского языка XVIII-XIX вв., приводится *крóвны́й* ‘родственный’ и *крéвны́й* ‘кровный, родной, родственный’ и ‘родня’ (Носович 1870, 252, 253), а в словаре, отражающем украинский язык XIX в., регистрируется только *крéвний* ‘кровный’ (Грінченко I, 838). В словаре современного белорусского языка фигурируют *крóўны* и *крэўны* (с пометой «разм.») ‘які паходзіць ад адных продкаў; родны па крыві’ и субстантивы *крóўны́я* и *крэўны́я* (ТСБМ 2, 728-729), а в словаре современного украинского языка – *крóвний* и *крéвний* (с пометой «розм.» ‘який має спільних предків; рідний за кров’ю’, последнее – также и как субстантив (СУМ IV, 331, 361).

Резюмируя обзор истории прилагательного *кровный* в интересующем нас значении в восточнославянских языках и *krewny* в польском, можно сформулировать следующие выводы: субстантив *крэвны́й* в старобелорусском и староукраинском языках – лексический полонизм¹⁹⁹, а адъектив в этих языках – очевидно, уже семантическое заимствование, либо это значение у него появилось под влиянием *кровный*, которое в значении ‘родной по крови, одной крови; связанный родственными отношениями; основанный на общем происхождении’ во всех восточнославянских языках, по нашему мнению, является несомненным семантическим полонизмом, заимствование которого в русский письменный язык осуществлялось, вероятнее всего, через «простую мову».

ПОКОРНЫЙ (2) Выражающий покорность, смирение; почтительный:

Посльднее, ... челомъ бью пресветльишему государю ..., итобъ его царское величество пожаловалъ для моего покорного челобитья его вѣрного чловѣка

¹⁹⁹ И в русском языке конца XVII – начала XVIII в. *крэвны́й*, по мнению Н.Смирнова (1910, 166), также является лексическим полонизмом, что не вызывает сомнений. Уточнения требует лишь характер употребления этого прилагательного, поскольку указанный автор квалифицирует его как субстантив в значении ‘родственник’, тогда как приводимая им иллюстрация свидетельствует об адъективном использовании данной лексики.

Христофора Рыхтингера ... , чтобъ ему велѣти дати имя дохторское, назвати его дохторомъ ... (Сб.РИО 38, 403-404, 1601 г.). А он во все то время, будучи здесе, своим добрым разумом оказался вашего преславного величества радетельной и покорной слуга (Рогинский 1959, 68(113), 1646 г.).

Эта лексема в исследуемом значении, на наш взгляд, представляет собой отыменное, учитывая его синтаксические функции, суффиксальное (суф. *-ьнь*) образование от имеющего общеславянское распространение праслав. **pokora* ‘повиновение, уступчивость, покорность; унижение’, являющегося производным от известного во всех славянских языках префиксального глагола **po-koriti* с первоначальным значением ‘осудить, укорить’, ‘оскорбить, унизить’ > ‘вынудить признать унижение, отречься от прав’ > ‘покорить, подчинить’, в свою очередь, деривата от **koriti* ‘бранить, хулить; корить’, ‘унижать’, в этимологическом отношении трудного слова с возможной и.-е. базой **kar-* ‘насмехаться, издеваться’, ‘хула, порицание’ (Bańkowski 1, 682; Berneker I, 578-579; Boryś 2005, 457; Pokorny I, 530; Фасмер II, 320-321; Fraenkel I, 220; ЭССЯ 11, 74-77).

В древнерусском языке *покорьнии* с XII в. засвидетельствовано в значении ‘послушный, покорный; подчиняющийся чьей-л. власти’ (СлДРЯ VII, 50; СлРЯ XI-XVII вв.16, 171). В указанном значении прилагательное, по нашему мнению, было образовано от глагола *покорити* ‘покорить, подчинить’ (с XII в.) в самом древнерусском языке и отмечалось только в составе сказуемого, а история его для русского языка ограничивается XVII в. (СлДРЯ VII, 46; СлРЯ XI-XVII вв. 16, 170). Что касается *покорный* в интересующем нас значении, то оно появляется в памятниках русской письменности только со второй половины XVI – начала XVII в. и выступает преимущественно в функции определения, причем большая часть наиболее ранних фиксаций приходится на документы, отражающие контакты МГ с Польшей и ВКЛ, или тексты, язык которых насыщен полонизмами (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 171). Мы дважды обнаружили это прилагательное в значении ‘выражающий покорность, смирение; почтительный’ в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Англией, где затрагиваются также и взаимоотношения первого субъекта с Польшей и ВКЛ. Приведенные выше обстоятельства, а кроме того, то, что в древнерусском языке уже с конца XI-XII

вв. было известно прилагательное *покорливый* ‘покорный, смиренный’, употреблявшееся в качестве определения, а с XIII в. – прилагательное *покорь* ‘покорный’, встречающееся лишь в составе сказуемого (Срезневский II, 1114; СлДРЯ VII, 49; СлРЯ XI-XVII вв.16, 170), наводит на мысль о возможной неисконности анализируемого значения *покорный* для русского языка. Тем более, что как заимствование из польского это прилагательное трактует В.Витковский (1999, 138), опираясь лишь на наличие его в лексикографическом источнике начала XVIII в. Вполне очевидно, что это утверждение, основанное только на таких данных, как, впрочем, и наше предположение, нуждаются в обосновании.

Так, в старопольских текстах *pokorny* ‘odznaczający się pokorą, pełen pokory, wyrażający pokorę, pochodzący z niej; korny, uniżony’ выявляется с первой четверти XV в.²⁰⁰ и бытует в польском языке в этом значении до настоящего времени (SłStp VI(5), 325; SłPXVI, XXVI, 361; SłPaska II, 159; Linde IV, 860; Karłowicz IV, 506; SłJP VI, 838).

С конца 60-х гг. XV в. *покорный* в значении ‘(ку чему) вассально залежный (від чого)’ наблюдается в староукраинской письменности, а с конца XV – первой четверти XVI в. и в старобелорусских памятниках в значении ‘сциплы’ (ССМ XIV-XV ст. 2, 179; СМС 2, 155; ГСБМ 26, 81). И только с начала XVII в. *покорный* встречается в исследуемом нами значении в переводных с польского текстах на «простой мове» (ГСБМ 26, 80; Тимченко 2, 154). В белорусской и украинской лексикографии XIX в. эта лексема вообще не регистрируется. Однако в словарях современного белорусского (*пакорны*) и современного украинского (*покірний*) языков она в интересующем нас значении фигурирует (ГСБМ 3, 617; СУМ VII, 25). В русском же языке *покорный* в этом значении последовательно регистрировалось в лексикографических источниках на протяжении XVIII-XX вв. (Поликарпов 1704, 18 об.; САР IV, 1405; Даль III, 245; ССРЛЯ 10, 895).

Итак, сопоставление вышеизложенного, по нашему мнению, позволяет рассматривать *покорный* ‘выражающий покорность, смирение; почтительный’ в

²⁰⁰ Примечательно, что в старочешском языке *pokorný* ‘vuznačující se ctností, pokory’ представлено с первой половины XIV в., а наиболее ранние фиксации этого прилагательного в старопольском языке приходятся на памятники, испытавшие чешское влияние, поэтому не исключено, что в старопольский упомянутое выше значение было заимствовано из старочешского языка.

русском языке как семантический полонизм. Таково же, видимо, происхождение этого значения и в других восточнославянских языках. В этом случае «простая мова» могла играть роль посредника при заимствовании анализируемого значения русским письменным языком второй половины XVI – начала XVII в.

ПОЛНЫЙ, ПОЛЬНЫЙ (10) Относящийся к боевым действиям войск, связанный с военными действиями; походный, полевой: *А с королевы де стороны: воевода Познанский пан Гостомской, да воевода Мозовецкиі Томиш Третьей, моршалоць корунны Петръ Мишковский, да панъ Желковски, гетман польной ...* (Сб.РИО 137, 304, 1606-1607 гг.). Сб.РИО 142, 578, 1615 г.; АЗР 4, 415, 1615 г. *Съ великими Послы Панырадою ..., съ старостою съ Олександромъ Корвинымъ, Часедскимъ Воеводою и писаремъ полнымъ Великаго Княжества Литовскаго, ... говорили о давно зашлыхъ дългъхъ ...* (ОЗ, 49-50, 1634 г.). ИСНСР 2, 85(25), 1642 г.; АЮЗР 3, 295, 1649 г.; ВУР 2, 338(144), 1650 г.; ВУР 3, 175(82), 1652 г.; там же, 295(166), 1653 г. *А начальные люди у нихъ ... Олександръ Конецполской, гетманъ полный ...* (АЮЗР 10, 667, 1654 г.).

Рассматриваемое прилагательное является суффиксальным (суф. *-ьнь*) производным от имеющего общеславянское распространение существительного, восходящего к праслав. **polje* ‘безлесая широкая равнина; поле’ < и.-е. корень **pelǵ-* (: **pel(ǵ)-*: **pel(ǵ̃)-*) ‘широкий и плоский’, ‘простирается’, ‘расширяться’ (Ваńkowski 2, 688; Boryś 2005, 459; Wrückner 1974, 429; ИЭССРЯ II, 51; Pokorný I, 806; Преображенский II, 91-92; Фасмер III, 307-308).

В памятниках русской письменности *польный* в значении ‘полевой, равнинный, степной’ отмечается с XIV-XV вв., в интересующем же нас значении эта лексема, по данным исторического словаря, впервые встречается в *Истории о великом князе Московском* А.Курбского в списке XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 286-287). Мы обнаружили *полный, польный* в анализируемом значении в дипломатических актах первой половины XVII в., отражающих контакты МГ с Польшей и ВКЛ. В первом из указанных выше значений прилагательное бытовало в русском языке еще в XVIII – первой четверти XIX в. (САР IV, 1864). Однако уже в словаре, регистрирующем русский язык XIX в.,

оно в этом значении снаюжено пометой «стар.» (Даль III, 258). Что касается исследуемого нами значения, то, согласно Н.Смирнову (1910, 232), оно наблюдалось в русском языке еще в первой половине XVIII в., но далее этого времени судьба его не прослеживается. Кстати, упомянутый автор считает *польный* в этом значении полонизмом, что, на наш взгляд, не лишено оснований, учитывая характер памятников, где оно зафиксировано составителями исторического словаря, а также нами, но поскольку Н.Смирнов не приводит никаких доказательств, подтверждающих это мнение, то оно нуждается в верификации.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *polny* в значении ‘dotyczący pola bitwy, działań wojennych w polu; polowy’ известно по письменным источникам с первой половины XVI в. и употреблялось в нем еще в первой четверти XIX в. (SłP XVI, XXVI, 463; Linde IV, 882; SłPaska II, 163; Karłowicz IV, 538). В словаре современного польского языка это значение уже сопровождается пометой «hist», тогда как в значении ‘znajdujący się, gosnący na polu (nie ogrodowy); żyjący, gnieźdzący się w polu; odbywający się na polu; pochodzący się z pola’²⁰¹ прилагательное *polny* до сих пор входит в активный лексический запас языка (SłJP VI, 892).

В староукраинской письменности прилагательное *польный* с начала 70-х гг. XV в. засвидетельствовано в субстантивном использовании в значении ‘(у знач. іменника): землероб, хлібороб, рілник’ (ССМ XIV-XV ст.2, 188). А с конца XV в. – первой четверти XVI в. *польный* в старобелорусских текстах выступает в значениях ‘палявы’, ‘дзікі’, ‘далінны’ (ГСБМ 26, 168, 233; СМС 2, 63; Тимченко 2, 162). С 80-х гг. XVI в. это прилагательное выявляется в «простой мове» и в интересующем нас значении, причем первоначально в документах по связям с Польшей, язык которых в значительной степени полонизирован (ГСБМ 6, 277; Горбачевский 1874, 149, 227). В словаре, включающем лексический состав белорусского языка XVIII-XIX вв., находим *пóльный* только в значении ‘пасуці́ся вь полѣ (говорится о домашнемъ скотѣ)’ (Носовичь 1870, 463). Для белорусского языка история этого прилагательного ограничивается XIX в. Что касается украинского языка, то в

²⁰¹ В старопольском языке *polny*, *polni* в значении ‘(o roślinach i zwierzętach) dziki, dziko gosnący, dziko żyjący, niehodowany, nieuprawiany’ – с конца XIV - начала XV в. (SłStp VI(5), 349).

лексикографических источниках XIX-XX вв. не фигурирует уже сама исследуемая лексема.

Приведенные выше факты, как нам представляется, дают достаточные основания для вывода о том, что *полный, польный* 'относящийся к боевым действиям войск, связанный с военными действиями; походный, полевой' в восточнославянских языках является семантическим полонизмом, при этом в русский письменный язык XVI-XVII вв. он, вероятнее всего, проник благодаря посредничеству «простой мовы».

В заключение заметим, что как полонизм *польный* трактует В.Витковский (1999, 139; 2006, 157), причем, очевидно, как полонизм лексический. При этом он ссылается лишь на наличие этого прилагательного в значении 'полевой, равнинный, степной' в тексте *Назирателя*, однако, как было показано выше в этом значении прилагательное обнаруживается в русской письменности значительно раньше, с XIV-XV вв., что практически совпадает с его хронологией в старопольском, поэтому вопрос о возможности лексического заимствования пока остается открытым. По поводу же происхождения *польный* в изучаемом нами значении этот исследователь опирается только на Н.Смирнова.

ПОЛСКИЙ, ПОЛЬСКИЙ²⁰² Относящийся к Польше и полякам, свойственный, принадлежащий им: *Дьяк Иван Максимовъ говорилъ: ... били челом нашему царскому величеству гости и всякие торговые люди ..., которые ходятъ торговати въ ваши государства в коруну **Польскую** и въ великое княжество Литовское, что емлютъ деи с них ... тамгу великую ...* (Сб.РИО 137, 40, 1599 г.). *Посылалъ о томъ в Литву къ **Полскимъ** и къ Литовскимъ паномъ, чтобъ пропустили пословъ ...* (ПДС 2, 1689, 1599 г.). *Да Янь Казимеръ король **полской** посылалъ въ Крымъ, для ратныхъ людей, послов своихъ ...* (АЮЗР 10, 667, 1654 г.).

В указанном выше значении эта лексема образована суффиксальным (суф. *-ьскъ*) способом от существительного, восходящего к праслав. **poljaninъ*,

²⁰² Поскольку случаи употребления этой лексемы в указанном значении в дипломатической корреспонденции МГ конца XVI – первой половины XVII в. очень многочисленны (исчисляются сотнями), мы не указываем точное количество, а лишь приводим наиболее раннюю и позднюю фиксации в наших материалах.

мн. ч. **poljane*²⁰³, наименованию древнего объединения племен и его жителей, обитавших на территории Великопольши (Bogus 2005, 459; Фасмер III, 322).

В древнерусском языке *польскыи* в значении 'полевой, равнинный, степной' отмечается с X-XI вв., с XV-XVI вв. это прилагательное встречается и в других значениях (Срезневский II, 1150-1151; СлДРЯ VII, 114; СлРЯ XI-XVII вв.16, 287). Пока не представляется возможным точно установить, с какого времени *полский*, *польский* регистрируется в русской письменности в интересующем нас значении, так как в исторические словари русского языка не входят собственные имена (географические названия) и названия жителей по географическому наименованию местностей, а также образованные от них прилагательные (СлДРЯ I, 5; СлРЯ XI-XVII вв.1, 8). Венгерский славист А.Золтан (1987, 67-68; 1988, 83) относит появление *полский*, *польский* 'относящийся к Польше и полякам, свойственный, принадлежащий им' в русских письменных источниках (в составе титула польского короля Казимера IV) ко второй половине XV в. Широкое же распространение это прилагательное в указанном значении, по данным В.Витковского (1999, 139; 2006, 157) и нашим сведениям, получает в русском письменном языке с XVI в. В лексикографических источниках оно в этом значении фигурирует с 30-х гг. XVIII в. и фиксируется до сих пор (Даль III, 267; ССЛРЯ 10, 1143-1144).

В связи с тем, что *полский*, *польский* является производным от древнего самоназвания группы племен на территории Великопольши, то вполне закономерно напрашивается мысль, что в других языках оно должно быть заимствованием. Полонизмом это прилагательное в исследуемом значении считает А.Золтан (там же), не указывающий, однако, характер заимствования, а также В.Витковский (там же), который приводит в качестве аргументации лишь наличие лексемы в анализируемом значении в русских памятниках письменности и словарях XVI-XVIII вв., но только эти сведения не могут служить неоспоримыми доказательствами, поэтому обратимся в польскому языку.

В старопольских текстах *polski* в значении 'używany w Polsce, Polsce i polakom właściwy' засвидетельствовано с середины XIV в., в значении 'napisany

²⁰³ Эта лексема, в свою очередь, является суффиксальным (суф. *-aninъ*) производным от имеющего общеславянское распространение существительного, восходящего в праслав. **polje* 'безлесая, широкая равнина; поле' (о его происхождении см. выше, с. 452 данной работы).

w języku polskim' – с конца того же столетия, а в значении 'polny, gosnący dziko na polach' – с середины XV в. (SłStp VI(5), 350-351). В первых двух значениях это прилагательное продолжало бытовать и в XVI-XX вв. и вплоть до настоящего времени (SłPXVI, XXVI, 464; SłPaska II, 163; Linde IV, 886; Karłowicz IV, 541; SłJP VI, 899).

Со второй половины XIV в. *полскии*, *польскии* в интересующем нас значении выявляется в староукраинском языке, в документах, отражающих контакты с Польшей, а с конца XV – начала XVI в. – и в старобелорусских источниках, переводных с польского или насыщенных полонизмами; отмечается оно и в «простой мове» (ССМ XIV-XV стст.2, 185; ГСБМ 26, 234). Далее мы находим *пóльський* в этом значении в словаре, включающем лексический запас украинского языка XIX в. (Грінченко II, 294), и в современной украинской (*пóльський*) и белорусской (*пóльскіі*) лексикографии (СУМ VII, 110; ТСБМ 4, 290).

Сопоставление представленной выше информации позволяет, по нашему мнению, утверждать, что *полскии*, *польскии* 'относящийся к Польше и полякам, свойственный, принадлежащий им' в середине XIV в. было заимствовано из польского в староукраинский язык, а позднее и в старобелорусский язык, затем через их посредничество и через «простую мову» в русский письменный язык. В данном случае в отношении русского языка речь идет именно о семантическом полонизме, так как в польской исторической лексикографии анализируемое значение входит в словарную статью наряду с другими значениями прилагательного *polski*, одно из значений которого и было заимствовано.

ПОРОХОВОЙ (2) Относящийся к пороху, к его изготовлению; предназначенный для хранения пороха: *К ... войне много селитры для порохового дѣла надобен ...* (ЭСРШ, 45(21), 1630 г.). *Во Псковъ приѣхаль ... и твою государеву печать ... и городовые ключи и по городу нарядъ и денежную и пороховую казну ... и запасы и всякіе твои государевы дѣла у мѣня ... приняль и росписался* (Якубов 1897, 320, 1650 г.).

Данное прилагательное представляет собой суффиксальное производное от имеющего общеславянское распространение и соответствия в некоторых

индоевропейских языках существительного, восходящего к праслав. **porchъ* ‘мелкие частицы, обломки, осколки чего-л.’, ‘пыль’ (на базе этой семантики и развилось терминологизированное значение ‘взрывчатое вещество для изготовления зарядов огнестрельного оружия’) < и.-е. *porso-*, корень **pers-* (: **per-s-*): **pŕs-* ‘брызги’, ‘пузыри’, ‘снежинки’, ‘водопад’, ‘брызгать’, ‘порошить’ (Bańkowski 2, 778; Boryś 2005, 483; Brückner 1974, 437; ИЭССРЯ II, 58; Machek 1957, 389; Pokorný I, 823; Преображенский II, 109; Фасмер III, 332-333; Fraenkel II, 674).

В русской письменности *пороховой* впервые появляется со второй половины XVI в. в значении ‘порошкообразный, по виду напоминающий порошок’, что в историческом словаре иллюстрируется единственным примером из переводного с польского памятника *Назиратель* (СлРЯ XI-XVII вв.17, 127). Согласно тому же источнику, в интересующем нас значении эта лексема засвидетельствована с середины 20-х гг. XVII в. (там же). Обнаруженное нами употребление *пороховой* ‘относящийся к пороху, к его изготовлению; предназначенный для хранения пороха’ в переводном дипломатическом документе 1630 г. по сношениям МГ со Швецией, где затрагиваются и контакты первого субъекта с Польшей, следует причислить к наиболее ранним фиксациям. В этом значении прилагательное продолжает бытовать в русском языке вплоть до настоящего времени (САР V, 8; Даль III, 321; ССРЛЯ 10, 1393).

Что касается других восточнославянских языков, то с начала XVII в. *пороховой* ‘парахавы, які мае адносины да пороху’ выявлено и в «простой мове», первоначально в переводных с польского текстах (ГСБМ 27, 26). Далее это слово в анализируемом значении регистрируется в словаре, включающем лексический состав украинского языка (*пороховий*) XIX в. (Грінченко II, 358), а также в современной белорусской (*парахавы*) и украинской (*пороховий*) лексикографии (ТСБМ 4, 51; СУМ VIII, 286).

Исследователь польско-русских языковых контактов В.Витковский (1999, 141; 2006, 160) считает, что *порохъ* ‘взрывчатое вещество’ (в русском письменном языке – с конца XVI - начала XVII в.) и *пороховой* в исследуемом нами значении являются заимствованиями из польского. При этом в связи с существительным он опирается лишь на памятники письменности, а в случае с

прилагательным – только на один лексикографический источник начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 24), но эти материалы сами по себе еще не доказывают факта заимствования, более того, у Ф.Поликарпова ни существительное, ни прилагательное в этих значениях не представлены. Однако поскольку мы склонны поддержать точку зрения упомянутого автора, то постараемся аргументировать ее.

Так, *proch* ‘material wybuchowy będący mieszaniną saletry, siarki i węgla’ известно в старопольских письменных источниках с 1472 г. (SlStp VII(1), 54). Кстати, с конца XV в. *porохъ* ‘порох (для стрельбы)’ наблюдается в староукраинском языке, что в историческом словаре демонстрируется единственной выдержкой из *Статута Казимира Великого* (ССМ XIV-XV ст.2, 198). В старобелорусском языке существительное в этом значении – с конца XV – начала XVI в. (ГСБМ, там же; ЭСБМ 9, 286). *Prochowy* как прилагательное от *proch* в значении ‘syпка sybstancja’ отмечается в польских памятниках с середины XVI в., а в значении ‘proch strelniczy’ – с середины 80-х гг. XVI в. (SlPXVI, XXX, 320). В последнем значении эта лексема употреблялась в XVII-XIX вв. и до сих пор входит в активный запас польской лексики (Linde IV, 1040; Karłowicz IV, 1007; SlJP VII, 12).

Итак, характер памятников, где впервые встречается *porохъ* ‘взрывчатое вещество’, а также хронологические данные, убедительно свидетельствуют о том, что в восточнославянских языках это, вероятнее всего, семантический полонизм, так как в древнерусском это существительное в значении ‘пыль’ отмечается уже с XI в. (Срезневский II, 1214; СлРЯ XI-XVII, там же), а в письменности ВКЛ оно в этом значении и в значении ‘парашок’ – с 80-х гг. XV в. (ГСБМ 27, 27). При этом проникновению интересующего нас значения в русскую письменность конца XVI - начала XVII в., очевидно, способствовала «простая мова». Что касается прилагательного, то в анализируемом нами значении *porоховой* в русском языке несомненная калька с *prochowy* в соответствующем значении, а вот в значении ‘порошкообразный, по виду напоминающий порошок’ это, видимо, лексическое заимствование из польского во второй половине XVI в. с последующей фонетической адаптацией. Заметим, что, как и в случае с *porохъ*, семантическое калькирование осуществлялось, судя по всему, благодаря посредничеству «простой мовы».

III.2.3. Глагол

БРОНИТИ (1) *несов.* Оборонять, защищать; охранять: *Имижь Павелъ вооружаетъ на брань ... броня веру непорочную, аки щитъ упование, аки шлемъ непрестанную ...* (СГГД 2, 450(207), 1610 г.).

Этот глагол, имеющий общеславянское распространение, восходит к праслав. **borniti*(se) ‘защищать, обронять’, ‘препятствовать, задерживать’, ‘мешать’, ‘запрещать’ и является производным на *-iti* от имени с *-i-* основой **bornъ* ‘бой, битва; война’, ‘спор’, ‘защита’, ‘оружие’ (подробнее о его происхождении см. выше, с. 244 данной работы).

В *Словаре древнерусского языка* эта лексема вообще не приводится, тогда как в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* (1, 337-338) находим *бронити* в значении ‘препятствовать, возбранять, запрещать’, датированное 1036 г., и цитируемое по *Радзивиловской летописи* в списке XV в., и в значении ‘оборонять, защищать’, демонстрируемое двумя примерами из *Истории иудейской войны Иосифа Флавия* XI в. в списке XV-XVI вв. и из *Истории о великом князе Московском* А.Курбского в списке XVII в. Мы обнаружили этот глагол в значении ‘оборонять, защищать; охранять’ в дипломатическом документе начала XVII в. по сношениям МГ с Польшей. В русской толковой лексикографии *бронить* представлено лишь у Вл.Даля и только в значении ‘боронить, оборонять’ с пометой «стар.» (Даль I, 130).

Наше внимание эта лексема привлекла тем, что некоторые исследователи польско-русских языковых контактов трактуют ее как полонизм. Так, В.Витковский (1999, 16; 2006, 18), судя по приводимым им данным, считает этот глагол лексическим заимствованием, ссылаясь при этом лишь на наличие его в первом значении в дипломатическом акте *Посольства отъ Псковскихъ жителей въ Литву къ королю Польскому великому князю Литовскому Казимиру IV* 1480 г. (Сборник Муханова, 1866, 14), а во втором – на *Историю о великом князе Московском* А.Курбского и на Вл.Даля. В.Тамань (1961, 203) выявила *бронити* ‘защищать’ в произведениях А.Курбского. Однако ни один из этих авторов ничем не мотивирует свое мнение, поэтому обратимся к польскому языку.

В старопольской письменности *bronić* в значении ‘odpierać napad, bronić; ochraniać, strzeć’ известно со второй половины XIV в., а в значении ‘odmawiać, zabraniać, nie dopuszczać’ – с конца XIV – начала XV в. (SłStp I(3), 162). В интересующем нас значении глагол продолжал бытовать и в польском языке XVI-XIX вв., причем со второй половины XVI в. и в переносном значении ‘bronić w sądzie, polemice (słowem lub pismem)’; в этом значении он фигурирует и в словаре современного польского языка (SłP XVI, II, 441; SłPaska I, 52; Linde I, 171; Karłowicz I, 208; SłJP I, 664).

В староукраинских письменных источниках *бронити* в значении ‘(кому) бронити, забороняти’ засвидетельствовано с конца XIV – начала XV в., а в значении ‘(кого проти кого) обороняти, боронити, захищати (кого від кого)’ – с середины 30-х гг. XV в., при этом составители исторического словаря сопровождают эту лексему комментарием «стп. *bronić*», указывающим на ее источник (ССМ XIV-XV ст. 1, 124). В исследованиях по этимологии и истории белорусского языка отмечается, что *бронити* ‘абараняць, ахоўваць’, регистрируемое с начала XVI в. первоначально в переводных с польского или сильно полонизированных текстах, являются заимствованием из польского (Булыка 1972, 49; ГСБМ 2, 221; ЭСБМ 1, 380). В «простой мове» второй половины XVI–XVII вв. глагол наблюдался в обоих значениях (ГСБМ, там же; СУМ XVI – I пол. XVII ст.3, 76). Далее *брóниця* в значениях ‘оборонять, избавлять’ и ‘заборонять, запрещать’ встречается в словаре, включающем лексический состав белорусского языка XVIII-XIX вв. (Носович 1870, 34). В современной белорусской и украинской лексикографии эта лексема вообще не фиксируется.

Подводя итог обзору истории слова *бронити* в восточнославянских языках и *bronić* в польском, можно, на наш взгляд, сформулировать следующие выводы: в староукраинском языке это, очевидно, лексическое заимствование ввиду близости во времени обоих значений; то же можно сказать и о старобелорусском языке, где глагол представлен только в значении ‘абараняць, ахоўваць’. Что касается русского языка, то в значении ‘препятствовать, возбранять, запрещать’ из польского во второй половине XV в., несомненно, была заимствована сама лексема, в чем мы полностью согласны с С.Кохманом (1973а, 86). Что касается непродолжительности истории глагола *бронити* и

нераспространенности его в обоих значениях в русском языке, то объяснить это можно тем, что он был явно избыточен. Так, в древнерусском языке уже с XI в. встречается глагол *бранити* в значении ‘возбранять, запрещать, препятствовать’, а с начала XV в. он наблюдался в русской письменности и в значении ‘оборонять, защищать; охранять’²⁰⁴ (СлДРЯ I, 304; СлРЯ XI-XVII вв. 1, 315-316). С XII-XIII вв. в первом из указанных значений употреблялся также глагол *боронити*, с XIV в. он выявляется и в значении ‘оборонять, защищать’ (Срезневский I, 513; СлДРЯ I, 297; СлРЯ XI-XVII вв. 1, 297).

ОПРАВИТИ (2) *сов.* Украсить оправой, вставить в оправу: *Шлеи серебромъ позолоченымъ оправлены, поволочены бархатом червоннымъ* (Сб.РИО 137, 674, 1607-1608 гг.). *4 муштука, оправлены серебром, золочены, с камни – з бирюзами да с яшмами ...* (ИСНСР 2, 23(4), 1638 г.).

Анализируемое слово представляет собой префиксальный дериват от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **praviti* ‘делать прямым, выпрямлять’, ‘исправлять’, ‘делать подходящим, соответствующим’, в свою очередь, отыменному образованию от **pravъ* ‘прямой’, ‘правильный, верный’, ‘исправный’, ‘соответствующий, подходящий; надлежащий’ < и.-е. **prō-цo-s* ‘надлежащий’, ‘добрый’, ‘честный’, ‘прекрасный’, ‘предпочтительный, преимущественный’, ‘значительный, видный’ (Bańkowski 2, 423; Boryś 2005, 480; Brückner 1974, 435; Преображенский II, 121; Фасмер III, 352).

В древнерусском языке *оправити* в значениях ‘рассудить, устроить разбирательство’ и ‘направить’ известно с X-XI вв., в XII-XIV вв. объем значений этой лексики значительно расширяется (СлДРЯ VI, 143; СлРЯ XI-XVII вв.13, 38, 39). В интересующем нас значении этот глагол впервые засвидетельствован в русской письменности в 70-е гг. XVI в. в *Польских делах* (СлРЯ XI-XVII вв.13, 39). Нам он в этом значении встретился в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям с Польшей и ВКЛ, а также Молдавским княжеством. Ряд обстоятельств побуждает нас думать, что это значение неисконно для русского языка: характер памятников, где *оправити* ‘украсить оправой, вставить в оправу’

²⁰⁴ Кстати, А.Курбский в своей *Истории о великом князе Московском* в этом значении использует то *бранити*, то *бронити* (СлРЯ XI-XVII вв.1, 316, 337-338).

встречалось на первых порах, кроме того то, что однокоренное существительное *оправа* ‘оправа’ и прилагательное *оправный* ‘имеющий оправу или отделку в виде оправы’ считаются полонизмами, заимствованными в первой половине XVII в. (Kochman 1967, 126; Witkowski 1999, 119; 2006, 133). И, наконец, как полонизм трактует исследуемый нами глагол в анализируемом значении В.Витковский (там же), который, однако, не приводит никаких аргументов, подтверждающих это, а ссылается лишь на регистрацию слова в русской лексикографии, где оно в значении ‘вставить в оправу’ фиксируется начиная с XVIII в. вплоть до настоящего времени (САР IV, 351; Даль II, 684; ССРЛЯ 8, 949). Примечательно, что в исторических словарях и толковых словарях XVIII-XIX вв. этот глагол подается как многозначный, а в *Словаре современного русского литературного языка* он выступает как омоним к *оправить* в других значениях (ССРЛЯ 8, 948).

В старопольских памятниках *oprawić* ‘ozdobić, ornāre, dĕcōrāre’ выявляется с конца XIV в. и в значении ‘umocować w czymś, dać jakąś gameę, rokruć czymś dla ozdoby lub ochrony’ продолжало бытовать и в польском языке XV-XIX вв. (SłStp V(8), 613-614; SłPXVI, XXII, 35; Reczek 1968, 298; Linde III, 573; Karłowicz III, 813). И в словаре современного польского языка находим *oprawić* ‘obsadzić, ująć w ramy; dać oprawę (trzonek, rękojeść, gameę itp.)’ (SłJP V, 1053). Причем в польской лексикографической традиции эта лексема на протяжении всей ее истории трактуется как многозначная.

С конца XV в. *оправити* ‘уставиць у аправу; упрагожьць’ наблюдается в старобелорусских и староукраинских письменных источниках, при этом преимущественно в переводных с польского текстах, а форма страдательного причастия *оправленный* появляется даже несколько раньше спрягаемых форм глагола в том же значении (ССМ XVI-XV ст. 2, 89; ГСБМ 22, 280-281, 282). В указанном значении глагол обнаруживается и в «простой мове» и тоже – преимущественно в переводах с польского (ГСБМ 22, 281). В словаре, отражающем белорусский язык XVIII-XIX вв., представлены только существительное *опра́ва* ‘дорогая оправа для украшения или прочности какой-либо вещи’ и прилагательное *опра́вный* ‘оправленный чѣмъ либо дорогимъ’ (Носовичъ 1870, 365), в словаре же украинского языка, включающем лексический запас того же периода, отмечается и глагол в значении ‘оправить,

обдѣлать' (Грінченко II, 64). И в современной белорусской (*apráviць*) и украинской (*opráвити*) лексикографии он фигурирует в том же значении (ТСБМ 1, 253; СУМ V, 727). Заметим, что в белорусской и украинской исторической лексикографии выделяются омонимы *оправити* в изучаемом нами и других значениях и *оправити* как юридический термин, который квалифицируется как полонизм (ССМ XIV-XV ст. 2, 88; ЭСБМ 1, 132), в толковых же словарях украинского языка этот глагол выступает как многозначный (СУМ, там же; ВТССУМ, 849).

Сопоставление вышеизложенного, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что в русском письменном языке второй половины XVI - начала XVII в. *оправити* 'украсить оправой, вставить в оправу' – несомненный семантический полонизм, таково же, очевидно, происхождение этого значения и в старобелорусском и староукраинском языках, поэтому «простая мова», вероятнее всего, выступала в роли посредника при заимствовании значения русским языком.

РОБИТИ (1) *несов.* Работать; делать, совершать; заниматься каким-л. делом, деятельностью: *А въ тоє пору ксендзь робиль мишу читаную ...* (АЮЗР 3, 290, 1649 г.).

Этот глагол, имеющий общеславянское распространение и восходящий к праслав. **orbiti* с первоначальным значением 'выполнять обязанности раба; служить; тяжело, рабски работать', является отыменным производным от праслав. **orbъ* 'раб, невольник; слуга' (подробнее о его происхождении см. выше, с. 266 данной работы, а также ЭССЯ 32, 116-118).

В древнерусском языке *робити* в значении 'поработать, обращать в рабство' засвидетельствовано в *Правде Русской* XII в. в списке XIV в. (Срезневский III, 125; СлРЯ XI-XVII вв. 22, 168). И.И.Срезневский (там же) указывает, что в значении 'работать, исполнять работу' анализируемый глагол отмечается в русской письменности с первой четверти XV в., однако иллюстрирует это единственным примером из *Жалованной грамоты короля Владислава Ягайла Иосифу Бьдуну*, которая, по нашему мнению, написана на староукраинском языке, видимо, поэтому составители другого исторического словаря русского языка не учитывают этот случай, а появление *робити*

‘работать’ и ‘делать, изготавливать’ датируют концом 30-х – началом 40-х гг. XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Польский же славист В.Витковский (1999, 165; 2006, 186), считающий глагол в этих значениях полонизмом, относит его появление в русском письменном языке к 1609 г. Но поскольку он опирается только на данные лексикографических источников, где эта лексема в упомянутых значениях не сопровождается какими-либо пометами или комментариями, раскрывающими происхождение этих значений, то его утверждение требует верификации.

Мы обнаружили *робити* в исследуемом значении в дипломатическом документе середины XVII в., фиксирующем контакты МГ с Польшей и ВКЛ. В значении ‘работать, дѣлать’ находим *робіти* с пометой «млрс.» и *рѳобити* с пометами «ряз.кал.смл.» у Вл.Даля (Даль IV, 97). В словаре современного русского языка *рѳобить* ‘работать’ сопровождается пометой «обл.» (ССРЛЯ 12, 1349). Все это побуждает нас обратиться к истории глагола в старопольском языке. Здесь *robić* ‘wykonywać, wytworzać’, ‘pracować’ было известно уже с конца XIV в. и в этих значениях продолжало бытовать в польском языке и в XVI-XIX вв. (SłStp VII(6), 467-468; Reczek 1968, 412; Linde V, 35; Karłowicz V, 538-539). И в словарях современного польского языка *robić* представлено в значениях ‘wykonywać, wyrabiać, wytwarzać, produkować coś’ и ‘spełniać czynność lub wypełniać zadanie określone dopełnieniem, prowadzić działalność w jakiejś dziedzinie, zajmować się czymś, dokonywać czegoś’ (SłJP VII, 993-997; SłJP 1983, III, 62).

На рубеже XIV-XV вв. *робити*, *робыти* в значении ‘виконувати (що), займатися (чим)’ выявляется в староукраинском языке, причем в сильно полонизированных актах, а с первой половины XV в. глагол встречается здесь и в значении ‘працювати’ (ССМ XIV-XV ст. 2, 293)²⁰⁵. *Робити* ‘работать, служить’ продолжало употребляться и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. (Тимченко 2, 273). В значении ‘работать; дѣлать’ этот глагол наблюдался и в белорусском (*робіць*) и украинском (*робіти*) языках XVIII – XIX вв. (Носовичь 1870, 563; Грінченко II, 535). И в современной белорусской лексикографии *рабіць* фигурирует в значениях ‘займацца чым-н., праяўляць

²⁰⁵ Кстати, в этом историческом словаре украинского языка первое значение иллюстрируется цитатой из того же памятника, на который ссылается и И.И.Срезневский.

якою-н. дзейнасць’ и ‘працаваць’, а в современной украинской лексикографии находим *робіти* в значениях ‘займатися якою-н. справою, діяльністю’ и ‘працювати’ (ТСБМ 4, 548; СУМ VIII, 582).

Как нам представляется, приведенная выше информация дает достаточные основания для вывода о том, что в русском письменном языке XVII в. *робити* в интересующем нас значении является семантическим полонизмом. Не исключено, что таково же происхождение этого значения и в других восточнославянских языках, так как в старобелорусском языке сама лексема, как и в древнерусском, регистрируется в значении ‘занявольваць’, что свидетельствует о значительной ее древности в этих языках (СМС 2, 169). Хотя существует высказанное еще Е.Карским (1955, 1, 96) мнение о заимствовании из польского в белорусский язык самой лексемы (ЭСБМ 11, 11). Однако в любом случае не возникает сомнений в том, что при заимствовании анализируемого значения русским языком роль посредника играла «простая мова».

III. 2. 4. Союзы

ЖЕ (2) союз *изъяснительный* (употребляется для связи придаточного дополнительного со сказуемым главного предложения, выраженным глаголом речи, мысли, чувства и т.п.) ‘что’: *Богъ Всемогущій ... в прироженье то лютькое вложи, же всь государи о всяких дѣлех через послы и посланники свои один з другим обсылатца* (Сб.РИО 137, 642, 1607-1608 гг.). *И послѣ того говорилъ арцыбискупъ ... тебѣ бѣ присягу свою незабытну имѣть ... и иначе, мимо давныхъ и нынѣшнихъ правъ, ничего не чинить ..., помнячи, же и ты яко единъ отъ земныхъ мешканцовъ ...* (АЮЗР 3, 290-291, 1649 г.).

Анализируемая лексема, имеющая общеславянское распространение, восходит к праслав. **jьže* ‘который, кто’, являющемуся сложением относительного местоимения **jь* ‘который, кто’ в форме мужского рода, продолжающего и.-е. **jos*, своего рода тематизацию местоимения **jь* ‘тот’, ‘он’, с энклитической усилительной частицей **že* ‘же’ с и.-е. базой **g^he-*: **g^ho-* ‘же’,

‘также’, ‘лишь’, ‘-то’, ‘ведь’, ‘конечно’, ‘именно’ (Boryś 2005, 201, 753; Berneker I, 419; Brückner 1974, 663; ИЭССРЯ I, 294; Pokorný I, 417; Преображенский I, 223-224; Фасмер II, 39, 118-119; Fraenkel I, 126; ЭССЯ 8, 204-205).

В древнерусской письменности союз *же* в значениях ‘а, но (сопоставительно-противительный)’ и ‘и, а (присоединительный)’ отмечается с XI-XII вв., а в значении ‘если’ – со второй половины XIII в. (СлДРЯ III, 236-237, 238; СлРЯ XI-XVII вв.5, 78-79) И.И.Срезневский приводит *же* и в значении ‘что’, иллюстрируя это единственным примером из *Грамоты Молдавскаго воеводы Петра Польскому королю Владиславу*, датируемой 1388 г. (Срезневский I, 847). Однако, по нашему мнению, этот акт написан на староукраинском языке, и, видимо, поэтому на него не ссылаются составители других исторических словарей. И вообще, за исключением словаря И.И.Срезневского, это слово в интересующем нас значении не регистрируется ни одним лексикографическим источником.

Мы обнаружили союз *же* ‘что’ в дипломатической корреспонденции XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, в текстах, насыщенных полонизмами, что, учитывая историю лексемы, может свидетельствовать о неисконности анализируемого значения для русского языка. Кстати, полонизмом ее считает и В.Витковский (1999, 47; 2006, 51), опираясь при этом лишь на наличие *же* ‘что’ в сочинениях А.Курбского и в виршах конца XVII в. и не приводя никакой другой аргументации. В связи с этим попытаемся проследить историю исследуемой лексемы в польском языке. В старопольских текстах *że* ‘(wprowadza zdanie dopełnieniowe) że, quod, ut’ известно с конца XIV – начала XV вв. и в этом значении активно бытует в польском языке уже более шести столетий (Łoś 1927, 349; SłStp XI(8), 572; Linde VI, 999; SłPaska II, 778; Karłowicz VIII, 699; SłJP X, 1408).

С конца XIV в. засвидетельствованы единичные случаи употребления союза *же* в значении ‘(приєднує підрядні додаткові речення): що’ в староукраинских памятниках, фиксирующих контакты с Польшей, а в *Етимологічному словнику української мови* эта лексемы рассматривается как

вероятный полонизм (ССМ XIV-XV ст. 1, 356²⁰⁶; ЕСУМ 2, 190). Более широкое распространение союз в указанном значении в письменности ВКЛ получает в XV-XVI вв., но и в это время и в «простой мове» XVI-XVII вв. он наблюдался в источниках, в значительной степени насыщенных полонизмами или переводных с польского языка (ГСБМ 9, 274; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 9, 132). Для белорусского языка судьба рассматриваемой лексемы в анализируемом значении далее XVII в. не прослеживается, тогда как в словаре, отражающем лексический состав украинского языка XIX в., еще находим *же* ‘що’ (Грінченко I, 549), однако в словаре современного украинского языка этот союз в упомянутом выше значении уже не фигурирует.

Итак, сопоставление вышеизложенной информации, на наш взгляд, позволяет утверждать, что в восточнославянских языках изъяснительный союз *же* ‘что’ является несомненным полонизмом, при этом в русском письменном языке второй половины XVI-XVII вв. – семантический, так как уже в древнерусском языке частица *же* выступала и роли союза (СлДРЯ III, 236-237), а в русской исторической и толковой лексикографии частица и союз помещаются в одну словарную статью (СлРЯ XI-XVII вв.5, 78-79; СлРЯ XVIII в. 7, 100-101; ССРЛЯ (2)V-VI, 83-84). В белорусской же и украинской, как, впрочем, и в польской словарной традиции (SłStp XI(8), 575-576; SłPaska II, 781; Karłowicz VIII, 699-700; SłJP X, 1411), за исключением одного словаря (Linde VI, 999-1000), они трактуются как омонимы (ГСБМ 9, 274-275; ТСБМ 2, 245-246; ССМ XIV – XV ст. 1, 355-356; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 9, 133-134; СУМ II, 516), поэтому для этих языков следует говорить о лексическом заимствовании, хотя генетически эти лексемы восходят к одному источнику, а частица появляется в них раньше союза. И в любом случае, в русскую письменность XVI-XVII вв. *же* в значении ‘что’, очевидно, проникло благодаря посредничеству «простой мовы». В заключение заметим, что косвенным образом о заимствовании из польского этой лексемы в анализируемом значении может свидетельствовать и то, что союз *жебы* ‘чтобы’, встречавшийся в староукраинском и старобелорусском языках XV-XVI вв., а также в «простой мове» и русской письменности XVII в., тоже квалифицируется как полонизм (Булыка 1972, 113; ЕСУМ 2, 190; Witkowski, там же).

²⁰⁶ Кстати, составители словаря староукраинского языка наряду с другими источниками цитируют и документ, использованный И.И.Срезневским.

III. 2. 5. Обобщение результатов

Резюмируя обзор проанализированных в этом разделе лексем, из которых 9 составляют имена существительные, 5 – имена прилагательные, 3 – глаголы, 1 – союз, отметим, что удалось верифицировать 18 рассмотренных выше случаев, причем доказать именно семантическое калькирование, поскольку в предшествующих исследованиях лишь *жалоба*, *заказъ*, *кровный*, *польный* (*полный*), *пороховой* в представленных значениях трактовались как семантические заимствования. Укажем также, что в 17 случаях в процессе заимствования значений русский письменным языком второй половины XVI – первой половины XVII в. в роли посредника, по всей вероятности, выступала «простая мова».

Однако в 14 случаях мнение о семантическом калькировании с польского подтвердить не удалось. Так, выявленные нами в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. лексемы *живность* (3) *суц. ж.* ‘пища, продовольствие; провиант; фураж’: *И нам ... в осаде долго сидѣти будет трудно и нужно, і в своих і в конских кормѣхъ недостаток и голод великой; а к ворм ... живность везут отовсюду і во всем у них достаток великой ...* (Сб.РИО 142, 274, 1611-1612 гг.; там же, 641, 1615 г.); ВУР 3, 305(166), 1653 г., *заплата* (3) *суц. ж.* ‘плата, денежное вознаграждение за что-л.; награда или отплата’: *А великим послом ... с великим государем Жигимонтомъ королемъ ... договор учинить про коштъ и про накладъ королевской, на ратное дѣло учиненнымъ, и про заплачу Полским и Литовскимъ людем ...* (Сб.РИО 142, 108, 1610 г.); ВУР 3, 41(16), 1651 г., *згодитися* (*сгодитися*) (4) *глагол. сов.* ‘договориться, уговориться; согласиться на что-л.’: *Государи наши на вѣчное докончанье и соединенье згодятся ...* (ДРВ (2)4, 68, 1601 г.); Сб.РИО 137, 457, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 573, 1615 г.; ВУР 2, 433(181), 1650 г., *потуга* (1) *суц. ж.* ‘сила; военные силы’: *Король де польский, отпустя царского величества великих послов, со всею потугою пошел на них ...* (ВУР 3, 390(195), 1650 г.), *пышный* (3) ‘любящий роскошь, великолепию; важный, гордый; спесивый, надменный, напыщенный’: *Будет*

*бояре ваши ... учнут с нами о дѣлехъ постоповати **пышными** словами ... и измѣнников наших нам назад не вернут ...* (Сб.РИО 137, 643, 1607-1608 гг.). *И то все сталося отъ **пышныхъ** пановъ, которые такихъ искони вѣчныхъ служальцов грабили и разоряли* (АЮЗР 3, 288, 1649 г.; там же, 296), *увязити* (1) глаг. сов. ‘заключить в тюрьму’: *И ... паны-рада Литовские ... съгъзжались в Новегородке и думали ... какъ имъ вперед быть, что многое нестроенье стало в землю ихъ, и послы х королю изо многихъ мѣсть, а болии всѣхъ от Московского государя, что тамъ многие **увязены** ...* (Сб.РИО 137, 305, 1606-1607 гг.), *узнанье* (3) суц. с. ‘усмотренье; мнение, заключение, оценка, суд’: *Его милость, вины и грубости ... ваши отставил, войска своего до вас посылати не велѣл, а пустил ту справу и кривду ... на разсудокъ и **узнанье** цесаря ...* (Сб.РИО 142, 398, 1613 г.; там же, 478, 1615 г.; там же, 483), которые в приведенных выше значениях В.Витковским (1992, 265, 266, 267), а *живность* и С.Кохманом (2005, 14-15) квалифицируются как семантические полонизмы, по нашему мнению, являются лексическими заимствованиями²⁰⁷, так как именно в этих значениях они впервые были засвидетельствованы в русской письменности. *Живность* – со второй половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 100), *заплата* – со второй половины 70-х гг. XVI в. (там же, 267), *згодитися* (*сгодитися*) – с конца XV в. (Рогова, 1987, 33), *потуга* – с середины XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 18, 28), *пышный* – с конца XV – начала XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 86), *увязити* – с первой четверти XVII в. (Kochman, 1967, 148), *узнанье* – также с первой четверти XVII в.²⁰⁸

Кроме того, не следует, видимо, относить к полонизмам ряд лексем, которые предположительно могли быть семантическими заимствованиями, поскольку в русском письменном языке в значениях, упоминаемых в некоторых исследованиях польско-русских языковых контактов, они появляются раньше, чем в польском языке. Это относится к *замѡкъ* (1) суц. м. ‘часть огнестрельного оружия, где воспламеняется заряд’: *Да 2 пистоля немецкие, а **замки** колесные, а ольстры с наметом, сукно червчатое ...* (РБС, 195(173), 1645 г.),

²⁰⁷ В отношении *заплата* об этом косвенно свидетельствуют изыскания В.В. Виноградова (1994, 195), в отношении *згодитися* это подтверждается данными В.Н.Роговой (1987, 33), а в отношении *пышный*, *увязити* и *узнанье* – материалами С.Кохмана (1977с, 47-48; 1967, 148).

²⁰⁸ Наши данные позволяют несколько передвинуть нижнюю хронологическую границу анализируемого значения этой лексемы, установленную С.Кохманом (1967, 148), с 1615 г. на 1613 г.

встречающемуся в русской письменности с 80-х гг. XVI в.²⁰⁹ (Срезневский I, 251; СлРЯ XI-XVII вв. 5, 242), тогда как в польских памятниках *zamek* ‘część mechanizmu do krzesania ognia u strzelby’ зафиксировано пока не ранее первой половины XVIII в. (Karłowicz VIII, 169). *Лежати* (6) *несов. (геогр.)* ‘иметь местонахождение, быть расположенным; простираться’ (1): *А отъ города пришли многіе люди на дорогу, которая дорога лежитъ отъ Снѣтной горы к острожкамъ ...* (Якубов 1897, 386, 1650 г.) и ‘стоять, располагаться войском где-л.’ (5): *А что было Сопѣжино войско лежало на королевскихъ волостяхъ, и тѣмъ король заплатилъ гроши за 4 годы ...* (Сб.РИО 142, 641, 1615 г.); там же, 643; АЮЗР 3, 296, 1649 г.; ВУР 2, 423(181), 1650 г.; ВУР 3, 57(18), 1651 г., в древнерусской письменности в первом значении засвидетельствованному с XIII в., а во втором – с начала XV в. (СлДРЯ IV, 395-396; СлРЯ XI-XVII вв. 8, 197), в польском же языке *leżeć* в этом значении – не ранее XV в. (SłStp IV(1), 30). *Поступитися* (12) ‘поступиться чем-л., уступить что-л. кому-л., отдать’: *А он, достигнув Ливлянские земли, поступитца из нее многих городов племяннику своему Густаву королевичю ...* (Сб.РИО 137, 257, 1606-1607 гг.; там же, 274, 331); АИ 2, 188(159), 1609 г.; Сб.РИО 142, 509, 1615 г.; ПДС 2, 1196, 1617 г.; Якубов 1897, 7, 1617 г.; там же, 9; РИБ 16, 523(105), 1619 г.; там же, 674(131), 1634 г.; Якубов 1897, 173, 1649 г.; там же, 293, 1650 г. в русских письменных источниках отмечается с первой четверти XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 265)²¹⁰, а в историческом словаре польского языка *postąpić się* ‘zostać oddanym do użytkowania (кому)’ представлено единственным примером 1549 г. (SłP XVI, XXVIII, 193) и история его в этом значении ограничивается XVI в., так как в словарях, включающих лексический запас польского языка XVII-XIX вв., оно в этом значении уже не фигурирует (SłPaska II, 189; Karłowicz IV, 764). *Прикладъ* (1) *сущ. м.* ‘пример, образец’: *Я де вам к тому приклад скажу: живучи де кто с кѣмъ на сусѣдстве, і межъ ими какая будет ссора ...* (Сб.РИО 137, 463, 1607-1608 гг.), в древнерусских памятниках регистрируемое в этом, а также в значении ‘частный случай, приводимый в пояснение, доказательство

²⁰⁹ Вообще же эта лексема в древнерусских источниках в значении ‘замок’ засвидетельствована с XII в. (СлДРЯ III, 325).

²¹⁰ Сама лексема *postąpić się* в значении ‘сдвинуться (с места)’ выявляется в русских письменных памятниках с середины XV в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же).

чего-л.; пример' с XII-XIII вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 19, 175)²¹¹, в старопольских текстах - соответственно *przykład* 'wzór, coś co należy naśladować, wzorowy sposób bycia, postępowania' – лишь с конца XIV в. (SłStp VII(4), 290). *Провадити* (1) *глаго. сов. и несов.* 'препровождать (препроводить) куда-л. (людей, грузы, животных)': *И тотъ хльбъ провадитъ к Архангелскому городу ...* (Якубов 1897, 352, 1650 г.). В древнерусской письменности глагол в этом значении наблюдается с 80-х гг. XIII в. в *Новгородской первой летописи* в списке XIII-XIV вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 98)²¹², а в старопольских источниках *prowadzić* 'wieść kogoś do określonego miejsca lub celu, doprowadzić kogoś dokądś' – со второй половины XV в. (SłStp VII(1), 72). *Расходъ, розходъ, росходъ* (10) *сущ. м.* 'повседневное употребление, расходование; затраты, издержки': *А что у васъ тѣхъ денегъ, которые къ вамъ посланы, на какую поупку выйдеть, и что за **росходомъ** останетца ..., и вы бѣ то велѣли писати въ книги* (Сб.РИО 38, 356, 1600 г.), РИБ 16, 339(78), 1601 г.(*розходъ*); Сб.РИО 137, 256, 1606-1607 гг. (*росходъ*); СГГД 3, 163(36), 1617 г. (*расходъ*); Якубов 1897, 273, 1622 г. (*росходъ*); РИБ 16, 617(122), 1629 г. (*расходъ*); ЭСРШ, 68(39), 1636 г. (*росходъ*); Якубов 1897, 400, 1648 г. (*расходъ*); СГГД 3, 507(168), 1654 г. (*расходъ*). В русском письменном языке существительное в этом значении известно с середины 70-х гг. XVI в. (СлРЯ XI- XVII вв. 22, 103)²¹³, в староукраинском *розходъ, росходъ* 'витрата, розхід' вообще – уже с конца XV в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 300), тогда как в польском наиболее ранняя фиксация *rozchód* 'potrzeby bieżące, spotrzebowanie, konsumpcja, odchód; wydatek, ekspens' пока относится только к 1583 г. (Linde V, 64; Karłowicz V, 584). *Туръ (-а (?))* (3) *сущ. м.* 'осадное передвижное укрепление': *А про подкопъ, сказалъ, не вѣдаеть; а хотять деи ставить **туры** сентября съ 23 числа, съ суботы на воскресенье, а ставить **туры** перевезчись реку Днѣпръ ...* (АИ 2, 314(262), 1609 г.); ДАИ 2, 22(10), 1613 г. В древнерусской письменности существительное в этом значении впервые засвидетельствовано под 1237 г. в *Никоновской*

²¹¹ В значениях 'загадка, иносказание' и 'соответствие' эта лексема – с XI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 19, 175, 176).

²¹² Еще раньше, в первой четверти XIII в., *провадити* обнаруживается в том же памятнике в значении 'прогонять (прогнать), выпроваживать (выпроводить) кого-л.' (СлРЯ XI-XVII вв. 20, 99).

²¹³ В значении 'расхождение, отделение' оно в древнерусском языке – со второй половины XI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 22, 102).

летописи, известной в списках XVI-XVII вв. (Срезневский III, 1038)²¹⁴, в польском же языке ни *tur*, ни *tura* в этом значении нам вообще пока не удалось обнаружить.

Таким образом, как свидетельствует представленное сопоставление хронологических данных, *замокъ*, *провадити*, *расходъ* (*розходъ*, *росходъ*) в рассмотренных выше значениях не являются полонизмами, вопреки мнению В.Витковского (1999, 51, 152, 166; 2006, 56, 171, 187), то же можно сказать о *лежати* и *прикладъ*, вопреки точке зрения М.Басая (1979, 11), С.Кохмана (1967, 136; 1975а, 83; 2005, 64), М.-Е.Собик (1969, 313), а также о *туръ*, вопреки гипотезе С.Кохмана (1967, 33), и *поступатися*, вопреки предположению Г.Милейковской (1979, 63, 108).

Итак, 4 существительных: *живность*, *заплата*, *потуга*, *узнание*, 2 глагола: *згодитися* (*сгодитися*), *увязити* и 1 прилагательное: *пышный* в приведенных выше значениях следует трактовать не как семантические, а как лексические полонизмы, а еще 4 существительных: *замо́къ*, *прикладъ*, *расходъ* (*розходъ*, *росходъ*), *туръ* и 3 глагола: *лежати*, *поступитися* и *провадити* в представленных значениях, очевидно, вообще следует исключить из перечня полонизмов в русском языке, во всяком случае, до тех пор, пока не откроются новые обстоятельства, опровергающие нашу информацию.

²¹⁴ Еще раньше, под 1201 г., оно в значении 'зубрь' встречается в *Ипатьевской летописи*, дошедшей до нас в списке XV в. (Срезневский, там же).

III.3. Семантические полонизмы с уточнением нижней хронологической границы заимствованного значения.

III.3.1. Имя существительное

ВЕЖА (1) *ж.* Тюремный замок; место заключения: *Приказал де с ним, посланником королевского величества, подданной пан Окунь, которой за свою вину посажен в вежу, бити четом ... им, бояром, ... великому государю своему ... за него ...* (ВУР 2, 452(184), 1650 г.).

Эта лексема впервые упоминается в *Ипатьевской летописи*, известной в списке XV в., под 1187 г. – в значении ‘стан, кочевье’, а под 1190 г. – в значении ‘крепостное сооружение, башня’ (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 51). В значениях ‘башня’ и ‘наметь, шатер, палатка’ она отмечалась еще в словарях, регистрирующих русский язык XVIII-XIX вв., но уже в сопровождении пометы «стар.»²¹⁵, а у Вл. Даля – и пометы «запд.» (САР I, 1030; Даль I, 330).

По мнению М.-Е. Собики (1969, 192), *вежа* в интересующем нас значении является полонизмом, который фиксируется в русской письменности с 1678 г., однако обнаруженное нами употребление существительного в исследуемом значении в дипломатическом документе, отражающем межгосударственные контакты МГ с Польшей и ВКЛ, позволяет более чем на четверть века передвинуть нижнюю хронологическую границу этого семантического заимствования²¹⁶ в русском письменном языке. Кроме того, следует добавить, что в русский язык это значение попало, вероятнее всего, благодаря посредничеству «простой мовы», так как в старобелорусском языке *вежа* ‘месца ўтрымання зняволеных’ засвидетельствовано с конца XV в. и в значении ‘(місце у вежах, використовуване для ув’язнення) в’язніца’ продолжало бытовать и в «простой мове» (ГСБМ 3, 64; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 3, 202).

²¹⁵ В словаре современного русского языка *ве́жа* в обоих этих значениях подается как историзм (ССРЛЯ (2)II, 77).

²¹⁶ В старопольских текстах *wieża* ‘miejsce kary pozbawienia wolności, pomieszczenie więzienne w wieży zamkowej’ наблюдается с 60-х гг. XV в. и бытовало в этом значении до середины XVIII в. (SlStp X(3), 209; SlPaska II, 597; Karłowicz VII, 600).

ВОДКА (1) *ж.* Водка; хлебное или из плодов добываемое вино, очищенное от излишних водяных частиц с помощью перегонки: *Привезъ ... онъ съ собой изъ Аглинскыя земли розныя узорочныя зелья і водки, которыя про твоей, гдревъ, обиходъ пригодятца ...* (СЪРІО 38, 432, 1602 г.).

Наиболее ранняя фиксация этого существительного в русской письменности в значении 'лекарственная настойка (на травах, ягодах и т.д.)' датируется 1533 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 253). По мнению одних исследователей (Шанский I(3), 124), эта лексема является собственно русской. Другие считают ее лексическим полонизмом (Basaj, 1979, 10; Kochman 1967, 89; Witkowski 1999, 24; 2006, 25; Моисеенко 2003, 93-94), что, возможно, и не лишено оснований, поскольку в польском языке *wódka* 'krople, woda lecznicza, lekarstwo' известно с 30-х гг. XVI в. (Reczek 1968, 564). На наш же взгляд, меньше возражений встречает то, что в интересующем нас значении это семантический полонизм (Kochman, там же; Шанский, там же; Witkowski, там же), который, как полагали до сих пор, впервые появляется в русском письменном языке в 1649 г. (Шанский, там же) и активно употреблялся на протяжении второй половины XVII – XIX вв. (СлРЯ XI-XVII вв., там же; СлРЯ XVIII в. 3, 252; САР I, 569; Даль I, 218). И в словаре современного русского языка *вóдка* фигурирует в значении 'крепкий алкогольный напиток, представляющий собой специально обработанную смесь спирта с водой' (ССРЛЯ (2)II, 346).

Нам *водка* в исследуемом значении встретилось в дипломатической корреспонденции начала XVI в. по сношениям МГ с Англией, что позволяет почти на полстолетия удревнить его хронологию в русском письменном языке. Кстати, в польских источниках *wódka* в этом значении известно со второй половины XVI в. (Karłowicz VII, 703). А в текстах на «простой мове» оно в анализируемом значении засвидетельствовано с начала XVII в. (ГСБМ 4, 80; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 4, 151), поэтому последняя могла выступать в роли посредника при заимствовании значения русским языком.

ГОДНОСТЬ (2) *ж.* Достоинство; положительные качества, достоинства; добродетель: *А дородствомъ и разумомъ и красотою лица и милосерднымъ нравомъ и встми благими годностми всемогущій Богъ украсилъ его ...*(Якубов

1897, 153, 1649 г.). *Великий государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович ... ныне в совершенном возрасте, 20-ти лет, а дородством и разумом ... и милосердым нравом и всеми благими **годностями** всемогущий бог украсил его ...* (ВУР 2, 261(117), 1649 г.)

Лексема *годность* впервые отмечается в русской письменности в значении 'пригодность' в *Римских императорских делах*, в документе 1595 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 4, 57), и в этом значении употребляется до настоящего времени (САР I, 1157; Даль I, 366; ССРЛЯ III, 184). По всей видимости, она является лексическим полонизмом, так как в старопольских текстах *godność* 'zdatność, sposobność do czegoś' известно со второй половины XV в. (SłStp II(6), 444).

В интересующем же нас значении это слово пока не регистрировалось ни одним лексикографическим источником русского языка. Мы обнаружили *годность* 'достоинство; положительные качества, достоинства; добродетель' в дипломатической корреспонденции 1649 г. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. Польские слависты С.Кохман (1975с, 40) и В.Витковский (1999, 33; 2006, 35), относящие его к семантическим полонизмам, датируют это значение: первый – второй четвертью XVII в., второй – XVII – XVIII вв. Таким образом, наши материалы позволяют конкретно датировать появление анализируемого значения в русском письменном языке.

В старопольских памятниках *godność* в прямом значении 'wartość, cena' выявляется со второй половины XV в. (SłStp II(6), 444), а в переносном значении 'cecha wysoko oceniana, zaleta a zalety, cnota; zasługi' – с первой половины XVI в. и бытовало в нем и в XVII в. (SłPXVI, VII, 480; SłPaska I, 224).

В староукраинском языке с первой половины XVI в. *годность* засвидетельствовано в сильно полонизированных актах в значении '(сукупність рис, що характеризують позитивні моральні якості) гідність', а со второй половины того же столетия в «простой мове» – и в значении '(дотоїнство, шляхетність, почуття власної вартості) гідність' (ГСБМ 7, 25; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 6, 243). Это позволяет говорить о посреднической роли «простой мовы» при заимствовании русским языком как самой лексемы, так и исследуемого нами значения.

ДВОРЬ (7) м. Совокупность лиц, приближенных к государю, правителю: *И отъ его Величества болишихъ приказныхъ и его двора людей встръчень ...* (ПДС 2, 752, 1599 г.). *А в вашей грамоте имяновано, что онъ имянитой шляхтичь вашего двора* (Сб.РИО 38, 311, 1602 г.). СГГД 2, 253(117), 1606 г.; ДРВ(1)4, 140, 1613 г.; РИБ 16, 440(99), 1613 г.; АЮЗР 3, 281, 1649 г. *А наперед де перелезли реку Зборову королевская пехота, немцы да кош с тележным обозом; а за тележным обозом перелез подканцлер литовской Казимер Сопега с своим двором и пехотою* (ВУР 2, 301(133), 1649 г.).

В древнерусском языке *дворь* в значении ‘совокупность служилых людей или вассалов при усадьбе феодала; войско, состоящее из этих людей’ отмечается под 1192 г. в *Новгородской летописи по Синодальному харатейному списку* XIII-XIV вв. (СлРЯ XI-XVII вв. 4, 190; СлДРЯ II, 448). При этом некоторые из исследователей считают его в упомянутом значении семантической калькой немецкого *Hof*, копирующего французское *cour* (Фасмер I, 489; Шанский (I(5), 28). А Р. Якобсон (1952, 391) полагал, что это слово в исследуемом нами терминологическом значении пережило западнославянское посредство. Как семантический полонизм в интересующем нас значении это существительное квалифицирует и С.Кохман (1992, 33; 2005, 276-278), датирующий первое появление значения в русской дипломатической корреспонденции 1646 г. Как видим, наши данные позволяют почти на полстолетия передвинуть нижнюю хронологическую границу. В этом значении лексема *дворь* продолжала бытовать и в русском языке XVIII-XIX вв. (СлРЯ XVIII в. 6, 53; САР II, 36; Даль I, 423). В словаре современного русского языка *двор* в значении ‘в странах с монархическим правлением – монарх и приближенные к нему лица’ подается как омоним к *двор* в других значениях (ССРЛЯ (2)IV, 70).

В старопольском языке *dwór* ‘miejsce pobytu panującego, jego mieszkanie wraz z orszakiem, także sam orszak’ приобретает терминологическое значение уже с конца XIV в. и активно употреблялось в нем и в XV-XVII вв. (SłStr II(4), 246; SłPXVI, VI, 249; SłPaska I, 180). Со второй четверти XVI в. *дворь* в значении ‘манарх і яго совет; каранаваныя асобы, магнаты іх світа’ засвидетельствовано в старобелорусском и староукраинском языках, причем в документах, язык которых испытал сильное польское влияние; в указанном

значении существительное наблюдалось и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. (ГСБМ 7, 295; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 7, 210). Таким образом, «простая мова», очевидно, играла роль посредника в процессе заимствования анализируемого значения *дворь* русским письменным языком XVII в.

ДОБРОДЕЙ (1) м. Доброжелатель, благодетель; защитник, покровитель: *И имеет он нас мимо всех великих гдрей себе другом и добродеем* (ИСНСР 2, 111(31), 1643 г.).

В древнерусской письменности *добродѣи* в значении ‘тот, кто делает добро, добродетельный человек’ засвидетельствовано с 70-х гг. XIII в. (СлДРЯ II, 483). В интересующем нас значении, которое является оттенком упомянутого выше, это существительное, согласно информации исторического словаря (СлРЯ XI-XVII вв. 4, 260-261) и М.-Е.Собик (1969, 213), считающей его полонизмом, впервые регистрируется в русском письменном языке в 1660 г. Мы же обнаружили его в дипломатическом акте 1643 г., отражающем контакты МГ с Молдавским княжеством, в котором также затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей. Эта информация позволяет более чем на полтора десятка лет удревнить хронологию.

В русской лексикографии, регистрирующей язык XVIII в., *добродѣи* представлено в своем первоначальном значении (САР II, 100). А у Вл. Даля мы находим это слово уже в значении ‘благодѣтель, благотворитель, покровитель’ (Даль I, 444). В словаре современного русского языка *добродѣи* ‘тот, кто совершает добрые поступки; благодетель’ уже снабжено пометой «устар.» (ССРЛЯ (2)IV, 279).

В старопольских текстах *dobrodziej* ‘bēnēfīcus, qui bōnum fācit’ известно с начала XV в. (SłStr II(1), 75). В значении ‘dobroczyńca, opiekun’ это существительное бытовало и в польском языке XVI-XVII вв. (SłPXVI, V, 111; SłPaska I, 143).

Со второй половины XVI в. *добродѣи*, *добродѣи* в значении ‘благодѣйник, добродѣйник, добродѣи’ отмечается в «простой мове», причем на первых порах в документах, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами (ГСБМ 8, 138; СУМ XVI – I пол. XVII в. 8, 54). Учитывая эту хронологию, «простая мова» могла способствовать проникновению значения

‘доброжелатель, благодетель; защитник, покровитель’ в русский письменный язык XVII в.

МЪШКАНЬЕ, МЕШКАНЬЕ (2) с. Житье, проживание где-л.; местожительство; нахождение, пребывание где-л. в течение какого-л. времени: *И г.ц. і в.к. Василей Иванович ... велѣл послом молыти ... которые они рѣчи ... говорили о своем мешканье в нашем Московском государстве и о том прежде сего ... бояре говорили и неодинова, что такое им долгое житье в Московском государстве учинилось ... от государя же их Жигимонта короля ...* (Сб.РИО 137, 485, 1607-1608 гг.). *Которые ... шляхта и мѣщаня ... въ нынѣшнюю войну служили въ Войску Запорожскомъ ..., и тѣмъ которые похотятъ быти въ прежнихъ своихъ мѣшканьях ... и тѣмъ ихъ никому не упрекать* (АЮЗР 3, 396, 1649 г.).

Со второй половины 70-х гг. XVI в. *мѣшканье* в значении ‘задержка, промедление’ впервые засвидетельствовано в *Римских императорских делах* и затем на протяжении всего XVII в. преимущественно наблюдалось именно в дипломатических документах (СлРЯ XI-XVII вв. 9, 141). В.Витковский (1999, 97; 2006, 108) трактует это существительное в указанном значении как лексический полонизм, который довольно активно употреблялся в русском языке и на протяжении XVIII-XIX вв. (СлРЯ XVIII в. 12, 170; САР III, 949; Даль II, 373). В словаре современного русского языка *мѣшканье* ‘промедление; задержка’ сопровождается пометой «разг.» (ССРЛЯ 8, 953).

В интересующем же нас значении эта лексема до сих пор не регистрировалась в русской исторической и толковой лексикографии. Обнаруженные нами два случая употребления ее в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ на данный момент следует считать наиболее ранними конкретно датированными фиксациями в русской письменности. В работах по польско-русским языковым контактам *мѣшканье*, *мешканье* в исследуемом значении квалифицируется как полонизм, проникший в русский письменный язык во второй четверти XVII в. (Kochman 1975с, 44; Witkowski, там же). В.Витковский (1992, 266) считает, что это полонизм семантический. И мы поддерживаем его

мнение, считая вполне обоснованной подачу в польской исторической лексикографии лексемы *mieszkanie*, *mieżskanie* (эта форма до XVIII в.) как многозначной²¹⁷, которая уже с первой четверти XV в. была известна в старопольских текстах в значении ‘*przebywanie, pobyt w jakimś miejscu, zamieszkiwanie*’, а со второй половины того же столетия – и в значении ‘*miejsce pobytu, siedziba, pomieszczenie, w którym się mieszka*’ и в этих значениях продолжало бытовать и в XVI-XVII вв. (SIStp IV(4), 242; SIpXVI, XIV, 114-120; Reczek 1968, 208; Linde III, 91; Karłowicz II, 965).

Со второй половины XV в. *мешкане* в значении ‘(місце для проживання) притулок’ отмечается в староукраинских памятниках, сильно насыщенных полонизмами (ССМ XIV-XV ст. 1, 587), а с конца того же столетия *мешканье* в значении ‘пращиванне, жыхарства’ встречается и в старобелорусских источниках, переводных с польского языка (ГСБМ 18, 29). И в «простой мове» XVI-XVII в. *мъшкание*, *мъшканье*, *мешкание*, *мешканье* фигурирует в упомянутых значениях, причем в этимологических и исторических словарях и других исследованиях по истории белорусского²¹⁸ и украинского языков это существительное представлено как полонизм (Булыка 1972, 202; ГСБМ 18, 27-28; Тимченко 1, 427, 446). Судя по этой информации, «простая мова», вероятнее всего, выступала в роли посредника при заимствовании анализируемого значения русским письменным языком XVII в.

ОСОБА (1) *ж.* Звание, сан, ранг: *А при них же заседает диак Василей Тепнев, которой словы безчестными и иными мѣрами не только в особе нашей посольской королевской милости государя нашего не чтит, ... и вам, великому государю ... вѣсьм безчестье дѣлает ...* (Сб.РИО 137, 640, 1607-1608 гг.).

Это существительное в значении ‘отдельный человек, лицо, занимающее высокое социальное положение, особа, персона’ является лексическим

²¹⁷ На наш взгляд, нет веских оснований для выделения в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* в качестве омонимов однокоренных глаголов *мъшкати* ‘выжидать, медлить’ и *мъшкати* ‘проживать, жить; находиться, пребывать где-л. (непродолжительное время)’, мотивирующих существительное *мъшканье* (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Тем более что и в *Словаре русского языка XVIII в.* этот глагол представлен как многозначное слово (СлРЯ XVIII в. 12, 170-171).

²¹⁸ Кстати, и в белорусской исторической лексикографии *мешканье* и *мешкати* подаются как многозначные слова (ГСБМ 18, 27-29, 30-31).

заимствованием из польского в 70-е гг. XVI в. (Basaj 1979, 9; Kochman 1967, 126; 1972b, 47-49; 1974a, 25; Милейковская 1984, 132; Орлов 1935, 54; Смирнов 1910, 214; Witkowski 1999, 120; 2006, 135). В интересующем нас значении наиболее ранняя фиксация этого существительного до настоящего времени датировалась 1649 г., что в историческом словаре русского языка иллюстрируется единственным примером из *Статейного списка Арсения Суханова* (СлРЯ XI-XVII вв.13, 124). Еще один такой случай, извлеченный из *Литовского статута в Московском переводе-редакции XVII в.*, приводит С.Кохман (1967, там же). Из представленной информации следует, что анализируемое значение у существительного *особа*, судя по нашим материалам из дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, появляется более чем на четыре десятилетия раньше, нежели предполагалось до сих пор. В русской лексикографии в первом из указанных значений *особа* регистрируется с начала XVIII в. и фигурирует в нем и в словаре современного русского языка (Поликарпов 1704, 205 об.; САР IV, 422; Даль II, 701; ССРЛЯ 8, 1142). В значении же ‘звание, сан, ранг’ судьба его для русского языка пока не прослеживается далее XVII в.

В старопольских текстах *osoba* ‘zespół czyichś istotnych cech, to co w podmiocie istotne, niezmiennie wbrew pozornej zmienności’ известно с первой половины XV в., а в значении ‘jednostka ludzka’ – с середины того же столетия (SłStr V(9), 655; Boryś 2005, 400), в публицистической литературе польского ренессанса (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) эта лексема, как указывает А.Баньковский (2, 441), приобретает манерное употребление («*manierycznie nadużywane*»): *osoba szlachecka* вместо *szlachcić*, *osoba urzędowa* вместо *urzędnik*, *osoba sądowa* вместо *sędzia* и т.д., история которого ограничивается серединой XVII в. (SłPXVI, XXII, 161-166; Linde III, 600; Karłowicz III, 857).

С конца второй четверти XV в. *особа* засвидетельствовано в старобелорусских памятниках в значении ‘індывідуальнасць (сукупнасць якасцей чалавека)’, а со второй четверти XVII в. – и в значении ‘індывідуум’, причем в этимологическом словаре белорусского языка это существительное квалифицируется как полонизм (ГСБМ 22, 402; ЭСБМ 1, 178). В «простой мове» второй половины XVI – XVII вв. наблюдалось и интересующее нас

употребление лексемы *особа*: *особы врядовые* (1566 г.), *законная особа* (середина XVII в.), *депутованные особы* (1690 г.) в сильно полонизированных источниках (ГСБМ, там же). Исходя из последней информации, в русский письменный язык XVII в. значения ‘звание, сан, ранг’ попало из польского, очевидно, через посредничество «простой мовы».

ПОЖИТОКЪ (9) м. Польза, выгода; прибыль: *Которые гости и торговые люди, для своих **пожитков** и для безошлинной торговли и льготы, похотят ... от греческие вѣры отступити ...* (Сб.РИО 142, 147, 1610-1611 гг.). *И о иных о добрых дѣлех говорити, которые пристоят ... к тишинѣ и к покою и ко всему хрестьянскому доброму **пожитку** ...* (там же, 426, 1613 г.). РИБ 16, 561(112), 1622 г.; ЭСРШ, 59(31), 1634 г.; АЮЗР 3, 400, 1649 г.; Якубов 1897, 332, 1650 г.; ВУР 3, 264(153), 1653 г.; ПСЗ 1, 315(119), 1654 г. *Имѣній казацкихъ и земель, которые имѣють для **пожитка**, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть ...* (СГГД 3, 512(170), 1654 г.).

Пожиткъ в значении ‘имущество, состояние; пожитки, скраб’ отмечается в древнерусских памятниках уже с конца XIV в. (Срезневский II, 1082; СлРЯ XI-XVII вв. 16, 103), и, по мнению П.К.Смолиной (1990, 110), является лексическим заимствованием из польского через югозападнорусское посредничество, на что указывает и Е.А. Целунова (2006, 131). В анализируемом нами значении это существительное следует квалифицировать как семантический полонизм, что подтверждается данными целого ряда исследований (Basaj 1979, 11; Kochman 1967, 79-80; Witkowski 1999, 137; 2006, 154), при этом до настоящего времени появление его в русской письменности относили к 1614 г.²¹⁹ Наши материалы позволяют несколько передвинуть нижнюю хронологическую границу этого заимствования (с 1614 г. на 1610-1611 гг.)²²⁰. По всей вероятности, *пожитокъ* ‘польза, выгода; прибыль’

²¹⁹ Е.А. Целунова(2006, 161), ссылаясь на материалы *Картотеки Словаря древнерусского языка*, датирует *пожитокъ* в этом значении последней четвертью XVI в., однако в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* (там же), составленном на основе этой картотеки, ко второй половине XVI в. относятся лишь случаи употребления этого существительного в значении ‘пожива, добыча’.

²²⁰ Справедливости ради заметим, что в *Словаре древнерусского языка* (VI, 567) приводится единичное употребление *пожитокъ* в значении ‘доход, прибыль’ из грамоты 1383 г., но в других исторических словарях этот же пример трактуется как реализация значения ‘имущество, состояние; пожитки, скраб’ (Срезневский, там же; СлРЯ XI-XVII вв., там же), с чем мы полностью согласны. Правда, у И.И.Срезневского (там же) находим еще один случай с

бытовало в русском языке лишь в XVII и, возможно, в первой половине XVIII в., так как уже в лексикографическом источнике, отражающем русский язык XVIII в., оно сопровождается пометой «стар.» (САР IV, 1377), а Вл. Даль снабжает его еще и пометами «пск., твр.», что свидетельствует о распространенности существительного в XIX в. только в диалектной речи (Даль III, 222), где оно наблюдалось и в XX столетии (СРНГ 28, 297).

В старопольских текстах *pożytek* 'korzyść, zysk, dochód' встречается с конца XIV - начала XV в. и продолжало активно употребляться в XVI-XVII вв. (Bańkowski 2, 749; SłStr VI(7), 565; SłPXVI, XXIX, 449-450; SłPaska II, 217).

С первой четверти XV в. *пожитокъ* 'користь, пожиток, зиск' засвидетельствовано в староукраинских²²¹, а с последней четверти того же столетия – и в старобелорусских источниках²²², в этом значении существительное было известно и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. (ГСБМ 25, 388; ССМ XIV-XV ст. 2, 173; Тимченко 2, 146). Примечательно, что в этимологическом словаре белорусского языка *пажытак* 'карысьць, выгада' квалифицируется как полонизм, а в украинской исторической лексикографии это слово имеет пометы «стп. *pożytek*, стч. *požitok*» (ЭСБМ 8, 117; ССМ XIV-XV ст., там же). Информация о происхождении *пожитокъ* в «простой мове», а также хронологические данные позволяют говорить о том, что этот язык способствовал проникновению исследуемого значения лексемы *пожитокъ* в русский письменный язык XVII в.

ПОСТУПОКЪ (1) м. Поступок, действие: *Так же и ваш, царского величества бояр и думных людей, с нами, королевского величества великими послы, доброй поступок принимаем в приятельскую любовь* (ВУР 3, 54(16), 1651 г.).

гипотетическим значением 'польза (?)' из *Грамоты Полоцкого князя Ярослава Изяславича Полоцкому Борисо-Глыбскому монастырю на построение мельницы на реку Бельчицу*, датированной предположительно 1396 г. (в списке). Значение, на наш взгляд, здесь установлено верно, однако цитируемый памятник следует отнести к текстам, выполненным на старобелорусском языке.

²²¹ Вообще же сама лексема *пожитокъ* в староукраинском языке – с XIV в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 173).

²²² В историческом словаре белорусского языка это значение иллюстрируется еще одним примером, совпадающим с тем, что фигурирует у И.И.Срезневского под 1383 г., и, как указывалось ранее, демонстрирующим значение 'имущество, состояние; пожитки, скраб' (ГСБМ 25, 388).

В русской письменности *поступокъ* в значениях ‘уступка’ и ‘добровольная передача кому-л. права на владение чем-л., кем-л.’ начинает регистрироваться в первой половине XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 266). В интересующем нас значении это существительное в ряде работ по польско-русским языковым контактам в XVI-XVIII вв. (Basaj 1979, 11; Kochman 1975a, 112-113; 1975b, 27; 2005, 64; Witkowski 1999, 143; 2006, 161) рассматривается как полонизм, появившийся в русском письменном языке в XVII в., без указания точной датировки. Согласно информации исторического словаря, наиболее ранняя фиксация значения ‘поступок, действие’ относится к 1684 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 267). Мы же обнаружили *поступокъ* в этом значении в дипломатическом документе 1651 г. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ. С этого времени и до сих пор существительное активно употребляется в русском языке, и в современной лексикографии оно представлено в значении ‘намеренное действие человека’ (САР V, 60; Даль III, 348; ССРЛЯ 10, 1563).

В памятниках польской письменности *postępek* ‘to, co ktoś zrobił, uczynek, czyn’ известно с середины XVI в. и в этом значении бытовало и в XVII в. (Bańkowski 2, 716; SiPXVI, XXVIII, 195-197; SiPaska II, 189).

В «простой мове» существительное *поступокъ* в анализируемом значении засвидетельствовано со второй половины XVI в. и наблюдалось и в XVII в., причем первоначально оно отмечалось в текстах, в значительной степени насыщенных полонизмами (Булыка 1972, 99; ГСБМ 27, 238-239; Тимченко 2, 188). Таким образом, «простая мова», вероятнее всего, играла роль посредника при калькировании исследуемого значения лексемы *поступокъ* русским письменным языком XVII в., на что, кстати, обращает внимание и С.Кохман (1975a, 112).

СЕКРЕТЬ (1) м. Секрет, тайна: *И Василей де их подпоил, и оне де ему все свои секреты открыли: едет де посол польской к хану для того, чтоб он пошол на Москву ...* (ВУР 2, 188-189(76), 1649 г.).

В памятниках русской письменности *секретъ* впервые отмечается в XVI в. в значении ‘резиденция, канцелярия’ и, возможно, является непосредственным заимствованием из латыни (СлРЯ XI-XVII вв. 24, 39). В интересующем же нас значении, в котором это существительное было, по

мнению Н.А.Смирнова (1910, 273), Хюттль-Ворт (1964, 105), М.Фасмера (III, 593)²²³, М.-Е.Собик (1969, 333), Г.Лиминга (1976, 97), В.Витковского (1999, 171; 2006, 193) заимствовано из польского, наиболее раннюю его фиксацию до сих пор относили к 1651 г. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Наша же информация, почерпнутая из дипломатического акта 1649 г. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, позволяет несколько удревнить хронологию *секрет* ‘секрет, тайна’ в русском письменном языке. Выявленное с середины XVII в. анализируемое существительное до настоящего времени продолжает активно употребляться в русском языке в значении ‘то, что не подлежит разглашению, что скрывается от других; тайна’ (Даль IV, 171; ССЛРЯ 13, 580, 582).

В польских письменных источниках *sekret* ‘tajemna wiadomość, tajemnica’ известно, по меньшей мере, с первой половины XVII в. и уже в этом столетии получает широкое распространение (Linde V, 238; SłPaska II, 360; Karłowicz VI, 57).

С конца первой – начала второй четверти XVII в. лексема *секретъ* в исследуемом значении засвидетельствована в текстах на «простой мове» и бытовала в ней на протяжении всего столетия, причем в работах по этимологии и истории белорусского языка это существительное в значении ‘сакрет’ квалифицируется как полонизм²²⁴ (Булыка 1972, 295; ЭСБМ 11, 297; Тимченко 2, 317), что позволяет говорить о посреднической роли «простой мовы» при заимствовании значения ‘секрет, тайна’ русским письменным языком XVII в. из польского.

СКРЫНА (2) *ж.* Ящик с крышкой; сундук, ларь: *На чей огород та их скрына перекинута ...* (РБС, 184 (162), 1643 г.). *И намъ бы ево пожаловати, велѣти тѣ двѣ скрыны невѣстки ево изъ того монастыря взять и отдать ему* (АЮЗР 14, 388, 1654 г.).

Это существительное в значении ‘кивот, ковчег, рака’ впервые зарегистрировано в *Львовской летописи* (под 1438 г.) в списке XVI в., в интересующем же нас значении наиболее ранней его фиксацией считался 1677

²²³ Последний говорил о возможном польском посредничестве при заимствовании из французского.

²²⁴ То же, очевидно, можно утверждать и в отношении украинского языка, вопреки точке зрения составителей этимологического словаря, считающих его заимствованием непосредственно из латыни (ЕСУМ 5, 205).

г. (СлРЯ XI-XVII вв. 25, 31). Мы дважды обнаружили *скрына* в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, и наши данные позволяют почти на три с половиной десятилетия передвинуть нижнюю хронологическую границу анализируемого значения в русском письменном языке. Далее XVII в. судьба лексемы *скрына* в обоих упомянутых значениях для русского языка не прослеживается.

С третьей четверти XVII в. в памятниках письменности отмечается синонимичное *скрына* существительное *скрыня* (СлРЯ XI-XVII вв., там же), которое считается лексическим заимствованием из польского (Sobik 1969, 337²²⁵; Witkowski 1999, 174; 2006, 197)²²⁶. У Вл.Даля *скрыня* в значении 'укладка, сундукъ, коробья; ларець' снабжено пометами «стар.», «юж.», «млрс.» (Даль IV, 209), а в словаре современного русского языка оно в значении 'сундук' сопровождается пометами «устар. и обл.» (ССРЛЯ 13, 1079).

В старопольских источниках *skrzynia* 'paka drewniana z wiekiem, kufer służący do przechowywania ubrania, pościeli, przedmiotów gospodarstwa domowego, paczunia' засвидетельствовано с начала XV в. и бытовало в этом значении и в XVI-XVIII в.. (SłStp VIII(4), 261; Linde V, 302-303; Karłowicz VI, 190).

С конца XV в. в староукраинских текстах встречается единичное употребление *скрыня* 'скриня' (ССМ XIV-XV ст. 2, 350). В старобелорусских памятниках первой четверти XVI в. *скриня* наблюдалось в значениях 'каўчэг' и 'куфар' (СМС 2, 215). И в «простой мове» второй половины XVI-XVII в. выявляется *скриня*, *скрыня* в значении 'сундук, ящик' (Тимченко 2, 327). Лексема же *скрына* в этом значении в «простой мове» пока не зафиксирована.

Сопоставляя приведенную выше информацию мы склоняемся к выводу, что значение 'ящик с крышкой; сундук, ларь' у существительного *скрына* появилось, по всей вероятности, под влиянием польского *skrzynia*, кроме того, заимствованию значения могла способствовать и «простая мова».

²²⁵ Этот автор приводит выдержку из документа, датированного 1610-1612 гг., однако, на наш взгляд, она скорее иллюстрирует употребление слова в «простой мове».

²²⁶ Заметим, еще М.Фасмер полагал, что восточнославянские слова *скрѣна*, *скрѣня*, *скрыня* заимствованы через польский (*skrzynia*) или чешский (*skříně*), в которых это существительное из латинского, где *scrīnium* 'цилиндрический ящик для хранения бумаг' или д.-в.-нем. *scrīni* 'шкаф', восходящему также к латинскому *scrīnium* (Фасмер III, 657; см. также ЕСУМ 5, 286).

ШТУКА (1) *жс.* Обман, хитрость; выходка, проделка: *И говорят де король и паны рада, что за такую злую хлопскую штуку за табакъ межъ обоихъ великихъ государствъ ссора не малая ...* (АЮЗР 3, 391, 1649 г.).

Эта лексема в значении ‘часть, кусок; штука’ появляется в русских письменных источниках в последней четверти XVI – начале XVII в. и большинством исследователей относится к полонизмам²²⁷ (Basaj 1979, 11; Brückner 1974, 555; Kochman 1967, 146; Преображенский II, 109(1248); Sobik 1969, 370; Фасмер IV, 480). С первой четверти XVII в. *штука* регистрируется и в значении ‘искусство, мастерство; умение, сноровка’, которое также было заимствовано из польского (Тамань 1961, 203; Kochman 1972b, 52; 1975c, 53; Witkowski 1999, 216; 2006, 242). До сих пор полагали, что в интересующем нас значении анализируемое существительное встречается в русском письменном языке не ранее второй половины XVII в., с 60 – 70-х гг. (Hüttl-Worth, 1963, 120; Sobik, там же; Фасмер, там же). Правда, П.Я.Черных, который считал бездоказательным польское посредничество как при заимствовании самой лексемы *штука*, так и отдельных ее значений, указывал, что, возможно, в *Книге о ратном строе* 1647 г. она имеет значение ‘проделки (?)’ (ИЭССРЯ II, 426), однако в приводимом им контексте это может быть и значение ‘искусство, мастерство; умение, сноровка’, то есть текстовое окружение не позволяет определить семантику слова однозначно. В обнаруженном же нами употреблении существительное *штука* в дипломатическом акте 1649 г. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ бесспорно использовано в значении ‘обман, хитрость; выходка, проделка’, поэтому этот случай на данный момент может рассматриваться как одна из наиболее ранних конкретно датированных фиксаций. А характер памятника подтверждает мнение о польском источнике исследуемого значения слова в русском языке. В этом значении существительное представлено и в русской лексикографии XVIII-XIX вв., а в словаре современного русского языка находим *шту́ка* в значении ‘выходка, проделка; хитрость’ в сопровождении пометы «разг.» и с указанием на язык-источник: польск. *sztuka* (Даль IV, 646; ССРЛЯ 17, 1580-1581).

²²⁷ В польском *sztuka* (с конца XIV в.) из ср.-в.-нем. *stücke* ‘пень’, последнее – от того же корня, что и нем. *Stock* ‘палка; обрубок’ (SlStp VIII(7), 581; Brückner, 1974, 555; Boryś 2005, 607; Преображенский, II, 109(1248); Фасмер, IV, 480).

В текстах на польском языке *sztuka* в значении ‘podstęp, intryga, fortel’ известно со второй половины XVI в., а в значении ‘umiejętność, kunszt; artyzm, mistrzostwo; biegłość w wykonywaniu czegoś’, по меньшей мере, – с середины XVII в. (Linde V, 614-615; SiPaska II, 449; Karłowicz VI, 675).

С конца XV в. *штука* ‘кавалак’ засвидетельствовано в старобелорусских памятниках, а с середины XVII в. в «простой мове» оно наблюдалось и в значениях ‘хитрость’ и ‘искусство’, при этом в работах по истории белорусского языка *штука* квалифицируется как полонизм (Булыка 1972, 370; Тимченко 2, 502). Из этого следует, что при проникновении в русский письменный язык конца XVI - начала XVII в. как самой лексемы *штука*, так затем и отдельных ее значений, вероятнее всего, роль посредника играла «простая мова».

III. 3. 2. Имя прилагательное

НЕПРИСТОЙНЫЙ (6) Неприличный, неподобающий: *И въ тѣхъ листѣхъ такіе непристойныя рѣчи ... не токмо что к бояром, и к простымъ людемъ писать было такъ не годилось* (Якубов 1897, 221, 1649 г.) ВУР 2, 414-415, 417(181), 1650 г. *Многие твои затейные и непристойные слова и прежде сего бывали, и за те твои лживые слова были тебе по указу царского величества выговоры ...* (ВУР 3, 294(166), 1653 г.). СГГД 3, 515(171), 1654 г. *И непристойныхъ никакихъ словъ не говорить ...* (ПДС 3, 467, 1655 г.).

В русской письменности это прилагательное в значении ‘не подходящий, не относящийся (к чему-л.), не приличествующий (чему-л.)’ засвидетельствовано в первой четверти XVI в.²²⁸ (СлРЯ XI-XVII вв. 11, 254). В интересующем нас значении его появление в письменных источниках до настоящего времени относили к 1666 г. (там же). Наши материалы позволяют более чем на полтора десятилетия удревить хронологию анализируемого значения в русском языке. А сам характер памятников (дипломатические документы по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ), в которых мы обнаружили прилагательное, еще раз подтверждает точку зрения М.-Е.Собик (1969, 280) и

²²⁸ В древнерусском языке отмечено единичное употребление *непристоинъ* ‘недостойный, не соответствующий’ (СлДРЯ V, 342).

В.Витковского (1999, 110; 2006, 122), квалифицирующих *непристойный* ‘неприличный, неподобающий’ как семантический полонизм в русском языке²²⁹. В этом значении лексема активно употреблялась и в XVIII-XIX вв. (СлРЯ XVIII в. 15, 25; САР III, 1355; Даль II, 530), и в словаре современного русского языка она фигурирует в значении ‘крайне неприличный, бесстыдный, предосудительный’, в том числе и в составе устойчивых сочетаний: *непристойные слова, выражения* (ССРЛЯ 7, 1102-1103).

В польских письменных источниках *nie przystojny* ‘niewłaściwy, niesłuszny, nie taki, jak należy pod względem obyczajowym lub moralnym’ представлено с середины XVI в. и в значении ‘nieprzyzwoity’ бытовало и в XVII-XVIII вв. (SłP XVI, XVII, 600-601; Karłowicz III, 325).

В последней четверти XVI в. *непристойный, непристойный* ‘непристойны, брыдкі; неналежны’ впервые выявлено в «простой мове»²³⁰ в переводном с польского тексте, более широкое распространение прилагательное в этом значении получает уже в XVII в., причем также наблюдается в источниках, язык которых испытал сильное польское влияние (ГСБМ 20, 267).

Сопоставление хронологических данных позволяет достаточно уверенно говорить о посреднической роли «простой мовы» при заимствовании исследуемого значения прилагательного *непристойный* русским письменным языком в середине XVII в.

ПОСПОЛИТЫЙ (3) Общий, всеобщий; национальный: *Все Рыцарство посполитое Орианского повѣту ...* (ДРВ (2)4, 29, 1601 г.). *А какъ сам Господь Богъ то посполитое прироженное право вѣсьм народом дал ...* (Сб.РИО 137, 642, 1607-1608 гг.). *И ... всей посполитой раде духовного и светцкокого чину, велѣли поклонитися ...* (Сб.РИО 142, 324-325, 1613 г.).

Прилагательное *посполитый* в значении ‘простой, обыкновенный’ засвидетельствовано в русской письменности с начала XVI в. и является лексическим полонизмом (СлРЯ XI-XVII вв. 17, 217-218; Тамань 1960, 120;

²²⁹ Кстати, вероятность межславянских заимствований в связи с этим прилагательным указывается и в *Этимологическом словаре славянских языков* (24, 219).

²³⁰ Вообще же это прилагательное в значении ‘неправильны, памылковы’ известно здесь с конца 50-х гг. XVI в. (ГСБМ 20, 267).

Sobik 1969, 307; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 84; Witkowski 1999, 143; 2006, 161). В интересующем нас значении это уже семантическое заимствование и его появление в памятниках письменности в составе фразеологического сочетания терминологического характера *посполитое рушенье* ‘всеобщее ополчение’ до сих пор относили к 50 – 60-м гг. XVII в. (Kochman 1967, 134; Sobik 1969, 306). Мы считаем, что фразеологизм был заимствован как цельная лексическая единица и притом – значительно раньше: I чтобъ идти ... Московского государства достигать *посполитым рушеньем* (Сб.РИО 142, 574, 1614-1615 гг.). Противъ Турскаго Царя стояль ... гетманъ Хоткѣвъ *посполитымъ рушеньемъ* (СГГД 3, 239(59), 1621 г.). Наиболее же ранние случаи изолированного употребления *посполитый* ‘общий, всеобщий; национальный’ до настоящего времени датировали 60-80-ми гг. XVII в. (Sobik 1969, 307; СлРЯ XI-XVII вв. 17, 218). Наша же информация, извлеченная из дипломатической корреспонденции, отражающей контакты МГ с Польшей и ВКЛ, позволяет на шесть десятилетий удревнить хронологию этого значения в русском письменном языке. *Посполитый* ‘общий, *commūnis, pūblicus*’ фигурирует в лексикографическом источнике русского языка начала XVIII в. (Поликарпов 1704, 25 об.). В значении ‘общенародный, всенародный’ находим эту лексему еще у Вл.Даля, но уже в сопровождении помет «зап.» и «стар.» (Даль III, 340), однако далее XIX в. судьба ее для русского языка не прослеживается.

В старопольских памятниках *pospolity* ‘*wspólny, społeczny, komunalny, publiczny; ogólny, powszechny*’ было известно с начала XV в. (SłStp VI(6), 441). В значениях ‘*powszechny, wszystkich (wszystkiego) dotyczący, wszystkich (wszystkiego) obejmujący, do wszystkich skierowany*’ и ‘*publiczny, urzędowy, państwowy, komunalny*’ это прилагательное бытовало и в польском языке XVI-XVIII вв. (SłPXVI, XXVIII, 82-87. 87-89; Linde IV, 382; SłPaska II, 186; Karłowicz IV, 753).

В староукраинском языке *посполиты, посполитый* ‘загальний, всенародний’ выявляется с первой четверти XV в., а в значении ‘звичайний, простий’ эта лексема встречается здесь уже с конца XIV в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 204). В старобелорусском языке сама лексема в значении ‘просты, простанародны’ отмечается в первой половине XV в., а с конца того же

столетия она засвидетельствована здесь и в значениях ‘агульны, усеагульны’ и ‘супольны, сумесны’, а с первой четверти XVI в. – и в значении ‘грамадскі, публічны’ (ГСБМ 27, 156-157). В анализируемом значении прилагательное наблюдалось и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв., а в исследованиях по истории белорусского и украинского языков в качестве источника называется польский язык (Булыка 1972, 254; Булыка 1980, 38; ССМ XIV-XV ст., там же; ГСБМ, там же; Тимченко 2, 184; ЭСБМ 8, 190). Учитывая эти данные можно сделать вывод, что *посполитый* ‘общий, всеобщий; национальный’ в русский письменный язык первой половины XVII в. попало благодаря посредничеству «простой мовы».

III. 3. 3. Глагол

ВЫБИРАТИ (1) *несов.* Избирать, назначать кого-л. (на какую-л. должность, пост, для выполнения каких-л. обязанностей): *А хотять выбирати на Московское государство Царя ... изъ своихъ прироженныхъ боярь ...* (ААЭ 2, 308(180), 1611 г.).

Этот глагол впервые отмечается в памятниках письменности в XVI в. в значении ‘собирать, убирать (об урожае)’, с середины XVII в. он, согласно данным исторического словаря, засвидетельствован в *Соборном уложении 1649 г.* и в интересующем нас значении (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 178). Наша информация, почерпнутая из дипломатического акта, отражающего контакты МГ с Польшей в первой четверти XVII в., позволяет почти на четыре десятилетия передвинуть нижнюю хронологическую границу анализируемого значения в русском письменном языке. В русской лексикографии *выбирати* ‘ēlīgo, sēlīgo, pгаepтo’ регистрируется с начала XVIII в. и с тех пор и до настоящего времени глагол активно употребляется в значении ‘голосованием избирать кого-л. для выполнения каких-л. обязанностей’ (Поликарпов 1704, 65; СлРЯ XVIII в. 4, 191; САР I, 794; Даль I, 278; ССРЛЯ (2)II, 657).

В.Витковский (1992, 265) относит *выбирати* ‘избирать, назначать кого-л. (на какую-л. должность, пост, для выполнения каких-л. обязанностей)’ к семантическим полонизмам, указывая на появление значения в русском языке в XVII в., но без более точной датировки. Кстати, как семантическое

заимствование из того же источника квалифицирует перфект *wybrać* ‘избрать, назначить’, фиксируемый в русской письменности с последней четверти XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв. 3, 182), М.-Е.Собик (1969, 199). В старопольских текстах *wybierać, wybirać* (эта форма только в XIV-XV вв.) ‘decydować się na coś, na kogoś, na jedną z kilku możliwości, wyznaczać jednego (jedną) spośród wielu, wyróżniać kogoś albo coś, ēlīgĕre, dēlīgĕre, exquīrĕre’ известно с конца XIV в., а в употреблении ‘wybierać na urząd, funkcję (ad mūnus gĕrendum) ēlīgĕre, dēsignāre, creāre’ – со второй половины XV в. и бытовало в нем на протяжении XVI-XVIII вв. (SłStr X(6), 431; Linde VI, 554; SłPaska II, 635; Karłowicz VII, 805).

Со второй четверти XV в. *выбирати* ‘(кого, кого між ким) віддавати перевагу кому, виділяти одного з - поміж багатьох-ще’ выявляется в письменных источниках ВКЛ (ССМ XIV-XV ст. 1, 211). Со второй половины того же столетия глагол наблюдается здесь и в значении ‘абіраць, выбіраць (на пасаду)’, в котором он фигурировал и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв., причем наиболее ранние случаи потребления *выбирати* в этом значении приходится на документы, язык которых в значительной степени полонизирован (ССМ XIV-XV ст., там же; ГСБМ 5, 97; СУМ XVI - I пол. XVII ст. 5, 105). Последний факт может свидетельствовать о том, что *выбирати* в исследуемом значении в старобелорусском и староукраинском языках, как и в русском, очевидно, из польского. В таком случае «простая мова» могла играть роль посредника в процессе заимствования значения русским письменным языком в первой четверти XVII в.

ЗАБИТИ (5) *сов.* Убить: *А то подлинно при наших очехъ тот вор забить, и вывезен был на пожар, и лежал 3 дни ...*(Сб.РИО 137, 344, 1606-1607 гг.; там же, 554, 1607-1608 гг.). *АИ 2, 201(174), 1609 г.; ААЭ 2, 240(129), 1609 г. Только у нас того не повелось, хотя б ково и великого человека или и самово короля забил, ино у нас не выдадут* (ВУР 2, 189-190(76), 1649 г.).

Согласно материалам И.И.Срезневского, *забити* в неустановленном значении, возможно, ‘вбить, вколотить’ (?) засвидетельствовано в древнерусском языке с конца XI в. (Срезневский I, 895). Уверенно же говорить о фиксации *забити* в русской письменности в указанном выше значении можно лишь относительно начала XV в. (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 134). В анализируемом

нами значении этот глагол является полонизмом и в предшествующих исследованиях польско-русских языковых контактов его первую регистрацию датировали 1608 г.²³¹ (Kochman 1967, 152; Wikowski 1992, 265; Wikowski 1999, 49; 2006, 53), поэтому наши сведения, почерпнутые из дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, позволяют несколько удревнить его хронологию. История глагола *забити* ‘убить’ для русского языка не прослеживается далее XVII в., хотя в словаре современного русского языка оно представлено в нескольких значениях, близких к интересующему нас: ‘ударами, побоями лишить жизни или довести до крайне тяжелого физического состояния’ и ‘убить (на охоте, на бойне и т.п.) животное, птицу’, последнее – с пометой «в проф. речи» (ССРЛЯ (2)V-VI, 189).

В старопольских текстах *zabić* ‘zadać śmierć, odebrać życie’ известно со второй половины XIV в. и продолжало активно употребляться в этом значении в XV-XVIII вв. (SłStp XI(1), 43; Linde VI, 704; SłPaska II, 688; Karłowicz VIII, 19).

В письменности ВКЛ *забити* ‘пазбавіць жыцця’ встречается с конца XIV в. в сильно полонизированном документе, причем в исторических словарях белорусского и украинского языков это первое употребление иллюстрируется выдержками из того же источника, на который ссылался И.И.Срезневский (ГСБМ 10, 83; ССМ XIV-XV стст. 1, 371). В упомянутом значении глагол бытовал и в «простой мове» и тоже в актах, язык которых в той или иной степени отражает польское влияние (ГСМБ, там же; СУМ XVI – I пол. XVII ст.9, 198; Тимченко 1, 256). Таким образом, «простая мова» могла способствовать проникновению исследуемого значения лексемы *забити* в русский письменный язык первой половины XVII в.

ЗАБОРОНИТИ (2) *сов.* Запретить, возбранить: *Нам ваша государская милость с волными людьми его королевские милости видетца не заборониши ...* (Сб.РИО 137, 640, 1607-1608 гг.). *Что о поляках тех не надобно жалети, что казаком на море заборонили, не зделали того от истинного сердца противу*

²³¹ И.И.Срезневский цитирует *забити* в этом значении по *Жалованной грамоте великаго князя Александра-Витовта Литовскимъ Евреямъ* 1388 г. (Срезневский, там же), однако составители других исторических словарей русского языка не отмечают этот случай, так как он иллюстрирует употребление глагола в деловом языке ВКЛ.

нам, но чтоб покою своему догажали, не хотя войны имети ... (ВУР 3, 344(179), 1653 г.).

Этот глагол впервые засвидетельствован в русской письменности в конце XV в. в значении 'отказать в чем-л.' (СлРЯ XI-XVII вв. 5, 138). В интересующем нас значении он трактуется как полонизм (Sobik 1969, 220; Witkowski 1999, 49; 2006, 53), а наиболее ранней его фиксацией до сих пор считался 1665 г. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). Обнаруженное нами его употребление в дипломатическом акте, регистрирующем контакты МГ с Польшей и ВКЛ в 1607-1608 гг., позволяет почти на шесть десятилетий передвинуть нижнюю хронологическую границу анализируемого значения в русском письменном языке. В лексикографических источниках, отражающих русский язык XVIII в., глагол в исследуемом значении не представлен, тогда как у Вл. Даля находим его в значении 'возбранить, запретить, не дозволить чего' (Даль I, 553). Однако за пределами XIX в. история его в этом значении для русского литературного языка не прослеживается.

В старопольских памятниках *zabronić* 'zakazać, nie pozwolić' встречается с середины XV в. и продолжало бытовать в этом значении и в XVI-XVIII вв. (SłStp XI(1), 49; Linde VI, 712; Karłowicz VIII, 28).

С конца XV в. *заборонити* 'забараніць, не дазволіць' отмечается в старобелорусском²³² и староукраинском языках, причем первоначально в переводных с польского текстах и документах, язык которых испытал польское влияние (ГСБМ 10, 91; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 9, 204). В указанном значении глагол употреблялся и в «простой мове» второй половины XVI-XVII вв. (ГСБМ, там же; Тимченко 1, 257), при этом последняя, видимо, играла роль посредника в процессе семантического калькирования русским письменным языком первой половины XVII в.

НАДЛЕЖАТИ (3) *несов.* 1. Относиться, принадлежать, прилежать к чему-л. (2): *А о Велижской волости, которая **надлежитъ** къ городу Велижу ... и о спорныхъ земляхъ въ пограничныхъ мѣстѣхъ пришетъ судей своихъ ...* (ДРВ (2)4, 108, 1602 г.). *3 других же местностей, которые до Прилуки **не***

²³² Сама же лексема *заборонити* впервые выявлена здесь в XV в. в значении 'адмовіць' (ГСБМ 10, 91).

надлежат ... 3-х коп литовских ... (ВУР 1, 174(103), 1636 г.). 2. Безл. Должно, следует, подобает (1): *А ... его царскому величеству, **надлежит** чтоб цесаря и папешан всех, которые гонители ... на евангелицкую веру попрасть и потопить* (ЭСРШ, 52(28), 1633 г.).

В древнерусском языке *надълежати* в значении ‘быть расположенным над чем-л.’ отмечается со второй половины XI-XII вв. (СлДРЯ V, 139; СлРЯ XI-XVII вв. 10, 70). В обоих интересующих нас значениях появление этого глагола в русской письменности до настоящего времени относили к концу XVII – первой половине XVIII в. и причисляли его к семантическим полонизмам (СлРЯ XI-XVII вв., там же; Kochman 1975a, 97-98; Милейковская 1984, 118, 137; Witkowski 1999, 104; 2006, 115). Полностью соглашаясь с последним положением, заметим, что наши материалы, почерпнутые из дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, а также со Швецией, позволяют весьма существенно удревнить хронологию обоих исследуемых значений в русском письменном языке. В первом из этих значений *надлежати* бытовало еще в первой четверти XIX в., но далее этого времени история его для русского языка уже не прослеживается (СлРЯ XVIII в.13, 174; САР III, 1040-1041). Во втором значении этот глагол до сих пор входит в активный состав русской лексики (Поликарпов 1704, 181; СлРЯ XVIII в., там же; САР III, 1041; Даль II, 402; ССРЛЯ 7, 156).

В польских письменных памятниках *należać* в значениях ‘dotyczyć, odnosić się do kogo, do czego, mieć z kim lub z czym związek’ и ‘nieos. trzeba, powinno(się), przystoi’ известно с начала XVI в., а спорадически в первом из указанных значений в первой половине XVI в. встречалось и *nadleżeć*, во второй половине XVI в. наблюдавшееся и во втором значении (SłPXVI, XV, 469, 630-631, 634-637; Bańkowski 2, 255). В этих значениях *należać* и *nadleżeć* употреблялись и в XVII-XVIII вв., в словаре же, регистрирующем польский язык XIX – первой четверти XX в., *nadleżeć* уже снабжено пометой «mało używany» (Linde III, 200, 228-229; SłPaska I, 465-466; Karłowicz 3, 41, 92).

На рубеже XV-XVI вв. засвидетельствован единичный случай употребления *належати* в значении ‘(к чому) входити до складу чого’ в письменности ВКЛ в сильно полонизированном документе, сама же лексема фиксируется здесь с последней четверти XIV в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 18). Более

широкое распространение *належати* в первом из анализируемых значений получает только в «простой мове» второй половины XVI в., а во втором значении оно впервые выявляется с середины 40-х гг. того же столетия, обнаруживаясь в это время также в источниках, испытавших польское влияние (ГСБМ 19, 111). В обоих значениях глагол наблюдался и в «простой мове» XVII в., а с середины этого столетия фиксируется и *надлежати* ‘належаць, адносіцца’ (Тимченко 1, 459; ГСБМ 19, 3, 111). Не исключено, что «простая мова» могла быть посредником при заимствовании русским письменным языком первой половины XVII в. таких значений глагола *принадлежати*, как ‘относиться, принадлежать, прилежать к чему-л.’ и ‘должно, следует, подобает’ из польского, так как С.Кохман (1974а, 18; 1975а, 97) считает, что в письменности ВКЛ XVI в. *належати* (*надлежати*) в упомянутых значениях является полонизмом.

ОБЯЗАТИ (1) *сов.* Связать каким-л. обязательством, вынудить делать что-л.: *О семь Господнемъ ... милосердіи и правосудіи обязаны мы окрестнымъ странамъ дать знать ...* (ДРВ (2)12, 462, 1605 г.).

Эта лексема в значениях ‘обвязать, обернуть что-л. (чем-л.)’ и ‘наложить повязку, перевязать (рану)’ впервые засвидетельствована в древнерусских памятниках с XI в. (Срезневский II, 591; СлДРЯ V, 583; СлРЯ XI-XVII вв. 12, 220). Согласно информации исторического словаря, в интересующем нас значении этот глагол начинает фиксироваться в русской письменности с конца XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). А в исследованиях по польско-русским языковым контактам в XVI-XVIII вв., где *обязати* ‘связать каким-л. обязательством, вынудить делать что-л.’ рассматривается как семантический полонизм, появление указанного значения относят к началу XVIII в.²³³ (Basaj 1979, 11; Kochman 1975а, 99-100; 1975b, 27; 2005, 64; Witkowski 1999, 116; 2006, 130). Нами же эта лексема в анализируемом значении была выявлена в дипломатическом акте начала XVII в., отражающем контакты МГ с Польшей и ВКЛ, что позволяет почти на девять десятилетий передвинуть нижнюю хронологическую границу этого заимствования. С XVII столетия и до настоящего времени *обязать* ‘наложить на кого-л. какие-л

²³³ Попутно заметим, что в том же значении со второй половины XVI в. отмечается *обязати* (Kochman 1975а, 99), которое до сих пор не регистрировалось в русской лексикографии.

обязанности; заставить, принудить делать что-л.’ входит в активный состав русской лексики (СлРЯ XVIII в. 16, 150; САР IV, 171; Даль II, 640; ССРЛЯ 8, 589).

В старопольских источниках *obowiązać*, *obwieżać* в значении ‘*nałożyć zobowiązania, zobowiązać do czegoś, obliġāre, obstringēre*’, являющееся, по-видимому, калькой с латыни (ЭССЯ 31, 44), известно с конца XIV – начала XV в. и употреблялось в этом значении в XVI в. (Bańkowski 2, 348; SłStp V(5), 390; Reczek 1968, 273; SłPXVI, XIX, 471). С последней четверти XV столетия и в XVII-XVIII вв. в этом значении в польском языке бытовала форма *obowiażać* (Bańkowski 2, 348; SłStp V(5), 363; Linde III, 405; Karłowicz III, 495).

С середины XVI в. *обвязати*, *обвезати* в значении ‘абавязць, ускласці на каго-н. якія-н. абавязкі; звязць (клятвай, абяцаннем і пад.’ фигурирует в памятниках ВКЛ, причем первоначально в документах, язык которых испытал польское влияние (ГСБМ 21, 111). С начала XVII в. в том же значении в переводных с польского текстах встречается и *обязати*, *обезати* (ГСБМ 21, 331). Обе эти лексемы в упомянутом значении наблюдались и в «простой мове» на протяжении всего XVII в. (ГСБМ 21, 112, 331). Судя по хронологии и характеру памятников, в «простой мове» мы, как и в русском языке, очевидно, имеем дело в полонизмом. На наш взгляд, и здесь это, вероятнее всего, семантическое заимствование, поскольку *обвязати*, *обвезати* в значении ‘абвязць, абматаць што-н. вакол чаго-н.’ в старобелорусском языке – с XV в., а *обязати*, *обезати*²³⁴ – с первой половины XVII в. (ГСБМ 21, 111, 331). В таком случае «простая мова», видимо, способствовала проникновению интересующего нас значения глагола *обязати* в русский письменный язык первой половины XVII в.

ПРИНАЛЕЖАТИ (1) *несов.* Надлежать, следовать, подобать: *И о покоръ христіанскомъ принадлежитъ промышлять королю и паномъ радъ заодно ...* (АЮЗР 3, 259, 1649 г.).

²³⁴ Мы считаем необоснованным выделение глаголов *обвязати*, *обвезати* и *обязати*, *обезати* в этом и исследуемом значении как омонимов в белорусской исторической лексикографии. В исторических словарях русского и польского языков они представлены как многозначные слова.

До сих пор считалось, что этот глагол, квалифицируемый как полонизм, впервые появляется в русской письменности в 1651 г. именно в интересующем нас значении (СлРЯ XI-XVII вв.19, 226; Kochman 1963, 139; Witkowski 1999, 150; 2006, 169). Наша информация, почерпнутая из дипломатического документа 1649 г. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, позволяет несколько удревить хронологию этого значения в русском языке. Более того, наши материалы свидетельствуют о том, что сначала *приналежати* выявляется в русском письменном языке в значении ‘принадлежать, относиться (к) кому-л., чему-л.’: *А Лиулянская земля также их давных лѣтъ **приналежит** х королевству Польскому и к великому княжеству Литовскому ...* (Сб.РИО 137, 349, 1606-1607 гг.). *И нынѣ при насъ здѣся ... договоритись о многихъ великихъ добрыхъ дѣльхъ, которые к нашему царскому владѣнью и правленью въ Російскомъ государствѣ **приналежатъ** ...* (ДАИ 2, 9(5), 1613 г.). *И обещались королевскому величеству ... Московское государство и иные замки, которые к тому **приналежат**, ... додать королевскому величеству х Коруне Польской ...* (ВУР 3, 44(16), 1651 г.). Тогда как до настоящего времени полагали, что в этом значении глагол обнаруживается только с конца XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же; Witkowski, там же). Из этого следует вывод: *приналежати* в значении ‘принадлежать, относиться (к) кому-л., чему-л.’ – это лексическое заимствование из польского, а в значении ‘надлежать, следовать; подобать’ – семантическое. Для русского языка история этого глагола в обоих значениях за пределами XVII в. пока не прослеживается.

В польских письменных источниках *przynależać* в значении ‘*należać do kogo, do czego, być czyją własnością, przypadać komu w udziale*’ известно с 60-х гг. XVI в., а в значении ‘*przystoi, wypada, należy, godzi się, przysługuje prawo, jest stosowne*’ – с середины 10-х гг. XVII в. и бытовало в них еще и в XVIII в. (Bańkowski 2, 943; Linde IV, 1215; Karłowicz V, 329).

В исторических словарях белорусского и украинского языков отмечается, что *приналежати* ‘принадлежать’ регистрируется в «простой мове» со второй половины XVI в., а в значении ‘следовать, долженствовать’ – с конца XVI - начала XVII в., причем в обоих значениях в XVI- XVII вв. глагол наблюдался в сильно полонизированных текстах (ГСБМ 28, 354; Тимченко 2, 228). Учитывая это, не исключено, что «простая мова» выступала в роли

посредника как при заимствовании самой лексемы *приналежати*, так позднее и ее значения 'надлежать, следовать; подобать' русским письменным языком первой половины XVII в.

III. 3. 4. Обобщение результатов

В данном разделе было рассмотрено 20 слов, которые и в предшествующих исследованиях квалифицировались как полонизмы. Из них 12 являются именами существительными, 2 – именами прилагательными, 6 – глаголами. На наш взгляд, представленный материал достаточно убедительно показывает, что это именно семантические заимствования²³⁵, для 11 из которых удревнение хронологии анализируемого значения составило более четверти века: *вежа*, *водка*, *дворъ*, *особа*, *поступокъ*, *скрына*, *посполитый*, *выбирати*, *заборонити*, *надлежати* (в каждом из исследуемых значений), *обязати*. При этом для *посполитый*, *заборонити*, *надлежати* (в обоих значениях), *обязати* нижняя хронологическая граница была передвинута более чем на полстолетия. Для *добродей*, *мъшканье* (*мешканье*), *штука*, *непристойный* уточнение времени появления в интересующих нас значениях в русском письменном языке составило от полутора десятков до более чем двадцати лет, а для *годность*, *пожитокъ*, *секретъ*, *забити*, *приналежати* – всего от двух до четырех лет.

По всей вероятности, во всех случаях в качестве посредника в процессе семантического калькирования русским языком с польского выступала «простая мова».

²³⁵ Так, *приналежати* в интересующем нас значении до сих пор считалось лексическим полонизмом.

IV. Заключение

Семнадцатое столетие начиная с середины XX в. неоднократно привлекало внимание лингвистов, что позволило накопить значительное количество интересных фактов. Однако работы, посвященные лексике этого времени, по большей части ограничивались наблюдениями над языком отдельных авторов, памятников и лексико-семантических групп слов, что не позволяло делать каких-либо обобщающих выводов как о языковых процессах этой эпохи в целом, так и об отдельных ее периодах. А это ограничивало возможности разрешения таких проблем, как взаимодействие языка и общества, языка и культуры, а также феномена литературного языка, его истоков и состава (в том числе и лексического), успешное и всестороннее исследование которых возможно лишь на основе изучения межъязыковых и внутриязыковых социальных контактов, эволюции внеязыковых связей слова, анализе отношений развивающейся конкретной общественно-исторической ситуации и семантики слова.

В связи с этим в настоящее время в науке создано такое положение, когда решение указанных выше вопросов требует реализации более масштабных лексикологических и лексикографических изысканий исторического плана. И мы в своем исследовании предприняли попытку рассмотреть польское влияние на русский язык на лексико-семантическом уровне в переломный период его истории, первой половине XVII в., когда создаются предпосылки для возникновения литературного языка нового типа, как один из возможных факторов, оказывавших воздействие на характер протекания этого процесса.

Наши наблюдения над языком дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с западноевропейскими державами в первой половине XVII в. показали, что развитие лексической системы русского языка этого периода, помимо пополнения словарного состава лексическими полонизмами, характеризовалось и семантическими заимствованиями из того же источника.

Важнейшие социальные и культурные события и преобразования этого времени вызывали к жизни новые явления и понятия, что сопровождалось в сфере языка семантическим приспособлением к их выражению как исконных, так и ранее заимствованных слов.

Проведенное исследование позволяет сделать как более конкретные выводы о польском влиянии на одну из разновидностей русского делового языка первой половины XVII в. на лексико-семантическом уровне, так и сформулировать некоторые положения более общего плана, касающиеся характера этого влияния, а также его роли и значения в истории русского языка:

1. В целом в работе было рассмотрено 309 лексем, 296²³⁶ из которых в анализируемых значениях, по нашему мнению, являются семантическими полонизмами. В 173 случаях факт семантического калькирования был установлен впервые, для 82 заимствований этой группы была уточнена нижняя хронологическая граница появления значения в русской письменности, а 43 лексемы в исследуемых значениях вообще впервые зафиксированы в русском письменном языке. Из 66 случаев потенциальных семантических заимствований, подвергшихся процедуре верификации, факт калькирования удалось подтвердить 52 раза, для 34 из них была передвинута нижняя хронологическая граница анализируемого значения. Для 14 лексем этой категории факт семантического калькирования подтвердить не удалось.

2. В связи с тем, что у 22 лексем из польского было заимствовано два значения: *ажъ, вытиснути, до, заказъ, засьдати (заседати), знакъ, комора, кровный, мѣшати (мешати), мимо* ('вопреки, наперекор' в различных предложно-падежных конструкциях), *надлежати, належати, наука, отбити, отмиганный, подъездъ, покой, презъ, скарбъ, склонити, спѣшити (спешити), справитися*, а у слова *имѣти (имети)* – три значения, то в общей сложности было выявлено 319 случаев семантического калькирования.

Приведенная выше информация позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что хотя возможность калькирования в целом не столь широка, как заимствования, тем не менее оно не относится к исключительно редким явлениям и было актуально уже в интересующий нас период, а не только

²³⁶ Это число включает в себя и лексемы, представленные только в V. части исследования – словнике.

начиная с Петровской эпохи, как считалось до сих пор. Итак, уже в XVII в. этот процесс принимал довольно заметное участие в обогащении русского языка за счет лексико-семантических ресурсов другого, в частности польского, языка.

3. 27 семантических полонизмов, отмеченных в наших материалах, представляют собой вторичные заимствования: *манна, музыка (музика), наука, неприятель, орган(ы), особа, папежский, персона (парсона, парсуна), пеня, пгнязь, повинность, подданный, позволити, пороховой, посполитый, проклятво, римлянинъ, розность, секретъ, скарбъ, скрына, талантъ, титло (титла), хоругвь (хоронга, хоронгвь, хорухвь), цесарь, чата*²³⁷, *штука*. При этом лексическое заимствование таких слов, как *неприятель, особа, папежский, персона, повинность, подданный, позволити, пороховой, посполитый, проклятво, римлянинъ, розность, штука*, а возможно, и *наука, секретъ*²³⁸, *скарбъ* было осуществлено также из польского языка.

4. Что касается времени осуществления заимствований, то 5,8 % их приходится на XV в. (из них 6 случаев – на рубеж XV-XVI вв.), при этом для семантических калек, представленных только в словнике, это число составляет 14,8 %, а для семантических заимствований, рассматриваемых в аналитических частях работы (II и III), – 2,2 %. 26,8 % заимствований приходится на XVI в. (из них 8 случаев – на рубеж XVI-XVII вв.): 47,7 % составляют семантические полонизмы, фигурирующие только в словнике, и 18,7 % – в аналитических частях исследования. Заметим, что большая часть заимствований этого времени приходится на вторую половину столетия. Семантические заимствования, проникшие в русский письменный язык в XVII в., в наших материалах составляют 67,4 %, из них 37,5 % приходится на случаи, представленные только в словнике, и 79,1 % – на полонизмы, анализируемые во II и III частях работы. Из приведенных статистических данных следует, что процесс семантического калькирования с польского, согласно полученным нами результатам, развивался по нарастающей: в XVI в. по сравнению с XV в. – в 4,6 раза, а в XVII в. по отношению к XVI в. – в 2,5 раза.

²³⁷ При условии неисконности самой лексемы для славянских языков, согласно мнению ряда исследователей (см.: Wańkowski 1, 218; Boryś 2005, 92; Kochman 1967, 62; Фасмер IV, 351).

²³⁸ Сама лексема впервые регистрируется в польском языке на рубеже XV-XVI вв. в значении 'wychodek, ustęp' (SłStp VIII(2), 113, 147), а с 60-х гг. XVI в. – и в значении 'dwór, garderoba, kancelaria' (Linde V, 238; Karłowicz VI, 58; Reczek 1968, 437; NSIEJP, 457), в русской же письменности наиболее ранняя фиксация слова *секретъ* приходится на XVI в. и именно в значении 'резиденция, канцелярия' (СлРЯ XI-XVII вв. 24, 39).

Если говорить о первой половине семнадцатого столетия, которое было основным объектом нашего внимания, то на протяжении этого времени интенсивность польского влияния на русский письменный язык на лексико-семантическом уровне была неравномерной: пики его приходятся на Смутное время (48,8 %) и на период со второй половины 40-х до середины 50-х гг. XVII в. (26,7 %), что может объясняться историческими событиями, способствовавшими непосредственным активным контактам МГ с Польшей и ВКЛ, причем в орбиту этих отношений попадали и связи первого субъекта с другими западноевропейскими державами, в документах по сношениям с которыми, особенно в переводных, также встречается довольно значительное количество полонизмов.

5. Примечательно, что подавляющее большинство подвергшихся анализу лексем по происхождению представляют собой внутриславянские дериваты, имеющие, как правило, общеславянское распространение (93,9 %), это могло способствовать процессу калькирования. Однако выявление такого рода заимствований сопряжено со значительными трудностями, поэтому полученные результаты не могут не содержать элемента гипотетичности.

Столь высокий процент межславянских заимствований²³⁹ в одной из разновидностей русского письменного языка XVII в. позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что если на древнерусскую семантику, по замечанию В.Л. Виноградовой (1977, 35), большое воздействие оказывал греческий официальный язык, в результате чего многие полисемантические существительные в древнерусском языке, особенно отвлеченные, почти целиком повторяют семантическую схему соответствующих греческих лексем, то формирование не только самого лексического состава русского языка второй половины XVI – первой половины XVII в., но и его семантики происходило не изолировано от их становления в других славянских языках, в частности польском, влияние которого в этот период было весьма интенсивным.

6. Общеизвестно, что калькирование не ограничивается какой-то определенной частью речи, хотя, по наблюдениям ряда исследователей (Флекенштейн 1963, 306; Witkowski 1992, 267), среди семантических калек

²³⁹ В наших материалах лексемы неславянского происхождения, включая слова с неславянским корнесловом, составляют всего 6,1% (5 случаев – в аналитической части исследования и 13 – из представленных только в словнике).

обычно преобладают глаголы, что подтверждается и результатами наших исследований: имена существительные – 38 %, местоимения – 1 %, имена прилагательные – 10,2 %, глаголы – 43,6 %, наречия – 3,3 %, предлоги – 3,3 %, союзы – 0,3 %, частицы – 0,3 %.

7. До сих пор в исследованиях по польско-русским языковым контактам в XV-XVIII вв. было распространено мнение, что среди заимствований в русский язык этого времени преобладала специальная лексика, пополнявшая такие терминологические и профессиональные сферы, как администрация и управление, правосудие, военное дело, медицина, флора и фауна, религия, мораль, культура, средства коммуникации и др. Обогащение словарного состава русского языка этими элементами не вызывает сомнений и объяснимо внеязыковыми факторами: культурным влиянием, развитием различных отраслей науки и производства.

В наших материалах наряду с заимствованиями такого рода очень высок удельный вес заимствований общеупотребительной лексики²⁴⁰. Это, по нашему мнению, может свидетельствовать о том, что в XVII в. меняется сам характер польского влияния на русский язык: оно возрастает не только в количественном отношении, но становится иным в качественном плане, что приводит к тесному взаимодействию лексико-семантических систем контактирующих языков на более глубинном уровне. При этом увеличению проницаемости лексико-семантической системы русского языка могло способствовать следующее обстоятельство: если для части великорусских книжников польский язык становится эталоном при создании ими «простого» языка лишь со второй половины XVII в. (см. Целунова 2006, 135), то персоналом Посольского приказа, учитывая его состав и уровень подготовки, а также частые непосредственные контакты с представителями западноевропейской культуры, авторитетность этого языка могла осознаваться, очевидно, уже со второй половины (конца) XVI – первой половины XVII в.

8. В 80,5 % случаев заимствование обнаруженных нами в дипломатической корреспонденции семантических полонизмов, вероятнее

²⁴⁰ В связи с этим показательно наблюдение Е.А. Целуновой (2006, 119) по поводу приемов создания «простого» языка А.Фирсовым с его установкой на «... на отказ от специфически книжной лексики; при этом упрощение осуществлялось в основном за счет нейтральной лексики, которая часто “подсказывалась” польскими текстами Псалтыри».

всего, осуществлялось в результате сложных языковых контактов, когда в качестве посредника выступал канцелярский язык ВКЛ, а позднее, со второй половины XVI в., и «простая мова». При этом для материалов, представленных в аналитических частях исследования, это число составляет 77,7 %, а для семантических калек, регистрируемых только в словнике, – 88,5 %²⁴¹.

Из приведенных данных следует, что канцелярский язык ВКЛ и «простая мова» играли весьма активную роль в польско-русских языковых контактах XV-XVII вв. Объясняться это может следующими причинами: во-первых, по мнению венгерского слависта А.Золтана (Zoltán 1987, 101), западнорусский деловой язык уже в первой половине XV в. использовался в дипломатике МГ, и эта традиция, видимо, сохранялась еще и в первой половине XVI в. И среди дипломатических актов второй половины XVI – первой половины XVII в. довольно часто встречаются документы, исходящие из Польши и ВКЛ, которые не подверглись переводу. Во-вторых, как уже отмечалось во вводной части исследования (I. 1. 2.), в составе персонала Посольского приказа могли быть выходцы из ВКЛ, а также жители Немецкой слободы, которыми польские по происхождению элементы, бытовавшие уже в деловой письменности ВКЛ и «простой мове», в силу их билингвизма (полилингвизма) не воспринимались как нечто чужое и широко использовались, проникая благодаря им и в русскую деловую письменность.

Следует также отметить, что в ряде случаев межславянские контакты, в результате которых осуществлялись семантические заимствования в русский письменный язык XVI-XVII вв., носили еще более сложный характер, когда не только канцелярский язык ВКЛ и «простая мова», но и польский язык выступал в качестве посредствующего звена. Так, анализируемые значения лексем *глубокий*, *неспешно*, *повинность*, *порутчикъ* в конечном итоге, вероятнее всего, восходят к старочешскому источнику (при этом три последних слова в польском языке, очевидно, являются лексическими богемизмами²⁴²). При калькировании интересующего нас значения слова *кустодия(-ья)* уже сам

²⁴¹ Факт посредничества не удалось пока установить при заимствовании *манна*, *невол(ь)но*, *персона* (*парсона*, *парсуна*), *проклятво*, *римлянинъ*, *самовольникъ*, *стрельба*, *цесарский*, *цесарь* в анализируемых значениях.

²⁴² В связи с *порутчикъ* следует указать, что в самом старочешском *poručník* является калькой латинского *locum tenens*, буквально – ‘держачий место’, ‘заместитель’ (Фасмер III, 336).

старочешский язык выступал в качестве посредствующего звена при заимствовании из латыни.

9. Что касается дальнейшей судьбы семантических полонизмов, выявленных нами в дипломатических документах первой половины XVII в., то, по имеющимся на данный момент сведениям, история 39,5 % для русского письменного языка ограничивается семнадцатым столетием²⁴³ (от числа семантических калек, представленных в аналитических частях работы, они составляют 42,2 %, а от числа калек, фигурирующих только в словнике, – 32,1 %).

Среди этой группы слов преобладает общеупотребительная нейтральная лексика, при этом приблизительно 10 % от всех рассмотренных в работе семантических заимствований составляют явные окказионализмы, отмеченные в единичном употреблении; четыре лексемы в анализируемых значениях являются экзотизмами: *коло*, *обозный*, *пгнязь*, *стражникъ*. Примечательно, что, несмотря на столь непродолжительную историю этих лексем в исследуемых значениях в русской письменности, некоторые из них бытовали в русских говорах XIX в. и отмечаются в них до сих пор: *головной* (СРНГ 6, 310), *жалоба* (СРНГ 9, 66), *завесь (-а)* (СРНГ 9, 307), *коло* (СРНГ 14, 139), *потратити* (СРНГ 30, 303), *рушатися* (СРНГ 35, 289), *свято* (СРНГ 37, 6), *сойтися* (СРНГ 39, 234), *станъ*, употребление которого в русских диалектах в интересующем нас значении ограничивается XIX в. (Даль IV, 312).

Для 12,7 % семантических калек из польского бытование их в русском письменном языке ограничивается XVIII в.²⁴⁴ (от числа семантических заимствований, рассматриваемых в аналитических частях работы, они составляют 8,4 %, а от числа калек, представленных только в словнике, – 24,7 %). В функционально-стилистическом аспекте эта лексика не отличается от слов предшествующей группы. В ее составе можно выделить два экзотизма:

²⁴³ Приводимые ниже лексемы относятся к этой группе в следующих значениях: *заказъ* 'приказ', *имѣти (имети)* как вспомогательный глагол при образовании будущего времени и в значении 'иметь что-л. на себе; быть одетым во что-л.', *мимо* с вин.п. 'вопреки, наперекор', *отмѣнный* 'изменчивый, непостоянный', *покой* 'мир, отсутствие войны', *презь* с вин.п. 'при помощи или посредстве кого-, чего-л., через (посредство) кого-л.', 'вопреки, наперекор', *скрабъ* 'богатства, сокровища'.

²⁴⁴ Указанные слова относятся к этой группе в следующих значениях: *имѣти (имети)* как вспомогательный глагол при образовании прошедшего времени (с оттенком модальности) 'быть должным (обязанным) делать что-л.', *комора* в обоих значениях, *мимо* с род.п. 'вопреки, наперекор'.

воевода и *староство*. Ряд слов этой группы в анализируемых нами значениях регистрируется в диалектах русского языка: *веселье* (СРНГ 4, 181), *до* с род.п. ‘для’, ‘к’ (СРНГ 8, 72), *з(н)альзти* (*з(н)альсти*) (СРНГ 11, 307), *комора* ‘комната, жилое помещение в доме’, ‘кладовая, хранилище, склад’ (СРНГ 14, 237), *мъсто* (*место*) (Даль II, 369; СРНГ 18, 128), *мъшкати* (*мешкати*) (Даль II, 373), *новина* (СРНГ 21, 254), *обирати*, *обрати* (Даль II, 584), *пожитокъ* (СРНГ 28, 297), *поспъхъ* (СРНГ 31, 201), *посягъ* (СРНГ 30, 130, 259), *скарбъ* ‘казна’ (Даль IV, 193; СРНГ 37, 390).

История 15,4 % семантических полонизмов в русском литературном языке не прослеживается далее XIX в.²⁴⁵ (от числа семантических заимствований, представленных в аналитических частях исследования, они составляют 14,7 %, а от числа калек, регистрируемых только в словнике, – 17,3 %).

Среди слов этой группы так же, как и в предыдущих случаях, преобладает общеупотребительная стилистически нейтральная лексика. Ряд лексем в рассматриваемых нами значениях до настоящего времени наблюдается в русских говорах: *добродей* (СРНГ 8, 77), *животный* (СРНГ 9, 159), *закупити* (СРНГ 10, 176), *запомнити* (СРНГ 10, 342), *надлежати* (СРНГ 19, 237), *належати* (Даль II, 432; *належащий* ‘принадлежащий’ (СРНГ 20, 11)), *отмънный* (СРНГ 24, 238), *писатися* (СРНГ 27, 46), *повътрие(-ее)*, *поветрие(-ее)* (СРНГ 27, 235), *подданный* (СРНГ 27, 384), *покой* (СРНГ 28, 389), *прилучитися* (СРНГ 31, 282), *пришлый* (СРНГ 32, 70), *робити* (СРНГ 35, 108), *рознитися* (СРНГ 35, 163), *справити* (СРНГ 40, 253).

32,4 % лексем в анализируемых нами значениях продолжает активно употребляться в современном русском языке²⁴⁶ (от числа регистрируемых в

²⁴⁵ Приводимые далее лексемы относятся к этой группе в следующих значениях: *заказъ* ‘запрещение, запрет’, *мъшати* (*мешати*) ‘путать, принимать одно за другое, смешивать’, *надлежати* ‘относиться, принадлежать, прилежать к чему-л.’, *наука* ‘ученье, изучение; обучение’, *отмънный* ‘имеющий отличие, отличающийся от других, не такой, как другие’, *покой* ‘комната, помещение в жилом строении’.

²⁴⁶ Указанные слова относятся к этой группе в следующих значениях: *вытиснуть* ‘сделать посредством тиснения (надпись, узор и т.п.); отпечатать, напечатать’, *достать* уже без семы ‘взять силой оружия, завоевать, отвоевать’ (ССРЛЯ (2)IV, 418), *зайти* с более ограниченной сочетаемостью (ССЛРЯ (2)V-VI, 354), тогда как употребление его в говорах полностью соответствует отмеченному нами (СРНГ 10, 109), *кровный* в адъективном и субстантивном употреблении, последнее в литературном языке – только в форме мн.ч. (ССРЛЯ 5, 1680), а в диалектах – и в форме ед.ч. (СРНГ 15, 268), *мигнуть* с иным управлением – кому? (ССРЛЯ 6, 965), *надлежать* безл. ‘должно, следует, подобает’, *наука* ‘наука, отрасль человеческих знаний’.

аналитических частях работы они составляют 34,7 %, а от количества фиксируемых только в словнике – 25,9 %) и только 4,2 % имеют ограниченную сферу употребления. Так, *валиться, вонь, лекарство* перен., *отслужить, склониться, штука, шум* являются уже принадлежностью разговорного стиля речи, а *аж, выносить* (в изолированном употреблении), *шея* (только в составе фразеологизма) – просторечия. Еще три лексемы в анализируемых значениях также имеют ограниченную сферу употребления: *забивать* встречается только в профессиональной речи, *манна* отмечается лишь в специальном употреблении (ССРЛЯ 6, 609), а *то* – в поэтической речи. Интересна судьба лексемы *доступити* в исследуемом нами значении: в толковой лексикографии первой половины XX в. она регистрировалась без каких-либо помет, а во втором издании ССРЛЯ (IV, 427) это значение уже сопровождается пометой «обл.», а кроме того, глагол в этом употреблении представлен и в современных русских говорах (СРНГ 8, 149), как и *сгодиться (згодитися)* в интересующем нас значении (СРНГ 37, 28-29).

Итак, судьба около 39,5 % подвергшихся анализу семантических заимствований из польского в XV-XVII вв. в русском письменном языке пока не прослеживается далее XVII в., при этом 10 % полонизмов (от общего числа рассмотренных), входящих в эту группу, являются окказионализмами. История еще приблизительно 28,1 % семантических калек в русском языке ограничивается XVIII-XIX вв., а около 32,4 % семантических заимствований из польского, пришедших в русский язык в XV-XVII вв., продолжают активно бытовать в нем до сих пор.

Довольно большой процент заимствований, отличающихся непродолжительной историей в русском письменном языке, на наш взгляд, позволяет сделать заключение о множественности и незакрепленности этих средств выражения и, в свою очередь, может свидетельствовать о состоянии определенной семантической неустойчивости, языковой избыточности, что вполне естественно, учитывая те изменения, которые назревали и осуществлялись на протяжении семнадцатого столетия в русском языке. При этом для тех семантических полонизмов, которые в письменности первой половины XVII в. представлены единичными употреблениями, а затем закрепились в языке, можно говорить об их предыстории в русской

литературной лексике²⁴⁷. В дальнейшем более четверти из них (26,6 % от числа заимствований XVII в.) закрепились в русском литературном языке и обогатили его новыми значениями.

Завершая обзор дальнейшей судьбы в русском языке семантических полонизмов, обнаруженных нами в дипломатической корреспонденции МГ первой половины XVII в., заметим, что представленная выше информация может иметь не только сугубо прикладное применение (уточнение и дополнение сведений, содержащихся в этимологических словарях), но также служить материалом, позволяющим судить об изменении характера польского влияния (его углублении) в исследуемый период, поскольку, как указывает А.А. Зализняк (2006, 415; 2007), семантическое калькирование выполняет в языке очень важную функцию, выступая в роли проводника не только языкового, но – шире – культурного влияния, а сами кальки являются свидетельством этого влияния.

10. Все изложенное выше в завершающей части работы, на наш взгляд, дает определенные основания для того, чтобы сформулировать итоговые выводы обобщающего плана о характере польского влияния на одну из разновидностей русского письменного языка XVII в. и о роли этого влияния в формировании русского литературного языка нового типа.

Продукция Посольского приказа во второй половине XVI-XVII вв. выступала не только и не просто как один из основных каналов полонизации словарного состава русского языка, поскольку большое количество лексических полонизмов прочно вошло в язык документов этого ведомства²⁴⁸ и воспринималось как его характерная особенность, легко проникая отсюда и в не приказную письменность (см. Иссерлин 1961, 74; Пеннингтон 1980, 385; Успенский 1983, 98; Живов, Успенский 1983, 157-159), но в силу довольно значительного числа именно семантических полонизмов в составе дипломатической корреспонденции этого времени²⁴⁹ она способствовала распространению польского культурного влияния в более широком аспекте.

²⁴⁷ Относительно общего количества рассмотренных в работе лексем в интересующих нас значениях это число составляет 13,5 % (41 лексема), относительно случаев, представленных в аналитических частях исследования, – 17,3 %, а относительно данных, фигурирующих только в словнике, – 5,1 %.

²⁴⁸ Это подтверждается и нашими материалами (см. список литературы).

²⁴⁹ Кстати, и в современном русском языке именно сферы дипломатии и политики, по наблюдениям Л.П. Крысина (2002, 32), являются основными источниками семантических калек.

Это нашло отражение и в стратегии формирования языковой политики Московской Руси в целом, когда на великорусскую почву переносится югозападнорусская языковая ситуация, которая, в свою очередь, представляла собой заимствование польской языковой ситуации. Причем в этом процессе весьма значима была роль «простой мовы», которая в силу отсутствия парного эквивалента в великорусских условиях, сама будучи создана на базе канцелярского языка ВКЛ, оказывала непосредственное воздействие на приказный язык МГ, в особенности на дипломатику, выступая в роли очень активного посредника при лексико-семантических заимствованиях из польского, о чем, по нашему мнению, достаточно убедительно свидетельствуют данные, представленные в настоящем исследовании.

В результате приказный язык в силу уже ранее сложившейся традиции, допускавший свободное употребление, наряду с исконно русскими, церковнославянскими и иноязычными элементами (см. Zoltán 1987, 24, 102-103; Петрунин 1990, 47), из всех существовавших в то время текстовых массивов, был наиболее подготовлен к предстоящей ломке всего аппарата книжности и уже в XVII в. отражал новые тенденции в формировании русского литературного языка (см. Никитин 2005б, 253). Этим можно объяснить то, что на языковую практику Посольского приказа рекомендовалось ориентироваться переводчикам и создателям «простого» языка во второй половине XVII – первой половине XVIII в. (Успенский 1983, 97-99). При этом примечательно, что если при создании «простой мовы» полонизация была одним из способов окнижнения канцелярского языка, то, например, А.Фирсовым при переводе Псалтыри в 1683 г. она использовалась как средство упрощения церковнославянского языка (см. Целунова 1985а, 87; 1985б, 24; 2006, 136). И объясняется это, вероятнее всего, тем, что польские элементы при создании «простого» языка черпались, помимо других источников, в очень значительной мере из приказного языка (в особенности из дипломатики), который уже по самой своей природе был более демократичен и более близок к живой разговорной речи, чем церковнославянский язык.

Итак, в истории русского языка польское влияние, во второй половине XVI-XVII вв. систематически и интенсивно осуществлявшееся через язык дипломатических документов МГ при весьма активном посредничестве

«простой мовы», оставило свой след не только в виде обогащения лексико-семантической системы русского языка, но и выступало как один из факторов, который в семнадцатом столетии способствовал изменению самой языковой ситуации в Московской Руси, что, в свою очередь, создало предпосылки для формирования русского литературного языка нового типа.

V. Словник

В эту часть исследования включены все семантические полонизмы, которые были обнаружены нами в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. по сношениям МГ с западноевропейскими державами: как те, что рассматривались в аналитических частях (II. и III.) данной работы, так и те, которые аргументировано отнесены к разряду семантических заимствований из польского в работах других исследователей и, с нашей точки зрения, не требуют дополнительных изысканий. Для последних (их количество – 81 лексема (3 из них фигурируют в аналитических частях данного исследования), причем 8 из них являются заимствованиями в двух значениях) даются отсылки к литературе, где приводятся доказательства причисления той или иной лексико-семантической единицы к семантическим калькам из польского языка.

АЖЪ, АЖ (5) *частица усилит.* а) в предложно-падежных конструкциях (с предлогами *до, на, в* и др.) с пространственным и временным значением обозначает ‘вплоть до; почти до, чуть ли не’ (4): Сб.РИО 137, 59, 1600-1601 гг.; ВУРЗ, 46(16), 1651 г.; там же, 132(61), 134(61), 1651 г.; б) для обозначения образа действия и меры (предшествует глаголам) ‘даже’ (1): СГГД2, 260(61), 1606 г.

БЪГЪ (1) *м.* ‘вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел’: СГГД3, 373(110), 1639 г.

БРОНИТИ (1) *несов.* ‘оборонять, защищать; охранять’: СГГД2, 450(207), 1610 г.

ВАЛИТИСЯ (1) *несов.* ‘разваливаться, рушиться, обрушиваться’: Якубов 1897, 360, 1650 г.

ВВЕСТИ (2) *сов.* ‘включить, внести, вписать’: Якубов 1897, 60, 1618 г.; ЭСРШ, 22(5), 1618 г.

ВВОДИТИ (1) *несов.* ‘включать, вносить, вписывать’: ПСЗ1, 186(19), 1617 г.

ВЕЖА (1) *ж.* 'тюремный замок; место заключения': ВУР2, 452(184), 1650 г.

ВЕСЕЛЬЕ (4) *с.* 'свадьба': ДРВ (2)4, 106, 1602 г.; Сб.РИО 137, 267, 1606-1607 гг.; АЮЗР 3, 266, 275, 1649 г.

ВЗАЕМЬ (1) *нареч.* 'взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно': ВУР2, 31(111), 1648 г.

ВИЛКИ (2) *мн.* 'подставка с развилиной для огнестрельного оружия': СГГД 3, 311(82), 1631 г.; там же.

ВКИНУТИСЯ (2) *сов.* 'ворваться; напасть, вторгнуться': ПСЗ1, 314(119), 1654 г.; СГГДЗ, 510(168), 1654 г.

ВОДКА (1) *ж.* 'водка; хлебное или добываемое из плодов вино, очищенное от излишних водяных частиц с помощью перегонки': Сб.РИО 38, 432, 1602 г.

ВОЕВОДА (4) *м.* 'высший административный чин, наместник короля или великого князя в Польше (в XVI-XVIII вв.) и ВКЛ (в XVI-XVIII вв.)': Сб.РИО 137, 183, 1605 г.; РИБ 16, 401(95), 1606 г.; Сб.РИО 142, 324, 1613 г.; РИБ 16, 777(152), 1653 г.

ВОЕВОДСТВО (1) *с.* 'округ, управляемый воеводой': АЮЗР 3, 296, 1649 г.

ВОЗНИКЪ (8) *м.* 'упряженная лошадь': ПДС 2, 911, 1604 г.; Сб.РИО 137, 674, 1607-1608 гг.; там же; там же; там же; там же; там же; ОЗ, 350, 1654 г.

ВОНЬ, ВОНЯ (2) *ж.* 'дурной запах, вонь': Сб.РИО 137, 640, 1607-1608 гг.; АИ 2, 201(173), 1609 г.

ВЫ (1) *мест. личн.* В знач. 2 л. ед.ч. 'ты': СГГД 2, 261(121), 1606 г. (Соболевский 1891, 4; Machek 1971, 704; Шанский I(3), 218; ЭСБМ 2, 243).

ВЫБИРАТИ (1) *несов.* 'избирать, назначать кого-л. (на какую-л. должность, пост, для выполнения каких-л. обязанностей)': ААЭ 2, 308(180), 1611 г.

ВЫБОР (1) *м.* 'лучшая часть какого-л. общества; цвет, сливки общества': Сб.РИО 137, 482, 1607-1608 гг.

ВЫБРАТИ (4) *сов.* 'избрать, назначить на какую-л. должность, пост, для выполнения каких-л. обязанностей': СГГД 3, 41(10), 1613 г.; Сб.РИО 142, 473, 514, 1615 г.; АИ 3, 67(72), 1616 г. (Sobik 1969, 199).

ВЫВЕДАТИ, ВЫВЕДАТИ (2) *сов.* ‘узнать, получить сведения, известия о чем-л.; разузнать тайное, выведать’: Сб.РИО 116, СССХХV(12), 1625 г.; ИСНСР 2, 69(20), 1642 г.

ВЫНОСИТИ (2) *несов.* ‘распространять (чьи-л. высказывания), оглашать, разглашать что-л.’: СГГД 2, 262(121), 1606 г.; там же.

ВЫПИСЬ (2) *ж.* ‘выписка, извлечение из какого-л. документа; копия документа’: СГГД 2, 567(267), 1611 г.; АЮЗР 3, 386, 1649 г.

ВЫТИСНУТИ (5) *сов.* 1. ‘сделать посредством тиснения (надпись, узор и т.п.); отпечатать, напечатать’ (1): ВУР 1, 175(103), 1636 г. 2. ‘добиться от кого-л. чего-л. желаемого, оказывая давление, путем принуждения’ (4): ДРВ(2)4, 85, 1602 г.; Сб.РИО 137, 547, 1607-1608 гг.; там же, 657, 659.

ГЛУБОКИЙ (1) *прилаг.* ‘отличающийся глубиной, проникающий во внутреннюю сущность чего-л.; значительный, серьезный’: ИСНСР 2, 103(29), 1643 г.

ГОДНОСТЬ (2) *ж.* ‘достоинство; положительные качества, достоинства; добродетель’: Якубов 1897, 153, 1649 г.; ВУР 2, 261(117), 1649 г.

ГОЛОВНОЙ (1) *прилаг.* ‘наиболее существенный, важный по своей роли, значению; основной, главный; центральный’: Якубов 1897, 230, 1649 г.

ДВОРЬ (7) *м.* ‘совокупность лиц, приближенный к государю, правителю’: ПДС2, 752, 1599 г.; Сб.РИО 38, 311, 1602 г.; СГГД 2, 253 (117), 1606 г.; ДРВ(1)4, 140, 1613 г.; РИБ16, 440(99), 1613 г.; АЮЗР 3, 281, 1649 г.

ДВОРЯНИНЬ, ДВОРЕНИНЬ, ДВОРАНИНЬ (33) *м.* ‘лицо, постоянно находившееся при дворе царствующего монарха или магната, входившее в состав его свиты, войска; придворный; дворянин’: ПДС 2, 691, 694, 1599 г.; ДРВ(2)12, 236, 1599 г.; Сб.РИО 38, 278, 1600 г.; Сб.РИО 137, 54, 1600-1601 гг.; РИБ16, 332(77), 1601 г.; ДРВ(2)4, 59, 1601 г.; СН 14, 203, 1604 г.; СГГД 2, 253(117), 1606 г.; Сб.РИО 137, 251, 1606-1607 гг.; там же, 406, 1607-1608 гг.; РИБ16, 434(99), 1613 г.; СГГД3, 41(10), 1613 г.; там же, 92(19), 1614 г.; Лыжин 1857, 132(7), 1614 г.; Якубов 1897, 8, 1617 г.; там же, 272, 1624 г.; Сташевский 1913, 26(2), 1629 г.; АМГ1, 624(677), 1634 г.; Якубов 1897, 99, 235, 1649 г.; АЮЗР 3, 276, 1649 г.; ОЗ, 354, 1654 г.; РШЭО, 185(125), 1654 г.; *дворенинь* (5): Сб.РИО 137, 324, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 292, 1612 г.; РИБ16, 518(104), 1617 г.; Якубов 1897, 72, 1618 г.; ОЗ, 51, 1634 г.; *дворанинь* (4): Сб.РИО 137, 39, 41,

1599 г.; СГГД2, 463(211), 1610 г.; Сб.РИО 142, 174, 1611 г. (Kochman 1967, 107; Basaj 1979, 9).

ДО (32) *предлог с родительным пад.* 1. ‘указывает на предназначение какого-л. предмета, лица; употребляется для обозначения цели (соответствует по значения предлогу ‘для’)’ (1): Сб.РИО 142, 670, 1615 г. 2. ‘указывает на предмет, лицо, к которому направлено движение, действие (соответствует по значению предлогу ‘к’)’ (31): ДРВ(2)4, 55, 1601 г.; Сб.РИО 38, 404, 1601 г.; СГГД 2, 161(76), 1604 г.; Сб.РИО 137, 303, 308, 309, 311,313, 347, 354, 355,1606-1607 гг.; СГГД2, 604(285), 1612 г.; ДАИ 2, 5(6), 1613 г.; Якубов 1897, 45, 1618 г.; ВУР 1, 174(103), 1636 г.; ИСНСР 2, 71(21), 1642 г.; там же, 146(40), 1645 г.; ЭСРШ, 87(52), 1646 г.; АЮЗР 3, 258, 263, 242, 265, 276, 291, 407, 1649 г.; ВУР 2, 182(76), 274(118), 1649 г.; Якубов 1897, 116, 1649 г.; там же, 299, 1650 г.; ВУР 3, 59(20), 1651 г.; там же, 276(156), 1653 г.; ПДС 3, 113,1654 г. (Тамань 1960, 112; Милейковская 1984, 128).

ДОБРОДЕЙ (1) *м.* ‘доброжелатель, благодетель; защитник, покровитель’: ИСНСР 2, 111(31), 1643 г.

ДОВОДЪ (1) *м.* ‘свидетельство, доказательство, подтверждение; довод, аргумент’: Якубов 1897, 396, 1648 г. (Брицын 1965, 138; КД (I)1971, 51-53; Kochman 1972d, 44; 1975a, 55-56; 1975d, 26; 2005, 63; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 39; Witkowski 1992, 265; 1999, 41; 2006, 45).

ДОВОДИТИ (2) *несов.* ‘представлять доказательства, доказывать, аргументировать’: Якубов 1897, 396, 1648 г.; там же, 265, 1650 г.; Брицын 1965, 135-137; КД(I) 1971, 51-53; Kochman 1975a, 55-56; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 39; Witkowski 1992, 265; 1999, 41; 2006, 45).

ДОМЪ (5) *м.* ‘династия’: ПДС 2, 747, 1599 г.; там же, 780, 1601 г.; СН14, 275, 1605 г.; ЭСРШ, 36(16), 38(17), 1629 г. (Kochman 1991a, 30-32; 2005, 276; Witkowski 1992, 265; 1999, 42; 2006, 45).

ДОНЕСТИ (31) *сов.* ‘сообщить кому-л о чем-л.; известить, осведомить кого-л. о чем-л.; довести до сведения путем доклада, донесения’: ПДС 2, 653, 1599 г.; ДРВ(2)12, 263, 1599 г.; Сб.РИО 38, 269, 1599 г.; там же, 284, 1600 г.; там же, 404, 1601 г.; ДРВ(2)4, 414, 1602 г.; ДРВ(2)12, 463, 1605 г.; Сб.РИО 137, 271, 274, 346, 348, 351, 356, 1606-1607 гг.; там же, 424, 462, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 153, 1610 г.; СГГД2, 604(285), 1612 г.; Сб.РИО 142, 320, 407, 1613 г.; ПА,

215/196/, 1613-1614 гг.; Сб.РИО 142, 477, 1615 г.; ПДС 2, 1177, 1617 г.; ИСНСР 2, 71(21), 1642 г.; ЭСРШ, 87(52), 1646 г.; Якубов 1897, 110, 229, 1649 г.; АЮЗР 3, 265, 1649 г.; ВУР 2, 274(118), 1649 г.; ВУР 3, 29(16), 1651 г.; ПДС 3, 113, 1654 г. (Kochman 1975a, 53-54; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 39; Witkowski 1999, 42; 2006, 46).

ДОНОСИТИ (12) *несов.* ‘сообщать кому-л. о чем-л., извещать, осведомлять, информировать кого-л. о чем-л.’: ПДС 2, 706, 1599 г.; ПРП, 170, 1600-1601 гг.; ДРВ(2)4, 55, 1601 г.; РИБ16, 358(83), 1602 г.; ПДС 2, 826, 1604 г.; Сб.РИО 137, 413, 644, 648, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 475, 1615 г.; РИБ16, 734(143), 1643 г.; АЮЗР 3, 407, 1649 г.; Якубов 1897, 116, 227, 1649 г. (Kochman 1975a, 53-54; 1975b, 26; 2005, 64; Basaj 1979, 11; Witkowski 1992, 265; 1999, 42; 2006, 46).

ДОСТАВИТИ (1) *сов.* ‘препроводить к месту назначения; привезти, принести’: СГГД 2, 382(192), 1609 г.

ДОСТАТИ (3) *сов.* ‘добыть, получить, приобрести; взять силой оружия, завоевать, отвоевать’: ААЭ 2, 295(173), 1611 г.; Сб.РИО 116, СССХХХVIII (13), 1628 г.; Якубов 1897, 254, 1649 г. (Kochman 1967, 106; Pennington 1980, 387; Zoltán 1987, 75; Witkowski 1999, 43; 2006, 46).

ДОСТУПИТИ (16) *сов.* чего ‘добыть, приобрести, получить что-л.; достигнуть, добиться чего-л.’: ПРП, 186, 1600-1601 гг.; СГГД 2, 160(176), 1604 г.; СН 14, 275, 1605 г.; РИБ16, 410(95), 1606 г.; Сб.РИО 137, 265, 338, 1606-1607 гг.; там же, 431, 513, 1607-1607 гг.; Сб.РИО 142, 412, 1613 г.; АИ 3, 68(72), 1616 г.; РИБ16, 511(104), 1617 г.; Якубов 1897, 26, 1617 г.; там же, 226, 229, 1649 г.; ВУР 3, 265(153), 1653 г.; там же. (Kochman 1967, 106²⁵⁰; Zoltán 1987, 79; 1988, 95; Тамань 1960, 99; Witkowski 1999, 43; 2006, 46).

ДОХОЖЕНЬЕ (3) *с.* Действие по глаг. *доходити* в знач. ‘добиваться чего-л. (своих прав, справедливости и т.п.)’: СГГД 2, 221(100), 1605 г.; Сб.РИО 137, 187-188, 191, 1605 г.

²⁵⁰ На наш взгляд, С.Кохман не приводит достаточных оснований для выделения у лексемы *доступити* в качестве самостоятельного значения ‘атаковать, штурмовать’, во всяком случае, приводимые им контексты не позволяют этого сделать. А кроме того, не только само это значение, но даже сема ‘atakować, szturmować’ в структуре значения ‘osiągnąć, otrzymać, uzyskać’ глагола *dotrzeć* в польском языке XVI-XVII вв. не засвидетельствована (SISXVI, V, 450; SiPaska I, 164). То же можно утверждать и в отношении семантики лексемы *доступити* в «простой мове» (ГСБМ 9, 33-34; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 8, 175), которая, вероятнее всего, выступала в роли посредника при заимствовании интересующего нас значения русским письменным языком второй половины XVI в.

ДРЕВЦО (ДРЕВЦЕ) (1) *м.* ‘копье, дротик; пика’: ПРП, 173, 1600-1601 гг.

ЖАЛОБА (2) *ж.* ‘траур; траурная одежда’: ЭСРШ, 54(28), 1633 г.; ВУР 3, 493(208), 1653 г.

ЖАРЬ (1) *м.* ‘высокая температура воздуха; жара, зной; *мн.* жаркие дни, следующие подряд; установившаяся жаркая погода’: Сб.РИО 137, 690, 1607-1608 гг.

ЖЕ (2) *союз* ‘что’: Сб.РИО 137, 642, 1607-1608 гг.; АЮЗР 3, 290-291, 1649 г.

ЖИВОТНЫЙ (1) *прил.* ‘относящийся к животу, брюшной’: Якубов 1897, 382, 1650 г.

ЗА (13) *предлог с творительным пад.* «указывает на причину чего-л.: ‘вследствие’, ‘по причине’, ‘в соответствии с’»: ПДС 2, 656, 1599 г.; РИБ 16, 349(81), 1602 г.; СГГД 2, 160(76), 1604 г.; СГГД 3, 179(41), 1618 г.; там же; там же; РШЭО, 106(70), 1635 г.; АЮЗР 3, 262, 264, 267, 405, 1649 г.; ВУР 2, 158(60), 1649 г.; ВУР 3, 55(16), 1651 г. (Милейковская 1984, 128).

ЗАБАВЛИВАТИСЯ (1) *несов.* ‘развлекаться, веселиться’: ВУР 3, 361(181), 1653 г.

ЗАБАВЛЯТИ (1) *несов.* ‘занимать кого-л. чем-л.; доставлять удовольствие кому-л., развлекать, потешать кого-л.’: АЮЗР 3, 266, 1649 г.

ЗАБАВЛЯТИСЯ (1) *несов.* ‘заниматься чем-л., какими-л. делами’: АЮЗР 3, 266, 1649 г.

ЗАБАВНЫЙ (1) *прил.* ‘занятый чем-л., каким-л. делом’: Сб.РИО 137, 311, 1606-1607 гг.

ЗАБЪГЪ (1) *м.* ‘набег, нападение (?)’: Якубов 1897, 66, 1618 г.

ЗАБИВАТИ (2) *несов.* ‘убивать, умерщвлять’: ВУР 2, 211(125), 1638 г.; там же, 43(17), 1648 г.

ЗАБИТИ (5) *сов.* ‘убить’: Сб.РИО 137, 344, 1606-1607 гг.; там же, 554, 1607-1608 гг.; АИ 2, 201(174), 1609 г.; ААЭ 2, 240(129), 1609г.; ВУР 2, 189-190(76), 1649 г.

ЗАБОРОНА (6) *ж.* ‘запрет, запрещение; возражение’: СГГД 2, 161(76), 1604 г.; РИБ 16, 411(95), 1606 г.; Сб.РИО 137, 265, 338, 1606-1607 гг.; там же, 431, 513, 1607-1608 гг.

ЗАБОРОНИТИ (2) *сов.* ‘запретить, возбранить’: Сб.РИО 137, 640, 1607-1608 гг.; ВУР 3, 344(179), 1653 г.

ЗАВЕСА ж., ЗАВЕСЬ м. (1) ‘дверная или оконная петля в виде шарнира’: ПА, 229/205/, 1613-1614 гг.

ЗАДАВАТИ (1) *несов.* ‘представлять; предъявлять, приводить, излагать (доводы, доказательства); указывать (?)’: ВУР 3, 39(16), 1651 г.

ЗАЖИТИ (1) *сов.* ‘иметь, приобрести, заслужить что-л.; испытать, изведать что-л.; удостоиться чего-л.’: ВУР 2, 340(144), 1650 г.

ЗАЙТИ (4) *сов.* ‘произойти, случиться; наступить, начаться, возникнуть’: ПДС 2, 722, 1599 г.; Сб.РИО 137, 303, 1606-1607 гг.; там же, 631, 1607-1608 гг.

ЗАКАЗЪ (9) *м.* 1. ‘приказ, наказ, повеление’ (7): Сб.РИО 137, 258, 363, 1606-1607 гг.; ДАИ 2, 4(2), 1613 г.; Якубов 1897, 271, 1622 г.; там же, 274, 1624 г.; там же, 287, 1630 г.; там же, 110, 1649 г. 2. ‘запрещение, запрет’: ЭСРШ, 18(3), 1618 г.; Якубов 1897, 85, 1618 г.

ЗАКАЗАТИ (5) *сов.* ‘запретить’: Сб.РИО 137, 352, 1606-1607 гг.; АИ 2, 259(220), 1609 г.; ВУР 1, 5(1), 1620 г.; Якубов 1897, 403, 1649 г.; АЮЗР 3, 389, 1649 г.

ЗАКОННИКЪ (1) *м.* ‘священнослужитель, монах’: ИСНСР 2, 146(40), 1645 г.

ЗАКУПИТИ (2) *сов.* ‘склонить кого-л. в свою пользу взятками, подарками; подкупить’: Сташевский 1913, 34(18), 1632 г.; там же.

ЗАПОМНИТИ (1) *сов.* ‘забыть, запомнить’: АЮЗР 3, 389, 1649 г.

ЗАСЪДАТИ, ЗАСЕДАТИ (5) *несов.* 1. ‘быть членом какого-л. совещательного, исполнительного органа и т.п.; занимать какой-л. пост, должность’ (3): АЮЗР 3, 262, 289, 396, 1649 г. 2. ‘проводя заседание, коллективно обсуждать, решать какие-л. вопросы; участвовать в заседании’ (2): Сб.РИО 137, 638-639, 469, 1607-1608 гг.

ЗАСЕСТИ (1) *сов.* ‘принять участие в коллективном обсуждении, решении каких-л. вопросов, принять участие в заседании; начать заседание, прения’: Сб.РИО 137, 634, 1607-1608 гг.

ЗБИТИ (1) *сов.* ‘разбить, разгромить неприятеля, нанести поражение’: ИСНРС 2, 239(77), 1653 г.

ЗГЛАДИТИ (2) *сов.* ‘убить, умертвить’: Сб.РИО 137, 258, 375, 1606-1607 гг. (Kochman 1967, 153; Witkowski 1992, 265; 1999, 55; 2006, 60).

ЗГОДИТИСЯ (1) *сов.* ‘оказаться (при)годным, подходящим, полезным для чего-л.; *безл. с инф.* оказаться возможным или удобным (сделать что-л.)’: ЭСРШ, 25(6), 1618 г.

ЗНАКЪ *м.* 1. ‘признак, свидетельство’ (4): Сб.РИО 137, 317, 357, 1606-1607 гг.; ЭСРШ, 61(33), 1634 г.; ВУР 3, 164(81), 1652 г. 2. ‘знак, рисунок как символическое обозначение чего-л.; клеймо’ (2): ВУР 3, 475(205), 1653 г.; там же (Орлов 1935, 52; Kochman 1975a, 1380140; 1975b, 23; 2005, 60; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 39; Witkowski 1999, 56; 2006, 62; Целунова 2006, 129, 161).

З(Н)АЛЪЗТИ, З(Н)АЛЪСТИ (3) *сов.* ‘приобрести, достать, добыть; найти’: Сб.РИО 38, 276, 1599 г.; ПДС 2, 1370, 1621 г.; АЮЗР 3, 398, 1649 г. (Милейковская 1984, 97; Witkowski 1999, 57; 2006, 62).

ИМЪНИЕ(-ЪЕ), ИМЕНИЕ(-ЪЕ) (13) *с.* ‘имение, земельное владение; поместье’: ДРВ(2)12, 239, 1599 г.; ДРВ(2)4, 17, 1601 г.; Сб.РИО 137, 187, 1605 г.; там же, 264, 293, 399, 1606-1607 гг.; РИБ 16, 410(95), 1606 г.; АИ 2, 127(95), 1608 г.; там же, 259(220), 1609 г.; Сб.РИО 142, 558, 638, 1615 г.; ВУР 2, 353(145), 1650 г.; ВУР 3, 199(91), 1652 г.

ИМЪТИ, ИМЕТИ (7) *несов.* 1. В прош. вр. с инф. (6): а) «как вспомогательный глагол для образования прошедшего времени (с оттенком модальности) ‘быть должным (обязанным) делать что-л.’ (4): ВУР 2, 383(169), 428(181), 1650 г.; ВУР 3, 132(61), 1651 г.; там же; б) ‘как вспомогательный глагол при образовании будущего времени (для выражения предполагаемого действия, того, что должно случиться, что является будущим по отношению к прошедшему)’ (2): ПСЗ 1, 314(119), 1654 г.; СГГД 3, 510(168), 1654 г. 2. ‘иметь что-л. (на себе); быть одетым во что-л.’ (1): СГГД 3, 538(184), 1655 г.

КОЛО (2) *с.* ‘собрание группы людей, объединенных какими-н. связями; совет, совещание рыцарства; казачья сходка, совет’: АЮЗР 3, 385, 1649 г.; ВУР 2, 338(144), 1650 г. (Kochman 1967, 114-115; Basaj 1979, 10; Witkowski 1999, 72; 2006, 79).

КОМОРА (3) *ж.* 1. ‘комната, жилое помещения в доме; палата, зал; спальня, опичивальня’ (2): ПРП, 201, 16001-601 гг.; ПА, 256 об. /224/, 1613-1614

гг. 2. 'кладовая, хранилище, склад; торговое помещение' (1): Якубов 1897, 102, 1649 г.; (Kochman 1975с, 15, 29; Witkowski 1999, 73; 2006, 81).

КОНЕЧНО (1) *нареч.* 'обязательно, непременно': АЮЗР 3, 286, 1649 г. (Милейковская 1984, 81, 97, 118).

КОНЕЧНЫЙ (3) *прил.* 'обязательный, непрменный; неизбежный': Сб.РИО 137, 256, 1606-1607 гг.; там же, 443, 1607-1608 гг.; ВУР 1, 212(125), 1638 г. (Милейковская 1984, 81; Witkowski 1992, 266; 1999, 74; 2006, 82).

КРИЧАТИ (4) *несов.* 'громко бранить, ругать кого-л.; отчитывать, делать замечания; предостерегать, предупреждать': АЮЗР 3, 258-269, 259, 1649 г.; Якубов 1897, 338, 1650 г.; ВУР 3, 23(12), 1651 г.

КРОВНЫЙ (2) *прил.* 1. 'родной по крови, одной крови; связанный родственными отношениями; основанный на общем происхождении' (1): СГГД 2, 214(96), 1605 г. *В знач. сущ. м.* 'родственник' (1) Сб.РИО 137, 641, 1607-1608 гг. (Милейковская 1984, 93; Witkowski 1991, 81; 2006, 90).

КУСТОДИЯ(-ЬЯ) (7) *ж.* 'прокладка, покрытие над печатью для предохранения ее от порчи': Сб.РИО 137, 191, 1605 г.; Сб.РИО 142, 359, 1613 г.; ПА, 165 об. /160/, 1613-1614 гг.; ЭСРШ, 48(23), 1630 г.; СГГД 3, 373(109), 1638 г.; ИСНСР 2, 56(15), 1641 г.

ЛЕКАРСТВО (3) *с.* 'средство, применяемое для лечения или предупреждения болезни; медикамент' (2): РБС, 167(145), 1639 г.; АЮЗР 3, 272, 1649 г.; *перен.* 'средство, помогающее, спасающее от чего-л.' (1): ВУР 3, 265(153), 1653 г.

ЛИСТЪ (52) *м.* 'письмо, послание; грамота; документ, удостоверяющий или устанавливающий что-л.': Сб.РИО 38, 268, 271, 1599 г.; Сб.РИО 137, 54, 1600-1601 гг.; ДРВ (2)4, 37, 1601г.; РИБ 16, 401(95), 1606 г.; Сб.РИО 137, 243, 260, 1606-1607 гг.; там же, 434, 439, 675, 1607-1608 гг.; ААЭ 2, 192(96), 1609 г.; СГГД 2, 451(208), 1610 г.; Сб.РИО 142, 108, 112, 1610 г.; там же, 271, 1611 г.; СГГД 2, 592(280), 1612 г.; ДРВ (1)4, 142, 1613 г.; Лыжин 1857, 132(7), 1614 г.; Сб.РИО 142, 660, 1615 г.; СГГД 3, 139(30), 1615 г.; Якубов 1897, 36, 1617 г.; ЭСРШ, 26(8), 1620 г.; ВУР 1, 14(7), 1620 г.; СГГД 3, 237(59), 1621 г.; Якубов 1897, 272, 1622 г.; там же, 273, 1624 г.; РБС, 89(65), 1625 г.; ЭСРШ, 35(15), 1627 г.; ИСНСР 1, 271(90), 1628 г.; Сташевский 1913, 26(2, XIV), 1629 г.; СГГД 3, 324(85), 1631 г.; АБА 3, 366(242), 1634 г.; ВУР 1, 174(103), 1636 г.; ИСНСР 2,

21(4), 1638 г.; РИБ 2, 769(185), 1643 г.; ИСНСР 2, 146(40), 1645 г.; Якубов 1897, 99, 220, 221, 257, 1649 г.; ВУР 2, 157(60), 1649 г.; Якубов 1897, 296, 363, 1650 г.; ВУР 3, 232(125), 1652 г.; РИБ 16, 754(149), 1652 г.; там же, 775(152), 1653 г.; ПДС 3, 128, 133, 1654 г.; АЮЗР 10, 666, 1654 г.; СГГД 3, 525, 526(176), 1654 г.; ИСНСР 2, 249(81), 1654 г. (Тамань 1960, 115-116; Kochman 1967, 119; 2005, 269-272; Сергеев 1978, 190; Basaj 1979, 10; Милейковская 1984, 62, 70, 82; Zoltán 1987, 67; Witkowski 1992, 266; 1999, 88; 2006, 97).

ЛОМАТИ (2) *несов. Перен.* ‘уничтожать, разрушать (что-л. укоренившееся, устоявшееся); нарушать, попира́ть что-л.’: СГГД 3, 507(168), 1654 г.; ПСЗ 1, 311(119), 1654 г.

ЛЮБОВЬ (10) *ж.* В составе почтительного титула: *Ваша любовь* ‘в почтительном обращении низшего к высшему или при указании на третье лицо, которое выше говорящего по происхождению, положению’: ПДС 2, 653, 655, 1599 г.; там же, 779, 780, 781, 1601 г.; РИБ 16, 560(112), 573(113), 1622 г.; ЭСРШ, 47(23), 1630 г.; там же, 65(36), 1635 г.; ПДС 3, 187, 1654 г.

МАННА (1) *ж.* ‘застывший сок некоторых растений, употребляемый в пищу и как лекарство’: Сб.РИО 38, 434, 1602 г. (Kochman 1975с, 43).

МАТИЦА (1) *ж.* ‘форма, в которой отливают типографический шрифт, матрица’: ИСНСР 1, 271(90), 1628 г.

МЪСТО, МЕСТО (18) *с.* ‘город’: Сб.РИО 137, 40, 1599 г.; ДРВ (2)12, 294, 1599 г.; ПДС 2, 660, 1599 г.; там же; Сб.РИО 137, 244, 265, 306, 314, 359, 365, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 413, 1613 г.; ПА, 9 об. /46/, 1613-1614 гг.; ВУР 1, 174(103), 1636 г.; АЮЗР 3, 394, 1649 г.; ВУР 2, 183(66), 1649 г.; ВУР 3, 46(16), 1651 г.; там же, 311(166), 1653 г.; ПДС 3, 351, 1656 г.; (Kochman 1967, 120; Sobik 1969, 271; Basaj 1979, 10; Witkowski 1992, 266; 1999, 97; 2006, 107).

МЪТИ, МЕТИ (2) *несов.* В наст. вр. с инф. ‘как вспомогательный глагол для образования будущего времени (с оттенком модальности)’: АИ 2, 201(173), 1609 г.; Сб.РИО 142, 95, 1610 г.; ПДС 2, 1238, 1616 г.

МЪШАТИ, МЕШАТИ (5) *несов.* 1. ‘путать, принимать одно за другое; смешивать’ (2): Якубов 1897, 139, 231, 1649 г. 2. ‘являться помехой, создавать препятствия в чем.-л., расстраивать планы’ (3): ЭСРШ, 36(16), 1629 г.; там же, 43(21), 1630 г.; СГГД 3, 328(88), 1631 г.

МЪШКАНЪЕ, МЕШКАНЪЕ (2) *с.* ‘житье, проживание где-л.; местожительство; нахождение, пребывание где-л. в течение какого-л. времени’: Сб.РИО 137, 485, 1607-1608 гг.; АЮЗР 3, 396, 1649 г.

МЪШКАТИ, МЕШКАТИ (10) *несов.* ‘проживать, жить; находиться, пребывать где-л.’: Сб.РИО 137, 259, 1606-1607 гг.; там же, 436, 483, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 103, 1610 г.; АЮЗР 3, 396, 1649 г.; Якубов 1897, 192, 1649 г.; ВУР 2, 416(181), 1650 г.; ВУР 3, 46(16), 1651 г.; там же, 291(166), 476(205), 1653 г. (Kochman 1967, 89-90; 1975с, 44; Witkowski 1992, 266; 1999, 97; 2006, 108).

МИГНУТИ (1) *сов.* на кого ‘подать знак движением век, глаз’: СГГД 2, 297(140), 1606 г.

МИЛОСТИВОЙ, МИЛОСТИВЫЙ (9) *прил.* В составе титула ‘в значении почтительного эпитета в вежливой форме официального обращения и в дипломатике по отношению к особам, занимающим высокое социальное положение, царствующим особам’: ДРВ (2)12, 277, 1599 г.; там же, 460, 1605 г.; АИ 2, 185(159), 1609 г.; Сб.РИО 142, 669, 1615 г.; Якубов 1897, 65, 1615 г.; Сташевский 1913, 26(2, XIV), 1629 г.; РШЭО, 114(78), 1640 г.; ЭСРШ, 86(51), 1644 г.; ИСНСР 2, 146(40), 1645 г.

МИЛОСТЬ (19) *жс.* В составе почтительного титула *Ваша (твоя, его и т.д.) милость* ‘в почтительном обращении низшего к высшему или при указании на третье лицо, которое выше говорящего по происхождению, положению’: ПДС 2, 654, 1599 г.; Сб.РИО 137, 51, 1600-1601 гг.; ДРВ (2)4, 41, 1601 г.; СГГД 2, 213(96), 214(96), 1605 г.; там же, 261(121), 1606 г.; Сб.РИО 137, 270, 293, 314, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 113, 1610 г.; там же, 28, 1612 г.; ПДС 2, 1173, 1617 г.; ЭСРШ, 51(26), 1633 г.; ИСНСР 2, 146(40), 1645 г.; Якубов 1897, 295, 1650 г.; ВУР 3, 264(153), 1653 г.; там же, 266(153), 1653 г.; там же; ИСНСР 2, 261(85), 1654 г. (Sobik 1969, 272; Милейковская 1984, 67).

МИМО (11) *предлог* 1. *С родительным пад.* ‘вопреки, наперекор’ (3): Якубов 1897, 5, 1617 г.; там же, 212, 1649 г.; АЮЗР 3, 290-291, 1649 г. 2. *С винительным пад.* ‘вопреки, наперекор’ (8): ДРВ (2)12, 306, 1599 г.; ДРВ (2)4, 16, 1601 г.; Сб.РИО 137, 273, 294, 359, 1606-1607 гг.; там же, 451, 453, 1607-1608 гг.; АЮЗР 3, 258, 1649 г.

МОЛВА (1) *ж.* ‘язык как система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе’: Сб.РИО 137, 316, 1606-1607 гг.

МОЛЧАТИ (2) *несов.* ‘терпеливо переносить что-л., не высказывая своего мнения, отношения к кому-, чему-л., не возражать; не жаловаться, не высказывать претензий, требований’: Лыжин 1857, 234(37), 1614 г.; Якубов 1897, 207, 1649 г.

МОЧЬ (3) *ж.* ‘право чего-л., на что-л. (возможность действовать, поступать каким-л. образом); правомочие, полномочие’: ПДС 2, 671, 1599 г.; ДРВ (2)12, 242, 1599 г.; ИСНСР 2, 112(31), 1643 г.

МУЗИКА, МУЗЫКА (2) *ж.* ‘музыка, пение’: ДРВ (2)4, 115, 1602 г.; АЮЗР 3, 291, 1649 г. (Sobik 1969, 275; Leeming 1976, 82; Милейковская 1984, 99; Witkowski 1999, 101; 2006, 112).

НАВОДИТИ (8) *несов.* на что ‘уговаривать, убеждать; склонять к чему-л.’: РИБ 16, 406-407(95), 1606 г.; Сб.РИО 137, 259, 277, 1606-1607 гг.; там же, 430, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 112, 1610 г.; там же, 491, 1614-1615 гг.; Якубов 1897, 119, 1649 г.; ПДС 3, 415, 1655 г.

НАДЪ (2) *предлог с винительным пад.* ‘кроме, помимо чего-л.; вопреки чему-л.’: Сб.РИО 137, 554, 659, 1607-1608 гг.

НАДЛЕЖАТИ (3) *несов.* 1. ‘относиться, принадлежать, прилежать к чему-л.’ (2): ДРВ (2)4, 108, 1602 г.; ВУР 1, 174(103), 1636 г. 2. *Безл.* ‘должно, следует, подобает’ (1): ЭСРШ, 52(28), 1633 г.

НАКЛАДЪ (2) *м.* ‘издержки, расходы, траты на что-л.; плата, вознаграждение’: Сб.РИО 142, 107-108, 1610 г.; ВУР 2, 152(60), 1649 г.

НАКЛОНИТИ (1) *несов.* ‘побудить, склонить к чему-л., настроить на что-л., убедить в чем-л.’: ВУР 3, 265(153), 1653 г.

НАЛЕЖАТИ (15) *несов.* 1. ‘принадлежать кому-, чему-л., быть чьей-л. собственностью; принадлежать к кому-, чему-л.; относиться к чему-л. территориально, прилежать; входить в состав чего-л.’ (6): Сб.РИО 142, 107, 147, 1610 г.; там же, 633, 1615 г.; СГГД 3, 139(30), 1615 г.; ОЗ, 203, 1634 г.; ИСНСР 2, 241(78), 1654 г. 2. ‘относиться к кому-, чему-л., касаться кого-, чего-л.; находиться в чьем-л. ведении, компетенции’ (9): Сб.РИО 137, 310, 1606-1607 гг.; там же, 686, 1607-1608 гг.; ОЗ, 60, 1634 г.; СГГД 3, 353(104), 1634 г.; ВУР 1,

174(103), 1636 г.; РИБ 16, 719(138), 1651 г.; Якубов 1897, 227, 1649 г.; ВУР 3, 30(16), 1651 г.; ПДС 3, 187, 1654 г. (Смирнов 1910, 202; Kochman 1967, 122; КД (П) 1972, 69-72; Kochman 1975а, 96-98; Basaj 1979, 11; Witkowski 1992, 266; 1999, 104; 2006, 115; Целунова 2006, 130).

НАМЕТЬ (4) *м.* ‘шатер, палатка; навес’: ВУР 3, 110(52), 1651 г.; там же, 291(195), 1653 г.; АЮЗР 14, 13, 1654 г.; там же.

НАРЕКАТИ (2) *несов.* что кому, на кого, что (в чем) ‘выражать порицание, осуждать кого-л.; упрекать, обвинять в чем-л.’: Сб.РИО 137, 365, 1606-1607 гг.; там же, 632, 1607-1608 гг.

НАУКА (5) *ж.* 1. ‘ученье, изучение чего-л.; обучение’ (3): Сб.РИО 38, 424, 425, 1602 г.; Якубов 1897, 62, 1618 г. 2. ‘наука, отрасль человеческих знаний’ (2): ВУР 2, 261(117), 1649 г.; Якубов 1897, 154, 1649 г. (Kochman 1981а, 117-118; 2005, 131-137; Witkowski 2006, 117)²⁵¹.

НЕВОЛЬНО (1) *В сост. сказ.* ‘не дозволено, нельзя (делать что-л.)’: Сб.РИО 142, 576, 1615 г. (Милейковская 1984, 107; Witkowski 1992, 266; 1999, 108; 2006, 119).

НЕЗГОДА (13) *ж.* ‘несогласие; распря, разлад, раздор; усобица’: ДРВ (2)4, 65, 1601 г.; Сб.РИО 137, 436, 520, 1607-1608 гг.; ПДС 2, 1232, 1616 г.; ЭСРШ, 21(5), 1618 г.; там же; Якубов 1897, 58, 1618 г.; там же; СГГД 3, 239(59), 1621 г.; ОЗ, 52, 1634 г.; АЮЗР 3, 261, 1649 г.; ВУР 3, 172(82), 1652 г.; там же, 273(155), 1653 г. (Тамань 1960, 188; Kochman 1967, 123; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 63, 97, 137; Рогова 1987, 31, 32; Witkowski 1999, 108; 2006, 119).

НЕПРИСТОЙНЫЙ (6) *прил.* ‘неприличный, неподобающий’: Якубов 1897, 221, 1649 г.; ВУР 2, 414-415, 417(181), 1650 г.; ВУР 3, 294(166), 1653 г.; СГГД 3, 515(171), 1654 г.; ПДС 3, 467, 1655 г.

НЕПРИЯЗНЬ (2) *ж.* ‘вражда, враждебность, нерасположение; недружелюбие, враждебное отношение к кому-, чему-л.’: ВУР 2, 383(169), 1650 г.; там же, 428(181), 1650 г.

²⁵¹ По мнению Ф.П. Сергеева (1972, 230; 1973, 25), полонизмом также является *наука* в значении ‘указание, инструкция’. В данном случае речь может идти о лексическом заимствовании, поскольку в настоящее время именно такое употребление этого существительного документировано наиболее ранней конкретной датированной фиксацией (СлРЯ XI-XVII вв. 10, 292). В наших материалах *наука* в этом значении представлено пять раз: Сб.РИО 137, 465, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 109, 1610 г.; там же, 278, 1611-1612 гг.; ПДС 2, 1233, 1616 г.; Сб.РИО 129, 83, 1651 г.

НЕПРИЯТЕЛЬ (10) *м., собир.* ‘внешний враг, с которым государство ведет войну’: ПДС 2, 6990700, 1599 г.; СГГД 2, 215(96), 1605 г.; Сб.РИО 137, 547, 1607-1608 гг.; СГГД 3, 308(81), 1630 г.; там же; Якубов 1897, 151, 1649 г.; там же; ВУР 3, 49(16), 1651 г.; ПСЗ 1, 312(119), 1654 г.; СГГД 3, 508(168), 1654 г. (Рогова 1987, 33-34; Петрунин 1990, 46; Witkowski 1999, 110; 2006, 122)²⁵².

НЕСЛЫХАННЫЙ (1) *прил.* ‘необыкновенный, необычайный, редкий; невиданный, небывалый, беспремерный’: ИСНСР 2, 86(25), 1642 г.

НЕСПЕШНО (1) *нареч.* ‘медленно, неторопливо; без поспешности’: Сб.РИО 406, 1606-1607 гг.

НОВИНА (3) *ж.* ‘новость, недавно полученное известие’: АЮЗР 3, 406, 1649 г.; ВУР 3, 46(16), 1651 г.; ПДС 3, 387, 1655 г. (Witkowski 1992, 266; 1999, 112; 2006, 125).

ОБИРАТИ (6) *несов.* ‘выбирать, избирать’: Сб.РИО 137, 257, 1606-1607 гг.; РИБ 16, 443(99), 1613 г.; там же, 674(131), 1634 г.; СГГД 3, 507(168), 512(170), 1654 г.; ПДС 1,315(119), 1654 г. (Kochman 1967, 124; Basaj 1979,11; Милейковская 1984б 108; Witkowski 1999, 113; 2006, 127).

ОБЛЕЧИ (1) *сов.* ‘осадить, окружить’: ВУР 2, 301(133), 1649 г. (Kochman 1964, 107-142; 1967, 71, 124; Sobik 1969, 300; Witkowski 1999, 114; 2006, 128).

ОБОЗЬ (12) *м.* ‘укрепленный военный лагерь, образованный из повозок обозных войск, во время боя часто служащий оборонительным и осадным укреплением’: Сб.РИО 142, 393, 1613 г.; ИСНСР 2, 128(34), 1644 г.; АЮЗР 3, 282, 283, 392, 394, 1649 г.; ВУР 2, 200(133), 1649 г.; Якубов 1897, 386, 1650 г.; ВУР 3, 56(18), 1651 г.; ИСНСР 2, 239(77), 1653 г.; РБС, 280(260), 1653 г.; СГГД 3, 503(165), 1654 г.

ОБОЗНЫЙ (3) *прил.* *В знач. сущ. м.* ‘должностное лицо в Польше и ВКЛ, в обязанности которого входило устройство военного обоза на месте, назначенном предводителем войска’: Сб.РИО 142, 276, 1611-1612 г.; там же, 416, 1613 г.; АЮЗР 3, 283, 1649 г.

²⁵² Вообще это существительное в значении ‘недоброжелатель, враг’ является лексическим полонизмом, проникшим в русскую письменность в конце XIV-XV вв. благодаря посредничеству староукраинского и старобелорусского языков (Целунова 1985а, 85; 2006, 127, 132; Рогова 1987, 31; Петрунин 1990, 45; Witkowski 1999, 110; 2006, 122).

ОБОЙТИСЯ (1) *сов.* ‘суметь прожить, выйти из положения, ограничиваясь, довольствуясь тем, что имеется в наличии, распоряжении; справиться без кого-, чего-л. не воспользоваться чьей-л. помощью, услугами и т.п.; пренебречь чем-л., не использовать чего-л.’: ЭСРШ, 79(46), 1640 г.

ОБРАТИ (17) *сов.* ‘выбрать, избрать’: Сб.РИО 137, 193, 1276, 289, 1606-1607 гг.; там же, 557, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 111, 1610 г.; ДАИ 1, 284(162), 1611 г.; Сб.РИО 142, 316, 1613 г.; СГГД 3, 42(10), 1613 Г.; РИБ 16, 494(100), 1613 г.; ПА, 37 об. /64/, 1613-1614 гг.; ДАИ 2, 28(12), 1614 г.; АИ 3, 67(72), 1616 г.; Якубов 1897, 84, 1618 г.; АЮЗР 3, 259, 267, 1649 г.; СГГД 3, 494(160), 1654 г.; там же (Kochman 1967, 125; Sobik 1969, 281; Basaj 1979, 11; Witkowski 1992, 266; 1999, 114; 2006, 129).

ОБУХЪ (4) *м.* ‘вид холодного боевого оружия (топорик на длинном топориче), а также церемониальное оружие как символ военачалия’: АЮЗР 3, 258, 384, 388, 1649 г.; Якубов 1897, 339, 1650 г.

ОБУШЕКЪ, ОБУШОКЪ (2) *м.* *Уменьш. к обухъ* в приведенном выше знач.: Якубов 1897, 327-328, 367, 1650 г.

ОБЯЗАТИ (1) *сов.* ‘связать каким-л. обязательством, вынудить делать что-л.’: ДРВ (2)12, 462, 1605 г.

ОПИСАТИ (3) *сов.* ‘назвать, именовать, титуловать (в официальных документах)’: Сб.РИО 142, 480, 660, 1615 г.; РИБ 16, 530(106), 1619 г.

ОПИСОВАТИ (7) *несов.* ‘называть, именовать, титуловать (в официальных документах)’: ДРВ (2)4, 64, 1601 г.; Сб.РИО 137, 277, 1606-1607 гг.; ПДС 2, 1122, 1614 г.; Якубов 189, 47, 1618 г.; СГГД 3, 237(59), 1621 г.; Якубов 1897, 281, 1625 г.; РИБ 16, 773(152), 1653 г.

ОПИСОВАТИСЯ (3) *несов.* ‘писаться, именоваться, титуловаться (в официальных документах)’: ПДС 2, 715, 1599 г.; Якубов 1897, 56, 1618 г.; РИБ 16, 529(106), 1619 г.

ОПИСЫВАТИ (8) *несов.* ‘называть, именовать, титуловать (в официальных документах)’: Сб.РИО 137, 350, 1606-1607 гг.; СГГД 3, 137(30), 1615 г.; Якубов 1897, 7, 1617 г.; там же, 43, 1618 г.; ОЗ, 51, 1634 г.; Якубов 1897, 95, 97, 1649 г.; там же, 391, 1651 г.

ОПИСЫВАТИСЯ (5) *несов.* ‘писаться, именоваться, титуловаться (в официальных документах’: Якубов 1897, 56, 1618 г.; ЭСРШ, 24(5), 1618 г.; ОЗ, 52, 1634 г.; Якубов 1897, 206, 1649 г.; ДАИ 6, 432, 1653 г.

ОПРАВИТИ (2) *сов.* ‘украсить оправой, вставить в оправу’: Сб.РИО 137, 674, 1607-1608 гг.; ИСНСР 2, 23(4), 1638 г.

ОРГАН(Ы) (1) *м.* и *мн.* ‘большой духовой клавишный музыкальный инструмент, орган’: ДРВ (2)4, 116, 1602 г. (Sobik 1969, 284; Kochman 1975с, 16; Leeming 1976, 84; Милейковская 1984, 97; Witkowski 1999, 119; 2006, 134).

ОСОБА (1) *ж.* ‘звание, сан, ранг’: Сб.РИО 137, 640, 1607-1608 гг.

ОТБИТИ (5) *сов.* 1. ‘отбить, отбросить противника’ (3): ДАИ 2, 301(169), 1612 г.; АЮЗР 3, 384, 1649 г.; Якубов 1897, 377, 1650 г.; 2. ‘силой, с боем отнять’ (2): Якубов 1897, 382, 387, 1650 г.

ОТВЕСТИСЯ (1) *несов.* с кем ‘удалить в сторону, отойти с кем-л.’: ВУР 3, 41(16), 1651 г.

ОТДАЛЕНЬЕ (1) *с.* ‘искоренение, ликвидация чего-л; прекращение, пресечение чего-л.’: Сб.РИО 142, 75, 1610 г.

ОТМЪННЫЙ (2) *прил.* 1. ‘изменчивый, непостоянный’ (1): СГГД 2, 250(114), 1605 г. 2. ‘имеющий отличие, отличающийся от других, не такой, как другие’ (1): Якубов 1897, 313, 1650 г.

ОТСЛУЖИТИ (1) *сов.* ‘возместить услугой или службой, отслужить’: РШЭО, 70(36), 1630 г.

ПАПЕЖСКИЙ (11) *прил.* ‘католический; относящийся к католикам’²⁵³: Сб.РИО 38, 277, 1599 г.; там же, 414, 1601 г.; Сб.РИО 137, 544, 1607-1608 гг.; ПДС 2, 1327, 1617 г.; РИО 116, СССХХХV(12), 1625 г.; РИБ 16, 628(125), 1630 г.; ААЭ 3, 368(242), 1634 г.; ЭСРШ, 73(41), 1637 г.; там же, 78(45), 1639 г.; Рогинский 1959, 21 /48/, 1645 г.; РИБ 16, 755(149), 1652 г. (Тамань 1961, 204; Sobik 1969, 289; Leeming 1976, 86; Witkowski 1999, 125; 2006, 141).

²⁵³ Вопреки материалам *Словаря русского языка XI-XVII вв.* (14, 147), это прилагательное, согласно данным А.Золтана (1987, 61, 86, 96), первоначально фиксируется в русской письменности в значении ‘относящийся к папе римскому, папский’ (нами оно в этом значении зарегистрировано один раз: СГГД 2, 219(98), 1605 г.) и в таком употреблении является лексическим заимствованием из польского через югозападнорусское посредничество во второй половине XV в. (ССМ XIV-XV ст.2, 126; ГСБМ 23, 44). Значение ‘католический; относящийся к католикам’ было заимствовано из того же источника уже в конце XVI – начале XVII в. через посредничество «простой мовы» (ГСБМ 23, 45).

ПАРСОНА, ПАРСУНА, ПЕРСОНА (6) *ж.* ‘портрет; изображение’: *парсона* (3): РИБ 16, 395(94), 396(94), 1603 г.; ПДС 2, 1077, 1614 г.; *парсуна* (1): Якубов 1897, 260, 1649 г.; *персона* (1): ПДС 2, 1359, 1621 г. (Kochman 1967, 129; KD (II) 1972, 72; Leeming 1976, 88; Basaj 1979, 10; Милейковская 1984, 63).

ПЕНЯ (4) *ж.* ‘денежное взыскание, налагаемое в виде наказания, штраф’: РШЭО, 40(11), 1628 г.; Якубов 1897, 103, 1649 г.; ВУР 2, 402(176), 1650 г.; РШЭО, 171(109), 1650 г.

ПЪНЯЗЬ (1) *ж.* ‘польская мелкая монета’: АЮЗР 3, 291, 1649 г. (Милейковская 1984, 83; Witkowski 1999, 129; 2006, 145).

ПЕРЕКИНУТИСЯ (2) *сов.* ‘перейти, перебежать, переметнуться на чью-л. сторону’: Сб.РИО 137, 651, 1607-1608 гг.; там же.

ПЕРЕКРЕСТИТИ (1) *сов.* ‘совершить обряд крещения повторно, еще раз; обратить в другую веру, совершая повторный обряд крещения’: Якубов 1897, 163, 1649 г.

ПЕРЕПУСТИТИ (1) *сов.* ‘послать, ниспослать; наслать кого-, что-л. на кого-л.’: Сб.РИО 142, 550, 1614-1615 гг.

ПЕРЕПУЩАТИ (1) *несов.* ‘посылать, ниспосылать; насылать кого-, что-л. на кого-л.’: Сб.РИО 137, 642, 1607-1608 гг.

ПИСАТИСЯ (2) *несов.* ‘письменно называть, титуловать себя, именовать себя кем-л. подписываясь’: Якубов 1897, 44, 1618 г.; там же.

ПОБЛИЗКУ (1) *нареч.* ‘неподалеку, поблизости’: ДРВ (2)4, 101, 1602 г.

ПОВЪТРИЕ(-ЕЕ), ПОВЕТРИЕ(-ЕЕ) (13) *с.* ‘эпидемия, мор; поветрие’: ПДС 2, 721, 1599 г.; ДРВ (2)12, 266, 1599 г.; там же; там же, 294, 1599 г.; Сб.РИО 38, 439, 1603 г.; ЭСРШ, 42(2)0, 1629 г.; РШЭО, 63(32), 1630 г.; там же; там же; Якубов 1897, 289, 1630 г.; ИСНСР 2, 72(21), 1642 г.; ВУР 3, 277(156), 1653 г.; РШЭО, 184(125), 1654 г. (Sobik 1969, 297).

ПОВИННОСТЬ (6) *ж.* ‘обязанность (служебная), повинность; обязанность, нравственный долг; повиновение’: СГГД 3, 215(51), 1620 г.; там же; ВУР 1, 6(3), 1620 г.; там же; АЮЗР 3, 385, 398, 1649 г.

ПОВОЛЬНЫЙ (1) *прил.* ‘покорный, послушный’: ИСНСР 2, 146(40), 1645 г. (Kochman 1967, 135; Basaj 1979, 11; Witkowski 1999, 133; 2006, 150).

ПОГАНСТВО (1) *с., собир.* ‘нехристиане, язычники, иноверцы’: АЮЗР 3, 284, 1649 г. (Kochman 1963, 139).

ПОДАТИСЯ (1) *сов.* ‘признать чью-л. власть; сдаться, покориться, подчиниться; принять подданство’: Сб.РИО 142, 397, 1613 г.

ПОДВОДА (1) *ж.* ‘повозка, телега вместе с лошадыю; подвода’: СГГД 3, 315(82), 1631 г.

ПОДДАННЫЙ (5) *прил.* ‘подчиненный, подвластный’²⁵⁴: Сб.РИО 142, 677, 1615 г.; Якубов 1897, 1, 1616 г.; ПДС 2, 1331, 1617 г.; Якубов 1897, 49, 1618 г.; РШЭО, 49(17), 1629 г. (Орлов 1935, 54; Sobik 1969, 299; Сергеев 1972, 230-231; 1978, 123; Kochman 1975b, 27; 2005, 64; Basaj 1979, 11; Witkowski 1999, 134; 2006, 152).

ПОДНОСИТИ (1) *несов.* ‘начинать; вызывать, возбуждать что-л.’: СГГД 3, 311(82), 1631 г.

ПОДНОСИТИСЯ (1) *несов.* ‘гордиться, возноситься’: АЮЗР 3, 290, 1649 г.

ПОДХВАТИТИ, ПОТХВОТИТИ (2) *сов.* ‘обманом (хитростью) или силой взять, отнять, захватить, занять что-л.; схватить, поймать кого-л.’: Сб.РИО 137, 651, 1607-1608 гг.; Якубов 1897, 377, 1650 г.

ПОДЪЪЗДЪ (6) *м.* 1. ‘поездка с разведочной целью, разведка; дозор’ (3): ДАИ 1, 302(170), 1612 г.; Якубов 1897, 18, 1617 г.; там же, 76, 1618 г. 2. ‘небольшой разведывательный отряд, дозор; передовой разъезд’ (3): СГГД 3, 133, 134(28), 1615 г.; там же, 143(31), 1615 г. (Kochman 1967, 76; Witkowski 1999, 136; 2006, 154).

ПОЖИТОКЪ (9) *м.* ‘польза, выгода; прибыль’: Сб.РИО 142, 147, 1610-1611 г.; там же, 426, 1613 г.; РИБ 16, 56(112), 1622 г.; ЭСРШ, 59(31), 1634 г.; АЮЗР 3, 400, 1649 г.; Якубов 1897, 332, 1650 г.; ВУР 3, 264(153), 1653 г.; ПСЗ 1, 315(119), 1654 г.; СГГД 3, 512(170), 1654 г.

ПОЗВОЛИТИ (5) *сов.* ‘согласиться на что-л.’²⁵⁵: Сб.РИО 137, 257, 275, 349, 1606-1607 гг.; АЮЗР 3, 397, 1649 г.; ВУР 3, 44(16), 1651 г. (Witkowski 1999, 137; 2006, 155).

²⁵⁴ В субстантивном употреблении это прилагательное является лексическим полонизмом (см. Kochman 1967, 130; 1972b, 49; Сергеев 1978, 121; Witkowski 1999, 134; 2006, 152).

²⁵⁵ С.Кохман (1972в, 49-50) считает, что *позволити* в значении ‘дозволить, разрешить’ является лексическим полонизмом, который уже довольно широко распространен в русской дипломатике XVI в. По материалам И.И. Срезневского (II, 1086), глагол в этом значении впервые отмечается в русской письменности уже во второй половине XV в. Данные этих двух исследователей не только уточняют информацию *Словаря русского языка XI-XVII вв.* (16, 112),

ПОКОЙ (41) *м.* 1. 'мир, отсутствие войны' (38): ДРВ (2)12, 237, 1599 г.; Сб.РИО 38, 375, 1600 г.; ДРВ (2)4, 26, 1601 г.; ПДС 2, 779, 1601 г.; РИБ 16, 340(78), 1601 г.; ДРВ (2)4, 90, 1602 г.; СГГД 2, 226(103), 1605 г.; Сб.РИО 137, 267, 271, 280, 301, 358, 1606-1607 гг.; там же, 416, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 75, 112, 1610 г.; АИ 2, 380(322), 1611 гю; РИБ 16, 443(99), 1613 г.; СГГД 3, 67(15), 1613 г.; ПА, 18 /51/, 30 об. /60/, 93 об. /103/, 98 /107/, 1613-1614 гг.; Лыжин 1857, 133(7), 1614 г.; СГГД 3, 139(30), 1615 г.; Лыжин 1857, 110(1), 1616 г.; Якубов 1897, 17, 1617 г.; там же, 42, 56, 1618 г.; Сб.РИО 116, СССХХХVIII(13), 1628 г.; ЭСРШ, 45(22), 1630 г.; там же, 48(23), 1630 г.; ПДС 3, 17, 1632 г.; ИСНСР 2, 86(25), 1642 г.; АЮЗР 3, 286, 1649 г.; Якубов 1897, 142, 1649 г.; ВУР 2, 140(59), 1649 г.; ВУР 3, 167(82), 1650 г.; Якубов 1897, 301, 1650 г. 2. 'комната, помещение в жилом строении' (3): Сб.РИО 137, 503, 1607-1608 гг.; Якубов 1897, 53, 1618 г.; ЭСРШ, 23)5), 1618 г. (Kochman 1964, 107-142; 1967, 76-77, 131-132; Сергеев 1972, 23; Basaj 1979, 10; Милейковская 1984, 83; Witkowski 1999, 138; 2006, 155).

ПОКОРНЫЙ (2) *прил.* 'выражающий покорность, смирение; почтительный': Сб.РИО 38, 403-404, 1601 г.; Рогинский 1959, 68 /113/, 1646 г.

ПОЛНИТИ (1) *несов.* 'пополнять; наполнять, заполнять': СГГД 3, 41(10), 1613 г.

ПОЛНОСТЬ (1) *ж.* 'многочисленность, множество; обилие': Якубов 1897, 362, 1650 г.

ПОЛОЖЕНИЕ (1) *с.* 'расположение чего-л. в пространстве, местоположение (о географических и топографических объектах)': ВУР 3, 217(111), 1652 г.

ПОЛ(Ь)НЫЙ (10) *прил.* 'относящийся к боевым действиям войск, связанный с военными действиями; походный, полевой': Сб.РИО 142, 578, 1615 г.; АЗР 4, 451, 1615 г.; ОЗ, 49-50, 1634 г.; ИСНСР 2, 85(25), 1642 г.; АЮЗР 3, 295, 1649 г.; ВУР 2, 338(144), 1650 г.; ВУР 3, 175(82), 1652 г.; там же, 295 (166), 1653 г.; АЮЗР 10, 667, 1654 г.

ПОЛ(Ь)СКИЙ (2) *прил.* 'относящийся к Польше и полякам, свойственный, принадлежащий им': Сб.РИО 137, 40, 1599 г.; АЮЗР 10, 667, 1654 г.

но и позволяют внести коррективы в вопрос о происхождении самой лексемы и отдельных ее значений в русском языке.

ПОМЪШАТИ (1) *сов.* ‘привести в беспорядок, расстроить, нарушить принятое течение дел’: Якубов 1897, 269, 1620 г.

ПОМЪШАТИСЯ, ПОМЕШАТИСЯ (3) *сов.* ‘нарушиться, расстроиться; прийти в смятение, замешательство’: ПДС 2, 297, 1613 г.; Сб.РИО 142, 694, 1615 г.; ВУР 3, 182(82), 1652 г.

ПОРОЖЖИЙ, ПОРОЗЖИЙ, ПОРОЖИЙ, ПОРОЖНИЙ (4) *прил. Перен.* ‘напрасный, тщетный; пустой, бесполезный, бесплодный; несущественный, неважный; беспочвенный, необоснованный’: ДРВ (2)4, 81, 1602 г.; там же, 91, 93, 95.

ПОРОХЪ (8) *м.* ‘порох; взрывчатое вещество для изготовления зарядов огнестрельного оружия’: ЭСРШ, 73(41), 1637 г.; ИСНСР 2, 127(34), 1644 г.; РШЭО, 149(103), 1649 г.; Якубов 1897, 324, 237, 252, 278, 1650 г.; СГГД 3, 510(168), 1654 г. (Kochman 1967, 132-133; Basaj 1979, 10; Witkowski 1999, 141; 2006, 159).

ПОРОХОВОЙ (2) *прил.* ‘относящийся к пороху и его изготовлению; предназначенный для хранения пороха’: ЭСРШ, 45(21), 1630 г.; Якубов 1897, 320, 1650 г.

ПОРУТЧИКЪ (13) *м.* ‘воинский чин в сухопутных войсках, соответствующий лейтенанту во флоте’: АИ 2, 373(316), 1611 г.; СГГД 2, 606(285), 1612 г.; Сб.РИО 142, 311, 1613 г.; ПА, 142 /140/, 1613-1614 гг.; ПДС 2, 1075, 1615 г.; РШЭО, 48(17), 1629 г.; Сташевский 1913, 25(2, XIV), 1629 г.; СГГД 3, 307(81), 1630 г.; там же, 313, 315(82), 319(83), 324(85), 1631 г.; АЮЗР 3, 388, 1649 г. (Фасмер III, 336; Fogarasi 1958, 67; Kochman 1967, 133; Sobik 1969, 305; Basaj 1979, 10; Милейковская 1984, 121; Witkowski 1999, 142; 2006, 160).

ПОРЮТИТИ (1) *сов.* ‘бросить, прекратить какую-л. деятельность, исполнение каких-л. обязанностей; оставить какую-л. должность’: АЮЗР 3, 288, 1649 г.

ПОСЪДАТИ, ПОСЕДАТИ (6) *несов.* ‘завладевать чем-л., присваивать, захватывать что-л.’: Сб.РИО 137, 71, 1600-1601 гг.; РИБ 16, 562(112), 1622 г.; там же; там же, 632 (126), 1631 г.; ОЗ, 200, 1634 г.; ВУР 2, 246(113), 1649 г.

ПОСЪСТИ (1) *несов.* ‘захватить, завладеть’: Сб.РИО 137, 267, 1606-1607 гг.

ПОСПѢХЪ (1) *м.* ‘скорость, быстрота; поспешность, спешка’: Сб.РИО 142, 679, 1615 г.

ПОСПЕШАТИСЯ (1) *несов.* ‘спешно идти, отправляться; спешить, торопиться’: ВУР 3, 440(205), 1653 г.

ПОСПОЛИТЫЙ (3) *прил.* ‘общий, всеобщий; национальный’: ДРВ (2)4, 29, 1601 г.; Сб.РИО 137, 642, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 324-325, 1613 г.

ПОСТАВЛЕНЬЕ (3) *с.* ‘постановление, решение; соглашение, договор’: ДАИ 2, 5(6), 1613 г.; ПДС 2, 940, 1613 г.; ПДС 3, 176, 1654 г.

ПОСТАНОВИТИ (23) *сов.* ‘решить, постановить; установить, утвердить, узаконить’: ПДС 2, 654, 1599 г.; ДРВ (2)4, 72, 1601 г.; Сб.РИО 137, 306, 307, 1606-1607 гг.; там же, 416, 426, 435, 458, 498, 499, 519, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 103, 1610 г.; РИБ 16, 437(99), 1613 г.; ПА, 78 /91/, 1613-1614 гг.; Лыжин 1857, 133(7), 1614 г.; Якубов 1897, 3, 1616 г.; РИБ 16, 506(103), 1617 г.; Якубов 1897, 41, 83, 86, 1618 г.; ОЗ, 55, 1634 г.; Якубов 1897, 117, 1649 г.; АЮЗР 3, 290, 1649 г. (Kochman 1975b, 27; 2005, 64; Witkowski 1999, 143; 2006, 161).

ПОСТУПАТИ (1) *несов.* ‘поступать, действовать, вести себя’: ВУР 3, 45(16), 1651 г. (Kochman 1975a, 112; 1975b, 27; 2005, 64; Целунова 2006, 161).

ПОСТУПОКЪ (1) *м.* ‘поступок, действие’: ВУР 3, 54(16), 1651 г.

ПОСЯГЪ (1) *м.* ‘приданое’: АЮЗР 3, 265, 1649 г.

ПОТЕХА (1) *ж.* ‘успокоение, умиротворение, утешение; радость, удовлетворение; ободрение, надежда’: ВУР 3, 264(153), 1653 г.

ПОТРАТИТИ (1) *сов.* ‘потерять, утратить кого-, что-л., лишиться кого-, чего-л.; погубить’: ДАИ 2, 29(12), 1614 г.

ПРАВО (16) *с.* ‘юрисдикция, право суда (jūs, jūris)’: Сб.РИО 142, 388, 1613 г.; ПДС 2, 1238, 1616 г.; там же, 1366, 1621 г.; СГГД 3, 307(81), 1630 г.; там же, 323(84), 1631 г.; Якубов 1897, 227, 1649 г.; АЮЗР 3, 265, 285, 290, 1649 г.; ВУР 2, 139(59), 1649 г.; там же, 320(135), 1650 г.; ВУР 3, 148*68), 1651 г.; РИБ 16, 778(152), 1653 г.; СГГД 3, 507(168), 1654 г.; ПДС 3, 122, 1654 г.; ПСЗ 1, 311(119), 1654 г. (Трубецкой 1990, 129ж; Виноградов 1982, 40; 1999, 534; Брицын 1965, 90-92; Унбегаун 1965/1969, 317; Kochman 1977a, 73-81; 2005, 247-256; Zoltán 1987, 60; Witkowski 1999, 146; 2006, 164).

ПРЕЗЬ (4) *предлог с винительным пад.* 1. ‘при помощи или посредством кого-, чего-л.; через (посредство) кого-л.’ (3): АЮЗР 3, 276, 386, 387, 1649 г.; 2. ‘вопреки, наперекор’ (1): АЮЗР 3, 285, 1649 г. (Милейковская 1984, 127; Witkowski 1999, 147; 2006, 166).

ПРИДАТИ (1) *сов.* ‘придать кого-л. кому-л. в помощь; назначить кого-л. для выполнения каких-л. обязанностей’: ВУР 3, 43(16), 1651 г.

ПРИКЛОНИТИСЯ (2) *сов.* ‘выразить готовность на что-л., к чему-л., склонность к чему-л.; пойти навстречу кому-, чему-л.; положительно отнестись к кому-, чему-л.’: Сб.РИО 142, 332, 1613 г.; СГГД 3, 27(10), 1613 г.

ПРИКЛОНЯТИСЯ (1) *несов.* ‘выражать готовность на что-л., к чему-л., склонность к чему-л.; идти навстречу кому-, чему-л.; положительно относиться к кому-, чему-л.’: ИСНСР 2, 85-86(25), 1642 г.

ПРИЛУЧИТИСЯ (1) *сов.* ‘присоединяться, примкнуть’: Сб.РИО 137, 686, 1607-1608 гг.

ПРИНАЛЕЖАТИ (1) *несов.* ‘надлежать, следовать; подобать’: АЮЗР 3, 259, 1649 г.

ПРИСТАТИ (2) *сов.* ‘оказаться пригодным, подходящим, соответствующим; подобающим, надлежащим; *безл.* годиться, подходить; подобать, приличествовать; надлежать, следовать’: СГГД 3, 407(117), 1643 г.; Якубов 1897, 337, 1650 г.

ПРИСТОЯТИ (11) *несов.* ‘быть подходящим, пригодным, подобающим; *безл.* подобать, подходить’: Сб.РИО 38, 275, 1599 г.; ДРВ (2)4, 20, 29, 1601 г.; ПДС 2, 1077, 1614 г.; Лыжин 1857, 166(11), 1617 г.; Якубов 1897, 88, 1618 г.; РИБ 16, 544(107), 1620 г.; там же, 569(112), 1622 г.; там же, 600(117), 1623 г.; ЭСРШ, 65(36), 1635 г.; РИБ 16, 703(136), 1639 г. (Kochman 1963, 140; 1975с, 47; Witkowski 1999, 151; 2006, 170).

ПРИСЯГА (8) *ж.* ‘присяга, клятва соблюдать верность, какие-л. обязательства’: СГГД 2, 160(76), 1604 г.; там же; Сб.РИО 137, 435, 1607-1608 гг.; СГГД 3, 43(10), 1613 г.; ПА, 72 об. /87/, 1613-1614 гг.; ВУР 3, 24(12), 1615 г.; СГГД 3, 497, 498(161), 1654 г. (Брицын 1967, 13; Сергеев 1987, 19-22; Zoltán 1987, 94-95; 1888, 110; Kochman 1984b, 95-104; 2005, 177-185; Witkowski 1999, 151; 2006, 170).

ПРИХОДЬ (2) *м.* ‘вход, место для прохода внутрь’: ДРВ (2)12, 328, 1599 г.; Якубов 1897, 32, 1617 г.

ПРИЧИНА (29) *ж.* ‘причина, основание; повод; предлог’: ДРВ (2)12, 461, 1599 г.; ДРВ (2)4, 25, 1601 г.; СГГД 2, 160(76), 1604 г.; там же, 226(103), 1605 г.; там же, 253(117), 1606 г.; Сб.РИО 137, 308, 1606-1607 гг.; там же, 413, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 326, 1613 г.; ДАИ 2, 10(13), 1613 г.; ПА, 140 об./139/, 1613-1614 гг.; ПДС 2, 1068, 1614 г.; Лыжин 1857, 229(36), 1614 г.; там же, 143(11), 1617 г.; Якубов 1897, 21, 1617 г.; РИБ 16, 601(117), 1623 г.; РИО 116, СССXXXIV(12), 1625 г.; там же, СССXXXV(13), 1628 г.; ЭСРШ, 255(119), 1629 г.; РШЭО, 57(34), 1630 г.; ОЗ, 214, 1634 г.; АЮЗР 3, 1649 г.; Якубов 1897, 114, 188, 1649 г.; ВУР 2, 258(117), 1649 г.; там же, 430(81), 1650 г.; ВУР 3, 36, 44(16), 1651 г.; там же, (177(82), 1652 г.; СГГД 3, 496(161), 1654 г. (Kochman 1967, 136; 1972b, 51; Basaj 1979, 11; Милейковская 1984, 99; Виноградов 1999, 988-989; Witkowski 1999, 152; 2006, 171; Moser 2007, 304-306; ЭСБМ 10, 172).

ПРИЧИНИТИСЯ (2) *сов.* ‘посодействовать, поспособствовать’: СГГД 3, 105(19), 1614 г.; Сб.РИО 142, 478, 1615 г. (Kochman 1967, 135-136; Basaj 1979, 11; Witkowski 1992, 266; 1999, 152; 2006, 171).

ПРИШЛЫЙ (2) *прил.* ‘будущий, грядущий’: Сб.РИО 137, 59, 1600-1601 гг.; АЮЗР 3, 406, 1649 г. (Sobik 1969, 314; Демьянов 1990, 111-112; Witkowski 1992, 266; 1999, 152; 2006, 171; Целунова 2006, 130).

ПРОКЛЯТСТВО (1) *с.* ‘клятвенная запись, обязательство, подкрепленное клятвой’: СГГД 2, 160(76), 1604 г. (Kochman 1967, 137; Rytter 1969, 109; Basaj 1979, 11; Witkowski 1999, 153; 2006, 172).

ПУСКАТИ (1) *несов.* ‘предоставлять, давать возможность кому-л. делать что-л.; доверять кому-л. исполнение какого-л. дела; полагаться на кого-л. что-л.’: Сб.РИО 137, 674-675, 1607-1608 гг.

ПУШКАРСКИЙ (2) *прил.* ‘относящийся к изготовлению и обслуживанию пушек; артиллерийский’²⁵⁶: РШЭО, 48(17), 1629 г.; ИСНСР 2, 61(17), 1641 г. (Leeming 1976, 93; Witkowski 1999, 156; 2006, 176).

²⁵⁶ Согласно информации В. Витковского (там же), *пушкарский* является лексическим полонизмом, заимствованным во второй половине XVI в., однако в это время в памятниках русской письменности прилагательное встречается только в значении ‘относящийся к пушкарю, пушкарям’ (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 73), в котором нам пока не удалось его обнаружить в польском языке. В интересующем же нас значении оно известно в последнем с середины XVI в. (Reczek 1968, 406; Karłowicz V, 442). В связи с этим не исключено, что лексема *пушкарский*

РАБОТНЫЙ (3) *прил.* ‘добывающий средства к существованию наемным физическим трудом’: Якубов 1897, 400, 1648 г.; ПСЗ 1, 312(119), 1654 г.; СГГД 3, 508(168), 1654 г.

РАЗШИРЕНИЕ, РАЗШЫРЕНИЕ, РАСШИРЕНИЕ (6) *с. Перен.* ‘о росте влияния, богатства’: ПДС 2, 692-693, 1599 г.; Сб.РИО 137, 41, 1599 г.; Сб.РИО 38, 285, 1600 г.; РИБ 16, 340(78), 1610 г.; Сб.РИО 142, 523, 1615 г.; АИ 3, 454(284), 1617 г.

РЬЧЬ (1) *ж.* ‘вещь, предмет; *мн.* вещи, пожитки, имущество; багаж’: ПДС 3, 24, 1632 г. (Смирнов 1910, 265; Kochman 1975с, 49; Witkowski 1999, 164; 2006, 186; ЭСБМ 11, 276).

РИМЛЯНИНЪ (1) *м.* ‘*мн.* католики’: ВУР 3, 23(12), 1651 г. (Witkowski 1999, 164; 2006, 185).

РОБИТИ (1) *несов.* ‘работать; делать, совершать; заниматься каким-л. делом, деятельностью’: АЮЗР 3, 290, 1649 г.

РОВНО (1) *нареч.* ‘спокойно, сдержанно; дружелюбно’: Якубов 1897, 221, 1649 г.

РОВНОСТЬ (1) *ж.* ‘равенство перед законом; законность, справедливость’: Якубов 1897, 219, 1649 г.

РОВНЫЙ (1) *прил.* ‘предполагающий или обнаруживающий равенство сил, общественного положения, прав, условий; без преимущества одного (одних) перед другим(и)’: Сб.РИО 142, 550, 1614-1615 гг.

РОЗНИТИСЯ (1) *несов.* ‘ссориться, враждовать’: ААЭ 2, 187(92), 1608 г.

РОЗНОСТЬ (1) *ж.* ‘несогласие; разлад, раздор; ссора’: Рогинский 1959, 69 /114/, 1646 г.

могла быть образована в самом русском языке, поскольку мотивирующее ее существительное *пушкарь* известно в письменных источниках уже с первой половины XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же). В таком случае полонизмом следует считать лишь отмеченное нами значение, и в отношении этого употребления мы поддерживаем мнение В.Витковского о заимствовании из польского языка. Дополнительным свидетельством того, что *пушкарский* собой представляет именно семантический полонизм, может служить употребление в русской письменности уже в первой половине XVI в. прилагательного *пушечный* в аналогичном значении (СлРЯ XI-XVII вв. 21, 72), бытующего до настоящего времени и не засвидетельствованного в польском языке. История же *пушкарский* ‘относящийся к изготовлению и обслуживанию пушек; артиллерийский’ в русском языке ограничивается, очевидно, семнадцатым, возможно, восемнадцатым столетием, тогда как в значении ‘относящийся к пушкарю, принадлежащий, свойственный ему’ это прилагательное до сих пор регистрируется в русской лексикографии (ССРЛЯ 11, 1777).

РОЗНЯТИ (2) *сов.* ‘разрешить спорное дело, прекратить спор’: Сб.РИО 137, 543, 1607-1607 гг.; Якубов 1897, 172, 1649 г.

РОЗОРВАТИ (4) *сов.* ‘прекратить какие-л. отношения, связи’: Сб.РИО 137, 271, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 576, 1615 г.; Якубов 1897, 22, 1617 г.; там же, 311, 1650 г. (Сергеев 1972, 195; Бурячок 1983, 88-89; Witkowski 1999, 159; 2006, 178).

РОЗОРВАТИСЯ (2) *сов.* ‘прерваться, прекратиться; расстроиться, нарушиться (о каких-л. процессах, событиях, отношениях, связях); прийти в состояние анархии, беспорядка, хаоса’: Сб.РИО 142, 576, 1614-1615 гг.; ВУР 3, 172(82), 1652 г.

РОЗРЫВАТИ (1) *несов.* ‘рвать, прекращать; расстраивать, нарушать (какие-л. отношения, связи)’: Сб.РИО 137, 71, 1600-1601 гг.

РОЗСКАЗАНЬЕ, РОСКАЗАНЬЕ, РОССКАЗАНЬЕ (12) *с.* ‘приказ, приказание, распоряжение; указ’: ДРВ (2)4, 15, 1601 г.; Сб.РИО 137, 264, 301, 334, 1606-1607 гг.; там же, 434, 435, 436, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 113, 1610 г.; там же, 220, 1611 г.; АМГ 1, 443, 1632.; АЮЗР 3, 392, 1649 г.; ВУР 3, 47(16), 1651 г. (Kochman 1967, 139; Basaj 1979, 11; Witkowski 1999, 165; 2006, 186).

РОЗСКАЗАТИ (3) *сов.* ‘приказать, велеть, указать’: Сб.РИО 137, 434, 491, 1607-1608 гг.; ВУР 3, 44(16), 1651 г. (Christiani 1906, 16; Рогова 1987, 31, 36-37; Witkowski 1999, 165; 2006, 186).

РОКЪ (1) *м.* ‘год, промежуток времени, включающий 365 или 366 дней’²⁵⁷: ВУР 1, 174(103), 1636 г. (Witkowski 1992, 267; 1999, 166; 2006, 187).

РОСКАЗЫВАТИ (1) *несов.* ‘приказывать, давать указания’: Сб.РИО 137, 438, 1607-1608 гг. (Рогова 1897, 36-37; Witkowski 1999, 166; 2006, 187).

РУШАТИСЯ (1) *несов.* ‘трогаться, двигаться (с места); выступать’: ВУР 3, 57(18), 1651 г.

РУШИТИСЯ (3) *сов.* ‘тронуться, двинуться (с места); выступить’: АИ 2, 201(173), 1609 г.; ВУР 3, 177(82), 1652 г.; АЮЗР 14, 29, 1654 г. (Kochman 1967, 140; Witkowski 1999, 167; 2006, 188).

РЫСЬ (2) *ж.* ‘шкура рыси, мех рыси’: Якубов 1897, 47, 1618 г.; АЮЗР 3, 394, 1649 г.

²⁵⁷ На наш взгляд, в *Словаре русского языка XI-XVII вв.* (22, 209-210) необоснованно подаются как омонимы рокъ¹ и рокъ², так как и в том и в другом случае в структуре их лексического значения выделяется общая сема, обозначающая отрезок (промежуток) времени.

СЬ (3) *предлог с родительным пад.* ‘указывает на материальный источник, экономическую основу чего-л.’: Якубов 1897, 360, 1650 г.; там же; там же.

САМОВОЛ(Ь)НИКЪ (4) *м.* ‘тот, кто не подчиняется верховной власти, претендует на государственную самостоятельность’: РИБ 16, 599(117), 1623 г.; АМГ 2, 343, 1648 г.; ВУР 2, 320(135), 1650 г.; ВУР 3, 199(91), 1652 г. (Kochman 1967, 141; Гарбуль 1994, 53).

СВЯТО (1) *с.* ‘день, посвященный культовым торжествам, свободный от работы; праздничный день, праздник’: Сб.РИО 137, 59, 1600-1601 гг.

СЕКРЕТЬ (1) *м.* ‘секрет, тайна’: ВУР 2, 188-189(76), 1649 г.

СКАРБЪ (9) *м.* 1. ‘богатства, сокровища’²⁵⁸ (5): Сб.РИО 137, 337, 351, 1606-1607 гг.; там же, 401, 501, 1607-1608 гг.; ВУР 2, 71(37), 1648 г. 2. ‘казна’ (4): Сб.РИО 137, 264, 332, 334, 1606-1607 гг.; ВУР 3, 296(166), 1653 г. (Kochman 1967, 141-142; 1975с, 17, 23, 32, 50; Sobik 1969, 335; Рогова 1987, 35; Смолина 1990, 122-128; Witkowski 1999, 173; 2006, 202).

СКЛАДЪ (1) *м.* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’: СГГД 3, 529(176), 1654 г.

²⁵⁸ В связи с тем, что пока не представляется возможным точно датировать появление в русском письменном языке значения ‘имущество; пожитки’ у существительного *скарбъ* (по материалам исторических словарей русского языка (Срезневский III, 365; СлРЯ XI-XVII вв. 24, 177), оно впервые отмечается в *Летописце* Переяславля Суздальского, составленном в начале XIII в. и известном в списке XV в.), а первая конкретно датированная его фиксация именно в русской письменности в значении ‘богатства, сокровища’ приходится на 1488 г., то на данный момент допустимы две версии об источнике самой лексемы в русском языке (о ее происхождении см. Brückner 1974, 493; Фасмер III, 633; Преображенский II, 294(1014); Boryś 2005, 550). Если для русского языка первично значение ‘имущество; пожитки’, то заимствование слова могло осуществиться из староукраинского или старобелорусского языков, где *скарбъ* в таком употреблении было известно уже в середине XV в. (ССМ XIV-XV ст. 2, 348; СМС 2, 211), тогда как в старопольских памятниках оно в этом значении не выявлено. В таком случае *скарбъ* в значении ‘богатства, сокровища’, единичные употребления которого встречаются с конца XV в., а более широкое распространение относится ко второй половине XVI – началу XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв., там же; Kochman 1967, там же; Sobik 1969, там же), является уже семантической калькой с польского в соответствующем значении (см. SłStp VIII(3), 216), при заимствовании которой в роли посредника, вероятнее всего, выступала «простая мова», гду лексема в этом значении активно бытовала в XVI-XVII вв., а спорадически в староукраинском и старобелорусском языках – уже в XV в. (Булыка 1972, 299; Тимченко 2, 322). Хотя в силу временной близости этих двух значений в русском письменном языке, не исключено, что лексема *скарбъ* могла быть заимствована и в значении ‘богатства, сокровища’. Что касается значения ‘казна’, то в русском языке XVII в. это, по нашему мнению, несомненно, именно семантическая калька с польского через посредничество «простой мовы». В староукраинский же и старобелорусский языки слово *скарбъ* было заимствовано из старопольского в конце XIV-XV вв. первоначально в значении ‘казна’ (SłStp VIII(3), 217; ССМ XIV-XV ст., там же; ЕСУМ 5, 265; Булыка 1972, там же; СМС 2, там же).

СКЛОНИТИ (2) *сов.* 1. ‘расположить к кому-, чему-л., привлечь на чью-л. сторону’ (1): Сб.РИО 142, 397, 1613 г. 2. ‘убедить, уговорить сделать что-л., согласиться на что-л.’ (1): АИ 3, 67(72), 1616 г.

СКЛОНИТИСЯ (2) *сов.* ‘согласиться на что-л.’: Сб.РИО 137, 639, 1607-1608 гг.; Лыжин 1857, 241(38), 1614 г.

СКРЫНА (2) *ж.* ‘ящик с крышкой; сундук, ларь’: РБС, 184(162), 1643 г.; АЮЗР 14, 388, 1654 г.

СКУПО (1) *нареч.* ‘не в полную меру, недостаточно в каком-л. отношении; мало, скудно’: Якубов 1897, 348, 1650 г.

СЛОЖИТИ (2) *сов.* ‘собрать, созвать; учредить’: ВУР 3, 29(16), 1651 г.; РИБ 16, 788(152), 1653 г.

СЛУШНЫЙ (1) *прил.* ‘правильный, верный, истинный, справедливый; подобающий’: АЮЗР 3, 261, 1649 г. (Тамань 1960, 121; КД (IV) 1974, 26; Witkowski 1999, 175; 2006, 198).

СМЫШЛЕННО (1) *нареч.* ‘умышленно, (пред)намеренно; специально, с определенной целью’: Сташевский 1913, 31(9), 1631 г.

СОЙТИСЯ (1) *сов.* ‘случиться; состояться, иметь место’: Сб.РИО 137, 401, 1607-1608 гг.

СОРВАТИ (1) *сов.* ‘нарушить ход, течение чего-л., помешать осуществлению, выполнению чего-л.’: Сташевский 1913, 31(9), 1631 г.

СОСЕДНОЙ (1) *прил.* ‘находящийся в соседстве, соседний; сопредельный’: ЭСРШ, 36(16), 1629 г.

СПЪШИТИ, СПЕШИТИ (3) *несов.* 1. ‘стараться делать, исполнять что-л. как можно скорее; торопиться’ (1): Сб.РИО 137, 639, 1607-1608 гг. 2. ‘быстро идти, ехать; направляться, устремляться куда-л.; спешить’ (2): АИ 3, 68(72), 1616 г.; Якубов 1897, 277, 1624 г.

СПЛЕТАТИСЯ (1) *несов.* ‘путаться, сбываться, теряя связь в изложении’: СГГД 3, 96(16), 1614 г.

СПРАВИТИ (2) *сов.* ‘исполнить, осуществить, совершить что-л. намеченное’: Сб.РИО 137, 402, 1607-1608 гг.; РИБ 16, 712(137), 1640 г. (Nilsson 1964, XVIII; Witkowski 1999, 177; 2006, 201).

СПРАВИТИСЯ (3) *сов.* 1. ‘узнать что-л., осведомиться, справиться о чем-л.’ (2): Сб.РИО 137, 680, 1607-1608 гг.; Якубов 1897, 329, 1650 г. 2.

‘отчитаться перед кем-л. в чем-л.; объясниться; оправдаться, загладить вину’
(1): Сб.РИО 137, 402, 1607-1608 гг.

СПРОВАДИТИ (1) *сов.* ‘привести; направить кого-л. на кого-л.; *перен.* навести, навлечь что-л. на кого-л.; вызывать, принести что-л.’: ВУР 2, 31(11), 1648 г.

СРУБИТИ (1) *сов.* ‘убить; ранить, покалечить (холодным оружием)’:
Якубов 1897, 368, 1650 г.

ССАДИТИ (1) *сов.* ‘снять, сместить с какого-л. места, должности; свергнуть’: АЮЗР 10, 350, 1654 г.

СТАВИТИ (2) *несов.* ‘быть, оказываться достаточным, хватать; охватывать что-л., вмещать, заключать в себе что-л.; распространяться на кого-, что-л.; быть, оказываться в чьем-л. распоряжении’: ВУР 3, 408(197), 1653 г.; ПДС 3, 123, 1654 г.

СТАНЬ (12) *м.* ‘сословие, сословное состояние’: Сб.РИО 137, 447, 639, 642, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 52, 59, 62, 75, 1610 г.; там же, 360, 1613 г.; АЗР 4, 452, 1615 г.; ОЗ, 62, 1634 г.; АЮЗР 3, 396, 1649 г.; ВУР 3, 34(16), 1651 г. (Kochman 1967, 143; Basaj 1979, 10; Witkowski 1992, 267; 1999, 178; 2006, 202).

СТАНОВИТИ (19) *несов.* ‘решать; принимать решение, постановлять; утверждать’: Сб.РИО 137, 67, 1600-1601 гг.; РИБ 16, 328(76), 1610 г.; ДРВ (2)4, 107, 1602 г.; Сб.РИО 137, 427, 645, 660, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 138, 1610-1611 гг.; ДРВ (1)4, 146, 1613 г.; РИБ 16, 434(99), 1613 г.; ПДС 2, 935, 1613 г.; там же; ПА, 36 об. /63/, 1613-1614 гг.; Лыжин 1857, 240(38), 1614 г.; АЗР 4, 452, 1615 г.; Сб.РИО 142, 485, 1615 г.; СГГД 3, 316(82), 1631 г.; ОЗ, 55, 1634 г.; РИБ 16, 720(138), 1641 г.; ВУР 3, 28(16), 1651 г. (Тамань 1960, 115-116; Witkowski 1992, 267; 1999, 178; 2006, 202).

СТАРОСТВО (8) *с.* ‘староство, округ, управляемый старостой’: Сб.РИО 137, 256, 264, 330, 1606-1607 гг.; там же, 434, 516, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 104, 1610 г.; ВУР 2, 193(76), 1649 г.; ВУР 3, 265(153), 1653 г. (Berg 1973; Witkowski 1999, 179; 2006, 203).

СТИНАТИ (3) *несов.* кого ‘лишать кого-л. жизни, умерщвлять, убивать путем отсечения головы; обезглавливать; казнить’: АЮЗР 3, 299, 1649 г.; ВУР 2, 340(144), 1650 г.; ВУР 3, 301(166), 1653 г.

СТОРОНА (1) *ж.* *Съ одной стороны ..., съ другой стороны* ‘в составе конструкции, употребляемой при противопоставлении двух аспектов, фактов, обстоятельств какого-л. вопроса, проблемы или при перечислении двух свойств, признаков какого-л. предмета’: Якубов 1897, 198, 1649 г.

СТОЯТИ (1) *несов.* ‘усиленно, настойчиво добиваться чего-л., стремиться к чему-л., ходатайствовать о чем-л.’: Сб.РИО 137, 407-408, 1607-1608 гг.

СТРАДНИКЪ (11) *м.* ‘злой, недобрый, нехороший человек; безбожник; негодяй, мерзавец, подлец’: РИБ 16, 399-400(95), 1606 г.; Сб.РИО 137, 242, 264, 301, 302, 309, 335, 344, 1606-1607 гг.; ААЭ 2, 194(96), 1609 г.; Сб.РИО 142, 296, 1612 г.; Якубов 1897, 281-282, 1625 г.

СТРАЖНИКЪ (3) *м.* ‘командир караула, стражи в польском войске; высокий военный чин в Польше и ВКЛ (в XVI-XVII вв.), обязанностью которого была охрана и оборона границ от нападения неприятеля (позднее, с XVIII в., почетный чин)’: АЮЗР 3, 258, 259, 1649 г.; АЮЗР 10, 667, 1654 г.

СТРЕЛЬБА (1) *ж.* ‘ручное метательное оружие, арбалет’: ВУР, 81(34), 1651 г. (Kochman 1967, 144; Witkowski 1999, 180; 2006, 204).

СТЯТИ (2) *сов.* кого ‘лишить кого-л. жизни, убить путем отсечения головы; обезглавить; казнить’: Сб.РИО 137, 308, 1606-1607 гг.; там же, 401, 1607-1608 гг.

ТАЛАНТЬ (1) *м.* ‘природный дар, дарование, одаренность; способность к чему-л.’: ВУР 1, 49(23), 1624 г.

ТЕШИТИ (1) *несов.* ‘развлекать, занимать; забавлять, веселить, радовать’: ПРП, 197, 1600-1601 гг.;

ТЫШИТСЯ, ТЕШИТСЯ (4) *несов.* ‘проводить время в забавах, увеселениях, развлекаться, веселиться, гулять’: ДРВ (2)12, 261, 1599 г.; ПРП, 197, 1600-1601 гг.; Сб.РИО 137, 319, 1606-1607 гг.; Якубов 1897, 6, 1617 г.

ТИТЛА *ж.*, **ТИТЛО** *с.* (48) ‘титул, почетное звание наследственное или пожалованное’: *титла* (29): Сб.РИО 38, 274, 1599 г.; ПДС 2, 715, 1599 г.; ДРВ (2)4, 65, 1601 г.; ПДС 2, 905, 1604 г.; Сб.РИО 137, 685, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 147, 1610 г.; там же, 156, 1610-1611 гг.; Лыжин 1857, 229(36), 1614 г.; ОЗ, 45, 1615 г.; Лыжин 1857, 158(11), 1617 г.; Якубов 1987, 7, 8, 30, 33, 34, 1617 г.; там же, 44, 56, 1618 г.; ЭСРШ, 24(5), 1618 г.; Якубов 1897, 280, 281, 1625 г.;

ЭСРШ, 79(46), 1640 г.; Якубов 1897, 96, 206, 207, 1649 г.; ВУР 3, 181(82), 1652 г.; РИБ 16, 777(152), 1653 г.; ОЗ, 362, 1654 г.; СГГД 3, 525(176), 1654 г.; ПДС 3, 124, 1654 г.; *титло* (19): Сб.РИО 137, 276, 349, 1606-1607 гг.; там же, 682, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 147, 1610 г.; ПА, 165 об. /159/, 1613-1614 гг.; Сб.РИО 142, 571, 660, 661, 1615 г.; Якубов 1897, 11, 1617 г.; РИБ 16, 529(106), 1619 г.; СГГД 3, 237(59), 1621 г.; Якубов 1897, 280, 1625 г.; СГГД 3, 323(84), 1631 г.; ОЗ, 51, 1634 г.; ЭСРШ, 73(41), 1637 г.; там же, 80(47), 1640 г.; Якубов 1897, 134, 1649 г.; ВУР 3, 181(82), 1652 г.; РИБ 16, 780(152), 1653 г. (Смирнов 1910, 290; Кочин 1937, 360; Милейковская 1984, 64, 85).

ТО (4) *мест. указат. в знач. сущ., нескл. с.* 'обозначает указание на что-л. высказанное ранее, на сообщенные только что факты, обстоятельства, ситуацию и т.д. и употребляется в роли подлежащего; это': Сб.РИО 38, 278, 1600 г.; Сб.РИО 137, 310, 1606-1607 гг.; РИБ 16, 557(111), 1621 г.; ВУР 2, 189(76), 1649 г.

ТРАТИТИ (1) *несов.* 'истреблять, уничтожать, губить; вызывать чью-л. гибель, смерть; убивать': ВУР 3, 296(166), 1653 г.

ТУТЬ (4) *нареч.* 'сюда, в это место (направление)': Сб.РИО 137, 665, 667, 674, 1607-1608 гг.; Сб.РИО 142, 75, 1610 г.

ТЯНУТЫЙ (1) *прил.* 'изготовленный путемковки, вытягивания, волочения': СГГД 3, 337(94), 1633 г.

УКЛОНИТИСЯ (2) *сов.* 'покориться кому-, чему-л., поддаться чему-л.; подчиниться, уступить; потерпеть поражение, проиграть': ВУР 3, 109(52), 1651 г.; ПДС 3, 351, 1656 г.

УЛОЖЕНЬЕ (15) *с.* 'договор, соглашение; решение, постановление; положение, правило, закон; свод законов, постановлений': Сб.РИО 116, СССХVIII(5), 1600 г.; Сб.РИО 137, 280, 1606-1607 гг.; там же, 661, 1607-1608 гг.; ААЭ 3, 42-43(23), 1614 г.; Сб.РИО 142, 661, 1615 г.; Якубов 1897, 10, 1617 г.; ЭСРШ, 40(18), 1629 г.; ПСЗ 1, 211(19), 1647 г.; АЮЗР 3, 399, 1649 г.; ВУР 2, 159(60), 1649 г.; Якубов 1897, 175, 1649 г.; там же, 330, 1650 г.; ВУР 3, 29(16), 1651 г.; СГГД 3, 509(168), 1654 г.; там же, 527(176).

УМЕТИ (1) *несов.* 'мочь, быть в состоянии что-л. сделать; справиться с чем-л.': ВУР 2, 481(208), 1651 г.

УПРОСИТИ (7) *сов.* ‘упросить, умолить о чем-л.; выпросить что-л.; настойчивыми просьбами добиться чего-л.’: Сб.РИО 137, 457, 1607-1608 гг.; РИБ 16, 443(99), 1613 г.; ВУР 1, 165(97), 1636 г.; РИБ 16, 689(133), 1637 г.; АЮЗР 3, 301, 1649 г.; Якубов 1897, 326, 1650 г.; ВУР 3, 265(153), 1653 г.

УПРОШАТИ (2) *несов.* ‘упрашивать, умолять о чем-л.; выпрашивать что-л.; усиленно просить о чем-л., настойчивыми просьбами добиваться чего-л.’: АИ 2, 138(108), 1608 г.; Сб.РИО 142, 579, 1614-1615 гг.

УРВАТИ (1) *сов.* ‘прервать что-л.; не закончить, не завершить что-л.’: Якубов 1897, 14, 1617 г.

УРВАТИСЯ (1) *сов.* ‘прерваться, внезапно прекратиться’: Сб.РИО 38, 265, 1599 г.

УРОСТАТИ (1) *несов.* ‘возникать, начинаться, зарождаться; проистекать из чего-л., от чего-л.’: Сб.РИО 137, 356, 1606-1607 гг.

УРЯДЪ (6) *м.* ‘должность, пост; служба; учреждение’: Сб.РИО 137, 267, 305, 343, 365, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 329, 1613 г.; ПА, 17 /51/, 1613-1614 гг. (Милейковская 1984, 64, 139; Witkowski 1999, 190; 2006, 216).

УСТЫДИТИСЯ (1) *сов.* ‘почувствовать стыд, неловкость’: Лыжин 1857, 235(37), 1614 г.

УТЕКАНЬЕ (1) *с.* ‘бегство; побег’: АЮЗР 3, 398, 1649 г.

УТЪСНЕНИЕ(-ЬЕ), УТЕСНЕНЬЕ (19) *с.* ‘стеснение чьей-л. свободы; притеснение’: ДРВ (2)12, 269, 1599 г.; ДРВ (2)4, 16, 1601 г.; Сб.РИО 137, 302, 1606-1607 гг.; Сб.РИО 142, 322, 1613 г.; РИБ 16, 443(99), 1613 г.; там же, 511(104), 1617 г.; Якубов 1897, 47, 1618 г.; там же, 274-275, 1624 г.; СГГД 3, 410(118), 1644 г.; ЭСРШ, 93(54), 1647 г.; АЮЗР 3, 278, 1649 г.; Якубов 1897, 136, 404, 1649 г.; там же, 363, 381, 1650 г.; ПСЗ 1, 256(76), 1652 г.; СГГД 3, 437(148), 1652 г.; там же, 495(160), 1654 г.; ИСНСР 2, 261(85), 1654 г.

ХОРОНГА, ХОРОНГВЬ, ХОРУГВЬ, ХОРУХВЬ (5) *ж.* ‘конная войсковая единица, эскадрон’: *хоронга* (1): РБС, 289(271), 1654 г.; *хоронгвь* (1): ВУР 3, 488(205), 1653 г.; *хоругвь* (2): ВУР 2, 212(103), 1652 г.; там же; *хорухвь* (1): ВУР 2, 338(144), 1650 г. (Смирнов 1910, 320; Kochman 1967, 12, 111; Rytter 1969, 112; Sobik 1969, 356; Vasaj 1979, 10; Witkowski 1999, 201; 2006, 228).

ХОТНЫЙ (1) *прил.* ‘готовый, склонный к чему-л., согласный на что-л., желающий что-л. сделать’: Сб.РИО 142, 510, 1614-1615 гг.

ЦЕЛОСТЬ (2) *ж.* ‘полнота; целое, совокупность; целостность’: Сб.РИО 137, 658, 1607-1608 гг.; СГГД 3, 323(84), 1631 г.

ЦЕСАРСКИЙ (4) *прил.* от *цесарь* в указанном ниже значении: СГГЛ 2, 252(117), 16-6 г; там же; там же, 253(117); там же, 256(119), 1606 г. (Демьянов 1991, 101; Witkowski 1999, 204; 2006, 230).

ЦЕСАРЬ (3) *м.* ‘в титуловании русского царя’²⁵⁹: СН 14, 235, 1605 г.; СГГД 2, 221(100), 1605 г.; Сб.РИО 137, 183, 1605 г. (Leeming 1976, 46; Демьянов 1991, 101; Witkowski 1999, 204; 2006, 230; Новое в русской этимологии I, 2003, 263).

ЧАСЬ (4) *м.* ‘короткий промежуток времени, минута; мгновение, миг, момент’: Сб.РИО 142, 116, 1610 г.; Лыжин 1857, 238(38), 1616 г.; Якубов 1897, 72, 1618 г.; АЮЗР 10, 594, 1654 г.

ЧАСТНЫЙ (2) *прил.* в знач. *сущ. м.* ‘товарищ; коллега; компаньон, сотоварищ’: СГГД 2, 255(119), 1606 г.; там же.

ЧАТА (4) *ж.* ‘дозор, сторожевой отряд’: ВУР 1, 224(135), 1638 г.; ВУР 2, 461(189), 1650 г.; ВУР 3, 112(52), 1651 г.; там же, 436(205), 1653 г. (Kochman 1937, 393; Kochman 1967, 62, 104-105; Witkowski 1999, 207; 2006, 233).

ЧЕРЕЗЬ (5) *предлог с родительным пад.* ‘употребляется для выражения объектных отношений; при помощи или посредством кого-, чего-н., используя что-н.’: СГГД 3, 494(160), 509(168), 1654 г.; ПСЗ 1, 313(119), 1654 г.; АЮЗР 10, 596, 1654 г.; там же.

ЧЛЕНЬ (1) *м.* ‘лицо, входящее в состав какой-н. группы, объединения’: ДРВ (2)12, 462-463, 1605 г.

ШЕЯ (1) *ж. Перен.* ‘жизнь, голова, здоровье’. В составе фразеологизма: *на свою шею (брать) взять* ‘на свою ответственность, совесть, на свой риск; себе во вред’: Сб.РИО 137, 505, 1607-1608 гг.

ШИРИТИСЯ (2) *несов. Перен.* ‘распространяться, шириться’: ВУР 2, 351(144), 1650 г.; там же.

²⁵⁹ Это существительное, первоначально употребляющееся только по отношению к императору Древнего Рима, в польском языке с конца XV в. начинает использоваться для титулования царствующего монарха, императора, властелина, владыки и других западных и восточных держав (Boryś 2005, 54; SłP XVI, III, 164-169; ССМ XIV-XV ст.1, 525, 528), а со второй половины XVI в., по сведениям А.Баньковского (1, 117), спорадически – и в титуле русского царя. Именно в таком употреблении Г.Лимминг (1976, 46) считает его вторичным заимствованием из польского языка. Как семантический полонизм *цесарь* в этом значении склонны трактовать и мы.

ШИРОКИЙ (1) *прил. Перен.* ‘пространный, обстоятельный, подробный, детальный; растянутый, длинный (о речи)’: Якубов 1897, 401, 1649 г.

ШИРОКО (1) *нареч. Перен.* ‘пространно, обстоятельно, подробно, детально’: Сб.РИО 137, 639, 1607-1608 гг.

ШТУКА (1) *ж.* ‘обман, хитрость; выходка, проделка’: АЮЗР 3, 391, 1649 г.

ШУМЪ (4) *м.* ‘громкое выражение недовольства, претензий; скандал; волнения, беспорядки’: Якубов 1897, 192, 1649 г.; там же, 308, 312, 368, 1650 г.

ЯКИЙ, ЯКОЙ (3) *мест. неопред.* ‘какой-то; некий; какой-нибудь, какой-либо’: Сб.РИО 142, 550, 1614-1615 гг.; ВУР 1, 174 (103), 1636 г.; ВУР 2, 190(76), 1649.

Источники

1. ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т.2, 3. Санкт-Петербург, 1836.
2. АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. т. 4. Санкт-Петербург, 1851.
3. АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. т. 2, 3. Санкт-Петербург, 1841.
4. АМГ – Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. т. 1, 2. Под ред. Н.А. Попова. Санкт-Петербург, 1890, 1894.
5. АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. т. 3, 10, 14. Санкт-Петербург, 1861, 1878, 1889.
6. ВУР – Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. т. 1-3. Москва, 1953.
7. ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. т. 1, 2. Санкт-Петербург, 1846.
8. ДРВ(1) – Древняя Российская вивлиофика. Изд. Н. Новиковым. ч. 4. Санкт-Петербург, 1774.
9. ДРВ(2) – Древняя Российская вивлиофика. Изд. Н. Новиковым. ч. 4, 12. Изд. 2-е. Москва, 1788, 1789.
10. ИСНСР – Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х томах. т. 1, 2. Москва, 1965, 1968.
11. Лыжин 1857 – *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие. Пб., 1857.
12. ОЗ – Отечественные записки. ч. 28, № 78. Санкт-Петербург, 1826.
13. ПА – Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. Под ред. и с предисловием В.И. Буганова. Подготовка текста и вступительная статья Н.М. Рогожина. Москва, 1979.

14. ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. т. 2, 3. Санкт-Петербург, 1852, 1854.
15. ПРП – Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Москва-Ленинград, 1954.
16. ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. т. 1. Санкт-Петербург, 1830.
17. РБС – Русско-белорусские связи (1570-1667 гг.). Минск, 1963.
18. РИБ 16 – Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. т. 16. Санкт-Петербург, 1897.
19. Рогинский 1959 – *Рогинский З.И.* Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию 1645-1646 гг. Ярославль, 1959.
20. РШЭО – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. Москва-Ленинград, 1960.
21. Сборник Муханова 1866 – Сборник Муханова. Изд. 2, доп. XIV в. - 1747 г. Санкт-Петербург, 1866.
22. Сб.РИО 38 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. т. 2 (1581-1604 гг.). Под. ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. Сборник русского исторического общества. т. 38. Санкт-Петербург, 1883.
23. Сб.РИО 116 – Донесения посланников Республики Соединенных Нидерландов при русском дворе: отчет Альберта Бурха и Иоганна Фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг., с приложением Очерка сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов до 1631 г. Под. ред. В.А. Кордта. Сборник Русского исторического общества. т. 116. Санкт-Петербург, 1902.
24. Сб.РИО 137, 142 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. т. 4 (1508-1608 гг.), т. 5 (1609-1615 гг.). Сборник Русского исторического общества. т. 137, 142. Москва, 1912. 1913.
25. СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. ч. 2, 3. Санкт-Петербург, 1819, 1822.
26. СН – Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 14. Москва, 1911.

27. Сташевский 1913 – *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. ч. 1. Киев, 1913.
28. ЭСРШ – Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов. Москва-Стокгольм, 1978.
29. Якубов 1897 – *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов, ... касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616-1651 гг. Москва, 1897.

Словари

1. Берында 1627 – *Берында Памва.* Лексіконъ славеноросскій и именъ толькованіе. Киев, 1627.
2. Берында 1653 - *Берында Памва.* Лексиконъ славеноросскій, именъ толькованіе. Кутейн, 1653.
3. БРПС – Mirowicz A., Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Wielki słownik rosyjsko-polski. Большой русско-польский словарь. Т. I-II. Warszawa, 1993.
4. БРС – Беларуска- рускі слоўнік. Выд. 3-е, папраўленае і дапоўненае. Пад рэд. А.І. Падлужнага. т. 1-3. Мінск, 2003.
5. БСЭ – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. т. 20. Москва, 1975.
6. БТС – Большой толковый словарь русского языка. Главный редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998.
7. Вейсманов Лекс. 1731 – Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. Санкт-Петербург, 1731.
8. ВТССУМ – Великий тлумачальний словник сучасної української мови. Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ, 2005.
9. Горбачевский 1874 – *Горбачевский Н.* Словаре древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильна, 1874.
10. Грінченко – *Грінченко Б.* Словарь української мови. Украинско-русскій словарь. т. I-II. Берлін, 1924.
11. ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларуская мовы. Вып. 1-28, Мінск. 1982-2008.

12. Даль – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. т. I-IV. Москва, 1978-1980.
13. Дворецкий 1976 – *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Москва, 1976.
14. Дювернуа 1894 – *Дювернуа А.Л.* Материалы для словаря древнерусского языка. Москва, 1894.
15. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. т. 1-5. Київ, 1982-2006.
16. ИЭССРЯ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. т. I-II. Москва, 1999.
17. Кочин 1937 – *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. Под ред. Б.Д. Грекова. Москва-Ленинград, 1937.
18. КрЭСРЯ – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Под ред. С.Г. Бархударова. Москва, 1971.
19. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. 2-е издание, дополненное. Москва, 2002.
20. Новицкий 1871 – *Новицкий И.П.* Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка Югозападной России. Киев, 1871.
21. Носовичъ 1870 – *Носовичъ И.И.* Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. Санкт-Петербург, 1870.
22. Поликарпов 1704 – *Поликарпов Ф.* Лексіконъ треязычный ... Москва, 1704.
23. Преображенский – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. т. I-II. Москва, 1959.
24. Росс. целлариус 1771 – Российский целлариус, или этимологический российский лексикон ..., изданный Ф. Гелтергофом. Москва, 1771.
25. САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Вновь пересмотр., испр. и доп. изд. Ч. I-IV. Санкт-Петербург, 1806-1822.
26. СИЭ – Советская историческая энциклопедия. т. 11. Москва, 1968.
27. СлДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). т. I-VII. Москва 1988-2004.

28. СлРЯ – Словарь русского языка в четырех томах. Издание второе, исправленное и дополненное. т. I-IV. Москва, 1981-1984.
29. СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. Москва, 1975-2008.
30. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-16, Санкт-Петербург, 1984-2006.
31. СМС – Слоўнік мовы Скарыны. Складальнік У.В. Анічэнка. т. 1-2. Мінск, 1977-1984.
32. СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков. Вып. 1. Санкт-Петербург, 2004.
33. Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. т. I-III. Санкт-Петербург, 1893-1912.
34. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Главный редактор Ф.П. Сороколетов. Вып. 1-40. Санкт-Петербург, 2006.
35. ССМ XIV-XV ст. – Словник староукраїнської мови XIV-XV ст. т. 1-2. Київ, 1977-1978.
36. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. т. 1-17. Москва-Ленинград, 1950-1965.
37. ССРЛЯ (2) – Словарь современного русского литературного языка. Издание второе, переработанное и дополненное. т. I-VI. Москва, 1991-1994.
38. Старословянский словарь (по рукописям X-XI веков). Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е издание, стереотипное. Москва, 1999.
39. СУМ – Словник української мови. т. I-XI. Київ, 1970-1980.
40. СУМ XVI – I пол. XVII ст. – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1-13. Львів, 1994-2006.
41. Тимченко – *Тимченко Є.К.* Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV-XVIII ст. Підготували до видання В.В. Німчук та Г.І. Лиса. Кн. 1-2. Київ-Нью-Йорк, 2002-2003.
42. ТСБМ – Глумачальны слоўнік беларуска мовы. т. 1-5. Мінск, 1977-1984.

43. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. т. I-IV. Москва, 1964-1973.
44. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 3-е, стереотипное. Москва, 1978.
45. Шанский – *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка. т. I-II. Москва, 1963-1982.
46. ЭСБМ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1-33. Москва, 1974-2007.
47. Bańkowski – *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. т. 1-2. Warszawa, 2000.
48. Berneker – *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-II. Heidelberg, 1908-1913.
49. Boryś – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
50. Brückner 1974 – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974. Przedruk z pierwszego wydania: Kraków, 1927.
51. ESSJ – Etymogický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Sv. 1-2. Praha, 1973-1980.
52. Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg-Göttigen. Bd. I-II, 1962-1965.
53. Karłowicz – Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcją I. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. т. I-VIII. Warszawa, 1900-1927.
54. Linde – *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. т. I-VI. Warszawa, 1807-1814.
55. Machek 1971 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
56. NDLJ – Palazzi Fernando. Novissimo Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 1974.
57. NSIJP – Długocz-Kurczabowa K. Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa. 2003.
58. Pokorny – *Pokorny I.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I, Bern, 1959.
59. PSIČ – Příkladní slovník jazyka českého. D. I-VII. Praha, 1935-1955.
60. Reczek – *Reczek St.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.

61. Rejzek 2001 – *Rejzek I.* Etymologický slovník. Brno, 2001.
62. SCSRY – Slavar' Cerkovno-Slavianskago i Russkago Jazyka. т. I-IV. Leipzig, 1972. Репринт изд.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Второе издание. т. I-IV. Санкт-Петербург, 1867-1868.
63. Sławski – *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. т. I-V. Kraków, 1952-1982.
64. SłFJP – Skorupka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego. т. I-II. Warszawa, 1993.
65. SłGP – Karłowicz I. Słownik gwar polskich. т. 1-6. Kraków, 1900-1907.
66. SłJP - Słownik języka polskiego. т. I-XI. Warszawa, 1958-1969.
67. SłJP 1982-1983 - Słownik języka polskiego. т. I-III. Warszawa, 1982-1983.
68. SłtŚr – Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. т. I-VIII, Kraków-Warszawa-Gdańsk-Łódź, 1978-2006.
69. SłPaska – Słownik języka Jana Chryzostoma Paska. т. I-II. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1965-1973.
70. SłPXVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. т. I-XXXII. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1966-2004.
71. SłPrst – Słownik prasłowiański. Pod redakcją F.Sławskiego. т. I-VIII. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1974-2001.
72. SłSJ – Slovník slovenského jazyka. D. I-VI. Bratislava, 1959-1968.
73. SłStčes – Gebauer I. Slovník staročeský. D. I-II. Praha, 1970.
74. SłStp – Słownik staropolski. т. I-XI. Warszawa. 1953-2002.
75. SłStžL – Slovník středověké latiny v českých zemích. т. I-II. Praha, 1987-1993.
76. StčSl – Staročeský slovník. D. III-V. Praha, 1977-2004.

Литература

1. Алексеев 1986 – *Алексеев А.А.* Почему в Древней Руси не было диглоссии // Литературный язык Древней Руси. Ленинград, 1986., с.3-11.
2. Арапова 2000а – *Арапова Н.С.* Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. Москва, 2000.
3. Арапова 2000б – *Арапова Н.С.* Из истории заимствованных слов // Русский язык в школе. 2000. № 6, 82-85.
4. Арапова 2007 – *Арапова Н.С.* Отвегнутые кальки // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык исторические судьбы и современность». МГУ, 20-23 марта 2007 г. Труды и материалы. Москва, 2007, 38.
5. Бабаева 1998 – *Бабаева Е.Э.* Кто живет в вертепе, или Опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3, 94-106.
6. Бабаева и др. 1997 – *Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И.* О проекте «Исторического словаря русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2, 34-46.
7. Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. Москва, 1961.
8. Бахрушин и др. 1959 – *Бахрушин С.В., Сказкин С.Д.* Дипломатия в XVI в. Дипломатия европейских государств в XVII в. // История дипломатики. Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Изд. второе, переработанное и дополненное. т. 1. Москва, 1959, 251-318.
9. Белодед и др. 1962 – *Белодед И.К., Ижакевич Г.П., Франко З.Т.* Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI – начале XVII в. // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. Москва, 1962, 80-89.
10. Білодід 1958 – Курс історії української літературної мови. т. 1: Дожовтневий період. За ред. І.К. Білодіда. Київ, 1958.
11. Биржакова и др. 1972 – *Биржакова Е.Э., Воинова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Ленинград, 1972.

12. Бланар 1962 – *Бланар В.* Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. т. II. Проблемы славянского языкознания. Москва, 1962, 27-28.
13. Богатова 1984 – *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. Москва, 1984.
14. Бородина и др.1979 – *Бородина М.А., Гак В.Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Ленинград, 1979.
15. Брандер 2002 – *Брандер А.* Языковая ситуация в России XVIII века и утверждение русского литературного языка нового типа // *Slavia*. 2002. R. 71. S. 2, 121-132.
16. Брицын 1965 – *Брицын М.А.* Юридическая терминология в восточнославянской письменности до XV в. Автореф. докт. филол. наук. дис. ... Хмельницкий, 1967.
17. Буганов 1979 – Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. Под ред. и с предисловием В.И. Буганова. Подготовка текста и вступительная статья Н.М. Рогожина. Москва, 1979, 3-6.
18. Будагов 1953 – *Будагов Р.А.* Очерки по языкознанию. Москва, 1953.
19. Будагов 1958 - *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. Москва, 1958.
20. Будагов 1963 - *Будагов Р.А.* Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. Москва, 1963.
21. Будагов 1971 - *Будагов Р.А.* Язык, история и современность. Москва, 1971.
22. Булаховский 1951 – *Булаховский Л.А.* К истории взаимоотношений славянских литературных языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1951. т. X. Вып. 1, 37-49.
23. Булаховский 1952 - *Булаховский Л.А.* Курс истории русского литературного языка. т. 1. 5-е изд. Киев, 1952.
24. Булаховский 1953 - *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. ч. II. Москва, 1953.
25. Булич 1886 – *Булич С.К.* Заимствованные слова и их значение для развития языка // Русский филологический вестник. Варшава, 1886. т. 15, № 2, 344-361.

26. Булыка 1972 – *Булыка А.М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.
27. Булыка 1980 – *Булыка А.М.* Лексічныя запазычанні ў беларускай мове. Мінск, 1980.
28. Бурячок 1983 – *Бурячок А.А.* Формування спільного фонду соціально-політичної лексики східнослов'янських мов. Київ, 1983.
29. Вайнрайх 1979 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
30. Вантрауб 1964 – *Вайнтрауб Р.М.* Русские лексические заимствования в польском языке (К вопросу о взаимосвязях польского и русского языков) // Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. Кафедра русского языкознания, 1964. т. 45, вып. 3, 301-326.
31. Веселитский 1972 – *Веселитский В.В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. Москва, 1972.
32. Виноградов 1938 – *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва, 1938. Переиздано: Москва, 1982.
33. Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков) // Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ. Вып. 3, 1947, 7-12.
34. Виноградов 1953 – *Виноградов В.В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Известия АН СССР: Отделение литературы и языка. т. XII. Вып. 3. Москва, 1953, 185-210.
35. Виноградов 1955 – *Виноградов В.В.* Из истории слов (полномочный и правомочный, самоуправление) // Вопросы языкознания. 1955. № 5, 100-106.
36. Виноградов 1958 – *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Москва, 1958.

37. Виноградов 1963а – *Виноградов В.В.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. Москва, 1963.
38. Виноградов 1963б – *Виноградов В.В.* Историчко-этимологические заметки // *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам.* Москва, 1963, 85-109.
39. Виноградов 1967а – *Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. Москва, 1967.
40. Виноградов 1967б – *Виноградов В.В.* Историко-этимологические заметки. III // *Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам.* Москва, 1967, 161-176.
41. Виноградов 1968 – *Виноградов В.В.* Историко-этимологические заметки. IV // *Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов.* Москва, 1968, 111-137.
42. Виноградов 1969 – *Виноградов В.В.* О новых исследования по истории русского литературного языка // *Вопросы языкознания.* 1969. № 2, 3-18.
43. Виноградов 1978а – *Виноградов В.В.* Основные этапы истории русского языка // *История русского литературного языка. Избр. труды.* т. 5. Отв. ред. и сост. Н.И. Толстой. Москва, 1978.
44. Виноградов 1978б – *Виноградов В.В.* Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х гг. XIX в. // *История русского литературного языка. Избр. труды.* т. 5. Отв. ред. и сост. Н.И. Толстой. Москва, 1978.
45. Виноградов 1999 – *Виноградов В.В.* История слов. Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. 2-ое изд. Москва, 1999.
46. Виноградова 1977 – *Виноградова В.Л.* Исследование в области исторической лексикологии русского языка. Автореф. дис. докт. филол. наук. Москва, 1977.
47. Винокур 1959 – *Винокур Г.О.* Русский язык. Исторический очерк // *Избранные труды по русскому языку.* Москва, 1959.
48. Волков 1962 – *Волков С.С.* Изменения в лексике делового языка XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1962.

49. Волоскова 1967 – *Волоскова А.В.* Дипломатическая лексика начала XVIII в. (По материалам трактата П.П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Великий к началу войны против Карла XII имел»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1967.
50. Гарбуль 1985 – *Гарбуль Л.П.* К вопросу об изучении польского влияния на русский язык XVI-XVIII вв. // *Kalbotyra*. XXXVI(2). Vilnius, 1985, 16-26.
51. Гарбуль 1994 – *Гарбуль Л.П.* О хронологии некоторых заимствований в русском языке XVII века // *Kalbotyra*. 44(2). Vilnius, 1994 (1995), 48-60.
52. Гарбуль 2002 – *Гарбуль Л.П.* К проблеме семантических полнизмов в русском приказном языке первой половины XVII века // *Slavistica Vilnensis* (*Kalbotyra* 51(2)). Vilnius, 2002, 49-62.
53. Гарбуль 2003 – *Гарбуль Л.П.* Семантические полонизмы в документах Посольского приказа первой половины XVII века // *Slavistica Vilnensis* (*Kalbotyra* 52(2)). Vilnius, 2003, 187-192.
54. Гарбуль 2004а – *Гарбуль Л.П.* К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVII века // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2004. Vol. 49, № 1-2, 27-43.
55. Гарбуль 2004б – *Гарбуль Л.П.* К истории некоторых полонизмов в русском языке // *Respectus Philologicus*. 2004. № 6(11), 45-55.
56. Гарбуль 2004в – *Гарбуль Л.П.* К вопросу о происхождении лексем *жадность, заочно, заочный, заслуга, злость* в русском языке // *Slavistica Vilnensis* (*Kalbotyra* 53(2)). Vilnius, 2004 (2005), 53-67.
57. Гарбуль 2004г – *Гарбуль Л.П.* Из истории лексем *свято, склад, склонить, склониться* в русском языке // *Slavistica Vilnensis* (*Kalbotyra* 53(2)). Vilnius, 2004 (2005), 167-177.
58. Гарбуль 2005а – *Гарбуль Л.П.* Межславянские заимствования-полонизмы в русском приказном языке XVII века // *Respectus Philologicus*. 2005. № 8(13), 110-121.
59. Гарбуль 2005б – *Гарбуль Л.П.* Польский язык как источник семантических калек в русском письменном языке XVII века // *Ogród nauk filologicznych*. Opole, 2005, 189-201.

60. Гарбуль 2008 – *Гарбуль Л.П.* История лексема затруднить, налгать, пограничье, родовитый в русском и других восточнославянских языках // *Respectus Philologicus*. 2008. № 13(18), 180-191.
61. ГЛБМ – Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Рэд. А.Я. Баханькоў, А.І. Жураўскі, М.Р. Суднік. Мінск, 1970.
62. Глускина 1954 – *Глускина С.М.* Общественная терминология в Космографии 1637 г. // *Ученые записки Псковского государственного педагогического института*. 1954. Выпуск II.
63. Горшков 1984 – *Горшков А.И.* Теория и история русского литературного языка. Москва, 1984.
64. Горшков 1987 – *Горшков А.И.* Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. Москва, 1987, 7-29.
65. Грановская 1981 – *Грановская Л.М.* Развития лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX – начале XX в. // *Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века*. Отв. ред. Ф.П. Филин. Москва, 1981, 183-318.
66. Григорьева 1962 – *Григорьева Т.А.* Некоторые замечания о типах калькирования с французского языка // *Ученые записки Рязанского государственного педагогического института*. Факультет иностранных языков. 1962. Том XXXI, 141-150.
67. Грот 1873 – *Грот Я.К.* Филологические разыскания. Т. I. Санкт-Петербург, 1873.
68. Гудавичюс 2005 – *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Москва, 2005.
69. Гумецкая 1962 – *Гумецька Л.* Фонетичні субституції в староукраїнських запозиченнях з польської мови // *Дослідження і матеріали з української мови*. т. V. Київ, 1962.
70. Гумецкая 1963 – *Гумецька Л.* Морфематичні субституції в найдавніших українських запозиченнях з польської мови // *Питання слов'янського мовознавства*. 1963. № 9.

71. Гумецкая 1969 – *Гумецкая Л.Л.* К истории украинско-польских языковых связей // Исследования по польскому языку. Москва, 1969, 219-228.
72. Демьянов 1990 – *Демьянов В.Г.* Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII в. Москва, 1990.
73. Демьянов 1991 – *Демьянов В.Г.* Отражение языка оригинала в иноязычных словах перевода (По материалам Вестей-курантов) // Источники по истории русского языка. Отв. ред. В.Г. Демьянов, Н.И. Тарабасова. Москва, 1991, 99-109.
74. Дерягин 1973 – *Дерягин В.* Изучение истории словарного состава языка по данным деловой письменности // VII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Москва, 1973, 142.
75. Дерягин 1985 – *Дерягин В.Я.* Варьирование в формулах русской деловой речи XV-XVII вв. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. Москва, 1985, 243-248.
76. Дурново 1969 – *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. Изд. 2-е. Москва, 1969.
77. Ефремов 1960 – *Ефремов Л.П.* Калькирование и его отличие от заимствования // Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения. 1960. Вып. 1(14), 16-26.
78. Ефремов 1961 – *Ефремов Л.П.* Лексическое и фразеологическое заимствование // Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Вопросы фразеологии. Новая серия. 1961. Вып. 106, 117-124.
79. Живов 1984 – *Живов В.М.* Вопросы истории русского языка и языковой ситуации Киевской Руси на славянском съезде // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 2. 1984, 18-20.
80. Живов 1984 – *Живов В.М.* Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. т. 45. № 3, 246-260.
81. Живов 1988 – *Живов В.М.* Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. Москва, 1988, 49-98.

82. Живов 2000 – *Живов В.М.* О связанности текста, синтетических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю.Д. Апресяна. Отв. ред. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. Москва, 2000, 573-581.
83. Живов и Успенский 1983 – *Живов В.М., Успенский Б.А.* Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века [О кн.:] *Grigorij Kotošixin. O Rossii w carstvovanie Alekseja Mixajloviča*. Text and Commentary. Ed. by A.E. Pennington. Oxford, 1980 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics 1983. Vol. XXVIII.
84. Жирмунский 1956 – *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. М Москва, 1956.
85. Житецкий 1905 – *Житецкий П.И.* О переводах евангелия на малорусский язык // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1905. т. X. Кн. 4, 1-65.
86. Жураўскі 1967 – *Жураўскі А.І.* Гісторыя беларуская літаратурнай мовы. т. V. Мінск, 1967.
87. Зализняк 2001 – *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и анахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2, 13-25.
88. Зализняк 2006 – *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. Москва, 2006.
89. Зализняк 2007 – *Зализняк Анна А.* Калька. <http://www.krugosvet.ru/rarticles/82/1008270/100827001.htm> (2007 15 24).
90. Зализняк 2006 – *Зализняк А.А.* Новгородская Русь по берестяным грамотам. Лекция Андрея Зализняка. <http://www.polit.ru/lectures/2006/11/30/zalizniak.html> (2007 01 16).
91. Запольская 2003 – *Запольская Н.Н.* Книжная справа в культурно-языковых пространствах Slavia Orthodoxa и Slavia Latina // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Любляна 2003 г. // Доклады российской делегации. Москва, 2003, 213-229.
92. Золтан 1983а – *Золтан А.* Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о

- полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию) // *Hungaro-Slavica* 1983. Budapest, 1983, 333-344.
93. Золтан 1983б – *Золтан А.* Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV-XVII вв. (статок/статки) // *Russica. In memoriam E. Balesznyi.* Budapest, 1983, 31-40.
94. Золтан 1988 – *Золтан А.* Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1988. Vol. 34, № 1-4, 81-124.
95. Иванов 1988 – *Иванов Вяч.Вс.* Средневековая гетерография и славянские литературные языки // *Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе.* Москва, 1988, 116-139.
96. Исаченко-Лисовая 1984 – *Исаченко-Лисовая Т.А.* «Псалтырь Авраамия Фирсова» 1683 г. Особенности языка и перевода // *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка.* 1984. т. 43. № 3, 248-257.
97. Иссерлин 1961 – *Иссерлин Е.М.* Лексика русского литературного языка XVII века. Москва, 1961.
98. Калугин 1994 – *Калугин В.* Местные традиции в языке русской литературы XVI-XVII веков // *Slavia Orientalis.* 1994. R. XLIII. № 3, 353-362.
99. Карский 1962 – *Карский Е.Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Москва, 1962.
100. Кессельбреннер 1996 – *Кессельбреннер Г.Л.* Российские дипломаты XVI-XVII вв. Т. 1. Посольский приказ. Москва, 1996.
101. Клименко 1986 – *Клименко Л.П.* История русского литературного языка с точки зрения теории диглоссии // *Литературный язык Древней Руси.* Ленинград, 1986, 11-22.
102. Клычков 1989 – *Клычков Г.С.* Теория верификации в сравнительно-историческом языкознании // *Теория и методология языкознания. Методы исследования языка.* Отв. ред. В.Н. Ярцева. Москва, 1989, 93-189.
103. Козляков 2007 – *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. Москва, 2007.

104. Козырев 1974 – *Козырев И.С.* Некоторые лексические и фразеологические данные Московского перевода-редакции Литовского Статута 1588 г. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Москва, 1974, 201-210.
105. Колесов 1986 – *Колесов В.В.* Критические заметки о «древнерусской диглоссии» // Литературный язык Древней Руси. Ленинград, 22-41.
106. Кортава 1998 – *Кортава Т.В.* Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. Москва, 1998.
107. Косериу 1963 – *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. Москва, 1963, 143-343.
108. Корш 1907 – *Корш Ф.Е.* Попыты объяснения заимствованных слов в русском языке // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. Санкт-Петербург, 1907. Т. 1. № 17, 755-768.
109. Крысин 1968 – *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. Москва, 1968.
110. Крысин 2002 – *Крысин Л.П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6, 27-34.
111. Крысин 2004а – *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое. Москва, 2004.
112. Крысин 2004б – *Крысин Л.П.* Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре. <http://rus.1september.ru/2004/44/1.htm> (2008 07 29).
113. Кудрявцев 1957 – Артаксерсово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подгот. текста, статья и коммент. И.М. Кудрявцева. Москва-Ленинград, 1957. То же изд. в кн.: Первые пьесы русского театра. Москва, 1972, 101-257.
114. Лавриненко 2006 – *Лавриненко А.* О некоторых полонизмах и их восточнославянских соответствиях в деловой письменности южной и юго-западной Руси XIV-XV веков // *Studia wschodniosławiańskie*. 2006 (Białystok). Т. 6, 209-226.

115. Лаврентьев 2001 – *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604-1606 гг. Санкт-Петербург, 2001.
116. Лесюв 1978 – *Лесюв М.* К проблеме польского влияния на восточнославянские языки до конца XVIII века // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Philologica 40. 1977. Praha, 1978, 173-179.
117. Лисейцев 2003а – *Лисейцев Д.В.* Смутное время: содержание, происхождение и хронологические рамки понятия // Сборника Русского исторического общества. Т. 8(156). Москва, 2003, 318-328.
118. Лисейцев 2003б – *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Москва, 2003.
119. Лисейцев 2006 – *Лисейцев Д.В.* Эволюция приказной системы Московского государства в эпоху Смуты // Отечественная история. 2006. № 1, 3-15.
120. Лихачев 1888 – *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. Санкт-Петербург, 1888.
121. Лихачев 1954 – *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Москва-Ленинград, 1954, 319-346.
122. Лихачев 1987 – *Лихачев Д.С.* По поводу рецензии А.Г. Кузьмина на книгу Б.А. Успенского «Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX вв.» // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1987. Т. 46, 475-476.
123. Ломоносов 1952 – *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 7. Москва-Ленинград, 1952.
124. Лукина 1975 – *Лукина Г.Н.* Названия мехов в памятниках древнерусской письменности XI-XIV вв. // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. Москва, 1975, 56-69.
125. Лукичева 1974 – *Лукичева Э.В.* Федор Поликарпов – переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения // XVII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Ленинград, 1974, 289-296.

126. Лурье 1954 – *Лурье Я.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Москва-Ленинград, 1954, 325-328.
127. Лурье 1964 – *Лурье Я.С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV-XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. 1963. Т. XIX, 262-288.
128. Мальцева и др. 1975 – *Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Ленинград, 1975.
129. Маринова 2000 – *Маринова Е.* Вторичные лексические заимствования. <http://www.russianedu.ru/russia/news/view.1650.html>
Источник: svobodanews.ru <<<03.04.2007>>> (2008 07 29).
130. Мельников 1967 – *Мельников Е.И.* О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков // *Slavia*. Praha, 1967. R. XXXVI, Seš. 98-114.
131. Мельничук 1984 – *Мельничук А.С.* Обсуждение проблемы языковой ситуации в Киевской Руси на IX Международном съезде славистов // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43, 122-123.
132. Милейковская 1978 – *Милейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV-XVIII веков (Методы исследования) // *Slavia Orientalis*. 1978. R. XXVII. № 3, 411-417.
133. Милейковская 1984 – *Милейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV-XVIII веков // *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej*. Т. 7, Warszawa, 1984.
134. Мозер 2002 – *Мозер М.* Что такое «простая мова»? // *Studia Slavia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol 47. № 3-4, 221-260.
135. Моисеенко 2003 – *Моисеенко В.Е.* Еще раз об истории слова *водка* (этимологический этюд) // *Славянский вестник*. Вып. 1. Москва, 2003, 84-95.
136. Мякишев 2000 – *Miakiszew W.* Мовы Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // *Studia Russica XVIII*. Budapest, 2000, 165-172.

137. Никитин 1999 – *Никитин О.В.* Проблемы изучения русского языка деловой письменности в научных воззрениях В.В. Виноградова // Вопросы языкознания. 1999. № 2, 113-127.
138. Никитин 2004 – *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI-XVIII вв.). Автореф. дис. ... докт. филол. Наук. Москва, 2004.
139. Никитин 2005а – *Никитин О.В.* Деловой язык русской дипломатики XVI-XVII вв. (формальные и стилеобразующие средства) // Филологические науки. 2005. № 1, 81-88.
140. Никитин 2005б – *Никитин О.В.* «Словесные ритуалы» делового языка в «Вестях-курантах» // *Studia Russica XXII.* Budapest, 2005, 239-254.
141. Новое в русской этимологии I. Москва, 2003.
142. Обнорский 1946 – *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Москва-Ленинград, 1946.
143. Обнорский 1960 – *Обнорский С.П.* Происхождение русского литературного языка старшей поры // *Избранные работы.* М, 1960, 19-33.
144. Огиенко 1911 – *Огиенко И.И.* К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом // *Русский филологический вестник.* Варшава, 1911. Т. 66, № 3-4, 352-369.
145. Огиенко 1915 – *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
146. Огиенко 1930 – *Огієнко І.* Українська літературна мова XVI-го ст. і український Крехівський Апостол. Т. 1-2. Варшава, 1930.
147. Ольшанский 1976 – *Ольшанский О.Е.* Заметки о лексических заимствованиях с опрощенной морфологической структурой в современном русском литературном языке // *Этимологические исследования по русскому языку.* Вып. 8. Под. ред. Н.М. Шанского. Москва, 1976, 116-128.
148. Орлов 1935 – *Орлов А.С.* «Телемахида» В.К. Третьяковского // XVIII век. Сборник статей и материалов. Москва-Ленинград, 1935, 5-55.
149. Павлов-Сильванский 1909 – *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. Санкт-Петербург, 1909.

150. Пауль 1960 – *Пауль Г.* Принципы истории языка. Москва, 1960.
151. Петерсон 1941 – *Петерсон М.Н.* Лекции по современному русскому литературному языку, Москва, 1941.
152. Петрунин 1990 – *Петрунин В.О.* Из истории письменно-деловой речи (Имена на *-тель* в юридических памятниках письменности Древней Руси и Петровской эпохи) // Развитие словарного состава русского языка XVIII века (Вопросы словообразования). Отв. ред. Л.Л. Кутина. Л., 1990, 38-47.
153. Пизани 1956 – *Пизани В.* Этимология. Москва, 1956.
154. Платонов 1924а – *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. Прага, 1924.
155. Платонов 1924б – *Платонов С.Ф.* Смутное время. Прага, 1924.
156. Платонов 1926 – *Платонов С.Ф.* Москва и Запад. Берлин, 1926.
157. Платонов 1995 – *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. Отв. редактор Я.Н. Щапов. 5-е изд. Москва, 1995.
158. Плющ 1961 – *Плющ П.П.* Русская «простая мова» на Украине в XVI-XVII веках // Начальный этап формирования русского национального языка. Ленинград, 1961, 219-236.
159. Полынская 1991 – *Полынская М.Н.* К истории названий мехов в русском языке (на материале таможенных книг XVII в.) // Лексические группы в русском языке XI-XVII вв. Москва, 1991, 136-141.
160. Поржезинский 1916 – *Поржезинский В.К.* Введение в языковедение. Москва, 1916.
161. Потебня 1881 – *Потебня А.Ф.* Этимологические заметки // Русский филологический вестник. Варшава, 1881. Т.6. № 3.
162. РА 1868 – Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии

Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа // Русский архив. 1868. № 7-9.

163. Райст 1966 – *Райст Э.Я.* Зависимость формы иностранных слов от языка-источника и языков-посредников в современном эстонском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Таллин, 1966.
164. Ремнева 1995 – *Ремнева М.Л.* История русского литературного языка. Москва, 1995.
165. Ремнева 2001 – *Ремнева М.Л.* О содержании курса «История русского литературного языка» // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгр. исслед. русского языка. Москва 13-16 марта 2001 г. Москва, 2001.
166. Рогаль 1968 – *Рогаль М.С.* Польська мова як джерело чеських лексичних запозичень в українських літописах XVII – 1 пол.XVIII ст. // Мовознавство. Київ, 1968. № 3.
167. Рогова 1987 – *Рогова В.Н.* К истории слов русского языка (по материалам публицистических произведений XVI в.) // Жанрово-стилевая спецификация лексики русского языка XI-XVIII вв. Красноярск, 1987, 31-37.
168. Рогожин 1979 – Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. Под ред. И с предисловием В.И. Буганова. Подготовка текста и вступительная статья Н.М. Рогожина. Москва, 1979, 7-16.
169. Рогожин 1981 – *Рогожин Н.М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV – начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1979 год. Москва, 1981, 185-209.
170. Рогожин 2003 – *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. Москва, 2003.
171. Романова 1972 – *Романова Н.П.* Вивчення українсько-польських мовних контактів у слов'янській філологічній науці // Мовознавство. Київ, 1972. № 4, 41-50.

172. Россия глазами иностранцев (XV-XVII вв.). Ленинград, 1986.
173. Русинов 1986 – *Русинов Н.Д.* Об устных нормах древнерусской литературной речи // Литературный язык Древней Руси. Ленинград, 1986, 42-55.
174. Рыбалко 2001 – *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. Дис. ... канд. ист. Наук. Волгоград, 2001.
175. Сабенина 1971а – *Сабенина А.М.* Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Москва, 1971.
176. Сабенина 1971б – *Сабенина А.М.* Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык. Источники для его изучения. Москва, 1971, 59-84.
177. Сергеев 1971 – *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв. Кишинев, 1971.
178. Сергеев 1972 – *Сергеев Ф.П.* Русская терминология международного права XI-XVII вв. Кишинев, 1972.
179. Сергеев 1973 – *Сергеев Ф.П.* Из истории русской дипломатической лексики (XVI-XVII вв.) // Лексика и фразеология. Кишинев, 1973, 24-40.
180. Сергеев 1978 – *Сергеев Ф.П.* Формирование русского дипломатического языка XI-XVII вв. Львов, 1978.
181. Сергеев 1984 – *Сергеев Ф.П.* Лексика сферы международных отношений. Киев-Одесса, 1984.
182. Серебренников 1955 – *Серебренников Б.А.* О взаимодействии языков (Проблема субстрата) // Вопросы языкознания. 1955. № 1, 7-25.
183. Смирнов 1910 – *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Санкт-Петербург, 1910.

184. Смирнов 1999 – *Смирнов В.С.* Экономика предреволюционной России в цифрах и фактах // Отечественная история. 1999. № 2.
185. Смолина 1990 – *Смолина К.П.* Лексика имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв. Москва, 1990.
186. Соболевский 1888 – *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. Москва, 1888.
187. Соболевский 1891 – *Соболевский А.И.* Русские заимствованные слова. Санкт-Петербург, 1891.
188. Соболевский 1894 – *Соболевский А.И.* [Рец.] *Булич С.К.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. I. Санкт-Петербург, 1893 // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 5.
189. Соболевский 1899 – *Соболевский А.И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII вв. Санкт-Петербург, 1899.
190. Соболевский 1903 – *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв.: Библиографические материалы. Санкт-Петербург, 1903.
191. Соболевский 1910 – *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Санкт-Петербург, 1910.
192. Соболевский 1911 – *Соболевский А.И.* 1711-1911. Ломоносов в истории русского языка. Санкт-Петербург, 1911.
193. Соболевский 1980 – *Соболевский А.И.* История русского илтературного языка. Ленинград, 1980.
194. Сорокин 1961 – *Сорокин Ю.С.* Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. // Вопросы языкознания. 1961. № 3, 22-36.

195. Сорокин 1965 – *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. Москва-Ленинград, 1965.
196. Сорокин 1966 – *Сорокин Ю.С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процессы формирования лексики русского языка (От Кантемира до Карамзина). Москва-Ленинград, 1966, 3-34.
197. Сороколетов 1970 – *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке. Ленинград, 1970.
198. Стеблин-Каменский 1953 – *Стеблин-Каменский М.И.* история скандинавских языков. Москва-Ленинград, 1953.
199. Стеблин-Каменский 1966 – *Стеблин-Каменский М.И.* К теории звуковых изменений // Вопросы языкознания. 1966. № 2, 66-79.
200. Степанов 2005 – *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 5-е, стереотипное. Москва, 2005.
201. Тамань 1953 – *Тамань В.М.* О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1953.
202. Тамань 1960 – *Тамань В.М.* Полонизмы в языке русских памятников XVI века // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 267. Серия филологических наук. Вып. 52, 98-124.
203. Тамань 1961 – *Тамань В.М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Ленинград, 1961, 197-204.
204. Тарабасова 1969 – *Тарабасова Н.И.* К изучения текстов, писанных русскими со слов нерусских // Изучение русского языка и источниковедение. Москва, 1969, 156-172.
205. Тарабасова 1986 – *Тарабасова Н.И.* Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. Москва, 1986.

206. Толстой 1961 – *Толстой Н.И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1, 52-66.
207. Толстой 1963 – *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI-XVII в.) // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов ... Доклады советской делегации. Москва, 1963, 230-272.
208. Толстой 1974 – *Толстой Н.И.* Взгляды В.В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка // Исследования по славянской филологии. Москва, 1974, 319-329.
209. Толстой 1988 – *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. Москва, 1988.
210. Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. Москва, 1997.
211. Топоров 1986 – *Топоров В.Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология 1984. Отв. ред. О.Н. Трубачев. Москва, 1986, 205-211.
212. Трофимович 2003 – *Трофимович Т.Г.* Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Минск, 2003.
213. Трубачев 1976 – *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. Москва, 1976, 147-179.
214. Трубецкой 1990 – *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2, 122-139; № 3, 114-134.

215. Унбегаун 1965/1969 – *Унбегаун Б.* Язык русского права // На темы русские и общие: Сб. статей и материала в честь проф. Н.С. Тимашева. New York. Цит. по изд.: Unbegaun 1969, 312-318.
216. Унбегаун 1970 – *Унбегаун Б.* Историческая грамматика русского языка и ее задачи // Язык и человек: Сб. статей памяти проф. П.С. Кузнецова. Москва, 1970, 262-267.
217. Унбегаун 1971 – *Унбегаун Б.* Русский литературный язык: проблемы и задачи изучения // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В. Виноградова. Ленинград, 1971, 329-333.
218. Успенский 1983 – *Успенский Б.А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Москва, 1983.
219. Успенский 1987 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка. München, 1987.
220. Успенский 1994 – *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка. Москва, 1994.
221. Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* история русского литературного языка (XI-XVII вв.). Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 2002.
222. Устюгова 1987 – *Устюгова Л.М.* Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. Москва, 1987, 90-104.
223. Ушаков 1929 – *Ушаков Д.Н.* Краткое введение в науку о языке. Москва, 1929.
224. Филин 1977 – *Филин Ф.П.* О генетическом и функциональном статусе современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1977. № 4, 3-20.

225. Флекенштейн 1963 – *Флекенштейн К.* О кальках с немецкого в современном русском литературном языке // Славянская филология. Выпуск пятый. Москва, 1963, 298-309.
226. Флекенштейн 1966 – *Флекенштейн К.* О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку. Выпуск V. Москва, 1966, 148-171.
227. Флоря 2005 – *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. Москва, 2005.
228. Хабургаев 1979 – *Хабургаев Г.А.* Русский язык // Очерки русской культуры XVII в. Москва, 1979. Ч. 2.
229. Хабургаев 1991 – *Хабургаев Г.А.* Проблема диглоссии и южнославянских влияний в истории русского литературного языка (в связи с книгой Б.А. Успенского «История русского литературного языка XI-XVII вв.*/) // Вопросы языкознания. 1991. № 2, 111-123.
230. Хауген 1972 – *Хауген Э.* Языковой контакт. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. VI. Москва, 1972, 61-80, 344-382.
231. Хаустова 1963 – *Хаустова И.С.* Из истории социальной лексики «Ведомостей» 1703 г. // Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикологии. Ленинград, 1963, 173-183.
232. Хегай 1964 – *Хегай М.А.* К понятию кальки // Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института имени Низами. Кафедра русского языкознания. 1964. Т. 45. Вып. 3, 293-300.
233. Ходакова 1981 – *Ходакова Е.П.* Изменения лексики русского литературного языка в пушкинское время // Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. Отв. ред. Ф.П. Филин. Москва, 1981, 7-182.
234. Хорошкевич 1980 – *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. Москва, 1980.

235. Худаш 1960 – *Худаш М.Л.* Спостереження над лексичними полонізмами в українській актовій мові кінця XVI – поч. XVII ст. // Дослідження і матеріали з української мови. Т. III. Київ, 1960.
236. Хютль-Ворт 1963 – *Хютль-Ворт Г.* Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений // *American contributions to the V International Congress of Slavists. The Hague, 1963, 193-212*
237. Хютль-Ворт 1968 – *Хютль-Ворт Г.* Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка К историческому анализу и классификации славянизмов // *American contributions to the VI International Congress of Slavists. The Hague, 1968, 1-23.*
238. Хютль-Ворт 1972 – *Хютль-Ворт Г.* Изменения и преемственность в образовании имен на *-тель* // *Русское и славянское языкознание: К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. Москва, 1972, 284-290.*
239. Хютль-Ворт 1973– *Хютль-Ворт Г.* Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период // *Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1973. Bd. XVIII.*
240. Хютль-Ворт 1978– *Хютль-Фольтер Г.* (= Хютль-Ворт) Диглоссия в Древней Руси // *Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1978. Bd. XXIV, 108-123.*
241. Целунова 1985а – *Целунова Е.А.* К вопросу о межславянских языковых контактах во второй половине XVII в. (на материале Псалтыри авраамия Фирсова) // *Светское славяноведение. 2. Москва, 1985, 82-89.*
242. Целунова 1985б – *Целунова Е.А.* Псалтырь 1683 года в переводе Авраамия Фирсова (филологическое исследование памятника). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1985.
243. Целунова 1987 – *Целунова Е.А.* Особенности языка одного из великорусских переводов конца XVII века с польского языка (К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси XVII века) // *Kalbotyra. XXXVIII(2). Vilnius, 1987, 14-25.*

244. Целунова 1988 – *Целунова Е.А.* К вопросу о нормированности югозападнорусского литературного языка XVI-XVII вв. // *Kalbotyga*. 39(2). Vilnius, 1988, 21-32.
245. Целунова 2006 – *Целунова Е.А.* Псалтырь 1683 г. В переводе Авраамия Фирсова. Текст, словоуказатель, исследование. Москва, 2006.
246. Черных 1953 – *Черных П.Я.* Язык уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. Москва, 1953.
247. Черных 1956 – *Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Москва, 1956.
248. Черных 1958 – *Черных П.Я.* О начале и характере формирования русского национального языка // Научн. докл. высш. школы. Филологические науки. 1958. № 3, 130-142.
249. Шанский 1955 – *Шанский Н.М.* Лексические и фразеологические кальки в русском языке // *Русский язык в школе*. 1955. № 3, 28-35.
250. Шанский 1958 – *Шанский Н.М.* Имена существительные с суффиксом *-изна* в русском языке // *Сборник статей по языкознанию*. Москва, 1958, 330-341.
251. Шанский 1959 – *Шанский Н.М.* О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке // *Вопросы истории русского языка*. Москва, 1959, 104-131.
252. Шанский 1975 – *Шанский Н.М.* Русский язык. Лексика. Словообразование. Москва, 1975.
253. Шанский 2000а – *Шанский Н.М.* В двух словах // *Русский язык в школе*. 2000. № 5, 45.
254. Шанский 2000б – *Шанский Н.М.* В двух словах // *Русский язык в школе*. 2000. № 6, 36.

255. Шанский 2001а – *Шанский Н.М.* В двух словах // Русский язык в школе. 2001. № 1, 99.
256. Шанский 2001б – *Шанский Н.М.* В двух словах // Русский язык в школе. 2001. № 6, 86.
257. Шанский 2002а – *Шанский Н.М.* В двух словах // Русский язык в школе. 2002. № 3, 101.
258. Шанский 2002б – *Шанский Н.М.* В двух словах // Русский язык в школе. 2002. № 5, 128.
259. Шанский 2004а – *Шанский Н.М.* В двух словах // Русский язык в школе. 2004. № 1, 39, 45.
260. Шанский 2004б – *Шанский Н.М.* В двух словах // Русский язык в школе. 2004. № 5, 48.
261. Шапир 1989 – *Шапир М.И.* О лингвофункциональном континууме в Древней Руси (Критические заметки по поводу «теории диглоссии») // Билингвизм и диглоссия. Москва, 1989, 54-63.
262. Шатков 1952 – *Шатков Г.В.* Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1952.
263. Шахматов 1910-1912 – *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка. Литографированное изд. лекций, читанных в С.-Петербургском ун-те в 1908-1911 гг. I-III. Санкт-Петербург, 1910-1912.
264. Шахматов 1915 – *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода в истории русского языка. Петроград, 1915.
265. Шахматов 1916а – *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Петроград, 1916.
266. Шахматов 1916б – *Шахматов А.А.* Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития

- литературного языка // История русской литературы до XIX в. Под ред. А.Е. Грузинского. Т. I. Москва, 1916, 39-63.
267. Шахматов 1925 – *Шахматов А.А.* Очерк современного русского илтературного языка. Ленинград, 1925.
268. Шахматов 1941 – *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Ленинград, 1941.
269. Шердакова 1972 – *Шердакова Л.Н.* Синонимика падежных и предложно-падежных форм с причинным значением (на материале дипломатических документов XVII-XVIII вв.) // Развитие синтаксических конструкций в русском литературном языке XVIII века. Казань. 1972, 23-29.
270. Шляпкин 1891 – *Шляпкин И.А.* Дмитрий Ростовский и его время (1651-1709 г.) Санкт-Петербург, 1891.
271. Шмелев 1973 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Москва, 1973.
272. Щерба 1957 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. Москва, 1957.
273. Щерба 1958 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Ленинград, 1958.
274. Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974.
275. Щитова 2006а – *Щитова О.Г.* Польские заимствования в томской разговорной речи XVII века // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2006. № 291, 195-199.
276. Щитова 2006б – *Щитова О.Г.* Реконструкция неисконной лексики тематической группы «военное дело» в томской разговорной речи XVII века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 5(56), 28-34.

277. Ярцева 1979 – *Ярцева В.Н.* Теория взаимодействия языков и работы У. Вайнрайха «Языковые контакты» // *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979, 5-17.
278. Auerbach 1973 – *Auerbach I.* Nomina abstracta im Russischen des 16. Jahrhunderts. München, 1973.
279. Basaj 1966 – *Basaj M.* Bohemizmy w języku pism Marcina Krowickiego. Wrocław, 1966.
280. Basaj 1978 – *Basaj M.* Cele i możliwości badań konfrontatywnych języków słowiańskich // *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 5.* Językoznawstwo. Warszawa, 1978.
281. Basaj 1979 – *Basaj M.* Stan i perspektywy badań nad wpływami na język rosyjski // *Slavia Orientalis.* Warszawa, 1979. R. XXVIII. № 1, 3-13.
282. Berg 1973 – *Berg R.* Abstrakta auf –*nie/-tie, -ka/-ok, -ost', -stvo/-stvie, -ie/-be* in den „Pis'ma i bumagi“, Peters des Grossen. München, 1973.
283. Blanár 1958 – *Blanár V.* K problémom porovnávej lexikológie slovaských jazykov // *Čekoslovenské přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě/ Praha,* 1958, 159-168.
284. Brogi Bercoff 1999 – *Brogi Bercoff G.* О языковой ситуации в Великом княжестве Литовском и в России (конец XVI – начало XVIII века) // *Studia Russica.* Budapest, 1999. XXII, 11-21.
285. Brückner 1958 – *Brückner A.* Dzieje kultury polskiej. T. II.: Polska u szczytu potęgi. Warszawa, 1958, 647-655.
286. Christiani 1906 – *Christiani W.A.* Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Diss. Berlin, 1906.
287. Damborský 2005 – *Damborský J.* K teorii kalku // *Ogród nauk filologicznych.* Opole, 2005, 119-126.

288. Derjugin 1987 – *Derjugin A.A.* Рецензия на книгу Успенский 1985 // Die Welt der Slaven 33. 1987, 412-418.
289. Deroy 1956 – *Deroy L.* L'emprunt linguistique. Paris, 1956.
290. Doroszewski 1962 – *Doroszewski W.* Studia i szkice językoznawcze. Warszawa, 1962.
291. Emeneau 1962 – *Emeneau M.B.* Bilingualism and structural borrowing // Proceedings of the American philosophical society. Philadelphia, 1962. Vol. 106, № 5, 430-442.
292. Fogarasi 1958 – *Fogarasi M.* Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488-1699) // Studia Slavica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1958. Vol. 4. № 1-2, 47-70.
293. Gaidamowicz-Mazurek 1984 – *Gaidamowicz-Mazurek A.* Polonizmy w III wyd. Słownika W. Dahla // Slavia Orientalis. 1984. R. XXXIII. № 3-4, 357-363.
294. Gardiner 1963 – *Gardiner S.C.* Translation Technique in 17-th Century Russia // Slavonic and East European Review. 1963. Vol. XLII, № 98, 110-135.
295. Gardiner 1965 – *Gardiner S.C.* German Loanwords in Russian 1550-1690. Oxford, 1965.
296. Haugen 1950a – *Haugen E.* Problems of bilingualism // Lingua. 1950. № 2, 271-290.
297. Haugen 1950b – *Haugen E.* The analysis of linguistics borrowing // Language. 1950. Vol. 26. № 2, 210-231.
298. Hüttl-Worth 1956 – *Hüttl-Worth G.* Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956.
299. Hüttl-Worth 1963 – *Hüttl-Worth G.* Foreign words in Russian. A historical sketch 1550-1800. Berkeley-Los Angeles, 1963.

300. Hüttl-Worth 1972 - *Hüttl-Worth G.* On Church Slavic interference in Russian word-formation // *The Slavic Word. Proceedings of the International Slavistic Collouuium at UCLA, September 11-16, 1970.* Ed. by D.S. Worth. The Hague-Paris, 1972.
301. Hüttl-Worth 1978 - *Hüttl-Worth G.* Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen // *Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblëta.* Lisse, 1978.
302. Issatschenko 1980-1983 – *Issatschenko A.V.* Geschichte der russischen Sprache. I-II. Heidelberg, 1980-1983.
303. Jakobson 1952 – *Jacobson R.* New Slavic Etymological Dictionaries // *Word.* 1952. Vol. 8. № 4, 387-394.
304. Jespersen 1925 – *Jespersen O.* Die Sprache ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925.
305. Karzarnowicz 2002 – *Karzarnowicz J.* [Rec.] Wiesław Witkowski. Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków, 1999 // *Acta Polono-Ruthenica VII.* Olsztyn, 2002, 290-293.
306. KD (I-IV) 1971-1974 – *Kochman S.* Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487-1571), cz. I-IV // *Spawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B.* Opole, 1971. № 7, 37-54; 1972. № 8, 63-74; 1973. № 9, 33-42; 1974. № 10, 15-27.
307. Kiparsky 1975 – *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. III. Heidelberg, 1975.
308. Kochman 1963 – *Kochman S.* Przyczynek do dziejów leksykografii rosyjskiej. Słownik Siemionnikowa z XVII wieku // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska II.* Opole, 1963, 121-146.

309. Kochman 1964 – *Kochman S.* Z historii polsko-rosyjskich kontaktów językowych // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska III.* Opole, 1964, 107-142.
310. Kochman 1965 – *Kochman S.* Polskie zapożyczenia w moskiewskiej redakcji „Statutu Litewskiego“ // *Sprawozdanie Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B.* Opole, 1965. № 1, 34-36.
311. Kochman 1967 – *Kochman S.* Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław, 1967.
312. Kochman 1969 – *Kochman S.* Некоторые вопросы изучения истории польско-русских языковых связей в области лексики // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska VI.* Opole, 1969, 129-141.
313. Kochman 1970 – *Kochman S.* Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska VII.* Opole, 1970, 69-78.
314. Kochman 1971 – *Kochman S.* Polonica w leksykografii staroruskiej // *Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B.* Opole, 1971. № 7, 5-8.
315. Kochman 1972a – *Kochman S.* Z historii wyrazów rosyjskich (*бытность, воображение, врожденный, понятие, понятность*) // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska VIII.* Opole, 1972, 103-120.
316. Kochman 1972b – *Kochman S.* Wasilij Trediakowski w kręgu polskich wpływów językowych // *Acta Universitatis Wratislaviensis III.* Wrocław, 1972, № 3, 39-54.
317. Kochman 1972c – *Kochman S.* Dzieje wyrazów rosyjskich. 1. *Роскошь* // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska IX.* Opole, 1972, 5-18.

318. Kochman 1973a – *Kochman S.* О языке первых пьес театраю Полонизмы // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XI.* Opole, 1973, 83-99.
319. Kochman 1973b – *Kochman S.* Słownictwo polskie w XVII – wiecznych słownikach rosyjskich // *Zeszyty Naukowo-Dydaktyczne VI. HumanistykaII.* Białystok, 1973, 37-51.
320. Kochman 1973c – *Kochman S.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe (XVI-XVIII wiek)a wpływy romańskie w słowiańskich językach literackich // VII Międzynarodowy Kongres Slawistów. Streszczenia referatów i komunikato. Warszawa, 1973, 89-90.
321. Kochman 1974a – *Кохман С.* К вопросу о неославянизмах // Проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Москва, 1974, 154-162.
322. Kochman 1974b – *Kochman S.* Z zagadnień czeko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych // *Studia Śląskie. Seria Nowa XXVI.* 1974, 145-159.
323. Kochman 1975a – *Kochman S.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII wieku. Wrocław, 1975.
324. Kochman 1975b – *Kochman S.* Латынь как источник польско-русских словесных калек // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XII.* Opole, 1975, 19-27.
325. Kochman 1975c – *Kochman S.* Polonica w leksykografii rosujskiej XVII wieku. Wrocław, 1975.
326. Kochman 1975b – *Kochman S.* Из истории литературоведческой терминологии в русском языке // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XIV.* Opole, 1975, 47-58.
327. Kochman 1976a – *Kochman S.* К истории литературоведческой терминологии в русском языке // *Acta Universitas Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia VI.* Wrocław, 1976. № 270, 87-107.

328. Kochman 1976b – *Kochman S.* Из истории русской лексики (*благосостояние, впечатление, обнародование, обстоятельство*) // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XIII. Opole, 1976, 71-79.
329. Kochman 1976c – *Kochman S.* Z problematyki wschodniosłowiańsko-polskich związków leksykalnych // Języki i literatury wschodniosłowiańskie. Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Naukowej. Łódź, 1976, 32-41.
330. Kochman 1977a – *Kochman S.* Z dziejów terminologii sądowniczej w językach wschodniosłowiańskich (*право, повод*) // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XV. Opole, 1977, 73-86.
331. Kochman 1977b – *Kochman S.* Из истории слов. Русское «разница» ‘differentia’ и родственные образования // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XV. Opole, 1977, 87-93.
332. Kochman 1977c – *Kochman S.* Z badań nad słownictwem wschodniosłowiańskim // Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział Języka i Literatury. Seria B. Opole, 1977. № 13, 43-50.
333. Kochman 1977d – *Kochman S.* „Podly“ i jego innosłowiańskie nawiązania // Poradnik Językowy. 1977. 1. 10(354), 425-432.
334. Kochman 1978a – *Kochman S.* Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI-XVIII wieku (*грамота, лист*) // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XVI. Opole, 1978, 73-86.
335. Kochman 1978b – *Kochman S.* Przyczynek do dziejów deriwatów na –*ение* w języku rosyjskim: «поведение» // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XVI. Opole, 1978, 87-96.
336. Kochman 1978c – *Kochman S.* Niezauważone kalki w języku rosyjskim: «относиться» - «отношение» // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologija Rosyjska VII. Gdańsk, 1978, 129-136.

337. Kochman 1978d – *Kochman S.* О новых словах в русском языке XVIII века (*легковерие, легкомыслие, суеверие*) // *Slavia Orientalis*. 1978. R. XXVII. № 3, 401-403.
338. Kochman 1978e – *Kochman S.* Wschodniosłowiańsko-polskie stosunki leksykalne od XVI do XIX wieku (zarys problematyki) // *Z Polskich Studiów Slawistycznych V*. Warszawa, 1978, 255-261.
339. Kochman 1979a – *Kochman S.* Ros. «рассудок» i jego słowiańskie nawiązania // *Studia Rossica Posnaniensia* 1978. Z. X Poznań, 1979, 67-75.
340. Kochman 1979b – *Kochman S.* Niezauważone kalki z języku rosyjskim: «заниматься» - «занятие» // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologija Rosyjska VIII*. Gdańsk, 1979, 143-159.
341. Kochman 1980a – *Kochman S.* К истории культурной лексики в восточнославянских языках: «наука» ‘scientia’ // *Slavia Orientalis*. 1980. R. XXIX. № 3, 115-120.
342. Kochman 1980b – *Kochman S.* Europejskie elementy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologija Rosyjska IX*. Gdańsk, 1980, 107-118.
343. Kochman 1984a – *Kochman S.* Rosyjskie composita z członem – *ведение* (geneza i rozwój) // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologija Rosyjska XII*. Gdańsk, 1984, 81-93.
344. Kochman 1984b – *Kochman S., Sz nigier Cz.* Czy ros. «присяга» ‘prysięga’ jest polonizmem? // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Wydział Humanistyczny. Filologija Rosyjska XII*. Gdańsk, 1984, 95-104.
345. Kochman 1988a – *Kochman S.* Pol. „inteligencja“, ros. «интеллигенция» ‘warstwa społeczna ludzi wykształconych zajmujących się zamodowo prądą umysłową’ – nazwy rodzime czy zapożyczone (z badań nad słowiańskim słownictwem kulturowym) // *Wokół języka. Pozprawy i studia poświęcone pamięci Prof. Mieczysława Szymaka*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1988, 211-220.

346. Kochman 1988b – *Kochman S.* Rola i miejsce języków ukraińskiego i białoruskiego w kontaktach językowych polsko-rosyjskich (XVI-XIX w.) // X Международный конгрес на славистите. Резюмете на докладите. София, 1988, 162-163.
347. Kochman 1989 – *Kochman S.* O wyrazach typu «столкновение» w historii języka rosyjskiego // Z problemów ewolucji współczesnych języków słowiańskich w aspekcie socjolingwistycznym. Warszawa, 1989, 25-42.
348. Kochman 1991a – *Kochman S.* Niezauważone polonizmy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej (XVI-XVII w.) // Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B. Opole, 1991. № 23, 29-35.
349. Kochman 1991b – *Kochman S.* Z dziejów terminologii filozoficznej w języku polskim: „postęp“ – „postępowy“ // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Językoznawstwo XIII. Onomastyka. Historia języka. Dialektologia. Opole, 1991, 415-420.
350. Kochman 1993 – *Kochman S.* Słowiańskie słownictwo literackie w nurcie europejskim (paralele polsko-rosyjskie: pol. „pomnik“ i ros. «памятник») // Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Wydział II Języka i Literatury. Seria B. Opole, 1993. № 24, 25-27.
351. Kochman 1994a – *Kochman S.* К вопросу о кальках в русском литературном языке: глагол «притязать» и родственные слова // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XXXIII. Opole, 1994, 55-61.
352. Kochman 1994b – *Kochman S.* Европейское лексическое наследие в русском литературном языке (культурный аспект) // Русский язык и литература в диалогe культур. Regensburg, 1994, 224-225.
353. Kochman 2003 – *Kochman S.* К вопросу о кальках в истории русского литературного языка (заметки на полях одного исследования) // Wokół struktury słowa. Red. A. Pstyga. Gdańsk, 2003, 25-36.

354. Kochman 2005a – *Kochman S.* Studia nad słownictwem i frazeologią słowiańską. Opole, 2005.
355. Kochman 2005b – *Kochman S.* Из истории германизмов в русском литературном языке – *необходимость* и родственные слова // *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Т. II. Red.A. Pstyga. Gdańsk, 2005, 35-43.
356. Kochman 2006 – *Kochman S.* Из церковнославянского наследия в истории русского языка (*прозябать – прозябание*) // *Glottodydaktyka i jej konteksty interkulturowe*. Warszawa, 2006, 145-150.
357. Kochman 2007 – *Kochman S.* Из истории русской лексики (два германизма *переживать, надломленный*) // *W krangu teorii i praktyki lingwistycznej*. Pod red. S. Gruczy. Warszawa, 2007, 165-168.
358. Kosta 1982 – *Kosta P.* Eine russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. München, 1982.
359. Lachur 1976 – *Lachur Cz.* Polonizmy w języku A.D. Kantemira // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologija Rosyjska XIII*. Opole, 1976, 81-93.
360. Leeming 1963 – *Leeming H.* Polish and Polish-Latin Medical Terms in Pro-Petrine Russian // *The Slavonic and East European Review XLII*. № 98. December, 89-109.
361. Leeming 1976 – *Leeming H.* Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław, 1976.
362. Lehr-Spławiński 1929 - *Lehr-Spławiński T.* Dzieje języków literackich słowiańskich. II. Język rosyjski // *Brückner A., Lehr-Spławiński T.* Zarys dziejów literatu i języków literackich słowiańskich. Lwów, 1929.
363. Lehr-Spławiński 1938 - *Lehr-Spławiński T.* Wzajemne wpływy polsko-ruskie w dziedzinie językowej // *Szkice z dziejów, rozwoju i kultury języka polskiego*. Lwów-Warszawa, 1938.

364. Łesiów 1976 – *Łesiów M.* Wpływ polski na wschodniosłowiańskie języki literackie XVII w. // *Języki i literatury wschodniosłowiańskie. Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Naukowej (Łódź, 14-15 czerwca 1976 w.)*. Łódź, 1976, 43-50.
365. Łoś 1925 – *Łoś J.* Gramatyka polka. Cz. II. Lwów-Warszawa-Kraków, 1925.
366. Moser 2007 – *Moser M.* Philologie als Schlüssel zu den nach morphologischen Prinzipien adaptierten Polonismen im Russischen // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2007. Vol. 52. № 1-2, 299-308.
367. Nilsson 1964 – *Nilsson N.Å.* Russian Heraldic Virši from the 17-th Century. Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1964.
368. Odrobińska 2002 – *Odrobińska T.* Синтаксические особенности Псалтыри Авраамия Фирсова 1683 г. на примере сложноподчиненных предложений образа действия, меры и степени (материал псалмов 101-150) // *Slavia Orientalis*. 2002. R. LI. № 1, 61-84.
369. Odrobińska-Dudek 2001 - *Odrobińska-Dudek B.* Семантический анализ некоторых польско-русских межъязыковых соответствий // *Slavia Orientalis*. 2001. R. L. № 3, 431-452.
370. Pennington 1980 – *Pennington A.E.* Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstwowanie Alekseja Mixajloviča. Text and commentary. Oxford, 1980.
371. Przytulecka 1978 – *Przytulecka M.* Polonizmy leksykalne w dzienniku podróży B.P. Szeriemietiewa z lat 1697-1699 // *Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego XI*. Wrocław, 1978.
372. Reczek 1961 – *Reczek J.* [Rec.] Rosyjska rozprawka o polonizmach w języku rosyjskim XVI w. W.M. Tamań (w artykule *Polonizmy w języku russkich pamiatnikow XVI wieka*. Ленинград, 1960) // *Język polski*. Kraków, 1961. T. XLI. № 2, 152-153.
373. Reczek J. 1968 – *Reczek J.* Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku. Wrocław-Warszawa- Kraków, 1968.

374. Reistak 1963 – *Reistak A.* Entlehnungen aus germanischen Sprachen in der russischen Lexik des 15.-17. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Slavistik VIII.* 1963. № 1, 33-49.
375. Richter 1919 – *Richter E.* Fremdwortkunde. Leipzig, 1919.
376. Rytter 1969 – *Rytter G.* O asymilacji samogłosek nosowych –ę- i –ą- w wyrazach zapożyczonych przez język rosyjski z polskiego // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne. Seria I.* Łódź, 1969. Z. 64, 105-115.
377. Rytter 1973 – *Rytter G.* Przyczynki do historii leksyki rosyjskiej XVI-XVII wieku // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne. Seria I.* Łódź, 1973. Z. 97, 43-50.
378. Shevelov 1979 – *Shevelov G.Y.* A Historical Phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.
379. Shevelov 1987 – *Shevelov G.Y.* Несколько замечаний о грамоте 1130 года и несколько суждений о языковой ситуации Киевской Руси // *Russian Linguistics* 11. 1987, 163-178.
380. Sławski 1954 – *Sławski F.* [Rec.] Polonica w Słowniku etymologicznym języka rosyjskiego Maksa Vasmera, cz. I // *Język polski.* Kraków, 1954. T. XXXIV. № 2, 133-136.
381. Sławski 1956 – *Sławski F.* [Rec.] Polonica w Słowniku etymologicznym języka rosyjskiego Maksa Vasmera, cz. II // *Język polski.* Kraków, 1956. T. XXXVI. № 1, 70-73.
382. Sławski 1958 – *Sławski F.* [Rec.] Polonica w Słowniku etymologicznym języka rosyjskiego Maksa Vasmera, cz. III // *Język polski.* Kraków, 1958. T. XXXVIII. № 3, 228-230.
383. Sobik 1969 – *Sobik M.-E.* Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. Und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969.

384. Stang 1935 – *Stang C.* Die westrussische Kanzleisprache des Grobfürstentums Litaen. Oslo, 1935.
385. Stang 1939 – *Stang C.* Die altrussische Urkundensprache der Stand Polozk. Oslo, 1939.
386. Sulan 1963 – *Sulan B.* Zu einigen Fragen des Bilinguismus // *Slavica* III. Debrecen, 1963, 3-19.
387. Thomas 1978 – *Thomas G.* Middle Low German Loanwords in Russian. München, 1978.
388. Unbegaun 1978 – *Unbegaun B.O.* Le calque dans les langues slaves littéraires // *Revue des Études slaves*. 1932. Vol. 12. Fasc. 1-2, 19-48.
389. Unbegaun 1950 – *Unbegaun B.O.* Разговорный и литературный русский язык // *Oxford Slavonic papers*. 1. Oxford, 1950, 26-36.
390. Unbegaun 1957/1969 – *Unbegaun B.O.* Russe et savon dans la terminologie juridique // *Revue des Études slaves*. 1957. Vol. XXXIV. Цит. по изд.: Unbegaun 1969, 176-184.
391. Unbegaun 1964 – *Unbegaun B.O.* L'héritage cyrillo-méthodien en Russie // *Cyrillo-Methodiana: Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 863-1963*. Köln-Graz, 1964, 470-482.
392. Unbegaun 1965 – *Unbegaun B.O.* Le russe littéraire, est-il d'origine russe? // *Revue des Études slaves*. 1965. Vol. 44. 19-28.
393. Unbegaun 1968 – *Unbegaun B.O.* Язык русской литературы и проблемы его развития // *Communications de la délégation française et de la délégation suisse VI-e Congrès International des slavistes*. Prague, 7-13 août, 1968. Paris, 1968, 126-139.
394. Unbegaun 1969 – *Unbegaun B.O.* Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969.

395. Unbegaun 1973 – *Unbegaun B.O.* The Russian Literary Language: A Comparative View // *The Modern Language Review*. 1973. LXVIII. № 4, 19-25.
396. Vasmer 1953-1958 – *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-III. Heidelberg, 1953-1958.
397. Witkowski 1969 – *Witkowski W.* Język utworów Joanniejucza Galatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII w. Kraków, 1969.
398. Witkowski 1991 – *Witkowski W.* Zapożyczenia z polskiego w języku rosyjskim pierwszej połowy XVIII w. A wyrazy pochodzenia polskiego w „Leksikone“ F. Polikarpowa-Orłowa (Moskwa 1704) // *Przemiany w Polsce, Rosji, na Ukrainie, Białorusi i Litwie (druga połowa XVII – pierwsza XVIII w.)*. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1991, 134-141.
399. Witkowski 1992 – *Witkowski W.* Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego // *Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII*. Warszawa, 1992, 263-270.
400. Witkowski 1999 – *Witkowski W.* Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków, 1999.
401. Witkowski 2006 – *Witkowski W.* Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Wyd. II rozszerzone. Kraków, 2006.
402. Worth 1975 – *Worth D.S.* Was there a “literary language” in Kievan Rus’? // *Russian Review*. 1975. Vol. 34. № 1, 1-9.
403. Worth 1983 – *Worth D.S.* The prigins of Russian Grammar. Columbus, 1983.
404. Zarowska 1981 – *Zarowska E.* Najnowsze koncepcje powstania nowego rosyjskiego języka literackiego // *Slavia Orientalis*. 1981. R. XXX. № 4, 403-408.
405. Zoltán 1987 – *Zoltán A.* Fejezetek az orosz szókincs történetéből. Из истории русской лексики. Budapest, 1987.

Словоуказатель

АЖЪ, АЖ.....	234, 511
БЪГЪ.....	511, 76
БРОНИТИ.....	459, 511
ВАЛИТИСЯ.....	270, 511
ВВЕСТИ.....	142, 511
ВВОДИТИ.....	349, 511
ВЕЖА.....	473, 512
ВЕСЕЛЬЕ.....	396, 512
ВЗАЕМЪ.....	225, 512
ВИЛКИ.....	238, 512
ВКИНУТИСЯ.....	272, 512
ВОДКА.....	474, 512
ВОЕВОДА.....	399, 512
ВОЕВОДСТВО.....	427, 512
ВОЗНИКЪ.....	239, 512
ВОНЬ, ВОНЯ.....	79, 512
ВЫ.....	512
ВЫБИРАТИ.....	490, 512
ВЫБОРЪ.....	323, 512
ВЫБРАТИ.....	512
ВЫВЪДАТИ, ВЫВЕДАТИ.....	123, 513
ВЫНОСИТИ.....	145, 513
ВЫПИСЬ.....	81, 513
ВЫТИСНУТИ.....	147, 350, 513
ГЛУБОКИЙ.....	260, 513
ГОДНОСТЬ.....	474, 513
ГОЛОВНОЙ.....	410, 513
ДВОРЪ.....	476, 513
ДВОРЯНИНЪ, ДВОРЕНИНЪ, ДВОРАНИНЪ.....	513
ДО.....	228, 514
ДОБРОДЕЙ.....	477, 514
ДОВОДЪ.....	514
ДОВОДИТИ.....	514
ДОМЪ.....	514
ДОНЕСТИ.....	514
ДОНОСИТИ.....	515
ДОСТАВИТИ.....	149, 515
ДОСТАТИ.....	515
ДОСТУПИТИ.....	515
ДОХОЖЕНЬЕ.....	241, 515
ДРЕВЦО (ДРЕВЦЕ).....	324, 516
ЖАЛОБА.....	429, 516
ЖАРЪ.....	242, 516
ЖЕ.....	465, 516
ЖИВНОСТЬ.....	468
ЖИВОТНЫЙ.....	126, 516
ЗА.....	516
ЗАБАВЛИВАТИСЯ.....	414, 516
ЗАБАВЛЯТИ.....	416, 516
ЗАБАВЛЯТИСЯ.....	150, 516
ЗАБАВНЫЙ.....	128, 516
ЗАБЪГЪ.....	516, 83
ЗАБИВАТИ.....	152, 516
ЗАБИТИ.....	491, 516
ЗАБОРОНА.....	244, 516

ЗАБОРОНИТИ	492, 517
ЗАВЕСА, ЗАВЕСЬ	85, 517
ЗАДАВАТИ	154, 517
ЗАЖИТИ	352, 517
ЗАЙТИ	273, 517
ЗАКАЗЪ	246, 431, 517
ЗАКАЗАТИ	417, 517
ЗАКОННИКЪ	401, 517
ЗАКУПИТИ	156, 517
ЗАМОКЪ	469
ЗАПЛАТА	468
ЗАПОМНИТИ	419, 517
ЗАСЪДАТИ, ЗАСЕДАТИ	158, 517
ЗАСЕСТИ	354, 517
ЗБИТИ	355, 517
ЗГЛАДИТИ	518
ЗГОДИТИСЯ	160, 468, 518
ЗНАКЪ	518
З(Н)АЛЪЗТИ, З(Н)АЛЪСТИ	518
ИМЪНИЕ(-ЪЕ), ИМЕНИЕ(-ЪЕ)	247, 518
ИМЪТИ, ИМЕТИ	162, 356, 518
КОЛО	518
КОМОРА	518
КОНЕЧНО	519
КОНЕЧНЫЙ	519
КРИЧАТИ	164, 446
КРОВНЫЙ	447, 519
КУСТОДИЯ (-ЪЯ)	249, 519
ЛЕЖАТИ	470
ЛЕКАРСТВО	87, 519
ЛИСТЬ	519
ЛОМАТИ	166, 520
ЛЮБОВЪ	326, 520
МАННА	520
МАТИЦА	328, 520
МЪСТО, МЕСТО	520
МЪТИ, МЕТИ	359, 520
МЪШАТИ, МЕШАТИ	168, 274, 520
МЪШКАНЪЕ, МЕШКАНЪЕ	478, 521
МЪШКАТИ, МЕШКАТИ	521
МИГНУТИ	276, 521
МИЛОСТИВОЙ, МИЛОСТИВЫЙ	130, 521
МИЛОСТЬ	521
МИМО	229, 317, 521
МОЛВА	329, 522
МОЛЧАТИ	278, 522
МОЧЪ	90, 522
МУЗИКА, МУЗЫКА	522
НАВОДИТИ	280, 522
НАДЪ	318, 522
НАДЛЕЖАТИ	493, 522
НАКЛАДЪ	403, 522
НАКЛОНИТИ	169, 522
НАЛЕЖАТИ	522
НАМЕТЪ	251, 523
НАРЕКАТИ	172, 523
НАУКА	523
НЕВОЛ(Ъ)НО	523
НЕЗГОДА	523

НЕПРИСТОЙНЫЙ	487, 523
НЕПРИЯЗНЬ	253, 523
НЕПРИЯТЕЛЬ	524
НЕСЛЫХАННЫЙ	261, 524
НЕСПЕШНО	313, 524
НОВИНА	524
ОБИРАТИ	524
ОБЛЕЧИ	524
ОБОЗЪ	255, 524
ОБОЗНЫЙ	132, 524
ОБОЙТИСЯ	173, 525
ОБРАТИ	525
ОБУХЪ	93, 525
ОБУШЕКЪ, ОБУШОКЪ	95, 525
ОБЯЗАТИ	495, 525
ОПИСАТИ	360, 525
ОПИСОВАТИ	281, 525
ОПИСОВАТИСЯ	283, 525
ОПИСЫВАТИ	175, 525
ОПИСЫВАТИСЯ	176, 526
ОПРАВИТИ	461, 526
ОРГАН(Ы)	526
ОСОБА	479, 526
ОТБИТИ	284, 526
ОТВЕСТИСЯ	286, 526
ОТДАЛЕНЬЕ	330, 526
ОТМЪННЫЙ	263, 412, 526
ОТСЛУЖИТИ	287, 526
ПАПЕЖСКИЙ	526
ПАРСОНА, ПАРСУНА, ПЕРСОНА	527
ПЕНЯ	433, 527
ПЪНЯЗЪ	527
ПЕРЕКИНУТИСЯ	178, 527
ПЕРЕКРЕСТИТИ	288, 527
ПЕРЕПУСТИТИ	361, 527
ПЕРЕПУЩАТИ	363, 527
ПИСАТИСЯ	179, 527
ПОБЛИЗКУ	227, 527
ПОВѢТРИЕ(-ЕЕ), ПОВЕТРИЕ(-ЕЕ)	527
ПОВИННОСТЬ	436, 527
ПОВОЛЬНЫЙ	527
ПОГАНСТВО	527
ПОДАТИСЯ	364, 528
ПОДВОДА	97, 528
ПОДДАННЫЙ	528
ПОДНОСИТИ	365, 528
ПОДНОСИТИСЯ	291, 528
ПОДХВАТИТИ (ПОТХВОТИТИ)	182, 528
ПОДЪЗДЪ	528
ПОЖИТОКЪ	481, 528
ПОЗВОЛИТИ	528
ПОКОЙ	529
ПОКОРНЫЙ	449, 529
ПОЛНИТИ	293, 529
ПОЛНОСТЬ	99, 529
ПОЛОЖЕНИЕ	406, 529
ПОЛ(Ь)НЫЙ	452, 529
ПОЛ(Ь)СКИЙ	454, 455
ПОМЪШАТИ	184, 530

ПОМЪШАТИСЯ, ПОМЕШАТИСЯ	294, 530
ПОРОЖЖИЙ, ПОРОЗЖИЙ, ПОРОЖИЙ, ПОРОЖНИЙ	134, 530
ПОРОХЪ	530
ПОРОХОВОЙ	456, 530
ПОРУТЧИКЪ	530
ПОРЮТИТИ	367, 530
ПОСЪДАТИ, ПОСЕДАТИ	185, 530
ПОСЪСТИ	188, 530
ПОСПЪХЪ	438, 531
ПОСПЕШАТИСЯ	190, 531
ПОСПОЛИТЫЙ	488, 531
ПОСТАВЛЕНЬЕ	257, 531
ПОСТАНОВИТИ	531
ПОСТУПАТИ	531
ПОСТУПИТИСЯ	470
ПОСТУПОКЪ	482, 531
ПОСЯГЪ	100, 531
ПОТЕХА	332, 531
ПОТРАТИТИ	192, 531
ПОТУГА	468
ПРАВО	531
ПРЕЗЪ	392, 532
ПРИДАТИ	194, 532
ПРИКЛАДЪ	470
ПРИКЛОНИТИСЯ	296, 532
ПРИКЛОНЯТИСЯ	297, 532
ПРИЛУЧИТИСЯ	196, 532
ПРИНАЛЕЖАТИ	496, 532
ПРИСТАТИ	198, 532
ПРИСТОЯТИ	532
ПРИСЯГА	532
ПРИХОДЪ	334, 533
ПРИЧИНА	533
ПРИЧИНИТИСЯ	533
ПРИШЛЫЙ	533
ПРОВАДИТИ	471
ПРОКЛЯТСТВО	533
ПУСКАТИ	369, 533
ПУШКАРСКИЙ	533
ПЫШНЫЙ	468
РАБОТНЫЙ	265, 534
РАЗШИРЕНИЕ, РАЗШЫРЕНИЕ, РАСШИРЕНИЕ	102, 534
РАСХОДЪ, РОЗХОДЪ, РОСХОДЪ	471
РЪЧЬ	534
РИМЛЯНИНЪ	534
РОБИТИ	463, 534
РОВНО	384, 534
РОВНОСТЬ	336, 534
РОВНЫЙ	268, 534
РОЗНИТИСЯ	199, 534
РОЗНОСТЬ	441, 534
РОЗНЯТИ	202, 535
РОЗОРВАТИ	535
РОЗОРВАТИСЯ	203, 535
РОЗРЫВАТИ	205, 535
РОЗКАЗАНЬЕ, РОСКАЗАНЬЕ, РОССКАЗАНЬЕ	535
РОЗКАЗАТИ	535
РОКЪ	535
РОСКАЗЫВАТИ	535

РУШАТИСЯ.....	370, 535
РУШИТИСЯ.....	535
РЫСЬ.....	105, 535
СЪ.....	320, 460
САМОВОЛ(Ь)НИКЪ.....	536
СВЯТО.....	443, 536
СЕКРЕТЪ.....	483, 536
СКАРБЪ.....	536
СКЛАДЪ.....	445, 536
СКЛОНИТИ.....	421, 537
СКЛОНИТИСЯ.....	424, 537
СКРЫНА.....	484, 537
СКУПО.....	315, 537
СЛОЖИТИ.....	299, 537
СЛУШНЫЙ.....	537
СМЪШЛЕННО.....	386, 537
СОЙТИСЯ.....	372, 537
СОРВАТИ.....	206, 537
СОСЕДНОЙ.....	136, 537
СПЪШИТИ, СПЕШИТИ.....	300, 537
СПЛЕТАТИСЯ.....	302, 537
СПРАВИТИ.....	537
СПРАВИТИСЯ.....	208, 304, 537
СПРОВАДИТИ.....	373, 538
СРУБИТИ.....	305, 538
ССАДИТИ.....	307, 538
СТАВАТИ.....	309, 538
СТАНЪ.....	538
СТАНОВИТИ.....	538
СТАРОСТВО.....	538
СТИНАТИ.....	375, 538
СТОРОНА.....	107, 539
СТОЯТИ.....	376, 539
СТРАДНИКЪ.....	337, 539
СТРАЖНИКЪ.....	339, 539
СТРЕЛЬБА.....	539
СТЯТИ.....	378, 539
ТАЛАНТЪ.....	408, 539
ТЕШИТИ.....	210, 539
ТЪШИТИСЯ, ТЕШИТИСЯ.....	212, 539
ТИТЛА, ТИТЛО.....	539
ТО.....	124, 540
ТРАТИТИ.....	214, 540
ТУРЪ(-А(?)).....	471
ТУТЪ.....	389, 540
ТЯНУТЫЙ.....	138, 540
УВЯЗИТИ.....	469
УЗНАНЪЕ.....	469
УКЛОНИТИСЯ.....	379, 540
УЛОЖЕНЪЕ.....	109, 540
УМЕТИ.....	311, 540
УПРОСИТИ.....	215, 541
УПРОШАТИ.....	217, 541
УРВАТИ.....	382, 541
УРВАТИСЯ.....	383, 541
УРОСТАТИ.....	219, 541
УРЯДЪ.....	541
УСТЫДИТИСЯ.....	221, 541
УТЕКАНЪЕ.....	111, 541
УТЪСНЕНИЕ(-ЪЕ), УТЕСНЕНЪЕ.....	113, 541

ХОРОНГА, ХОРОНГВЬ, ХОРУГВЬ, ХОРУХВЬ	541
ХОТНЫЙ	140, 541
ЦЪЛОСТЬ	116, 542
ЦЕСАРСКИЙ	542
ЦЕСАРЬ	542
ЧАСЬ	341, 542
ЧАСТНЫЙ	345, 542
ЧАТА	542
ЧЕРЕЗЪ	231, 542
ЧЛЕНЪ	118, 542
ШЕЯ	120, 542
ШИРИТИСЯ	223, 542
ШИРОКИЙ	347, 543
ШИРОКО	391, 543
ШТУКА	486, 543
ШУМЪ	122, 543
ЯКИЙ, ЯКОЙ	344, 543